

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2021. № 465. Апрель

• ФИЛОЛОГИЯ

• ИСТОРИЯ

• ПЕДАГОГИКА

• ПРАВО

• PHILOLOGY

• HISTORY

• PEDAGOGICS

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2021. № 465. April

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь); В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.; С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук, проф.; Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; А.И. Потекаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор Издательства ТГУ; С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.; П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьяна, канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prokumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prokumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Баребина Н.С., Зырянова И.Н. Логический аргумент VS приемлемый аргумент: к обоснованию исследовательского подхода в анализе критики научного текста	5
Леонтьева Т.В., Мокиенко В.М. Метафора болота в характеристиках социума	13
Лесняк М.В., Товкаленко А.А. Коммуникативные стратегии англоязычного спикера в научно-популярном медиадискурсе (на примере материалов проекта Ted Conference)	22
Нестерова Н.Г., Сабаяева Ю.С. Публичная страница радиостанции в социальной сети как текст в структуре радиодискурса (на примере публичной страницы «Радио Сибирь» в социальной сети «ВКонтакте»)	29
Чагина А.П. Кинодискурс в поэтике романа М. Пуига «Любовь в Буэнос-Айресе»	37
Шереметьева З.В. Русский производный предлог «под видом» в сравнении с французским предложным аналогом «sous (le) couvert de»: когнитивный подход	45

ИСТОРИЯ

Афанасьев А.Л. Общества трезвости Среднего Урала в 1907–1914 гг. (Верхотурский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский уезды Пермской губернии)	52
Ахмедов Т.А. Референдум о независимости Южного (иракского) Курдистана в 2017 г.: истоки, ход, итоги и последствия	58
Базылева С.П., Фантров П.П., Петров В.П. Кавказско-Каспийский и Центрально-Азиатский регионы в мировом геополитическом противостоянии	66
Буриаков В.А. Жертвоприношение духу-хозяину воды в религиозно-мифологической системе хакасов (конец XIX – середина XX вв.)	71
Данилов И.Б. Крестьянское сопротивление как причина неэффективности государственной политики по формированию волостных бюджетов Сибири в период НЭПа	80
Кежутин А.Н. Опыт реконструкции коллективной биографии нижегородских медиков рубежа XVIII–XIX вв.	87
Конов К.А. Образы Великобритании и Франции в политических дискурсах антибольшевистского движения на востоке России в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.)	92
Лыдин Н.Н. Основные подходы к проблеме хронологии теории «военной революции» в современных англоязычных и отечественных исследованиях	101
Машковцев А.А., Машковцева В.В. Конфессиональная политика российских властей в отношении старообрядческой книжности во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Вятской губернии)	106
Мирошников С.Н. Проблемы становления и реформирования системы образования в Республике Таджикистан в 2000–2020 гг.	116

CONTENTS

PHILOLOGY

Barebina N.S., Zyryanova I.N. Logical Argument vs Acceptable Argument: Towards the Research Approach to the Analysis of Criticism in Scientific Text	5
Leontyeva T.V., Mokienko V.M. The SWAMP Metaphor in Characteristics of Society	13
Lesnyak M.V., Tovkalenko A.A. Communication Strategies of an English Speaker in Popular Science Media Discourse (Based on TED Conference Materials)	22
Nesterova N.G., Sabaeva Yu.S. The Public Page of a Radio Station in a Social Network as a Text in the Structure of Radio Discourse (On the Example of the Public Page of Radio Sibir' in VKontakte)	29
Chagina A.P. Cinema Discourse in the Poetics of Manuel Puig's <i>The Buenos Aires Affair</i>	37
Sheremeteva Z.V. The Russian Derivative Preposition "pod vidom" Compared to Its French Prepositional Analogue "sous (le) couvert de": A Cognitive Approach	45

HISTORY

Afanasev A.L. Temperance Societies in the Middle Urals in 1907–1914 (Verkhotur'sky, Irbit'sky, Kamyshlov'sky, Shadrinsk'y Uyezds of Perm Province)	52
Akhmedov T.A. 2017 South (Iraqi) Kurdistan Independence Referendum: Causes, Course, Results and Impact	58
Bazyleva S.P., Fantrov P.P., Petrov V.P. Caucasus-Caspian and Central Asian Regions in the Global Geopolitical Confrontation	66
Burnakov V.A. Sacrifices to the Spirit Master of Water in the Religious and Mythological System of the Khakass (Late 19th– Mid-20th Centuries)	71
Danilov I.B. Peasant Resistance as a Reason for the Inefficiency of the State Policy on the Formation of Volost Budgets of Siberia during the NEP	80
Kezhutin A.N. An Experience of a Reconstruction of the Collective Biography of Nizhny Novgorod Doctors of the turn of the 19th Century	87
Konev K.A. Images of Britain and France in the Political Discourses of the Anti-Bolshevik Movement in Eastern Russia during the Civil War (1918–1920)	92
Lydin N.N. The Main Approaches to Chronological Problems of the Military Revolution Theory in Modern English-Language and Russian Studies	101
Mashkovtsev A.A., Mashkovtseva V.V. The Confessional Policy of the Russian Authorities in Relation to the Old Believer Books in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (On the Materials of Vyatka Province)	106
Miroshnikov S.N. Issues in the Development and Reforming of the Educational System in the Republic of Tajikistan in 2000–2020	116

Николаев Е.Н. Некоторые вопросы классификации якутских сыродутных горнов	124	Nikolaev E.N. Some Reflections on the Classification of Yakut Iron-Smelting Furnaces	124
Плетнева Л.М. Образ зайца в мировоззрении населения Прииртышья и Приобья в I–II тыс. н.э.	133	Pletneva L.M. The Image of the Hare in the Worldviews of the Peoples Inhabiting the Irtysh and the Ob Regions in the 1st and 2nd Millennium AD	133

ПЕДАГОГИКА

Абакумова Н.Н., Борисова В.А. Оценка процессов раннего профессионального самоопределения обучающихся (на материале инженерно-технического профиля)	141	Abakumova N.N., Borisova V.A. Assessment of Schoolchildren's Early Professional Self-Determination Processes (Based on the Material of the Engineering Profile)	141
Касимов Р.А. Влияние компетенций родителей в здоровых видах активности на формирование субъектной позиции их детей по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья	149	Kasimov R.A. The Influence of Parents' Competencies in Healthy Activities on the Formation of Children's Subject Position in Relation to Preserving and Strengthening Their Health	149
Попова Е.В., Устюжанцева О.В. Здоровье как объект управления: роль университетов обзор литературы	155	Popova E.V., Ustyuzhantseva O.V. Health as an Object of Governance: The Role of Universities	155
Рагозина А.В., Обдалова О.А. Плурилингвальное обучение второму иностранному языку студентов из Юго-Восточной Азии	164	Ragozina A.V., Obdalova O.A. Plurilingual Teaching of a Second Foreign Language for Students from Southeast Asia	164
Радаева С.В., Беженцева Л.М., Сосуновский В.С. Применение хореографических упражнений для развития кондиционных и координационных способностей студенток, обучающихся в вузе	172	Radaeva S.V., Bezhentseva L.M., Sosunovsky V.S. The Use of Choreographic Exercises for the Development of the Conditioning and Coordination Abilities of Female University Students	172
Федерякин Д.А., Угланова И.Л., Скрябин М.А. Новые источники информации в компьютерном тестировании	179	Federiakin D.A., Uglanova I.L., Skryabin M.A. New Sources of Information in Computerized Testing	179
Цинь Хэ. Игра в обучении китайских студентов чтению прессы (на примере газетной хроники)	188	Qin He. Games in Teaching Chinese Students How to Read the Press (On the Example of a Newspaper Chronicle)	188

ПРАВО

Енгальчев В.Ф., Лыфенко Д.В. Психологическая специфика проведения допроса в отношении особо ценных задержанных в США	196	Engalychev V.F., Lyfenko D.V. Psychological Features of Interrogating High-Value Detainees in the United States	196
Клеймёнов М.П., Верченко Н.И. Прогностический аспект социально-правового мышления	202	Kleymenov M.P., Verchenko N.I. The Prognostic Aspect of Social and Legal Thinking	202
Лебедев Н.Ю., Лебедева Ю.В., Толстова И.Э., Калошина Т.Ю. Три направления преодоления проблем, связанных с разглашением информации конфиденциально-военного характера при производстве следственных действий (криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты)	210	Lebedev N.Yu., Lebedeva Yu.V., Tolstova I.E., Kaloshina T.Yu. Three Ways to Overcome the Problem of Confidential Military Disclosure in the Investigation (Forensic and Criminal Procedure)	210
Лепина Т.Г. Уголовная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в зарубежных странах	216	Lepina T.G. Criminal Liability for Non-Performance or Improper Performance of Duties of Raising a Minor in Foreign Countries	216
Оганесян Т.Д. Процедура пилотного постановления европейского суда по правам человека: поиск необходимого баланса	227	Oganesian T.D. The Pilot Judgment Procedure of the European Court of Human Rights: The Search for the Necessary Balance	227
Ряховская Т.И. «Конституционная психология»: к вопросу о конкретизации термина	235	Ryakhovskaya T.I. "Constitutional Psychology": On Specifying the Term	235

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	241	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	241
--	-----	---	-----

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'42

Н.С. Барбина, И.Н. Зырянова

ЛОГИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ VS ПРИЕМЛЕМЫЙ АРГУМЕНТ: К ОБОСНОВАНИЮ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОДХОДА В АНАЛИЗЕ КРИТИКИ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Представлен анализ аргументативного дискурса в связи с проблемой реконструкции рассуждений. Раскрыт методологический потенциал категории контраргументации в анализе текстов, содержащих критику, для выявления неприемлемой для адресата аргументации. В ходе исследования коммуникативной и логической связности структур контраргументации и доказываемых положений установлены два вида норм, нарушение которых вызывает критику, – логические нормы аргументации и конвенциональные нормы научного творчества.

Ключевые слова: силлогистика; критика; контраргументация; интерпретация; логико-семантический анализ.

Введение. Логико-семантический анализ текста-рассуждения относится к общим проблемам аргументативного анализа дискурса и содержит ряд нерешенных вопросов. Если под аргументацией понимать дисциплину, изучающую правила рассуждения, то логическая система, с помощью которой можно исследовать механизм получения вывода, оказывается необходимой. Если под аргументацией понимать естественно-языковой феномен, вписанный в социальную практику коммуникации, то стройный концептуальный аппарат формальной логики теряет свою значимость в связи с неясностью практических целей такого анализа. Мы разделяем мнение В.Н. Базылева, рассуждающего о перспективах взаимодействия логики и лингвистики на современном этапе и приводящего в качестве примера одной из наиболее актуальных проблем, находящихся на стыке этих наук, проблему значения. Лингвист отмечает разницу в исходных понятиях для изучения семантики со стороны лингвистики и логики. В первом случае речь стоит вести о понятиях осмысленности, бессмысленности, синонимии и других, а во втором – о понятии истинности [1. С. 174].

В применении к аргументативной проблематике это выводит к осмыслению проблеме приемлемости аргумента, которую можно описать в виде известного утверждения (только, на первый взгляд, противоречащего здравому смыслу) о том, что логические аргументы не всегда являются логичными для адресата. Эта проблема не нова, в современных аргументологических исследованиях она изучается в связи с понятиями релевантности, приемлемости, истинности аргумента и находит широкий отклик в исследованиях по неформальной логике [2–6]. Тот подход, который мы предлагаем в статье, отличается от других тем, что мы предпринимает исследование адресатной семантики критики с точки зрения того, что является антецедентом для консеквента в критике, другими словами, того, с чем не согласен адресат первичного текста. Это имеет и перспективу телеологического характера, особенно учитывая социальную значимость области науки, к которой мы обратились с точки зрения исследования принципа организованного скептицизма.

Цель статьи – уточнить значение формально-логического подхода в реконструкции аргументативного дискурса для определения приемлемого аргу-

мента на примере исследования критики и опровержения в научных текстах.

Представим некоторые основания для дальнейшего рассуждения. Накопленный опыт в исследовании оценочной и познавательной деятельности человека по отношению к окружающему миру позволяет утверждать, что обнаружение противоположных сторон в явлениях окружающей действительности является фундаментальной категорией человеческого сознания. Это качество тесно связано с процессами классификации и категоризации [7–9].

Категоризация, по мысли Н.Н. Болдырева, представляет собой «деление мира на категории, т.е. выделение в нем групп, классов, категорий, аналогичных объектов или событий» [10. С. 383]. При этом, как утверждает Э. Ватцке, материал, из которого производится действительность, знание, познание состоит из различий, восприятия разницы и противоречий [11. С. 31].

В коммуникативном плане это свойство познания в виде различного рода возражений, критических замечаний, исправлений, уточнений и отрицательных оценок истинности суждений, по выражению Н.Д. Арутюновой, влечет к истине, стимулирует развитие научных концепций и ориентирует человека в практической жизни, понимании других людей и интерпретации событий и процессов, в которые вовлечен человек [12. С. 5].

Текст, принадлежащий научному стилю, характеризуется логичностью рассуждений, в этом жанре есть возможность проследить логику изложения критики. Уточняя методологическую базу исследования, отметим, что мы находимся в том измерении аргументации, где последняя понимается как дисциплина, связанная с правилами рассуждения, а именно обоснования, доказательства. Исследуя критику, мы действуем обратный процесс в связи с правилами опровержения, что соответствует понятию контраргументации как части аргументативного взаимодействия, направленного на формирование противоположного заключения [13].

Гипотеза исследования состоит в том, что критика (в данном случае критика в текстах рецензий и отзывов на научные труды) содержит указание на то, какой аргумент не является приемлемым. В зависимости от единицы анализа можно получить эти данные как на мик-

роуровне минимального аргументативного комплекса, так и на макроуровне интерактивного аргумента.

Объектом настоящего исследования является монолог-текст, принадлежащий жанру научной рецензии и отзыва и содержащий критическую оценку первичного текста, опубликованного или представляемого для научной экспертизы. **Предметом исследования** является контраргументация как составная часть аргументации – дисциплины, связанной с правилами рассуждения.

Материал и методы исследования составили тексты рецензий и отзывов на монографии, книги и учебники, опубликованные в журналах по филологии в 2010–2019 гг. Для анализа использовалась база данных eLIBRARY и интернет-ресурс международного лингвистического сообщества The LINGUIST List. Примеры в виде рецензий на диссертации, отзывов о диссертациях и авторефератах диссертаций по специальности 10.02.19 «Теория языка» были получены на основе материалов, находящихся в открытом доступе на сайтах диссертационных советов, использовались материалы за 2014–2019 гг. Было проанализировано 3 000 образцов текстов рецензий и отзывов.

В соответствии с тематикой статьи применялись принципы прагма-диалектической реконструкции дискурса, предполагающие действия последовательной экспликации, восстановления, замещения аргументативных элементов с использованием модели критической дискуссии [14]. Также проводился аргументативный анализ текста с помощью метода силлогистической реконструкции и модели аргументативных функций (подход Л.Г. Васильева [15, 16]). В соответствии с авторской методикой **единицей анализа** является Аргументативный Шаг, трактуемый как микротекст, который состоит из трёх элементов: тезиса, данных, оснований (в другой терминологии – тезиса, доводов, демонстрации). Тезис – это защищаемое положение, которое является спорным, неочевидным для адресата, подвергается сомнению и должно быть доказано. Данные – приемлемая или очевидная для адресата мысль, обосновывающая тезис. Основание эксплицирует сущность связи между тезисом и данными.

Логический анализ критики как текста-рассуждения. Критика первичного текста в научных работах экспертов предполагает демонстрацию хода рассуждения, ведущего к определённому заключению, следовательно, представляет собой аргументативный тип текста-рассуждения в отличие, например, от объяснения, который аргументацией в строгом смысле не является. На монологическом уровне аргументация критики имеет такую же структуру, как и проаргументация, и содержит следующие элементы: тезис, аргументы (основания), демонстрация (логический способ связи аргументов и тезиса опровержения) [17. С. 65].

К анализу этой структуры (аргумент → демонстрация → тезис) можно применить силлогистическую логику, а сами рассуждения в аргументации представить в виде силлогизмов, позволяющих выявить каркас аргументации, отделив все неаргументативные элементы.

Рассмотрим такой пример¹:

В работе убедительно и назидательно написано про речевую агрессию как антиэстетику, которая транслирует грубость, пошлость и бескультурье <...> Именно это фривольное цитирование создает впечатление конъюнктурности темы: авторы и исполнители потворствуют низменным инстинктам, и лингвист, получается, тоже, проявляя к этой сфере «бескультурья» неподдельный научный интерес, используя для нее строгие научные категории и применяя к ней исследовательские методики [18].

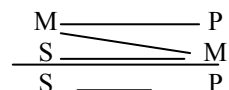
Стандартизированная запись умозаключения, содержащегося в этом примере (1 – большая посылка, 2 – меньшая посылка, 3 – заключение, S – субъект, P – предикат, M – средний термин, входящий в посылки, но отсутствующий в заключении), выглядит так:

(1) Все авторы, проявляющие интерес к агрессии и антиэстетике (M), потворствуют низменным инстинктам (P).

(2) Этот автор (S) проявляет интерес к агрессии и антиэстетике (M).

(3) Этот автор (S) потворствует низменным интересам (P).

Это пример простого категорического силлогизма, образованного по I фигуре

Заключение (3) представляет собой оценочный тезис, следующий из аргументов в большей посылке (1) и демонстрации (2). Как видим, в примере тезис «Этот автор потворствует низменным интересам» не выражен буквально, он формулируется путем логической реконструкции.

В данном примере тезис определяется в части предложения *авторы и исполнители потворствуют низменным инстинктам, и лингвист, получается, тоже*. Если тезис не выражен, то силлогистическая реконструкция помогает восстановить его по правилам логического вывода.

В соответствии с моделью аргументативных функций минимальным **элементом аргументации** считается высказывание с определенной аргументной функцией.

Такие элементы могут самостоятельно функционировать как высказывание, но не могут быть самостоятельными как компоненты аргументации. При этом аргументативная функция того или иного элемента (высказывания, суждения) сразу неочевидна, так как это может быть и аргумент (довод), и тезис. Данная функция становится понятной в контексте Аргументативного Шага. Рассмотрим пример (2).

Показано, что при увеличении размера инвентаря согласных относительная прозрачность лексики действительно уменьшается, но этот фактор имеет слабую значимость [19. С. 129].

Сложносочиненное предложение с противительным союзом *но* содержит в постпозиции суждение, которое можно трактовать как декларативный тезис: *Указанный фактор увеличения инвентаря согласных имеет слабую значимость в прозрачности лексики.*

И это действительно так, однако, если рассматривать весь Аргументативный Шаг, то силлогистическая реконструкция позволяет лучше понять и другие элементы цепочки рассуждений, формирующих тезис, а также скорректировать формулировку тезиса.

Показано, что при увеличении размера инвентаря согласных относительная прозрачность лексики действительно уменьшается, но этот фактор имеет слабую значимость. Влияние фактора структуры слога более существенно: в языках со сложной структурой слога, консонантными кластерами и т.д. лексика менее «прозрачна». Однако этого недостаточно: анализ оказывается точнее, если также учитывать фактор структуры корня, поскольку при увеличении сложности корня разложимость лексики уменьшается [19].

Дополненный пример можно представить как простой категорический силлогизм, образованный по I фигуре:

(1) Фактор структуры корня в анализе разложимости лексики (М) является точным (Р).

(2) Размер инвентаря согласных (S) не является фактором структуры корня (М).

(3) Размер инвентаря согласных (S) не является точным (Р).

Получаем фактологический тезис: *размер инвентаря согласных не является точным в анализе прозрачности (разложимости) лексики*. Аргументы представлены в большей посылке, а демонстрирующее рассуждение – в меньшей.

Подчеркнем, что представленные в примерах шаги по восстановлению логической структуры рассужде-

ний [18, 19] являются рабочим инструментом анализа, проводимого в ходе реконструкции аргументации, далее в анализе мы не будем производить схематическую запись каждого примера.

Позиция аналитика и объективность анализа.

При кажущейся доступности анализа задача однозначно правильной реконструкции оказывается совсем не простой. Это связано с отсутствием конвенциональных критериев оценки истинности аргумента. Силлогистическая валидность не означает истинности посылок и вывода, а означает то, что вывод по законам логики следует из посылок. Также силлогистическая реконструкция неприменима к индуктивным умозаключениям. Возможны и варианты реконструкции по разным основаниям. Кроме того, в рассуждении всегда присутствуют элементы, которые, на первый взгляд, не участвуют в создании аргументативных смыслов. Однако в этих элементах может заключаться важная мысль, которую задумывал автор, но которая может не войти в анализ, так как не подходит под трафарет логических формул. Ожидать от силлогистики разбора аргументативного комплекса с возможностью анализа семантического наполнения пропозиций и приемлемости аргументов в рассуждении, конечно же, не стоит. Эта субъектно-предикатная система работает как механизм получения вывода и имеет конкретный ответ на вопрос о том, что считать логически **приемлемым** аргументом.

Все множество ответов на вопрос о приемлемости аргумента можно представить в виде шкалы, где крайними точками являются подходы формальной логики и неформальной логики (рис. 1).

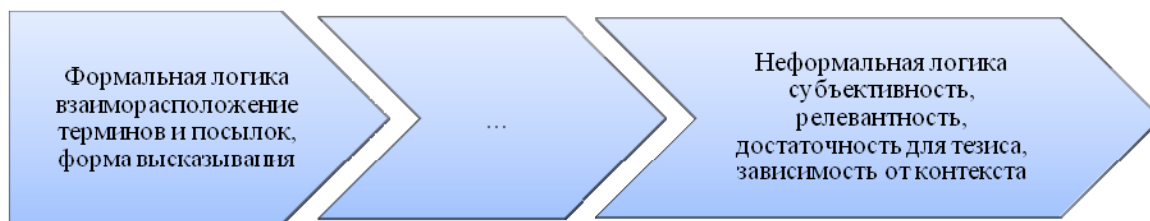

Рис. 1. Отношение логических систем к вопросу о приемлемости аргумента

Надо думать, что для логика-формалиста аргумент из неформальной логики вообще таковым не является, то же можно сказать и о логике-релятивисте, имеющем дело с логическим аргументом. Лингвист-аналитик, занимающийся аргументативным дискурсом, скорее всего, ответив, что логичен тот аргумент, который обосновывает тезис, по сути, ничего не ответит и займет какое-то среднее положение на этой шкале.

Мы предложим следующий ответ: для того чтобы понять, что является **логичным** аргументом, необходимо исследовать то, каким *должен быть логический* аргумент в формально-логической системе.

Отмечая то, что аппарат формально логических систем (пропозициональная логика, силлогистика, категориальная логика) лишь частично подходит для анализа аргументативных контекстов, мы ни в коей мере не занимаем сторону оппозиции по отношению к формальной логике. Напротив, считаем, что это доступные по уровню абстракции системы, которые, будучи изобретены еще в древности, до сих пор показывают, какие существуют формы построения мысли, какие из них являются легитимными, а какие – нет. Этот феномен объективно существует, и отрицать его никак нельзя. Изучение логики необходимо для лингвиста, исследующего аргументацию, чтобы избежать

ошибочных умозаключений и трактовок. Здесь необходимо задействовать коммуникативный уровень анализа в формате монолога. Другая часть ответа на вопрос о приемлемости и логичности аргумента заключается в самой сути нашего исследования. Ответ на этот вопрос дадут сами ученые, указав на те «плохие» аргументы, которые они и критикуют. Для этого необходимо перейти на интерактивный уровень аргументативного взаимодействия.

Категории для анализа. Утвердившись в мысли о том, что логический анализ на уровне Аргументативного Шага является условием для объективной интерпретации, можно переходить к другим уровням анализа и ставить иные цели, которые связаны с процедурой межсубъектной проверки аргументируемых пропозиций.

Например, можно поставить задачу выявления структуры интерактивного аргумента, т.е. в связи с аргументом в первичном тексте. Тогда можно задействовать **категорию фокуса**, которая дает возможность проследить, какой из элементов аргументативного комплекса попадает в фокус критики.

Представим пример Аргументативного Шага, содержащего прямое опровержение тезиса.

The main fault I find with the monograph is that its title is slightly misleading. Syntax and Spell-Out in Slavic sounds too general, almost like a title of a handbook. As a consequence, the book can attract all kinds of interested researchers not suspecting what it is actually about. In fact, nearly half of the work is a theoretical layout of the author's ideas applicable to any language. Indeed, the examples provided in the first part are taken from English, French, Romanian, and German, against which South Slavic, Russian and Polish examples look like just additional evidence for the universal nature of the matters discussed rather than the illustration of the subject matter of the author's research. Slavic in the title does not include East Slavic and West Slavic. In other words, the book represents an incredibly technical and original analysis of SOME problems of SOME Slavic languages [20].

Рецензент указывает на «ошибку» глобального характера и выдвигает свой тезис «*Название монографии не соответствует содержанию*». Автор рецензии сопоставляет название «Syntax and Spell-Out in Slavic» с данными, которые приводятся в тексте монографии, и указывает на противоречие: все примеры взяты из языков, «в сравнении с которыми южнославянские, русские и польские примеры выглядят как дополнительное свидетельство универсального характера обсуждаемых вопросов, а не как иллюстрация предмета». Отсюда заключается, что книга содержит «анализ НЕКОТОРЫХ проблем НЕКОТОРЫХ славянских языков». Получается, что из тезиса и аргументов выведено противоречие, откуда следует, что тезис опровергнут. В данном примере видно, что, по мнению рецензента, нарушена логическая валидность рассуждения. Критика фокусируется на тезисе.

Рассмотрим еще пример.

Так, описывая, со ссылкой на анкету Т.В. Шмелевой, жанрообразующие признаки шантажа, автор пишет: «Коммуникативное будущее под-

разумеает правильную интерпретацию шантажа, его декодирование и ответную реакцию адресата в форме подчинения и неподчинения» (с. 12). Такое понимание коммуникативного будущего противоречит точке зрения Т.В. Шмелевой, по мнению которой, образ коммуникативного будущего «предполагает дальнейшее развитие речевого события, воплощающееся в появлении других РЖ» (Шмелева, 1997, с. 97). Представляется, что автор диссертации говорит о событийном будущем (подчинение и неподчинение), а не о коммуникативном (речевой реакции) [21].

В представленном Аргументативном Шаге можно видеть критику по отношению к доводам (данным). Автор первичного текста основывает свои рассуждения на анкете Т.В. Шмелевой. Автор рецензии подвергает критике использование результатов этой анкеты в качестве аргументов для обоснования тезиса. Данный пример иллюстрирует критику по отношению к логической валидности, то, что только из истинных посылок можно получить истинный вывод. Если указано, что это не так, то и весь тезис пропозитанта считается недоказанным.

Контраргументация дает возможность выявить критику всех элементов аргументативного комплекса.

Установив фокус критики, далее можно обратиться к категории норм. Например, предыдущий отрывок указывает на нарушение норм по отношению к аргументам, которые связаны с требованием качества, релевантности, количества доводов для формирования тезиса. Таким же образом можно проследить и критику по отношению к тезису и основаниям. Это критика в отношении нарушения **логических норм аргументации**.

Помимо нарушения логических норм, которые в аргументологии рассматриваются как логические ошибки аргументации, существует большая группа **неформальных ошибок аргументации**, таких, как апелляция к большинству, авторитету, незнанию. В специальной литературе этому вопросу уделяется значительное внимание. Считается, что ошибочные с точки зрения силлогистики аргументы могут быть рациональными в естественном рассуждении, а для лучшего понимания такого рода ошибок необходимо учитывать и исследовать контекст диалога [2, 22, 23].

Рассмотрим пример.

К книге есть несколько общих (хотя и не принципиальных) замечаний. Во-первых, автор, как видно по ссылкам, хорошо знаком с современными зарубежными историями лингвистических учений, однако по общим вопросам ссылается преимущественно на отечественные работы (книги Рождественского и соавторов, Кондрашова, Звегинцева и Алпатова); думается, современный российский читатель в таком ограничении не нуждается [24].

В данном примере содержится указание на то, что автор первичного текста ссылается только на определенную группу авторов. В терминах ошибок аргументации это представляет собой разновидность ошибки «предвзятого основания», или «ошибку выборки», при которой на основании неподходящей выборки делается вывод обо всем множестве.

Many authors offer their own analyses and hypotheses on the semantics and exponents of aspect and tense, and the general picture that obtains is not very coherent [25].

неприемлемым аргументом. Инструментом анализа в этом случае выступает контраргументация в рамках дисциплины, связанной с правилами рассуждения.

Наш анализ позволил выявить категорию фокуса и категорию норм в контраргументации (см. подробнее [13]). По категории фокуса все критические реакции, которые коммуникативно и логически связаны с проаргументом, направлены на один из элементов аргументативного комплекса, а именно: основание, данные, тезис. Наиболее часто опровергаемым элементом является элемент данные (содержится в 62% отзывов и рецензий от всего количества проанализированных примеров), критика демонстрирующего рассуждения в виде основания встречается в 11% примеров, критика тезиса – в 25%. В одном Аргументативном Шаге возможно сочетание опровергающих действий. Силлогистическая реконструкция продолжает оставаться актуальной на этом этапе анализа, так как выявление фокусной ориентировки Аргументативного Шага указывает на то, в отношении каких норм происходит критика.

Для текстов исследуемого типа фиксируются два типа таких норм:

- выявление нарушений логической валидности проаргументации;
- выявление нарушений конвенциональных норм представления научного результата.

Нарушение норм логической валидности связано с фокусом контраргументации. Так, фокус критики данных указывает на недоброкачественность аргументов с точки зрения релевантности, качества, количества. Фокус критики основания указывает на то, что доводы не ведут к заключению, на отсутствие логической связи. Фокус критики тезиса связан собственно с опровержением тезиса, которое может быть прямым или косвенным. Логические ошибки «круг в доказательстве» (лат. *circulus in demonstrando*) и ошибка «не следует» (*non sequitur* – вывод не является логическим заключением из имеющихся фактов) **находятся в числе наиболее часто встречающихся логических ошибок, выявляемых в ходе критики.** Самой частой ошибкой такого типа является ошибка «предвосхищение основания» (*petitio principii*).

Неформальные ошибки проаргументации, выявляемые в текстах рецензий и отзывов, представляют собой пеструю картину. К ним следует отнести указание на ошибки, именуемые апелляция к авторитету (*argumentum ad verecundiam*), апелляция к большинству (*argumentum ad populum*), апелляция к традиции (*argumentum ad antiquitatem*). Выявлена ошибка, которая ранее не встречалась в научной литературе, для нее еще нужно подобрать термин. Условно назовем ее

«ошибка повторного доказывания». Такая ошибка возникает тогда, когда пропонент, не учитывая результатов подобных исследований, доказывает уже доказанные ранее положения.

Критика нарушения конвенциональных норм, возможная в условиях учёта контекста, дала нам возможность выявить некоторые установки, необходимые для научного сообщества. Среди примеров наиболее часто встречаются нормы представления научного результата в части языковой репрезентации, структуры, последовательности.

Выводы. Лингвист, занимающийся анализом аргументативного дискурса, неизбежно сталкивается с проблемой правильной интерпретации высказываний. Цель силлогистического анализа состоит в экспликации неполносоставных элементов аргументативного комплекса, выявления того, что лежит в основе вывода, для выяснения соотносимости доводов с выводом по правилам логики, следовательно, защищает анализ от неправильной интерпретации.

Основной вывод исследования, результаты которого изложены в статье, состоит в том, что практика восстановления логической структуры контраргумента дает возможность получить данные о неприемлемом аргументе. Об этом можно судить по содержащимся в контраргументе указаниям на ошибочный аргумент.

Важным фактором является и коммуникативный кодекс, включающий общепринятые аргументативные максимы и принципы. В интерпретации критики это означает, что анализатор должен исходить из того, что участники академического сообщества являются рациональными аргументаторами. Такая модель речевого поведения в пространстве научной прозы означает, что авторы непредвзято и нейтрально относятся к аргументам, представляют их в достаточном количестве, не приводят доводов, имеющих скрытый смысл или не относящихся к теме, а также в той или иной мере соблюдают принципы текстопостроения, касающиеся ясности и логики изложения. В этом контексте можно говорить и о принципе интерпретации, предполагающем запрет на искажение позиции авторов и на поиск дополнительных смыслов.

Такая стратегия позволяет ставить разные исследовательские задачи как композиционного характера, так и в масштабах холистического подхода. Перспективу предпринятого нами исследования мы видим в верификации регулятивной функции принципа организованного скептицизма, что, с учетом высокой социальной значимости системы науки, представляется весьма важным.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В примерах сохранена авторская орфография и пунктуация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В.Н. Российская лингвистика XXI века: традиции и новации. М. : Изд-во СГУ, 2009. 380 с.
2. Бокмельдер Д.А. Обоснование разумных решений. Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 294 с.
3. Егорова М.А., Сметанина-Крушевски Н.В. Аргументация как одна из неотъемлемых частей диалогического дискурса // Проблемы концептуальной систематики речи и речевой деятельности : материалы X всеросс. науч. конф. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2018. С. 97–103.

4. Johnson R.H., Blair J.A. Logical Self-Defense. New York : International Debate Education Association, 2006. 312 p.
5. Govier T. A Practical Study of Argument. 7th ed. Belmont : Wadsworth Publishing, 2009. 432 p.
6. Hitchcock D. On Reasoning and argument. Essays in Informal Logic and on Critical Thinking. Cham : Springer International Publishing, 2017. P. xxvii, 1–553.
7. Глызина В.Е., Горская Н.Е., Белоусова Е.С. Исследования взаимосвязи между свойствами мышления и структурой языка // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 10 (105). С. 295–301.
8. Костошкина Г.М., Кузьмина Т.Н. Коммуникативный акт как инструмент изучения категорий в языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9-2 (87). С. 361–365.
9. Мельгунова А.Г. Языковая репрезентация сопротивления как способа когнитивного взаимодействия (на примере английских глаголов) // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2014. № 3. С. 30.
10. Болдырев Н.Н. Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова. М. : Языки славянской культуры, 2001. С. 383–393.
11. Ватцке Э. Сравнение медиации и судебно-правовой практики с точки зрения теории познания // Медиация – искусство разрешать конфликты. Знакомство с теорией, методом и профессиональными технологиями / пер. с нем. Г. Похмелькиной. М. : VERTE, 2004. С. 27–61.
12. Арутюнова Н.Д. Коммуникативная реакция на истинностное высказывание другого // Логический анализ языка: Ассерция и негация / Российская академия наук, Институт языкознания; отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2009. 560 с.
13. Бареева Н.С., Зырянова И.Н. Лингвоаргументативный анализ критики в научной экспертизе (на материале текстов рецензий на лингвистические работы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 11. С. 335–342.
14. Eemeren F.H. van, Grootendorst R. A Systematic Theory of Argumentation: The pragma-dialectical approach. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 210 p.
15. Васильев Л.Г. Лингвистические аспекты понимания : дис. ... докт. филол. наук. Калуга, 1999. 251 с.
16. Васильев Л.Г. Аргументация и ее понимание: Логико-лингвистический подход. Калуга : Калуж. гос. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2014. 331 с.
17. Корнакова С.В., Сергеева О.С. Логика : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во БГУ, 2015. 72 с.
18. Исаченко О.М. Отзыв об автореферате диссертации. Загл. с экрана. 1 CD-ROM.
19. Зализняк А.А., Смирнитская А.А. Рецензия на кн.: The lexical typology of semantic shifts / P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2016. viii, 600 p. // Вопросы языкознания. 2017. № 6. С. 122–130.
20. Romanova E. Review of book: Review of Syntax and Spell-Out in Slavic / S. Franks. Bloomington : Slavica, 2017. Pp. xiv, 346. URL: <https://linguistlist.org/pubs/reviews/get-review.cfm?SubID=4538006> (дата обращения: 12.10.2020).
21. Стеклова Т.И. Отзыв об автореферате диссертации. Загл. с экрана. 1 CD-ROM.
22. Walton D. Why Fallacies Appear to Be Better Arguments than They Are // Informal Logic. 2010. Vol. 30, № 2. P. 159–184.
23. Woods J. The Death of Argument. Fallacies in Agent-Based Reasoning. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 2004. 378 p.
24. Сичинава Д.В. Рецензия на кн.: История лингвистики и история литературы / И.В. Вельмезова. М. : Индрик, 2014. 416 с. // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 154–160.
25. Stambolieva M. Review of book: The Oxford handbook of Tense and Aspect / R.I. Binnick. Oxford : Oxford University Press, 2012. 1129 p. URL: <https://linguistlist.org/pubs/reviews/get-review.cfm?SubID=4558493> (дата обращения: 12.10.2020).
26. Бурякин А.А. Отзыв официального оппонента о диссертации. Загл. с экрана. 1 CD-ROM.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 декабря 2020 г.

Logical Argument vs Acceptable Argument: Towards the Research Approach to the Analysis of Criticism in Scientific Text *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2021, 465, 5–12.

DOI: 10.17223/15617793/465/1

Natalya S. Barebina, Baikal State University (Irkutsk, the Russian Federation). E-mail: svirel23@rambler.ru

Irina N. Zyryanova, Baikal State University (Irkutsk, the Russian Federation). E-mail: irina_zyr@mail.ru

Keywords: syllogistics; criticism; counter-argumentation; interpretation; logical-semantic analysis.

The issues of the correlation of logical validity and acceptability of the argument for the addressee are discussed in the article. The aim of the work is to clarify the meaning of formal logic in the reconstruction of argumentative discourse. The novelty of the study is initiated by the applicable approach to the research of addressee semantics in the praxis of scientific reviewing. The hypothesis of the research is that criticism in the texts of scientific reviews contains a directive to an acceptable argument. In this case, syllogistics as a modality of reaching an inference provides the objectivity of the analysis. The commonality of the subject matter protects the analysis from the reviewer's subjective interpretation. L.G. Vasilyev's method is applied in the article; it is based on the modification of the argumentative function model. The method implies the procedure of syllogistic reconstruction according to the thesis and the average term. The pragma-dialectical model of critical discussion is used to analyze the argumentative situation on the level of interaction. The interactive level of analysis involves the notion of counter-argument, and textual fragments with criticism, reconstructed due to the rules of logic, indicate the quality of the initial text. In the scrutinized texts, one can think of two types of standard objectionable from the critical point of view: revealing violation of the logical validity of pro-argument and revealing violation of conventional standards of the representation of the scientific result. A violation of standards of logical validity is connected with the focus of counter-argument. The focus of data criticism points out the defectiveness of the argument with regard to relevance, quality and quantity. The focus of foundation criticism refers to arguments that do not reach a conclusion, as well as to the absence of logical link. The focus of thesis criticism is basically connected with the rebuttal of the thesis that can be explicit or implicit. The most frequently encountered logical fallacies are "circular reasoning" and "no consequence", which are identified in criticism. The most frequent fallacy of this type is the fallacy of "begging the question". Among informal fallacies in pro-argument there are fallacies known as "appeal to the authority", "appeal to the majority", "appeal to the tradition". The authors have coined a new fallacy, the so-called "fallacy of repeated argument" which appears when a proponent fails to take into account the results of similar research and verifies the evidence that has already been proved. The text corpus shows that the subject of systematic criticism on behalf of the opponent is the identification of the violation of academic writing standards. The authors' analysis reveals criticism regarding the lexis and style of writing, the structure of the text, grammatical and spelling errors. The article provides insights on the communicative code, which includes argumentative maxims and principles as well as principles of interpretation that are supposed to prohibit any distorting of the author's position and finding additional meanings in the scientific review.

REFERENCES

1. Bazylev, V.N. (2009) *Rossiyskaya lingvistika XXI veka: traditsii i novatsii* [Russian Linguistics of the 21st Century: Traditions and innovations]. Moscow: Modern University for the Humanities.
2. Bokmel'der, D.A. (2014) *Obosnovanie razumnykh resheniy* [Rationale for Reasonable Decisions]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing.
3. Egorova, M.A. & Smetanina-Krushevski, N.V. (2018) [Argumentation as one of the integral parts of a dialogue discourse]. *Problemy kontseptual'noy sistematiki rechi i rechevoy deyatel'nosti* [Problems of Conceptual Systematics of Speech and Speech Activity]. Proceedings of the 10th All-Russian Conference. Irkutsk. 21–22 June 2018. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University. pp. 97–103. (In Russian).
4. Johnson, R.H. & Blair, J.A. (2006) *Logical Self-Defense*. New York: International Debate Education Association.
5. Govier, T. (2009) *A Practical Study of Argument*. 7th ed. Belmont: Wadsworth Publishing.
6. Hitchcock, D. (2017) *On Reasoning and argument. Essays in Informal Logic and on Critical Thinking*. Cham: Springer International Publishing.
7. Glyzina, V.E., Gorskaya, N.E. & Belousova, E.S. (2015) Studying relationship between the features of thinking and the structure of language. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 10 (105). pp. 295–301. (In Russian).
8. Kostyushkina, G.M. & Kuz'mina, T.N. (2018) Communicative act as a tool for studying categories in the language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 9–2 (87). pp. 361–365. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2018-9-2.32
9. Mel'gunova, A.G. (2014) Language representation of resistance as a means of cognitive interaction (the case of English verbs of resistance). *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii – Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. 3. pp. 30–35. (In Russian).
10. Boldyrev, N.N. (2001) Funktsional'no-semiologicheskii printsip issledovaniya yazykovykh edinits [Functional-semiological principle of the study of linguistic units]. In: Kubryakova, E.S. & Yanko, T.E. (eds) *Yazyk i kul'tura: Fakty i tsennosti: K 70-letiyu Yu.S. Stepanova* [Language and Culture: Facts and values: To the 70th anniversary of Yu.S. Stepanov]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 383–393.
11. Watzke, E. (2004) Sravnenie mediatsii i sudebno-pravovoy praktiki s tochki zreniya teorii poznaniya [Comparison of mediation and legal practice from the point of view of the theory of knowledge]. In: Meta, G. & Pokhmelnina, G. (eds) *Mediatsiya – iskusstvo razreshat' konflikty. Znakomstvo s teoriey, metodom i professional'nymi tekhnologiyami* [Mediation – the Art of Resolving Conflicts. Acquaintance with theory, method and professional technologies]. Translated from German by G. Pokhmelnina. Moscow: VERTE. pp. 27–61.
12. Arutyunova, N.D. (2009) Kommunikativnaya reaktsiya na istinnostnoe vyskazyvanie drugogo [Communicative reaction to the truth statement of another]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka: Assertsiya i negatsiya* [Logical Analysis of Language: Assertion and negation]. Moscow: Indrik.
13. Barebina, N.S. & Zyryanova, I.N. (2019) Linguistic-argumentative analysis of criticism in scientific expertise (by the material of reviews of research papers on linguistics). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 11 (12). pp. 335–342. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.71
14. Eemeren, F.H. van & Grootendorst, R. (2003) *A Systematic Theory of Argumentation: The pragma-dialectical approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Vasil'ev, L.G. (1999) *Lingvisticheskie aspekty ponimaniya* [Linguistic aspects of understanding]. Philology Dr. Diss. Kaluga.
16. Vasil'ev, L.G. (2014) *Argumentatsiya i ee ponimanie: Logiko-lingvisticheskiy podkhod* [Argumentation and Its Understanding: Logical-linguistic approach]. Kaluga: Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski.
17. Kornakova, S.V. & Sergeeva, O.S. (2015) *Logika* [Logic]. Irkutsk: Baikal State University.
18. Isachenko, O.M. (n.d.) *Otzyv ob avtoreferate dissertatsii* [Review of the abstract of the dissertation]. [s.l.]: [s.n.].
19. Zaliznyak, A.A. & Smiritskaya, A.A. (2017) P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). The lexical typology of semantic shifts. Berlin: De Gruyter Mouton, 2016. viii, 600 p. (Cognitive Linguistics Research, 58.) ISBN 9783-11-037752-1. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 122–130. (In Russian). DOI: 10.31857/S0373658X0003842-5
20. Romanova, E. (2019) Review of Syntax and Spell-Out in Slavic / S. Franks. Bloomington: Slavica, 2017. pp. 346. *LINGUIST List*. [Online] Available from: <https://linguistlist.org/pubs/reviews/get-review.cfm?SubID=4538006> (Accessed: 12.10.2020).
21. Steksova, T.I. (n.d.) *Otzyv ob avtoreferate dissertatsii* [Review of the abstract of the dissertation]. [s.l.]: [s.n.].
22. Walton, D. (2010) Why Fallacies Appear to Be Better Arguments than They Are. *Informal Logic*. 2 (30). pp. 159–184.
23. Woods, J. (2004) *The Death of Argument. Fallacies in Agent-Based Reasoning*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
24. Sichinava, D.V. (2017) Review of the book: E. V. Vel'mezova. Istoriya lingvistiki v istorii literatury [The history of linguistics in the history of literature]. Moscow: Indrik, 2014. 416 p. ISBN 978-5-91674-302-9. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 154–160. (In Russian). DOI: 10.31857/S0373658X0000958-2
25. Stambolieva, M. (2012) Review of The Oxford handbook of Tense and Aspect / R.I. Binnick. Oxford: Oxford University Press, 2012. *LINGUIST List*. [Online] Available from: <https://linguistlist.org/pubs/reviews/get-review.cfm?SubID=4558493> (Accessed: 12.10.2020).
26. Burykin, A.A. (n.d.) *Otzyv ofitsial'nogo opponenta o dissertatsii* [Review of the dissertation by the official opponent]. [s.l.]: [s.n.].

Received: 02 December 2020

Т.В. Леонтьева, В.М. Мокиенко

МЕТАФОРА БОЛОТА В ХАРАКТЕРИСТИКАХ СОЦИУМА

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс».

Рассматривается системная интерпретация социальной семантики слова «болото». Проанализированы словарные данные, позволившие выявить особенности лексикографической фиксации сведений о формировании значений «провинциальная среда», «застой в общественной жизни», «родина». По материалам Национального корпуса русского языка сделана выборка текстовых фрагментов со словом «болото», характеризующих человеческое сообщество. Выполнен анализ сочетаемости слова «болото».

Ключевые слова: этнолингвистика; семантика; фразеология; болото; социальная среда.

Концепт БОЛОТО уже давно привлек и продолжает привлекать внимание своей значимой ролью в решении этногенетических проблем (особенно реконструкции локуса прародины славян) и моделировании детализованной языковой картины регионального ландшафта (см. труды Н.И. Толстого, В.М. Мокиенко, Т.А. Демешкиной и др. [1–4]). Особый ракурс исследования этого концепта – анализ коннотаций, отраженных в поговорках, в структуру которых входит компонент *болото*. До сих пор при этом практически не исследовалась столь важная и актуальная семантическая ипостась концепта болота, как его социальная маркированность, ср.: *Это люди общественные, это люди как нельзя более далекие от общественного болота* (А.В. Луначарский. Смена веж интеллигентской общественности, 1921 – пример из архива авторов).

Аксиологическая характеристика, собственно, и является отражением ментальной специфики отношения к болоту, лапидарно эксплицированной В.В. Колесовым: «БОЛОТО – символ внешнего покоя, тающего **опасность гибели**. Видимость Болота – неподвижность и **тишина** – обманчива: *трясина и топь губительны для человека своим постепенным (болото затягивает) или неожиданным (провалиться в болото) действием*. Болото вызывает неприятное физиологическое (как к вязкому и зыбкому) и нравственное (как к ненадежному и скрытно предательскому), и только в постоянных его **жителях** привязанность к родному Болоту достигает глубины апологического **поклонения** («всякий кулик своё болото хвалит»). Расширение понятия: «топкое низкое место со стоячей водой» (природный уровень) > «грязь» (моральный уровень, ср. «плескали на него болото») > «застой, косность, отсутствие живой деятельности» (социальный уровень)» [5. Т. 1. С. 57–58].

Характерен при этом ряд эпитетов слова *болото*, избранный В.В. Колесовым: *гнилое, житейское, замшелое, засасывающее, застоявшееся, зыбкое, лесное, мещанское, обывательское, провинциальное, русское, стоячее, топкое* [5. Т. 1. С. 57–58]. Как минимум половина из них охватывает сферу именно «социального уровня». В процессе развития семантики этого слова всё большую релевантность приобретает социальный акцент, что сказалось на расширении сочетаемости именно в этом направлении.

Небезынтересно проследить семантическую эволюцию слова *болото* в лексикографических источниках.

Словари древнерусского языка отразили с XII по конец XV в. лишь прямое, географическое значение слов *блато* и *болото* – ‘palus’ [6. Т. 1. С. 112, 146].

В XVI–XVII вв., судя по всему, переносного социального значения («общество») это слово также еще не развило: даже в «Словаре обиходного русского языка...», целенаправленно регистрирующего подобные семантические мутации, *блато* и *болото* дефинируются как «низкое, топкое место, поросшее осокой, кустарником, мелкими деревьями» [7. Т. 1. С. 183, 229]. Старославянизм *блато*, правда, здесь регистрируется и в переносном (метонимическом) значении «грязь», которое в некотором смысле и «социализируется», хотя и в ином направлении, чем его современные характеристики общества: *Богат мыслит о злате, а убог о блате*. Здесь же фиксируется и употребление этого слова «в сравн.»: *Поревнуй, чадо мое [кур], мытарям и блудникам... како были, яко скаредное блато, а очистились покаянием своим, яко злато* [7. Т. 1. С. 183].

В XVII в. в церковно-богословской традиции, таким образом, устойчиво воспроизводится контекстное противопоставление *злато* – *блато*, ср. также: *Идол оный Навуходоносоров, им же изображается мир, главу точию имеяше злату, прочее же медь, железо, также скудель и блато* (Митрополит Стефан (Яворский). Проповеди, 1700–1722) [8]. Воплощенные в словах *злато* и *блато* идеи «драгоценное» и «не имеющее ценности», образно интерпретирующие логический стандарт «высокое – низкое», на уровне лексиконного контекста противопоставляются и в вариации *бисер* – *блато*, с аллюзией на известное библейское выражение «метать бисер перед свиньями»: *О сколь в малом вера и нравы остаются у нас уважении! При самом священнейшем действии мешаем мы небо с землею, и бисеры свои пометаем в блато* (Архиепископ Платон (Левшин). Слово на крещение Господне, 1779) [8]. Эта оппозиция служит источником для семантической деривации, объективированной посредством сочетаемости со словом *грех*: *Купель Силоамскую человеку верному скажут быти проображением крещения святого, ово слез покаяния, ово из ребр Христовых крове и воды истечение есть кре-*

щение святое, Силоам: ибо в нем и **блато** греха **первородного** омывается, и слепота души очищается (Митрополит Стефан (Яворский). Проповеди, 1700–1722) [8]. Показательна здесь и валентность, закрываемая глаголом: *блато... омывается*. Она особенно очевидно указывает на то, что *блато* выступает здесь синонимом слова *грязь* (ср. *болото* ‘грязь, тина, лужа’ [9. Вып. 6. С. 4]), хотя, несомненно, стоящий за церковнославянизмом образ переосмысливается в соответствии с переносным значением из этической сферы, ср. фиксируемое уже в XVIII в. слово *грязь* ‘о ком-, чем-л. подлом, греховном или низменном, ничтожном’ (*Тебе ль, парнаска грязь, маратель, не творец, Учить людей писать?; Таинственная Алхимия учит человека, как перечислять грязь самолюбия; <Разум> может в сердце проникать, Сколь ни было бы оно сокрыто, Потоптано, зарыто Во нравственной грязи*) [9. Вып. 6. С. 4].

Эта линия развития семантики лексемы *блато* распространилась и на XVIII в. Источником деривации стало второе значение – ‘грязь; грязное место’ [9. Вып. 2. С. 60] (которое, кстати, характерно и для большинства славянских однокоренных лексем: чеш. *bláto*, словацк., словен., хорв. *blato*, пол. *bloto* ‘грязь’ [10. С. 101]), реализовавшееся, например, в сравнении человека со свиньей: *Аки свиния в блатъся валяет* [9. Вып. 2. С. 60]. Такого же типа, как уже говорилось выше, переносная семантика фразеологизма *отделить злато от блата* ‘отделить ценное, истинное от ложного’, иллюстрируемая цитатой из переводной (немецкой) литературы: *<Лютер> многоценное от малоценного, злато от блáта отделил, и предложил истинное учение во веки пребывати имущее* [9. Вып. 2. С. 60].

Но, судя по данным словарей, параллельно в этот же период в русском языке имеет место семантическая «подвижка» в сторону привычной сейчас остро социальной семантики слова *болото*. «Словарь русского языка XVIII века» фиксирует для лексем *болото* и *блато* два значения: ‘низкое, топкое место’ и ‘грязь, тина, лужа’ [9. Вып. 2. С. 60, 100]. При этом с пометой «Образно» имплицитно уже выделено (в контексте из Г.Р. Державина) социальное значение, которое можно было бы эксплицировать в самостоятельную дефиницию, фигурирующую в будущих словарях как «социальная среда, характеризующаяся косностью, застоём, отсутствием деятельности и инициативы»: *Я вам говорю в глаза, что вы в таком болоте безотчетностию вашию, из коего вам вовек не выдраться* [9. Вып. 2. С. 100]. Такую экспликацию, между прочим, поддерживает и сочетаемость слова *болото* в этом контексте с глаголом *выдраться*, перекликающаяся с подобными частотными словосочетаниями в литературе XIX–XX вв.: *выбраться из засасывающего болота... жизни, выкарабкаться из болота, вытаскивать из стоячего болота повседневной жизни* – и их антонимами: *болото засасало, окунуться в болото, утопать в болоте* и под.

Судя по всему, развитие социальной оценочности слова *болото* в русском литературном языке шло (через переводную литературу послепетровской эпохи) под влиянием европейских языков, особенно немецкого, где слово *Sumpf* ‘болото’ уже давно вошло

в активный идиоматический фонд – ср. *in den (einen) Sumpf geraten* ‘опускаться на дно (нравственно опускаться), *im Sumpf stecken* ‘очутиться на дне (нравственно опуститься), *im Sumpf der Großstadt versinken (untergehen)* ‘опуститься на дно, деклассироваться’ [11. С. 554] и под. Характерно, что даже относительно периферийные производные этого слова в немецком языке приобретают остро социальную оценочность. Таково, например, сложное слово *Sumpfhuhn* (букв. болотная курочка), ставшее характеристикой распутного, опустившегося человека. Его связывают с фразеологизмом *in den Sumpf geraten*, подчёркивая связь человека, утопающего в болоте с индивидуумом, погрязающим в асоциальной обстановке. Не случайно даже в студенческом жаргоне в 1850 году на этой основе возник глагол *sumpfen* ‘распутничать’ (букв. тонуть в болоте), характеризующий аморальную, безнравственную жизнь [12. Bd. 5. S. 1585]. До сих пор этот глагол употребителен в живой речи.

В русской литературе XIX в. социальная характеристика, маркируемая словом *болото*, усиливалась и обрастала разнообразными семантическими и стилистическими нюансами, что будет продемонстрировано ниже анализом соответствующих контекстов. Один из этапов такой семантической экспансии зафиксировал М.И. Михельсон в своём двухтомнике начала XX в. «Русская мысль и речь»:

«**284. Болото** (иноск.) – город, среда, учреждение: о мелком, бестолковом, в котором запутаешься, завязнешь, которое засосет. См. Засосало» [13. Т. 1. С. 66].

«**213. Засасывать (засасываться)** – иноск.: затынуть, втянуть, затынуться, втянуться; отвлечь (отвлечься) от более широкой деятельности (как болото засасывает человека и не дает ему выбраться); погибнуть в мелкой среде. Ср. Разные будничные заботы и другие внешние условия *засасывают* человека и мешают ему развить высшие абсолютные начала добра. А. Субботин. Притупленные чувства. («Луч». 3-е февраля 1897 г.). Ср. Если уж тебе пришла охота жениться, так бери девушку хотя не богатую, да только из образованного семейства. Невежество, ведь, это – болото, которое *засосет* тебя! старайся попасть наверх, а то свалишься в пучину и она тебя поглотит. Островский. Пучина. 1, 7. Ср. Он видел и сознавал, что обстоятельства его становятся все хуже и хуже, что он опустился и начинает погрязать в какой-то скверной *засасывающей* тине – и не хотел встряхнуться, выкарабкаться из своего болота. Вс. Крестовский. Вне закона. 3, 4. Ср. До половины погрузилась вместе с ним в трясины, которая, расступясь, обхватила кругом коня и всадника и, подобно удаву, *всасывающему* в себя живую добычу, начала понемногу тянуть их в бездонную свою пучину. Загоскин. Юрий Милославский. 8, 4 См. Опуститься. См. Болото. См. Омут. См. Тина» [13. Т. 1. С. 332].

«**158. Ингерманландия Ингерманландское болото** (иноск.) – Петербург. Ср. Дело это (брак дочери и поездка молодых за границу) давало ей передышку и увольняло ее отсюда, с этого «*ингерманландского болота*», как звали тогда Петербург люди, побывав-

шие за границей. Лесков. Захудалый род. 2, 14» [13. Т. 1. С. 373].

Вполне возможно, что столь заметное внимание к социально окраске русского слова *болото* на переломе веков у М.И. Михельсона было вызвано его двуязычием (автор словаря был петербургским немцем).

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова социальная семантика слова *болото* уже превалирует над географической: «1. Топкое место со стоячей водой. *Торфяное болото*. 2. *перен.* Всё, что характеризуется косностью, застоём, отсутствием деятельности и инициативы (разг.). *Обывательское болото*. 3. Нейтральная, неактивная часть какого-н. коллектива. *Болото в партии. Опportunистическое болото*» [14. Т. 1. С. 168–169]. Третье значение здесь явно навеяно известными экстралингвистическими обстоятельствами того времени, когда внутри и межпартийная борьба и ликвидация оппортунистов нуждались в оценочной словесной поддержке.

В первом издании советского Большого академического словаря такая семантическая структура слова *болото* была закреплена: «1. Илистое топкое место, часто со стоячей водой, кочками земли, покрытыми травой, заросшее тростником, мхом и т.п. и отличающееся зыбкостью и нездоровыми испарениями. *Торфяное болото*. ♦ Переносно: о земле, разжиженной обильными осадками, об очень грязной дороге. 2. Переносно. Обстановка, условия, среда, лишённые прогрессивного движения; застой. Всякие оппортунисты любят говорить нам: учитеесь у жизни. К сожалению, они понимают под жизнью только болото мирных периодов, времен застоя, когда жизнь едва-едва движется вперед. Ленин, Чёрные сотни и организация восстания (VIII, 159). Вон из этой ямы, из болота, на свет, на простор, где есть здоровая нормальная жизнь! — настаивал Штольц строго, почти повелительно. Гонч., Обломов, ч. IV, гл. 9. ♦ *Житейское, обывательское болото*. По письму вашему вижу, что житейское болото засасывает вас. Л. Толст., Письмо Ге, март 1886. • О людях, группах людей нерешительных, беспринципных, уклоняющихся от революционной борьбы. *Опportunистическое обывательское болото*. По опыту многолетней борьбы он [Ленин] знал, что опаснейшими врагами революции будут ее мнимые друзья, болтуны мелкобуржуазного болота — меньшевики и эсеры, уже не раз предавшие интересы рабочего класса, Ист. гражд. войны в СССР, т. I, гл. III, 1» [15. С. 551].

В целом воспроизводится такая дефиниционная структура и в последующих толковых словарях русского языка:

— в «Словаре современного русского литературного языка» под ред. К.С. Горбачевича: «1. Топкое место, обычно со стоячей водой... *Затягивать/затянуть, засасывать/засосать, тащить* и т.п. в *болото* (какое-л., чего-л.). Вынуждать поддаться вредному, опасному влиянию, перейти на сторону чего-л. отсталого, реакционного. [Пузырев:] Какие-то элементы из бывших.. суфлеров тащат нас в *болото обывательщины*. Угрюмов. Кресло № 16. *Скатываться/скатиться в болото, увязать/увязнуть* и т.п. в *болоте* кого-, чего-л., каком-л. Поддаваться вредному

влиянию окружающей обстановки, среды и т.п., переходить на сторону отсталого, реакционного. 2. *Перен.* О среде, обстановке, характеризующихся косностью, застоём, отсутствием живой деятельности и инициативы. ♦ Болото чего-л., какое-л. Глупостью, пошлостью, *провинциальным болотом* и злой сплетней повеяло на Ромашова. Купр. Поединок. — Из вашего рассказа я поняла, что вы решили заняться научной работой, чтобы не утонуть в *мещанском болоте*. Карпов. Не род. счастлив.» [16. С. 690];

— в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова: «1. Водоем со стоячей водой, поросший влаголюбивыми растениями; топкое, сырое место. • По народным поверьям: обиталище злых духов и всякой нечисти (кикиморы, болотника, водяных, чертей и т.п.). 2. *чего и с опр.* О среде, состоянии или обстановке, где преобладает косность, застой. Провинциальное болото. Скатиться в болото мещанства. Засосало болото обывательщины. || Об общественных группах, течениях и т.п., которым свойственно отсутствие активности, инициативы. *Административное, бюрократическое болото. Две трети парламента составляет болото*» [17. С. 89];

— в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой: «1. Избыточно увлажнённый участок земли со стоячей водой и зыбкой поверхностью, заросший влаголюбивыми растениями. 2. *перен.* Общественная среда, находящаяся в состоянии застоя, косности. *Болото обывательщины*. 3. *ед.* В старых народных представлениях: топь, трясына как место обитания нечистой силы» [18. С. 54–55].

Как видим, словари объективно отразили динамику преобразования семантики слова *болото* в направлении от географического термина к острой социальной характеристике. И как дьявол таится в деталях, так и в семантических вариантах и нюансах этой общей характеристики обнаруживается некая иерархия, заслуживающая специального анализа, который и предлагается ниже.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что, хотя социальное значение слова *болото* мы рассматриваем специализировано, во многих контекстах оно ещё тесно связано со значением географическим, что делает переносное употребление и более наглядным, и более экспрессивным: *Автор рисует провинциальные городки, провинциальных людей, рисует муравьев в их муравейниках; но связи этих кучек и болот с природой, связи с мировой жизнью вы у него нигде не видите, потому только, что он ее не понимает и не видит сам* (Н.В. Шелгунов. Люди сороковых и шестидесятых годов (1867) // «Дело», 1869) [8].

Синкретизм прямого и переносного значений может достигаться и путём сравнения косной жизни с болотом: *Как только пришло время выборов, вся Россия, все медвежьи углы ее зашевелились. Устоявшаяся, подобно болоту, сонная и пресная жизнь страны получила острую закваску* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев, 1934–1939) [8]; *Под влиянием военных неудач на прежнюю жизнь, тихую и затхлую, как застоявшееся болото, подул свежий ветер критики* (А.С. Новиков-Прибой. Цусима, 1932–1935) [8].

В некоторых случаях оживление исходного образа концепта БОЛОТО подчёркивается путём апелляции к его анималистической или мифологической ипостаси: *Я не смею бранить ее* (газету «Северная пчела». – Т.Л., В.М.), *хотя она меня жестоко мучит, заставляя смеяться, когда мне хочется плакать, писать, когда меня клонит сон, читать пуды вздору <...> быть аистом и велит очищать литературное болото от лягушек*, чтоб они не надоедали вам своим кваканьем (Ф.В. Булгарин. Обед, 1840) [8]; *Прощайте, друзья, делившие со мной радости и горести на крутых поворотах дороги в никуда, прощайте, женищины, подарившие мне любовь или отказавшие в ней, прощайте, все, кто сжигал души до углей, чтобы, подобно блуждающим огням, освещать нелегкий путь по топкому болоту жизни, кишащему кощьями, кикиморами, лешими, бесами и прочей козлонопартийной нечистью* (Б. Левин. Блуждающие огни, 1995) [8].

Связь с исходным значением эксплицируется и эпитетами слова болото в социальном значении. Они, как и в «ментальной» характеристике этого концепта, разработанной В.В. Колесовым, градуированы от конкретной до все более «социализированной» семантики – *топкое, засасывающее, стоячее, вонючее* и под.: *Россия почти на двадцать лет погрузилась в топкое болото застоя* (О. Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича, 1997) [8]; *Грубость, невежество и соединенное с ним суеверие – обыкновенные спутники жизни без света, без знания, без права критики вековых устоев «темного царства»*. Нужны очень счастливые способности в соединении с особой душевной стойкостью, чтобы выбраться из засасывающего болота подобной жизни и стать на твердую почву. Но прежде чем перейти к детству Кольцова, мы должны сделать маленькую историческую и географическую экскурсию (В.В. Огарков. Алексей Кольцов. Его жизнь и литературная деятельность, 1891) [8]; *Москва, несмотря на свои cafes chantants и омнибусы, была всё-таки стоячее болото* (С.Г. Боровиков. В русском жанре – 16 // «Волга», 2000) [8]; *И вот vedi эти похабные разговоры, объяснения, гваздайся в этом вонючем болоте* (А.А. Баркова. Дневник, 1957) [8].

Сохранение ассоциативной преимущества с географической семантикой обеспечивается и глаголами, с которыми сочетается слово болото в переносном социальном значении: *утопать, окунаться, погрязнуть, загрязниться, тонуть* и под.: *Но мало-помалу и эта докучная мысль начинает беспокоить вас реже и реже; вы даже сами спешите прогнать ее, как назойливого комара, и, к полному вашему удовольствию, добровольно, как в пуховике, утопаете в болоте провинциальной жизни, которого поверхность так зелена, что издали, пожалуй, может быть принята за роскошный луг* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки, 1856–1857) [8]; *Тогда-то вновь появляются те милые очи. Они как будто поддерживают меня, мешают окунуться в грязное <...> мелкое болото жизни...* (Л.К. Даянова. Дневник, 1908) [8]; *Ведь не пропадет же у такого поэта такой голос оттого, что он оку-*

нется с головой в болото московской советской литературной жизни – имажинизма, Всероссийского союза поэтов, казенных издательств (Г.В. Иванов. Петербургские зимы, 1926) [8]; *Социалистическо-бюрократическое государство тонULO в болоте христианских обычаев* (Владимир Спектр. Face Control, 2002) [8].

Ср. также сочетания *вытаскивать из болота, построить мостик через стоячее болото*, семантически тяготеющие к этой группе: *Как могут не увлечь молодого человека с живой душой, еще не окунувшегося с головой в омут житейской суетности, мысли, выражаемые красивыми фразами? Они как бы вытаскивают из стоячего болота нашей повседневной жизни, с надеждой украшают наш путь!* (Н. Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое, 1930–1935) [8]; *Мы должны построить мостик через болото этой гниющей жизни к будущему царству доброты сердечной, вот наше дело, товарищи!* (М. Горький. Мать, 1906) [8].

Не теряя связи с исходным значением, слово болото, как видим, всё прочнее встраивается в социальную лексику. Приведем один небольшой факт, установленный в ходе поиска контекстов по материалам Национального корпуса русского языка [8]. При запросе на выявление текстовых фрагментов, в которых соседствовали бы (на расстоянии от 1 до 6 слов) слова болото и жизнь, обнаруживается 58 вхождений, из которых подавляющее большинство представляют собой оценочные характеристики социальной жизни с привлечением образа болота. Если же ввести запрос на соседство слов болото и смерть (в том же диапазоне), то пользователь получает 10 контекстов, притом все они описывают непроходимость природных болот и гибель людей либо животных в топи. Из этого следует главное: у образа болота есть предназначение служить для характеристики жизни. И здесь обнаруживается определённая семантическая специфика прямого и переносного значений слова болото: бином болото – смерть целиком остаётся в диапазоне прямого значения, в то время как бином болото – жизнь – в диапазоне переносного, социально маркированного значения. Заметный количественный перевес в зоне переносной социальной семантики – это ещё одно свидетельство социальной направленности эволюции концепта БОЛОТО. При этом экзистенциальная оппозиция концептов ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ в нашем случае не обнаруживает категорической диаметральности. Ведь «болотная жизнь» оборачивается застоем, косностью, духовной смертью.

Жизнь в болоте – это царство, убивающее индивидуальность и инициативу, существование по принятым многими правилами, признающее участие многих в такой жизни. Это провинциальная жизнь с вменяемыми ей характерологическими чертами нецивилизованности, отдаленности от крупных городов с приписываемой им прогрессивностью, быстрым накоплением изменений, средоточием культурной жизни: *Человек этот, умный и очень нервный, вскоре после курса как-то несчастно женился, потом был занесен в Екатеринбург и, без всякой опытности,*

затерт в **болото провинциальной жизни** (А.И. Герцен. Былое и думы, 1854–1858) [8]; Много я ездил по России: имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому, жаждущему свежего воздуха среди вонючего **болота провинциальной жизни** (И.С. Аксаков. Письма родным, 1849–1856) [8].

Ad adversum в некоторых контекстах «болотная жизнь» избирается самим индивидуумом в силу псевдопривлекательности единения людей одной культуры в мирном длительном неизменном существовании, общей среды с ее обыденностью: Он слышал иногда от них рассказы о разного рода играх бурсаков, о бурсацких богатырях, их похождениях, проделках с начальством – рассказы, которые казались ему очень привлекательны: все это породило в нем страстное желание как можно скорее, всецело, по самым ушам окунуться в **болото бурсацкой жизни** (Н.Г. Помяловский. Очерки бursы, 1862) [8].

Спокойное ровное течение жизни, без происшествий, ее нарушающих, обыденность также ассоциируется с болотом: Может быть, Юрий был бы тем первым, кто обрушит в **стоячее болото корпусных будней торжественную и праздничную весть: война!** (Л.С. Соболев. Капитальный ремонт, 1932) [8]; И не только эту смерть увидел теперь Чехов: увидел он и другую, быть может, еще более мучительную, медленную смерть – увидел тысячи заживо погребенных в **болоте пошлой и мелкой обыденной жизни** (Е.И. Замятин. Чехов и мы, 1924) [8].

В текстах со словом **болото** делается акцент и на идее бездеятельности, застоя: Символизм мог существовать только в обстановке **болота политической жизни** (В.Г. Шершеневич. Великолепный очевидец, 1934–1936) [8]; Первое мое преступление <...> есть то, что я, ничтожный человечка, недоучка, разрушил мир тайги, перевернул тайгу вверх корнями, **внедрил в стоячее болото деятельную жизнь** (В.Я. Шишков. Угрюм-река, 1913–1932) [8].

Эта идея разрабатывается введением в контексты смыслов намеренного нарушения этого состояния, прекращения неизменности существования внешним вмешательством, идеи внезапных перемен, что получает выражение в глаголах взорвать, встряхнуть, расшевелить: Парижская Выставка Зверева была первой бомбой, **взорвавшей** застойное **болото** нашей культурной жизни (Зана Плавинская. Отражение // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.08.04) [8]; Нам там кричали другое: **прорабы перестройки, встряхните дома стоячее болото!** [Светлана Алексиевич. Цинковые мальчики, 1984–1994) [8]; Но, как и в 70-е годы XIX века, кажется, что главное – только **расшевелить болото** российской общественной жизни и народ поднимется (Ю. Богомолов. Новые бесы и старые мошенники // «Известия», 2002.10.09) [8].

Мысль о единении человека с обществом, присоединении его к этому общему пространству в концептуальном спектре «Болота» выглядит амбивалентно. Такое единение не происходит по его собственной воле, что подчёркивается сочетаниями с глаголами объектного действия **затянуть, засосать** и их дериватами: Как же ты позволил **затянуть себя**

в болото? Да не в то, первородное, лесное, родное, а в болото новомодное, булькающее гниlostными выделениями оборотистых варваров-деловаров – обезьяноподобных, гиенообразных, спрутоморфных (Марина Палей. Дань саламандре, 2008) [8]; Писатель пришел в литературу как проснувшаяся совесть нации, но оказался **засосан в болото** новых правых (В.В. Бибихин. От славянофилов до новых правых, 1988) [8];

Отсюда – и характеристика «болотной жизни» как существования без личных достижений, открытий, творчества, совершенствования: Алексей Петрович, сорокалетний мужчина <...> не сделал большой карьеры, все **проваливался как на болоте** в этой московской жизни, в которой и сам понимал так же мало, как тогда, когда приехал и поступил в аспирантуру (Л. Петрушевская. К прекрасному городу, 1997) [8]; При этом первоначально прогрессивная школа научного руководителя неизбежно превратится в **стоячее болото** и умрет либо еще при жизни, либо тотчас после смерти ее основоположника, так как у него не будет творческих наследников (В.И. Гольдманский. Слово о Семенове, 1996) [8].

Единение людей в низменном, бездуховном существовании, лишенном устремлений, развития, совершенствования ведёт, в сущности, к нейтрализации глобальной оппозиции «жизнь – смерть», то есть превращению болотного существования в духовную гибель: Их души **омертвели в стоячем болоте** бездуховной обыденности, а их жизнь лишена какой бы то ни было возвышенной цели и смысла (Феликс Раскольников. Статьи о русской литературе, 1986–2000) [8]; В каком **духовном болоте** прожил всю свою жизнь Маркс и как этим болотом заразил весь мир, все сознание человеческое (А.Д. Шмеман. Дневники, 1973–1983) [8].

Бином **болото – жизнь** представлен в текстах, содержащих негативную характеристику общества, в котором жизнь основывается на суевериях, утративших осмысленность обрядах, отсутствии знаний, образования, развития: **Гнилые болота – термин иносказательный: это жизнь в тех ее формах, которые завещаны нам историей, это сплетение всякого рода обрядностей, хотя и утративших живой смысл, но имеющих за собою внешнюю, грубую силу и потому безапелляционно подавляющих в человеке всякое движение в смысле самостоятельности и независимости** (М.Е. Салтыков-Щедрин. Засоренные дороги и с квартиры на квартиру. Роман и рассказ соч. А. Михайлова, 1868) [8]; Мир – **гнилое болото; жизнь – засоренная дорога!** (М.Е. Салтыков-Щедрин. Засоренные дороги и с квартиры на квартиру. Роман и рассказ соч. А. Михайлова, 1868) [8].

Болотная жизнь – это и единый государственный строй с неудовлетворительно организованной политической и экономической жизнью, который описывается словом **болото** в сочетании с атрибутивом, указывающим на принадлежность к стране или региону: Необъятное, непроглядным мраком покрытое, тянется перед нами **болото российской жизни**, и блудящими огоньками бегают вдали иллюзии, манящие неопытных в теплый и светлый уголок и приво-

дящие их в холодную тряси́ну (Народная воля. Социально-революционное обозрение. № 1 // «Народная воля», 1879) [8]; *Она почувствовала себя силой и решила встряхнуть застоявшееся болото китайской политической жизни* (В.М. Шулятиков. Международное положение // Рабочее знамя, 1908) [8]; *Это тот второй чуда́к, который скорбел о мытаре и ждал о падшем и который, не потонувши, прошел если не по морю, то по мецанским болотам английской жизни, не только не потонувши, но и не загрязнившись!* (А.И. Герцен. Былое и думы, 1864) [8]; Газопровод «Южный поток», еще не будучи запущен, уже вызвал в европейском политическом «болоте» целый шторм, немилосердно раскачивающий евролодку и грозящий Брюсселю настоящим евробунтом (Повестка дня // «Эксперт», 2014) [8].

Метафора болота разворачивается в целый фрейм, основанный на представлениях о превращении водного потока в застойную гнилостную воду, при характеристике извращенного, «неправильно устроенного» сообщества, организованного с нарушением разумного порядка, традиций, претерпевшего изменения под влиянием каких-либо социальных факторов: *Феминизм – не столько защита слабых, сколько уничтожение сильных. Эта плотина, перегородившая вечно живую реку эволюции, и вот уже все мы плещемся не в кристально чистом, стремительном потоке, а барахтаемся в мутной жиже, где отовсюду слышится мерзкое кваканье. И пусть многие из лягушек – вылитые принцессы, лучше от этого не становится. В конце концов, не каждому нравится жить в болоте. Беда в том, что, кроме болот, других пригодных для жизни мест, похоже, уже не осталось* (Сергей Дигол. Старость шакала // «Волга», 2012) [8].

Единение коллектива людей, общества и государства в призме концепта БОЛОТО предстает как псевдоединение, поскольку его изнанку составляют наихудшие нравственные проявления – распространение сплетен, злобствование, предательство и т.п.: *Я не буду вам говорить разные пошлости про зависть и интриги бездарностей <...> про сплетни того болота, которое называется обществом* (А.И. Куприн. Полубог, 1896) [8]; *Вставка начальника почтовой конторы точно открыла шлюз вонючему болоту сплетни* (А.И. Куприн. Черная молния, 1912) [8]; *Кутерьма произошла немалая: болото наше взволновалось, и многие сотрудники готовятся в перебежчики* (А.П. Чехов. Письма Александру Павловичу Чехову, 1903) [8]; *Я совсем испортил себе за последнее время расположение духа: пошли в нашем болоте дразги и сплетни: разругались мы с N. и, кажется, навсегда...* (В.М. Гаршин. Письма В.М. Латкину, 1885) [8].

«Изнаночная» семантика «болотного единения» объясняет и такую его характеристику, как вражда людей и коллективов с неодинаковыми взглядами. Глагол *ненавидеть* и субстантив *ненависть* как маркеры семантики вражды присутствуют в ряде выражений. Такая маркировка, между прочим, задана народной пословицей *Болото всегда ненавидит гору* [19. С. 342]. Здесь оппози́тами выступают образы горы и болота. Эта пословица обнаруживается и развёр-

тывается в художественных текстах, в частности, в рассказе Анатолия Алексина «...И Екатерина Ильинична» для описания отношений между людьми с разными нравственными принципами: *Запомни, Петя: болото всегда ненавидит гору. И чем выше гора, тем больше это раздражает болото* (А. Алексин. Сигнальщики и горнисты, 1985) [8]. Персонаж рассказа Гнедков, еще школьником во время военных обстрелов проявивший себя как трус, из-за которого погибла девушка Таня, на протяжении всей своей жизни очернял своих одноклассников, даже после их гибели. Олицетворение болота (оно изображается способным ненавидеть) объективирует социальную сущность денотата: «человек болота» и – условно – «человек горы», принадлежа к одной среде (дети выросли в одном городе, в одном дворе, в общей компании), различны в нравственном отношении.

Бездеятельность и активность также представляют собой противопоставленные жизненные позиции, и они взаимно воинственно настроены. Ненависть к болоту как очагу мертвящей жизни эксплицируется в некоторых контекстах с большой эмоциональной силой: *Я ненавижу мир, и мир, то есть болото, спячка, взаимно ненавидят меня* (В.Я. Шишков. Угрюм-река, 1913–1932) [8]; *Безумный гнев, тоску о красоте и ненависть к стоячему болоту жизни – это я люблю в искусстве...* (М. Горький. Мои интервью, 1906) [8].

Даже единение основной ячейки общества – семьи характеризуется через «болотную» призму скептически, если не нигилистически: *Муж и жена – одно болото* [20. С. 181]; *В минуту просветления, в 4-м акте, у него мелькнуло в голове, что жизнь его с Олей будет таким же болотом, как жизнь Завалишина с женой* (С.Н. Дурьлин. Комментарии к пьесе Островского «Светит да не греет», 1951) [8].

Более сложным случаем кажется интерпретация «своего болота» как единения человека с малой родиной, приводимая Т.А. Демешкиной [4. С. 98] в связи с цитатой из сказа Юрия Лаврова «Мое болото» о красотах его родного Васюганского края, где он пишет, что «*похвалился своим болотом*», потому что «*Каждый кулик хвалит свое болото. Болото же это засосало меня на всю жизнь. Здесь я родился, здесь живу. Этим и горжусь!*». Этот индивидуально-авторский семантический разворот на самом деле имеет надежное подспорье в диалектной среде.

Надо сказать, что русская народная речь регистрирует преимущественно прямое значение слова *болото*, что свидетельствует об эволюции его социального значения именно в литературном языке, а не обиходном. «Словарь русских народных говоров», будучи дифференциальным диалектным словарем, естественно, не приводит для нашей лексемы общерусского значения «болото». Но и все другие её 4 значения отражают лишь географическую или земледельческую семантику – ‘лужа’, ‘озеро’, ‘лес’, ‘сено’ [21. Вып. 3. С. 80]. Даже в «Псковском областном словаре», полного типа, включающем и литературные «приращения» к народному лексикону, слово *болото* квалифицируется прежде всего в терминологических значени-

ях 'низкое, топкое место, поросшее осокой, кустарником, мелкими деревьями' и 'углубление в земле, где скапливается вода' [22. Вып. 2. С. 89–90]. Правда, при этом здесь выделено и 3-е, переносное, значение 'глушь, захолустье', которое уже находится в русле социальной коннотативности, свойственной, как было показано выше, русскому литературному языку: *Мы ищем балотам эта места: да всяво даляко, да Лавров даляко* [22. Вып. 2. С. 89]. Любопытнее же то, что во втором словарном примере присутствует позитивная оценочность, которая подсказывает, что в нем реализуется иное значение: *Не хочещи кидать своё болото, здесь родифши* [22. Вып. 2. С. 89]. В этом случае воплощается совершенно особый семантический признак 'родной' – тот же самый, что и в известной пословице *Всяк кулик свое болото хвалит*. Все в том же псковском словаре обнаруживаем паремию: пск. *Болото не без беса* 'езде найдутся плохие люди' [22. Вып. 2. С. 89]. Объясняется это тем, что в основе ландшафтного термина *болото* лежит сема 'место', поэтому неудивительно, что в контекстном окружении слова находятся обозначения «типичных жителей» этого локуса: *кулик* и *бес* (в художественной литературе находим также упоминание лягушек и некоторых других «эталонных» жителей болота: *Одни мы тут сидим. Как лягушки в родном болоте* [Гоар Маркосян-Каспер. Кариатиды // «Звезда», 2003 [8]). В русском литературном языке эта идея закрепляется путем коллокации *родное болото*, которая весьма употребительна и по настоящее время: *Противоречия сложившимся тенденциям к нахваливанию родного болота, придется отметить, что в некоторых городах Украины размерами поменьше поэтическая жизнь кипит куда активнее* (Сергей Куликов. О современной днепропетровской поэзии // *Litera Dnepr*, 2012 [8]; *Закричать «караул!» Осушить родное болото, попробовать превратить его в Швейцарию. Или плюнуть и уехать к черту на кулички. Но можно поступить иначе: изменить свой взгляд на болото* (Анатолий Цирульников. Болотообразование // «Знание – сила», 2008) [8]; *Все вложенные в бизнес-школе идеи студенты забывали моментально – попав в родное болото-окружение на фабрике «Красный треугольник»* (Елена Давыдова. Сам себе лидер // «Карьера», 2003.11.01) [8]; *А дома что начнется, на родных болотах! Жабий вой, комариный писк. Тот же холощенный Безыменский со своей кочки расквакается: предатель трудового народа, отщепенец!* (Давид Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // «Октябрь», 2001) [8].

Разумеется, идея болота-родины, получившая воплощение в приведенных отрывках текстов, не есть находка писателей XXI в. Она зародилась значительно раньше, о чем свидетельствует и диалектный материал (который мы не можем привести здесь в полном объеме), и образцы более ранних литературных текстов, по крайней мере с XIX в.: *Все это явилось потом, когда отцовские дела несколько расстроились и когда из блестящего кружка московских и петербургских знаменитостей, встреченных в позднейшей поездке, поэт попал снова в родное болото*

(В.В. Огарков. Алексей Кольцов. Его жизнь и литературная деятельность, 1891) [8]; *Много нужно усилий, чтобы втащить человека на вершину горы, и совершенно не нужно труда, чтобы он скатился с нее и увяз снова в грязной тине старого, родного болота...* (А.К. Шеллер-Михайлов. Господа Обносковы, 1868) [8]; *Если и являлась жизнь, выходящая за пределы русских будней, то эта жизнь была затаенная, глухая, одиночно-исключительная, умственная, идеальная. Родное болото не производило ничего, кроме лишенной аромата клюквы, и никакая сила не создала бы из этого мертвого материала прогрессивный идеал. Европа и тут, как всегда, протянула нам руку помощи* (Н.В. Шелгунов. Люди сороковых и шестидесятых годов (1867) // «Дело», 1869) [8]; *Этот характер и среда, в которой он развивался, наша родная почва, или, лучше, наше родное болото, утягивающее, морящее исподволь, заволакивающее непременно всякую личность, как она там себе ни бейся, – вот что мне хотелось представить в моей повести* (А.И. Герцен. Долг прежде всего, 1851) [8].

Таким образом, именно в народной речи обнаруживаются истоки двух деривационных векторов в гнезде слова *болото*: (1) 'топь, дикое труднодоступное место' > 'глушь, провинция, отдаленная от крупных центров социальной жизни'; (2) 'локус с его обитателями' > 'родина'.

Подводя итоги исследования, отметим, что анализ семантической эволюции концепта БОЛОТО демонстрирует динамику его социальной составляющей. Ее источником, естественно, стало географическое, терминологическое значение слова. Для церковно-богословского дискурса XVII в. характерно функционирование слова *блато* в роли обозначения этической категории греховности, безнравственности, т.е. «нравственной грязи». Народная речь сконцентрировалась на образах провинциальной глуши и малой родины. Но наиболее причудливо вторичная семантика антропоцентрического характера развилась у географического (ландшафтного) термина *болото* в книжно-письменной традиции. Как показывает анализ данных Национального корпуса русского языка, метафора болота привлекается для характеристики (1) провинциальной глуши, (2) малой родины, (3) застоя общественно-политической жизни, (4) общества с извращенными нравами; (5) коллектива, в котором царят интриги и нечестные способы конкуренции; (6) семейного быта.

Таким образом, постепенно обогащаясь новыми оценочными смыслами и коннотациями, воплощенными в словосочетаниях, концепт БОЛОТО в XVIII в. обрёл (под влиянием европейских литературных языков) чекан социальной характеристики, которая усиливалась и детализировалась в контекстах писателей и публицистов XIX–XX вв. В современном литературном русском языке эта характеристика стала не менее, если не более востребованной и актуальной, чем исходная географическая, что обусловлено неоднозначными процессами, которые переживало и переживает российское общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология : семасиологические этюды. М. : Наука, 1969. 262 с.
2. Мокиенко В.М. Лингвистический анализ местной географической терминологии (псковские апеллятивы, обозначающие низинный рельеф, на славянском фоне) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л. : ЛГУ, 1969. 22 с.
3. Мокиенко В.М. Семантические модели славянской топонимической терминологии : местные географические термины // Вопросы географии. 1970. № 81. С. 71–77.
4. Демешкина Т.А. Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «БОЛОТО») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 85–103.
5. Колесов В.В. Словарь русской ментальности : в 2 т. / В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. СПб. : Златоуст, 2014. Т. 1 : А–О. 591 с. Т. 2 : П–Я. 592 с.
6. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1893–1912. Т. I : А–К. 1893. 71 с.; Т. II : Л–П. 1902. 771 с.; Т. III : П–Я и дополнения. 1912. 996 с.
7. Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.) / под ред. О.С. Мжельской. СПб. : Изд-во СПб. ун-та; Наука. 2004–2019. Вып. 1–8. (издание продолжается).
8. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 11.06.2020).
9. Словарь русского языка XVIII вв. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб. : Наука. С.-Петерб. отд-е, 1992–2007. Вып. 7–17.
10. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов : в 2 т. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1999. Т. 1.
11. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1975. 656 с.
12. Röhrich L. Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten : Bd. I–V. Feiburg – Basel – Wien : Verlag Herder, 1995. Bd. V. 1910 s.
13. Михельсон М.И. Русская мысль и речь : своё и чужое : опыт русской фразеологии : сб. образных слов и иносказаний. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, Т. 1, 1903. 779 с. Т. 2, 1905. 800 с.
14. Толковый словарь русского языка / сост. Г.О. Винокур; под ред. Д.Н. Ушакова : в 4 т. М. : Русские словари, 1995. Т. 1 : А–Кюрины. 1935. 1562 с. Т. 2 : Л–Ояловеть. 1938. 1040 с. Т. 3 : П–Ряшка. 1939. 1424 с. Т. 4 : С–Яшурный. 1940. 1500 с. (Репринт издания : М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940).
15. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. : Наука ; Л. : Издательство АН СССР, 1950–1965. Т. 1.
16. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / [гл. ред. К.С. Горбачевич] ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Рус. яз., 1991–1994. Т. 1.
17. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
18. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / ред. Н.Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011. 1175 с.
19. Соколова М.И. Народная мудрость : пословицы и поговорки. Новосибирск : Офсет, 2009. 622 с.
20. Иллюстров И.И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках : сб. русских пословиц и поговорок. 3-е изд., испр. и доп. М. : Тов-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1915. XIII, [2]. 480 с.
21. Словарь русских народных говоров / ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.; Л.; СПб. : Наука, 1965–2019. Т. 1–51. (издание продолжается).
22. Псковский областной словарь с историческими данными. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1967–2008. Вып. 1–20.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 декабря 2020 г.

The SWAMP Metaphor in Characteristics of Society

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 13–21.

DOI: 10.17223/15617793/465/2

Tatyana V. Leontyeva, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: leotany@mail.ru

Valery M. Mokienko, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation); Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: mokienko40@mail.ru.

Keywords: ethnolinguistics; semantics; phraseology; swamp; social environment.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”.

The article deals with the semantics of the word *swamp*, which can characterize the state of human society. The study is relevant due to the wide usage of such phrases as *social swamp*, *provincial swamp*, *Moscow life swamp*, etc. in the modern literary language. The novelty of the study is determined by the fact that currently there is no experience in a systemic interpretation of the social semantics of the word *swamp*. The authors have used definitional, semantic, and contextual analyses as well as lexicographic modeling. They analyzed lexical entries that helped to discover peculiarities of a lexicographic fixation of the data on the analyzed word's meaning. It has been revealed that the Old Russian dictionaries from the 12th till the late 15th centuries featured only the direct geographical meaning of the words *blato* and *boloto* ('swamp'). The use of the church Slavonicism *blato* meaning the moral concept of sinfulness, immorality, i.e. 'moral filth', was typical of the church-theological discourse of the 17th century, whereas the texts frequently displayed the opposition *zlato* ('gold') – *blato* ('swamp'). The first contexts where *boloto* ('swamp') was used to name the undesirable social environment, in which a person found themselves, were recorded in the 18th century. After that the *swamp* social semantics was extensively developed. The anthropological semantics of this word family managed to develop because of the base that already existed in Russian common dialects. Folk speech reveals the sources of two derivational vectors in the *swamp* word family: (1) 'bog, wild hard-to-reach place' > 'backwater, boondocks, remote from large centers of social life'; (2) 'locus with its inhabitants' > 'homeland'. Other European languages show similar tendencies for the *swamp* identification. Particularly, in German the word *Sumpf* ('swamp') is a part of phrases with the inner form 'go down into the swamp', meaning transition to a lower social class and moral decline. Apparently, the social evaluativity of the word *swamp* in the Russian literary language developed under the influence of the European languages, German in particular (via the translated literature of the post-Petrine era). Analysis of the contexts found in the Russian National Corpus helped to discover that the geographical (landscape) term *swamp* had developed the fanciest secondary semantics of the anthropocentric nature in the book-written tradition. The swamp metaphor is used to characterize (1) provincial backcountry, (2) lesser homeland, (3) stagnation of social and political life, (4) a society with moral perversion, (5) a group of people ruled by intrigues and dishonest methods of competition, (6) daily routine of a family. Thus, while enriching itself with new evaluative meanings and connotations embodied in phrases, in the 18th century the swamp concept gained (under the influence of

European literary languages) social connotations that became stronger and more detailed in contexts of the writers and publicists of the 19th and 20th centuries.

REFERENCES

1. Tolstoy, N.I. (1969) *Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya: semasiologicheskie etyudy* [Slavic Geographical Terminology: Semasiological studies]. Moscow: Nauka.
2. Mokienko, V.M. (1969) *Lingvisticheskiy analiz mestnoy geograficheskoy terminologii (pskovskie apellyativy, oboznachayushchie nizinnyy rel'ef, na slavyanskom fone)* [Linguistic analysis of local geographic terminology (Pskov appellatives denoting lowland relief against a Slavic background)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
3. Mokienko, V.M. (1970) Semanticheskie modeli slavyanskoy tel'mograficheskoy terminologii: mestnye geograficheskie terminy [Semantic models of Slavic telmographic terminology: local geographical terms]. *Voprosy geografii*. 81. pp. 71–77.
4. Demeshkina, T.A. (2019) The world of nature in the mirror of the dialect (a case study of the concept “swamp”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 62. pp. 85–103. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/62/6
5. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoy mental'nosti* [Dictionary of the Russian Mentality]. Vols 1–2. Saint Petersburg: Zlatoust.
6. Sreznevskiy, I.I. (1893–1912) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments]. Vols 1–3. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
7. Mzhel'skaya, O.S. (ed.) (2004–cont.) *Slovar' obikhnodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi (XVI–XVII vv.)* [Dictionary of the Everyday Russian Language of Moscow Russia (16th – 17th Centuries)]. Vols 1–8. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; Nauka.
8. *Russian National Corpus*. (n.d.) [Online]. Available from: www.ruscorpora.ru (Accessed: 11.06.2020). (In Russian).
9. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1984–2007) *Slovar' russkogo yazyka XVIII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Centuries]. Vols 1–17. Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.
10. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 13 560 slov* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language: 13,560 words]. 3d ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
11. Binovich, L.E. & Grishin, N.N. (1975) *Nemetsko-russkiy frazeologicheskii slovar'* [German-Russian Phraseological Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
12. Röhrich, L. (1995) *Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten*. Vols 1–5. Feiburg; Basel; Wien: Verlag Herder.
13. Mikhel'son, M.I. (1903–1905) *Russkaya mysl' i rech': svoe i chuzhoe: opyt russkoy frazeologii: sb. obraznykh slov i inoskazyaniy* [Russian Thought and Speech: One's own and someone else's: The experience of Russian phraseology: Collection of articles, figurative words and allegories]. Vols 1–2. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
14. Ushakov, D.N. (ed.) (1995) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–4. Moscow: Russkie slovari. (Reprint of 1935–1940. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey).
15. Chernyshev, V.I. (ed.) (1950) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Vol. 1. Moscow: Nauka; Leningrad: USSR AS.
16. Gorbachevich, K.S. (ed.) (1991) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
17. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.
18. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2011) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words]. Moscow: Azbukovnik.
19. Sokolova, M.I. (2009) *Narodnaya mudrost': posloviy i pogovorki* [Folk Wisdom: Proverbs and sayings]. Novosibirsk: Ofset.
20. Illyustrov, I.I. (1915) *Zhizn' russkogo naroda v ego poslovitsakh i pogovorkakh* [The Life of the Russian People in Its Proverbs and Sayings]. 3d ed. Moscow: Tov-vo skoropechatni A.A. Levenson.
21. Filin, F.P., Sorokoleto, F.P. & Myznikov, S.A. (eds) (1965–cont.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.
22. Larin, B.A. et al. (eds) (1967–2008) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Vols 1–20. Leningrad: Leningrad State University; Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

Received: 10 December 2020

М.В. Лесняк, А.А. Товкаленко

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СПИКЕРА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ПРОЕКТА TED CONFERENCE)

Предлагается прагмалингвистический анализ коммуникативных стратегий англоязычных спикеров в жанре научно-популярной лекции, размещенной на онлайн-платформе TED-Conference. В ходе исследования были выявлены и описаны три стратегии, направленные на формирование позитивного отношения к достижениям научно-технического прогресса, а также установлена частотность выбора ораторами соответствующих тактик, что позволяет раскрыть специфику дискурсивных практик англоязычных спикеров в научно-популярном медиадискурсе.

Ключевые слова: научно-популярный медиадискурс; спикер; коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; коммуникативный ход; речевой акт.

Введение

Тенденции интернационализации, глобализации и развития телекоммуникационных технологий приводят к образованию новой информационной среды, сформированной газетами, журналами, телевидением, радио, ресурсами интернета и рекламой и обеспечивающей процесс общественного самопознания, взаимодействия всех социальных субъектов и формирования общественного мнения. Среда, которая в период 1990–2010-х гг. входит в научный инструментарий под именем «медиадискурс». Такой ее всеобъемлющий характер представляет благодарный материал для изучения инструментов влияния, среди которых одним из важнейших выступает речевое поведение и актуализирующие его коммуникативные стратегии и тактики. Учет элементов прагмалингвистического измерения, к которым относят особенности коммуникативной ситуации, причины порождения интенций коммуникантов, средства взаимодействия и др., определяет *актуальность* изучения коммуникативных стратегий в современной лингвистике.

Теоретическую базу настоящего исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых следующих научных направлений: лингвопрагматики, теории речевых актов и теории речевой деятельности (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Г.П. Грайс, В.З. Демьянков, В.В. Красных, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, Дж. Остин, Дж. Серль и др.), теории дискурса (М.М. Бахтин, Т.А. ван Дейк, В.З. Демьянков, М.Р. Желтухина, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, и др.), функциональной и скрытой прагмалингвистики (И.А. Зюбина, Г.Г. Матвеева, Т.В. Куклина, А.В. Ленец, Л.А. Моисеенко, И.В. Самарина, Л.Н. Селиверстова, Е.В. Фирсова и др.). Большинство исследователей рассматривают в качестве составляющих коммуникативной стратегии цель, намерения и установки говорящего (О.С. Иссерс, И.П. Сусов, В.З. Демьянков), осознанно сформированный план по достижению этой цели, средства и условия реализации плана (О.С. Иссерс, М. Макаров, И.В. Самарина). Нередко к конституентам приписывают и достигнутый в ходе воплощения плана результат [1. С. 284] или возможность его воплощения [2. С. 19]. Необходимо отметить, что внимание исследователей по-

следних лет сконцентрировано на политическом дискурсе и медиадискурсе (М.Р. Желтухина, И.А. Зюбина, М.В. Лесняк, О.Н. Паршина), речевом воздействии в научном дискурсе (Е.И. Варгина, В.Е. Чернявская), влиянии дискурсивного взаимодействия на стратегии (Е.А. Костяшина), коммуникативных стратегиях медиадискурса (А.И. Дубских), адресных стратегиях (А.Ю. Киселев), стратегиях убеждения (М.И. Дмитриева, Н.Н. Николаева) и презентации специальных знаний (Т.А. Воронцова) научно-популярного дискурса, что позволяет заключить, что рассмотрение коммуникативных стратегий в качестве наиболее эффективных речевоздействующих практик для продвижения и формирования положительного восприятия современных научных разработок в дискурсивном поле научно-популярного медиадискурса является очевидным пробелом в работах лингвистов последних лет.

Методология

Для устранения существующего пробела *целью* настоящего исследования выбраны коммуникативные стратегии англоязычных спикеров в пространстве научно-популярного медиадискурса в прагмалингвистическом аспекте, а именно в ситуации проекта TED-Conference (от англ. Technology – технология, entertainment – развлечение, design – дизайн). Данный проект представляет собой мероприятие, объединяющее спикеров из всех стран мира и направленное на популяризацию и продвижение идей и актуальных достижений в обществе через интернет, в частности материалы выступлений доступны в виде видеозаписей на сайте TED.com, на канале YouTube, а также в одноименном приложении для смартфона. Популярными публичными лекциями представлены в проекте TED как неформальные лекции касательно некоторого предмета. Руководство для ораторов конференции TED определяет talk как короткое (не более 18 минут) устное выступление, понятное широкой публике, затрагивающее актуальную тему и основанное на личном научном исследовании оратора. Данные выступления обладают следующими характеристиками, присущими медиадискурсу: разворачивание лекций происходит

в сфере массовой коммуникации; отношения коммуникативной пары адресант – массовый адресат асимметричны; массовый адресат является собой многочисленную, гетерогенную по какому-либо признаку (возраст, социальная принадлежность, место и т.д.) группу непрофессионалов в некоторой области знаний, что приводит к необходимости использования «усредненного», а в некотором смысле и упрощенного кода, понятного массовому потребителю. Природа публичной популярной лекции монологична, а интерактивность носит вспомогательный характер, что, в свою очередь, обуславливает наличие таких форм обратной связи, как комментарии, отзыв, электронное письмо, опрос, интерактивная оценка материала. Популярные публичные лекции проекта TED отмечаются стремлением не только к репрезентации научного знания, как обыкновенная лекция, но и к внедрению соответствующей модели мира в сознание реципиента.

Выбор материалов на английском языке обусловлен тем, что большинство научных исследований презентуется именно на английском языке, обладающем статусом международного языка общения. Соответственно цели решаются следующие задачи: выработать рабочее прагмалингвистическое определение коммуникативной стратегии, релевантное для данного анализа, выделить коммуникативные стратегии и актуализирующие их тактики в научно-популярном медиадискурсе, определить набор коммуникативных ходов для каждой тактики и обозначить перспективы дальнейшего исследования. В ходе анализа использовалась комплексная методика, включающая общенаучные (наблюдение, анализ, синтез, моделирование) и частные лингвистические методы (описательный, сопоставительный, метод компонентного анализа, метод стилистического анализа, количественный).

Результаты

С позиций прагмалингвистики под стратегией понимается комплекс речевых действий, используемых в речи для достижения коммуникативной цели и запланированных с учетом условий общения и личностей коммуникантов [2, 3]. С позиции теории речевых актов коммуникативная стратегия может трактоваться как совокупность операций по выбору и опциональной реализации прототипического образца речевого акта. В таком ключе подразумевается соотнесение цели и возможностей ее достижения, иными словами, речь идет о двойственном характере функционирования стратегии, о ее рассмотрении в процессуальном и результативном аспектах [4. С. 170–171]. В работах М.В. Лесняк наблюдаем, что коммуникативная стратегия подразумевает трансфер как открытых, так и скрытых смыслов, поэтому коммуникативная стратегия выстраивается в «трехмерную модель, включающую в себя этап абстрактного планирования на когнитивном уровне, этап воплощения этого плана путем осознаваемого выбора наиболее подходящих для реализации цели языковых средств и их комбинаций на уровне текстопорождения и этап фиксации результата осуществления плана на текстуальном уровне»

[5. С. 111]. Считаем, что цель оказывать воздействие на взгляды участников коммуникации, а также их оценку действительности, в том числе в историческом разрезе, характерна для рассматриваемого в настоящем исследовании научно-популярного медиадискурса. Поэтому коммуникативная стратегия в настоящем исследовании понимается как вариант реализации коммуникантом плана речевого поведения, направленного на достижение коммуникативной цели и подразумевающего выбор языковых средств, комбинация которых является собой динамичный, гибкий и осознанный процесс.

Реализуются коммуникативные стратегии в коммуникативных тактиках. Под коммуникативной тактикой понимается ряд «практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия», которые «соотнесены не с коммуникативной целью, а с набором коммуникативных намерений» [2. С. 19]. Коммуникативное намерение, в свою очередь, представляет собой движущую силу коммуникативной стратегии, совокупность практических средств ее достижения. Коммуникативной тактике соответствует конкретная задача, соотнесенная с целью стратегии. Практические ходы упорядочены таким образом, что позволяют поэтапно реализовывать стратегию в разбивке на локальные цели [6. С. 194]. Таким образом, коммуникативный ход представляет собой минимальную единицу стратегии и планируется с учетом предполагаемой реакции партнера и предыдущих речевых действий [3. С. 117]. Коммуникативный ход может как совпадать с речевым актом, так и реализовываться с помощью последовательности речевых актов в рамках иерархичной подчиненности целевой доминанте [6, 7].

Поскольку универсальной классификации коммуникативных стратегий на сегодняшний день не предложено, большинство исследователей опираются на преследуемую в своей работе цель и тем самым определяют соответствующий набор стратегий. Для нас наибольший интерес представляет деление стратегий речевого поведения на две укрупненные группы: стратегии, направленные на обмен информацией между коммуникантами и стратегией, направленные на оказание воздействия одним участником коммуникации на другого (А.В. Голоднов, Г.Г. Матвеева, Е.П. Пензева, Т.В. Черницына).

Специфика исследуемого нами материала – жанра популярной публичной лекции, заключается в том, что цель «информировать», «популяризировать знания» не мыслится без намерения сформировать при этом положительное или отрицательное отношение адресата к результатам научной деятельности. Для нашего исследования мы подбирали материал с такой тематикой выступлений, как компьютерная техника и технологии, кибербезопасность, искусственный интеллект, поскольку данные темы являются наиболее популярными в рассматриваемом нами проекте и считаются наиболее перспективными для развития науки в ближайшем будущем. Данный набор тематических контекстов является достаточно часто воспроизводимым и разворачивается по аналогичной схеме.

В результате анализа нами были выявлены следующие коммуникативные стратегии, используемые англоязычными спикерами TED Conference: *стратегия аттракции* [8], *стратегия презентации специальных знаний* [9], *стратегия убеждения* [10, 11], что позволяет получить более полное понимание механизмов действия речевых инструментов влияния на аудиторию, а также представление о факторах, влияющих на их эффективность.

Стратегия аттракции англоязычными спикерами TED Talks имеет своей целью привлечь внимание к достижениям науки и техники в разрезе актуальных социальных проблем, к последствиям модернизации и информатизации современного общества. Развертывание речи в таком ключе преимущественно предполагает использование стратегии аттракции и реализуется посредством двух тактик: *тактики привлечения внимания* и *тактики удержания внимания*.

В ходе исследования мы обнаружили, что в большинстве случаев прагматическим центром обеих тактик стратегии аттракции выступает директив. Директивная интенция может быть определена как «стремление одного из коммуникантов оказать на собеседника, адресата такое воздействие, которое могло бы побудить последнего совершить определенные действия» [12. С. 10], например, переложить выполнение части своих рутинных задач на робота, освободив тем самым время для семьи или занятий спортом. В случае *стратегии аттракции* директивная интенция заключается в захвате и удержании внимания реципиента:

1. *Consider this: building a cognitive system is fundamentally different than building a traditional software. – Подумайте, создание мыслящей системы принципиально отличается от создания традиционных систем.* [13] (здесь и далее приведены переводы участников проекта «Переводчики TED», пользовательские имена которых размещены под цитируемым видео).

В приведенном примере коммуникативный ход реализации тактики привлечения внимания выражается речевым актом совета (директивы), который представлен императивом; такие конструкции активно привлекают внимание, побуждают к действию адресата (*consider this*).

Для достижения необходимого перлокутивного эффекта спикер может приводить аргументы, разъяснения, опираясь на личный авторитет в глазах адресата, таким образом, полностью реализуя суггестивный директив:

2. *Now take a moment to consider why this might happen. – Теперь на секунду задумайтесь, почему это может произойти* [14].

3. *Let's stop and think about this for a minute, because this is a very important point. – Давайте задумаемся на минуту, так как это важный момент* [15].

В рассмотренных примерах суггестивные речевые акты реализуются через сочетание императива и придаточных причины с союзом *because* или вопросительного слова *why*. Параллельно спикером могут совершаться вердиктивные речевые акты, дабы направить рассуждения адресата в нужное русло, например, оценка предмета речи как очень важного – *this is a very important point*.

Привлечение внимания адресата осуществляется поэтапно. Так, на семантико-синтаксическом уровне коммуникативный ход ввод темы наиболее эффективно реализуется актом вопроса, за которым следует ответ на него:

4. *So what does it mean now that computers can see? Well, it's not just that computers can see. In fact, deep learning has done more than that. – Значит ли это, что компьютеры могут видеть? Это не просто умение видеть. Глубинное обучение – это намного больше* [16].

Для ввода темы также используется экспозитивный речевой акт, оформляемый оборотом *I'm going to talk about / to describe* и т.д.

5. *I'm going to talk about a failure of intuition that many of us suffer from. I'm going to describe a scenario that I think is both terrifying and likely to occur, and that's not a good combination, as it turns out. – Я хочу поговорить о неспособности к интуиции, от которой страдают многие из нас. Я опишу сценарий, который назвал бы одновременно пугающим и вполне вероятным, и это не хорошее сочетание, как выясняется* [14].

Раскрытие темы в рамках *тактики удержания внимания* реализуется посредством адаптированного перспектива (*you may ask*) или некатегоричного директива – реквестива (*let's take a step back; let's look at*):

6. *But, you may ask, what about rogue agents, some well-funded nongovernment organization? – Но вы можете спросить: а как насчет неконтролируемых лиц, например, хорошо финансируемых неправительственных организаций?* [13].

7. *But now let's take a step back. Let's look at the big picture. – Теперь давайте сделаем шаг назад. Давайте посмотрим на общую картину* [15].

Еще одним коммуникативным ходом на семантико-синтаксическом уровне тактики удержания внимания выступает повтор, оформляемый синтаксически параллельными конструкциями. Большее воздействие на адресата позволяет оказывать сочетание синтаксического приема с модальными глаголами *how shall I, how can I, how might I*:

8. *How shall I best organize society when the need for human labor diminishes? How can I bring understanding and education throughout the globe and still respect our differences? How might I use computing to help take us to the stars? – Как лучше организовать общество, когда уменьшается необходимость в человеческом труде? Как добиться взаимопонимания и дать образование всему миру, при этом учитывая различия? Как продлить и улучшить жизнь через разумное здравоохранение? Как с помощью компьютеров достичь звезд?* [13].

Кроме того, были обнаружены экспрессивы, презентующие коммуникативный ход повышения степени эмоциональности, эксплицированные стилистическими приемами (ирония, гипербола, градация, антитеза, метафора):

9. *What could stop us from doing this? A full-scale nuclear war? A global pandemic? An asteroid impact? Justin Bieber becoming president of the United States? – Что может нас остановить? Полномасштабная ядерная война? Глобальная пандемия? Падение астероида? Избрание Джастина Бибера президентом США?* [14].

В приведенном примере спикер сомневается в существовании какой-либо причины, что могло бы предотвратить выполнение некоторого действия. Экспликация происходит через стилистический троп иронии – сопоставление глобальной смертельной опасности вследствие ядерной войны (*full-scale nuclear war*) или глобальной пандемии (*global pandemic*), с тем, что поп-певец Джастин Бибер становится президентом.

Активное использование стратегии аттракции в выступлениях спикеров научно-популярного медиадискурса обусловлено необходимостью привлечь широкую аудиторию непрофессионалов к изучению представленного в лекциях материала. Однако одной мотивации и заинтересованности зачастую недостаточно, поскольку для адекватного восприятия транслируемого знания реципиенту может не доставать фоновых знаний. С целью устранения разницы в фоновых знаниях англоязычные спикеры прибегают к *стратегии презентации новых знаний*. Реализуется данная стратегия в популярных публичных лекциях *тактикой объяснения и тактикой рассмотрения информации под новым углом*. Основополагающими коммуникативными ходами тактики объяснения выступают экспозитивные коммуникативные ходы, ход репрезентация специальных терминов или понятий, аналогия, переключение языкового хода; тактики рассмотрения информации под новым углом – ход противопоставление и ход смена перспективы.

В исследованном материале было выявлено, что часто реализация *тактики объяснения* происходит через коммуникативный ход репрезентация специальных терминов или понятий. Сначала информация может подаваться как собственно научная, затем переводится спикером в общедоступную форму, что на лексико-семантическом уровне предполагает выбор метафор, лексических единиц разговорного стиля, единиц, эксплицитно выражающих переключение языкового кода. Проиллюстрируем выделенные приемы:

10. *And this came at the same time as I was reading about this trend in cognitive psychology, called embodied cognition, which also talks about the same ideas. We use our bodies to think; we don't just think with our brains and use our bodies to move, but our bodies feed back into our brain to generate the way that we behave. – И это произошло в то же время, когда я читал об этом направлении в когнитивной психологии, которое называется «воплощенное познание» и которое, в сущности, говорит о тех же самых вещах. Мы используем тело, чтобы думать; мы не просто думаем мозгом и используем тело для передвижения, но тело отдает сигналы в мозг, чтобы генерировать наше поведение* [16].

Как видно из примеров, спикер сначала дает собственно научное название явления *embodied cognition*, затем – расшифровку, которая может быть структурирована актом сравнения, как в примере – описание механизмов воплощенного познания на примере функционирования человеческого организма (*we use our bodies to think*).

Прием аналогии – ход, широко представленный в исследуемом нами материале. Для того чтобы прием аналогии привел к коммуникативному успеху, англоязычные спикеры научно-популярного медиадискурса выбирают объектом сравнения реалии обыденного знания (*LinkedIn, Facebook*):

11. *Companies like LinkedIn and Facebook sometimes will tell you about who your friends might be and you have no idea how it did it, and this is because it's using the power of machine learning. – Сети, такие как LinkedIn и Facebook, иногда предлагают людей, которых вы можете знать, а вы не понимаете, как они их нашли. Это стало возможным благодаря машинному обучению* [17].

На ход переключение языкового кода, т.е. смещение ориентира с научного на бытовое общение или наоборот, указывают экспозитивные речевые акты. При этом о переключении языкового кода спикеры сообщают как эксплицитно (*in scientific terms*), так и имплицитно (*I'm going to show you a diagnostic test of car images, because that's something we can all understand*):

12. *Rather than showing you creating a medical diagnostic test, I'm going to show you a diagnostic test of car images, because that's something we can all understand. – Вместо медицинских терминов будут изображения машин, потому что так будет понятнее всем* [17].

13. *In scientific terms, this is what we call ground truth. – Научный термин для этого – очень плохая идея* [13].

Тактика рассмотрения информации под новым углом связана с освещением различных точек зрения, теорий и мнений и представлена коммуникативными ходами противопоставления (*this is the opposite of what*), смены перспективы (*another extraordinary result*). На семантико-лексическом уровне актуализация ходов осуществляется в выборе лексических единиц с семантикой противопоставления (*opposite*), новизны (*another*) или в эксплицитном указании конкретной перспективы рассмотрения (*from an engineering perspective*):

14. *This is the opposite of what pathologists had been taught for decades – Это противоречит всему, чему патологоанатомов учили десятилетиями* [17].

15. *The New York Times showed in this article another extraordinary result of deep learning. – В этой же статье New York Times был упомянут другой удивительный продукт глубинного обучения* [17].

Научная популяризация оказывает всеобъемлющее влияние на познание человека, что возможно благодаря актуализации в популярных публичных лекциях *стратегии убеждения*. Стратегия убеждения в рамках исследованного материала была реализована *тактиками указания на благоприятную перспективу* (коммуникативные ходы: прогнозирование, одобрение и побуждение к действию), *иллюстрирования* (коммуникативные ходы: сообщение точных данных и сопоставление), *апелляции к авторитету* (коммуникативные ходы: ссылка на мнение, пояснение и повышение значимости сообщаемой информации).

Рассмотрим тактику указания на благоприятную перспективу.

16. *We are on an incredible journey of coevolution with our machines. The humans we are today are not the humans we will be then. And that's the most exciting thing.* – Мы эволюционируем с нашими машинами, и это – невероятное путешествие. Человек станет совершенно другим в будущем. И вот это вдохновляет [13].

Актуализация тактики указания на благоприятную перспективу в рассматриваемом примере наблюдается в попеременном использовании хода одобрения и хода прогнозирования. Так, использование метафоры (*We are on an incredible journey of coevolution with our machines*) указывает на акт одобрения сложившейся ситуации, о чем мы можем судить по включенному в реплику эпитету *incredible*. На смену одобрению приходит акт прогноза, оформленный указанием на будущее время (*we will be then*), за ним снова имплицитное одобрение, оформленное прилагательным в превосходной степени сравнения, обладающего положительной коннотацией (*the most exciting thing*).

Стоит отметить, что в выступлениях англоязычных спикеров прогнозируемая ситуация выступает достаточно приземленной, о чем говорит упоминание трудностей (*barriers to break, obstacles to overcome*). При этом чередование ассертивных прогностических актов с указанием то на неблагоприятный (*It's not going to be easy*), то на благоприятный прогноз (*it is going to be worth it*) укрепляют оптимистичный настрой спикера:

17. *We are just at the beginning of this transformation, and there will be barriers to break, obstacles to overcome... It's not going to be easy, but it is going to be worth it.* – Мы только начинаем эту трансформацию, и нас ждут барьеры и препятствия, которые предстоит преодолеть... Легко не будет, но это будет того стоить [15].

Коммуникативный ход призыва к действию выражен в популярных публичных лекциях директивными речевыми актами, структурированными лексическими единицами со значением необходимости (*need, have to*), которые могут сопровождаться лексемами-усилителями (*desperately need*):

18. *So we need to be starting to think about this capability right now.* – Поэтому нам необходимо начать обдумывать этот аспект прямо сейчас [17].

Тактика иллюстрирования реализуется коммуникативными ходами сообщение точных данных и сопоставление. Точные данные создают впечатление, что речь выступающего значима; пусть даже сами данные в памяти слушающего останутся ненадолго, как средство имплицитного контроля над аудиторией ход достаточно действенен [14. С. 270]:

19. *As of 2014, we're now down to a six percent error rate in image recognition. This is better than people, again.* – К 2014 году количество ошибок в распознавании образов сократилось до 6%. И опять же, это лучше, чем у людей [17].

Комбинирование ассертивного речевого акта (*this is better than people, again*) с актом информирования с

использованием точных статистических данных (*a six percent error rate*) позволяет спикеру быть более убедительным в своей оценке.

Коммуникативный ход сопоставление, присущий рассматриваемой тактике, вводится формулой прилагательное в сравнительной степени + *than* (*better than any other algorithm*), *as* + *adj* + *as* (*as good as people*) и также включает убеждающий компонент в виде статистических данных (*about twice*):

20. *Not only could it recognize the traffic signs better than any other algorithm, the leaderboard actually showed it was better than people, about twice as good as people.* – Мало того, что результаты распознавания были лучше, чем у других алгоритмов; в таблице видно, что они превосходят человеческие примерно в два раза [17].

Реализация стратегии убеждения англоязычными спикерами становится возможной еще и благодаря тактике апелляция к авторитету. Актуализация тактики возможна посредством коммуникативных ходов ссылка на мнение, пояснение и повышение значимости сообщаемой информации. Кроме того, ссылаясь на авторитетное мнение, говорящий апеллирует к социальным потребностям реципиента, ведь иметь что-то общее со знаменитыми и значимыми людьми, даже если это лишь разделенное мнение или общее видение вещей, льстит слушателю [18. С. 269]. Так, в исследуемом нами материале наблюдаем:

21. *Dr. Bostrom's basic argument is that such systems will eventually have such an insatiable thirst for information. Dr. Bostrom has a number of followers. He is supported by people such as Elon Musk and Stephen Hawking.* – Главный аргумент Бострома: со временем у этих машин появится ненасытная жажда информации. У Бострома есть последователи. Его поддерживают такие люди, как Элон Маск и Стивен Хокинг [13].

Ссылка на доктора Бострома, актуализированная репрезентативом, сопровождается дополнительной ссылкой на Илона Маска и Стивена Хокинга, тем самым, не оставляя шанса реципиенту оставить без внимания приводимый аргумент.

В следующем примере ссылка на мнение актуализируется директивным актом (*consider the smartest person*), в котором наряду с побуждением к действию спикер дает характеристику самого авторитета (*the smartest*). Вслед за упоминанием Джона фон Неймана следует пояснение (*I mean*), что именно послужило причиной упоминания (*the impression that von Neumann made*), которая еще и ко всему прочему задокументирована (*is fairly well-documented*):

22. *Now, just consider the smartest person who has ever lived. On almost everyone's shortlist here is John von Neumann. I mean, the impression that von Neumann made on the people around him, and this included the greatest mathematicians and physicists of his time, is fairly well-documented.* – Теперь представьте умнейшего из когда-либо живших людей. Почти все среди прочих называют Джона фон Неймана. Ведь впечатление, которое фон Нейман производил на окружающих, в

том числе величайших математиков и физиков своего времени, очень хорошо задокументировано [14].

Повышение значимости актуализируется ассертивным речевым актом (*So important was this*), структурирование которого происходит на лексико-семантическом уровне единицами, эксплицирующими положительную оценку *important* (важный), *success* (успех). За ассертивом следует репрезентатив, содержащий ссылку на именитое издание *The New York Times*:

23. *So important was this that in fact the success was covered in The New York Times in a front page article a few weeks later.* – Результаты их работы были настолько ошеломительны, что об этом спустя несколько недель сообщила на первой полосе *New York Times* [17].

Выводы

Результаты исследования показали, что наивысший процент по частотности использования англоязычными спикерами характерен для стратегии убеждения (37,3%), затем следует стратегия аттракции (33,2%) и стратегия презентации новых знаний (30,7%). Среди тактик в публичных популярных лекциях научно-популярного медиадискурса больше всего реализованы тактика удержания внимания (23%), тактика объяснения (23,4%), тактика указания на благоприятную перспективу (16,9%). Необходимо отметить, что в зависимости от преобладающей интенции спикера складывалось и дальнейшее распределение коммуникативных стратегий и тактик, что указано в таблице.

Таблица

Структура коммуникативных стратегий в разрезе реализованных в выступлениях англоязычных спикеров коммуникативных тактик

Стратегия	Тактика	Grady Booch	Guy Hoffman	Jeremy Howard	Marco Annunziata	Sam Harris
Аттракции		36,1%	44,1%	21,0%	31,3%	36,1%
	Привлечение внимания	23,1%	26,6%	33,3%	36,0%	28,5%
	Удержание внимания	76,9%	73,4%	66,7%	64,0%	71,5%
Презентации новых знаний		25,1%	38,2%	33,0%	30,0%	26,8%
	Объяснение	88,8%	88,5%	75,7%	66,7%	65,4%
	Рассмотрение информации под новым углом	11,1%	11,5%	24,3%	33,3%	34,6%
Убеждения		38,8%	17,7%	47,0%	38,7%	37,1%
	Указание на благоприятную перспективу	32,2%	25,0%	36,2%	61,3%	25,0%
	Иллюстрирование	21,4%	25,0%	40,4%	35,5%	52,3%
	Апелляция к авторитету	46,4%	50,0%	23,4%	3,2%	22,2%

Проведенное исследование показало, что презентация собственных знаний в рамках научно-популярного медиадискурса является недостаточной сама по себе, без использования различных приемов, позволяющих реципиенту под нужным углом взгля-

нуть на проблему. Дальнейшие исследовательские перспективы нам видятся в сравнительном изучении специфики актуализации коммуникативных стратегий в других жанрах дискурса или же на материалах других языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвеева Т.В. Учебный словарь : русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М. : Флинта; Наука, 2003. 432 с.
2. Клоев Е.В. Речевая коммуникация : учеб. пособие. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 316 с.
3. Иссерс О.С. Речевое воздействие : учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М. : Флинта; Наука, 2011. 154 с.
4. Голоднов А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2011. 402 с.
5. Лесняк М.В. Тактика «создание светлого будущего» в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 110–116.
6. Макаров М. Основы теории дискурса. М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
7. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
8. Киселев А.Ю. Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе: на материале немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2012. 187 с.
9. Николаева Н.Н., Шишкина Е.Н. Реализация стратегий и тактик убеждения в современном англоязычном научно-популярном дискурсе // Гуманитарный вестник. 2016. Вып. 1. URL: <http://hmbul.ru/catalog/edu/phil/338.html>
10. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.
11. Лесняк М.В., Товкаленко А.А. Речевое поведение спикера в научно-популярном медиадискурсе: лингвопрагматический аспект (на примере немецкоязычного материала проекта TED Conference) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 51–59. DOI: 10.29025/2079-6021-2020-1-51-59
12. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. 131 с.
13. Grady Booch. Don't fear superintelligent AI. TED Ideas worth spreading. URL: https://www.ted.com/talks/grady_booch_don_t_fear_superintelligent_ai (дата обращения: 01.12.2019).
14. Sam Harris. Can we build AI without losing control over it? TED Ideas worth spreading. URL: https://www.ted.com/talks/sam_harris_can_we_build_ai_without_losing_control_over_it (дата обращения: 05.12.2019).
15. Marco Annunziata. Welcome to the age of the industrial internet. TED Ideas worth spreading. URL: https://www.ted.com/talks/marco_annunziata_welcome_to_the_age_of_the_industrial_internet (дата обращения: 01.12.2019).
16. Guy Hoffman. Robots with «soul». TED Ideas worth spreading. URL: https://www.ted.com/talks/guy_hoffman_robots_with_soul (дата обращения: 05.12.2019).

17. Jeremy Howard. The wonderful and terrifying implications of computers that can learn. TED Ideas worth spreading. URL: https://www.ted.com/talks/jeremy_howard_the_wonderful_and_terrifying_implications_of_computers_that_can_learn (дата обращения: 10.12.2019).
18. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 217–237.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 декабря 2020 г.

Communication Strategies of an English Speaker in Popular Science Media Discourse (Based on TED Conference Materials)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 22–28.

DOI: 10.17223/15617793/465/3

Marina V. Lesnyak, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: mvlesnyak@sfedu.ru

Anna A. Tovkalenko, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: tovkalenko.anna@gmail.com

Keywords: popular science media discourse; speaker; communication strategy; communication tactic; communication step; speech act.

This article aims at studying the communication strategies of English speakers in popular science media discourse from the pragmalinguistic point of view. As a material of the research, speeches of TED (technology, entertainment, design) Conference speakers, who spread their ideas to the wide variety of communicants, were reviewed. This project aims to popularize ideas of technological innovations in society through the Internet. The choice of the material for the study is due to the specifics of the genre of popular public lectures, whose intention is not only and not so much informing, but forming a positive attitude towards the subject of the lecture. Therefore, the authors consider communication strategies as an option for the communicant to implement a speech behavior plan aimed at achieving a communicative goal and implying a choice of linguistic means whose combination is a dynamic, flexible and conscious process. Based on an integrated pragmalinguistic approach, which includes general scientific methods (observation, analysis, composition, model building) and linguistic research methods (descriptive and comparative analysis, stylistic analysis, quantitative analysis), the study identified three communication strategies that actualize the speech behavior of the speakers: attraction strategies, strategies for presenting new knowledge and persuasion strategies. The attraction strategy is based on two tactics: of attraction and of retention of attention. The attraction strategy in popular science media discourse is inextricably linked with the strategy of presenting new knowledge, which consists of the tactic of explanation and the tactic of considering information from a new angle. The third strategy is represented by three tactics: of pointing at a favorable perspective, of illustrating, and of referring to an authority. Each tactic was represented and described with a certain set of communicative steps. A quantitative analysis of the frequency of implementation of the studied strategies has shown that intentional acts were actualized by speakers in an uneven manner; however, the highest percentage in terms of frequency of use is characteristic of the persuasion strategy, followed by the attraction strategy and the strategy of presenting new knowledge. The tactics most in demand in public lectures on a popular science subject are those of retention of attention, of explanation, and of pointing at a favorable perspective. Thus, the actualization of the studied strategies reveals the communicative specificity of the discourse practices of English-speaking speakers in the space of modern popular science media discourse. A comparison of the receives result with results of an analysis of communication strategies on materials of other foreign languages is of the interest for future research.

REFERENCES

1. Matveeva, T.V. (2003) *Uchebnyy slovar': russkiy yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika* [Educational Dictionary: Russian language, culture of speech, stylistics, rhetoric]. Moscow: Flinta; Nauka.
2. Klyuev, E.V. (2002) *Rechevaya kommunikatsiya* [Speech Communication]. Moscow: RIPOL KLASSIK.
3. Issers, O.S. (2011) *Rechevye vozdeystviya* [Speech Impact]. 2nd ed. Moscow: Flinta; Nauka.
4. Golodnov, A.V. (2011) *Persuazivnost' kak universal'naya strategiya tekstoobrazovaniya v ritoricheskom metadiskurse (na materiale nemetskogo yazyka)* [Persuasiveness as a universal strategy of text formation in rhetorical metadiscourse (based on the material of the German language)]. Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
5. Lesnyak, M.V. (2013) The tactics of “making tomorrow better” in political communication. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (46). pp. 110–116. (In Russian).
6. Makarov, M. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of the Theory of Discourse]. Moscow: ITDGG “Gnozis”.
7. Deyk, T.A. van (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene.
8. Kiselev, A.Yu. (2012) *Adresnye strategii v nauchno-populyarnom diskurse: na materiale nemetskogo yazyka* [Targeted strategies in popular science discourse: on the material of the German language]. Philology Cand. Diss. Samara.
9. Nikolaeva, N.N. & Shishkina, E.N. (2016) Implementation of persuasion strategies and techniques in the modern English popular science discourse. *Gumanitarnyy vestnik – Humanities Bulletin*. 1. [Online] Available from: <http://hmbul.ru/catalog/edu/phil/338.html>. (In Russian). DOI: 10.18698/2306-8477-2016-1-338
10. Parshina, O.N. (2005) *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii* [Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia]. Philology Dr. Diss. Saratov.
11. Lesnyak, M.V. & Tovkalenko, A.A. (2020) Speech behavior of speakers in popular science media discourse: pragmalinguistic aspect (based on German language materials of TED conference). *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 1. pp. 51–59. (In Russian). DOI: 10.29025/2079-6021-2020-1-51-58
12. Austin, J. (1986) Slovo kak deystvie [Word as action]. Translated from English by A.A. Mednikova. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 17. pp. 22–130.
13. Booch, G. (2016) Don't fear superintelligent AI. *TED Ideas Worth Spreading*. [Online] Available from: https://www.ted.com/talks/grady_booch_don_t_fear_superintelligent_ai (Accessed: 01.12.2019).
14. Harris, S. (2016) Can we build AI without losing control over it? *TED Ideas Worth Spreading*. [Online] Available from: https://www.ted.com/talks/sam_harris_can_we_build_ai_without_losing_control_over_it (Accessed: 05.12.2019).
15. Annunziata, M. (2013) Welcome to the age of the industrial internet. *TED Ideas Worth Spreading*. [Online] Available from: https://www.ted.com/talks/marco_annunziata_welcome_to_the_age_of_the_industrial_internet (Accessed: 01.12.2019).
16. Hoffman, G. (2013) Robots with “soul”. *TED Ideas Worth Spreading*. [Online] Available from: https://www.ted.com/talks/guy_hoffman_robots_with_soul (Accessed: 05.12.2019).
17. Howard, J. (2014) The wonderful and terrifying implications of computers that can learn. *TED Ideas Worth Spreading*. [Online] Available from: https://www.ted.com/talks/jeremy_howard_the_wonderful_and_terrifying_implications_of_computers_that_can_learn (Accessed: 10.12.2019).
18. Grice, H.P. (1985) *Logika i rechevye obshchenie* [Logic and speech communication]. Translated from English by V.V. Turovskiy. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 16. pp. 217–237.

Received: 30 December 2020

Н.Г. Нестерова, Ю.С. Сабаяева

ПУБЛИЧНАЯ СТРАНИЦА РАДИОСТАНЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ КАК ТЕКСТ В СТРУКТУРЕ РАДИОДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЧНОЙ СТРАНИЦЫ «РАДИО СИБИРЬ» В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ, грант № 17-29-09132.

Обосновывается идея, в соответствии с которой публичная страница радиостанции в социальной сети представляет собой текст в структуре гиперрадиотекста и радиодискурса. Особенности публичной страницы как текста рассматриваются через следующие параметры: дискурсивные практики, структурная и коммуникативная включенность в радиодискурс, цель создания, форма создания и функционирования, тематическое единство, жанровые и лингвопрагматические особенности, роль автора и адресата.

Ключевые слова: публичная страница радиостанции; социальная сеть; текст; радиодискурс; новые дискурсивные практики.

Постановка проблемы

«Сегодня нельзя изучать язык, не изучая текст. А текст нельзя изучать традиционно, одно- или двусторонне: текст сдал объемным, трехмерным. Значит, и методы изучения, «препарирования» текста должны быть другими. Тем более это характерно для такого сложного социально-коммуникативного явления, как журналистский текст» [1. С. 6–7]. Строки из опубликованной тринадцать лет тому назад монографии В.В. Богуславской сегодня приобрели еще большую актуальность, обусловленную конвергенцией СМИ и развитием новых медиакоммуникаций.

Одно из существенных изменений в функционировании традиционных СМИ связано с тем, что в XXI в. они идут по пути развития своей деятельности в интернете, и прежде всего в социальных сетях. Об активном интересе к процессу и результатам такой интеграции свидетельствуют междисциплинарные исследования зарубежных и российских учёных: в их числе Н. Ньюман, М. Джерф-Пьер, М. Герсетти, У. Хедман, М. Ласковская, В.А. Бейненсон, Л.Р. Ибрагимова и др. [2–6]. Так, Б.В. Лебедевой рассматриваются способы взаимодействия традиционных СМИ и Интернета на примере сайтов и страниц изданий в социальных сетях [7]. Е.А. Малейной отмечается, что социальные сети «существенно расширяют платформы и инструменты для продвижения традиционных медиа» [8. С. 197]. По мнению В.Д. Мансуровой, в век цифровых технологий взаимодействие СМИ с социальными сетями «является залогом эффективной деятельности средств массовой информации и журналистов» [9. С. 7]. Л.К. Лободенко и И.М. Баштанар изучают трансформации медиаконтента интернет-СМИ в социальных сетях [10], Е.Ю. Немчиновой проводится анализ функционирования групп теле- и радиопрограмм в социальной сети «ВКонтакте» [11].

Мониторинг популярных социальных сетей «ВКонтакте», «Инстаграм», Facebook показал наличие публичной страницы (публика)¹ практически у каждого электронного и печатного СМИ, как государственного, так и регионального. Иметь публичную страницу «ВКонтакте» или Facebook стало потребностью,

обеспечивающей успешное функционирование нового поколения СМИ. В публикациях А.А. Журавлёвой, А.А. Присяжнюк, посвященных вопросу взаимодействия современного радио с соцсетями, обсуждаются наиболее эффективные приемы связи с аудиторией разных социальных сетей и интернет-платформ (на примере YouTube, «ВКонтакте», «Инстаграм») [12, 13]; М.В. Исаковой описываются способы продвижения бренда музыкально-информационных радиостанций посредством социальных сетей [14].

Теоретиков и практиков журналистики интересует роль интеграции СМИ и социальных сетей в реализации стратегических задач средств массовой коммуникации – информирования и воздействия. Для лингвиста формы взаимодействия традиционных СМИ с новыми медиа актуализируют вопрос о влиянии интеграционных процессов на изменения в медиадискурсе и ключевой его единице медиатексте (см. подробнее об этом: [15]), а также на появление в медийном пространстве новых типов текста.

Актуальность обращения к радио в рамках обсуждаемой проблемы обусловлена существенными трансформациями в радиокоммуникации, детерминированными развитием новых медиа. Они привели к расширению участников радиодискурса, изменению характера взаимодействия радио с адресатом, появлению новых способов презентации контента. Отмеченные процессы закономерно отразились на структурных, содержательных и коммуникативных признаках радиодискурса и радиотекста и потребовали новых подходов к их осмыслению. Заявленная проблема вписывается в приоритетные направления коммуникативной лингвистики и медиалингвистики – активно развивающегося нового научного направления, изучающего язык средств массовой коммуникации.

В результате взаимодействия радио с социальными сетями в радиопространстве появился новый феномен – публичная страница (ПС) конкретной радиостанции. При обозначившемся научном интересе к проблеме интеграции СМИ и социальных сетей вопрос о соотносительности ПС с радиотекстом и радиодискурсом не отмечен специальным вниманием, не определен статус данного феномена. В ходе исследо-

вания в научной литературе нам не встретились работы, в которых объектом анализа стала бы ПС как текст. Таким образом, новизна исследования состоит в новом объекте, рассматриваемом с позиций лингвистики: публичная страница радиостанции обосновывается как текст в структуре гиперрадиотекста, функционирующий в пространстве радиодискурса.

Цель статьи – описать признаки ПС радиостанции в социальной сети как разновидности радиотекста, появившейся в условиях развития новых медиакommunikаций и новых дискурсивных практик.

Материалы и методы

Источником эмпирического материала послужили ПС «Радио Сибирь. Томск», «Радио Сибирь. Омск», «Радио Сибирь. Чита» в соцсети «ВКонтакте». Выбор социальной сети обусловлен ее популярностью и взаимодействием со СМИ, в том числе с радио. ПС радиостанции «Радио Сибирь» в социальной сети «ВКонтакте» представляет собой современную коммуникационную платформу, на которой реализуется активный диалог между радиоведущим и адресатом. К анализу привлечены посты, отобранные по хештегам *#МолодаяМузыкаСибири*, *#ММС*, *#РадиоСибирь*, *#ТемаДня*, *#ФанСектор* и связанные с постами записи радиоэфира. Иллюстративный материал составили фрагменты текстов, представленных на ПС указанных точек вещания.

Настоящее исследование выполнено в русле нового вектора медиалингвистики – лингвистики гипермедiateкста (медиалингводискурсологии), обоснованного в работах Л.Р. Дускаевой [16. С. 20]. Будучи обращённой к изучению лингвистической организации медиапотока, лингвистика гипермедiateкста «расширяет подход к медиатексту и коммуникации, актуализируя тенденцию к пересмотру традиционного для лингвистики подхода к тексту как целостной структуре с графически обозначенными границами начала и конца. Ее интересует, как проявляется в отдельном тексте его связь с другими – ранее созданными и последующими» [16. С. 20]. Анализ публичной страницы радиостанции как текста в структуре радиодискурса стал новым этапом изучения этой разновидности медиадискурса с учетом особенностей ее функционирования в информационно-коммуникационных условиях XXI в.

Основным методом исследования выступил дискурсивный анализ, обеспечивший выявление базовых признаков изучаемого текста. При аргументации включения в дискурсивное поле радиодискурса текстов, реализующихся в разных формах существования, применен метод медиалингвистического анализа: он заключается в выявлении способа создания медиатекста, в «описании закономерностей взаимодействия вербального и медийного уровней медиатекста» [17. С. 51], его восприятия и канала распространения. При выявлении прагматических смыслов языковых единиц применялся метод интен-анализа, суть которого состоит в переводе конкретного речевого материала в форму коммуникативных намерений адресанта. Лингвистический анализ позволил описать специфические

языковые единицы изучаемого текста, метаязыковые маркеры, способствующие включению микротекстов в макротекст и в общее коммуникативное пространство радиодискурса. Обобщение промежуточных и итоговых наблюдений осуществлено посредством метода научного описания в совокупности основных приемов: наблюдения, обобщения, систематизации.

Анализ

В качестве параметров описания ПС как единицы гиперрадиотекста и радиодискурса в данной статье избраны следующие: дискурсивные практики, цель создания ПС, структурная и коммуникативная включенность ПС радиостанции в гиперрадиотекст и радиодискурс, тематическое единство ПС и эфирного текста, роль автора, роль адресата, форма создания и функционирования ПС, жанровая специфика составляющих ПС микротекстов, лингвопрагматические средства.

Дискурсивные практики. Параметры, предложенные для описания ПС как разновидности радиотекста, связаны с новыми дискурсивными практиками. Это находит отражение в процессе описания ПС через все выделенные параметры, что подтверждает анализ эмпирического материала. Здесь лишь подчеркнем значимость данного фактора.

Цель создания публичной страницы. Целью создания публичной страницы является повышение рейтинга радиостанции за счёт продвижения контента. Это достигается посредством увеличения числа слушателей, которое, в свою очередь, осуществляется благодаря расширению форм интерактивности. В настоящее время «Радио Сибирь» в разных городах имеет свою ПС в социальной сети «ВКонтакте». Согласно отраслевому докладу Федерального агентства по вопросам печати и массовым коммуникациям об основных тенденциях и перспективах развития радиовещания в России в 2019 г. число подписчиков на официальные аккаунты радиостанции «Радио Сибирь» в разных городах вещания с каждым годом увеличивается. Для сравнения приведем следующие данные: в 2017 г. число подписчиков на аккаунт радиостанции «Радио Сибирь. Омск» составляло 20 223, в 2018 г. увеличилось до 23 425, в 2019 – до 23 630². Сегодня количество подписчиков на паблик «Радио Сибирь. Омск» составляет 23 632 человека.

Структурная и коммуникативная включённость публичной страницы радиостанции в гиперрадиотекст и – шире – в радиодискурс является одним из важнейших параметров в характеристике ПС как текста. ПС и радиотекст находятся в отношениях включенности как часть и целое. Такой подход коррелирует с разрабатываемой авторами статьи и в целом одобренной медиалингвистическим сообществом концепцией радиотекста как гипертекста [18–20]. В соответствии с предлагаемой концепцией радиотекст, будучи базовой составляющей радиодискурса, состоит из множества микротекстов; является неоднородным по форме существования: включает не только эфирные записи программ, но и стенограммы, видеозаписи эфирных трансляций, анонсы, комментарии

слушателей к выпускам программ, блоги журналистов и комментарии к ним, а также другие тексты, объединенные сайтом радиостанции в единое коммуникативное пространство радиодискурса. Все перечисленные радиотексты расцениваются как структурно и коммуникативно связанные элементы гиперрадиотекста. Квалификация ПС радиостанции как текста органично вписывается в данную концепцию.

Обоснованность подхода к радиотексту как гипертексту подтверждается развитием в медиасфере гибридных форм СМИ и необходимостью определения их статуса. Так, А.А. Журавлёва исследует видеорадио, контент которого можно слушать и одновременно зрительно воспринимать на разных медиаплощадках: на сайте радиостанции, на канале радиостанции, на YouTube, в соцсетях [21. С. 103]. В этом же научном поле находятся работы Л.И. Ермоленкиной, которая рассматривает как самостоятельный феномен «социально-сетевое радио» [22]. А.А. Дорофеева в качестве новой формы радио в интернете квалифицирует подкастинг: автором описаны базовые типы подкастов и выявлены особенности, по которым подкастинг отличается от традиционного радио и интернет-радио [23. С. 192]. Следует подчеркнуть, что в указанных исследованиях вопрос о ПС как тексте не затрагивается.

Включенность ПС в гиперрадиотекст и указание на органичную связь со звучащим в эфире радиоконтентом реализуется разными дискурсивными практиками – специфичными формами «коммуникации в данной социокультурной реальности» [24. С. 58]. Так, *профиль*, заглавная часть паблика, включает название радиостанции, информацию о ее формате, периоде вещания, контактную информацию (номер телефона студии, адрес и ссылку на сайт радиостанции): *Радио Сибирь Томск – 104,6 FM. Первое музыкальное радио в Томске. Нам уже 28 лет!*³

Дискурсивное единство звучащего радиотекста и ПС отражает *новостная лента*. Информация в паблике представлена в виде «стены» (непрерывной ленты записей), на которой звучащий в эфире текст оформляется в виде отдельных постов. Посредством поста на ПС радиостанции репрезентируются анонсы программы, новостные сообщения, обсуждение новостей, ежедневные астрологические прогнозы, розыгрыши и их результаты, опросы по теме дня, игры, а также приветствия ведущих, прямое или косвенное побуждение к участию в программе: *«Доброго утра друзья! В студии Илья Голосуцкий и Сергей Слесаренко. Всем привет!!!»* (Радио Сибирь. Томск. 09.10.2019); *«Не отпускает тёплое одеяло? Подушка обняла так, что не оторваться? Есть верное и проверенное решение – это “Сибирское утро”...»* *Утреннее шоу на Радио Сибирь, каждый будний день! В студии Илья Голосуцкий и Сергей Слесаренко, всем привет!* (Радио Сибирь. Томск. 15.08.2019).

ПС является гибридным текстом, включающим микротексты разных форм существования: это вербально представленные профиль, лента новостей, а также аудиозаписи и видеозаписи эфира, фотографии, подкасты. ПС «Радио Сибирь» в разных городах ве-

щания представляет собой совокупность микротекстов со свойственными им вербальными особенностями представления контента и приёмами привлечения аудитории. Например, на странице радиостанции «Радио Сибирь. Омск» описание профиля короче, чем на «Радио Сибирь. Томск», преобладают императивные конструкции, указывается точный адрес и контактный телефон: *Вступай в официальное сообщество главной радиостанции Омска. Настрой приёмник на 103.9 FM. +7 (381) 272-98-90, omsk.radiosibir.ru, ул. Омская, 215, Омск.*

Рассматривая характер структурной включенности ПС радиостанции в гиперрадиотекст и радиодискурс, невозможно обойти вопрос о способах связи перечисленных микротекстов в единое текстовое и дискурсивное пространство. Ранее нами отмечалось, что связь микротекстов и макротекстов в гиперрадиотексте обеспечивают межтекстовые ссылки (метатекстовые маркеры), в качестве которых выступают названия рубрик, заставки, отсылки к разделам сайта, соцсетям и другие вербальные и невербальные единицы (см., например: [15]). Так, профиль ПС содержит панель инструментов, которая ориентирует пользователей в возможных действиях, а метатекстовые маркеры выполняют функцию навигатора: *«Написать сообщение»* (в прямой эфир радиостанции), *«Включить уведомления»* (о новостях в паблике), *«Рассказать друзьям»* (о паблике), *«Пригласить друзей»* (в данную группу), *«Разрешить сообщения»* (оповещения от радиостанции о начале радиоэфира, о новом выпуске программы), *«Сохранить в закладки»* (для быстрого нахождения данной группы). Метамаркеры этого типа назовем внутренними, функционирующими внутри ПС. Сюда же отнесем ссылки на контакты – аккаунты ведущих, редакторов радиостанции.

В то же время другие метамаркеры (внешние) выполняют функцию межтекстовых связей в широком поле радиодискурса. Примерами могут послужить дополнительные ссылки (с соответствующими «иконками») на аккаунты радиостанции в других социальных сетях: *Мы в Инстаграм* (www.instagram.com), *Мы на Фейсбуке* (www.facebook.com); ссылки на культурные события, уже проведенные радиостанцией или планируемые в будущем. По ним адресат может перейти на другие аккаунты и подробнее познакомиться с программами мероприятий: *Сибирский велоквест (9 июля 2016, 10:00); 17.05 Смысловые галлюцинации. Томск. Театро (17 мая 2014, 18:00; «Радио Сибирь. Томск»); МОЛОДАЯ МУЗЫКА СИБИРИ /25.06/ Зелёный Остров (25 июня в 19:00; «Радио Сибирь. Омск»).*

Тематическое единство. ПС и радиоэфир функционируют на основе тематического единства. Демонстрацией отмеченного факта может стать реализация постоянной рубрики «Тема дня». Обсуждение пользователями новостей указанной рубрики осуществляется на ПС посредством поста, включающего заголовок, текст новости, фото к новости с указанием программы, в которой звучит данная новость, опрос слушателей. Приведем для примера опрос на тему дня, который предваряется постом с заголовком *НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ*. Прямое отношение поста к

радиостанции и радиодискурсу проявляется в хештеге #РадиоСибирь #ТемаДня, следующем после заголовка к тексту.

В Чите городской парк Дома офицеров переименовуют в парк имени Иосифа Кобзона. Как «Радио Сибирь – Чита» сообщили в пресс-службе губернатора, идея была озвучена во время концерта памяти артиста, который при анилаге прошел в большом зале Дома офицеров. /.../ Первый свой концерт в Чите в далеком 1961 году Иосиф Кобзон дал именно в Доме офицеров. В эти же дни в Омске установили бюст основателя кадетского корпуса Александра I. /.../ В июле прошлого года в Новосибирске торжественно открыли памятник Николаю II и Цесаревичу Алексею. Впрочем, не всем горожанам понятны причины установки подобных памятников и переименования городских объектов. Иногда такие инициативы властей вызывают жаркие споры. **Что сибиряки думают об установке новых памятников в городах, мы поговорим сегодня в «Теме дня».** #РадиоСибирь #ТемаДня (Радио Сибирь. Омск. 17.09.2018).

После текста представлены результаты публичного опроса: *Как вы относитесь к установке памятников историческим личностям? Положительно – 30,45%; отрицательно – 10,9%; памятники не нужны – 7,05%; положительно, только если эта персона сделала что-то значимое для региона, – 51,6%.* Через хештег #ТемаДня пользователь может найти и прочитать все посты, опубликованные по данной теме в разные дни.

Роль автора. Дискурсивное и коммуникативное единство радиостанции и ПС в соцсети проявляется в действиях участников радиодискурса. Так, ПС, будучи коммуникативной площадкой радиостанции и ее текстовым продуктом, создается коллективным автором. Создателями контента являются радиожурналисты, ведущие программ, другие специалисты радиостанции, администратор ПС, а также пользователи сети. В качестве специфичной новой дискурсивной практики отметим деятельность ведущего одновременно на двух площадках: в эфире и социальной сети. ВЕДУЩИЙ: *Давайте будем разыгрывать два билета на концерт 27 октября. Я уже **приготовила пост**, ещё не опубликовала его в группе «ВКонтакте», vk.com «Радио Сибирь. Томск», потому что, хотела бы у вас спросить, что нужно сделать нашим слушателям, чтобы получить два пригласительных билета? Давайте решим. /.../ Друзья, **пишите в группе «ВКонтакте» vk.com «Радио Сибирь. Томск», прямо сейчас я опубликовываю, доопубликовываю уже пост.***

Роль адресата. ПС радиостанции ориентирована на массового адресата, включающего слушателей радиостанции и пользователей сети; во многих случаях их функции совмещаются. Свойственная ПС интерактивность позволяет квалифицировать роль адресата как ключевую в сохранении тематического единства эфирного текста и ПС, в развитии обсуждаемых в программе вопросов.

Новой дискурсивной практикой в массовой коммуникации (в том числе в радиодискурсе) является

персонификация участников коммуникации: она выражается в наличии списка аккаунтов пользователей, подписанных на паблик. Таким образом ПС в соцсети обеспечивает индивидуальную связь с каждым слушателем, что затруднительно реализовать в эфире. Лайки (выражение мнения «нравится»), репосты выступают как способы лично ориентированной коммуникации. Связь радиостанции с пользователем сети проявляется также в том, что после беседы с гостем в прямом эфире подписчику данного паблика приходит оповещение, например: **Сообщество Радио Сибирь Омск 103.9 FM провело прямую трансляцию Live: Радио Сибирь Омск 103.9 FM.** Отмеченные дискурсивные практики обеспечивают расширение временных границ программы, так как коммуникация продолжается после эфира на пространстве ПС: в комментариях, постах, репостах. В развлекательных программах (розыгрышах, играх, тестах) пользователь сети включается в диалог с другими участниками коммуникативной ситуации посредством своих репостов, комментариев и лайков к постам на странице в социальной сети. Полученные в ходе исследования наблюдения коррелируют с выводами С.Г. Носовцев, сделанными на основе анализа ПС печатных СМИ: «В паблике все средства направлены на персонификацию и вовлечение читателя в личное взаимодействие со СМИ» [25. С. 251].

Новой дискурсивной практикой является также одновременное участие слушателей-пользователей на двух площадках. Действия адресата выражаются в том, что, аудиально воспринимая звучащую информацию, они в то же время выражают свое активное участие в программе записями на ПС. Демонстрацией единства участников радиодискурса может послужить пост на ПС, выполняющий функцию анонса и побуждающий пользователей сети к участию в качестве слушателей эфира: **Завтра в сибирском эфире нападающий ХК «Авангард» – Юхан Саундстрём! Павел Сергеевич обещает интересное интервью с нашим игроком, не пропустите.** #РадиоСибирьОмск #Авангард #Омск #ФанСектор #ЮханСундстрём #Хоккей (Радио Сибирь. Омск. 23.11.2017). Через день уже в прямом эфире ведущий вновь приглашает свою аудиторию стать слушателями радиобеседы. ВЕДУЩИЙ: **Дорогие друзья! В настоящий момент включайте, открывайте трансляцию, потому что у нас в гостях человек, которого мы ждали всю, наверное, неделю. У нас в гостях человек, который, без ложной скромности могу сказать, один из самых талантливых центральных нападающих Европы, и я очень надеюсь, что вот этот парень в ближайшее время поможет омскому «Авангарду» достичь результата.** Юхан Сундстрём! (Радио Сибирь. Омск. 24.11.2017). Такая форма взаимодействия радиостанции с аудиторией представляется убедительным доказательством дискурсивного единства текстов эфирных и сетевых.

Форма создания и функционирования публичной страницы. По форме создания ПС – это гибридный текст, включающий 1) первично устный (эфирный) текст, впоследствии частично воплощенный в письменную форму в виде поста; 2) видеотекст (видеозаписи эфирного текста); 3) первично письменный

текст, созданный до прямого эфира специально для социальной сети. На ПС размещаются подкасты выпусков программ, в том числе аудиозаписи бесед с гостями студии, которые пользователи могут послушать. Возможности некоторых радиостанций позволяют записывать прямой эфир на видео и выкладывать его в соцсети; видеозаписи радиопрограмм, бесед с гостями студии, фотографии адресат может найти в паблике и посмотреть после эфира. Наименования альбомов фотографий, сделанных во время проведенных радиостанцией мероприятий, размещены в пабликах. Они, как правило, совпадают с названиями мероприятий; их характерной особенностью является использование названия радиостанции и прилагательного *сибирский*: *Сибирская Масленица 2018; Садим кедры!!! 25 лет Радио Сибирь. Томск; Сибирский велоквест; Выкуп в прямом эфире Радио Сибирь*.

Новые дискурсивные практики на радио связаны с возможностью одновременно вести прямой эфир в студии и видеотрансляцию эфира в социальной сети. В это же время пользователи сети могут задать вопросы или оставить комментарии под постом с прямой трансляцией. Приведем примеры комментариев под постом: ОЛЕГ РЕСНЯНСКИЙ: *Почему переводчик (переводчица) разговаривает с Юханом на английском языке? Он же швед!;* ИВАН ПРИТУЛЯК (Ведущий): *Олег, а вы найдите тут переводчика с шведского :);* ВАНЕЧКА ЖЕСТОКИЙ ответил ИВАНУ: *Иван, а зачем переводчик, если вы лучше нее по английски шпрехааете?));* ОЛЕГ РЕСНЯНСКИЙ ответил ИВАНУ: *Иван, вот ведь как получается! Шведский магазин есть, а переводчика нету! А до революции в Омске были даже шведские заводы по производству сеялок-веялок. Значит мы движемся в обратном направлении!* Текст ПС приобретает в таких случаях многомерность, детерминированную разными формами репрезентации: устной и письменной по форме производства, визуальной и аудиально-визуальной по форме восприятия.

Жанровая специфика публичной страницы как текста. Доминирующими жанрами в разнообразном в жанровом отношении контенте ПС являются анонс мероприятий, осуществляемых радиостанцией, опрос, голосование, розыгрыши призов, билетов на концерты и другие, проводимые среди слушателей и пользователей сети. Продемонстрируем, как голосование на странице в соцсети обеспечивает единство радиального текста и сетевого. Так, специальное внимание «Радио Сибирь» уделяет музыкантам сибирских городов. В проекте радиостанции «Молодая музыка Сибири» каждую неделю в эфире звучат композиции молодых музыкантов, проводятся конкурсы на звание лучшего исполнителя. ПС в соцсети обеспечивает дополнительные варианты привлечения слушателей к голосованию: *В новом баттле ММС с 25 декабря примет участие группа Эльвина Чуева из Новокузнецка с песней «Я хочу улететь». Попадет ли песня в ротацию РАДИО СИБИРЬ – зависит от ваших голосов! Слушай Сибирь – Слушай Своих! #ММС #МолодаяМузыкаСибири* («Радио Сибирь. Омск». 23.12.2017). Итоги конкурса подводятся также на основе результатов голосования в соцсети, где они и размещаются. *Есть*

победитель! На этой неделе в проекте «ММС» выигрывает песня «Ты от меня далеко» группы «Керамика» (г. Томск). (Радио Сибирь. Томск. 08.05.2015).

Лингвопрагматические средства. В текстах, проанализированных выше, выделены прагматические единицы, выполняющие воздействующую функцию. Однако целесообразно подчеркнуть их специальную роль в привлечении и удержании участников изучаемого дискурса и выделить соответствующий параметр как значимый в описании ПС радиостанции. Среди прагматически нагруженных языковых единиц одну из ключевых позиций занимают прямые и косвенные средства побуждения: *На этой странице вы первыми узнаете о розыгрышах призов и подарков! Здесь появляется оперативная информация о вакансиях. Публикуются фото- и видеозаписи радиосибирского закулисья. И тем больше будет материалов, чем больше участников в группе. Присоединяйтесь!* www.radiosibir.ru. В приведенном для иллюстрации фрагменте текста, описывающем профиль ПС, акцентируется значимость «присутствия» пользователя сети именно «здесь и сейчас»: *на этой странице, здесь;* актуализируется информационная активность ПС (*оперативная информация о вакансиях, фото- и видеозаписи*); содержится побуждение пользователей войти в группу (*присоединяйтесь*), подчеркивается роль участников (чем больше участников, тем больше материалов). Акцент на едином коммуникативном пространстве ПС и эфира актуализирует ссылка на сайт радиостанции, предложенная в качестве контакта. Важным свидетельством единства коммуникативного пространства является информация, размещенная на ПС конкретной точки вещания, но информирующая о событиях, актуальных для слушателей во всех городах, где выходит в эфир «Радио Сибирь»: *Поздравляем ребят и дарим недельную ротацию песни в эфире всех городов вещания Радио Сибирь! #ММС #МолодаяМузыкаСибири* (Радио Сибирь. Томск. 08.05.2015).

В аспекте лингвопрагматического потенциала можно привлечь также представленный выше текст о предстоящей в прямом эфире беседе с хоккеистом Юханом Сундстрёмом. Обращают на себя внимание указание на временную близость программы (*завтра*), интонация восхищения, которая в печатном тексте ПС передается с помощью восклицательного знака; положительно-оценочная лексика (*интересное интервью, поможет* омскому «Авангарду»), эксплицированная побудительность, выраженная глаголами в форме императива (*включайте, открывайте, не пропустите*). Непосредственная связь гостя эфира с Омском подчеркивается местоимениями (*с нашим игроком, мы ждали*).

Результаты и выводы

В ходе исследования, проведенного на примере ПС радиостанции «Радио Сибирь» в социальной сети «ВКонтакте», последовательно выявлены базовые признаки изучаемого медийного феномена как текста.

Анализ соотносительности ПС с радиотекстом и радиодискурсом показал, что публичная страница радио-

станции представляет собой особую разновидность гиперрадиотекста, функционирующую в радиодискурсе. По структуре он является макротекстом, состоящим из микротекстов, репрезентированных средствами разных семиотических систем. Функцию связи ПС и звучащего текста выполняют межтекстовые ссылки.

ПС страница создана конкретной радиостанцией (в данном случае «Радио Сибирь»); у них общая коммуникативно-прагматическая цель и тематическая доминанта. На ПС размещаются микротексты, которые имеют тематическую связь с определенным выпуском программы и формируются на основе темы, им заданной. ПС служит не только формой обратной связи (как телефонный звонок или СМС), по существу, она является продолжением радиопрограммы.

У звучащей программы и публичной страницы тот же автор, он определяет контент эфирный и сетевой. В качестве автора выступает представитель коллектива радиостанции. Эту функцию может выполнять ведущий, т.е. адресантом звучащего в эфире (устного) текста и письменного на ПС может быть один и тот же субъект. Адресатом ПС может быть слушатель и/или пользователь сети. Пользователь сети может выступать в роли автора.

Участников коммуникации, реализующейся на обеих площадках (в прямом эфире и соцсети), объединяют общие интересы, обусловленные обсуждаемой темой. Пользователь социальной сети воспринимает данный текст визуально; отдельные микротек-

сты, переходя по ссылкам, воспринимает аудиально или аудиально-визуально; одновременно он может быть слушателем эфира. Дискурсивное единство текстов, составляющих ПС, обеспечивается не только автором, но и адресатом. Выполняя функцию слушателя и пользователя, он взаимодействует с радиотекстом, функционирующим в разных формах воплощения: пользователь сети – потенциальный слушатель программы в эфире; слушатель программы – потенциальный пользователь сети.

Выделенные в качестве типичные интерактивные жанры ПС обеспечивают продолжение программы, создают своеобразный коммуникативный континуум. Они успешнее реализуются в соцсети, чем в эфире: сеть предоставляет более широкие возможности для реализации игровых жанров дискурса изучаемой радиостанции, способствуют реализации массовости участников. Прагматически нагруженные языковые единицы также служат вовлечению участников в коммуникацию.

На основании полученных результатов считаем правомочным заключить, что ПС радиостанции в социальной сети может быть квалифицирована как текст в структуре радиодискурса, появившийся в условиях развития новых медиакоммуникаций и новых дискурсивных практик.

В рамках данной статьи предложен один из возможных путей исследования нового медийного феномена, который нуждается в дальнейшем изучении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹В статье используется термин *публичная страница* (ПС) как наиболее распространенный в специальной литературе, в ряде случаев употребляется синонимичный термин *паблик*.

²Радио в России в 2019 г. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. URL: <https://fapmc.gov.ru/rospechat/activities/reports/2020/teleradio/main/custom/0/0/file.pdf>

³Здесь и далее текстовые иллюстрации даются с сохранением графики, орфографии и пунктуации оригинального текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 280 с.
2. Newman N. The rise of social media and its impact on mainstream journalism. URL: <http://www.slideshare.net/victori98pt/the-rise-of-social-media-and-its-impact-on-mainstream-journalism> (дата обращения: 12.01.2021).
3. Djierf-Pierre M., Gheretti M., Hedman U. Appropriating Social Media. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/21670811.2016.1152557> (дата обращения: 12.01.2021).
4. Laskowska M. Social media in the work of a journalist. URL: https://www.academia.edu/1906479/Social_media_w_pracy_dziennikarza_Uj%C4%99cie_etyczne (дата обращения: 12.01.2021).
5. Бейнсон В.А. Продвижение СМИ в социальных сетях: возможности и проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 239–243.
6. Ибрагимова Л.Р. Репрезентация региональных СМИ в социальных сетях // Язык. Культура. Коммуникации. 2015. № 1 (3). С. 20.
7. Лебедева Б.В. Традиционные аудиовизуальные СМИ в фокусе новых медиа // Век информации. 2016. № 1. С. 197–202.
8. Маленко Е.А. Культурология медиaprостранства (интеграция традиционных СМИ и интернета) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 366–371.
9. Мансурова В.Д. Социальные сети и СМИ. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. 108 с.
10. Лободенко Л.К., Баштанар И.М. Региональные Интернет-СМИ в социальных сетях: трансформация медиаконтента // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5–3 (59). С. 29–34.
11. Немчинова Е.Ю. Традиционные СМИ в социальных сетях: попытки взаимодействия // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 4 (21). С. 41–47.
12. Журавлева А.А., Присяжнюк А.А. Визуализация радиовещания, паблики радиостанции и личные аккаунты радиоведущего в социальных сетях как факторы успешного продвижения радиостанции (на примере радиостанции «Комсомольская правда – Челябинск») // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 3 (37). С. 18–27.
13. Присяжнюк А.А. Продвижение авторской программы через аккаунты радиоведущего в социальных сетях // Медиасреда. 2020. № 17. С. 48–52.
14. Исакова М.В. Визуализация в социальных сетях как способ продвижения бренда музыкально-информационной радиостанции // Медиасреда. 2020. № 17. С. 77–81.
15. Нестерова Н.Г. Радиодискурс и радиотекст в условиях новых коммуникаций // Медиалингвистика. 2019. № 3 (6). С. 381–401.
16. Дускаева Л.Р. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 20–28.
17. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. 2015. № 1 (6). С. 45–57.
18. Нестерова Н.Г. Современный радиодискурс (коммуникативно-прагматический аспект). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2015. 320 с.

19. Нестерова Н.Г. Радиотекст // Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник. М. : ФЛИНТА, 2018. С. 230–231.
20. Сабаяева Ю.С. Медиаобраз Сибири в социальных сетях (на материале официальных страниц радиостанций «Радио Сибирь. Омск», «Радио Сибирь. Томск» в социальной сети «ВКонтакте») // Коммуникативные исследования. 2019. № 2. С. 498–513.
21. Журавлёва А.А. Визуальное радио как важнейший тренд в развитии современного российского радиовещания // Цифровизация коммуникативно-культурной памяти: роль журналистики как социального института : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2019. С. 103–107.
22. Ермоленкина Л.И. Контекстные макроструктуры как механизм формирования диалогических моделей коммуникации в дискурсе социально-сетевого радио // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (208). С. 55–60.
23. Дорофеева А.А. Подкастинг: новое радио в интернете // Век информации. 2018. № 1. С. 192–199.
24. Иссерс О.С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики / отв. ред. О.С. Иссерс. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. С. 37–61.
25. Носовцев С.Г. СМИ в социальной сети «ВКонтакте»: структурная и содержательная специфика // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 245–255.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 31 января 2021 г.

The Public Page of a Radio Station in a Social Network as a Text in the Structure of Radio Discourse (On the Example of the Public Page of Radio Sibir' in VKontakte)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 29–36.

DOI: 10.17223/15617793/465/4

Natalia G. Nesterova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nesterovatomsk@mail.ru

Yulia S. Sabaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: juliyasab2014@mail.ru

Keywords: public page of radio station; social network; new text; hyper radio text; radio discourses.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 17-29-09132.

The aim of the study is to consider the public page of a radio station as a text in the structure of radio discourse. The source of the empirical material was the public pages of Radio Sibir' in the social network VKontakte. The analysis involved posts selected by hashtags #RadioSibir', #MMC, #TemaDnya, #FanSektor and related recordings of radio broadcasts. The study was carried out in line with a new vector of media linguistics – the linguistics of hyper media text. The main research methods were the methods of discursive analysis, media linguistic analysis, intent analysis, and linguistic analysis. The parameters chosen for describing the public page (PP) as a radio text were: the PP structural and communicative inclusion in hyper radio text and radio discourse, the purpose of the PP, the thematic unity of the PS and the aired text, the role of the author, the role of the recipient, the form of the PP creation and functioning, the PP genre features, linguopragmatic means, and discursive practices. The hypothesis is confirmed that the public page serves not only as a feedback form, but, in fact, it is a continuation of the radio program, a special kind of radio text that functions in radio discourse. By structure, this text is a macrotext consisting of microtexts represented by means of different semiotic systems. Public pages are created by specific radio stations; they have a common communicative and pragmatic goal and a thematic dominant: texts that have a thematic connection with a particular program release are posted on the PP. The sounding program and the PP have the same author who determines the content of the broadcast and the PP. The addresser is a representative of the radio station team; this function can be performed by the host, that is, the author of the broadcast and the network text can be the same person. The recipient of the PP can be a listener and/or a network user. At the same time, a network user can act as an author. Recipient users of the social network perceive this text visually; clicking on links, they perceive separate microtexts auditorily or auditorily-visually; they can simultaneously be listeners of the broadcast. The discursive unity of the texts that make up the public page is provided by the addresser who, acting as a listener and user, interacts with the radio text that functions in different forms. The interactive typical genres of the public page identified in the course of the analysis ensure the continuation of the program, create a kind of a communicative continuum. Pragmatically loaded language units also serve to engage participants in communication and retain their attention. Based on the results obtained, it is concluded that the public page of a radio station in a social network can be qualified as a new text in the structure of radio discourse due to new discursive practices.

REFERENCES

1. Boguslavskaya, V.V. (2008) *Modelirovanie teksta: lingvosotsiokul'urnaya kontseptsiya. Analiz zhurnalisticheskikh tekstov* [Text Modeling: A linguo-socio-cultural concept. Analysis of journalistic texts]. Moscow: Izd-vo LKI.
2. Newman, N. (2009) *The Rise of Social Media and Its Impact on Mainstream Journalism*. [Online] Available from: <http://www.slideshare.net/victori98pt/the-rise-of-social-media-and-its-impact-on-mainstream-journalism> (Accessed: 12.01.2021).
3. Djierf-Pierre, M., Gherstet, M. & Hedman, U. (2016) Appropriating Social Media. *Digital Journalism*. 7 (4). pp. 849–860. [Online] Available from: <http://dx.doi.org/10.1080/21670811.2016.1152557> (Accessed: 12.01.2021).
4. Laskowska, M. (2012) Social media w pracy dziennikarza. Ujęcie etyczne. In: Kowalczyk, R., Machura, W. & Sobczak, J. (eds) *Pomiędzy wolnością a odpowiedzialnością. Problemy współczesnych mediów*. Vol. 1. [Online] Available from: https://www.academia.edu/1906479/Social_media_w_pracy_dziennikarza_Uj%C4%99cie_etyczne (Accessed: 12.01.2021).
5. Beynenson, V.A. (2016) Promotion of mass media in social networks: opportunities and problems. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 5. pp. 239–243. (In Russian).
6. Ibragimova, L.R. (2015) Representation of regional media in social networks. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsii – Language – Culture – Communication*. 1 (3). P. 20. (In Russian).
7. Lebedeva, B.V. (2016) Traditional audiovisual media in the spotlight of the new apps. *Vek informatsii – Information Age*. 1. pp. 197–202. (In Russian).
8. Maleina, E.A. (2015) Culturology of media space (integration of traditional mass media and the internet). *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 5. pp. 366–371. (In Russian).
9. Mansurova, V.D. (2016) *Sotsial'nye seti i SMI* [Social Networks and Media]. Barnaul: Altai State University.
10. Lobodenko, L.K. & Bashanar, I.M. (2016) The regional internet media in social networks: transformation of media content. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 5–3 (59). pp. 29–34. (In Russian).
11. Nemchinova, E.Yu. (2016) Media in social networks: interaction effects. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya – Sign: Problematic Field in Mediaeducation*. 4 (21). pp. 41–47. (In Russian).

12. Zhuravleva, A.A. & Prisyazhnyuk, A.A. (2020) Visualization of radio broadcasting, public radio stations and personal accounts of a radio host on social networks as factors of successful promotion of a radio station (on the example of the “Komsomolskaya pravda – Chelyabinsk” radio station). *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya – Sign: Problematic Field in Mediaeducation*. 3 (37). pp. 18–27. (In Russian). DOI: 10.24411/2070-0695-2020-10303
13. Prisyazhnyuk, A.A. (2020) Prodvizhenie avtorskoj programmy cherez akkaunty radiovedushchego v sotsial'nykh setyakh [Promotion of the author's program through the radio host's accounts in social networks]. *Mediasreda*. 17. pp. 48–52. DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10111
14. Isakova, M.V. (2020) Vizualizatsiya v sotsial'nykh setyakh kak sposob prodvizheniya brenda muzykal'no-informatsionnoy radiostantsii [Visualization in social networks as a way to promote the brand of a music and information radio station]. *Mediasreda*. 17. pp. 77–81. DOI: 10.24411/2070-0717-2020-10117
15. Nesterova, N.G. (2019) Radio discourse and radio text in the context of new communications. *Medialingvistika – Media Linguistics*. 3 (6). pp. 381–401. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu22.2019.308
16. Duskaeva, L.R. (2018) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh* [Medialinguistics in Terms and Concepts]. Moscow: FLINTA. pp. 20–28.
17. Dobrosklonskaya, T.G. (2015) Media discourse within the framework of media linguistics. *Medialingvistika – Media Linguistics*. 1 (6). pp. 45–57. (In Russian).
18. Nesterova, N.G. (2015) *Sovremennyy radiodiskurs (kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt)* [Modern Radio Discourse (Communicative and pragmatic aspect)]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Nesterova, N.G. (2018) Radiotekst [Radiotext]. In: Duskaeva, L.R. (ed.) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh* [Medialinguistics in Terms and Concepts]. Moscow: FLINTA. pp. 230–231.
20. Sabaeva, Yu.S. (2019) Media image of Siberia in the social networks (based on the materials of official pages of “Radio Siberia. Omsk” and “Radio Siberia. Tomsk” stations in “Vkontakte” social network). *Kommunikativnye issledovaniya – Communication Studies*. 2. pp. 498–513. (In Russian). DOI: 10.25513/2413-6182.2019.6(2).498-516
21. Zhuravleva, A.A. (2019) [Visual Radio as the Most Important Trend in the Development of Modern Russian Broadcasting]. *Tsifrovizatsiya kommunikativno-kul'turnoy pamyati: rol' zhurnalistiki kak sotsial'nogo instituta* [Digitalization of Communicative and Cultural Memory: The role of journalism as a social institution]. Proceedings of the All-Russian Conference. Yekaterinburg. 25–26 April 2019. Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. pp. 103–107. (In Russian).
22. Ermolenkina, L.I. (2020) Context macro-structures as the mechanism of forming dialogical models of communication in social web-radio discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (208). pp. 55–60. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2020-2-55-60
23. Dorofeeva, A.A. (2018) Podcasting: a new radio on the internet. *Vek informatsii – Information Age*. 1. pp. 192–199. (In Russian).
24. Issers, O.S. (2011) Diskursivnaya praktika: k opredeleniyu ponyatiya [Discursive practice: towards the definition of the concept]. In: Issers, O.S. (ed.) *Sovremennaya rechevaya kommunikatsiya: novye diskursivnye praktiki* [Modern Speech Communication: New discursive practices]. Omsk: Omsk State University. pp. 37–61.
25. Nosovets, S.G. (2014) Media in “Vkontakte” social network: structural and content features. *Kommunikativnye issledovaniya – Communication Studies*. 2. pp. 245–255. (In Russian).

Received: 31 January 2021

А.П. Чагина

КИНОДИСКУРС В ПОЭТИКЕ РОМАНА М. ПУИГА «ЛЮБОВЬ В БУЭНОС-АЙРЕСЕ»

Рассматривается функционирование кинодискурса в поэтике романа «Любовь в Буэнос-Айресе» аргентинского писателя-постмодерниста Мануэля Пуига. Установлено, что кинодискурс проявляется в романе через использование характерных для кино стилистических и повествовательных приемов и благодаря принципу «вставного фильма». Сделан вывод о том, что использование кинодискурса в поэтике романа направлено на создание эффекта просмотра фильма и играет ключевую роль в раскрытии персонажей и построении сюжета.

Ключевые слова: М. Пуиг; роман; литература и кино; дискурс; кинодискурс; поэтика кино; кинематографичность литературы.

Введение

Творчество Мануэля Пуига (*Manuel Puig*; 1932–1990 гг.), аргентинского писателя-постмодерниста второй половины XX в., продолжает вызывать интерес исследователей из разных областей. Обращение к острым политическим и социальным проблемам, особая художественная палитра и неповторимая кинематографичность романов позволяют изучать творчество М. Пуига с разных сторон. Его романы становились предметом интермедийных [1], психологических и феминистских [2, 3] исследований. К его творчеству обращаются в рамках постколониальных [4] и квир-исследований [5]. Кроме того, три романа автора «*Boquitas Pintadas*» (1969), «*Pubis Angelical*» (1979), «*El Beso de la Mujer Araña*» (1976), были экранизированы (за роль в последнем актер Уильям Хёрт получил премию «Оскар»). На основе романа «*El Beso de la Mujer Araña*» был успешно поставлен мюзикл, а роман «*Сae la Noche Tropical*» получил театральную адаптацию. Это не могло не повысить интерес к творчеству писателя. Однако несмотря на известность и признание за рубежом, актуальную и сегодня проблематику произведений и уникальный стиль, пропитанный атмосферой Голливуда первой половины XX в., М. Пуиг не получил широкую известность в России ни среди читателей, ни среди литературоведов.

В настоящей статье мы обращаемся к третьему роману писателя «Любовь в Буэнос-Айресе» («*The Buenos Aires Affair*»), опубликованному в 1973 г. Примечательно, что именно этот роман стал причиной гонения на М. Пуига на родине, в Аргентине, где в то время к власти вернулся Хуан Перон и начались преследования всех несогласных с политикой и идеологией перонизма. Из-за эпатажного, во многих смыслах провокационного и откровенного романа, открыто критикующего перонистский режим, писатель был вынужден уехать в Мексику, где продолжил свое творчество. Увлеченность М. Пуига кинематографом и профессиональное образование в этой сфере не могли не повлиять на его стиль как писателя, поэтому роман «*The Buenos Aires Affair*», как и другие произведения, пронизан особой, свойственной писателю кинематографичностью. Она очевидна не только в многочисленных отсылках к миру кино (названия фильмов, имена известных актрис и актеров и др.), но

и непосредственно в поэтике романа. Мы попытаемся ответить на вопрос, как кинодискурс проявляется в романе и какую роль играет в динамике сюжета и образов главных героев.

Исследования кинематографа с филологической точки зрения тесно связано с именами таких отечественных ученых, как Ю.М. Лотман и Ю.Н. Тынянов, которые внесли огромный вклад в изучение и осмысление седьмого искусства. Ю.М. Лотман, рассматривая кино через призму семиотики, говорил о нем как о сложной знаковой систем, вводя в обиход понятие «киноязык», включающее в себя все средства киновыразительности: монтаж, кадр, ракурс, движение камеры, темп и ритм киноповествования и др. Ключевой единицей «киноязыка» и материальным носителем образности, по его мнению, является динамический кинематографический кадр [6]. О кадровой природе кино говорил также Я. Мукаржовский, замечая, что «кинематографическое пространство вообще не существует» без кадра [7. С. 401]. По Ю.М. Лотману, именно кадры посредством монтажа связываются в единое «осмысленное» повествование, образуя «кинотекст» [6]. Ю.Н. Тынянов подчеркивал, что каждый последующий кадр несет в себе смысловой знак кадра предшествующего, что «спаивает» кадры в единое повествование [8. С. 326–345]. Исследования «кинотекста» активно продолжаются и в XXI в. Значимый вклад в развитие этого направления внесли Г.Г. Слышкин и М.А. Ефремова [9]. Исследователи определяют «кинотекст» как «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных и невербальных знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия зрителями» [9]. Е.В. Сухая добавляет к категориям «киноязык» и «кинотекст» еще одно смежное понятие – «киноречь», под которой понимает диалог персонажей, звучащий в фильме, а также его фиксацию в письменном виде [10. С. 69].

Вместе с тем современные исследователи все чаще обращаются к термину «кинодискурс», вошедшему в научный обиход сравнительно недавно (см.: [11–13]). Это связано с тем, что дискурсология заняла важное место в современном научном мире и превратилась в

междисциплинарную область. Так, изучением дискурса занимаются в рамках лингвистики, переводоведения, литературоведения, социологии, психологии и других дисциплин. «Популярность» дискурсивного подхода обусловлена, прежде всего, относительно свободной трактовкой термина «дискурс». Согласно М. Фуко, дискурс можно понимать и как общую область всех высказываний, и как индивидуализируемую группу высказываний, и как установленную практику, учитывающую некоторое число высказываний [14. С. 82]. Такая «свобода» научной терминологии, с одной стороны, позволяет ученым расставлять акценты в соответствии с целью исследования, с другой стороны, она влечет за собой необходимость постоянного уточнения термина в каждом конкретном случае [15. С. 15]. Тем не менее, вне зависимости от многочисленных трактовок, дискурс неизменно представляет собой множество принадлежащих одной формации высказываний, которые понимаются не как сугубо вербальные, но как «некий сегмент человеческого знания», который имеет словесно-образное воплощение [16. С. 94].

Трактовка термина «кинодискурс» также неоднозначна, а порою слишком общая. Согласно С.С. Назмутдиновой, «кинодискурс» – это «семиотически осложненный, динамичный процесс взаимодействия автора и кинореципиента, протекающий в межкультурном и междисциплинарном пространстве с помощью средств киноязыка, обладающего свойствами синтаксичности, вербально-визуальной сцепленности элементов, интертекстуальности, множественности адресанта, контекстуальности значения, иконической точности, синтетичности» [11. С. 11]. Важно подчеркнуть, что кинодискурс создается благодаря совместной работе сценариста, режиссера, актеров, операторов и т.д., иначе говоря, является результатом труда «коллективного автора». С.С. Зайченко подчеркивает знаковую неоднородность «кинодискурса», которая обусловлена наличием в нем лингвистической и нелингвистической составляющих, и настаивает на необходимости изучения структуры кинодискурса как знаковой системы [17. С. 82–86]. А.В. Олянич замечает, что «кинодискурс» содержит не только авторский посыл, но и включается в коммуникативное пространство культуры, являясь «комплексным лингвосомиотическим коммуникативным феноменом культуры, относящимся к цивилизационным ценностям, накапливаемым человечеством с конца XIX – начала XX столетий по сегодняшний день». Она отмечает, что, в зависимости от сферы исследования, основным элементом «кинодискурса» может быть кадр, план, образ-знак, образ-действие, иконический знак и другие, однако при этом всегда акцентируется динамическая природа повествования и сцепленность его единиц – кадр не может пониматься в отрыве от других [18]. Иначе говоря, киноповествование строится на основе всего внутреннего (план, ракурс, звуки, речь и т.д.) и внешнего (монтаж) наполнения кадров.

Очевидно, что понятия «кинодискурс» и «кинотекст» близки по своему содержанию. Однако если «кинотекст» ограничивается рамками одного конкретного фильма, то «кинодискурс» может обозначать

всю совокупность художественно-повествовательных средств, характерных для кинематографа. Кроме того, дискурс подчеркивает диалогическую сторону кино, понимая ее не только как диалог персонажей фильма («киноречи»), но как диалог автора и зрителя с учетом культурно обусловленного коммуникативного пространства.

В рамках настоящей работы мы будем понимать «кинодискурс» как выразительные средства киноязыка (иначе говоря – поэтика кино), на основе которых строится киноповествование и диалог «коллективного автора» и зрителя, а также всю совокупность кинотекстов, вписанных в коммуникативное пространство культуры и участвующих, таким образом, в построении горизонта зрительских/читательских ожиданий. С одной стороны, такое понимание термина позволяет рассматривать влияние «кинопоэтики» (выразительных средств «киноязыка») на поэтику литературного произведения, в котором визуальность достигается преимущественно за счет образности слова и особенностей композиционно-речевой организации произведения. С другой стороны, обращение писателя к кинематографу как к культурному феномену, т.е. описание кинокартины (произведения визуального искусства) в литературном тексте или отсылки к миру кино (упоминание названий кинокартин, имен кинодеятелей и т.д.), также становится предметом изучения.

Поэтика кино в поэтике романа

Будучи киносценаристом по образованию, М. Пуиг не мог не привнести киноязык и поэтику кино в свои литературные произведения. При обращении к кинодискурсу важно помнить о его внеязыковой природе, так как многие основы киноязыка, на которые опирается современный кинематограф, зародились еще в эпоху немоего кино. Это во многом обуславливает специфику хронотопа в кино: время и пространство в кинопроизведении условны и сиюминутны, а дистанция между зрителем и повествованием стремится к нулю, т.е. зритель всегда находится в моменте киноповествования, поскольку происходящее на экране воспринимается им как реальность, пусть и иллюзорная (об этом в свое время писал Ю.М. Лотман [6. С. 5–31]). Иначе говоря, кинематограф не знает прошедшего времени, оно всегда условно настоящее. Оторванность же времени от конкретного пространства позволяет заполнить кадр как угодно и мгновенно перенести зрителя в любую точку пространственно-временного континуума [8. С. 320].

Хронотоп в романе Пуига организован нелинейно: постоянно чередуя время и место, автор указывает, где и когда происходят события романа. Так, сюжет первой главы разворачивается в прибрежном аргентинском городке Плая Бланка 21 мая 1969 г., вторая глава датируется тем же днем, но ее события происходят в Буэнос-Айресе. В третьей главе описаны ключевые этапы (детство, школа, переезд в Нью-Йорк, возвращение на родину и др.) жизни главной героини с момента ее зачатия и до мая 1968 г., когда девушка переезжает в Плая Бланка. Иначе говоря, время и пространство романа условны, как и в кино, герои оказы-

ваются в любом месте и моменте истории по воле автора. Постоянная смена формы хронотопа с сохранением присутствия в моменте повествования, что свойственно кинематографическому принципу организации пространства-времени, сближают роман с фильмом. Этот эффект усиливается благодаря наличию в романе множества точек зрения и нехронологической подачи событий.

Симультанность и условность пространства-времени, имитация движения камеры иногда достигаются в том числе и благодаря применению «потока сознания», в котором сливаются мысли, воспоминания, сиюминутные впечатления героя, не имеющие эксплицированной логической и причинно-следственной связи. Крупнейший британский специалист по литературе модернизма Б. МакФарлейн отмечает, что такой способ литературного повествования более других близок кинематографическому из-за мгновенности повествования [20. Р. 18–19]. М. Пуиг неоднократно прибегает к такому приему. Повествование нередко ведется в настоящем времени и насыщено монтажными приемами, напоминая плавное движение камеры, которая акцентирует внимание на значимых деталях, то приближая, то отдаляя сцену действия или отдельные ее части. Примером такого повествования является четвертая глава, в которой Гладис, лежа в своей постели в Пляя Бланка, размышляет о жизни и вспоминает прошлое. Мысли героини сбивчивы, перескакивают с темы на тему. Вот рука убийцы запикивает сэндвич в глотку своей жертвы, а в следующую секунду план меняется, и в «кадре» появляются деревья с набухшими почками. Затем плавное движение «камеры», т.е. повествовательной точки зрения, выхватывает высотный жилой дом:

Masticándolo poco a poco se lo puede deglutir sin el menor inconveniente, pero si una mano asesina abriera por la fuerza la boca de la víctima, introduciendo con toda su ferocidad criminal el sandwich entero en la garganta lograría asfixiarla mortalmente. Los árboles respiran por las hojas, y como es de esperar en esta época del año los brotes tiernos se ven por todas partes. A pocas cuerdas de allí el monobloque de veinte pisos y treinta departamentos por cada uno de ellos, dos por tres seis llegan a seiscientos, y si el muchacho con el regalo en la mano ha perdido su anotación con el número de departamento debe recurrir al encargado del edificio que puede haber salido [19. С. 157–158]¹.

Другим примером может служить одиннадцатая глава романа, в которой терзаемый бессонницей Лео прокручивает в голове различные варианты развертывания дальнейших событий. Все подавляемые желания, страхи героя всплывают вновь и вновь, сливаясь в сюрреалистический полусон. Перед взором Лео предстает то аэропорт, то номер отеля, то выставочный зал, то кабинет его психотерапевта. Каждый раз обыгрывается одна и та же ситуация – встреча с Гладис, но иначе, словно несколько версий окончания фильма. Здесь также можно наблюдать свойственную повествованию М. Пуига монтажность: камера выхватывает мигающую на ночной улице вывеску, затем крупным планом кровать, разбросанные находки мо-

ря, которые являются частью художественной инсталляции Гладис:

Un letrero de la calle se enciende y se vuelve a apagar. Una cama, esqueletos de peces, restos de naufragios, objetos diseminados en la oscuridad [19. С. 476]².

В другой версии Лео переносится в бразильские тропики. Сначала крупный план сосредоточен на часах в выставочном зале, показывающих шесть вечера, затем камера пробегается по находкам моря:

Anochece temprano en el trópico, el reloj del Pabellón Internacional de la Muestra indica las seis de la tarde. Esqueletos de peces, restos de naufragios, a la vista también una pelota de goma rajada, piedras pulidas, objetos diseminados [19. С. 482–483]³.

Обратим внимание на подобный кинематографическому эффект присутствия, который достигается в поэтике романа преимущественно при помощи использования настоящего времени. Например, в четвертой главе повествование возвращается в дом на побережье, в котором начинался роман. Хотя события в этой главе происходят раньше событий первой, повествование ведется в настоящем времени. Благодаря этому действие разворачивается словно здесь и сейчас, создавая иллюзию одновременности протекания события и рассказа о нем (его изображения):

A dos cuerdas el mar, las veredas, el jardín delante de la casa con la sala de recibo al frente, detrás los dormitorios, el baño y la cocina y el patio abandonado, dos pinos plantados hace pocos años. Una casa donde viven dos mujeres solas, la otra es la madre y está durmiendo profundamente en el dormitorio contiguo [19. С. 150]⁴.

Заметим, что эффект присутствия и сиюминутности усиливается благодаря использованию вопросов, чаще риторических:

¿Y si se despierta? tal vez se irrite porque el descanso es necesario, los ojos cerrados no pueden ver nada. Si continúa durmiendo y mantiene los ojos cerrados no verá nada feo, como si estuviera ciego. ¿En qué piensa la gente cuando ya tiene todo lo que quiere y no puede pedir más nada? [19. С. 310]⁵.

Тема своего рода «подглядывания», желания или страха «быть увиденным» является одной из основных в идейно-художественной структуре романа, что отмечает М.Е. Бойл, подчеркивая ключевую роль подобного «смотрения» в раскрытии персонажей и развитии сюжета романа и связывая его с навязанными социальными ролями мужчины и женщины, темой притеснения и подавления, характерной для произведений М. Пуига [2]. Наличие некоего потенциального «зрителя» неоднократно упоминается в тексте романа, а главные герои могут оказаться как в роли наблюдателя, так и в роли наблюдаемого: «...durante ese instante en que cerró los ojos podría haber entrado alguien en la habitación sin que ella lo percibiera...» [19. С. 18], «...puede alertar a quien esté en esta cama mirando hacia la puerta...» [19. С. 150]⁶. Читатель, вместе с тем, неизбежно оказывается в роли «смотрящего» или «подглядывающего», т.е. превращается в зрителя. Такой эффект, с одной стороны, достигается благодаря кинематографичности повествования, с другой стороны, усиливает саму эту кинематографичность.

Кинодискурс проявляет себя и в диалогичности произведения, которая, прежде всего, отражается в композиционных особенностях повествования. Диалоги в романе преимущественно строятся без слов рассказчика, что сближает роман с драматическим произведением, а читателя превращает в зрителя. Возьмем, например, воображаемое интервью, которое Гладис давала модному журналу «Harper's Bazaar»:

R: Conque esas tenemos. Pues bien, ya que no quiere contar su historia, empiece por contarnos la historia de amor que habría preferido vivir.

G: Imposible. Considero que mi propia historia de amor es insuperable [19. С. 313]⁷.

Мы видим указание на говорящего, но слов повествователя или комментариев нет, поэтому о происходящем (например, об эмоциональном состоянии собеседниц) можно судить лишь по их репликам, что напоминает пьесу или сценарий. То же происходит и в двенадцатой главе романа, когда Лео беседует с офицером полиции в участке:

LD: No, discúlpeme Ud. a mí. Busque tranquilo no más. Pero lo que no quiero es hacerle perder tiempo. Deje... si no lo encuentra.

O: No, estoy seguro de haberla visto hace un rato.

LD: Siento molestarlo tanto... [19. С. 500]⁸.

Или в четвертой главе, когда мать Гладис прерывает размышления дочери, возвращая ее назад из воспоминаний и фантазий:

– Gladys, vestite que nos pasan a buscar...

– Ya voy.

– ¿Pudiste hacer un poco de siesta?

– Sí [19. С. 162]⁹.

Диалоги часто строятся из реплик одного персонажа, в то время как слова второго собеседника опущены и он лишь указывается или предполагается. Тогда на его месте оказывается читатель. Так, в восьмой главе мы видим Лео на приеме у психолога. Отсутствие речи врача как такового делает читателя единственным собеседником, которому исповедуется главный герой, а о присутствии врача мы узнаем из предшествующего комментария:

Divagaciones de Leopoldo Druscovich durante una visita a su médico, el día 24 de abril de 1969 [19. С. 367]¹⁰.

... no, no cantaban «Lili Marlene»...

... con mi hermana más chica al piano...

... a ella tampoco le gustaba <...> [19. С. 374]¹¹.

То же наблюдается и в девятой главе, когда Лео общается с Марией Эстер Вила: ее реплики оставлены пустыми. О содержании ответов собеседницы можно догадываться лишь по реакции и словам Лео:

MEV:

LD: No comprendo.

MEV:

LD: ¿Cómo? ¿El artista «existencialmente» implica que su planteo sea original?, ¿qué es eso? [19. С. 403]¹².

Не менее показателен эпизод в пятой главе в отделении полиции, куда поступил анонимный звонок. Находясь с сотрудниками в одном помещении, читатель не может знать ни кто находится на другом конце провода, ни что она говорит, поэтому ее реплики оставлены пустыми. Заметим, что слова сотрудников

полиции сопровождаются своеобразными ремарками, композиционно сближая повествование с пьесой или сценарием:

Asistente: (hombre ya mayor de cabello cano y figura rechoncha, protegido de la fuerte luz de la lámpara por una visera, atiende el teléfono) Sí, sí señorita (a su superior). Para Ud., jefe. Una mujer.

Oficial: (levanta el tubo) Hable.

Voz en el teléfono:

Oficial: Sí, la escucho (su mirada cae sobre un titular del diario – «ÚLTIMAS BAJAS DE ESTADOS UNIDOS» – y recorre parte del texto que sigue sin concentrarse, prestando atención solo a su interlocutora).

Voz: [19. С. 204–205]¹³.

Неизвестная из пятой главы и есть та самая Мария Эстер Вила, реплики которой во всех диалогах с Лео оставлены пустыми.

Диалогичность в романе не сводится к композиционной форме организации речи: ее можно трактовать и в бахтинском понимании, согласно которому «каждая реплика сама по себе монологична (предельно маленький монолог), а каждый монолог является репликой большого диалога» [21. С. 296]. Иначе говоря, диалогичность выходит за рамки диалога между персонажами и может пониматься как диалог между повествователем и читателем и проявляться в обращенности текста к читателю. Отметим, что М. Пуиг воспринимал и литературу, и кинематограф как опосредованный диалог: «Писать – это вести диалог с другим человеком. С другой стороны, можно сходить в кино. Там в роли собеседника выступает фильм» [22. Р. 207]. Так, даже в тех случаях, когда повествование ведется в прошедшем времени, иллюзия присутствия сохраняется благодаря вопросам, которыми задается повествователь, именно они втягивают читателя в диалог с персонажами и автором, делая его уже не просто пассивным зрителем, но участником происходящего:

<...> el haz de luz – ¿de una linterna? – señalaba un detalle del piso para que no se le pasara por alto. La luz cesó, se notaban empero huellas barrosas – ¿de zapatos de hombre? – ya secas que iban y volvían de la puerta del dormitorio de su hija a la puerta de calle, atravesando la sala de estar [19. С. 20]¹⁴.

Как говорилось ранее, кинодискурс включает в себя художественные приемы, основанные на работе с кадром – ключевой единицей киноязыка. К таким приемам относится, в первую очередь, монтаж. С.М. Эйзенштейн отмечал, что монтаж «пронизывает» все кинопроизведение, так как играет первостепенную роль на всех уровнях повествования, начиная от склейки отдельных фотокадров и заканчивая созданием целостности завершеного кинопроизведения. Таким образом, можно говорить о микромонтаже (сборка одного куска), монтаже (соединение кусков или монтажных единиц) и макромонтаже (композиционное сочетание отдельных сцен) [23]. Обращается к использованию монтажа и М. Пуиг. Уподобление повествования (вернее, его источника) плавному передвижению камеры, ее приближению и отдалению,

использование разных ракурсов – все это является неотъемлемой частью поэтики романа М. Пуига. Своеобразная монтажность повествования сочетается с использованием настоящего времени, но не всегда. Например, в первой главе романа, когда Клара обнаружила пропажу своей дочери Гладис, повествование ведется в прошедшем времени, однако монтажность присутствует и здесь: мы видим сначала Клару с улицы через прозрачные шторы, затем «камера» приближается, и мы можем слышать ее взволнованные вздохи: «Desde el jardín, a través de las cortinas de gasa, se veía a Clara con los ojos desmesuradamente abiertos, fijos en el cielorraso; de más cerca, tras el biombo, se podían oír también sus frecuentes suspiros, a modo de queja por su mala memoria» [19. С. 24]¹⁵.

Неповторимый авторский стиль повествования, сплетенный из множества композиционных форм организации текста (диалоги, неполные диалоги, поток сознания, стенограммы телефонных разговоров, биографии и т.д.) и наполненный монтажными техниками разного рода, условность времени и пространства романа, иллюзия реальности происходящего и присутствия в моменте повествования, эффект «просмотра», а не только прочтения – все это сближает роман с кинофильмом.

Кинодискурс и «вставные фильмы»

Кинодискурс проявляется не только в использовании киноприемов в поэтике романа, но и в эпиграфах к каждой главе, которые представляют собой отрывки из фильмов первой половины и середины XX в. Заметим, что М. Пуиг с ранних лет был одержим магией кинематографа (походы в кино были единственным развлечением его матери, именно она привила ему такое увлечение) и всегда мечтал творить кино. Как отмечает переводчица, биограф и исследователь творчества М. Пуига С.Дж. Ливайн, он не просто восхищался кино, но хотел жить в нем [24. Р. 51]. Всего таких «вставных фильмов» в романе шестнадцать. Чаще всего это диалоги двух или более персонажей фильма, реже – монологическое высказывание (например, главы II и XI). Каждой реплике предшествует указание на действующее лицо, как в сценарии (или пьесе):

El magnate fraudulento: Ajá... ¿Ah sí? Ud. se ha estado portando muy mal últimamente, mi estimada señora. Me estoy hartando.

Jean Harlow: Hmm... ¿y qué? [19. С. 203]¹⁶.

Реплики часто сопровождаются пояснениями касательно того, что происходит в кадре, где и как говорят герои, напоминающими авторские ремарки или сценарные комментарии:

El ladrón: (con orgullo) Piedra por piedra, calle por calle, boulevard por boulevard.

Hedy Lamarr: (mirando la misera taberna en que se encuentran) ¡Qué lejos estamos de todo aquello! [19. С. 363]¹⁷.

В конце каждого эпиграфа указано название цитируемого фильма и киностудии, на которой он был снят: «De La dama de las camelias, Metro-Goldwyn-Mayer» [19. С. 11], «De El expreso de Shangai,

Paramount Pictures» [19. С. 149], «De Mañana lloraré, Metro-Goldwyn-Mayer»¹⁸ [19. С. 400] и т.д.

Заметим, что структурно цитирование фильмов в романе представляет собой некую смесь между сценарием (часто ограниченным лишь указанием на место действия и репликами персонажей), монтажным листом (содержащим детальное описание съемки) и литературным оформлением кинотекста.

Как отмечает Л.Н. Березовчук, ключевым для понимания киноповествования является так называемый операторный уровень восприятия. Во-первых, перцептивные действия на данном уровне осознаваемы, иначе говоря, «зрителю, для того чтобы появилось чувство сопричастности показываемому на экране, предварительно нужно знать, какой фильм и с какой целью он пришел посмотреть». Во-вторых, именно на операторном уровне восприятия «активизируются личностный, социокультурный и эстетический опыт человека, его долговременная память» [25. С. 236]. Представляется, что два этих свойства реализуются в романе благодаря эпиграфам, которые обращаются к опыту читателя как зрителя. Цитирование известных фильмов перед началом каждой главы вызывает у читателя определенные воспоминания и ассоциации, связанные с просмотренными кинолентами, влияя тем самым на восприятие относящейся к нему главы, точно так же как предыдущий кадр влияет на понимание кадра последующего. Иначе говоря, автор, обращаясь к культурному опыту читателя, до начала главы показывает ему, о чем будет повествование. Например, в третьей главе цитируется фрагмент фильма 1945 г. «Милдред Пирс» («Mildred Pierce») с Джоан Кроуфорд (Joan Crawford, 1904–1977) в главной роли. Одной из ключевых в фильме является проблема взаимоотношений матери и дочери, т.е. трудность материнства. В качестве эпиграфа используется момент очередной ссоры близких людей, после которой героиня признается в том, как нелегко быть матерью:

Hija: (sale corriendo) No...

Joan Crawford: (a una amiga, como ella también golpeada por la vida) Hice lo posible (mira en torno, desesperada). Pero es inútil. No te imaginas lo que significa ser madre. Ella es parte de mí misma. Tal vez no haya salido todo lo buena que yo quería. Pero no por eso deja de ser hija mía [19. С. 49]¹⁹.

Сама же глава посвящена биографии главной героини Гладис. И в свете эпиграфа читатель понимает, что основной проблемой ее взросления и становления как личности будут именно непростые отношения с матерью. Это показано не только в третьей главе, но и в других главах романа. Подобным образом все эпиграфы тесно связаны с сюжетом глав, давая «ключ» к их пониманию еще до начала прочтения главы. Кроме того, вставные фильмы, будучи отсылками к существующим элементам культуры, усиливают интермедialность и интертекстуальность романа, которая способствует порождению новых смыслов, а также является неотъемлемой и базисной характеристикой именно кино [26].

Заметим, что при отсылке к фильмам не употребляются имена действующих лиц. Главные героини обозначены именами игравших их актрис,

остальные же обозначаются в связи с их ролью в социуме, например: дочь, подруга, вор, хористка и т.п. На первый план, таким образом, выводятся не персонажи фильмов, а именитые актрисы, сыгравшие их. Именно такой голливудской старлетке уподобляется главная героиня романа. Влияние образа «кинодивы» начала XX в. на Гладис обозначено еще в третьей главе, содержащей биографию девушки (образ прекрасных женщин из глянцевого журналов ей навязывали как эталонный). Всю жизнь главная героиня словно играет в фильме, наполненном драмой и трагедией, представляя себя в роли одной из таких «кинодив», постоянно находящихся под пристальным взором поклонников и зрителей. Например, Гладис представляет, как у нее берет интервью модный журнал, словно она – знаменитость. Другим подтверждением этого является предпоследняя глава романа, в которой девушка намеревается совершить самоубийство. Размышляя о возможности выбраться из окна, она беспокоится в первую очередь о том, как будет выглядеть и что будут думать прохожие, глядя на ее мертвое тело. Иначе говоря, «фильм» не закончится с ее смертью, и «зритель» продолжит наблюдать за ней даже после ее гибели.

Таким образом, принцип «вставных фильмов» не только «внедряет» кинематограф в художественный мир романа при помощи прямого цитирования известных голливудских кинолент, но и играет важную роль в понимании сюжета произведения, «работая» также на создание образа главной героини и раскрывая потаенные смыслы через обращение к общекультурному опыту читателя-зрителя.

Заключение

Представляется, что кинодискурс, понимаемый, с одной стороны, как диалог «коллективного автора» и зрителя, строящийся на основе художественных средств выразительности киноязыка, и с другой – как

совокупность всех кинотекстов, вписанных в общемировую культурно-коммуникативную среду, функционирует в анализируемом романе двумя способами. Во-первых, очевидно влияние кинопоэтики на художественную ткань произведения. Оно проявляется в условности и simultанности пространства и времени, их «сиюминутности». Автор стремится сократить дистанцию между читателем и разворачивающимся действием, создавая иллюзию присутствия читателя в моменте события. Не менее важную роль играет диалогичность, которая очевидна как в композиционно-речевой организации текста (в этом смысле она драматизирует повествование и сближает роман с киносценарием), так и в опосредованном диалоге между читателем (зрителем) и автором. Произведение наполнено монтажными приемами, а подвижная повествовательная точка зрения уподобляется плавному движению кинокамеры. В совокупности все эти факторы наделяют роман своеобразной кинематографичностью, которая является основой образности произведения. Во-вторых, сценарные вставки из известных голливудских фильмов первой половины XX в., являющиеся эпиграфами к главам, отсылают читателя к кинодискурсу как части культурно-коммуникативного пространства и общекультурных знаний читателя-зрителя. Таким образом, автор вступает в диалог с читателем и помогает ему предвосхитить события той или иной главы и трактовать их в определенном ключе. Кроме того, цитирование кинолент направлено на создание образа голливудской старлетки, к которому стремится главная героиня. Как видим, писатель умело использует кинозрительский опыт и горизонт ожиданий читателя, с одной стороны, киноязык и средства его выразительности – с другой, чтобы создать эффект просмотра фильма во время прочтения романа, искусно преображая читателя в своего рода зрителя. Именно кинематографическая составляющая произведения играет ключевую роль в понимании образов главных героев и сюжетостроения романа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постепенно пережевывая, его можно поглотить без малейшего неудобства, однако если бы рука убийцы насильно раскрыла рот жертвы и со всей своей преступной силой запихнула весь сэндвич целиком в глотку, то непременно бы наступила смерть от удушья. Деревья дышат листьями, и, как ожидаемо в это время года, повсюду уже появились нежные почки. В нескольких кварталах отсюда двадцатипятиэтажный жилой дом по тридцать квартир на этаже, умножаем и того выходит шестьсот, и если посыльный с подарком потеряет вдруг бумажку с номером квартиры, ему придется пойти к управляющему дома, которого, возможно, нет на месте (здесь и далее перевод наш, что связано с некоторыми неточностями официального перевода, нивелирующими кинематографичность оригинального повествования. – А. Ч.).

² Вывеска на улице загорается и снова гаснет. Кровать, скелеты рыб, обломки кораблекрушений и другие разбросанные предметы в темноте.

³ В тропиках темнеет рано. Часы международного павильона выставки показывают шесть вечера. Скелеты рыб, обломки кораблекрушений, среди них виднеется проколотый резиновый мяч, шлифованные камни и другие разбросанные предметы.

⁴ В двух кварталах море, дорожки, сад перед домом, сначала гостиная, за ней спальни, ванна и кухня, и заброшенный дворик с двумя соснами, посаженными несколько лет назад. Это дом двух одиноких женщин, одна из которых, мать, сейчас спит крепким сном в соседней комнате.

⁵ И если он проснется? Наверное, рассердится, ведь ему нужен отдых. Закрытые глаза ничего не видят. Если он продолжит спать, не открыв глаза, то не увидит ничего отвратительного, словно слепой. О чем думают люди, когда у них есть все и больше нечего желать?

⁶ «...пока ее глаза закрыты, кто-нибудь мог бы войти в комнату, а она бы и не заметила...», «...может предупредить того, кто лежит на кровати и смотрит на дверь...».

⁷ Ж: Ну, хотя бы они есть. Что ж, раз Вы не желаете делиться Вашей личной жизнью, то расскажите нам, какую историю любви Вы бы предпочли пережить.

Г: Не могу, ведь ничто не превзойдет мою настоящую историю любви.

⁸ ЛД: Нет, что Вы, это Вы меня простите. Ищите, не торопитесь, просто я не хочу, чтобы Вы зря теряли время. Оставьте... нет так нет...

О: Нет, я уверен, что он попался мне на глаза совсем недавно.

ЛД: простите за беспокойство.

⁹ – Гладис, одевайся, а то нас потеряют...

– Уже иду.

– Смогла вздремнуть?

– Да.

¹⁰ Размышления Лео Друшковича на приеме врача, 24 апреля 1969 г.

¹¹ ... нет, они не пели «Lili Marlene»...

... моя сестра совсем маленькая за пианино...

... ей она тоже не нравилась...

¹² МЭВ:

ЛД: Не понимаю.

МЭВ:

ЛД: Что? Художник «экзистенциально» подразумевает оригинальность своих работ? Что Вы имеете в виду?

¹³ Помощник: (зрелый мужчина с седыми волосами и округлившимся животом, от взгляда его скрывает яркий свет лампы, отвечает по телефону) Да, да сеньора. (обращается к начальнику) Это Вас, шеф. Какая-то женщина.

Офицер: (берет трубку) Говорите.

Голос в телефоне:

Офицер: Да, я Вас слушаю (его взгляд падает на заголовок в ежедневной газете – «Актуальные потери США» – и пробегает по части текста, он не вчитывается в текст, внимательно слушая свою собеседницу).

Голос:

¹⁴ ...пучок света – от фонаря? – выхватил важные детали помещения, чтобы они не остались незамеченными. Свет погас, но грязные следы на полу все равно видны – мужских ботинок? – засохшая грязь ведет к двери в спальню дочери через гостиную и обратно на улицу.

¹⁵ Из сада через газовые занавески можно было увидеть Клару, которая не моргая смотрела на потолок; подойдя ближе сквозь ширму можно было также услышать, как она часто вздыхает, жалуясь на память.

¹⁶ Ненастоящий магнат: Ага... вот как? В последнее время Вы ведете себя просто ужасно, моя дорогая. Я начинаю от этого уставать.

Джин Харлоу: Хм... и что?

¹⁷ Вор: (с гордостью) Камень за камнем, улица за улицей, бульвар за бульваром.

Хеди Ламарр: (оглядывая жалкую забегаловку, в которой они сидят) И как далеко мы сейчас от всего этого!

¹⁸ Из «Дамы с Камелиями», Metro-Goldwyn-Mayer; из «Шанхайского экспресса», Paramount Pictures; из «Плакать буду завтра», Metro-Goldwyn-Mayer.

¹⁹ Дочь: (выбегает) нет...

Джоан Кроуфорд: (обращаясь к подруге, жизнь которой тоже не просто) я сделала все возможное (отводит взгляд в отчаянии). Но это бесполезно. Ты не представляешь, что значит быть матерью. Она – часть меня самой. Возможно, она не стала такой хорошей, как я хотела. Но от того она не перестает быть моей дочерью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Heffernan J.A.W. Ekphrasis: Theory // Gabriele Rippl (Eds.) Handbook of Intermediality: literature – image – sound – music. 2015. P. 35–49.
2. Boyle M.E. A Starlet Deformed: Seeing Women in Manuel Puig // Chasqui. 2015. Vol. 44, № 1. P. 19–28.
3. Esplugas C. Power and Gender: Film Feminism in Boquitas pintadas. West Chester University. URL: <http://www.lehman.cuny.edu/ciberletras/v03/Esplugas.html> (дата обращения: 24.09.19).
4. Andrea M. El beso de la mujer araña y su transición de la novela (1976) al drama (1983) y al filme (1985). Un enfoque narratológico y decolonial. UNIVERSITETET I OSLO. 2015. 100 p.
5. Ramírez T.M. Análisis de los tres niveles narrativos de «El Beso de la Mujer Araña»: hacia la conformación del homosexual heroico / profesor guía Guillermo Gotschlich. Santiago, 2005. 81 p.
6. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин : Ээсти Раамат, 1973. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm_Kino/index.php (дата обращения: 24.09.19).
7. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства: пер. с чеш. / сост. и коммент. Ю.М. Лотмана, О.М. Малевича. М. : Искусство, 1994. С. 396–410.
8. Тынянов Ю.Н. Об основах кино // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 326–345.
9. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М. : Водолей Publishers, 2004. 153 с.
10. Сухая Е.В. Типы источников киноречи как основа лингвистических исследований // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2010. № 2. С. 68–73.
11. Назмутдинова С.С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 21 с.
12. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 22 с.
13. Лавриненко И.Н. Критерии классификации кинодискурса // Вестник Харьковского национального университета. Дискурсология: семантика и прагматика. 2012. № 1003. С. 41–44.
14. Фуко М. Археология знания / пер. с фр., общ. ред. Бр. Левченко. Киев : Ника-Центр, 1996. 208 с.
15. Велюго О.А. Художественное воплощение любви в прозе Джулиана Барнса и Иэна Макьюэна : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Минск, 2019. 24 с.
16. Савельева Е.Б. О взглядах Мишеля Фуко на теорию дискурса // Вестник Московской международной академии. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vzglyadah-mishelya-fuko-na-teoriyu-diskursa> (дата обращения: 21.01.2020).
17. Зайченко С.С. Некоторые особенности кинодискурса как знаковой системы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (11). С. 82–86.
18. Олянич А.В. Кинодискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinodiskurs> (дата обращения: 22.11.2019).
19. Puig M. The Buenos Aires Affair, 1973. 702 p. URL: <http://recursosbiblio.url.edu.gt/publicada/Libros/Afaire/3171tbaamp.pdf> (дата обращения: 16.09.21019).
20. McFarlane B. Novel to Film: An Introduction to the Theory of Adaptation. Oxford : Clarendon Press, 1996. 296 p.
21. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Советский писатель, 1963. 363 с.
22. Levine S.J. Manuel Puig y la mujer araña. Barcelona : Seix Barral, 2002. 196 p.
23. Эйзенштейн С.М. Монтаж // Избранные произведения : в 6 т. / редкол.: П.М. Аташева, И.В. Вайсфельд, Н.Б. Волкова, Ю.А. Красовский, С.И. Фрейлих, Р.Н. Юренев. М. : Искусство, 1964. Т. 2. С. 329–485.
24. Levine S.J. Manuel Puig: Edipo ronda La Pampa // Cuadernos de literatura. 2012. № 31. P. 48–64.
25. Березовчук Л.Н. Феномен киноповествования // Киноведческие записки: истор.-теорет. журн. / Эйзенштейн. центр исслед. кинокультуры; Науч.-исслед. ин-т киноискусства; Музей кино. М., 2008. № 89/90 (окт.–дек.). С. 231–271.
26. Ямпольский М.Б. Память Тиресия: интертекстуальность и кинематограф. М. : РИК «Культура», 1993. 464 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 декабря 2020 г.

The aim of the work is to determine how the cinematic nature of the narrative is achieved and to trace its role in the dynamics of the plot and images of the main characters of the third novel by the Argentine postmodernist writer Manuel Puig *The Buenos Aires Affair*. The research was carried out within the framework of a discursive approach. Special attention is paid to the intermedial and intertextual aspects. The first step towards the aim was to distinguish between such concepts as cinema language, cinema text, cinema speech and cinema discourse. It has been concluded that cinema discourse is the most capacious concept, since it includes both the expressive means of the cinema language, on the basis of which the film narration and dialogue of the “collective author” and the viewer are built, and the entire set of cinema texts inscribed in the communicative space of culture. This understanding of the term “cinema discourse” made it possible to consider not only the influence of “cinema poetics” (expressive means of “cinema language”) on the poetics of a literary work, but also the writer’s appeal to cinema in the text of the novel as a cultural phenomenon. It has been found that the novel approaches the film due to the totality of artistic techniques and means: nonlinearity of the narrative, the effect of being present in the moment of the narrative, the convention of time and space inherent in the cinematic principle of constructing the chronotope, montage. In addition, the creation of the “watching a film” effect is associated with the dialogic nature of the novel. On the one hand, these are the compositional features of the narrative: in the dialogues, there are often no words of the narrator, which brings the novel closer to a dramatic work and turns the reader into a spectator. On the other hand, dialogism manifests itself in Bakhtin’s understanding (as a dialogue between the author/character and the reader) through the text’s appeal to the reader (the second interlocutor is often absent in the dialogues so the reader takes their place). Film discourse as a cultural phenomenon is present in the novel in the epigraphs to each chapter. The author quotes excerpts from famous films of the mid-twentieth century. The insert films influence the perception of the subsequent chapter and participate in creating the image of the “starlet” which the main character tries to reach. Thus, citing films connects the novel with cinema, enhancing its intertextuality and intermediacy, and plays a key role in understanding the plot and the characterological component of the novel. The author organically applies film techniques in literary narration and appeals to the reader’s spectator experience, creating the effect of “watching” the film while reading the novel, which is important for understanding the images of the main characters and the artistic structure of the novel.

REFERENCES

1. Heffernan, J.A.W. (2015) Ekphrasis: Theory. In: Rippl, G. (Ed.) *Handbook of Intermediality: Literature – image – sound – music*. pp. 35–49.
2. Boyle, M.E. (2015) A Starlet Deformed: Seeing Women in Manuel Puig. *Chasqui*. 1 (44). pp. 19–28.
3. Esplugas, C. (n.d.) Power and Gender: Film Feminism in Boquitas pintadas. *Lehman College CUNY*. [Online] Available from: <http://www.lehman.cuny.edu/ciberletras/v03/Esplugas.html> (Accessed: 24.09.2019).
4. Andrea, M. (2015) *El beso de la mujer araña y su transición de la novela (1976) al drama (1983) y al filme (1985). Un enfoque narratológico y decolonial*. Oslo: The University of Oslo.
5. Ramírez, T.M. (2005) *Análisis de los tres niveles narrativos de “El Beso de la Mujer Araña”: hacia la conformación del homosexual heroico*. Bachelor thesis. Santiago.
6. Lotman, Yu.M. (1973) *Semiotika kino i problemy kinoestetiki* [Semiotics of Cinema and Problems of Cinema Aesthetics]. Tallin: Eesti Raamat. [Online] Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm_Kino/index.php (Accessed: 24.09.2019).
7. Mukarzhovskiy, Ya. (1994) *Issledovaniya po estetike i teorii iskusstva* [Research in Aesthetics and Art Theory]. Translated from Czech. Moscow: Iskustvo. pp. 396–410.
8. Tynyanov, Yu.N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. Literary history. Cinema]. Moscow: Nauka. pp. 326–345.
9. Slyshkin, G.G. & Efremova, M.A. (2004) *Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza)* [Kinotext (Experience of linguocultural analysis)]. Moscow: Vodooley Publishers.
10. Sukhaya, E.V. (2010) Types of sources of film speech as the basis of linguistic researches. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the MSRU. Series: Linguistics*. 2. pp. 68–73. (In Russian).
11. Nazmutdinova, S.S. (2008) *Garmoniya kak perevodcheskaya kategoriya (na materiale russkogo, angliyskogo, frantsuzskogo kinodiskursa)* [Harmony as a translation category (based on the material of Russian, English, French film discourse)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen’.
12. Zaretskaya, A.N. (2010) *Osobennosti realizatsii podteksta v kinodiskurse* [Features of the implementation of subtext in film discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
13. Lavrinenko, I.N. (2012) Criteria of cinematic discourse classification. *Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta. Diskursologiya: semantika i pragmatika*. 1003. pp. 41–44. (In Russian).
14. Foucault, M. (1996) *Arkheologiya znaniya* [Archaeology of Knowledge]. Translated from French. Kiev: Nika-Tsentr.
15. Velyugo, O.A. (2019) *Khudozhestvennoe voploshchenie lyubvi v proze Dzhuliana Barnsa i Iena Mak'yua* [The artistic embodiment of love in the prose of Julian Barnes and Ian McEwan]. Abstract of Philology Cand. Diss. Minsk.
16. Savel'eva, E.B. (2015) On the views of Michel Foucaults theory of discourse. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy akademii*. 2. pp. 92–95. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vzglyadah-mishelya-fuko-na-teoriyu-diskursa> (Accessed: 21.01.2020). (In Russian).
17. Zaychenko, S.S. (2011) Some features of film discourse as sign system. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 4 (11). pp. 82–86. (In Russian).
18. Olyanich, A.V. (2015) Kinodiskurs [Film discourse]. *Diskurs-Pi – Discourse-P*. 2. pp. 162–165. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinodiskurs> (Accessed: 22.11.2019).
19. Puig, M. (1973) *The Buenos Aires Affair*. [Online] Available from: <http://recursosbiblio.url.edu.gt/publicada/Libros/Afaire/3171tbaamp.pdf> (Accessed: 16.09.2019).
20. McFarlane, B. (1996) *Novel to Film: An Introduction to the Theory of Adaptation*. Oxford: Clarendon Press.
21. Bakhtin, M.M. (1963) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s Poetics]. Moscow: Sovetskiy pisatel’.
22. Levine, S.J. (2002) *Manuel Puig y la mujer araña*. Barcelona: Seix Barral.
23. Eyzenshteyn, S.M. (1964) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Vol. 2. Moscow: Iskustvo. pp. 329–485.
24. Levine, S.J. (2012) Manuel Puig: Edipo ronda La Pampa. *Cuadernos de literatura*. 31. pp. 48–64.
25. Berezovchuk, L.N. (2008) Fenomen kinopovestvovaniya [The phenomenon of film narration]. *Kinovedcheskie zapiski*. 89/90. pp. 231–271.
26. Yampol'skiy, M.B. (1993) *Pamyat' Tiresiya: intertekstual'nost' i kinematograf* [Memory of Tiresias: Intertextuality and Cinematography]. Moscow: RIK “Kul'tura”.

УДК 81.367.633 [811.133.1+811.161.1]

З.В. Шереметьева

РУССКИЙ ПРОИЗВОДНЫЙ ПРЕДЛОГ «ПОД ВИДОМ» В СРАВНЕНИИ С ФРАНЦУЗСКИМ ПРЕДЛОЖНЫМ АНАЛОГОМ «SOUS (LE) COUVERT DE»: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Представлены результаты анализа двух служебных единиц предложного характера русского и французского языков «под видом» и «sous (le) couvert de» в русле когнитивного, сопоставительного и контрастивного подходов. Рассматривается вопрос о степени их эквивалентности относительно друг друга. Обсуждается необходимость когнитивного исследования производной служебной лексики. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в теории и практике перевода, а также в лексикографии.

Ключевые слова: производный предлог; предложное выражение; сопоставление; когнитивная семантика; эквивалентность.

Введение

Предлоги и предложные образования постоянно находятся в центре внимания лингвистов независимо от меняющихся ведущих направлений исследований и смены научных парадигм. Единицы предложного типа (производные и непроизводные) рассматриваются исследователями в разных аспектах: грамматикализации и лексикализации [1–5]; сопоставительном и контрастивном [6–10]; конструкционном [11, 12]; семантическом [13] и др. В последнее время описание предложных единиц также стало проводиться с точки зрения когнитивной лингвистики [14–16].

В настоящей статье приведено сопоставительное описание двух предложных образований русского и французского языков в русле когнитивного подхода к языку А.Е. Кибрика [17]. По мнению исследователя, «когнитивно-ориентированная лингвистика продолжает традиции <...> семантически-ориентированной лингвистической теории» [17. С. 56], при этом исходным предположением когнитивной лингвистики является мотивированность языковой структуры устройством когнитивной структуры [17. С. 56]. Таким образом, когнитивный подход дает возможность реконструировать «когнитивную структуру по данным естественного языка» [17. С. 57].

Во многих языках наблюдается активный процесс возникновения особых предложных единиц, образованных путем сочетания имени существительного с одним или несколькими простыми непроизводными предлогами. Подобного типа предложные образования, на наш взгляд, могут и должны являться объектами когнитивных исследований, о чем будет сказано ниже.

Объектом настоящего описания являются именно такие сложные предложные образования двух языков (русского и французского): русский производный предлог *под видом* и французское предложное выражение *sous (le) couvert de*.

Служебная лексика, как упоминалось выше, уже является объектом когнитивной лингвистики, однако в центре внимания исследователей находятся в основном непроизводные служебные единицы с пространственным и/или временным значением, например русские предлоги *через* и *сквозь* [18. С. 269–283],

предлоги *в* [14], *над*, *под*, *от* [19], английские предлоги *in*, *out*, *above*, *over* и др. [16, 19]. Однако производной служебной лексике в когнитивных исследованиях до сих пор практически не уделялось внимания.

Некоторые лингвисты отмечают фразеологичность производных служебных единиц [20, 21], что позволяет включить их в ряд потенциальных объектов когнитивного исследования (о фразеологизме как объекте когнитивной лингвистики пишут Л.В. Коцюбинская, Л.И. Теплова [22]; С.З. Анохина, Э.М. Латыпова [23]; В.С. Самарина [24] и др.). Производные служебные единицы являются неделимыми языковыми образованиями, план содержания и план выражения которых не выводятся *напрямую* из значений их составных частей, что соотносимо с понятием *фразеологизм* (сравните понятие фразеологического сращения у В.В. Виноградова: «...тип словосочетаний – абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов» [25. С. 145]).

Однако особенностью служебных единиц подобного типа является то, что в их основе лежит знаменательная часть речи (в настоящем исследовании – имя существительное) с *определенной семантикой*. И в сознании говорящего значение служебной единицы прямо или косвенно ассоциируется со значением базового существительного (или другой части речи), являющегося ее ядром. Степень соотношения общего значения служебной единицы со значением ядра зависит от степени ее грамматикализации. В свете указанной особенности служебные единицы такого типа представляют особый интерес именно в русле когнитивных исследований.

Таким образом, при исследовании производных служебных частей речи и особенно при сопоставительных исследованиях необходимо уделять внимание семантике знаменательного слова, ставшего основой предложной единицы.

В.С. Самарина пишет, что когнитивное исследование фразеологизмов может иметь два вида:

«– исследование идиомы как языковой единицы с акцентом на план содержания или план выражения непосредственно самого фразеологизма;

– изучение контекстного окружения и особенно – стей идиомы в этом аспекте» [24. С. 180]. В нашем

исследовании сочетаются оба эти вида, так как такое сочетание позволяет дать наиболее полное описание служебных единиц двух языков и сопоставить их.

Ядром описываемых нами предложных единиц являются существительные *вид* и *le couvert* (с фр.: *прикрытие*). Подробнее о значениях каждого из базовых существительных будет сказано ниже, однако уже видно, что в основе русского предлога и французского предложного выражения лежат разные по семантике существительные. Тем не менее в двуязычных словарях [26] и [27] названные выше предложные единицы определяются как аналоги, т.е. как единицы, выступающие в роли переводческих эквивалентов. При этом в словарях не уточняется степень их эквивалентности и в каких именно языковых ситуациях данные единицы являются аналогами.

В данной работе когнитивный подход сочетается с сопоставительным и контрастивным, так как объектами лингвистического описания стали единицы двух языков, и, на наш взгляд, сочетание именно этих подходов дает возможность выявить особенности употребления, оттенки смыслов, формируемых с помощью вышеназванных предложных единиц, что в итоге позволит сделать вывод о степени их эквивалентности друг другу.

Материалом послужили публицистические тексты, выбранные из электронной версии французской газеты «Le Monde» [28] и электронной текстовой базы «Национальный корпус русского языка» [29]. Сбор материала проводился методом контролируемого отбора (критерий отбора – предложная функция рассматриваемых единиц в контексте). Было проанализировано по 150 контекстных употреблений каждой единицы.

Лексикографический анализ

Производный предлог *под видом* – двухэлементное образование, ядром которого является существительное *вид*. Русское существительное *вид* имеет несколько значений, но релевантным для предлога *под видом* является следующее: «внешность, видимый облик; состояние» [30. С. 78].

Проанализировав толкования предлога *под видом*, представленные в аспектных словарях [31. С. 265–266; 32. С. 178], а также его контекстные употребления, найденные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [29], мы выделили у предлога *под видом* два значения:

1. Употребляется при указании на лицо, за которое кто-либо себя выдает, или на предмет, явление или действие, которое выдается или принимается за другое.

Например: *Поговаривали, что часть расходов «Сатурна» оплачивает местная братва, пробравшаяся в число спонсоров клуба под видом бизнесменов, но видимо это всего лишь слухи* (Скворцов О., Глухих Д., Харитонов А. Футбол не стоит денег. 2003) [29]; *И сегодня с еще большей настойчивостью зло мыслится и пропагандируется под видом добра, потому что человек забыл о своем предна-*

значении к вечной жизни (Церпицкий Н. Пасхальное послание. 2013) [29].

2. Употребляется при указании на что-либо, являющееся мнимой причиной или вымышленным предлогом, которые выдаются за истинные.

Например: *Были случаи, когда под видом братания немцы приглашали наших в гости, а потом брали в плен* (Баранова Е. Кончай стрелять, айда брататься! // Комсомольская правда. 2014) [29].

Анализ ключевых слов словарных толкований – *выдавать* (кого / что-либо за кого / что-либо), *вымышленное, внешне похожее* – позволяет сделать вывод о том, что общим для семантики предлога *под видом* является выражаемое им отношение мнимого тождества, которое устанавливается между двумя ситуациями – реальной и вымышленной. Номинация вымышленной ситуации вводится предлогом.

На наш взгляд, значение (1) предлога *под видом* непосредственно связано со значением существительного *вид*, лежащего в основе предложного образования. Что-либо или кто-либо может выдаваться за что-либо другое или кого-либо другого на основании внешнего сходства, т.е. видимого облика. Сравните: *все, что показывают в Таиланде или во Вьетнаме под видом «дикой природы», чаще всего национальные заказники с почти ручными животными* (Хабургаев А. Отдыхай, но знай кхмера // Огонек. 2013) [29]. Употребление русского производного предлога *под видом* в других значениях объясняется высокой степенью его грамматикализации и, соответственно, ослаблением связи со значением базового существительного.

Французское предложное выражение *sous (le) couvert de* является трехэлементным образованием, в основе которого лежит существительное *le couvert*.

В толковом словаре французского языка «Trésor de la Langue Française Informatisé» (далее – TLFi) [33] у существительного *le couvert* выделяются следующие значения:

– «Voûte protectrice constituée par un arceau de feuillage; plafond constitué par les ramures et le feuillage des arbres d'une forêt» [33] – защитный свод из листвы; потолок, созданный из веток и листвы деревьев в лесу ;

– «[En parlant de pers.] Celui, celle qui endosse la responsabilité des actes accomplis par quelqu'un à qui il sert de garant» [33] – (говоря о людях) тот, кто берет на себя действия, совершенные кем-то, для кого он является поручителем ;

– «[En parlant d'une chose] Ce qui sert à masquer ou à atténuer un désagrément ou une impression pénible» [33] – (говоря о вещах) то, что служит для маскировки или смягчения неприятности или тяжелого впечатления.

Последние два значения, на наш взгляд, являются переносными значениями французского существительного *couvert*, именно на базе этих значений образовалось предложное выражение *sous (le) couvert de*. Сама эта служебная единица в словаре TLFi трактуется следующим образом:

Sous (le) couvert de: a) «désigne une personne servant de garantie, qui assume officiellement une

responsabilité à la place d'une autre» [33] – обозначаем человека, служащего гарантией, который официально берет на себя ответственность вместо другого;

б) *«désigne ce qui sert à dissimuler une réalité, l'apparence trompeuse qui la masque» [33] – обозначает то, что служит для сокрытия реальности, обманчивый внешний вид, который это скрывает.*

Проиллюстрируем значение б следующими примерами: *Sous couvert de but culturel, ces trois associations <...> visaient en réalité à promouvoir une idéologie radicale <...> (Le gouvernement dissout trois associations culturelles musulmanes // Le Monde. 2016) [28] – Под видом культурной цели эти три ассоциации <...> в действительности стремятся пропагандировать радикальную идеологию... Sous couvert de lutte contre la cybercriminalité, de nombreux militants ont été condamnés et leurs comptes ont été fermés (Arabie saoudite : légion d'honneur et décapitations // Le Monde. 2015) [28]. – Под видом борьбы против киберпреступлений многие активисты были осуждены, а их счета закрыты.*

Из словарного описания видно, что у французского предложного выражения *sous (le) couvert de* действительно есть значение, соответствующее значению русского предлога *под видом* (значение б), однако есть и значение (значение а), не соотносимое со значениями рассматриваемого русского предлога. Данное значение проявляется в тех случаях, когда предложное выражение *sous (le) couvert de* сочетается с существительными, обозначающими лицо. Необходимо уточнить, что русский предлог *под видом* также сочетается с такими существительными, но при этом имеет совершенно иное значение.

В состав обеих исследуемых предложных единиц входят непрямые предлоги «под» и «sous» (рус. *под*), являющиеся переводческими эквивалентами. Эти два предлога обеспечивают структурное и семантическое сходство производных предложных единиц двух языков.

Прямым значением простых предлогов «под» и «sous» является указание на особое расположение чего-либо в пространстве: ниже, чем что-либо (именно поэтому они определяются как переводческие эквиваленты). Однако оба предлога имеют и переносные значения.

В Большом толковом словаре русского языка находим у предлога «под» следующее значение: «Указывает на условия, особые обстоятельства совершения какого-либо действия» [34. С. 858].

Среди значений французского предлога «sous» в толковом словаре TLFi видим следующее: «*Marque l'idée d'une apparence qui recouvre ou qui cache la réalité*» [33] – выражает идею некой видимости, которая скрывает реальность.

На наш взгляд, именно эти значения простых предлогов «под» и «sous» являются компонентами семантики производных предложных единиц «под видом» и «sous (le) couvert de».

Таким образом, уже лексикографический анализ демонстрирует существование определенных сходств между предложными образованиями двух языков, но также и различий. Основное отличие – принципиаль-

но разные по значению существительные, ставшие ядрами двух предложных единиц. В основе семантики французского предложного выражения заложено значение маскировки, прикрытия, а в основе русского – внешний облик.

Исходя из словарных значений предложных единиц обоих языков, можно сделать вывод о фразеологизации и метафоризации описываемых предложных образований. Очевидно, что произошло расширение их значений от конкретного к более абстрактному (в связи с расширением значений ядерных существительных). Нам представляется возможным следующее поступательное развитие:

– в русском языке: *вид (внешний вид) – маска/маскировка – мнимость;*

– во французском языке: *свод из листьев – защитный покров – прикрытие/маскировка – мнимость.*

Таким образом, общим значением предложных единиц двух языков является абстрактное значение *мнимости*, что выражается в устанавливаемых ими отношениях мнимого тождества. Данное значение описываемых предложных единиц позволяет включить их в группу средств, с помощью которых в обоих языках может выражаться концепт ОБМАНА.

Настоящие наблюдения, на наш взгляд, подтверждают высказанную ранее точку зрения о необходимости включения производных служебных единиц в разряд объектов когнитивного исследования.

Анализ сочетаемости

Для более полного понимания семантики единиц предложного характера необходимо проанализировать их употребление в различных контекстах и посмотреть на возможности их сочетаемости.

В предложении с помощью производного предлога *под видом* могут связываться два существительных (например, *разведчики под видом коммерсантов; шпионская аппаратура под видом мобильного*) или глагол с существительным (например, *приглашать в гости под видом братания*). Таким образом, справа от описываемого предлога (правый компонент) всегда располагается существительное, а слева (левый компонент) – существительное (или заменяющее его личное местоимение) или глагол.

При анализе сочетаемости учитывался *предметный* или *предикатный* характер существительных. При этом в группу предметных существительных были включены как собственные, так и нарицательные существительные. В группе нарицательных предметных существительных выделено несколько подгрупп:

а) люди (существительные, называющие человека по его профессии, роду деятельности, социальному положению): *чиновник, журналист, брат, стажер, свидетель и т.п.;*

б) вещи (существительные, называющие предметы физической/творческой деятельности человека): *подушка, новостройка, аппарат, машина, книга, притча и т.п.;*

в) растения и животные: *акация, сосна, лама и т.п.*

В группе предикатных существительных выделяются следующие подгруппы:

а) событийные (существительные, обозначающие какой-то процесс или действие): *борьба, перевязка, эксперимент, участие, проигрыш и т.п.*;

б) признаковые (существительные, обозначающие признак или явление): *красота, любовь, добро, идея, знание, наука и т.п.*

Анализ показал, что русский предлог *под видом* обладает практически неограниченной сочетаемостью. Он может связывать как предметные существительные (и имена собственные и нарицательные), так и предикатные. При этом соотношение сочетаний с предметными и предикатными существительными примерно одинаково: 55% сочетаний с предметными существительными и 45% – с предикатными (здесь и далее процентное соотношение указывается относительно общего числа проанализированных автором контекстных употреблений каждой предложной единицы). Например: *наркотики под видом спортивного питания*; *напомнить о себе под видом поздравительного письма*; *изображение под видом статуи*; *подсунуть ложь под видом мудрости*; *преподавать какую-то ахинею под видом биологии*; *наведываться под видом участия*.

Однако внутри группы предметных существительных наблюдается тяготение предлога *под видом* к сочетаниям с существительными, называющими людей (64% из общего числа сочетаний с предметными существительными). Например: *отправка разведчиков под видом коммерсантов*; *капитан работал под видом грузчика*; *боевые подразделения под видом харьковских фанатов*; *агенты американских спецслужб под видом наркодельцов*.

С помощью французского предложного выражения *sous (le) couvert de* также могут связываться существительные (например, *l'aide directe sous couvert de la coopération* – *прямая помощь под видом взаимодействия*); глагол и существительное (*condamner sous couvert de lutte* – *осудить под видом борьбы*), а также глагольная форма и инфинитив (*assassiner les libertés sous couvert de lutter contre le terrorisme* – *убивать свободу под предлогом борьбы с терроризмом*).

В отличие от русского предлога *под видом* у французского предложного выражения *sous (le) couvert de* (в значении, соответствующем русскому *под видом*) наблюдаются значительные ограничения сочетаемости: слева и справа от предложной единицы располагаются *предикатные* существительные, реже – инфинитив (справа). В 100% собранных нами контекстов с предложным выражением *sous (le) couvert de* было обнаружено его сочетание с предикатными существительными или инфинитивом (инфинитив при этом соотносится с предикатным событийным существительным). Например: *soutenir sous couvert d'une défense* (*поддерживать под видом защиты*); *l'extorsion sous couvert de taxes* (*вымогательство под видом налогов*); *une idéologie sous couvert de but culturel* (*идеология под видом культурной цели*); *rendre automatiques les aménagements sous couvert de désengorger le système carcéral* (*сделать поправки автоматическими под видом чистки тюремной системы*).

Однако выше говорилось о том, что, по данным толкового словаря TLFi, выражение *sous (le) couvert de* может сочетаться с существительными, обозначающими лицо (т.е. с предметными существительными). В словаре приведен следующий пример: «*Écris sous le couvert de ma femme de chambre, que l'adresse soit d'une main étrangère, moi je t'écirai des volumes*» (Stendhal F. *Le Rouge et le Noir*) [33]. В данном примере правым компонентом конструкции с предложным выражением *sous le couvert de* является именная группа с предметным значением *la femme de chambre* (горничная). В русской версии романа данный отрывок переведен следующим образом: «*Пиши на имя моей горничной, только адрес пусть будет написан чужой рукой, а уж я буду писать тебе целые тома*» (Стендаль Ф. *Красное и черное*. М.: Правда, 1978 г.) [29]. В данном случае французская предложная единица *sous le couvert de* имеет иное значение, не сопоставимое с русским предлогом *под видом*. Таким образом, французское предложное выражение *sous (le) couvert de* может сочетаться с предметными существительными, называющими лицо (что подтверждается данными словарной статьи TLFi [33]), однако в таких случаях его значение не соотносится ни с одним из значений русского предлога *под видом* и не является предметом описания настоящей статьи.

Французское предложное выражение *sous (le) couvert de* обладает меньшей степенью грамматикализации в сравнении с русским предлогом *под видом*. Об этом свидетельствует использование определенного артикля *le* перед существительным *couvert* в ряде случаев. Согласно теории актуализации существительного без артикля (или других детерминативов) утрачивает свое собственное грамматическое значение и начинает выполнять функции другой категории. Употребление определенного артикля перед существительным в составе предложной единицы *sous (le) couvert de* указывает на неполную грамматикализацию данного выражения. В связи с этим с сочетанием *sous le couvert de* наблюдаются случаи грамматической омонимии: данное сочетание слов может выступать не только в качестве единой фразеологизированной предложной конструкции, но и в качестве комбинации простого предлога *sous* и существительного *le couvert*, где каждый компонент имеет свое отдельное значение. Сравните: *nous sommes arrivés sous le couvert de la nuit* – *мы прибыли под покровом ночи*.

Заключение

Сопоставительный анализ двух предложных выражений русского и французского языков, представленных в двуязычных словарях как переводческие эквиваленты, выявил как сходства, так и различия.

Предложные единицы *под видом* и *sous (le) couvert de* участвуют в организации одинаковых синтаксических конструкций и в определенных контекстных ситуациях имеют сопоставимые значения: (1) устанавливают отношения между двумя предикатными существительными, одно из которых называет определенное явление или событие, а второе – другое явление или событие, за которое выда-

ется первое; (2) в глагольных конструкциях (при связи глагола и существительного) указывают на мнимую или вымышленную причину или мотив для некоего действия.

Однако описываемые единицы имеют и значительные отличия. Русский предлог *под видом* практически не имеет ограничений в сочетаемости, употребляется как с предметными, так и с предикатными существительными, в то время как предложное выражение *sous (le) couvert de* (в значении, сопоставимом с предлогом *под видом*) сочетается только с предикатными существительными. Существенным отличием *под видом* от *sous (le) couvert de* является тяготение первого к сочетанию с предметными существительными, называющими лицо, тогда как *sous (le) couvert de* в рассматриваемом нами значении вообще не имеет такой возможности.

Сочетаемость является внешним проявлением внутренней семантики служебной единицы. Таким образом, различия в сочетаемости указывают на существование отличий в значении. Важным является то, что в основе описываемых нами предложных единиц лежат принципиально разные по значению существительные, которые в сознании говорящего ассоции-

руются с разными категориями. Это повлекло за собой и различия в значениях самих предложных выражений. Русский производный предлог *под видом* при сочетании с существительными, обозначающими лицо, указывает на некоего человека, который выдается или принимается за другого. Французское предложное выражение *sous (le) couvert de* при сочетании с лицами обозначает человека, который может служить гарантией или прикрытием для какого-то совершающегося действия.

В итоге можно сделать вывод о том, что русский производный предлог *под видом* и французское предложное выражение *sous (le) couvert de* являются только *частичными* аналогами и, соответственно, могут выступать в качестве переводческих эквивалентов не во всех ситуациях.

Отметим также свою убежденность в необходимости рассмотрения производных предложных образований в когнитивном русле. Наибольшие перспективы, на наш взгляд, при этом имеют сопоставительные когнитивные исследования производных служебных единиц, так как более подробное и глубокое изучение их семантики выявляет сходства и различия в языковых картинах мира носителей разных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fagard B., De Mulder W. La formation des prépositions complexes : grammaticalisation ou lexicalisation? // *Langue française*. 2007. № 156. P. 9–29.
2. Fagard B., Prévost S. Grammaticalisation et lexicalisation : la formation d'expressions complexes // *Langue française*. 2007. № 156. P. 3–8.
3. Виноградова Е.Н. Теория грамматикализации и проблемы категоризации предложных единиц // *Функциональная лингвистика : VII Междунар. лингв. конгресс «Язык и мир» (Ялта, 5–9 октября 2015) : сб. науч. докл.* Ялта : Форма, 2015. С. 56–58.
4. Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // *Вопросы языкознания*. 2016. № 1. С. 25–50.
5. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М. : Наука, 1967. 280 с.
6. Волгина О.В. Английский предлог AGAINST и русский ПРОТИВ: семантика локализации // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов : Грамота, 2015. № 7 (49), ч. 1. С. 22–26.
7. Суровцева С.И. Лексические и фразеологические предлоги современного русского и французского языков (со значением темпоральности) // *Аспекты лингвистики: современный подход / под общ. ред. Л.П. Юздовой*. Челябинск : Цицеро, 2011. С. 143–169.
8. Суровцева С.И. К вопросу о лексико-грамматическом значении предлогов темпоральной семантики (на материале русского и французского языков) // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). М. : Наука, 2014. Т. 1, № 8. С. 258–261.
9. Мулюкина Л.Р. Особенности функциональной транспозиции предложных сочетаний на уровне текста: на материале французского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 160 с.
10. Van Goethem K. L'emploi «préfixial» des prépositions CONTRE et TEGEN. Une analyse contrastive // *Travaux de linguistique*. 2006. № 52. P. 115–145.
11. Леоненко М.А. Конструкции с сопоставительно-выделительными предлогами // *Ученые записки МГПИ*. № 423: Современный русский язык. М., 1971. С. 206–217.
12. Леоненко М.А. Конструкция с вторичными предлогами сопоставительно-выделительного значения в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : МГПИ, 1971. 25 с.
13. Лепнев М.Г. Русские производные предлоги. Проблемы семантики. Словарные материалы. СПб., 2010. 313 с.
14. Нессет Т., Макарова А.Б. Пространство во времени? Асимметрия предлога в пространственных и временных конструкциях // *Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика*. М., 2015. С. 388–410.
15. Волгина О.В., Коратаева О.Е., Сенина М.В. Английские и русские предлоги: особенности концептуализации пространственных отношений // *Молодой ученый*. 2015. № 23.2. С. 98–100.
16. Пекар В.И. Семантика предлогов вертикальной соположенности в когнитивном аспекте: на материале английских предлогов above и over и русского предлога над : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000.
17. Кибрик А.Е. Когнитивный подход к языку // *Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика*. М., 2015. С. 29–60.
18. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. : Русские словари, 2000. 416 с.
19. Бороздина И.С. Изучение содержания языкового выражения пространственных отношений в рамках когнитивной лингвистики // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2010. Т. 1, № 2. С. 231–239.
20. Fillmore C.J., Kay P., O'Connor M.C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone // *Language*. 1988. Vol. 64, № 3. P. 501–538.
21. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. школа, 1987. 288 с.
22. Коцюбинская Л.В., Теплова Л.И. Когнитивная структура языкового знака (на материале английских фразеологических единиц) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2014. Т. 7, № 1. С. 38–47.
23. Анохина С.З., Латыпова Э.М. Фразеология в когнитивном аспекте // *Филологические науки*. 2015. С. 85–86.
24. Самарина В.С. Основные подходы к когнитивному анализу фразеологизмов и паремий // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов : Грамота, 2013. № 12 (30), ч. II. С. 178–181.
25. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *Лексикология и лексикография. Избранные труды*. М., 1977. С. 140–161.
26. Новый французско-русский словарь. ООО «АБИ Пресс», 2010 и 2011. URL: ABBYY Lingvo x5. Электронный словарь. Вып.: 15.0.592.5 (дата обращения: 28.11.2018).

27. Multitran : электронный словарь. URL: <https://www.multitran.ru> (дата обращения: 28.11.2018).
28. Le Monde. URL: <https://www.lemonde.fr> (дата обращения: 14.04.2018).
29. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.04.2018).
30. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗБ, 1994. 928 с.
31. Морковкин В.В., Луцкая Н.М., Богачева Г.Ф. и др. Объяснительный словарь русского языка. М.: Астрель, 2003.
32. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречие, служебные, модальные единства. М.: Русский язык, 1991. 254 с.
33. Trésor de la Langue Française Informatisé. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/> (дата обращения: 28.11.2018).
34. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 января 2021 г.

The Russian Derivative Preposition “pod vidom” Compared to Its French Prepositional Analogue “sous (le) couvert de”: A Cognitive Approach

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 45–51.

DOI: 10.17223/15617793/465/6

Zinaida V. Sheremeteva, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: sheremeteva_zv@dvfu.ru

Keywords: derivative preposition; prepositional locution; comparison; cognitive semantics; equivalence.

The article aims to reveal the differences and the similarities of the Russian derivative preposition *pod vidom* [under the guise of] and its French prepositional analogue *sous (le) couvert de* [under the cover of], the rules of their functioning in the two languages, and to determine if they could be used as equivalents in Russian and French. The article also shows the relevance of studying prepositional derivatives as part of cognitive research. The article starts from the lexicographical analysis based on the Russian and French explanatory dictionary entries and continues with collocation analysis. Special attention is paid to the core word meaning of each prepositional locution and their collocation features in each language. It is suggested that Russian derivative preposition *pod vidom* and its French equivalent *sous (le) couvert de* could be means of representing the concept of FRAUD. The language material comprises the texts of journalistic genre collected with the help of the electronic text bases (the French newspaper archives and the Russian National Corpus); 150 context usages were found and analyzed for each of the prepositional locutions in both languages. In some bilingual dictionaries these two function words are described as translation equivalents meaning that they can be used in equal language situations in French and Russian. However, the Russian and French locutions are based on nouns with quite different meanings: the core of the Russian preposition is the noun *vid* [appearance, guise], the French one is formed with the help of the noun *le couvert* [cover]. Thus, it is presupposed that speakers could associate these two prepositional locutions with different categories. The analysis is based on the cognitive, comparative and contrastive approaches as the combination of these three approaches allows revealing the peculiarities of the usage and the shades of meanings of the two considered prepositional locutions. According to the language facts, the Russian derivative preposition *pod vidom* does not seem to have any collocation limits. It is used with material, concrete and abstract nouns. On the contrary, the French prepositional locution *sous (le) couvert de* has significant collocation restrictions: it is only compatible with abstract nouns. Furthermore, *sous (le) couvert de* has an additional meaning that could not be associated with the meanings its Russian analogue has and demonstrates a lower grammaticalization degree if compared with the Russian one. As a result, both similarities and differences were revealed. The two prepositional locutions form the same syntactic constructions and in some contexts have parallel meanings, but they have different inner semantics that is mostly manifested in their collocations. So, the locutions *pod vidom* and *sous (le) couvert de* cannot be presented as full equivalents in dictionaries.

REFERENCES

1. Fagard, B. & De Mulder, W. (2007) La formation des prépositions complexes: grammaticalisation ou lexicalisation? *Langue française*. 156. pp. 9–29.
2. Fagard, B. & Prévost, S. (2007) Grammaticalisation et lexicalisation: la formation d’expressions complexes. *Langue française*. 156. pp. 3–8.
3. Vinogradova, E.N. (2015) [The theory of grammaticalization and the problem of categorization of prepositional units]. *Funktsional'naya lingvistika* [Functional Linguistics]. Proceedings of the 7th International Linguistic Congress Yazyk i mir [Language and the World]. Yalta. 5–9 October 2015. Yalta: Forma. pp. 56–58. (In Russian).
4. Vinogradova, E.N. (2016) Grammaticalization in Russian: from noun to preposition (a case study of body part names). *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 25–50. (In Russian).
5. Cherkasova, E.T. (1967) *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi* [The Transition of Content Words to Prepositions]. Moscow: Nauka.
6. Volgina, O.V. (2015) English preposition against and Russian protiv: Semantics and localization. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 7 (49). Part 1. pp. 22–26. (In Russian).
7. Surovtseva, S.I. (2011) Leksicheskie i frazeologicheskie predlogi sovremennogo russkogo i frantsuzskogo yazykov (so znacheniem temporal'nosti) [Lexical and phraseological prepositions of the modern Russian and French languages (with the meaning of temporality)]. In: Yuzdova, L.P. (ed.) *Aspekty lingvistiki: sovremennyy podkhod* [Aspects of Linguistics: A modern approach]. Chelyabinsk: Tsitsero. pp. 143–169.
8. Surovtseva, S.I. (2014) To the question of lexical and grammatical value of pretexts of temporal semantics (on the material of the Russian and French languages). *Evropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk – European Social Science Journal*. 8 (1). pp. 258–261. (In Russian).
9. Mulyukina, L.R. (2007) *Osobennosti funktsional'noy transpozitsii predlozhnykh sochetaniy na urovne teksta: na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Features of functional transposition of prepositional combinations at the text level: on the material of French and Russian languages]. Philology Cand. Diss. Ufa.
10. Van Goethem, K. (2006) L’emploi “préfixial” des prépositions CONTRE et TEGEN. Une analyse contrastive. *Travaux de linguistique*. 52. pp. 115–145.
11. Leonenko, M.A. (1971) Konstruktsii s sopostavitel'no-vydelitel'nymi predlogami [Constructions with comparative-excretory prepositions]. *Uchenye zapiski MGPI*. 423. pp. 206–217.
12. Leonenko, M.A. (1971) *Konstruktsiya s vtorichnymi predlogami sopostavitel'no-vydelitel'nogo znacheniya v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Construction with secondary prepositions of comparative-excretory meaning in the modern Russian literary language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
13. Lepnev, M.G. (2010) *Russkie proizvodnye predlogi. Problemy semantiki. Slovarnye materialy* [Russian Derivative Prepositions. Semantics problems. Dictionary materials]. Saint Petersburg: [s.n.].

14. Neset, T. & Makarova, A.B. (2015) Prostranstvo vo vremeni? Asimetriya predloga v prostranstvennykh i vremennykh konstruktsiyakh [Space in time? Asymmetry of a preposition in spatial and temporal constructions]. In: Kibrik, A.A. et al. (eds) *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and Thought: Modern cognitive linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 388–410.
15. Volgina, O.V., Korataeva, O.E. & Senina, M.V. (2015) Angliyskie i russkie predlogi: osobennosti kontseptualizatsii prostranstvennykh otnosheniy [English and Russian prepositions: features of the conceptualization of spatial relations]. *Molodoy uchenyy*. 23.2. pp. 98–100.
16. Pekar, V.I. (2000) *Semantika predlogov vertikal'noy sopolozhennosti v kognitivnom aspekte: na materiale angliyskikh predlogov above i over i russkogo predloga nad* [Semantics of prepositions of vertical alignment in the cognitive aspect: on the material of the English prepositions above and over and the Russian preposition nad]. Philology Cand. Diss. Ufa.
17. Kibrik, A.E. (2015) Kognitivnyy podkhod k yazyku [Cognitive approach to language]. In: Kibrik, A.A. & Koshelev, A.D. (eds) *Yazyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and thought: Modern cognitive linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 29–60.
18. Rakhilina, E.V. (2000) *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetanost'* [Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and compatibility]. Moscow: Russkie slovari.
19. Borozdina, I.S. (2010) A cognitive study of content of language ways of expressing spatial relations. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 2 (1). pp. 231–239. (In Russian).
20. Fillmore, C.J., Kay, P. & O'Connor, M.C. (1988) Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone. *Language*. 3 (64). pp. 501–538.
21. Nazaryan, A.G. (1987) *Frazeologiya sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [Phraseology of the modern French language]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
22. Kotsyubinskaya, L.V. & Teplova, L.I. (2014) The cognitive structure of the language unit (based on studies of English phraseological units). *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 1 (7). pp. 38–47. (In Russian).
23. Anokhina, S.Z. & Latypova, E.M. (2015) Phraseology in cognitive aspect. *Filologicheskie nauki – Philology*. pp. 85–86. (In Russian).
24. Samarina, V.S. (2013) Basic approaches to cognitive analysis of phraseological units and paroemia. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 12 (30). Part 2. pp. 178–181. (In Russian).
25. Vinogradov, V.V. (1977) *Leksikologiya i leksikografiya. Izbrannye trudy* [Lexicology and Lexicography. Selected works]. Moscow: Nauka. pp. 140–161.
26. ABI Press. (2010–2011) *Novyy frantsuzsko-russkiy slovar'* [New French-Russian Dictionary]. [Online] Available from: ABBYY Lingvo x5. Electronic dictionary. 15.0.592.5 (Accessed: 28.11.2018).
27. *Multitran: elektronnyy slovar'* [Multitran: Electronic Dictionary]. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.multitran.ru> (Accessed: 28.11.2018).
28. *Le Monde*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.lemonde.fr> (Accessed: 14.04.2018).
29. *Russian National Corpus*. (n.d.) [Online]. Available from: www.ruscorpora.ru (Accessed: 14.04.2018). (In Russian).
30. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1994) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions]. 2nd ed. Moscow: AZ".
31. Morkovkin, V.V. et al. (2003) *Ob'yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Astrel'.
32. Rogozhnikova, R.P. (1991) *Slovar' ekvivalentov slova: narechie, sluzhebnye, modal'nye edinstva* [Dictionary of Word Equivalents: Adverb, service, modal unity]. Moscow: Russkiy yazyk.
33. CNRTL. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. (n.d.) *Trésor de la Langue Française Informatisé*. [Online] Available from: <http://www.cnrtl.fr/definition/> (Accessed: 28.11.2018).
34. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.

Received: 15 January 2021

ИСТОРИЯ

УДК 94: 329.71(470.5)''1907/1914''

А.Л. Афанасьев

ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ СРЕДНЕГО УРАЛА В 1907–1914 гг. (ВЕРХОТУРСКИЙ, ИРБИТСКИЙ, КАМЫШЛОВСКИЙ, ШАДРИНСКИЙ УЕЗДЫ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Показано значение обществ трезвости в 1907–1914 гг. в четырёх уездах Среднего Урала. Установлено, что на 01.01.1911 г. насчитывалось 20 обществ с 1 906 членами, весной 1914 г. – уже около 30, преимущественно церковноприходских. Делается вывод о том, что общества играли роль «маяков» трезвой, братской жизни; происходило духовное и физическое оздоровление людей, улучшалась обстановка в семьях и общинах и т.д.

Ключевые слова: история России; история Урала; трезвенное движение; общества трезвости; церковь; крестьянство; рабчие.

Цель предлагаемой статьи – показать значение обществ трезвости в четырёх «окраинных» уездах Среднего Урала (Верхотурский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский) – геополитически значимого промышленного региона, в период их наибольшей активности (1907–1914 гг.). Задачи статьи – выявить наиболее важные статистические сведения о данных обществах. С этой целью следует ответить на вопросы: что представляли собой трезвенные объединения и как они влияли на своих участников и общество?

Некоторые сведения о трезвенных объединениях края уже приводились в литературе [1–3], в работах автора (см., например: [4. С. 41, 146–152]), однако обобщающая научная картина явления ещё не создана. В предлагаемой статье нами использован комплекс достоверных и репрезентативных источников: рапорт и записка секретаря Екатеринбургской духовной консистории в Канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода от 10.02.1911 г. о церковных обществах трезвости епархии [5. Л. 186–232]; двухнедельный журнал «Екатеринбургские епархиальные ведомости» [6–7]; материалы российского трезвенного движения [8–13]; справочные издания [14–16].

Методика исследования: по специальной анкете [4. С. 53–59] нами составлен список обществ трезвости региона в 1890–1914 гг. (см. ниже), проведён статистический анализ и обобщение полученных данных о 20 обществах, существовавших на 1 января 1911 г. В результате этой работы получены следующие выводы:

1. Движение было молодым. На 01.01.1911 г. из обществ два (10%) возникли в 1901–1904 гг.; пять из пяти (25%) – в 1905–1907 гг.; 13 обществ (65%) – в 1908–1910 гг. Это означает, что две трети объединений образовались после окончания революции 1905–1907 гг., когда перед российским обществом стоял «выбор пути».

2. Трезвенные объединения были достаточно заметной частью общественной жизни. На 01.02.1911 г. в четырёх уездах с населением 1 238 тыс. чел. насчитывалось 20 обществ с 1 906 членами, или 1,6 общества на 100 тыс. жителей. Для сравнения: в более густо населённом Екатеринбургском уезде – 3,6 общества на 100 тыс. жителей (таблица).

Общества трезвости Среднего Урала на 01.01.1911 г.

Уезд/регион	Население		Число обществ трезвости						Число членов обществ, человек	Число обществ на 100 тыс. населения
	всего (тыс. человек)	Человек на 1 кв. версту	В городских поселениях			В сельских поселениях		Всего		
			городские гражданские	городские церковные	заводские церковные	гражданские	церковные			
Верхотурский	342,7	6,1	–	–	2	–	1	3	835	0,9
Ирбитский	182,9	20,6	–	–	–	–	2	2	51	1,1
Камышловский	310,1	23,3	–	–	–	–	8	8	716	2,6
Шадринский	402,6	26,5	–	1	–	–	6	7	304	1,7
Четыре уезда вместе	1 238,3	13,3	–	1	2	–	17	20	1 906	1,6
Екатеринбургский	520,5	21,6	1	1	5	–	10	17	1 682	3,6
Итого Средний Урал	1 758,8	15,0	1	2	7	–	27	37	3 588	2,1

Примечание. Тире означает отсутствие явления.

Источники: а) по населению [16. С. 41]; б) по обществам [1. С. 179, 188, 190, 203, 213, 218, 221; 2; 5. Л. 187, 190–210, 213–215, 223–232; 6. 1910. 5 дек. № 47. С. 1074–1077; 13. С. 53–56, 65–66; 17. Т. 1. С. 30, Т. 2. С. 922–924].

3. Число обществ и их членов в 1907–1914 гг. росло. В 20 обществах, действовавших на 01.01.1911 г., в *первый год* их существования насчитывалось 1 075 членов, а к *январю 1911 г.* – уже 1 906 членов (подсчитано по списку, размещённому ниже). Рост составил 77%. Весной 1914 г., по нашим подсчётам, в четырёх уездах действовало уже не менее 30 трезвенных объединений. Рост по сравнению с 1911 г. составил 50%.

4. Рассчитаем, каков был примерный процент членов обществ от численности населения.

4.1. В 20 приходах в населённых пунктах, где имелись общества, насчитывалось 100 880 прихожан, что примерно равнялось численности всего населения там же.

4.2. Почти все трезвенники были в возрасте 18–69 лет. Эта возрастная когорта составляла в регионе примерно 52,5% всего населения (вычислено по: [16. С. 78]), или 52 962 человека.

4.3. От числа жителей названной возрастной группы (52 962 человека) члены обществ трезвости (1 906 человек) составляли 3,6%. Учитывая, что в некоторых случаях в общества записывались не только местные жители, но и иноприходные, мы полагаем, что на 01.01.1911 г. **трезвенники составляли в среднем до 2–3% от взрослых прихожан обоого пола** своих приходов. Среди мужчин этот процент был почти в два раза выше, ибо большинство членов обществ были взрослыми мужчинами, кормильцами семей.

5. Все 20 выявленных обществ трезвости были **церковными**, т.е. действовали при православных храмах и были частью приходской жизни. Все пять **руководителей обществ**, чьи занятия удалось установить, были священниками. Указания на **социальный состав** членов обществ в источниках редки, но имеются достаточно полные сведения о составе прихожан тех приходов, где действовали общества (см.: [14]). Мы полагаем, что **состав обществ примерно совпадал с составом прихожан или, иными словами, с составом населения**. В 15 сельских обществах (75%) преобладали крестьяне, занимавшиеся сельским хозяйством; в двух (15%) – в заводском посёлке и приисковом селе – рабочие (см. ниже список, № 11, 12); в двух (15%) – крестьяне-земледельцы, а также горнорабочие и рабочие-углежогги (там же, № 18, 19). В одном обществе (5%), в уездном г. Шадринске, состав прихожан неизвестен. Отметим, что хотя имелось всего два «рабочих» общества трезвости – в Нижне-Тагильском заводе и в приисковом селе Николае-Павловском (см. № 11, 12), но они были наиболее крупными по численности. В них насчитывалось

817 человек, что составляло 42,9% от общего числа членов 20 объединений.

6. Общества вели типичную для такого рода объединений деятельность: проповеди и индивидуальные беседы священников, приём обетов трезвости (в основном на три, шесть месяцев, реже на год; с возможностью продления), выписка и раздача литературы, помощь нуждающимся членам. О результатах имеется прямое указание по селу Реутинскому Камышловского уезда: *«Несколько бывших алкоголиков стали трезвенниками, а бывших пьяниц – умеренно пьющими»* [6. 1911. 20 мар. № 12. С. 304–305] (выделено нами. – А.А.). Если смотреть шире, то во многом под влиянием обществ постепенно становилось всё более нетерпимым отношение местных общин к бесконтрольной торговле спиртным и разрушительным последствиям пьянства. Деятели обществ и сочувствующие становились на путь борьбы за трезвую, светлую жизнь. Например, в 1911 г. из уральской глубинки они писали письма в поддержку законопроекта Комиссии о мерах борьбы с пьянством III Государственной думы (см. список, № 11, 31). В 1913 и 1914 гг. участвовали в проведении на местах Всероссийских праздников трезвости (там же, № 1, 15, 26–27). В 1911–1914 гг. принимали общественные приговоры о трезвом проведении храмовых праздников, о недопущении тайной продажи вина, закрытии казённых винных лавок (там же, № 3, 22, 36).

7. Итак, значение деятельности обществ трезвости в четырёх окраинных уездах Среднего Урала было примерно тем же, что и в центральном, Екатеринбургском уезде. Они играли роль «маяков» трезвой, братской жизни. В результате их деятельности происходило духовное и физическое оздоровление людей, улучшалась обстановка в семьях и общинах, что повышало возможности развития общества по мирному пути.

Сведения об обществах трезвости региона приведены ниже по алфавиту названий уездов и населённых пунктов. Поселения, о которых есть достоверные сведения, что общества здесь существовали **одновременно, на 01.01.1911 г., указаны без знака *** («звёздочка»). Поселения, где общества *прекратили существование* к 01.01.1911 г. или же возникли *позднее этой даты*, помечены знаком *. Время закрытия большинства обществ неизвестно. Учитывая общее направление развития, мы полагаем, что большинство из них действовало до середины 1914 г. С началом Первой мировой войны часть объединений прекратила деятельность. Оставшиеся прекратили существование в ходе революции, начиная с марта 1917 г.

Список обществ трезвости Верхотурского, Ирбитского, Камышловского, Шадринского уездов 1890–1914 гг.

1. ***Верхотурский уезд. Арамашевское (Арамашевка), село.** Прихожан 3 608, главное занятие – хлебопашество. **Общество трезвости.** Церковное [?]. Образовано в начале 1910-х гг., не позднее апреля 1914 г. Устроило праздник трезвости весной 1914 г. в рамках Всероссийского праздника трезвости 7–8 апреля 1914 г. [11. С. 5.] (Праздники трезвости в регионе проводились в те же дни, что и Всероссийские праздники, или же спустя несколько недель, в более тёплое время.)

2. ***Верхотурский уезд. Борисовское, село. Общество трезвости.** Церковное. Открыто 15 января 1914 г. [7. 1914. 2 марта. № 9. С. 85].

3. ***Верхотурский уезд. Дерябинское, село.** Прихожан 2 365; крестьяне; занятия: хлебопашество, промыслы, охота, сплав леса. **Общество трезвости при Христорождественской церкви.** Открыто 27 ноября 1911 г. Председатель – священник Василий Дмитриевич Старцев (позднее расстрелян в ходе репрессий в 1937 г.). Членов при основании 20, в ноябре 1912 г. – 85 (в том числе 11 иноприходных), все – крестьяне-земледельцы. Обеты, беседы, чтения с общенародным пением, раздача листов и брошюр, собрания. Устав утверждён 20 июля 1912 г. Осенью 1912 г. Дерябинское и Кордюковское сельские общества составили приговоры против тайной продажи вина. [6. 1912. 16 дек. № 51. С. 1240, 1913. 21 апр. № 16. С. 431–436; 2; 3. С. 7–8; 7. 1914. 2 марта. № 9. С. 186].

4. ***Верхотурский уезд. Ёлкина, деревня (Нижнетурунградской волости).** **Общество трезвости.** Открыто 14 сентября 1913 г. в ответ на проповеди епископа Екатеринбургского и Верхотурского Митрофана против «порока пьянства», которые тот вёл здесь 9 сентября 1913 г. при освящении нового приходского храма. Руководители и деятели: священники Александр Адрианов и Павел Воецкий и представители деревни (крестьяне?) Перевалов и Попов [6. 1913. 28 сент. № 38. С. 893–894].

5. ***Верхотурский уезд. Кушвинский завод, заводской посёлок.** Прихожан двух храмов 9 555; рабочие заводов. **Никольское общество трезвости при Свято-Троицком соборе.** Открыто 9 мая 1912 г. Руководитель священник Николай Перминов. Распространение трезвенной литературы [6. 1912. 9 дек. № 50. С. 1214–1215; 2].

6. ***Верхотурский уезд. Мироновское, село.** **Общество трезвости.** Церковное. Открыто 15 января 1914 г. [7. 1914. 2 марта. № 9. С. 86].

7. ***Верхотурский уезд. Надеждинский завод, заводской посёлок.** Прихожан 1 794, рабочие. **Общество трезвости.** Церковное. Руководитель священник Африкан Афанасьевич Богомолов. Устав утверждён 12 февраля 1912 г. [6. 1912. 18 марта. № 12. С. 284–286].

8. **Верхотурский уезд. Невьянское Экономическое (Монастырское), село.** Прихожан 6 516; в основном крестьяне-земледельцы, а также извоз, ремонт тракта, поставка дров и угля в заводы. **Общество трезвости.** Церковное. Открыто 21 декабря 1909 г. Руководитель – священник Василий Александрович Максимов. Членов в 1-й год – 34, к 1 января 1911 г. – 18. Устав [5. Л. 187, 213–214].

9. ***Верхотурский уезд. Нижне-Синячихинский завод, заводской посёлок.** Прихожан 2 345; половина – рабочие заводов и рудников, половина занималась хлебопашеством и извозом. **Нижне-Синячихинское общество трезвости.** Церковное. Открыто 23 января 1907 г. Руководитель – священник Мурашов [Павел Васильевич?]. Членов в 1-й год 37. Прекратило деятельность не позднее 1909 г. в связи с переводом Мурашова в другой приход [5. Л. 187, 197].

10. ***Верхотурский уезд. Нижне-Тагильский завод, заводской посёлок.** Население 30 тыс. человек (1897 г.). **Нижне-Тагильское общество трезвости.** Светское (?). Открыто 1 октября 1890 г. Председатель священник Александр А. Сахаров. Членов в 1893 г. 106. Чайная, библиотека-читальня, чтения. С декабря 1895 г. – дешёвая столовая. Много лет получало субсидию от церковного деятеля протоиерея Иоанна Кронштадтского. Закрылось в начале XX в. [4. С. 38–39; 6. 1910. 5 дек. № 47. С. 1074–1075; 18. С. 4;].

11. **Верхотурский уезд. Нижне-Тагильский завод, заводской посёлок.** К 1909 г. в четырёх храмах посёлка прихожан 37 335; в основном рабочие. **Нижне-Тагильское братство Животворящего Креста Господня.** Церковное. Открыто 9 октября 1907 г. Председатель его Совета священник Василий Диомидович Конин в апреле 1911 г. прислал в комиссию III Государственной Думы постановление Совета о поддержке законопроекта о мерах борьбы с пьянством [13. С. 65–66]. Членов в 1907 г. – 300, к 1 января 1911 г. – 800. Устав. Чтения. Обеты. Выписка и раздача 50 экземпляров журнала «Трезвая жизнь». Четыре библиотеки при церковно-приходских школах. Помощь нуждающимся членам. Благотворительность [5. Л. 187, 198–200; 6. 1910. 5 дек. № 47. С. 1075; 8. 1908. № 7 (9). С. 102].

12. **Верхотурский уезд. Николае-Павловское, село приискское.** Прихожан 4 718, приисковые рабочие. **Общество трезвости.** Церковное. Открыто 10 октября 1910 г. Членов 17. «Правила» (устав) [5. Л. 187, 215].

13. **Ирбитский уезд. Ницинская слобода, село.** Прихожан 2 641. Крестьяне; главное занятие – земледелие, подсобное – извоз. **Ницинское общество трезвости.** Церковное. Открыто 22 марта 1905 г. Членов в 1-й год 16, к 1 января 1911 г. – 30 [5. Л. 187].

14. **Ирбитский уезд. Осинцова (Осинцевское), село.** Прихожан 1 480; крестьяне-хлебопашцы. **Осинцевское общество трезвости.** Церковное. Открыто в 1909 г., членов 10; к 1 января 1911 г. – 21. Беседы. Раздача листов [5. Л. 187, 201].

15. ***Камышловский уезд. Камышлов, город уездный.** Жителей 9 000. **Камышловский отдел Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников.** Открыт 9 декабря 1912 г. В 1914 г. 855 членов. Председатель Совета – священник Фёдор Михайлович Баженов. Чтения, библиотека, выписка журналов, пособия и помощь в трудоустройстве трезвенникам. Устроил праздники трезвости весной 1913 г. и 7–8 апреля 1914 г. в рамках Всероссийских праздников трезвости. С началом Первой мировой войны выдавал пособия семьям воинов [9. С. 40; 10. С. 11, 28; 11. С. 21, 43; 12. С. 18, 56].

16. **Камышловский уезд. Волковское, село (2-е благочиние).** Прихожан 2 710; крестьяне-хлебопашцы. **Волковское общество трезвости.** Церковное. Открыто 19 августа 1907 г. Членов в 1-й год 14, к 1 января 1911 г. – 20. Выписка православных и трезвенных журналов, брошюр, листов [5. Л. 187, 197].

17. **Камышловский уезд. Володинское, село.** Прихожан 2 093. Крестьяне (?). **Володинское общество трезвости.** Церковное. Открыто 2 января 1910 г. Членов в начале 46, к 1 января 1911 г. – 41 [5. Л. 187].

18. **Камышловский уезд. Зотинское, село.** Прихожан 1 932; крестьяне-земледельцы. **Зотинское общество трезвости.** Церковное. Устав. Открыто 1 января 1910 г. Членов в 1-й год 65. Выписывало православные и трезвенные журналы, брошюры, листки. Весной 1911 г. выдавало своим нуждающимся членам семена для посева зерновых [5. Л. 187, 197; 6. 1912. 11 марта. № 11. С. 249–260].

19. **Камышловский уезд. Колчеданское (Колчедан), село.** Прихожан 6 749; крестьяне-земледельцы и горнорабочие. **Колчеданское общество трезвости.** Церковное. Открыто 28 июня 1909 г. Членов в 1-й год 16, к 1 января 1911 г. – 12. Выписка православных и трезвенных журналов, брошюр, листков [5. Л. 187, 197].

20. **Камышловский уезд. Кочнево (Кочневское), село.** Прихожан 3 605; крестьяне-земледельцы, часть – рабочие-углежогги. **Кочневское общество трезвости.** Церковное. Открыто 18 октября 1910 г., 6 членов [5. Л. 187; 7. 1914. 2 марта. № 9. С. 85].

21. ***Камышловский уезд. Курьинское, село. Общество трезвости.** Церковное. Создано в конце 1913 г., не позднее 27 ноября [5. 1914. 2 марта. № 9. С. 86].

22. ***Камышловский уезд. Обуховское, село. Общество трезвости.** Церковное. Образовано в 1913–1914 гг. По ходатайству общества были закрыты три казённые винные лавки, под его влиянием сельский сход составил приговор против шинкарства [в 1913–1914 гг.] [2].

23. ***Камышловский уезд. Поварненское, село. Общество трезвости.** Церковное. Создано в конце 1913 г., не позднее 27 ноября [7. 1914. 2 марта. № 9. С. 86].

24. **Камышловский уезд. Реутинское (Головковское), село.** Прихожан 2 396; крестьяне-хлебопашцы. **Реутинское общество трезвости во имя Казанской Божией Матери.** Церковное. Открыто 22 октября 1905 г. Руководитель священник Аркадий Николаевич Хлопин. Членов в конце 1905 г. – 60, в 1906 г. – 150, в 1910 г. – 124; в январе-феврале 1911 г. – 55, в том числе 22 иноприходных. Правила. Обеты. Выписка и распространение литературы [1. С. 213; 5. Л. 187, 195]. «Несколько бывших алкоголиков стали трезвенниками, а бывших пьяниц – умеренно пьющими» [6. 1911. 20 марта. № 12. С. 304–305].

25. ***Камышловский уезд. Талицкий завод, заводской посёлок.** Прихожан 4 825; в основном рабочие заводов, а также крестьяне-земледельцы четырех окрестных деревень. **Общество трезвости.** Образовано 6 августа 1912 г., 21 член. Председатель – врач Ф.М. Автократов (Автономов). 5 ноября 1912 г. преобразовано в **Талицкий отдел Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников.** Председатель в 1915 г. прочёл две лекции о вреде пьянства, имевшие успех. На каждой из них было по 150–200 слушателей [9. С. 40; 12. С. 56].

26. **Камышловский уезд. Травянское, село.** Прихожан 6 709; крестьяне-земледельцы; побочное занятие – углежогги. **Травянское общество трезвости.** Церковное. Открыто 30 декабря 1904 г. Правила. Председатель – священник Александр Иванович Попов. Членов в 1-й год 141, к 1 января 1911 г. – 342. Выписка православных и трезвенных журналов, брошюр, листков [1. С. 221; 5. Л. 187, 197]. 22 января 1913 г. было преобразовано в **Травянский-Богородичный отдел Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников.** Отдел устроил в селе праздник трезвости в рамках Всероссийского праздника трезвости 28–29 апреля 1913 г. [10. С. 11; 12. С. 57].

27. ***Камышловский уезд. Троицкое, село.** Прихожан 7 478; крестьяне-земледельцы. **Свято-Троицкое общество трезвости.** Церковное. Создано в 1911–1912 гг. 22 марта 1913 г. преобразовано в **Свято-Троицкий отдел Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников.** К 1 января 1914 г. 59 членов, к 1 января 1916 г. – 19. Руководитель священник К. Алексеев, председатель Сидор Тарасович Капустин. Чтения; выписка книг, журналов, газет, листков, значков. Отдел устроил в селе праздники трезвости в рамках Всероссийских праздников трезвости 28–29 апреля 1913 г. и 7–8 апреля 1914 г. [6. 1914. 26 янв. № 4. С. 84–85; 10. С. 11, 21; 11. С. 21, 44; 12. С. 18, 57–58].

28. **Камышловский уезд. Тыгишское, село. Общество трезвости.** Церковное. Прихожан 1 195; крестьяне-земледельцы; зимой нанимались на промысел рыбы. Открыто 20 декабря 1909 г. Устав. Руководитель – настоятель священник Иоасаф Стефанович Панов. К 1 января 1911 г. 130 членов. Выписка православных и трезвенных журналов, брошюр, листков [5. Л. 187, 197, 208–210].

29. ***Камышловский уезд. Четкаринское, село. Общество трезвости.** Церковное. Открыто 10 января 1914 г. [7. 1914. 2 марта. № 9. С. 86].

30. **Шадринский уезд. Шадринск, город уездный. «Общество трезвенников» при Флоро-Лаврском братстве Флоро-Лаврской церкви.** Открыто в 1905 г. Устав. Прихожан 1 697. Членов в 1-й год – 42, к 1 января 1911 г. – 93. Общество заведовало библиотекой братства. Имело кассу, выдавало пособия членам [5. Л. 187, 201, 203].

31. **Шадринский уезд. Басмановское, село.** Прихожан 4 108; крестьяне-земледельцы. **Басмановское общество трезвости.** Церковное. Открыто в 1901 г. Членов в 1-й год 40, к 1 января 1911 г. – 76. Устав. Председатель – священник Флорентий Николаевич Троицкий, проводил во входившей в приход деревне Трехозёрной трезвенные беседы со 150–200 слушателями [5. Л. 187, 205, 225]. В апреле 1911 г. он прислал в комиссию III Государственной Думы письмо с предложениями в законопроект о мерах борьбы с пьянством [13. С. 53–56] (В данном источнике (С. 56) опечатка: приход ошибочно назван «Бакшановским»).

32. **Шадринский уезд. Биликульское, село.** Прихожан 3 450; крестьяне-хлебопашцы. **Общество трезвости при Богородицкой церкви.** Открыто 28 августа 1909 г. Устав рукописный. Членов в 1-й год 47, к 1 января 1911 г. – 49 [5. Л. 187, 227–229].

33. **Шадринский уезд. Верхне-Апостольское, село.** Прихожан 5 204; крестьяне-хлебопашцы. **Общество трезвости.** Церковное. Открыто в 1909 г. Устав рукописный. Членов в 1-й г. и к 1 января 1911 г. – 14 [5. Л. 187, 226].

34. **Шадринский уезд. Ново-Песковское, село.** Прихожан 2 344; крестьяне, занятия – земледелие и извоз. **Ново-Песковское общество трезвости.** Церковное. Открыто 19 марта 1909 г. Членов в 1-й год. 37, к 1 января 1911 г. – 11 [5. Л. 187].

35. ***Шадринский уезд. Ольховское, село.** Прихожан 6 063. Крестьяне-земледельцы, занимались также промыслами. **Общество трезвости.** Церковное. Открыто 28 октября 1912 г. Руководитель священник Александр Александрович Борков [6. 1912. 1 нояб. № 46. С. 1119–1120].

36. **Шадринский уезд. Полевское, село.** Прихожан 1 444; крестьяне-земледельцы. **Общество трезвости.** Церковное. Открыто 19 января 1910 г. Устав рукописный. Членов в начале 20, к 1 января 1911 г. – 41. 2 марта 1911 г. по предложению священника [руководителя общества?] Иоанна Павловича Суставова на церковно-приходском сходе составлен приговор о трезвом проведении ежегодных храмовых праздников 8–10 мая и 26–28 сентября [5. Л. 187, 223–224; 6. 1913. 6 янв. № 1. С. 10–11].

37. ***Шадринский уезд. Русаковское, село.** Прихожан 1 746. **Общество трезвости при Петропавловской церкви.** Открыто в октябре 1912 г., ранее 28 октября [7. 1912. 28 окт. № 48. С. 504].

38. **Шадринский уезд. Сугоякское, село.** Прихожан 3 977; крестьяне; занятия – земледелие, а также скотоводство, охота. **Братство во имя преподобного Сергия Радонежского при Пророко-Ильинской церкви.** Открыто 14 ноября 1909 г. Устав рукописный. Членов в 1-й год и к 1 января 1911 г. – 20. Трезвенные чтения [5. Л. 187, 206, 231–232; 6. 1912. 9 дек. № 50. С. 1211].

39. ***Шадринский уезд. Теренкульское, село. Общество трезвости.** Церковное. Открыто 15 января 1914 г. [7. 1914. 2 марта. № 9. С. 85].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мордвинов И. Общество трезвости, жизнь и работа в нём. СПб. : Изд. Александро-Невского общества трезвости, 1911. 227 с.
2. Кудряшова И. Как создавались общества трезвости : из истории обществ трезвости в Екатеринбургской епархии // Просветительский центр. Екатеринбург. 2005. URL: https://prosvetcentr.ru/Ask_to/article/articl.php?id_site=2&id_page=33&id_article=63 (дата обращения: 28.11.2019).
3. Викентий, архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский. Деятельность обществ трезвости в Екатеринбургской епархии : история и современность // Утверждение трезвости в современном обществе : сб. материалов III науч.-практ. конф. Екатеринбург, 17 декабря 2008 г. Екатеринбург, 2008. С. 3–12.
4. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития : 1907–1914 гг. Томск : Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2007. 196 с.
5. Российский государственный исторический архив. СПб. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода. Оп. 80. II отдел. 3 стол. Д. 141. Ч. 2. 1014 л.
6. Екатеринбургские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1905–1917.
7. Екатеринбургские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1905–1917.
8. Трезвая жизнь. СПб. : Изд. Александро-Невского общества трезвости, 1903–1914.
9. Отчёт о деятельности Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников за 1912 год. СПб. : Тип. Товарищества Общественная польза, 1913. 77 с.
10. Отчёт о деятельности Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников за 1913 год. СПб., 1914. 75 с.
11. Отчёт о деятельности Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников за 1914 год. Пг., 1915. 69 с.
12. Отчёт о деятельности Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников за 1916 год. Пг., 1917. 109 с.
13. Чельшов М.Д. Пошадите Россию! Правда о кабаке, высказанная самим народом по поводу закона о мерах борьбы с пьянством. Самара : Изд. М.Д. Чельшова, 1911. 232 с.
14. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. 647 с.
15. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 год / сост. П.П. Сребрянский. Екатеринбург : Тип. А.М. Жукова, 1909. 299 с.
16. Статистический ежегодник России : 1911 г. СПб. : Изд. Центрального статистического комитета МВД, 1912.
17. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1910. Т. 1. 361 с.; Т. 2. 1032 с.
18. Григорьев Н.И. Русские общества трезвости, их организация и деятельность в 1892–93 гг. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1894. 79 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 декабря 2019 г.

Temperance Societies in the Middle Urals in 1907–1914 (Verkhoturksy, Irbitsky, Kamyshlovsky, Shadrinsky Uyezds of Perm Province)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 52–57.

DOI: 10.17223/15617793/465/7

Alexandr L. Afanasev, Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: afal_2007@mail.ru

Keywords: history of Russia; history of Ural; temperance movement; temperance societies; church; peasantry; workers.

The aim of this article is to demonstrate the importance of temperance societies in four “marginal” uyezds (cantons/counties) of the geopolitically significant industrial region, the Middle Urals, in the peaceful period between the end of the revolution of 1905–1907 and the beginning of World War I. The objectives are to reveal the most critical statistical data about them. The problem area is how they influenced their members and society in general. Authentic and representative sources are used: the note of Yekaterinburg Ecclesiastical Consistory secretary to the Clerical Office of the Holy Synod Chief Procurator dated 10 February 1911 about church temperance societies of the eparchy; the biweekly journal *Ekaterinburgskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Yekaterinburg Eparchy Journal]; the materials and reports of all-Russian temperance congresses and unions; reference books. The research methodology included compiling a list of temperance societies on the basis of a dedicated questionnaire and analyzing and synthesizing the resulting data. The obtained conclusions are the following. The temperance movement was young. As of 01 January 1911, there were 20 temperance societies. Out of them, two (10%) appeared in 1901–1904; five (25%) in 1905–1907; thirteen (65%) in 1908–1910, which means that nearly two-thirds of the societies were younger than 3 years old. The societies had 1,906 members, which is 1.6 society

per 100,000 people. All of them were Orthodox parochial. The five leaders of these societies, whose occupation has been identified, were priests. In 19 out of 20 societies, whose social composition has been determined, fifteen (75%) consisted predominantly of peasants involved in agriculture; two biggest ones (10%) of factory workers; two (10%) of grain-growers, mineworkers and charcoal burners; the composition of one (5%) remains unknown. Therefore, according to the social composition, the societies were “workers-and-peasants”. The typical activities of the societies in 1907–1910 were anti-alcoholic talks, sermons, and gatherings in the temperance vow houses; distribution of anti-alcoholic literature, and mutual help. In 1911–1914, the societies also wrote letters to the State Duma, held temperance festivals, initiated public censures against bootlegging (illegal wine sale), for sober church holidays, and for closing state-owned wine shops. The activities of the temperance societies in four marginal uyezds of the region were nearly as significant as in the central Yekaterinburgsky Uyezd. They played an important part of a “lighthouse” of a sober, brotherly life based on Christianity. As a result of their activities, people gradually recovered spiritually and physically, the atmosphere in families and communities improved, which facilitated the peaceful reformist development of the society.

REFERENCES

1. Mordvinov, I. (1911) *Obshchestvo trezvosti, zhizn' i rabota v nem* [Society of temperance, life and work in it]. Saint Petersburg: Izd. Aleksandro-Nevskogo obshchestva trezvosti.
2. Kudryashova, I. (2005) *Kak sozdavalis' obshchestva trezvosti: iz istorii obshchestv trezvosti v Yekaterinburgskoy eparkhii* [How temperance societies were created: from the history of temperance societies in the Yekaterinburg eparchy]. [Online] Available from: https://prosvetcentr.ru/Ask_to/article/articl.php?id_site=2&id_page=33&id_article=63 (Accessed: 28.11.2019).
3. Vikentiy, Archbishop of Yekaterinburg and Verkhoturye. (2008) [The activities of temperance societies in the Yekaterinburg eparchy: history and modernity]. *Uverzhdenie trezvosti v sovremennom obshchestve* [Confirmation of temperance in modern society]. Conference Proceedings. Yekaterinburg, 17 December 2008. Yekaterinburg: [s.n.]. pp. 3–12. (In Russian).
4. Afanas'ev, A.L. (2007) *Trezvennoe dvizhenie v Rossii v period mirnogo razvitiya: 1907–1914 gg.* [The temperance movement in Russia during the period of peaceful development: 1907–1914]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
5. Russian State Historical Archive. Fund 797. *Kantseliariya ober-prokurora Svyateyshego Sinoda* [Office of the Chief Procurator of the Holy Synod]. List 80. Section II. Column 3. File 141. Part 2. 1014 p.
6. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti.* (1905–1917) Otdel neofitsial'nyy [Unofficial Part].
7. *Ekaterinburgskie eparkhial'nye vedomosti.* (1905–1917) Otdel ofitsial'nyy [Official Part].
8. Alexander Nevsky Temperance Society. (1903–1914) *Trezvaya zhizn'* [A sober life]. Saint Petersburg: Izd. Aleksandro-Nevskogo obshchestva trezvosti.
9. All-Russian Labor Union of Teetotal Christians. (1913) *Otchet o deyatelnosti Vserossiyskogo trudovogo soyuza khristian-trezvennikov za 1912 god* [Report on the Activities of the All-Russian Labor Union of Teetotal Christians for 1912]. Saint Petersburg: [s.n.].
10. All-Russian Labor Union of Teetotal Christians. (1914) *Otchet o deyatelnosti Vserossiyskogo trudovogo soyuza khristian-trezvennikov za 1913 god* [Report on the Activities of the All-Russian Labor Union of Teetotal Christians for 1913]. Saint Petersburg: [s.n.].
11. All-Russian Labor Union of Teetotal Christians. (1915) *Otchet o deyatelnosti Vserossiyskogo trudovogo soyuza khristian-trezvennikov za 1914 god* [Report on the Activities of the All-Russian Labor Union of Teetotal Christians for 1914]. Petrograd.
12. All-Russian Labor Union of Teetotal Christians. (1917) *Otchet o deyatelnosti Vserossiyskogo trudovogo soyuza khristian-trezvennikov za 1916 god* [Report on the Activities of the All-Russian Labor Union of Teetotal Christians for 1916]. Petrograd.
13. Chelyshov, M.D. (1911) *Poshchadite Rossiyu! Pravda o kabake, vykazannaya samim narodom po povodu zakona o merakh bor'by s p'yanstvom* [Spare Russia! The truth about the tavern, expressed by the people themselves about the law on measures to combat drunkenness]. Samara: Izd. M.D. Chelyshova.
14. Anon. (1902) *Prikhody i tserkvi Ekaterinburgskoy eparkhii* [Parishes and churches of the Yekaterinburg eparchy]. Yekaterinburg: [s.n.].
15. Srebryanskiy, P.P. (1909) *Spravochnaya knizhka Ekaterinburgskoy eparkhii na 1909 god* [Reference Book of the Yekaterinburg Eparchy for 1909]. Yekaterinburg: Tip. A.M. Zhukova.
16. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, (1912) *Statisticheskiy ezhegodnik Rossii: 1911 g.* [Statistical Yearbook of Russia: 1911]. Saint Petersburg: Izd. Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD.
17. First All-Russian Congress on the Struggle with Drunkenness. (1910) *Trudy Pervogo Vserossiyskogo s'ezda po bor'be s p'yanstvom* [Proceedings of the First All-Russian Congress on the Struggle with Drunkenness]. Vols 1–2. Saint Petersburg: Tip. P.P. Soykina.
18. Grigor'ev, N.I. (1894) *Russkie obshchestva trezvosti, ikh organizatsiya i deyatelnost' v 1892–93 gg.* [Russian temperance societies, their organization and activities in 1892–1893]. Saint Petersburg: Tip. P.P. Soykina.

Received: 22 December 2019

РЕФЕРЕНДУМ О НЕЗАВИСИМОСТИ ЮЖНОГО (ИРАКСКОГО) КУРДИСТАНА В 2017 г.: ИСТОКИ, ХОД, ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Работа посвящена референдуму, состоявшемуся 25 сентября 2017 г. в Южном (Иракском) Курдистане. Рассматривается историко-политический контекст, в котором было принято решение о проведении референдума, а также роль великих держав и международного сообщества в этом вопросе. Дается оценка внутренних и внешних последствий референдума как для политической элиты Иракского (Южного) Курдистана, так и для соседних стран. Рассматриваются причины, по которым итоги проведенного референдума не смогли получить международное признание.

Ключевые слова: референдум; Ирак; Регион Курдистан; Конституция Ирака; Демократическая партия Курдистана; Патриотический союз Курдистана; Барзани; Талабани.

С момента образования древнейших государств и до современности этнические меньшинства, проживающие в составе существующих стран мира, всегда стремились к самостоятельности. За годы попыток решить проблему самоопределения эволюционным и революционным путем, а также на многочисленных международных конференциях численность национальных государств от десятилетия к десятилетию постепенно возрастает.

Первая серьезная попытка урегулирования многочисленных этнических конфликтов была сделана после окончания Первой мировой войны в 1918 г. Многие народы были тогда введены в политическое заблуждение, в итоге остались без своих государств. Одним из таких народов были курды. Им по итогам Севрского мирного договора от 10 августа 1920 г. мировым сообществом была обещана независимость [1]. Однако турецкий лидер М. Кемаль после освобождения Турции от стран Антанты не признал результаты Севрского мирного договора, и в 1923 г. была созвана Лозаннская конференция, в ходе которой турецкие власти обещали курдам политическую автономию, но в итоге ее не предоставили. В ходе этой политической игры М. Кемаль хотел оставить под властью Турции Мосульский вилайет бывшей Османской империи, но Франция и Великобритания, доминировавшие на Лозаннской конференции, этого Турции не позволили [2].

После Второй мировой войны Организация Объединенных наций (ООН) со своими противоречивыми нормативными положениями не смогла помочь курдам и многим другим народам, борющимся за независимость. Противоречивость положений ООН заключается в том, что в одной норме устава этой международной организации говорится о праве наций на самоопределение, а в другой, противоречащей первой, сказано о территориальной целостности государств. Противоречие между этими нормами мешает разрешению многих этнических вопросов на всех континентах мира. Одним из таких нерешенных вопросов является курдская проблема в странах Ближнего и Среднего Востока.

Борьба курдов за свои права в Ираке в 60–70-е гг. XX в. привела к тому, что в 1974 г. иракские власти предоставили курдам ограниченную автономию. В ее состав вошли только 38% земель Южного Курдиста-

на, и это стало причиной очередной войны между курдскими силами и центральной властью Ирака в 1974–1975 гг. [3]. Эта война не только закончилась поражением курдов, но и привела к возникновению разногласий в кругах курдских политических сил. Если раньше с Багдадом за независимость Южного Курдистана боролся политически единый фронт во главе с Демократической партией Курдистана (ДПК), то в 1975 г. образовалась альтернативная политическая сила – Патриотический союз Курдистана (ПСК). Эти партии стали вести вооруженную борьбу не только с правительством Ирака, но и между собой за власть в Курдском автономном районе, и в итоге регион был разделен на две части.

Борьба борьбой, но необходимо было и упорядочить власть внутри своего клана, чтобы ее в итоге не потерять. Поэтому глава Демократической партии Курдистана Мустафа Барзани в конце 70-х гг. XX в., будучи уже тяжело больным, больше думал не о судьбе своего региона, а о политическом соперничестве между своими сыновьями Идрисом и Масудом. Он разделил между ними власть: вручил одному военную, а другому – политическую; но все равно беспокоился, что они могут оказаться под влиянием соседних стран и начнут враждовать друг с другом [4]. Но дело до конфликта не дошло, так как в 1987 г. Идрис Барзани умер от сердечного приступа, пережив отца всего на восемь лет. Став единоличным главой ДПК, Масуд Барзани начал борьбу за власть с лидером ПСК Дж. Талабани и лидером Рабочей партии Курдистана (РПК) А. Оджаланом, не думая о включении под власть автономии курдских территорий, расположенных за пределами района.

После того, как в августе 1990 г. С. Хусейн оккупировал Кувейт, в 1991 г. США начали против Ирака операцию «Буря в пустыне». Поражение иракских войск в результате этой операции стало сигналом для курдов, что пришло их время и надо действовать. Они с ходу взяли Киркук и другие курдские земли, не входившие в состав автономии. Но успех был недолгим. В марте-апреле 1991 г. С. Хусейн отбил все территории, и даже захватил Эрбиль, столицу автономного курдского района [5]. Под давлением международного сообщества С. Хусейну пришлось вывести свои войска из Курдского автономного района. Появился уникальный исторический шанс создать полноценную

автономии в составе Ирака. Но вместо этого две ведущие партии Южного Курдистана по-прежнему враждовали друг с другом и были не в состоянии договориться о разделении нефтяных доходов. Единственное, что было сделано, – в мае 1992 г. был создан первый в истории Южного Курдистана Парламент (Национальная ассамблея), который затем функционировал с переменным успехом [6].

В начале XXI в. после теракта в США власти этой страны решили оккупировать Ирак, и им нужны были союзники. Таким союзником могли стать военно-политические силы Иракского (Южного) Курдистана, и при посредничестве властей США было создано общее правительство Автономии, объединенная таможня, но партийные военные силы объединить так и не удалось.

С оккупацией Ирака у курдских политических сил в очередной раз появилась возможность создать полноценную федерацию в рамках Иракской республики, а затем, при благополучных условиях, провозгласить независимость. Для этого ДПК и ПСК надо было разработать и принять Конституцию Федеративной Республики Курдистан, прописать в ней все нормативно-правовые отношения, в частности централизацию власти и процесс ее регулярной смены, создание единых вооруженных сил и военно-промышленного комплекса, реформирование социально-экономических структур региона. Затем в новой Конституции Ирака, которая выступила в силу 15 октября 2005 г., можно было бы закрепить дуалистичность Иракского государства [7]. Вместе этого ДПК и ПСК в ходе переговоров с центральной властью Ирака смогли добиться только того, что символический пост Президента Ирака был закреплен за ПСК, а пост Президента в Курдском автономном районе – за ДПК. С этого момента курдские власти официально именовали свои территории «Регион Курдистан». Ранее Багдад не признавал такое наименование за регионом, хотя курдские власти еще с 1992 г. именовали так данный район в своих внутренних документах. Отныне это положение было зафиксировано в п. 4. ст. 4 Конституции Ирака от 2005 г. [8].

В 2014 г. в охваченной гражданской войной Сирии появилась террористическая организация ИГИЛ, и в скором времени она начала захватывать регионы Ирака. Ей удалось оккупировать территории, заселенные курдами, не входящие в юрисдикцию Региона Курдистан. В частности, исламисты захватили Шангал и приближались к столице Южного Курдистана г. Эрбиль [9]. Однако при помощи международного сообщества во главе США, а также при активной поддержке бойцов Рабочей партии Курдистана удалось отстоять Регион Курдистан и постепенно очистить курдские земли от религиозных фанатиков. В начале 2015 г., после освобождения Киркука – курдского мухафазы Ирака, а также других территорий президент Южного Курдистана М. Барзани начал неоднократно упоминать соглашение Сайкса–Пико 1916 г. [10]. Оно было фундаментом международных соглашений в 20-е гг. XX в. (при территориальном разделе владений бывшей Османской империи) и разделило Ближний и Средний Восток без учета мнения наро-

дов, проживающих на этих территориях. В это же время Барзани начал говорить о проведении референдума о независимости Южного Курдистана от Ирака. Как президент, он обосновал свое решение не только историческими фактами, но и серьезными политико-экономическими разногласиями с премьер-министром Ирака Нури аль-Малики, который, в частности, сократил долю Курдистана в отчислениях из федерального бюджета [11]. Он даже озвучил событие, на котором он назовет конкретную дату проведения референдума, – 21 марта 2015 г., в день «Новруза» (новый год у некоторых народов Ближнего Востока, в том числе и у курдов). В дальнейшем, однако, он неоднократно откладывал объявление даты референдума. 3 февраля 2016 г. курдское информационное агентство «Рудав» сообщило, что лидер Южного (Иракского) Курдистана Масуд Барзани на встрече с депутатами заявил, что ориентировочная дата проведения референдума намечена на осень 2016 г. [12]. Однако в конце октября премьер-министр Иракского Курдистана Нечерван Барзани подтвердил, что референдума не будет до тех пор, пока Мосул не будет освобожден от террористов ИГИЛ.

В связи с войной с ИГИЛ в 2015 г. президентские полномочия М. Барзани были продлены парламентом по договоренности с ПСК на два года. С истечением этого срока пост президента должен был быть передан от ДПК представителю ПСК. Скорее всего, не желая исполнять это решение, М. Барзани начал свою игру за проведение референдума, хотя никаких внутренних и внешних причин для его проведения не существовало. Еще не была реализована ст. 140 Иракской Конституции, которая гарантировала определение статуса спорных территорий между Багдадом и Эрбилем [7], в состав которых входило 52% исконно курдских земель, богатых природными ресурсами. Тем не менее М. Барзани и его сторонники, а также члены партии ДПК по-прежнему актуализировали разными политическими заявлениями тематику референдума, а предполагаемую дату его проведения постоянно переносили с одного срока на другой. В различных СМИ, подконтрольных ДПК, часто выходили провокационные материалы о том, что ПСК и ее лидер, бывший Президент Ирака Дж. Талабани, не дает свое согласие на проведения референдума. Даже сообщалась, что лидер ПСК грозит отделить свою область, Сулейманию, от Региона Курдистан, если будет назначена дата проведения референдума [13].

Когда «Пешмарга» освободила 98% земель Южного Курдистана, входящих в состав Ирака, по мнению автора, наступило идеальное время назначить референдум на основе ст. 140 Конституции Ирака и присоединить спорные территории к Региону Курдистан. Автор (Ахмедов Т.А.) убежден, что итоги референдума были бы признаны международным сообществом, вопрос о территориальных претензиях Эрбиля к Багдаду был бы закрыт. Однако вместе этого 7 июня 2017 г. М. Барзани наконец-то от слов перешел к делу, и при участии большинства партий региона учредил под своим председательством Высший совет по референдуму. Этот орган назначил дату проведения референдума на 25 сентября 2017 г. [14].

Совет также поручил Независимой высшей избирательной комиссии Южного (Иракского) Курдистана во главе с Хендер Мохаммедом организовать и провести референдум.

Пока шла подготовка к проведению референдума, представители различных партий предоставляли свои списки Избирательной комиссии (IHERC) Южного Курдистана. Глава избирательного учреждения ДПК Хазрав Горан заявил СМИ, что число избирателей в Регионе Курдистан с 2013 по 2017 г. увеличилось на 500 тыс. человек. Однако директор избирательной комиссии от Движения «Горран» Карзан Гарди заявил, что в записях регистрации есть дополнительные имена, повторяющие имена умерших граждан [15], поэтому должна быть проведена новая регистрация избирателей, чтобы результаты референдума никто не мог оспорить. В таком же противоречивом духе выступали представители других партий.

Реакция мирового сообщества на назначение референдума в Южном Курдистане была отрицательной, особенно в соседних с Регионом Курдистан странах. Президент Турции Р. Эрдоган пригрозил ввести санкции и заявил: «У них не останется никаких доходов, и они не смогут найти никакой еды, когда наши грузовики перестанут пересекать границу» [16]. Страны запада отказались поддержать референдум. Госдепартамент США заявил о несвоевременности проведения этого мероприятия. В таком же духе откристились от курдского референдума страны Европейского Союза.

В самом же курдском обществе партии большого географического Курдистана по очереди официально выражали свое согласие или негодование по поводу этого исторического события в Южном Курдистане. Дольше всего паузу держала Рабочая партия Курдистана. Этим воспользовались главные противники Рабочей партии Курдистана – ДПК и ее немногочисленные сторонники в Большом Курдистане и за его пределами. Если до этого они часто говорили, что РПК не имеет никакого авторитета в курдском обществе, особенно в Южном Курдистане, то теперь они задавали риторический вопрос: почему РПК, которая считает себя общенациональной партией, не делает никаких заявлений, тем самым подтверждая приверженность утопическим идеям своего лидера А. Оджалана, что курдам государство не нужно? Это подтверждает, что Рабочая партия Курдистана – это не курдская партия, а организация, созданная турецкими властями для уничтожения курдов. Полемика в таком русле шла более месяца, пока действующий лидер РПК Д. Байык не заявил в программе News Channalê, что референдум – это демократическое право, и никто не должен выступать против него. Байык также подчеркнул, что «референдум пройдет в сложное время, обусловленное внутренними и внешними причинами» [17]. Однако заявление руководства РПК не устроило членов политической элиты в Южном Курдистане, и они заявили, что это уклончивый ответ, чтобы не потерять своих сторонников в регионе.

В преддверии референдума иракские власти собирались отправить войска в Регион Курдистан. Однако премьер-министр Ирака Х. Аль-Абади заявил, что

пока он – глава правительства, федеральные войска в Курдистан не войдут. Он просил власти в Эрбиле отменить референдум из-за его незаконности и противоречия федеральной Конституции, и обещал рассмотреть вопрос о переходе страны в конфедеративные отношения с Регионом Курдистан.

15 сентября состоялось первое за два года с момента приостановки деятельности заседание Парламента Иракского Курдистана. Сессия одобрила проведение референдума в установленный срок. Большинство голосов референдум был одобрен, однако на заседании присутствовало только 68 из 111 депутатов, 65 из них проголосовали «за». Депутаты оппозиционного движения «Горран» бойкотировали заседание, к ним присоединилась Исламская группа Курдистана (ИГК) а также некоторые депутаты от ПСК. ИГК и «Горран» выпустили совместное заявление, в котором заявили, что проведение референдума о независимости несвоевременно и в сложившейся обстановке является опасным шагом. Необходимо сначала провести работу по повышению уровня жизни, улучшению качества работы общественных и политических институтов в Курдистане, а затем уже реализовывать естественное право на независимость [18]. Оппозиционные депутаты выражали мнение, что референдум является лишь дымовой завесой, за которой скрывается желание М. Барзани, чьи полномочия истекли два года назад, сохранить свой статус, и никакого объявления независимости за ним не последует. Такого же мнения придерживался бизнесмен и медиамагнат Шасвар Абдулвахид Кадир, который вел агитацию против референдума под лозунгом «Не сейчас». В результате решение движения «Горран» относительно референдума было амбивалентным – партия бойкотирует подготовку к «незаконному» референдуму, поскольку его объявил президент, чьи полномочия истекли, однако участвует в нем, поддерживая объявление независимости.

20 сентября официальный представитель Госдепартамента США Х. Науэрт выступила с заявлением, в котором говорилось, что США категорически против проведения референдума, и настоятельно советовалось принять альтернативу в виде диалога с Багдадом [19]. 23 сентября Государственный секретарь США Р. Тиллерсон отправил в адрес М. Барзани проект письма. В нем предлагался новый ускоренный формат переговоров с правительством Ирака, при этом США и их союзники обещали оказать поддержку Региону Курдистан. В письме говорилось, что США признают необходимость референдума в том случае, если по итогам переговорного процесса стороны не смогут достичь взаимоприемлемого соглашения. Эти предложения поступили слишком поздно (23 сентября уже началось голосование на зарубежных участках) и были отвергнуты [20].

21 сентября было выпущено заявление Совета безопасности ООН относительно планов правительства Региона Курдистан провести референдум в одностороннем порядке. В заявлении говорилось, что члены Совета безопасности выражают обеспокоенность в связи с тем, что данный референдум может оказать потенциально дестабилизирующее влияние на ситуа-

цию: его проведение планируется на время, когда продолжаются операции против ИГИЛ, в которых курдские силы играют важную роль, и оно может стать помехой для возвращения в места проживания 3 млн беженцев и внутренне перемещенных лиц [21].

Референдум в Южном Курдистане состоялся в назначенную дату, 25 сентября 2017 г. В бланке для голосования был один вопрос: «Хотите ли вы, чтобы Курдистанский регион и курдские земли за пределами администрации Региона стали независимым государством?» Вопрос был сформулирован на четырех языках: курдском, турецком, арабском и ассирийском.

По данным Независимой высшей избирательной комиссии, в плебисците приняли участие 72,61% избирателей, т.е. 3 млн 305 тыс. 925 человек из 4 млн 581 тыс. 255 человек, имевших право голоса. По данным пресс-секретаря Независимой высшей избирательной комиссии Южного Курдистана Ширвана Зарара, за независимость Южного Курдистана от Ирака проголосовало 92,73% от избирателей, принявших участие в голосовании [22].

Поскольку референдум не был признан международной общественностью, на нем не было официального международного наблюдения, однако присутствовали делегации наблюдателей от ряда государств или независимых организаций. Наблюдатели отметили, что администрация Региона Курдистан постаралась сделать процесс волеизъявления максимально открытым для наблюдения, однако сам процесс организации голосования имел недостатки. Так, к имеющим право голоса были отнесены три группы избирателей – жители Региона Курдистан, жители спорных территорий, а также диаспора, проживающая за пределами Ирака. Однако границы спорных территорий, в рамках которых будет проходить голосование, так и не были официально объявлены. Первоначально регистрация избирателей осуществлялась по продовольственным картам системы общественного распределения, установленной еще в 1995 г. в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие». Но после жалоб проживающих за рубежом членов диаспоры менее чем за десять дней до референдума, 18 сентября, было разрешено использовать для регистрации документы, подтверждающие иракское гражданство. Низкая явка отмечалась в районах компактного проживания этнических меньшинств, с учетом того что представленные в Парламенте Иракского Курдистана Иракский туркменский фронт и Ассирийское демократическое движение выступили против референдума. Референдум включал в себя также систему электронного голосования, но из приблизительно 200 тыс. голосов, поданных онлайн, 176,1 тыс. были признаны недействительными, поскольку с ними не были загружены требуемые для идентификации личности документы [23. Р. 204].

На следующий день после референдума соседние страны объявили блокаду Региону Курдистан, прекратив с ним воздушное и наземное сообщение. Это сделали и центральные власти Ирака. Через некоторое время Багдад начал уголовное дело против должностных лиц Региона Курдистан, причастных к проведению референдума. Ведущие державы мира, в том

числе Германия, Франция, Италия, США, Великобритания, в лице глав правительств заявили, что они выступают за территориальную целость Ирака и желают, чтобы курды могли реализовать свои права в рамках иракского государства.

Редкое единодушие, проявленное международным сообществом в отношении итогов референдума, говорит о желании сохранить статус-кво в регионе, где пересекаются интересы мировых держав. Независимость Южного Курдистана потенциально опасна для территориальной целостности соседних Ирана и Турции, имеющих в своем составе территории, населенные курдами, что объективно подталкивает эти две страны к сближению позиций. Однако для Ирана это только часть проблемы. Иран рассматривает Ирак как зону своих интересов и как транспортный коридор для поддержания своего влияния в Сирии и далее в Ливане в рамках регионального противостояния с Израилем и поддерживающих его США. Возможность отсоединения от Ирака и появления непосредственно у своих границ государства, которое имеет партнерские отношения с США, крайне беспокоит Тегеран. Более того, выход Курдистана из состава Ирака мог бы запустить аналогичный процесс в союзной Тегерану Сирии, что привело бы к существенно ослаблению режима Б. Асада.

С другой стороны, распад Ирака невыгоден для США. На правах автономии в составе Ирака Курдистан имеет представительство в исполнительных и законодательных органах власти этой страны, являясь противовесом иранскому влиянию [24. С. 60]. Отсоединение Курдистана может запустить непредсказуемый процесс трансформации или дальнейшего дробления Ирака, в результате чего данная территория может полностью попасть под иранский контроль.

Ближайший союзник США в регионе, Израиль, напротив, оказался единственным государством, прямо поддержавшим референдум. 13 сентября премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху заявил: «Израиль поддерживает законные усилия курдского народа по обретению государственности» [25]. Известно, что с 1991 г. Израиль и Южный Курдистан развивают экономическое и военное сотрудничество, хотя обе стороны стремятся к конфиденциальности, так как официально у Израиля нет дипломатических отношений с Ираком. Помощник директора израильского Института исследований в области национальной безопасности Э. Хейстейн охарактеризовал поддержку референдума следующим образом: «Израиль может так много приобрести и так мало потерять» [26].

Неудивительно, что Иран развил наибольшую активность в противодействии итогам референдума. Помимо закрытия границ и воздушного пространства, а также временного запрета на поставку нефтепродуктов, части КСИР начали учения на границе с Северным Ираком. Командующий спецподразделением «Аль-Кудс» в составе КСИР Касем Сулеймани лично прибыл в Регион Курдистан для переговоров с представителями ПСК, «Горран» и исламских партий Курдистана. 4 октября Духовный лидер Исламской Республики Иран аятолла А. Хаменеи на встрече с президентом Турции Р. Эрдоганом заявил, что референдум послу-

жил интересам «Вашингтона и Тель-Авива, стремящихся создать в регионе новый Израиль» [27].

Перед лицом неизвестности для населения Южного Курдистана группа лиц из Патриотического союза Курдистана – Павел Талабани (старший сын Дж. Талабани), Лахуром Джанг, Джафар Шейх Мустаф и др. – в начале октября 2017 г. вступили в сговор с властями Ирака. Проиранским боевикам «Хашд аль-Шааби» и иракской регулярной армии 17 октября были сданы курдская провинция Киркук, а также части Мосула и Диалы, являющиеся спорными территориями между Багдадом и Эрбилем и находившиеся под контролем «Пешмарга» [28]. Территория, находящаяся под контролем правительства Региона Курдистан, сократилась до границ 2003 г. [29. Р. 2281]. Через две недели, при героическом сопротивлении патриотов Южного Курдистана и активном вмешательстве США, наступление иракской армии удалось остановить. Большую роль в подписании соглашения между «Хашд аль-Шааби» и Павлом Талабани о перемирии и заморозке результатов референдума сыграл К. Сулеймани. При этом возглавляемые Сулеймани части «Аль-Кудс», по некоторым сообщениям, оказывали поддержку «Хашд аль-Шааби» под Киркуком [30. С. 275].

Следует отметить, что в эти трудные для своего региона дни Президент Южного Курдистана М. Барзани 1 ноября 2017 г. подал в отставку [31]. В это время закончился срок его дополнительных полномочий, предоставленных парламентом на два года. Власть М. Барзани никому не передал. Глава Правительства Южного Курдистана, его племянник Нечерван Барзани, заявил прессе, что должность Президента в Регионе Курдистан упразднена, отныне такой должности в Южном Курдистане нет, а все ее полномочия переходят к Премьер-министру, т.е. к нему самому, Н. Барзани. В начале ноября Верховный федеральный суд Ирака постановил, что никакой регион не может быть отделен от страны [32]. Правительство Региона Курдистан подтвердило, что будет соблюдать решение Верховного суда [33].

Через год после бесплодного референдума, 30 сентября 2018 г., были проведены выборы в Парламент Иракского Курдистана. Несмотря на разочарование и обманутые ожидания, население в основном поддержало традиционные политические силы, при этом наибольшего успеха добилась ДПК. Если в 2009 г. по результатам парламентских выборов Демократическая партия Курдистана получила 30 мест, то в 2013 г. – 38, а в 2018 г. – 45, что дало ей возможность формировать правительство без необходимости парламентской коалиции. При этом больше

всего мест потеряли социалистические и исламские оппозиционные партии, в том числе «Горран», бойкотировавшая подготовку референдума год назад. «Горран» потеряла половину мест вследствие раскола в рядах оппозиции.

После парламентских выборов возник вопрос о возобновлении поста Президента в Южном (Иракском) Курдистане, так как М. Барзани надо было построить конкурирующих между собой сына и племянника. В итоге долгих переговоров сначала внутри самого ДПК, затем ДПК с ПСК, ИСК, «Горан» и СПК, удалось получить согласие на назначение Нечервана Барзани Президентом, а Масрура Барзани – Премьер-министром Региона Курдистан. Эти планы были реализованы в мае 2019 г. Тем самым Масуд Барзани, через мнимый референдум, который он провел в 2017 г., реализовал свой план по передаче власти членам своей семьи. Спорные вопросы с Багдадом, бывшие при нем на повестке дня, остаются неурегулированными при его родственных преемниках.

В эфире «Вести FM» востоковед Я. Сатановский заявил, что референдум в Иракском (Южном) Курдистане – это просто-напросто спекуляция, при помощи которой клан М. Барзани отмывает доходы от природных ресурсов Региона Курдистан, стремясь, таким образом, сохранить власть за своим семейным кланом [34]. В таком же тоне оценивали ситуацию другие специалисты по Ближнему и Среднему Востоку – С. Багдасаров, Е. Супонина, Я. Кедми, В. Наумкин и др. А Президент России В. Путин на вопрос журналиста информационного канала «Курдистан 24» Х. Хошави в декабре 2017 г. заявил: «У вас был проведен референдум о независимости. Потом руководитель Курдистана заявил о том, что имплементация этого решения, принятого на референдуме, должна быть отложена. Это же не наше решение. Это все ваше решение. Потом он ушел в отставку, а решение о том, что имплементация должна быть отложена, действует. Как мы должны к этому относиться?» [35].

Резюмируя, можно сказать, что объявление независимости – это право каждого народа, которое ему дано самой жизнью и закреплено в различных международных правовых документах. Однако народ, стремящийся приобрести независимость, должен обладать не только желанием, но и стабильной социально-экономической и политико-правовой системой, а также поддержкой мирового сообщества, которое должно быть готово не только признать, но и поддерживать молодое государство в его начинаниях, особенно в таком регионе мира, как Ближний и Средний Восток. Власти Южного Курдистана, не осмыслив все аспекты этого вопроса, пошли на риск, и в итоге проиграли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Севрский мирный договор 1920 года, 10 августа // Документы XX века. URL: <http://doc20vek.ru/node/3429>
2. Англия против Турции. Мосульский конфликт (ноябрь 1918 г.) // Turkish Forum. URL: <https://www.turkishnews.com/ru/content/2016/03/03/англия-против-турции-мосульский-конф/>
3. Вторая иракско-курдская война – Second Iraqi-Kurdish War // qwertyu.wiki. URL: https://ru.qwertyu.wiki/wiki/Second_Iraqi-Kurdish_War
4. Кто скрывается за тайной смерти молодого лидера Демократической партии Курдистана? // faktru.com. URL: <https://faktru.com/2017/10/Кто-скрывается-за-тайной-смерти-молод/>
5. Три войны Саддама // История войн. URL: <http://historiawars.narod.ru/Index/XXv/saddam/saddam1.htm>
6. Иракский курдистан. Вопрос национального самоопределения курдов 1990–2000 гг // Лекции.Орг. URL: <https://lektcii.org/5-72851.html>
7. Конституция Ирака // qwertyu.wiki. URL: https://ru.qwertyu.wiki/wiki/Constitution_of_Iraq

8. Конституция Иракской Республики // Википедия. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_Иракской_Республики
9. Шангалская резня – спланированный геноцид курдов-езидов // politpuzzle.ru. URL: <https://politpuzzle.ru/19989-shangalskaya-reznia-splanirovannyj-genotsid-kurdov-ezidov/>
10. Чем соглашение Сайкса–Пико обернулось для Ближнего Востока // BBC News. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2016/05/160516_sykes_picot_me_map_centennary
11. Масуд Барзани: Ирак разваливается, сосуществование шиитов и суннитов, курдов и арабов – прекращено // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1787443.html>
12. Референдум о независимости Курдистана 2017 года // qwertyu.wiki. URL: https://ru.qwertyu.wiki/wiki/2017_Iraqi_Kurdistan_independence_referendum
13. «ИА Rudaw» от 25.09.2016 г.
14. Иракские курды назначили день референдума о независимости // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/117528-irakskie-kurdy-naznachili-den-referenduma-o-nezavisimosti.html>
15. Партии Южного Курдистана сомневаются в точности списка избирателей // RiaTaza. URL: <https://riataza.com/2017/06/17/partii-yuzhnogo-kurdistana-somnevayutsya-v-tochnosti-spiska-izbirateley/>
16. Эрдоган угрожает курдам санкциями после референдума // nv.ua URL: <https://nv.ua/ukr/bbc/erdogan-ugrozaet-kurdam-sanktsijami-posle-referenduma-1923587.html>
17. Джамал Байык – никто не должен выступать против референдума // RiaTaza. URL: <https://riataza.com/2017/06/13/dzhamil-baiyyk-nikto-ne-dolzhen-vyistupat-protiv-referenduma/>
18. Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (сентябрь 2017 г.) // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=38244>
19. Iraqi Kurdistan Regional Government's Planned Referendum // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/iraqi-kurdistan-regional-governments-planned-referendum/>
20. Lake E. Tillerson Letters Show U.S. Nearly Averted Kurdish Referendum // Bloomberg L.P. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2017-10-13/tillerson-letters-show-u-s-nearly-averted-kurdish-referendum>
21. Security Council Press Statement on Iraq // The United Nations. URL: <https://www.un.org/press/en/2017/sc13002.doc.htm>
22. 92,73% проголосовали за независимость Курдистана // RiaTaza. URL: <https://riataza.com/2017/09/27/okonchatelnyie-itogi-golosovaniya-za-nezavisimost/>
23. Park B., Jongerden J., Owtram F., Yoshioka A. On the independence referendum in the Kurdistan Region of Iraq and disputed territories in 2017 // *Kurdish Studies*. 2017. Vol. 5, № 2. P. 199–214.
24. Иванов С.М. Иракские курды как авангард курдского национального движения // *Мировая экономика и мировые экономические отношения*. 2018. Т. 62, № 4. С. 55–62.
25. Израиль выступил за создание курдского государства // Русская служба BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-41251860>
26. Heistein A. Why Did Israel Support the Kurdish Referendum? // *The National Interest*. 2017. Nov. 16. URL: <https://nationalinterest.org/feature/why-did-israel-support-the-kurdish-referendum-23235>
27. Аятолла Хаменеи: Иран и Турция должны не допустить независимости Иракского Курдистана // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4618177>
28. СМИ: Иракский Курдистан отступает по всем фронтам // Eurasia Daily. URL: <https://easaily.com/ru/news/2017/10/19/smi-irakskiy-kurdistan-otstupat-po-vsem-frontam>
29. Palani K., Khidir J., Dechesne M., Bakker E. The development of Kurdistan's de facto statehood: Kurdistan's September 2017 referendum for independence // *Third World Quarterly*. 2019. Vol. 40, № 12. P. 2270–2288.
30. Федорова И.Е. Иран и Иракский Курдистан // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26. Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика. М. : ИВ РАН, 2019. С. 271–279.
31. Президент Иракского Курдистана Масуд Барзани 1 ноября уйдет в отставку // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2017/10/29/prezident-irakskogo-kurdistana-masud-barzani-1-noiabria-ujdet-v-otstavku.html>
32. Rasheed A. Iraq court rules no region can secede after Kurdish independence bid // Thomson Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-iraq-kurds/iraqcourt-rules-no-region-can-secede-after-kurdish-independence-bid-idUSKBN1D6170>
33. Rasheed A. Abadi says Iraq to act soon over border areas in stand-off with Kurds // Thomson Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-iraq-kurds/iraqs-kurdistan-says-to-respect-court-decision-banning-secession-idUSKBN1DE0XD>
34. Курдский референдум – это большая спекуляция // Радиостанция Вести ФМ. URL: <https://radiovesti.ru/brand/61009/episode/1548685/>
35. Большая пресс-конференция Владимира Путина // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56378>

Статья представлена научной редакцией «История» 8 августа 2020 г.

2017 South (Iraqi) Kurdistan Independence Referendum: Causes, Course, Results and Impact

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 58–65.

DOI: 10.17223/15617793/465/8

Teub A. Akhmedov, Technical Institute (Branch) of North-Eastern Federal University (Neryungri, Russian Federation). E-mail: RSevoi@yandex.ru

Keywords: referendum; Iraq; Kurdistan Region; Iraqi Constitution; Kurdistan Democratic Party; Patriotic Union of Kurdistan; Barzani; Talabani.

This article examines the causes and results of the referendum held on 25 September 2017 in South (Iraqi) Kurdistan. Its historical significance lies in the fact that in case of recognition of the outcome of the referendum by the international community, the divided Kurdish nation of millions for the first time in history would have had an opportunity to build a capable independent national state. This article aims to evaluate the reasons why the referendum was not recognized by the global community. The author analyzes the historical and political context within which the decision concerning the holding of the referendum was made, and the influence of the great powers and the international community upon it. Iraqi Kurdistan had been in pursuit of sovereignty for decades and acquired a broad autonomy in the early twenty-first century. Following the outbreak of a civil war in Syria, the terrorist organization ISIL emerged and started the swift seizure of the Iraqi territory. This triggered a political crisis in Iraq and involved the neighboring countries and the global powers in the conflict. Supported by the international community, the Kurds were able not only to hold on to their land but also to gain control over the territories disputed between the federal government of Iraq and the Kurdistan Region of Iraq. Under those circumstances, it was decided to call a referendum on independence. The author of the study concludes that the referendum was doomed to non-acceptance from its inception, and setting the date for the referendum to September 2017 did not

have necessary political and legal prerequisites. Sacrifices made by the population of the Kurdistan Region during the war with the terrorist organization ISIL did not appear to justify the recognition of the independence of Iraqi Kurdistan by the international community. The short-sighted actions of the authorities of South (Iraqi) Kurdistan resulted in loss of about 51% of territories under their control within three weeks after the referendum. The region was threatened of embargo and sanctions by the neighboring countries, and Iraqi Kurdish president Massoud Barzani's resignation led to a political crisis which set the political development in the Kurdistan Region back by quarter of a century. The author deems that the main aim of holding the referendum was not the declaration of independence of South (Iraqi) Kurdistan but the preservation of the present tribal political system resulting in keeping the authority over the Kurdistan Region in the hands of the Barzani clan.

REFERENCES

1. Dokumenty XX veka [Documents of the 20th century]. (1920) *Sevrskiy mirnyy dogovor 1920 goda, 10 avgusta* [The Treaty of Sèvres, August 10, 1920]. [Online] Available from: <http://doc20vek.ru/node/3429>.
2. Turkish Forum. (2016) *Angliya protiv Turtsii. Mosul'skiy konflikt (noyabr' 1918 g.)* [England against Turkey. The Mosul conflict (November 1918)]. [Online] Available from: <https://www.turkishnews.com/ru/content/2016/03/03/angliya-protiv-turtsii-mosul'skiy-konf/>.
3. Qwertyu.wiki. (n.d.) *Second Iraqi-Kurdish War*. [Online] Available from: https://ru.qwertyu.wiki/wiki/Second_Iraqi-Kurdish_War.
4. Faktru.com. (2017) *Kto skryvaetsya za taynoy smerti molodogo lidera Demokratcheskoj partii Kurdistana?* [Who is hiding behind the secret death of the young leader of the Kurdistan Democratic Party?]. [Online] Available from: faktru.com/2017/10/Kto-skryvaetsya-za-taynoy-smerti-molod/.
5. Istoriya voyn [History of wars]. (n.d.) *Tri voyny Saddama* [Saddam's three wars]. [Online] Available from: <http://historiwar.narod.ru/Index/Xxv/saddam/saddam1.htm>.
6. Lektsii.org. (n.d.) *Irakskiy kurdistan. Vopros natsional'nogo samoopredeleniya kurdov 1990–2000 gg* [Iraqi Kurdistan. The issue of national self-determination of the Kurds in 1990–2000]. [Online] Available from: <https://lektsii.org/5-72851.html>.
7. Qwertyu.wiki. (n.d.) *Konstitutsiya Iraka* [The Iraqi Constitution]. [Online] Available from: https://ru.qwertyu.wiki/wiki/Constitution_of_Iraq.
8. Wikisource.org. (n.d.) *Konstitutsiya Irakskoy Respubliki* [Constitution of the Iraqi Republic]. [Online] Available from: https://ru.wikisource.org/wiki/Konstitutsiya_Irakskoy_Respubliki.
9. Politpuzzle.ru. (n.d.) *Shangal'skaya reznya – splanirovannyi genotsid kurdov-ezidov* [Shangal massacre: the planned genocide of Yezidi Kurds]. [Online] Available from: <https://politpuzzle.ru/19989-shangalskaya-reznya-splanirovannyi-genotsid-kurdov-ezidov/>.
10. BBC News. (2016) *Chem soglasenie Sayksa–Piko obrnulos' dlya Blizhnego Vostoka* [The Sykes-Picot Agreement outcomes for the Middle East]. [Online] Available from: https://www.bbc.com/russian/international/2016/05/160516_sykes_picot_me_map_centennary.
11. IA REGNUM. (2014) *Masud Barzani: Irak razvalivaetsya, sosushchestvovanie shiitov i sunnitov, kurdov i arabov – prekrashcheno* [Massoud Barzani: Iraq is falling apart, the coexistence of Shiites and Sunnis, Kurds and Arabs ends]. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/polit/1787443.html>.
12. Qwertyu.wiki. (2017) *Referendum o nezavisimosti Kurdistana 2017 goda* [The 2017 referendum on the independence of Kurdistan]. [Online] Available from: https://ru.qwertyu.wiki/wiki/2017_Iraqi_Kurdistan_independence_referendum.
13. *IA Rudaw*. (2016) 25 September.
14. Voennoe obozrenie. (2017) *Irakskie kurdy naznachili den' referendum o nezavisimosti* [Iraqi Kurds have appointed the day of the referendum on independence]. [Online] Available from: <https://topwar.ru/117528-irakskie-kurdy-naznachili-den-referenduma-o-nezavisimosti.html>.
15. RiaTaza. (2017) *Partii Yuzhnogo Kurdistana somnevayutsya v tochnosti spiska izbirateley* [Parties of South Kurdistan doubt the accuracy of the voter list]. [Online] Available from: <https://riataza.com/2017/06/17/partii-yuzhnogo-kurdistana-somnevayutsya-v-tochnosti-spiska-izbirateley/>.
16. Nv.ua. (2017) *Erdogan ugrozhaet kurdam sanktsiyami posle referendum* [Erdogan threatens the Kurds with sanctions after the referendum]. [Online] Available from: <https://nv.ua/ukr/bbc/erdogan-ugrozhaet-kurdam-sanktsiyami-posle-referenduma-1923587.html>.
17. RiaTaza. (2017) *Dzhamal Bayyk – nikto ne dolzhen vystupat' protiv referendum* [Jamal Bayik: no one should oppose the referendum]. [Online] Available from: <https://riataza.com/2017/06/13/dzhamil-bayyk-nikto-ne-dolzhen-vystupat-protiv-referenduma/>.
18. Yurchenko, V.P. (2017) *Voenna-politicheskaya obstanovka v Irake (sentyabr' 2017 g.)* [The military-political situation in Iraq (September 2017)]. [Online] Available from: <http://www.iimes.ru/?p=38244>.
19. U.S. Department of State. (2017) *Iraqi Kurdistan Regional Government's Planned Referendum*. [Online] Available from: <https://www.state.gov/iraqi-kurdistan-regional-governments-planned-referendum/>.
20. Lake, E. (2017) *Tillerson Letters Show U.S. Nearly Averted Kurdish Referendum*. Bloomberg L.P. [Online] Available from: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2017-10-13/tillerson-letters-show-u-s-nearly-averted-kurdish-referendum>.
21. The United Nations. (2017) *Security Council Press Statement on Iraq*. [Online] Available from: <https://www.un.org/press/en/2017/sc13002.doc.htm>.
22. RiaTaza. (2017) *92,73% progolosovali za nezavisimost' Kurdistana* [92.73% voted for the independence of Kurdistan]. [Online] Available from: <https://riataza.com/2017/09/27/okonchatelnyie-itogi-golosovaniya-za-nezavisimost/>.
23. Park, B., Jongerden, J., Owtram, F. & Yoshioka, A. (2017) On the independence referendum in the Kurdistan Region of Iraq and disputed territories in 2017. *Kurdish Studies*. 5 (2). pp. 199–214.
24. Ivanov, S.M. (2018) Iraq Kurds as the Vanguard of the Kurdish National Movement. *Mirovaya ekonomika i mirovye ekonomicheskie otnosheniya*. 62 (4). pp. 55–62. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-4-55-62
25. BBC Russian Service. (2017) *Izrail' vystupil za sozdanie kurdsogo gosudarstva* [Israel spoke in favor of the creation of a Kurdish state]. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/russian/news-41251860>.
26. Heistein, A. (2017) Why Did Israel Support the Kurdish Referendum? *The National Interest*. Nov. 16. [Online] Available from: <https://nationalinterest.org/feature/why-did-israel-support-the-kurdish-referendum-23235>.
27. TASS. (2017) *Ayatolla Khamenei: Iran i Turtsiya dolzhny ne dopustit' nezavisimosti Irakskogo Kurdistana* [Ayatollah Khamenei: Iran and Turkey must prevent the independence of Iraqi Kurdistan]. [Online] Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4618177>.
28. Eurasia Daily. (2017) *SMI: Irakskiy Kurdistan otstupayet po vsem frontam* [Media: Iraqi Kurdistan is retreating on all fronts]. [Online] Available from: <https://eadaily.com/ru/news/2017/10/19/smi-irakskiy-kurdistan-otstupayet-po-vsem-frontam>.
29. Palani, K., Khidir, J., Dechesne, M. & Bakker, E. (2019) The development of Kurdistan's de facto statehood: Kurdistan's September 2017 referendum for independence. *Third World Quarterly*. 40 (12). pp. 2270–2288.
30. Fedorova, I.E. (2019) Iran i Irakskiy Kurdistan [Iran and Iraqi Kurdistan]. In: *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 26. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. pp. 271–279.
31. *Rossiyskaya gazeta*. (2017) *Prezident Irakskogo Kurdistana Masud Barzani 1 noyabrya uynet v otstavku* [President of Iraqi Kurdistan Massoud Barzani will resign on November 1]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/10/29/prezident-irakskogo-kurdistana-masud-barzani-1-noiabria-ujdet-v-otstavku.html>.

32. Rasheed, A. (2017) Iraq court rules no region can secede after Kurdish independence bid. *Thomson Reuters*. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-iraq-kurds/iraqcourt-rules-no-region-can-secede-after-kurdish-independence-bid-idUSKBN1D617O>.
33. Rasheed, A. (2017) Abadi says Iraq to act soon over border areas in stand-off with Kurds. *Thomson Reuters*. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-iraq-kurds/iraqs-kurdistan-says-to-respect-court-decision-banning-secession-idUSKBN1DE0XD>.
34. Vesti FM. (2017) Kurdskiy referendum – eto bol'shaya spekulyatsiya [Kurdish referendum is a big speculation]. [Online] Available from: <https://radiovesti.ru/brand/61009/episode/1548685/>.
35. Kremlin.ru. (2017) *Bol'shaya press-konferentsiya Vladimira Putina* [Vladimir Putin's big press-conference]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/56378>.

Received: 08 August 2020

С.П. Базылева, П.П. Фантров, В.П. Петров

КАВКАЗСКО-КАСПИЙСКИЙ И ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ РЕГИОНЫ В МИРОВОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ

Дается оценка геополитическому положению Кавказско-Каспийского и Центрально-Азиатского регионов в контексте энергетической безопасности. классифицированы определения понятия «энергетический потенциал» на три группы: 1) потенциальные возможности потребления различной энергии; 2) потенциальная совокупность энергии, которая может использоваться объектом хозяйствования; 3) составляющая производственного или ресурсного потенциала. Подчеркивается необходимость продуктивного сотрудничества стран Кавказа, Каспия и Центральной Азии для поддержания энергетической безопасности Евразии и мира.

Ключевые слова: Кавказско-Каспийский регион; Центрально-Азиатский регион; энергетическая безопасность; внешняя политика; сотрудничество.

Со времен распада СССР возникла необходимость в переменах расстановки сил с точки зрения геополитики, создания институтов, основной целью деятельности которых является поддержание региональной безопасности и укрепление традиционных связей между государствами Кавказско-Каспийский и Центрально-Азиатский регионов в экономике и торговле.

Для любого государства вопросы, связанные с энергетической безопасностью страны (повышение эффективности энергопотребления и функционирования энергетики, реализация политики энергосбережения и пр.) в современных условиях приобретают особую актуальность. Энергетическая безопасность страны зависит от наличия собственных ресурсов и эффективности их использования, однако не в каждом государстве Кавказско-Каспийского и Центрально-Азиатского регионов топливно-энергетические ресурсы распределены равномерно: в одном месте они представлены с избытком, а в другом – их крайне мало. Естественно, возникает потребность в добыче, концентрации, обогащении, преобразовании и транспортировке топливно-энергетических ресурсов. Поскольку на каждом этапе трансформации и транспортировке энергетических ресурсов некоторая часть из них теряется и рассеивается (2–20% и более), возникает проблема оценки энергетического потенциала территории (региона), что и рассматривается в данной статье.

Кроме того, в условиях энергетического кризиса возникает необходимость совершенствования существующих и разработки новых подходов и приемов достижения экономии энергетических ресурсов на промышленном предприятии с учетом имеющегося энергетического потенциала, использование которых позволит снизить энергоемкость продукции и обеспечить стабильное функционирование энергетической системы регионов и страны в целом. Учитывая данную необходимость, нужно как можно точно оценить энергетический потенциал и его составляющие.

Таким образом, целью исследования является систематизация и обобщение подходов к определению роли Кавказско-Каспийского и Центрально-Азиатского регионов в мировом геополитическом противостоянии, в частности, оценка энергетического потенциала данных субъектов и его геополитическое значение.

Определений понятия «энергетический потенциал» много, учитывая, что сам термин «потенциал» рассматривается учеными с разных точек зрения. Стоит отметить особенность энергетического потенциала как составляющей ресурсного потенциала, который используют предприятия и который вправе использовать все люди как природное богатство. Поэтому энергетический потенциал имеет два основных направления оценки: энергетический потенциал определенного предприятия и энергетический потенциал региона.

Отечественные исследователи отмечают, что «на сегодняшний день единого определения понятия энергетического потенциала региона не существует, как в научно-экономической, так и научно-политологической литературе» [1. С. 162]. Тем самым категория «энергетический потенциал» трактуется по-разному. Большинство его определений можно разделить на три группы:

- энергетический потенциал как потенциальная возможность потребления различной энергии;
- энергетический потенциал как потенциальная совокупность энергии, которая может использоваться объектом хозяйствования;
- энергетический потенциал как составляющая производственного или ресурсного потенциала.

Одной из задач статьи является изучение энергетического потенциала Кавказско-Каспийского и Центрально-Азиатского регионов в контексте геополитического противостояния.

Энергетический потенциал данных регионов включает четыре составляющие: природные ресурсы и среду, добывающие мощности, генерирующие мощности, транспортную инфраструктуру. Прежде всего, энергетический потенциал региона – это природные топливно-энергетические ресурсы (ТЭР) территории, а именно природные энергетические ресурсы (нефть, природный газ, уголь, торф), и окружающая среда территории (солнечная радиация, энергия ветра, воды).

Энергетическое значение Каспийско-Кавказского региона резко возросло после распада СССР, когда три из восьми бывших республик Центральной Азии и Кавказа превратились в самостоятельные экспортеры нефти и природного газа и раскрылись данные об

огромных запасах углеводородов. В своей политике энергетической безопасности эти страны стремятся максимизировать собственные географические преимущества, укрепить свою независимость и извлечь максимальную выгоду за счет экспорта энергоресурсов. В то же время они вынуждены балансировать из-за осознанной бесперспективности интеграции в западные структуры. Они активизировали также «многовекторную энергетическую политику» с ориентацией на Восток, в частности на Китай, который превратился в крупнейшего потребителя энергоресурсов. КНР, например, покупает 80% природного газа Туркменистана. Китай заключил долгосрочный контракт с данным государством об экспорте. Важную роль в сфере энергетической безопасности играют также страны-транзитеры, особенно Турция, через территории которой проходят основные поставки природного газа и нефти из Кавказско-Каспийского региона в Европу. Евросоюз в своей политике акцентирует внимание на диверсификации маршрутов поставок, чтобы укрепить собственную энергетическую безопасность и сократить импортную зависимость от российского природного газа и нефти.

Особое значение для всех стран, прежде всего для Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, имеет юридический статус Каспийского региона и его определение как моря или замкнутого озера, так как от этого зависит недропользование и добыча углеводородных ресурсов. С 1920 по 1991 г. лишь два государства – Советский Союз и Иран – имели выход к Каспийскому морю. После распада СССР ситуация в Каспийском регионе радикально изменилась. К России и Ирану, которые на протяжении столетий определяли ситуацию на Каспии, прибавились Азербайджан, Казахстан и Туркменистан. Вопрос о новом статусе возник в начале 1992 г. Тогда Иран выдвинул инициативу создания Организации регионального сотрудничества Прикаспийских государств. Позиция России по вопросам правового статуса Каспийского моря сводится к тому, что «оно является уникальным закрытым внутриконтинентальным водоемом, который должен иметь особый правовой статус и на который не распространяются нормы и понятия международного морского права, в частности, Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.» [2. С. 57].

На сегодняшний день режим Каспия определяется Договором между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 г. и Договором о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. Эти договоры не регулируют вопросы недропользования, охраны природной среды и военной деятельности, а их действенность признается не всеми вновь возникшими прикаспийскими государствами [3. С. 15].

Как проблемы Каспия, так и проблемы всего Черноморско-Каспийского региона имеют существенное значение для отношений между Россией и ЕС. Евросоюз строит свою политику с новыми «постсоветскими» государствами Черноморско-Каспийского региона на основе концепции «Восточного партнерства». Россия подчеркивает обстоятельство, что все страны постсоветского пространства являются соседями России и ЕС, а не просто партнерами. «Постсоветское

пространство» – пространство «общего соседства» России и Евросоюза, а не некоего «восточного партнерства», где Москва остается за кадром. К такому выводу пришли участники международной конференции на тему «Южный фланг СНГ. “Общие соседи” и “Восточные партнеры” сквозь призму Каспия».

Разведанные запасы углеводородного сырья – нефти и газа – прикаспийских стран, кроме России и Ирана, оцениваются как весьма значительные. Доля Каспийского региона в настоящее время составляет 7% мировых запасов природного газа (14 трлн кубометров). По оценкам British Petroleum 2018 г., доказанные запасы нефти пяти прикаспийских государств составляют около 30 млрд т, или 19% мировых доказанных запасов нефти, а доказанные запасы природного газа – 145 трлн кубометров, или 45% мировых доказанных запасов.

На первом месте по ресурсам находится Казахстан. У Казахстана самый большой нераскрытый нефтяной потенциал. В Казахстане обнаружены и уже разрабатываются несколько таких месторождений. На первом месте среди них месторождение «Тенгиз», открытое в 1979 г. Его сочли шестым в мире по величине. Однако в 2000 г. на шельфе обнаружено новое, еще более крупное месторождение «Кашаган» (по запасам нефти 5-е место в мире). Оно, вероятно, станет самым крупным нефтедобывающим проектом. Ожидается, что его доля достигнет до 5% мирового спроса на нефть к 2022 г.

Такие Каспийские государства, как Казахстан, Азербайджан и Туркменистан, вынуждены балансировать между западными странами, с одной стороны, и Россией и Китаем – с другой. Более активное партнерство с США и ЕС может принести им экономические выгоды в виде современных технологий и внешних инвестиций, но может также вылиться в натиск для проведения политических реформ, которые угрожают лидерам этих стран. Со стороны России и Китая такой опасности не существует. Однако, существуют и другие важные обстоятельства. У Казахстана, например, самая длинная сухопутная граница с Россией, а в стране живет значительный процент русскоязычного населения. В случае с Туркменистаном такое же значение имеет географический фактор. Туркменистан может экспортировать свой газ в Китай только транзитом через Узбекистан и Казахстан. В самой выгодной позиции с этой точки зрения находится Азербайджан, который уже реализовал часть проектов и планирует строительство новых трубопроводов для расширения экспорта углеводородов в сторону ЕС. Как крупный потребитель энергоресурсов в регионе выступает и Китай. Он проводит очень активную энергетическую политику во всех странах Центральной Азии, не выдвигает никаких политических требований и предлагает – вместе со своим огромным рынком – выгодные кредиты для реализации долгосрочных энергетических проектов.

Энергетические ресурсы Каспийского региона в настоящее время являются основным фактором, который определяет международную политическую значимость и его место во внешнеполитических страте-

гиях великих держав. По сведениям BP Statistical Review of World Energy за 2017 г., разведанные запасы нефти в прикаспийских странах составляют, соответственно, 10,6 млрд т у Российской Федерации, 18,8 млрд т – у Ирана, 5,5 млрд т – у Казахстана, 1 млрд т – у Азербайджана, 0,1 млрд т – у Туркменистана; Данные по природному газу, соответственно, 44,8 трлн м³, 29,6 трлн м³, 1,8 трлн м³, 8,0 трлн м³ [4]. Для малых каспийских стран преимущественная часть этих ресурсов сосредоточена в регионе Каспийского моря. Сухопутные источники углеводородов Каспийского региона были истощены в процессе эксплуатации в XX в. Исключительный политический интерес в настоящее время представляет именно акватория Каспийского моря, на шельфе которого имеются огромные запасы углеводородов. Акватория Каспийского моря имеет также значение относительно возможного транспортного маршрута для поставки на мировой рынок значительных запасов из нефтяных и газовых месторождений Казахстана и Туркменистана, которые расположены в сухопутных частях их территорий. Однако Иран выступает против строительства газопровода в Каспийском море, объясняя свою позицию тем, что он может нанести серьезный ущерб экологии региона. Их позиция объяснима, ведь Иран предлагает соседям пользоваться его инфраструктурой – газопроводами и терминалами для поставки газа на мировые рынки, преследуя экономическую выгоду.

Проблема разделения морского шельфа Каспия актуальна, начиная с первой половины 1990-х гг. Например, для Азербайджана она является ключевым вопросом национального экономического развития. Последовательные попытки РФ блокировать процесс разделения в 1993 г. привел к тому, что Азербайджан обратился к сепаратным действиям по решению проблемы эксплуатации шельфа. Правительство Г. Алиева, который 3 октября 1993 г. был избран президентом страны, добился прекращения военных действий в Нагорном Карабахе, стабилизировал внутривнутриполитическое положение и перешел к заключению соглашений с мировыми нефтедобывающими компаниями. С опорой на Азербайджан были сформированы проекты транспортных маршрутов: нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан (заложен в 2002, открыт в 2006 г.) и газопровода Набукко (проектируется с 2002 г.). Последний предусматривает транспортировку газа как из Азербайджана, так и с месторождений Северного Ирака.

В своей политике дипломаты Азербайджана опирались на прямую поддержку Турции. На рубеже 1990–2000-х гг. стратегия предусматривала формирование более широкого подхода, реализованного в попытке построения регионального блока ГУУАМ с участием черноморских, каспийских и центрально-азиатских стран: Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана и Молдовы. В случае реализации он изменил бы общую политическую ситуацию в регионе. Такой блок оказывал косвенный рычаг для осуществления региональной стратегии США, обеспечивая ей самодостаточную поддержку и определенный противовес России. В аспекте энергетики им могло быть обеспечено формирование северного разветвле-

ния транскаспийского маршрута поставки энергоносителей через Черное море и Украину. Факторами, которые усложняли его реализацию, были технологическая несовместимость сортов азербайджанской легкой нефти AzeriLight и тяжелой российской нефти экспортного сорта Urals и недостаточность объемов каспийской нефти для поставки альтернативным турецкого маршрута.

Действительно, как справедливо полагает С.З. Жиженев, каспийские страны имеют ряд потенциальных территориальных конфликтов, вызванных неопределенным статусом нераспределенного морского шельфа [5. С. 242]. К ним следует отнести: конфликты Азербайджана и Туркменистана (месторождения «Чираг», «Кяпаз» («Сердар»), «Азери» («Омар»), Азербайджана и Ирана, РФ и Казахстана. Неурегулированность территориальных споров, а также ряд других факторов заставляют страны региона ориентироваться на позицию России. К таким факторам мы можем отнести следующие: влияние РФ на Армению, т.е. потенциальная возможность восстановления армяно-азербайджанского конфликта; территориальные претензии РФ на территории Северного Казахстана; политическая изоляция Ирана, который ищет определенной опоры в сотрудничестве с Россией.

Сейчас дипломатами стран региона было сформулировано несколько позиций по решению проблемы шельфа. Россия при поддержке Ирана настаивала на том, чтобы прикаспийским странам принадлежали только прибрежные зоны, а остальное морское пространство и шельф были бы в общем владении. Это позволило бы ограничить участие «внешних игроков» – транснациональных компаний в разработке и транспортировке углеводородов. С такой позицией изначально были не согласны Азербайджан, Туркменистан и Казахстан, выступающие за разделение всего Каспия на сектора [6]. Однако схемы такого разделения отличались. Азербайджан настаивал на разделении акватории Каспия по принципу продолжения срединных линий сухопутных границ (при таком решении Азербайджан получал исключительно благоприятную конфигурацию границ, сохраняя контроль над спорными месторождениями нефти) [7. С. 59]. Туркменистан предлагал исключить из конфигурации выступающие части береговой линии, прежде всего Апшеронский полуостров; при таком разделении в страну отходили спорные с Азербайджаном три нефтяных месторождения. Иран предлагал схему разделения моря на равные части по 1/5 его площади. Казахстаном были высказаны компромиссные предложения по определению исключительных экономических 25-мильных зон на основе Конвенции 1982 г. [8].

С участием России были реализованы схемы так называемого многостороннего сотрудничества в Каспийском регионе. Так, была создана постоянная Специальная рабочая группа по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств (СРГ). С рубежа тысячелетий, как справедливо отмечает С.С. Жильцов, проводятся Каспийские

саммиты глав прикаспийских стран в пятистороннем формате, которые стали уже регулярными. Первый был проведен в апреле 2002 г. (Ашхабад), Второй – 16 октября 2007 г. (Тегеран), третий – 18 ноября 2010 г. (Баку), четвертый – 29 сентября 2014 г. (Астрахань) [9. С. 67]. Их продолжением являются Межправительственные экономические конференции, первая из которых состоялась в Астрахани 3–4 октября 2008 г. Развитием «многостороннего сотрудничества» стало нереализованное предложение о создании специального международного финансового института регионального развития, а также иранская инициатива, поддержанная Россией, по созданию Организации каспийского экономического сотрудничества (ОКЭС) [10. С. 214]. Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море обсуждалось на III Каспийском саммите 18 ноября 2010 г. в Баку. Хотя окончательного согласия странами региона достичь не удалось, усиливается восприятие российского предложения по определению схемы разграничения акватории Каспийского моря по принципу модифицированной равноудаленной срединной линии.

Президент России В.В. Путин в сентябре 2019 г. подписал Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря. Она закрепляет за Россией, Азербайджаном, Ираном, Казахстаном и Туркменистаном исключительные и совершенные права на Каспийское море, ответственное освоение и использование его недр и других ресурсов. Данная Конвенция также содержит условия прокладки подводных кабелей и трубопроводов и другие вопросы сотрудничества прибрежных стран. Подписанты соглашения, кроме того, условились об отсутствии в Каспийском море вооруженных сил третьих стран. Российская Федерация рассматривает на то, что в 2020 г. Каспийскую конвенцию ратифицирует Иран.

Позиция России в данном вопросе заключается в том, чтобы отношения прикаспийских государств были более стабильными и предсказуемыми. Тем не менее можно наблюдать тенденцию милитаризации региона [11]. Следуя за Азербайджаном, другие страны Каспийского региона реализуют более или менее масштабные программы развития морских вооружений. В 2012 г. был спущен на воду первый из ракетно-артиллерийских кораблей Казахстана. Достаточно амбициозной, направленной на возможное военное противостояние с Азербайджаном, является программа военного строительства Туркменистана. Можно наблюдать определенное военное сближение, вплоть до планов проведения совместных учений между Россией, Туркменистаном и Ираном. В 2016 г. Россия

осуществила масштабную военную демонстрацию, обстреляв ракетами морского базирования «калибр» цели в Сирии с кораблей, расположенных в акватории Каспийского моря. Стоит отметить, что военные противоречия и региональная «гонка вооружений» ориентированы на двустороннее военное противостояние между странами Каспия и не ставят под сомнение бесспорное военное доминирование России [12].

В ближайшие десятилетия наиболее перспективным в плане сотрудничества стран Кавказско-Каспийского и Центрально-Азиатского регионов видится освоение ископаемых на Луне, в частности гелия 3. Его следует рассматривать как возможное термоядерное топливо. Добыча легкого изотопа гелия в ближайшем будущем сможет решить проблему энергетического кризиса на Земле. Гелий 3 в научных кругах нередко называют «горючим будущего». На Земле он встречается крайне редко. Все запасы этого изотопа на нашей планете оцениваются учеными не более чем в одну тонну. Исходя из этого, стоимость 1 г вещества равна порядка 9 тыс. долл. При этом 1 г гелия 3 способен заменить до 15 т нефти. В будущем гелий 3 видится альтернативой нефти.

Таким образом, Кавказско-Каспийский и Центрально-Азиатский регионы имеют существенный энергетический потенциал. Их выгодное геополитическое положение существенно повысило политическую и геостратегическую значимость на мировой экономической арене. В них переплетаются интересы крупнейших потребителей углеводородов (США, ЕС, Китая, Индии и Турции), а также крупнейших поставщиков этих ресурсов (России, Ирана, Казахстана, Азербайджана, Туркменистана). В целом значение этих регионов в энергетическом отношении является бесспорным как с точки зрения потенциала прилегающих стран, так и с точки зрения стратегии США и ЕС в реализации проектов по маршрутам в обход территории России.

В настоящее время в целях развития Кавказско-Каспийского и Центрально-Азиатского регионов актуальным является исследование новейших тенденций развития региональных стратегий великих держав. Так, исследуемая проблема требует дальнейшего системного анализа и уточнения многих ее аспектов: колебание внешнеполитических приоритетов Турции, усиление влияния КНР в Кавказско-Каспийском и Центрально-Азиатском регионах, внутренняя консолидация и выработка самостоятельного внешнеполитического курса странами Кавказа и Средней Азии, сдвиги на мировых рынках энергоносителей (например, «сланцевая революция»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Коваленко Т.А., Волков А.В. Энергетический потенциал региона и его количественная оценка // Экономика региона. 2013. № 3. С. 161–171.
2. Калинов В.В., Сапаров С.М. История проблемы международно-правового статуса Каспийского моря // Нефть, газ и бизнес. 2011. № 4. С. 55–59.
3. Лепехин А.А. Проблемы определения правового статуса Каспийского моря после распада СССР // Права и глобальный социум. 2015. № 1. С. 13–17.
4. BP Statistical Review of World Energy June (2017). URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf>
5. Жижнев С.З. Энергетическая дипломатия в Каспийском регионе // Вестник МГИМО. 2012. № 1. С. 241–247.
6. Ельцин с Назарбаевым поделили Каспий // Газета Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/196272>

7. Джунусова Д.Н. О разграничении правового режима исключительной экономической зоны и открытого моря // Современное право. 2011. № 1. С. 58–60.
8. Споры вокруг Каспия: компромисс пока не достигнут // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/ru/cnopbi-БОКры-Каспна/a-16271507>
9. Жильцов С.С. Роль каспийских саммитов в решении региональных проблем // Научно-аналитический журнал обозреватель – Observer. 2017. № 9. С. 62–71.
10. Рожков И.С. Ретроспектива каспийских саммитов: от стабильности к прогрессу // Проблемы постсоветского пространства. 2017. Т. 4, № 3. С. 210–220.
11. Гонка вооружений на Каспии // Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.de/dw/article/0,,16229490,00.html>
12. Каспий – источник разногласий между Ираном и Россией // Курсив. URL: https://www.kursiv.kz/news/vlast/kaspiy_istochnik_raznoglasiy_mezhdu_iranom_i_rossiey/

Статья представлена научной редакцией «История» 21 января 2020 г.

Caucasus-Caspian and Central Asian Regions in the Global Geopolitical Confrontation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 66–70.

DOI: 10.17223/15617793/465/9

Sabrina P. Bazyleva, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: sabrinca@inbox.ru

Pavel P. Fantrov, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: pavelfantrov@volsu.ru

Viktor P. Petrov, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: tunguska81@gmail.com

Keywords: Caucasus-Caspian region; Central Asian region; energy security; foreign policy; cooperation.

The need to study the issue of the energy potential of Caucasus-Caspian and Central Asian regions is due to the fact that their energy resources in modern conditions are a fundamental factor determining the international political significance and the place of these regions in the foreign policy strategies of the great powers. Of particular political interest is the water area of the Caspian Sea, on the shelf of which oil and gas reserves are located. Thus, in Caucasus-Caspian region, 7% of the world's natural gas reserves and 19% of the world's oil reserves are concentrated. Currently, the problem of the separation of the Caspian Sea shelf is relevant for this region. The unresolved territorial disputes in the future may lead to foreign policy conflicts; therefore, political leaders of Caspian countries need to consolidate efforts to ensure the energy security of the region. The aim of the article is to systematize and generalize approaches to determining and assessing the energy potential of Caucasus-Caspian and Central Asian regions and its components. The problems related to the presence of potential territorial conflicts in Caucasus-Caspian region, which can undermine the energy security of this region, are analyzed. The theoretical and methodological foundations of the study are the ideas of S.Zh. Zhizhnev, S.S. Zhiltsov, I.S. Rozhkov on the problems of cooperation between the countries of Caucasus-Caspian and Central Asian regions in the context of energy security. In the study of the energy potential of Caucasus-Caspian and Central Asian regions, institutional, system-structural and dialectic methods were used to highlight its general and special features. The definitions of the concept “energy potential” are classified into three groups: 1) the potential consumption of diverse energy; 2) the potential aggregate of energy that can be used by a business entity; 3) a component of the production or resource potential. The significance of the study lies in assessing the energy potential of Caucasus-Caspian and Central Asian regions. The energy development of the regions is possible with the internal consolidation and development of an independent foreign policy by the countries of the Caucasus and Central Asia, the search for economic and political means of ensuring stability, and the expansion of transport links between the countries.

REFERENCES

1. Kovalenko, T.A. & Volkov, A.V. (2013) Energeticheskiy potentsial regiona i ego kolichestvennaya otsenka [Energy potential of the region and its quantitative assessment]. *Ekonomika regiona*. 3. pp. 161–171.
2. Kalinov, V.V. & Saparov, S.M. (2011) Istoriya problemy mezhdunarodno-pravovogo statusa Kaspiyskogo morya [History of the problem of the international legal status of the Caspian Sea]. *Neft', gaz i biznes*. 4. pp. 55–59.
3. Lepekhin, A.A. (2015) Problemy opredeleniya pravovogo statusa Kaspiyskogo morya posle raspada SSSR [Problems of determining the legal status of the Caspian Sea after the collapse of the USSR]. *Prava i global'nyy sotsium*. 1. pp. 13–17.
4. BP. (2017) *BP Statistical Review of World Energy*. June. [Online] Available from: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf>.
5. Zhizhnev, S.Z. & Guliev, I.A. (2012) Energy Diplomacy in the Caspian region. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 1(22). pp. 241–247. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2012-1-22-241-247
6. Kommersant. (1998) *El'tsin s Nazarbaevym podelili Kaspiy* [Yeltsin and Nazarbayev divided the Caspian Sea]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/196272>.
7. Dzhunusova, D.N. (2011) O razgranichenii pravovogo rezhima iskluchitel'noy ekonomicheskoy zony i otkrytogo morya [On the delimitation of the legal regime of the exclusive economic zone and the open sea]. *Sovremennoye pravo*. 1. pp. 58–60.
8. Deutsche Welle. (n.d.) *Spory vokrug Kaspiya: kompromiss poka ne dostignut* [Disputes around the Caspian Sea: no compromise has been reached yet]. [Online] Available from: <http://www.dw.de/dw/article/0,,16271507,00.html?maca=rus-rss-ru-kasach-4386-xml-mrss>.
9. Zhiltsov, S.S. (2017) Rol' kaspiyskikh sammitov v reshenii regional'nykh problem [The role of the Caspian summits in solving regional problems]. *Obozrevatel' – Observer*. 9. pp. 62–71.
10. Rozhkov, I.S. (2017) In the Face of the Strategic Choice: New Imperatives of World Policy. *Problemy postsovetskogo prostranstva – Post-Soviet Issues*. 4 (3). pp. 210–220. (In Russian). DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-210-220
11. Deutsche Welle. (2012) *Gonka vooruzheniy na Kaspii* [Arms Race at the Caspian Sea]. [Online] Available from: <http://www.dw.de/dw/article/0,,16229490,00.html>.
12. Kursiv. (n.d.) *Kaspiy – istochnik raznoglasiy mezhdu Iranom i Rossiey* [The Caspian Sea is a source of disagreement between Iran and Russia]. [Online] Available from: https://www.kursiv.kz/news/vlast/kaspiy_istochnik_raznoglasiy_mezhdu_iranom_i_rossiey/.

Received: 21 January 2020

В.А. Бурнаков

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ДУХУ-ХОЗЯИНУ ВОДЫ В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX вв.)

На примере этнической группы хакасов – качинцев охарактеризован мифоритуальный комплекс, связанный с почитанием духа – хозяина воды – *суг тайыг*. Основной источниковой базой для исследования стали как опубликованные, так и неопубликованные этнографические материалы. В научный оборот вводятся архивные этнографические сведения, собранные в 1970-х гг. М.С. Усмановой, а также другими исследователями из Томского государственного университета. Автор приходит к выводу о том, что в культуре рассматриваемой этнической общности культ воды был одним из самых важных и распространенных.

Ключевые слова: хакасы; мировоззрение; шаманизм; мифология; традиция; обряд жертвоприношения; символика; культ воды; *суг ээзи*; *суг тайыг*.

Реки и озера являются важнейшей и неотъемлемой частью ландшафта Хакасии. Ее территория изобилует разнообразными водными источниками – от небольших ручьев до таких громадных водных артерий, как река Енисей. Вода в традиционной культуре хакасов, как жизненно необходимая субстанция обладает высокой степенью сакральности. Она воспринимается в качестве священной стихии, способствующей общему плодородию, процветанию и непрерывной циркуляции жизни. В религиозно-мифологическом сознании народа вода наделяется многообразными магическими характеристиками, в том числе дарующими жизнь, очистительными, охранительными, лечебными, мантическими и пр. Поэтому совершенно естественным является то, что она включена в традиционную обрядность хакасов, в том числе связанную с представлением о жизни и смерти.

В отношении водных объектов – рек, озер в традиционной культуре хакасов имела система ритуалов и этических норм. В своей глубинной основе они были призваны способствовать установлению непротиворечивых и гармоничных отношений между человеком и природой. Ключевым сакральным действием в этом процессе всегда выступал *суг тайыг* – обряд жертвоприношения духу – хозяину воды.

Культ воды у хакасов и такое его яркое проявление, как ритуал жертвенного подношения владыке водного пространства – *суг ээзи*, на протяжении двух столетий (XIX–XX вв.) неизменно вызывал большой научный интерес. За этот период был собран значительный фактологический материал по обозначенной проблеме. Среди исследователей, изучавших данную тему, следует выделить И.С. Пестова [1. С. 79–81], Н.Ф. Катанова [2. С. 548–566], С.Д. Майнагашева [3. С. 32–38], Н.П. Дыренкову [4. С. 131–188], В.Я. Бутанова [5. С. 187–189], М.С. Усманову [6. С. 240–243], А.Н. Гладышевского [7] и др.

Несмотря на то, что перечисленные ученые в своих трудах с той или иной степенью глубины рассмотрели указанную проблему либо отдельные ее грани и предоставили соответствующий материал по ней, все же считать ее до конца исчерпанной представляется преждевременным. Следует отметить и то, что сведения о ритуальной практике хакасов в отношении водной стихии в большей степени имеют отрывочный и

порой даже противоречивый характер. В них отсутствует анализ локальной специфики этого ритуала. А с этим напрямую связан вопрос, касающийся лиц, отправляющих обряд. В литературе имеются данные о том, что проводить *суг тайыг* могли лишь шаманы. Между тем встречаются материалы, свидетельствующие о том, что главными исполнителями ритуала жертвоприношения воде / духу воды выступали хорошо знающие традицию старики – *алгысчыл'ы*. Неоднозначен вопрос, касающийся самой жертвы. По одним сведениям в качестве таковой выступал синий / черный бык, по другим – баран. Требуется уточнения еще и вопрос, связанный с периодичностью отправления этого обряда и др. Обратим внимание и на то обстоятельство, что в настоящее время все еще неопубликованными остаются архивные этнографические материалы, в которых содержатся уникальные сведения по обозначенной теме. Введение в научный оборот и их анализ с учетом имеющихся литературных данных могут способствовать глубокому и полному изучению указанного культурного явления. В представленной статье представляется возможным предпринять попытку заполнить такого рода пробелы.

Целью работы является характеристика обряда жертвоприношения духу – хозяину воды – *суг ээзи* в традиционной культуре хакасов. Исследование базируется на историко-этнографических методах – реликта и семантического анализа.

Вода во всех своих ландшафтных проявлениях наряду с землей / горой является ключевым элементом традиционной картины мира хакасов. При этом в традиционном сознании народа аниматические представления о всеобщем оживотворении природных объектов и стихий тесно связаны с анимистическими воззрениями о конкретных духах-хозяевах, в них локализующихся. На эту мировоззренческую особенность хакасов одной из первых обратила внимание Н.П. Дыренкова, сообщившая о том, что у них, как и у остальных народов Саяно-Алтая, «горы и реки рассматриваются как живые, волеспособные существа и наряду с этим духи гор и рек действуют и вступают в определенные взаимоотношения с людьми, не теряя своей связи с горой и рекой» [4. С. 133]. Из этого видно, что в традиционном мировоззрении хакасов каждая река или озеро воспринимались двояко. Во-

первых, они как воплощение священной водной стихии априори считались живыми. Рассматриваемые гидрологические объекты уже сами по себе ассоциировались как могучие божества с присущей им субстанциональностью и аморфностью. По справедливому замечанию Н.П. Дыренковой, «Вода вообще воспринимается алтайско-саянскими турками как нечто живое. Воду боятся поранить железными и острыми предметами (шорцы, сагайцы), засорить или загрязнить нечистыми предметами. Сойоты считают воду священной, запрещают пачкать ее и черпать грязным котлом» [4. С. 133]. Мысль о том, что вся акватория в равной мере выступает в качестве сакрализованного объекта, на наш взгляд, выявляется и в шаманской молитве, обращенной к водной субстанции: «Берега служат вам колыбелью, ивы (по берегам) убаюкивают вас!» [2. С. 548]. Исходя из данного текста видно, что река сама по себе воспринималась как почитаемая сущность и даже косвенно отождествлялась с младенцем. Во-вторых, наряду с обозначенными воззрениями река или озеро осмыслились еще и в качестве места локализации персонифицированного и конкретного духа-хозяина – *суг ээзи*. Более того, он в определенной мере мог отделяться от самой воды, как вещества. Подтверждением тому служит одно из шаманских обращений к рассматриваемому природному гению, в котором указывается его местообитание: «Место вашего жительства находится у устья трех больших рек!» [2. С. 557].

В традиционных представлениях хакасов водный хозяин, несмотря на непосредственную связь с подземным миром, относится к категории сверхъестественных существ Среднего мира. Подобные воззрения, очевидно, основывались на той реалии, что вода во всем своем многообразии и в полной мере проявляется лишь на поверхности земли. При этом она является общедоступной не только для обозрения, но и для контакта и потребления всеми живыми существами. В противоположность этому небесная сфера, как и сами божества-небожители, в религиозно-мифологическом сознании воспринималась как объект чрезвычайно далекий от земли и от существ, ее населяющих. По этой причине, как полагали, верховные божества не так часто вмешивались в жизнь людей. В своем повседневном быту хакасы чаще имели дело с духами Среднего мира, так как, собственно, жили в нем и осуществляли свою хозяйственную деятельность. В связи с чем Н.П. Дыренкова, проанализировав мировидение народов Саяно-Алтая, констатировала факт того, что «с хозяевами гор, воды и леса, живущими тут, в земле, в близком соседстве с человеком, приходится сталкиваться ежедневно: от них зависят удача и неудача на промысле, жизнь и благополучие скота, улов рыбы и т.д. – и установить с ними хорошие отношения крайне важно и насущно» [4. С. 132].

В мировоззрении хакасов в отношении духов – хозяев природных объектов и стихий, в том числе и воды, отсутствует четкая дифференциация на добрых и злых. Исходя из чего Н. Орфеев, характеризуя эти сверхъестественные существа, совершенно точно определил, что «духи не разделяются строго на добрых и злых: каждый из земных духов может быть

добрым и злым» [8. С. 41]. Были убеждены, что их воздействие на человека (благотворное или негативное) полностью зависело от выстраиваемых с ними взаимоотношений. При этом инициатором в данном процессе все же чаще выступал человек. Он регулярно обращался к грозной природной силе со своими насущными просьбами, касающимися благополучия его жизни, в том числе и хозяйства.

Н.Ф. Катанов по этому поводу информировал: «Духи гор и вод, духи дома и огня бывают друзьями звероловов и пастухов, или же они бывают духами наказывающими; людям, плавающим по воде, ловящим рыбу и сидящим дома, они бывают такими же!» [2. С. 218]. Ученый вместе с тем уточнил следующее обстоятельство: «Рыболовы больше чтут духов огня и воды, а звероловы – духов огня и гор» [9. С. 28]. Зачастую основанием для молитвенных обращений к ним служили не только хозяйственные и семейные нужды, но и глобальные стихийные бедствия, периодически обрушавшиеся на людей.

В материалах А.Н. Гладышевского представлены интересные исторические сведения, указывающие на обозначенную проблему. В прошлом у хакасов она была чрезвычайно распространенной: «Весенние паводки нередко сопровождалась затоплением пастбищ, гибелью скота, разрушениями в населенных пунктах, а в отдельные годы происходили и большие наводнения. Во время наводнения в 1763 году сильно пострадал Абаканский острог, воды Енисея снесли несколько домов и деревянную церковь. В 1853-м река Абакан вышла из берегов, вода поднялась выше уровня на два аршина, залила пастбища и подтопила прибрежные аалы. Газета “Южная Сибирь” в 1916 году сообщала: “Деревни по рекам Туба, Оя, Абакан залиты почти все. Самохвал представляет громадный остров, село Абаканское окружено водой со всех сторон”» [7]. Подобные катаклизмы приводили к гибели не только животных, но и людей. Ситуация усугублялась тем, что не все хакасы умели плавать.

Повествования о несчастных случаях, повлекших за собой гибель людей на воде, были также запечатлены в хакасском фольклоре и топонимике. В традиционном сознании утопление кого-либо обычно рассценивалось как наказание *суг ээзи* за бесцеремонное вторжение в его владения и несоблюдение норм пребывания там, а также нарушение правил взаимодействия с водной стихией. Сохранилась легенда о семи утонувших девушках, плававших на плоту по реке Белый Июс. В память о них одна из гор с семью вершинами стала называться *Чими хыс* (Семь дев). Согласно другому повествованию, на озере Иткуль в процессе купания утонуло пятьдесят девушек, прибывших туда со свадебным кортежем [7].

В целях предотвращения подобных природных катаклизмов и недопущения несчастных случаев на воде в повседневном быту, а также для обеспечения благополучия в семейной жизни и хозяйственной деятельности, как уже указывалось, были сформированы соответствующие нормы поведения и специальная обрядность. В целом они были призваны установить конструктивные взаимоотношения с водной стихией и конкретно с ее владыкой – *суг ээзи* / *сугдай хан*. От-

метим, что в традиционной поведенческой установке хакасов доминировала мысль о необходимости уважительного и бережного отношения к природе. Данное правило в полной мере распространялось на водные объекты и всех его обитателей. Для формирования гармоничных взаимоотношений с духом воды, помимо неукоснительного соблюдения этических норм, обязательной была еще и обрядность, демонстрировавшая почтительное к нему отношение. В своей основе она была направлена на его задабривание путем подношения ему жертвенных даров и «угощения» пищей. При этом ритуальные действия отличались своими формами и периодичностью. Они могли иметь ситуативный характер и поэтому отправлялись экстренно и разово. Были и такие обряды, которые проводились на регулярной основе и в строго отведенный календарный период. В первом случае исполнение обряда, как правило, осуществлялось каждым человеком индивидуально без жесткой привязки к определенному месту. Обычно это происходило в процессе перехода через какие-либо крупные водные объекты, целебные источники или во время нахождения в непосредственной близости от них. Во втором – всегда коллективно с непосредственным участием служителя культа, а также в строго определенное время и на специально отведенной для этого территории.

Спорадическое отправление ритуала было направлено на решение сугубо индивидуальных запросов, касающихся личной безопасности в водном пространстве и сопредельной территории, успехов в делах и пр. Само обрядовое действие отличалось простотой и доступностью для исполнения каждым индивидуумом. По наблюдениям Н.П. Дыренковой, «Жертвоприношения этим духам наиболее просты и наглядны. Они осмысляются как кормление. Обхождение с духами просто, не требуется обязательного присутствия шамана» [4. С. 133]. Само обрядовое действие, главным образом, заключалось в обращении к *суг ээзи*, произносимом в свободной форме, и жертвенном подношении всего того, что имелось в наличии у человека: части продуктов питания и напитков, монет, табачных изделий, спичек, ритуальных ленточек – *чалама*, конских волос и прочих вещей.

Д.А. Клеменц, будучи непосредственным свидетелем этой обрядности, сообщал: «И теперь инородец еще, принося жертву духу гор, хозяину реки, ограничивается вывешиванием лоскутка материи на броду через речку (джалама у татар [хакасов], иренджалан у сойот и карагасов)» [10. С. 34]. Добавим и то, что из пищи в обязательном порядке жертвовалась «первинка», т.е. ее первая часть. На данный обычай в свое время обратил внимание М.А. Кастрен, отмечавший, что «первые куски некоторых кушаньев татары [хакасы] обыкновенно бросают в реку или в озеро» [11. С. 226].

Сведения о рассматриваемой нормативной практике у хакасов встречаются также и в архивных этнографических материалах. Приведем их: «В Балахине наш дом стоял близко к р. Июсу. Когда он разливался, вода подходила к самому верху крыльца. У

нас старушка была. Она говорила, что [в таком случае] табаком нужно пошухтить Июсу [т.е. угостить] (Тайдынова Татьяна Семеновна, д. Секта)» [12. Л. 24]; «Когда р. Хара Июс проходим, то просим: “Вот Хара Июс, матушка, мы проходим. А сами что-нибудь в реку бросаем. Или траву нарвем, вот тебе подарок. Этот когда хоть на пароме, хоть на лодке переезжали. Если тебе нечего бросить, так хоть траву брось. Корольки бросали, вино ему подавали, хлебом (Янгулова Анастасия Ивановна, 70 лет, д. Малое Озеро)» [12. Л. 33–34]; «Когда кто-нибудь шел купаться на Круглое Озеро, то бросал сережку, бусину, колечко. Если шел рыбачить, то водкой в озеро брызгал. Хлеб тоже бросали. В каждой реке, в каждом ключе, в озере, на каждой горе отдельные хозяева (Каураков Павел Иванович, 89 лет, и его жена – Матрена Маеркова, д. Большое Озеро)» [13. Л. 35]; «Однажды на дороге работали. Поясница разболелась пять дней просидела. Вижу сон. Лежит мужчина в мокрых штанах [и говорит мне]: “Ты счастливая. [Тот] кто ко мне близко подходит, того я пинаю и убиваю”. А потом мне [одна] старая хакашка объяснила [мой сон]. Я на воде работала, а [водного] хозяина не задобривала. [Тогда] пошла я за водой. Зашла в избушку и три раза брызнула [хозяину воды], и все у меня прошло (Ульчугачева Ольга Ефимовна, 1915 г.р., д. Кагаево)» [14. Л. 6]; «Суг эзи – женщины и мужчины. Похожи на людей. Женщины – красивые. Им шихтят [совершают кропление] водкой» [15. Л. 14].

Коллективный обряд жертвоприношения духу – хозяину воды – *суг тайыг* относился к числу календарных и имел ярко выраженный церемониальный характер. Он обычно проводился в весенне-летний период. В традиционном мировоззрении этот хронологический отрезок ассоциировался с наступлением нового витка природного цикла и в целом – с обновлением жизни. Сам обряд был направлен на возобновление / обновление дарообменных отношений с конкретным духом – хозяином водного пространства и иными сверхъестественными существами. Следствием этого процесса было получение их мистической поддержки и покровительства. Проведение *суг тайыг* было распространено преимущественно в тех местах, где имелись крупные водные источники, – реки и озера. Причем на каждой из таких территорий обряд имел собственные локальные варианты исполнения.

Следует отметить, что в научной литературе представлены соответствующие материалы лишь по двум этническим группам хакасов – качинцам и кызыльцам. Интересующие нас сведения по другим группам – сагайцам, бельтырам и койбалам, к сожалению, вообще остались не зафиксированными. Между тем есть основания полагать, что *суг тайыг* был распространен и в их культовой практике ввиду того, что они проживали и проживают в долине таких крупных и глубоководных рек, как Абакан, Туба и пр. Указанные этнические общности осуществляли свою хозяйственную деятельность непосредственно как на самой реке (рыбная ловля), так и в ее окрестностях (выпас скота на близлежащих пастбищах). Данное обстоя-

тельство уже априори предполагало наличие в их культуре соответствующей ритуальной практики. Отметим, что упоминание о бытовании в прошлом *суг тайыг* у сагайцев встречается и в этнографических материалах М.С. Усмановой и др., хранящихся в архиве Музея археологии и этнографии им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Исследовательница, к сожалению, без каких-либо подробностей сообщила о том, что на территории, расположенной близ устья р. Аскиз – исконного места проживания сагайцев, совершался обряд жертвоприношения духу – хозяину воды [16. Л. 70]. Помимо того, в ее полевых дневниках имеются сведения, указывающие на то, что сагайский *сёёк* – род *Хобый* проводил *суг тайыг* на реке *Хара Суг*. В качестве жертвы выступал крупный рогатый скот. В дополнение к сказанному дается пояснение того, что средства на покупку жертвенного животного собирались всем родом [17. Л. 32].

Ввиду редакционных ограничений в объемах публикации остановимся лишь на рассмотрении соответствующих религиозно-мифологических верований качинцев.

Одним из первых исследователей, предоставивших данные об этой хакасской традиции, был Н.Ф. Катанов [2. С. 566, 575]. Будучи лингвистом, ученый не ставил перед собой цель дать подробное этнографическое описание ритуала. Поэтому в своем труде он лишь кратко и в общих чертах выделил его структуру. В дополнение к этому привел текст молитвенного обращения к духу – хозяину воды. Согласно его материалам *суг тайыг* совершался один раз в семь или десять лет. Со слов автора периодичность его проведения во многом зависела от частоты несчастных случаев, происходивших на воде, а также масштабных затоплений. В связи с чем он отмечал: «Ему молятся в 10 и 7 лет один раз, когда утонет какой-нибудь человек, (молятся для того) чтобы водяной дух не портил бродов и не преследовал других людей (кроме утонувшего)» [2. С. 575].

Следует заметить, что вопрос, связанный с периодичностью отправления этого обряда, нуждается в уточнении. Так, некоторые исследователи указывают иную частоту отправлений обряда. С.Д. Майнагашев, например, писал о том, что «такое жертвоприношение устраивается раз в три года» [3. С. 35]. В.Я. Бутанаев же сообщает о ежегодном проведении *суг тайыг* [5. С. 187]. Столь разноречивые сведения о периодичности проведения обозначенного ритуала, очевидно, могут свидетельствовать, во-первых, об устоявшейся локальной традиции взаимодействия людей с водным духом, во-вторых, могут указывать на особые – экстренные случаи, когда требовалось увеличить частоту отправлений соответствующих обрядовых действий. Основными причинами этого, как уже отмечалось, являлись: большая смертность людей или скота на воде и участвовавшие стихийные бедствия.

Неоднозначным представляется вопрос, связанный с субъектностью жертвы. Очевидно, что выбор приносимого в жертву животного во многом обусловлен временной динамикой отправления ритуала. Известно, что чем раньше в хронологическом отношении

фиксируется обряд, тем больше в нем обнаруживается архаических черт и деталей. С течением времени в силу различных социокультурных изменений нередко происходит редуцирование многих элементов обрядности. Это напрямую может касаться как самой жертвы, так и непосредственных лиц, выполняющих сакральные действия. Так, например, жертва, имеющая чрезвычайно высокую материальную и символическую ценность, со временем может заменяться более дешевой и доступной, например, бык – бараном и т.д. Соответствующие процессы зачастую могут затрагивать и непосредственных отправителей обрядности. В связи с чем соответствующие культовые функции могут выполнять не только шаманы, но и знающие традицию лица – старики, а также иные уважаемые зрелые мужчины. Вместе с тем нельзя не учитывать и локальную специфику обрядности.

В материалах Н.Ф. Катанова представлены неоднозначные данные о самой жертве для *суг ээзи*. Автор указывает на то, что в качестве таковой мог выступать как трехгодовалый синий бык, так и ягненок. При этом не поясняется причина различий в предпочтительности того или иного жертвенного животного. Исследователь сообщает еще и о том, что водному хозяину посвящали еще *ызых'а* – коня сивой масти. Согласно хакасским верованиям именно на нем совершал пространственные перемещения *суг ээзи*. Поэтому животное не умерщвляли, а отпускали на свободу. Оно было табуировано для всех людей, кроме непосредственного хозяина.

По описанию ученого *суг тайыг* проходил на берегу р. Абакан у священной березы, которая для ритуальной цели была специально привезена и установлена. Она являлась обязательным элементом всех коллективных и иных обрядов и воплощала собой образ мирового древа, посредством которого осуществлялась взаимосвязь с потусторонним пространством. Каждый из участников сакрального действия подвешивал на нее ленточки – *чалама* белого и синего цветов. Это символизировало собой жертвенное подношение и включенность в обряд.

Сам обряд жертвоприношения совершал шаман. В финальной части шкуру жертвенного барана вместе с головой и ногами бросали в реку [2. С. 575]. Исследователю удалось записать шаманскую молитву, адресованную – *суг ээзи*. Ввиду уникальности и большой информативности, приведем ее полностью:

«Заколовши трехгодовалого синего бычка, согнувши ему четыре ноги, мы положили его на плотик из девяти бревен и пустили вниз по текучей воде, как жертву тебе. Ты шурши камнями своих вод и переноси свои пески! Я прошу милости пасомым стадам и защиты черным головам! Ты владеешь шестьюдесятью родами разных текучих вод! Прими от нас в виде жертвы девятигодовалого синего бычка, который спокойно положен на золотой жертвенник, унесенный скоро на плотик! По волнам текучей воды! Обращаются к тебе в новолуние! Ты сиди и греми своим бубном из желтой меди! Сиди и бей по нему своею колотушкою из красной меди! Подобно огню, матери моей, имеющей (вверху) тридцать зубов, и подобно огню, теще моей, имеющей (внизу)

сорок зубов, ты едешь верхом на рыжей трехгодовалой кобылице, спишь на постели из красного сукна, носишь шапку из синего сукна! Когда станет подходить дьявол, ты кади на него (богородскою травой); когда будет приближаться нечистый, ты отмахивайся от него (лентами)! Кто будет подходить к тебе с добрыми целями, того прими радушно! Имеющих бубны не допускай (к нам в качестве врагов), гадалщикам не давай дороги! Обходя (мир) шесть раз, я ни разу не распускал бело-голубых веревков (которыми перевязаны колыбели) твоих детей! Кади ты на приближающиеся тени умерших (чтобы защитить нас от них)! Кади на приближающегося дьявола отмахивай нас от приближающегося нечистого! Сиди и жги днем и ночью как попало девять головней черемухи! Подобно огню, матери моей, имеющей тридцать зубов, ты спокойно управляй днем и ночью железною шестигранною палкою, железною палкою о шести зубцах (палкою для выделения мехов)» [2. С. 566].

Из представленного ритуального текста можем сделать вывод, что *суз ээзи* воспринимался хакасами прежде всего в качестве их важнейшего духа-покровителя и охранителя. Он был призван защитить от вредоносной нечистой силы не только людей, но и их скот. Ввиду наделяемых апотропейных функций, образ водного владыки отождествлялся то с фигурой могучего шамана, имеющего медный бубен и колоушку, то с богиней огня – *От ине / От иче*. Все это может свидетельствовать не только о высоком культовом значении рассматриваемого природного гения, но и о его семиотических связях с указанными сакрализованными объектами.

Обратим внимание на то, что сам обряд проводился в период новолуния. В хакасской традиции этот временной промежуток наделялся положительными характеристиками. Полагали, что в обозначенный период указанное светило своей мистической силой наиболее благотворно влияло на жизнь и деятельность человека.

Отметим и то, что из текста молитвенного обращения выясняется, что его *ызых'ом* мог быть не только конь сивой масти, но еще и рыжая трехгодовалая кобыла, которая обычно посвящалась духу огня. Данное обстоятельство опять-таки может указывать на их сакральную взаимосвязь.

Из текста представленной шаманской молитвы видно, что ключевой жертвой духу – хозяину воды выступал трехгодовалый синий бык. Выбор данного животного, очевидно, был не случаен. В мировоззрении хакасов оно ассоциировалось с плодородием, и его образ был тесно связан с водной стихией. Отметим факт того, что в тюркской и монгольской традициях домашние животные символически подразделялись на тех, которые имели «горячее» и «холодное» дыхания. К первому типу относились лошади и овцы, а ко второму – крупный рогатый скот, козы и верблюды. Существа с холодным дыханием имели более тесную связь с Нижним миром и водой – субстанцией, имеющей непосредственное к нему отношение. Вероятно, поэтому наиболее востребованной и значимой жертвой водной стихии всегда являлся бык. С этой

целью его помещали на плот, изготовленный из девяти бревен, и сплавляли вниз по реке.

Н.Ф. Катановым фиксируется то обстоятельство, что жертвенное животное подвергалось закланию. Обратим внимание на то, что эти сведения входят в диссонанс с материалами других исследователей. В них отсутствуют данные о том, что жертвенный бык обязательно подвергался закланию. Во многих случаях его отправляли на плоту живым, предварительно связав ему ноги. Животное, лежа на этом сооружении, нередко брыкалось и само соскальзывало с него, погружаясь в водную пучину [5. С. 189; 7; 13. Л. 34]. Встречались случаи, когда внизу по течению реки плот с жертвенным бычком прибывало к берегу. В случае, когда он лежал на плоту головой к берегу, люди, обнаружившие его, могли взять себе. Однако когда ориентация его тела была иной, то плот необходимо было столкнуть дальше в реку [5. С. 190; 7]. Представленные противоречивые сведения могут указывать лишь на локальную специфику обрядовых манипуляций с жертвенным быком.

Следует отметить, что наиболее полное и последовательное описание *суз тайыг* все же представлено в материалах В.Я. Бутанаева. Рассмотрим некоторые новые детали, описанные им. По сведениям ученого, принесение в жертву быка производилось один раз в три года, в то время как баранов черной масти жертвовали духу воды ежегодно. Сообщается, что обряд проводил не шаман, а *алгысчыл* – уважаемый мужчина, хорошо знающий традиции. Само сакральное действие происходило вокруг священной березы, на которую подвязывали ленты-*чалама* черного и белого цветов и троекратно по три раза обходили: сначала вместе с жертвенными баранами, затем со сваренным мясом, а потом и с быком. Около сакрального дерева устанавливали жертвенник, изготовленный из березовых ветвей. На него складывали подносимые *суз ээзи* дары в виде мяса, молочных и алкогольных напитков. К березе привязывали *ызых'а* черно-гнедой / вороной масти и черного быка. В процессе обрядовых действий жертвенную пищу подносили непосредственно в воду. Ритуальная часть завершалась отправлением быка по реке и бросанием в нее же шкур жертвенных баранов вместе с головой и конечностями, костями, а также с легкими и сердцами. Затем все участники обрядового действия переходили к пиршеству [5. С. 187–189].

По сведениям А.Н. Гладышевского [7] жертвоприношение духу – хозяину воды проводил шаман. В качестве главного жертвенного животного выступал молодой черный бычок с белым пятном на голове. Помимо того, *суз ээзи* жертвовались бараны черной масти. Шаман совершал камлание у священной березы. В процессе священнодействия призывал духов местностей и других рек прибыть на *суз тайыг* [7].

Диссонирующие сведения, касающиеся отправителей водного жертвоприношения, могут быть объяснены трансформационными процессами, происходящими в духовной культуре хакасов в рассматриваемое время. Отсутствие шамана в указанном селении не являлось непреодолимым препятствием для проведения необходимого обряда. Его мог заменить зрелый

мужчина, эрудированный в соответствующих вопросах. Обращает на себя внимание то, что бык жертвовался один раз в три года. В остальное время в качестве жертвы выступал указанный мелкий рогатый скот. Данный факт может свидетельствовать, что сакральный статус жертвенного барана в обозначенный период был равнозначен быку. Отметим и то, что в традиционном сознании хакасов и других народов образ барана выступал в качестве всеобщей эманации благодати. Вследствие чего он являлся универсальным и распространенным жертвенным животным, отправляемым духам и божествам всех трех сфер мироздания: Верхнего, Среднего и Нижнего миров. Добавим и то, что в процессе *суг тайыг* чествовался не только водный хозяин, но и все окружающие духи местностей – гор, рек, озер и т.д.

Интересные сведения о *суг тайыг* у качинцев, указывающие на изменения, происходящие в рассматриваемой обрядности, а также локальную специфику обнаруживаем в архивных этнографических материалах М.С. Усмановой. Наряду с тем, что некоторые ее данные совпадают с описаниями указанных исследователей, в них встречается и немало новых деталей. По материалам автора, жертвоприношение духу – хозяину воды в каждом населенном пункте долины р. Абакан имело свои локальные отличия. В первую очередь это касалось лиц, отправляющих обряд. В некоторых селениях это был пожилой мужчина – *алгысчыл*, в других – шаман, в третьих – одновременно участвовали оба. Неоднозначен был и выбор жертвенного животного. Так, в *аалах Хуба Чар* (с. Белый Яр, Алтайского р-на, улус Сапогов и др.) в жертву приносили живого черного двухгодовалого бычка. В остальных – лишь кастрированных баранов. Причем к обряду допускались животные белой масти, но с черной головой. Их кололи и разделявали. Мясо отваривалось в специально котле. Новым дополнением является то, что все участники *суг тайыг* подвизывали на священную березу ленты-*чалама* не только белого, синего, но еще и красного цветов. По воспоминаниям стариков: «Березка была большая и пушистая, вся стояла украшенная, как елка. Собирались люди только улуса Сапогово. Все нужное везли на телеге. Чалама везли в кармане или привязывали к платку, шапке» [16. Л. 17]. Под деревом устраивался жертвенник, сплетенный из березовых ветвей. В него складывались подношения духам. Там же стоял конь-*ызых*. Его окуривали и обрызгивали водой, взятой из ближайшей реки, с возгласом «*сёёк!*». В конце ритуала мясо (грудинка, первое и последние ребра, сердце) вместе с молочными и спиртными напитками помещалось на плот и сплавлялось по р. Абакан. Бараньи шкуры в некоторых селениях бросались в реку, в других – забирались шаманом или непосредственным хозяином животных. Затем все приступали к трапезе. Оставшиеся кости сжигали или кидали в воду [18, 19].

В материалах М.С. Усмановой обнаруживается еще одна интересная деталь, не представленная в трудах других исследователей. Она имеет отношение к ситуации, когда обряд совершал исключительно шаман. Отметим, что проведение *суг тайыг* на берегу почитаемой реки обычно ограничивалось лишь одним

днем. Бывало, что обрядность имела и более продолжительные временные рамки. В некоторых населенных пунктах, отправляя указанный ритуал, служитель культа был облачен в шаманский костюм и камлал с бубном. В других – шаман в процессе обрядности не использовал свою культовую атрибутику. В отдельных хакасских селениях жертвоприношению духу – хозяину воды предшествовало специальное камлание шамана, предварявшее это событие. Оно совершалось в ночь перед *суг тайыг*. Сама мистерия проходила не на берегу реки, а в доме непосредственных организаторов этого мероприятия. На следующий день шаман в обычной одежде и без бубна проводил обряд на берегу реки. При этом он в качестве ритуального предмета, использовал лишь платок. Заметим, что платок являлся одним из распространенных предметов гардероба, используемых шаманами и другими лицами в различных обрядах, а также в действиях, связанных с исцелением человека. В отдельных случаях он даже заменял шаманский бубен и жезл. Приведем соответствующий архивный материал: «Сначала шаман с бубном камлал в юрте ночью. На нем был плащ. На голове шапка, а на ее макушке торчал хвост. Кололи овечку, грудь варили, а заднюю часть отдавали шаману. Шкура тоже шла ему же. Овечку кололи любой масти. Березку в юрте не ставили. Когда шаман шаманил, около него стояла скамеечка. На ней лежала связанная голова барана, без шерсти, а также четыре ножки. Потом их тоже ели вместе с остальным мясом. Шаману еще и деньги давали за шаманство. Перед любым камланием, шаман окуривал юрту ербеном [чабрецом] (ербенный аластапча). Шаман три раза ходил вокруг огня. Когда он восклидал сёк, специальный человек бросал водку в дверь. Вначале шаман садился перед огнем на землю и начинал звать всех тёсей [духов]. Другой человек в это время бросал в огонь три или семь кусочков сала, как говорил шаман. [Все это] хозяйка огня ест. Шаман обращается к ней, говоря, что выше тебя ничего нет (огонь выше, чем шаман). Упоминает шаман во время камлания горы, реки, звезды (три звезды – Орион?), вечернюю звезду, утреннюю звезду. Водку шаману брызгали ту, которая еще никем не испробована. Подавали ему и трубку с табаком. Утром на берег Абакана шаман уже шел без [шаманской] одежды и без бубна. У него в руках только один черный платок. [Там] он машет этим черным платком. Платок дает ему хозяин. В молоко крошат пызылах [домашний сыр] и один человек идет вслед за шаманом и брызгает этой смесью во все стороны. За шаманом идет еще один человек, который брызгает водкой, а за ним уже идет весь народ. Огонь разжигали с южной стороны от березы, приблизительно в двух метрах от березы. С противоположной стороны от огня между огнем и березой стоял столик на четырех ножках. Верх сплетен из березовых ветвей с листьями. Туда клали отваренную грудинку, заднюю часть и сердце (Чаптыков Григорий Иванович, 85 лет, с. Чаптыково)» [16. Л. 38–40].

М.С. Усмановой были зафиксированы и сведения о *суг тайыг*, проходивших в более редуцированной форме. Так, например, он проходил без большого количества участников и имел характер семейного

защитного ритуала. Само сакрализованное действо проходило на берегу р. Абакан. При этом оно ограничивалось лишь подношением жертвенных даров в виде отдельных частей бараньего мяса, алкогольных напитков, табака и пр. Все это складывалось на небольшой плот и с благопожеланием сплавлялось по реке. Такие важные элементы *суг тайыг*, как подвешивание ленты-чалама на почитаемую березу, ее многократный обход, а также посвящение *ызых*'а уже были исключены из самой обрядности. Приведем соответствующий рассказ об этой ритуальной практике: «Суғ тайығ делали в одном километре от Аршаново, выше по Абагану. Там жили две семьи стариков. Когда Абаган [имя ребенка] родился, один дед решил сделать суг тайығ. Мы были молодыми парнями, решили съездить посмотреть. Мы даже с коней не сходили, так и смотрели. Они были вдвоем со старухой. Старик сделал небольшой плот (*сал*) положил на него баранье мясо от разных частей тела и пустил по реке. Березу не ставили, а плот был из любого дерева. Клади на него кусочек сердца, последнее, ребро, кровяную колбасу. Голову и ноги не клали. В воду брызгали водку, бросали табак. Потом ели сами мясо. Они это делали, чтобы вода спала <...> [Старик] просил [у суг ээзи], [чтобы] нам – черноголовым [хакасам] вместе со скотом дали [благополучную] жизнь (Килижеков Макар Павлович, 1906 г.р., с. Аршаново)» [16. Л. 23].

Следует отметить и то, что М.С. Усманова – первая из исследователей среди мотивационных факторов проведения обряда *суг тайыг* у хакасов выявила такой, как вызывание дождя. Со слов старейшей жительницы с. Аршаново – Прасковьи Петровны Аршановой (1886 г.р.) ею было записан рассказ о том, что в их селении обряд жертвоприношения духу – хозяину воды с участием шамана «проходил приблизительно в 1910 г. На *суг тайыг*'е просили дождь» [16. Л. 17]. В целом вполне естественным является то обстоятельство, что люди обращались с искомой просьбой именно к водному хозяину. Собственно вода, пусть даже и небесная, это родная стихия *суг ээзи*. Вместе с тем подобное обращение встречалось не так часто. Наоборот, как уже отмечалось, наряду с другими призывами его чаще просили не допускать наводнений, которые, как известно, вызывались обильными и затяжными дождями. Столь редкая просьба о ниспослании дождя может быть объяснена лишь продолжительной засухой, имевшей место быть в их местности. Она периодически случалась в Хакасии, особенно в ее степной части.

Обратим внимание на то, что в религиозной традиции хакасов получил распространение культ неба. Оно являлось абстрактным верховным божеством их пантеона. Небу регулярно совершали жертвоприношение – *тигир тайыг*. К нему обращались с различными просьбами и очень часто – о ниспослании дождя. В отдаленном прошлом, чтобы получить гарантированную поддержку и покровительство неба, в его честь совершались человеческие жертвоприношения. Упоминания об этом сохранились в фольклоре хакасов [20. С. 271–284]. Схожая ритуальная практика в прошлом, очевидно, бытовала и в отношении

духа –хозяина воды. М.С. Усмановой удалось записать соответствующее мифологизированное повествование. Приведем его: «У качинцев в жертву р. Абагану приносили живого ребенка. Если он был сильный, то где-нибудь выплывал. Тогда он должен был жить где-нибудь в другом месте. Возвращаться ему было уже нельзя» [17. Л. 28].

Определенная близость рассматриваемых религиозно-мифологических персонажей, выраженная в некотором функциональном сходстве, а также в обрядности, вероятно, не случайна. В традиционном мировоззрении хакасов исток мировой реки – *суг пазы* располагается на юге и семантически соответствует Верхнему миру или небесному пространству. Само небо нередко ассоциируется с безграничным морем-океаном – «*тöңіс / тиңіс талай суг*». Именно с него на землю выпадают атмосферные осадки и берет начало мировая река.

Итак, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в основе культуры хакасов лежала идея постоянного и конструктивного взаимодействия человека с природой во всех ее проявлениях. Одно из важных мест в этом процессе отводилось обрядности, связанной с водой. Главным образом, это было обусловлено самим природным ландшафтом Хакасии. В нем повсеместно и широко представлены разнообразные водные объекты – реки, озера и пр. Люди, животные и растения всегда нуждались и нуждаются в воде, как жизненно необходимой субстанции, особенно во время засухи.

Одновременно с этим в определенные периоды они нередко страдали от этой стихии (наводнения, несчастные случаи и т.п.). Вода в хакаской и шире – тюркской традиции была одной из тех стихий, которую сильно боялись, так как она одновременно несла в себе и жизнь, и смерть. Она имела связь с потусторонним миром и была неуправляема. Была распространена вера в то, что водные источники оказывают мистическое влияние на жизнь и благополучие всего живого.

Хакасы, исходя из своего традиционного миропонимания, с целью выстраивания гармоничных взаимоотношений с водной стихией сформировали особый мифоритуальный комплекс. В его основе лежала идея абсолютной сакрализации водной стихии. При этом в религиозно-мифологическом сознании народа она персонифицируется как отдельное божество – дух – хозяин реки / озера – *суг / көл ээзи*. Хакасы всегда стремились установить конструктивные взаимоотношения с обозначенной сверхъестественной силой. В соционормативной практике народа это находило свое выражение в почтительном отношении как к самой водной субстанции, так и к ее конкретным духам-хозяевам, причем внимание всегда акцентировалось на факте зависимости людей от природы, в том числе от водного объекта. Культивировалась идея необходимости установления с ним глубинных контактов.

Важнейшим способом установления гармоничных отношений между человеком и *суг ээзи* выступал обряд жертвоприношения. Он имел разные формы – от простейших индивидуальных до сложных коллективных обрядовых действий. При этом большое внимание придавалось такому ритуалу, как *суг тайыг*. Ос-

новополагающей в этом акте была идея дарообмена. Хакасы были убеждены, что взамен принесенной жертвы водный хозяин дарует свое покровительство и защиту. Следствием его патронажа является обеспечение плодородия, процветание и успеха в жизнедеятельности людей. Обряд жертвоприношения духу – хозяину воды получил широкое распространение среди всех этнических групп хакасов. В связи с этим исследователями были зафиксированы разноречивые сведения об этом культурном феномене. Данный факт может быть объяснен тем, что ученые записывали материал в разное время и с разной степенью погру-

женностью в тему. При этом в их исследованиях не всегда учитывалось то, что *суг тайыг* на различных территориях мог иметь собственные локальные варианты исполнения. Прежде всего, это выражалось в разнообразии лиц, проводящих обряд, составе жертвенного подношения и самой структуры сакрального действия. Со временем *суг тайыг* подвергался редуцированию. Сформировавшись в глубокой древности, культ воды у хакасов в трансформированном виде сохраняется и в наши дни. В народе до сих пор производятся индивидуальные обряды почитания этих природных гениев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года. М. : Университетская тип., 1833. 298 с.
2. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). СПб., 1907.
3. Майнагашев С.Д. Отчет о поездке к тюркским племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 г. // Этнографические экспедиции Н.Ф. Катанова (1896) и С.Д. Майнагашева (1913–1914) в Хакасии. Абакан : ДиалогСибирь–Абакан, 2007. С. 32–38.
4. Вода, горы и лес по воззрениям турецких племен Алтайско-Саянского нагорья // Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб. : МАЭ РАН, 2012. С. 131–188.
5. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
6. Усманова М.С. Жертвоприношение земле и воде у северных хакасов // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19. С. 240–243.
7. Гладышевский А.Н. И огонь, и вода... // Хакасия. 14.07.2007.
8. Орфеев Н. Суеврия и предрассудки инородцев Минусинского округа // Енисейские епархиальные ведомости. 1886. № 3. С. 40–44.
9. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань : Типо-Литография Императорского Казан. ун-та, 1897. 104 с.
10. Клеменц Д.А. Заметка о посях // Известия Восточно-сибирского отдела ИРГО. 1892. Т. XXIII, № 4–5. С. 23–35.
11. Кастрен М.А. Сочинения в двух томах: Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.
12. АМАЭС ТГУ № 678-4 «Этнографическая экспедиция в Хакасию, август – сентябрь 1973 г. Дневник вела М.С. Усманова, Г. Витовтова. Тетрадь № 15». 36 л.
13. АМАЭС ТГУ № 678-1 «Этнографическая экспедиция в Хакасию, Ужурский и Шарыповский районы Красноярского края, август 1973 г. Дневник вела М.С. Усманова». 51 л.
14. АМАЭС ТГУ № 677-4 а «Этнографическая экспедиция в Хакасию 1972 г. Тетрадь № 4». 41 л.
15. АМАЭС ТГУ № 679-2 «Этнографическая экспедиция в Хакасию, лето 1973 г. Тетрадь № 2. Дневник вела Т. Криворотова, Е. Говоркова». 18 л.
16. АМАЭС ТГУ № 682-3 «Этнографическая экспедиция в Хакасию, лето 1976 г. Дневник вела М.С. Усманова, Н.И. Чаптыкова». 78 л.
17. АМАЭС ТГУ № 680-8 а «Этнографическая экспедиция в Хакасию, июль 1974 г. Тетрадь № 8. Дневник вела М.С. Усманова». 40 л.
18. АМАЭС ТГУ № 681-1 «Этнографическая экспедиция в Таштыпский район ХАО, июль 1975 г. Дневник вела А.Н. Бондаренко, М.С. Усманова. Тетрадь 1». 94 л.
19. АМАЭС ТГУ № 681-5 «Этнографическая экспедиция в Хакасию, август 1975 г. Тетрадь № 5. Дневник вела М.С. Усманова». 35 л.
20. Буриakov В.А., Буриakov А.А., Торбостаев К.М., Цыденова Д.Ц. Тигір тайыг – жертвоприношение Небу в культуре хакасов (конец XIX – начало XXI веков) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2014. № 5. С. 271–284.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 мая 2020 г.

Sacrifices to the Spirit Master of Water in the Religious and Mythological System of the Khakass (Late 19th– Mid-20th Centuries)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 71–79.

DOI: 10.17223/15617793/465/10

Venariy A. Burnakov, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: venariy@ngs.ru

Keywords: Khakass; worldview; shamanism; mythology; tradition; ritual of sacrifice; symbolism; cult of water; *sug eezi*; *sug taiyg*.

The aim of the work is to characterize the rite of sacrifice to the spirit master of water – *sug eezi* – in the traditional Khakass culture. The sources of the research are folklore and ethnographic materials, a significant part of which is introduced into academic discourse. Folklore works are epics and myths published in the Khakass language. Excerpts from some of them were first translated into Russian by the author. The chronological framework of the study covers the late 19th – mid-20th centuries, which is determined by the state and possibilities of the sources on the research topic. The study follows the principle of historicism, when any cultural phenomenon is considered in the development and with due account of the specific situation, and employs historical and ethnographic methods of relict and semantic analysis. The Khakass ritual associated with the worship of *sug eezi* is reconstructed and analyzed. It is proved that the water element and its specific personification – the water master – played one of the key roles in the Khakass culture. This realia was determined by the natural landscape of Khakassia itself: its territory is covered with a variety of water sources – streams, rivers, lakes, etc. Everyday life, household and economic activities of the Khakass were closely associated with them. Moreover, in the traditional Khakass consciousness, the connection between a person and designated natural objects is not limited only to rational interaction. The Khakass deeply believed in the enormous mystical possibilities and powers of this natural genius. In this connection, they strove to establish harmonious relationships with *sug eezi*. Periodic disruptions of this interaction were believed to lead to an imbalance in the nature and in people's life. For the latter, this turned into various disasters and misfortunes. The ritual practice of the traditional society in this situation was aimed at restoring the disturbed balance and, as a result, resolving the emerging

contradictions between the worlds and protecting the vital interests of people. A huge role in this process was assigned to the rites of sacrifice to the spirit master of water. They had various forms: from the simplest individual to complex collective ritual actions – sug taiyg.

REFERENCES

1. Pestov, I.S. (1833) *Zapiski ob Eniseyskoy gubernii Vostochnoy Sibiri, 1831 goda* [Notes on Yenisei Province of Eastern Siberia, 1831]. Moscow: Universitetskaya tip.
2. Katanov, N.F. (1907) *Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym)* [Dialects of the Uryankhais (Soyots), the Abakan Tatars and the Karagas: (Samples of folk literature of the Turkic tribes, published by V.V. Radlov)]. Saint Petersburg: [s.n.].
3. Maynagashev, S.D. (2007) Otchet o poezdke k tyurkskim plemenam Minusinskogo i Achinskogo uyezдов Eniseyskoy gubernii letom 1914 g. [Report on a trip to the Turkic tribes of Minusinsky and Achinsky Uyezds of Yenisei Province in the summer of 1914]. In: *Etnograficheskie ekspeditsii N.F. Katanova (1896) i S.D. Maynagasheva (1913–1914) v Khakasii* [Ethnographic expeditions of N.F. Katanov (1896) and S.D. Mainagashev (1913–1914) in Khakassia]. Abakan: DialogSibir'–Abakan. pp. 32–38.
4. Dyrenkova, N.P. (2012) Voda, gory i les po vozzreniyam turetskikh plemen Altaysko-Sayanskogo nagor'ya [Water, mountains and forest according to the views of the Turkish tribes of the Altai-Sayan highland]. In: *Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy* [The Turks of Sayan-Altai. Articles and ethnographic materials]. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography, RAS. pp. 131–188.
5. Butanaev, V.Ya. (2003) *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya* [Burkhanism of the Sayan-Altai Turks]. Abakan: Khakas State University.
6. Usmanova, M.S. (1976) Zhertvoprinoshenie zemle i vode u severnykh khakasov [Sacrifice to land and water among the northern Khakass]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Vol. 19. Tomsk: Tomsk State University. pp. 240–243.
7. Gladyshevskiy, A.N. (2007) I ogon', i voda... [Fire and water ...]. *Khakasiya*. 14 July.
8. Orfeev, N. (1886) Sueveriya i predrassudki inorodtsev Minusinskogo okruga [Superstitions and prejudices of the non-Russian of Minusinsk Okrug]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 3. pp. 40–44.
9. Katanov, N.F. (1897) *Otchet o poezdke, sovershennoy s 15 maya po 1 sent. 1896 g. v Minusinskiy okrug Eniseyskoy gubernii* [Report on a trip made from 15 May to 1 Sept. 1896 to Minusinsky Okrug of Yenisei Province]. Kazan: Kazan Imperial University.
10. Klements, D.A. (1892) Zametka o tyusakh [A note about toses]. *Izvestiya Vostochno-sibirskogo otdela IRGO*. XXIII (4–5). pp. 23–35.
11. Castren, M.A. (1999) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Vol. 2. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki.
12. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University. 678-4. *"Etnograficheskaya ekspeditsiya v Khakasiyu, avgust – sentyabr" 1973 g. Dnevnik veli M.S. Usmanova, G. Vitovtova. Tetrad' № 15"*. 36 l. [Ethnographic expedition to Khakassia, August–September 1973. The journal was written by M.S. Usmanova, G. Vitovtova. Notebook No. 15. 36 p.].
13. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University. 678-1. *Etnograficheskaya ekspeditsiya v Khakasiyu, Uzhurskiy i Sharypovskiy rayony Krasnoyarskogo kraya, avgust 1973 g. Dnevnik vela M.S. Usmanova. 51 l.* [Ethnographic expedition to Khakassia, Uzhursky and Sharypovsky Districts of Krasnoyarsk Krai, August 1973. The journal was written by M.S. Usmanova. 51 p.].
14. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University. 677-4 a. *Etnograficheskaya ekspeditsiya v Khakasiyu 1972 g. Tetrad' № 4. 41 l.* [Ethnographic expedition to Khakassia 1972. Notebook No. 4. 41 p.].
15. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University. 679-2. *Etnograficheskaya ekspeditsiya v Khakasiyu, leto 1973 g. Tetrad' № 2. Dnevnik veli T. Krivorotova, E. Govorkova. 18 l.* [Ethnographic expedition to Khakassia, summer 1973. Notebook No. 2. The journal was written by T. Krivorotova, E. Govorkova. 18 p.].
16. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University. 682-3. *Etnograficheskaya ekspeditsiya v Khakasiyu, leto 1976 g. Dnevnik veli M.S. Usmanova, N.I. Chaptikova. 78 l.* [Ethnographic expedition to Khakassia, summer 1976. The journal was written by M.S. Usmanova, N.I. Chaptikova. 78 p.].
17. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University. 680-8 a. *Etnograficheskaya ekspeditsiya v Khakasiyu, iyul' 1974 g. Tetrad' № 8. Dnevnik vela M.S. Usmanova. 40 l.* [Ethnographic expedition to Khakassia, July 1974. Notebook No. 8. The journal was written by M.S. Usmanova. 40 p.].
18. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University. 681-1. *Etnograficheskaya ekspeditsiya v Tashtypskiy rayon KhAO, iyul' 1975 g. Dnevnik veli A.N. Bondarenko, M.S. Usmanova. Tetrad' 1. 94 l.* [Ethnographic expedition to the Tashtyp district of the Khakassia Autonomous Okrug, July 1975. The journal was written by A.N. Bondarenko, M.S. Usmanova. Notebook No. 1. 94 p.].
19. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University. 681-5. *Etnograficheskaya ekspeditsiya v Khakasiyu, avgust 1975 g. Tetrad' № 5. Dnevnik vela M.S. Usmanova. 35 l.* [Ethnographic expedition to Khakassia, August 1975. Notebook No. 5. The journal was written by M.S. Usmanova. 35 p.].
20. Burnakov, V.A., Burnakov, A.A., Torbostaev, K.M. & Tsydenova, D.Ts. (2014) Tigir tayyg – zhertvoprinoshenie Nebu v kul'ture khakasov (konets XIX – nachalo XXI vekov) [Tigir tayyg – a sacrifice to the Sky in the culture of the Khakass (late 19th – early 21st centuries)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik NSU*. 5. pp. 271–284.

Received: 02 May 2020

И.Б. Данилов

КРЕСТЬЯНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ КАК ПРИЧИНА НЕЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ВОЛОСТНЫХ БЮДЖЕТОВ СИБИРИ В ПЕРИОД НЭПА

Анализируются проблемы формирования волостных бюджетов Сибири в период НЭПа. Проанализированы особенности установления местных финансов в волостях Сибири и РСФСР в целом, выявлены основные причины несамостоятельности и дефицита бюджетов. Сделан вывод о том, что главной причиной являлось крестьянское сопротивление как реакция на проводимую государством политику социалистического преобразования советской деревни.

Ключевые слова: местный бюджет; местные финансы; волостной бюджет; НЭП; крестьянское сопротивление; Сибирь.

Государственная поддержка сельхозпроизводителей представляет собой актуальное направление социально-экономической политики российского государства на протяжении всего периода его существования. В настоящее время о планомерности и основательности работы законодателя в этой области свидетельствует принятый еще в 2006 г. специальный Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства», который устанавливает «правовые основы реализации государственной социально-экономической политики в сфере развития сельского хозяйства» [1].

Особая значимость этой деятельности подтверждается и многочисленностью различных государственных программ, реализуемых как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ. На юбилейном XXX съезде Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР), проходившем 19–20 февраля 2019 г., при обсуждении государственной программы развития сельских территорий была упомянута инициатива заместителя Председателя Правительства РФ Алексея Гордеева, который предложил сделать из этой госпрограммы 13-й национальный проект [2].

Вместе с тем представляется целесообразным, что разработка любых механизмов государственной поддержки сельских товаропроизводителей должна основываться не только на анализе реалий сегодняшнего дня и запросов рынка, но и на изучении богатейшего отечественного опыта данной деятельности и применения различных средств и способов экономической и внеэкономической стимуляции. Большим потенциалом в данном смысле обладает период НЭПа, как отражение советского опыта, основанного на применении идей децентрализации, а также построения системы самостоятельных местных бюджетов в сельских местностях на уровне волостей. Правовой институт волостных финансов в своем генезисе проявил черты значительной неоднозначности и противоречивости. Будучи по своей природе прогрессивным институтом, который находит свое выражение и в действующем российском законодательстве, в период НЭПа он так и не смог стать основой экономики советской деревни. Усилия законодателя по формированию местных бюджетов в волостях, как залога их финансовой стабильности и увеличения эффективности сельскохозяйственной деятельности, не принесли должного результата. Примечательным является то,

что причины данного явления лежат за пределами исключительно экономики и правотворческой деятельности. Непреодолимым препятствием стало особое социокультурное явление «крестьянского сопротивления», отражающего общую реакцию сельского населения на проводимую государством политику. Прямое игнорирование решений законодателя и предписаний правоприменителя, проведение собственной идеи самоуправления крестьянской общины, отторжение чуждых навязываемых принципов явились причиной неудачи государственной политики в сфере установления системы волостных финансов. Представляется, что исследование комплекса социальных, экономических и политических процессов, протекавших в советской деревне и сопровождающих процесс организации нового финансового института, может дополнить современные представления о характере взаимоотношения сельского населения и государственной власти, а также способствовать разработке и внедрению технологий осуществления реформ в аграрном секторе, основанных на полноценном диалоге с населением, получении обратной связи, учета мнения сельхозпроизводителей и фактически сложившихся форм осуществления хозяйственной деятельности.

Само явление «крестьянского сопротивления» в период НЭПа исследовалось в работах отечественных историков и правоведов как советского, так и современного периодов. Нельзя не отметить очевидную разнонаправленность данных исследований. Работы советских авторов рассматривают явление крестьянского сопротивления исключительно как проявление контрреволюционных замыслов враждебных элементов в деревне и потому зачастую носят прикладной характер. Например, в работе А.М. Анфимова «О методике учета крестьянских выступлений и количестве участников в них» [3] решается вполне конкретная задача разработки надлежащей методики сбора статистических данных и их дальнейшей обработки для подготовки адекватных действий государственных органов по подавлению крестьянских протестов.

Аграрные историки современного периода рассматривают крестьянское сопротивление как особый социокультурный феномен, истоки которого восходят еще к дореволюционной России. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола подчеркивают трагический характер процессов, протекавших в советской деревне, дают

оценку средствам, методам осуществления действий государственной власти и отмечают закономерный характер противодействия крестьянства [4]. Собранные ими архивные материалы позволяют провести беспристрастный анализ происходящих событий, понять логику и суть крестьянского протеста как особого социального феномена.

Значение крестьянского сопротивления для реализации финансовой и налоговой политики государства в период НЭПа исследуется в работах В.А. Ильиных и Т.Ф. Яшук [5, 6]. Авторы отмечают очевидное влияние протестного настроения крестьянства на эффективность экономических преобразований. В рамках настоящего исследования данная идея получает развитие и экстраполируется на волостные бюджеты Сибири в период НЭПа. Анализируется связь между конкретными событиями, происходившими в регионе, изменением характера взаимоотношений крестьянства и государства и этапами становления волостных бюджетов.

Целью настоящего исследования является выявление и комплексный анализ политико-правовых процессов в Сибирской деревне, оказывающих решающее влияние на формирование волостных бюджетов в Сибири в период НЭПа, а также установление роли и места крестьянского сопротивления среди них. Достижение указанной цели предполагает решение ряда задач:

- анализ этапов развития нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность органов государственной власти и местного управления по формированию системы местных финансов;
- выявление комплекса причин неудачи государственной политики по формированию системы волостных бюджетов;
- определение сущности крестьянского сопротивления как фактора, противодействующего государственной политике по организации местных финансов в волостях Сибири;
- соотнесение отдельных этапов изменения характера взаимоотношений между крестьянством Сибири и государством с эффективностью организации местных финансов в указанные периоды.

Идея установления системы местных финансов в РСФСР была законодательно провозглашена в 1921 г. Первым специальным законом, нацеленным на возрождение местных бюджетов, стал декрет СНК от 22 августа 1921 г. «О местных денежных средствах» [7]. В нем закреплялся территориальный принцип формирования местных доходов и указывались их источники. В распоряжение губернских исполкомов передавались процентные отчисления от поступающих по каждой губернии сумм промыслового и других прямых государственных налогов, размеры которых определялись Народным комиссариатом финансов на год вперед. Одновременно губернским съездам Советов, а в исключительных случаях и пленумам губернских исполкомов, предоставлялось право устанавливать надбавки к ставкам упомянутых государственных налогов, а также вводить и взимать местные налоги и сборы. В местные средства также обращались доходы от коммунальных предприятий. Декрет

фактически означал восстановление системы местных налогов и сборов, но не содержал их конкретного перечня, который еще предстояло разработать. Не получили должной регламентации и осуществляемые из местных средств расходы.

Следующим специальным актом в данной сфере являлся Декрет ВЦИК от 10 октября 1921 г. «О мерах по упорядочению финансового хозяйства», содержащий принципиально значимое положение о разделении общегосударственного бюджета и местных. Пункт 5 Декрета устанавливал: «Отменить объединение общегосударственного и местного бюджетов, предложив Народному Комиссариату финансов с заинтересованными ведомствами в кратчайший срок разработать систему этих последних» [8]. Несмотря на, в целом, декларативный характер данного положения, оперативная деятельность сотрудников НКФ позволила добиться того, что уже с начала 1922 г. сметы местных доходов и расходов начали составляться отдельно от общегосударственных. Большое значение оказало также принятие в конце 1921 г. еще двух специальных актов: Декрета ВЦИК и СНК от 9 декабря 1921 г. «О местных денежных средствах» [9] и Декрета ВЦИК и СНК от 10 декабря 1921 г. «О местных бюджетах» [10], которые содержали ряд принципиально значимых положений. Устанавливалось само понятие местного бюджета, раскрывалось его назначение, определялись виды местных бюджетов. Статьи 5, 6 Декрета «О местных бюджетах» предусматривали формирование губернских, уездных, городских и волостных финансов. Статья 1 определяла срок их учреждения: 1 января 1922 г. Таким образом, 1922 г. стал годом юридического провозглашения самостоятельных местных бюджетов.

Проблемы в реальном установлении местных бюджетов проявились почти сразу. Возложенные на местные бюджеты расходы явно не соответствовали их финансовым возможностям, что привело к острому бюджетному дефициту и необходимости их покрытия за счет средств общегосударственного бюджета. Т.Ф. Яшук отмечает, что «реально к 1923 г. было создано только несколько областных бюджетов, а также губернские и уездные местные бюджеты. Губернские бюджеты преимущественно пополнялись средствами, полученными в виде финансовой помощи из центра, а также налогами, собранными в городах. Например, в Омской губернии к 1 апреля 1922 г. местные налоги и сборы, а также патентный сбор взимались только в г. Омске и зачислялись в губернский бюджет» [6. С. 67].

Что касается общего состояния дел по Сибири, то его можно оценить исходя из содержания отчетов, которые в марте 1922 г. губернские финансовые отделы направили в Сибирское финансовое управление. Согласно представленным данным, общегубернские сметы доходов и расходов все еще не были окончательно утверждены. В отчете Томского губернского финансового отдела отмечалось, что «приняты все возможные меры к скорейшему проведению местного бюджета... однако, несмотря на это, сметы доходов и расходов до сих пор не утверждены по причине того, что не удастся элементарно произвести разграничение

потребностей на губернские, уездные и волостные, а также остро не хватает специалистов» [11]. Об аналогичной проблеме заявлял также Иркутский губернский финансовый отдел. Согласно представленным им данным, к началу 1922 г. штат составлял 171 человек, что соответствовало комплекту в 39% [12. С. 80]. В отчете Енисейского губернского исполнительного комитета отмечалось: «Местный бюджет на 1922–1923 г., составленный в советском рубле, с первых же месяцев оказался не жизненным» [13. С. 15].

Следует отметить, что, согласно замыслу законодателя, бюджеты должны были условно делиться на два уровня: основные, в рамках которых должны были аккумулироваться наибольшие денежные средства, и регулирующие, выполняющие функцию бюджетного перераспределения и балансирования. Такой подход сложился в 1923 г. в процессе подготовки первого систематизированного нормативно-правового акта – «Временного положения о местных финансах» [14]. Логика законодателя представляется вполне понятной: города и волости были непосредственно связаны с хозяйством на местах, поэтому и бюджеты соответствующих уровней непосредственно связаны с хозяйственной базой. Неравный же экономический потенциал входящих в состав губерний и уездов волостей и городов требовал осуществления функций бюджетного перераспределения, что порождало необходимость существования отдельных бюджетных смет на уровнях губернии и уезда. Характер губернских и уездных бюджетов, таким образом, можно охарактеризовать как производный.

Появление автономных местных финансов в пределах города и волости являлось залогом формирования реальной и целостной системы местных финансов и реализации всего замысла законодателя, связанного с децентрализацией государственного бюджета. Значительная роль в этом процессе была отведена именно созданию волостных бюджетов, поскольку СССР в период НЭПа оставался преимущественно аграрной страной. Подтверждением изложенному суждению является то, что законодательство о волостных бюджетах рассматриваемого периода является наиболее обширным и разработанным. Наибольшее количество актов в суммарном выражении посвящено именно волостным финансам. В отношении них было принято два специальных документа: Декрет ВЦИК от 23 июня 1924 г. «Об организации местных волостных бюджетов» [15] и Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. «О волостном бюджете» [16].

Особая необходимость скорейшего повсеместного введения волостного бюджета была отмечена на XI Всероссийском съезде Советов. Подчеркивалось, что «это будет содействовать организационному укреплению первичных органов Советской власти в деревне, оформит и укрепит волостное хозяйство и повлечет его полное и всестороннее использование» [17. С. 288]. Финансовые органы на местах, реализуя озвученный курс, издают собственные акты. В июне 1924 г. Сибревком утверждает документ общего характера – «Инструкцию к построению местных бюджетов на 1924/25 г.», в котором указывает губернским финансовым отделам на необходимость «обратить

исключительное внимание на построение волостного бюджета» [18]. Т.Ф. Яшук в этой связи отмечает, что «именно формирование полноценных волостных, а затем районных бюджетов до конца 1920-х гг. превратилось в важнейшее направление политики государства и правящей партии в деревне» [6. С. 68].

В первой части Постановления ВЦИК «О волостном бюджете» устанавливался срок введения волостных бюджетов на всей территории РСФСР. Им должно было стать 1 октября 1924 г. Указанная задача, однако, не была выполнена ни в поставленный срок, ни в целом в период НЭПа.

Первый опыт введения волостных бюджетов изучался в ходе специального обследования, проведенного в декабре-феврале 1924–1925 гг. местными органами Рабоче-крестьянской инспекции по заданию и программе НК РК РСФСР. Работа отличалась масштабностью: она охватила 50 волостей из семи экономических районов, включая и Сибирские волости. В отношении бюджетов были сделаны неутешительные выводы. Указывалось, в частности, что они крайне несамостоятельны, строятся сверху в уездных исполкомах, финансовая дисциплина является очень слабой, доходные имущества и предприятия находятся в ведении уездного исполкома, на административные нужды тратится почти половина доходов, воздействие бюджетов на хозяйственное развитие волости остается незначительным [19. С. 10, 17, 22, 126]. Подобная ситуация, в целом, сохранилась вплоть до конца 1920-х гг., когда задачи концентрации денежных ресурсов и их перераспределения на нужды ускоренной индустриализации и военного перевооружения повлекли пересмотр финансового законодательства и отказ от идеи самостоятельных местных бюджетов в целом.

Анализируя причины неудачи государственной политики по формированию системы волостных бюджетов, следует выделить комплекс факторов. В первую очередь, нельзя не отметить общую неблагоприятность экономической ситуации в стране. Предшествующие годы характеризуются развалом финансовой системы государства, обесцениванием денег, колоссальной инфляцией и натурализацией обменных операций. Для периода НЭПа также характерно сохранение высоких темпов инфляции, одновременное наличие нескольких курсов рубля, что само по себе затрудняло бюджетное планирование. Ситуация осложнялась и такими субъективными факторами, как неурожай. В отчете Омского губисполкома 1923 г. отмечается: «Омская губерния в течение последних четырех лет (1920, 1921, 1922 и 1923 г.) пережила недороды и голод (1921 г.). Крестьяне поэтому бедствуют и с трудом несут налоговое бремя, тем более что цены на продукты сельского хозяйства чрезвычайно низки» [20. С. 56].

Кроме того, имели место и организационные просчеты. Реализуя политику «оздоровления» общегосударственного бюджета, центральные финансовые органы бессистемно перекладывали отдельные расходы на местные бюджеты, стремясь к сокращению собственной расходной части. В итоге это приводило к несбалансированности волостных бюджетов с точки

зрения соотношения их расходной и доходной части. Данная проблема осознавалась законодателем, равно как и возможные пути решения. В конце 1922 г. ВЦИК и СНК издадут Декрет «Положение о государственном подоходно-поимущественном налоге», в котором в п. 958 предусматривается «перечисление в 1922–1923 гг. бюджетном году поступлений промышленного налога на усиление местных средств» [21]. В последующие годы перечень доходов волостных бюджетов будет продолжать пополняться, однако так и не сможет сравниться с расходной частью.

Вместе с тем причины финансовой несамостоятельности и перманентного дефицита волостных бюджетов кроются не только в экономической и административно-управленческой сфере. Необходимо иметь в виду особенные положения волости как хозяйственной единицы. Являясь формой крестьянского самоуправления, она подвергалась весьма специфическому административному и политическому воздействию со стороны советского государства. В литературе небезосновательно отмечается, что «проблема исторических судеб российского крестьянства является одной из ключевых для понимания особенностей отечественной истории» [5. С. 3].

С начала периода НЭПа государство реализовывало последовательную политику социалистического преобразования российской деревни, заключавшуюся в ликвидации мелких индивидуальных хозяйств и организации крупных коллективных форм. В отношении крестьянства широко использовались орудия социалистического гнета, такие, например, как активно осуществляющееся «социалистическое перевоспитание», проявляющееся в многочисленных видах административного принуждения и применении различных форм прямого насилия, включая изъятие необходимого для жизни продовольствия. Исследование политики советского государства в этот период позволяет сформулировать тезис о том, что она, по существу, носила антикрестьянский характер. Эта точка зрения находит поддержку в большинстве историко-правовых исследованиях 1990-х и последующих годов [4].

Земельное общество 1920-х гг. представляло собой традиционное российское сельское общество – крестьянскую общину, из ведения которой были исключены и переданы сельскому совету функции местного управления и налогового обложения. Вопросы же землепользования, составлявшие основу сельской жизни, оставались в ее ведении. Община как самоуправляющееся соседское объединение крестьян всегда служила организацией их самозащиты в отношении с государством.

Проводимая государством политика породила явление, именуемое в современных исследованиях «крестьянским сопротивлением» [5. С. 3]. К формам такого сопротивления относят массовые выступления, распространение листовок, выступления отдельных крестьян на сходах или каких-либо других собраниях с критикой советской политики и деятельности органов власти, игнорирование указаний и требований этих органов. Можно заметить, что перечисленные акты носят неагрессивный характер и представляют

собой, по существу, протест и самозащиту от насильственных действий власти. Особое место среди них, в контексте настоящего исследования, занимает игнорирование крестьянами решений и требований власти.

Следует отметить, что именно невыполнение решений центральных финансовых органов чаще всего выделяется в качестве одной из основных причин при обсуждении проблем формирования системы местных бюджетов. В Декрете ВЦИК от 23 июня 1924 г., в частности, констатировались такие факты, как общее неблагополучие в сфере налаживания бюджетов, запоздывание и «прямое игнорирование местами требуемых действий» [15].

Сопоставление динамики объема волостных бюджетов и ключевых этапов изменения государственной политики в отношении крестьянства позволяет установить определенное соответствие. Так, в начале НЭПа крестьянство демонстрировало недоверие к государственной политике. Это объяснялось продрозверсткой, окончившейся в 1921 г. и последовавшим за ней голодом 1921–1922 г. Инициатива формирования самостоятельных волостных финансов в этот период потерпела неудачу. Несмотря на то, что Декрет ВЦИК и СНК от 10 декабря 1921 г. «О местных бюджетах» предусматривал формирование волостных финансов, реально они так и не были учреждены вплоть до следующего этапа.

В середине 1920-х гг. происходит либерализация государственной политики в отношении крестьянства. 4 ноября 1926 г. утверждается новая Инструкция о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов, восстанавливающая в избирательных правах крестьян, лишенных их ранее [22]. Распространяется аренда земли, расширяется применение наемного труда. В сфере местного управления увеличивается объем прав волисполкомов (райисполкомов), в том числе в финансовой сфере. Были приняты решения о передаче в волостной бюджет части сельхозналога, о разрешении учреждать некоторые независимые налоги (но не с населения), о передаче волостям предприятий и имущества (мельниц, кузниц и т.п.).

Динамика волостных бюджетов коррелирует с этими процессами. В 1925–1926 гг., в то время как все остальные бюджеты снижают свой удельный вес в общем объеме местных финансов, волостные, напротив, увеличивают его. В общем выражении по РСФСР с 1923 по 1926 г. их доходная часть возросла в пять раз: с 58 371 до 261 369 тыс. руб. [23. С. 223]. Объем бюджетов по Сибири за аналогичный период увеличился в 3 раза [24. С. 16]. Несмотря на сохраняющуюся дефицитность, в этот период уже можно говорить о формировании реальных волостных бюджетов. Таким образом, смягчение государственной политики в отношении крестьянства, благоприятным образом сказывается на состоянии волостных финансов.

С июня 1927 г., в качестве ответа на угрозу контрреволюции, начинает реализовываться программа «укрепления обороны». Примечательно, что её практическое осуществление начинается именно с деревни. 6 июля 1927 г. «всем Полномочным представителям и начальникам губотделов ОГПУ» было

разослано циркулярное письмо, утвержденное Г.Г. Ягодой и сообщавшее о задаче «оперативного воздействия на деревенскую контрреволюцию», поскольку «в ряде районов Союза мы имеем в деревне некоторые элементы, на которые зарубежная контрреволюция сможет опереться в момент внешних осложнений» [4. С. 25]. С этого момента начинают осуществляться массовые репрессии в отношении крестьянства. В Сибири Краевой суд, краевой прокурор и крайисполком издают совместный циркуляр от 21 декабря 1927 г. «Об усилении репрессий против кулацкой части деревни, в котором требуют от окружных судов «заканчивать эти дела в кратчайший срок, обеспечивая по ним жесткость репрессий» [25].

Особое значение имела поездка в Сибирь И.В. Сталина (18 января – 4 февраля 1928 г.), которая должна была послужить образцом правильного и успешного руководства. Основные документы, относящиеся к этой поездке, впервые они были опубликованы на страницах «Известий ЦК КПСС» в 1991 г. Их главный лейтмотив: «...страшно запоздали с заготовками... можно наверстать потерянное при зверском нажиме и умении руководить». Именно здесь были введены в действие применительно к хлебозаготовкам статьи Уголовного кодекса в качестве юридического обоснования широкого использования репрессий: ст. 107 против частных скупщиков-хлебников и держателей хлебных запасов – в основном крестьян; ст. 105 против «пособников спекуляции из низового аппарата» и ст 60 против недоимщиков при взимании налогов и других платежей. Исследователи архивных материалов этого периода отмечают, что «пожалуй, именно Сибирь явилась местом рождения 107-й, а затем и других статей УК как юридического основания для репрессий при проведении хлебозаготовок» [4. С. 36].

С 1928 г., таким образом, начинает реализовываться программа принципиально нового отношения к крестьянству, основанного на широком применении массовых репрессий и жестоком подавлении всех проявлений крестьянского сопротивления. Волостные бюджеты в рассматриваемый период составляются и исполняются со значительным дефицитом. В большинстве губерний волостные сметы существовали исключительно номинально, не образуя самостоятельный уровень бюджетной системы. Завершение НЭПа и последующее выстраивание иной модели соподчиненности центральных и местных органов, основанное на принципе централизации, повлекло пересмотр финансового и налогового законодательства в начале 1930-х гг. Новый курс на концентрацию денежных ресурсов и перераспределение их в первую очередь на нужды ускоренной индустриализации и

военного перевооружения исключали возможность существования автономных местных бюджетов. Волостные финансы так и не стали основой экономики в Сибирской деревне.

Таким образом, можно отметить, что поэтапное и планомерное развитие нормативно-правовой базы РСФСР, регулирующей местные бюджеты, не привело к формированию самостоятельных волостных бюджетов. Как уже отмечалось выше, в качестве причины этого можно рассматривать действие комплекса факторов. К их числу следует отнести общую неблагоприятность экономической ситуации в стране в рассматриваемый период, организационные просчеты законодателя, порождающие несбалансированность самих волостных бюджетов с точки зрения соотношения их расходной и доходной части, а также особый характер взаимоотношений государства с крестьянством, который порождал такой феномен, как крестьянское сопротивление. Подвергаясь различным социальным репрессиям, лишениям и изъятиям произведенных продуктов, крестьяне, разумеется, остро-негативным образом воспринимали все инициативы, исходящие от государства. Низкий уровень лояльности по отношению к власти рождал значительные трудности в проведении любых реформ и преобразований. Исключением не стало и учреждение местных бюджетов. Крестьяне игнорировали решения и предписания центральных финансовых органов, препятствуя практической реализации курса на создание волостных финансов. Это утверждение подтверждается установленной зависимостью эффективности организации реальных бюджетов в волостях от изменения характера государственной политики в отношении крестьянства в отдельные периоды НЭПа.

Особое влияние эти процессы имели именно в Сибири. Регион всегда имел развитую финансово-хозяйственную базу, и большое количество внутренних ресурсов, в том числе сельскохозяйственных. Уже в первый бюджетный период 1920–1921 гг. Сибирь путем продрозверстки дала государству, по приблизительному подсчету, хлеба и прочих продуктов на общую сумму 62,325 тыс. черв. р., значительная доля которых пошла на удовлетворение потребностей европейской части РСФСР [26. С. 430]. Вплоть до конца 1920-х гг. сельское население Сибири оказывало значительное влияние на реализацию государственной политики по формированию всей системы местных бюджетов. Представляется, что законодатель просто недооценил роль крестьянской общины в социально-экономических процессах советской деревни, что привело к общей неудаче в установлении волостных бюджетов в Сибири и в РСФСР в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ // Российская газета. 2007. № 2.
2. Шипулин А. Государственная поддержка для фермерских хозяйств должна стать более доступной // Общественная палата РФ. 2019. 20 февраля. URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2019/newsitem/48357> (дата обращения: 25.12.2019).
3. Анфимов А.М. О методике учета крестьянских выступлений и количестве участников в них // Социально-экономическое развитие России : сб. ст. М., 1986.
4. Данилов В., Маннинг Р., Виола Л. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание 1927–1939. Документы и материалы : в 5 т. М., 1999. Т. 1.

5. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. 165 с.
6. Яшук Т.Ф. Система местных бюджетов РСФСР в период НЭПа // Финансы и кредит. 2007. № 5 (245). С. 67–73.
7. Декрет СНК от 22 августа 1921 г. «О местных денежных средствах» // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 62. Ст. 446.
8. Декрет ВЦИК от 10 октября 1921 г. «О мерах по упорядочению финансового хозяйства» // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 69. Ст. 550.
9. Декрет ВЦИК и СНК от 10 декабря 1921 «О местных денежных средствах» // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 80. Ст. 693.
10. Декрет ВЦИК и СНК от 10 декабря 1921 г. «О местных бюджетах» // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 80. Ст. 69.
11. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1052. Оп. I. Д. 254. Л. 81.
12. Отчет Иркутского губернского исполнительного комитета с 1 января по 1 июля 1921 г. Иркутск, 1921. 347 с.
13. Краткий отчет Енисейского губернского исполнительного комитета 5-му Енисейскому губернскому Съезду Советов за 1923 год. Красноярск, 1923. 38 с.
14. Постановление ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г. «Временное Положение о местных финансах» // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 111–112. Ст. 1045.
15. Декрет ВЦИК РСФСР от 23 июня 1924 г. «Об организации местных волостных бюджетов» // Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 57. Ст. 575.
16. Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. «О волостном бюджете» // Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 87. Ст. 878.
17. Постановление XI Съезда Советов РСФСР «О мероприятиях по общегосударственному и местному бюджетам» // Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М., 1939. 540 с.
18. ГАО. Ф. Р-1052. Оп. I. Д. 793. Л. 26.
19. Волостной бюджет и волостное хозяйство (по материалам обследования НК РК РСФСР). М., 1925. 136 с.
20. Отчет Омского губернского исполнительного комитета Пятому Губернскому Съезду Советов. Омск, 1923. 183 с.
21. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 16 ноября 1922 «Положение о государственном подоходно-поимущественном налоге» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 76. Ст. 940.
22. Декрет ВЦИК РСФСР от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов» // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577.
23. Энциклопедия местного управления и хозяйства. М., 1927. 1568 стб.
24. Отчет по 2-му краевому съезду // Жизнь Сибири. 1925. № 12. С. 16–21.
25. Циркуляр Сибирского краевого суда, краевого прокурора и Сибдммотдела «Об усилении репрессий против кулацкой части деревни» от 21 декабря 1927 г. № 23-7-22 // ГАО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 128. Л. 16.
26. Сибирская Советская Энциклопедия: в 4 т. Т. 1. Новосибирск, 1929. 988 стб.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 января 2020 г.

Peasant Resistance as a Reason for the Inefficiency of the State Policy on the Formation of Volost Budgets of Siberia during the NEP

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 80–86.

DOI: 10.17223/15617793/465/11

Igor B. Danilov, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: 0615222@mail.ru

Keywords: local budget; local finance; rural municipality budget; NEP; peasant resistance; Siberia.

In the presented historical and legal research, the author analyzes the legislation establishing the legal basis for organizing the volost budgets of Siberia during the NEP period, as well as law enforcement materials in this area. The main problem of the study is the lack in science of a unified approach to determining the causes of the permanent deficit of local budgets during the NEP, as well as the failures of the state policy to establish independent budgets at the volost level. The aim of the work is to identify and comprehensively analyze the political and legal processes in the Siberian village, which have a decisive influence on the formation of volost budgets in Siberia during the NEP. The geography of the study is due to the peculiarity of Siberia as a region of the RSFSR, associated with a large area, the development of a financial and economic base, a significant share of agriculture in the structure of the economy, a high degree of centralization of power and, at the same time, inertia of local administrative structures. The study is based on theoretical material, which is works by T.F. Yashchuk, V.A. Ilinykh, V. Danilov, R. Manning, L. Viola, and other researchers of the Soviet period, as well as archival materials presented in the respective funds of the State Archive of Novosibirsk Oblast. The methodological basis of the study was dialectical and historical and legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of the terms “local budget” and “peasant resistance” in terms of their content. The use of the historical and legal method helped substantiate the role and significance of peasant resistance in the process of forming volost budgets. As a result of the study, the author formulates the conclusion that the lack of positive results in organizing the volost finances of Siberia is associated not so much with economic reasons or incorrect legislative decisions, but with the reaction of the peasantry to the state transformation policy of the Soviet village. Peasant resistance, manifested, in particular, in ignoring the instructions of the central financial authorities, had a decisive effect on law enforcement in establishing a system of local finance at the volost level. The process of organizing large collective forms of farming in the village, accompanied by repression and coercion, entailed active opposition to the state policy by the peasantry, which made it impossible to form a system of volost budgets. It seems that this conclusion can be extrapolated to the entire territory of the RSFSR, since a similar situation developed in almost all regions of the country with developed agriculture throughout the entire period of the NEP.

REFERENCES

1. *Rossiyskaya gazeta*. (2007) Federal'nyy zakon “O razvitií sel'skogo khozyaystva” ot 29 dekabrya 2006 g. № 264-FZ [Federal Law “On the Development of Agriculture” of December 29, 2006, No. 264-FZ]. 2.
2. Shipulin, A. (2019) *Gosudarstvennaya podderzhka dlya fermerских khozyaystv dolzhna stat' bolee dostupnoy* [State support for farms should become more accessible]. [Online] Available from: <https://www.oprf.ru/press/news/2019/newsitem/48357> (Accessed: 25.12.2019).
3. Anfimov, A.M. (1986) O metodike ucheta krest'yanskikh vystupleniy i kolichestve uchastnikov v nikh [On the method of accounting for peasant actions and the number of participants in them]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Rossii* [Socio-economic development of Russia]. Moscow: [s.n.].

4. Danilov, V., Manning, R. & Viola, L. (1999) *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie 1927–1939. Dokumenty i materialy: v 5 t.* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession 1927–1939. Documents and materials: in 5 volumes]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
5. Il'inykh, V.A. (2004) *Nalogovo-podatnoe oblozhenie sibirskoy derevni. Konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.* [Taxation of a Siberian village. Late 1920s – early 1950s]. Novosibirsk: GUP RPO SO RAKhN.
6. Yashchuk, T.F. (2007) Sistema mestnykh byudzhetov RSFSR v period NEPa [The system of local budgets of the RSFSR during the NEP period]. *Finansy i kredit – Finance and Credit.* 5 (245). pp. 67–73.
7. RSFSR. (1921) Dekret SNK ot 22 avgusta 1921 g. “O mestnykh denezhnykh sredstvakh” [Decree of the Council of People's Commissars of August 22, 1921: On local funds]. *Sobranie zakonov RSFSR.* 62. Art. 446.
8. RSFSR. (1921) Dekret VTsIK ot 10 oktyabrya 1921 g. “O merakh po uporyadocheniyu finansovogo khozyaystva” [Decree of the Central Executive Committee of October 10, 1921: On measures to streamline the financial economy]. *Sobranie zakonov RSFSR.* 69. Art. 550.
9. RSFSR. (1921) Dekret VTsIK i SNK ot 10 dekabrya 1921 “O mestnykh denezhnykh sredstvakh” [Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of December 10, 1921: On local funds]. *Sobranie zakonov RSFSR.* 80. Art. 693.
10. RSFSR. (1921) Dekret VTsIK i SNK ot 10 dekabrya 1921 g. “O mestnykh byudzhetskikh sredstvakh” [Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of December 10, 1921: On local budgets]. *Sobranie zakonov RSFSR.* 80. Art. 69.
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1052. List I. File 254. Page 81.
12. Irkutsk Provincial Executive Committee. (1921) *Otchet Irkutskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta s 1 yanvarya po 1 iyulya 1921 g.* [Report of the Irkutsk Provincial Executive Committee from January 1 to July 1, 1921]. Irkutsk: [s.n.].
13. Yenisei Provincial Executive Committee. (1923) *Kratkiy otchet Eniseyskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta 5-mu Eniseyskomu gubernskomu S"ezdu Sovetov za 1923 god* [Brief Report of the Yenisei Provincial Executive Committee to the 5th Yenisei Provincial Congress of Soviets for 1923]. Krasnoyarsk: [s.n.].
14. RSFSR. (1923) Postanovlenie TsIK SSSR ot 12 noyabrya 1923 g. “Vremennoe Polozhenie o mestnykh finansakh” [Decree of the Central Executive Committee of the USSR of November 12, 1923: Temporary Regulations on local finance]. *Sobranie zakonov RSFSR.* 111–112. Art. 1045.
15. RSFSR. (1924) Dekret VTsIK RSFSR ot 23 iyunya 1924 g. “Ob organizatsii mestnykh volostnykh byudzhetov” [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR of June 23, 1924: On the formation of local volost budgets]. *Sobranie zakonov RSFSR.* 57. Art. 575.
16. RSFSR. (1924) Postanovlenie VTsIK ot 16 oktyabrya 1924 g. “O volostnom byudzhete” [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of October 16, 1924: On the volost budget]. *Sobranie zakonov RSFSR.* 87. Art. 878.
17. RSFSR. (1939) Postanovlenie XI S"ezda Sovetov RSFSR “O meropriyatiyakh po obshchegosudarstvennomu i mestnomu byudzhetu” [Resolution of the XI Congress of Soviets of the RSFSR “On measures for the national and local budgets”]. In: *S"ezdy Sovetov RSFSR v postanovleniyakh i rezolyutsiyakh* [Congresses of the Soviets of the RSFSR in rulings and resolutions]. Moscow: [s.n.].
18. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1052. List I. File 793. Page 26.
19. RSFSR. (1925) *Volostnoy byudzhety i volostnoe khozyaystvo (po materialam obsledovaniya NK RKI RSFSR)* [Volost budget and volost economy (based on survey materials of the People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection of the RSFSR)]. Moscow: [s.n.].
20. Omsk Provincial Executive Committee. (1923) *Otchet Omskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta Pyatomu Gubernskomu S"ezdu Sovetov* [Report of the Omsk Provincial Executive Committee to the Fifth Provincial Congress of Soviets]. Omsk: [s.n.].
21. RSFSR. (1922) Dekret VTsIK, SNK RSFSR ot 16 noyabrya 1922 “Polozhenie o gosudarstvennom podokhodno-pomushchestvennom naloge” [Decree of the RSFSR Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of November 16, 1922: Regulations on the state income tax]. *Sobranie zakonov RSFSR.* 76. Art. 940.
22. RSFSR. (1926) Dekret VTsIK RSFSR ot 4 noyabrya 1926 g. “Ob utverzhdenii Instruktsii o vyborakh gorodskikh i sel'skikh sovetov i o sozryve s"ezdov sovetov” [Decree of the RSFSR All-Russian Central Executive Committee of November 4, 1926: On the approval of the Instruction on the election of city and village soviets and on the convocation of congresses of soviets]. *Sobranie zakonov RSFSR.* 75. Art. 577.
23. GIZ. (1927) *Entsiklopediya mestnogo upravleniya i khozyaystva* [Encyclopedia of local government and economy]. Moscow: GIZ.
24. *Zhizn' Sibiri.* (1925) Otchet po 2-mu kraevomu s"ezdu [Report on the 2nd regional congress]. 12. pp. 16–21.
25. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-20. List 2. File 128. Page 16. *Tsirkulyar Sibirskogo kraevogo suda, kraevogo prokurora i Sibadmotdela “Ob usilenii repressiy protiv kulatskoy chasti derevni” ot 21 dekabrya 1927 g. № 23-7-22* [Circular of the Siberian regional court, regional prosecutor and Siberian Administration Department: On strengthening repressions against the kulak part of the village. December 21, 1927, No. 23-7-22].
26. Azadovskiy, M.K. et al. (eds) *Sibirskaya Sovetskaya Entsiklopediya: v 4 t.* [Siberian Soviet Encyclopedia: in 4 volumes]. Vol. 1. Novosibirsk: Sib. kn. izd-vo.

Received: 11 January 2020

А.Н. Кежутин

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ БИОГРАФИИ НИЖЕГОРОДСКИХ МЕДИКОВ РУБЕЖА XVIII–XIX вв.

Раскрывается процесс реконструкции посредством методов и подходов просопографии основных характеристик коллективной биографии как врачебного, так и среднего медицинского персонала Нижегородской губернии на рубеже XVIII–XIX вв. Источниковой базой являются материалы Центрального архива Нижегородской области. Уделено внимание социальному происхождению, образованию, порядку продвижения по службе, условиям работы нижегородских медиков. Вводятся в научный оборот данные о состоянии здравоохранения региона.

Ключевые слова: история здравоохранения; источник; биография; Нижегородская губерния; врачи; лекарские помощники; социальные болезни.

В современной российской историографии в аспектах социальной истории и истории здравоохранения особую актуальность имеют исследования, посвященные реконструкции личных и коллективных биографий представителей различных профессиональных, этнических, гендерных групп (см., например, [1–3]). По справедливому замечанию Л.П. Репиной, при всех современных ограничениях и эпистемологических трудностях биографический метод, обновленный и обогащенный принципами микроистории, может быть очень продуктивным [4. С. 267].

Предмет исследования настоящей статьи составляет коллективный облик не только врачебного, но и среднего медицинского персонала Нижегородской губернии на рубеже XVIII–XIX вв. Работы, посвященные медицинским работникам среднего звена, вообще достаточно редки в современной исторической науке [5. С. 4]. Цель статьи заключается в изучении деятельности штаб-лекарей, лекарей, старших и младших подлекарей Нижегородской губернии с аспекте их профессиональной биографии, в т.ч. до поступления на государственную службу в нижегородские учреждения. Вышеназванная цель предполагает освещение следующих вопросов: социального происхождения, образования, порядка продвижения по службе, условий работы нижегородских медиков. Материалы Центрального архива Нижегородской области, впервые вводимые в научный оборот, позволяют на региональном уровне уточнить сведения о состоянии и развитии системы здравоохранения крупного торгового центра страны на рубеже XVIII–XIX вв.

В исследуемый период Российская империя находилась в состоянии перманентных военных действия с сильными противниками на западных, южных и северных рубежах, что определяло во многом и фокус внутренней политики. Сборы финансовых средств, рекрутские наборы и созывы ополчений 1806–1807 гг. и 1812 г. отодвигали решение многих государственных проблем. Развитие народного здравоохранения не являлось первостепенной задачей. Прогрессивные идеи о сохранении «народного здоровья», разрабатываемые в трудах М.В. Ломоносова, С.Г. Зыбелина, Д.С. Самойловича и иных мыслителей [6–8] еще с середины XVIII в., были далеки от практического во-

площения. Несмотря на это, властью предпринимались определенные усилия по обеспечению медицинской помощью населения страны.

Нижегородская губерния, с одной стороны, являлась типичным административным образованием Центральной России, в котором отразились характерные черты организации медицинской помощи и состояния врачебного и среднего медицинского персонала. С другой стороны, регион представлял собой одну из самых проблемных в санитарно-эпидемическом отношении частей империи. Посетивший губернию в 1768 г. адъютант Академии наук И.И. Лепехин обратил внимание на крайне неблагоприятные санитарные условия и нечистоту как в ремесленном производстве, так и среди сельского населения [9. С. 84]. Данное путешествие проводилось в рамках глобальной работы по медико-географическому исследованию регионов страны, имело большое значение с точки зрения сбора материалов и создания целостной картины санитарного неблагополучия, но не принесло практических результатов для Нижегородской губернии [10. С. 122].

Еще более ситуация осложнилась в первой половине XIX в. в связи с испытаниями выпавшими на долю Нижегородской губернии из-за участия в войне 1812 г.: формирование ополчения, сбор материальных средств, размещение военнопленных, а также эвакуированных из столицы учреждений. Важным событием стал перевод в Нижний Новгород всероссийской Макарьевской ярмарки в 1817 г. Последняя служила не только одним из крупнейших в стране торговым центром, но и очагом санитарного неблагополучия, постоянным источником распространения эпидемических, венерических заболеваний (вследствие широко распространенной проституции) и иных социальных болезней [11. Л. 48–53]. Трудным и неопределенным оставалось положение фармацевтического дела в Нижегородской губернии [12. С. 39–40].

В таких условиях проводить деятельность по сохранению «народного здоровья» представлялось особенно затруднительно. Создание Приказов общественного призрения с 1775 г., как органов координации медико-социальной деятельности в губерниях, происходило достаточно неравномерно по всей стране. К концу XVIII в. 11 из 40 существовавших

приказов не имели в своем ведении лечебных учреждений [13. С. 28]. В Нижегородской губернии Приказ общественного призрения был создан с некоторым запозданием, в 1779 г. Однако и к началу XIX в. Нижегородский приказ испытывал явную нехватку средств и медицинского персонала. В соответствии с п. 394 Примерного положения для учреждения больницы Учреждений для управления губерний 1775 г. предопределялось иметь в приказных губернских больницах по доктору, несколько лекарей и подлекарей [14]. Одновременно вводились должности уездных врачей. Однако по Положению о содержании больницы и богадельни Нижегородского Приказа общественного призрения на 1807–1808 гг. в них предписывалось иметь всего трех медицинских работников: лекаря с жалованием в 300 руб., старшего и младшего лекарских учеников с окладами 60 и 45 руб. в год соответственно [15. Л. 10]. В уездах Нижегородской губернии врачебные должности также зачастую оставались вакантными.

Причины данного явления помогает прояснить реконструкция коллективной биографии медиков Нижегородской губернии путем анализа формулярных списков врачей и среднего персонала на основе методов просопографии. В исследуемый период в Нижнем Новгороде и губернии служили 6 штаб-лекарей, 5 старших и младший лекарские ученики.

Городовым врачом Нижнего Новгорода служил штаб-лекарь Семен Осипович Затыкевич. Родившись в семье священника, С.О. Затыкевич прошел типичную для своего времени карьеру военного врача. В 1787 г. он начал службу лекарским учеником в Санкт-Петербургском сухопутном госпитале, на следующий год перешел в военно-морской флот подлекарем, но в 1793 г. вновь вернулся в армию лекарем во Владимирский пехотный полк, а 5 июня 1799 г. «за усердную службу» был произведен в штаб-лекари. С.О. Затыкевич участвовал в боевых действиях Балтийского флота в 1788–1791 гг. и сухопутной армии в Персии в 1796–1797 гг. После отставки из вооруженных сил С.О. Затыкевич был назначен в 1804 г. в г. Сергач Нижегородской губернии, где проявил себя с лучшей стороны. 12 мая 1805 г. он награжден «за отличные труды» премией в 150 руб., а 16 июня переведен в Нижний Новгород на старший годовой оклад в 400 руб. Большую помощь бывший военный врач оказал воинам Нижегородского ополчения 1806–1807 гг., проявив «искусство и усердие» в лечении более тысячи ратников, сделав также пожертвование из собственных средств на приобретение медикаментов, за что был награжден бриллиантовым перстнем и медалью [15. Л. 28–29]. С.О. Затыкевич имел чин коллежского асессора, что соответствовало VIII классу Табели о рангах и давало право на потомственное дворянство [16. С. 112].

Старейшим из уездных врачей был штаб-лекарь Иоганн Федорович Галм, происходивший из лифляндских немцев. И.Ф. Галм вступил в службу лекарем в Главный госпиталь в Санкт-Петербурге в 1768 г., уже имея медицинское образование, затем служил в Сумском гусарском и Нижегородском мушкетерском полках. В 1789 г. он был произведен в

штаб-лекари с чином коллежского асессора, а в 1800 г. направлен уездным штаб-лекарем в Васильсурский уезд Нижегородской губернии [15. Л. 8–10].

Во втором по величине уездном городе, Арзамасе, штаб-лекарем состоял Федор Иванович Гребницкий. Имея дворянское происхождение, он посвятил свою профессиональную деятельность отнюдь не соответствовавшей его званию профессии, вступив лекарским учеником в Елизаветградский госпиталь в 1791 г. На следующий год после успешно сданного публичного экзамена в Медицинской коллегии, Ф.И. Гребницкий был произведен в подлекари и направлен в Апшеронский мушкетерский полк. Через некоторое время он был переведен в Санкт-Петербургский военный госпиталь, а после экзамена в Петербургской Медико-хирургической академии назначен лекарем в Лейб-гвардии Гренадерский полк. В дальнейшем вновь проходил службу в Санкт-Петербургском военном госпитале, 5-м Егерском полку, старшим лекарем в Украинском мушкетерском полку, участвовал в военных действиях в Польше, во взятии Варшавы. В Арзамас Ф.И. Гребницкий получил назначение 21 апреля 1803 г., а 22 июня был утвержден в должности штаб-лекаря, получив чин коллежского асессора 18 ноября 1805 г. Как и С.О. Затыкевич, арзамасский штаб-лекарь Ф.И. Гребницкий в ходе создания Нижегородского ополчения (подвижной милиции) в 1807 г. был прикомандирован к ее Второму отделению, состоявшему из 2 250 чел., которых он обеспечивал медицинской помощью. Применяя собственные медикаменты, Ф.И. Гребницкий получил особенную признательность со стороны офицеров, был награжден золотой медалью для ношения на Владимирской ленте, а также золотой табакеркой с украшениями [15. Л. 12–13].

Балахнинский штаб-лекарь Петр Васильевич Кандауров, в отличие от своих коллег, недолго служил в вооруженных силах. Он происходил из дворян, поступил на службу лекарским учеником в 1789 г., через три года стал лекарем сухопутного госпиталя, затем – гарнизонного батальона. В 1793 г. был переведен в г. Починки Нижегородской губернии городovým лекарем, в том же году – городovým лекарем в г. Балахну, а в 1801 г. получил звание штаб-лекаря. Во время создания ополчения П.В. Кандауров отвечал за состояние здоровья 1-го батальона Первого отделения и проявил себя с лучшей стороны, за что был награжден золотой табакеркой с портретом Александра I [15. Л. 2–3]. Аналогично другим уездным штаб-лекарям губернии П.В. Кандауров имел чин коллежского асессора, что соответствовало VIII классу Табели о рангах [16. С. 102].

Лукояновским уездным штаб-лекарем состоял Иван Богданович Фингер, имевший белорусские корни. Он также вступил в службу в Санкт-Петербургский сухопутный госпиталь в 1789 г. подлекарем, через три года стал лекарем, служил во 2-й дивизии гребного флота. Однако 24 декабря 1804 г. И.Б. Фингер был уволен из вооруженных сил по болезни и направлен для дальнейшей службы в больницу Нижегородского Приказа общественного призре-

ния, откуда получил назначение в Лукояновский уезд [15. Л. 17–18].

Княгининский штаб-лекарь Матвей Данилович Лесницкий происходил из семьи обер-офицера. М.Д. Лесницкий поступил на службу в Санкт-Петербургский генеральный сухопутный госпиталь лекарским учеником в 1790 г., чрез три года был произведен в подлекари и переведен на Черноморский флот, затем служил в Лейб-гвардии Гренадерском полку, Санкт-Петербургском адмиралтейском госпитале, лекарем в Лейб-гвардии Гусарском полку, откуда был переведен в Княгининский уезд Нижегородской губернии штаб-лекарем [15. Л. 25–26].

Анализ формулярных списков позволяет сформулировать общие положения коллективной биографии нижегородских врачей на рубеже XVIII–XIX вв. с указанием имен персонажей, соответствующих определенному критерию.

1. Нижегородские врачи являлись государственными служащими, состояли в должностях городского и уездных лекарей, имели медицинские звания штаб-лекарей и чины коллежского ассессора, что соответствовало VIII классу Табели о рангах и давало право на потомственное дворянство.

2. По своему происхождению половина нижегородских врачей принадлежала к личным дворянам (Ф.И. Гребницкий, П.В. Кандауров, М.Д. Лесницкий), остальные – к разночинцам и детям священников (И.Б. Фингер, И.Ф. Галм, С.О. Затыкевич). Большинство из них были выходцами из западных регионов страны – Лифляндии, белорусских и польских земель.

3. Большинство врачей получили сходное образование: поступали лекарскими учениками в военные госпитали, через несколько лет (в среднем 3 года) сдавали экзамен на звание подлекаря, а еще через несколько лет практики становились лекарями.

4. Как правило, врачи назначались в Нижегородскую губернию после выхода в отставку с военной службы, которая характеризовалась постоянными перемещениями как внутри одного рода войск (разные полки пехоты), так и между родами войск (пехота, кавалерия, сухопутные госпитали разных классов) и даже видами вооруженных сил (сухопутными войсками и военно-морской флот).

5. Половина из нижегородских врачей принимала участие в боевых действиях и имела опыт военно-медицинской деятельности, что сыграло положительную роль в формировании и медицинском обеспечении Нижегородского ополчения 1806–1807 гг., где они проявили высокий профессионализм и получили заслуженные награды (С.О. Затыкевич, Ф.И. Гребницкий, П.В. Кандауров).

6. Карьерная траектория врача проходила через определенные этапы: получение законченного образования со званием лекаря – служба в вооруженных силах – получение звания штаб-лекаря и выход в отставку с назначением городovým или уездным врачом в губернском или уездном городе. Звание штаб-лекаря могло быть присвоено и позднее, уже на новом (гражданском) месте службы (П.В. Кандауров).

7. Формулярные списки не содержат сведений о профессиональной квалификации и специализации

врачей, что позволяет отнести их к специалистам широкого профиля. С одной стороны, это было полезным для лечения обширного круга болезней. С другой стороны, отсутствие специализированной помощи усугубляло быстрое распространение в губернии массовых эпидемических (холеры, тифа) и социальных заболеваний (венерические болезни и туберкулез).

Средний медицинский персонал в исследуемый период представлен старшими и младшими лекарскими учениками. Почти все они были выходцами из Нижегородской губернии.

Старшим лекарским учеником в г. Балахне был Дмитрий Алексеевич Лукоянов. Он происходил из солдатских детей и с 1775 г. тоже служил рядовым в мушкетерском полку, участвовал в военных походах 1778–1779 гг., был награжден знаком отличия ордена Святой Анны. Д.А. Лукоянов был уволен из армии в 1798 г., а с 1804 г. – определен старшим лекарским учеником в г. Балахну [15. Л. 4–5].

В Горбатовском уезде старшим лекарским учеником служил Степан Васильевич Наумов, ранее учившийся в Нижегородской семинарии. Он вступил в должность 1 апреля 1798 г. и за беспорочную службу был 31 января 1801 г. назначен старшим лекарским учеником [15. Л. 30–31].

В г. Арзамасе должность старшего лекарского ученика занимал Петр Алексеевич Локтев. Он происходил из вольноотпущенных крестьян (для сравнения: в Лукояновском уезде старший лекарский ученик тоже был выходцем из вольноотпущенников), начал службу младшим лекарским учеником 1 мая 1805 г., а уже 1 октября 1805 г. был назначен старшим лекарским учеником [15. Л. 14–15].

Одновременно с П.А. Локтевым младшим лекарским учеником более 8 лет в г. Арзамасе служил Иван Моисеевич Греченков, имевший украинское происхождение. Он был назначен на должность 3 декабря 1800 г. [15. Л. 14–15].

Анализ их формулярных списков позволяет также выделить некоторые общие положения коллективной биографии среднего медицинского персонала Нижегородской губернии на рубеже XVIII–XIX вв.

1. Лекарские ученики Нижегородской губернии не имели классных чинов и специальных званий, но занимали государственные должности в зависимости от своего образования и предыдущей службы.

2. По своему происхождению большинство лекарских учеников были выходцами из вольноотпущенных крестьян Нижегородской губернии, по одному – из солдатских детей (Д.А. Лукоянов) и духовенства (С.В. Наумов).

3. Уровень образования был достаточно низким. Только один из лекарских учеников учился в среднем учебном заведении (С.В. Наумов), один прошел военную службу (Д.А. Лукоянов), остальные были только грамотны или имели лишь начальное образование.

4. Продвижение по службе для лекарских учеников было невозможно без сдачи соответствующего экзамена на звание подлекаря в Медицинской коллегии (с 1803 г. – Медицинском департаменте при Министерстве внутренних дел), а также при Медико-

хирургической академии в Санкт-Петербурге или в одном из университетов.

5. Формулярные списки не содержат сведений о профессиональной квалификации и специализации среднего медицинского персонала, что в совокупности с данными об их общем образовании позволяет сделать вывод о зачаточном состоянии данных понятий применительно к данной категории работников.

Таким образом, формулярные списки медицинских работников позволили провести процесс рекон-

струкции посредством методов и подходов просопографии основных характеристик коллективной биографии как врачебного, так и среднего медицинского персонала Нижегородской губернии на рубеже XVIII–XIX вв., осветить вопросы социального происхождения, образования, порядка продвижения по службе, условий работы нижегородских медиков, на региональном уровне уточнить сведения о состоянии и развитии системы здравоохранения губернии на рубеже XVIII–XIX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васина Т.А. Деятельность доктора медицины И.И. Андржеевского на Ижевских оружейном и железоделательном заводах // Манускрипт. 2018. № 11 (97), ч. 1. С. 14–18.
2. Engel B.A. Women in Russia, 1700–2000. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 275 p.
3. Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели (научная монография) / под общ. ред. А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. М. : Аквилон, 2019. С. 263–284.
4. Репина Л.П. История исторического знания / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. М. : Дрофа, 2004. 288 с.
5. Смирнова Е.М. Становление системы здравоохранения в российской провинции. 1775–1914 гг.: по материалам региона Верхней Волги : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2018. 39 с.
6. Ломоносов М.В. [О сохранении и размножении русского народа] // Сочинения. М.; Л. : Гослитиздат, 1961. С. 466–479.
7. Зыбелин С.Г. Слово о способе, как предупредить можно немаловажную между прочими медленного умножения народа причину, состоящую в неприличной пище, младенцам, даваемой в первые месяцы их жизни, на день восшествия на всероссийский престол е.и.в. Екатерины II, говоренное С. Зыбелиным. М. : Унив. тип. у Новикова, 1780. 22 с.
8. Самойлович Д.С. Краткое описание микроскопических исследований о существе яда язвенного, которые производил в Кременчуге Данило Самойлов. СПб. : Тип. П. Богдановича, 1792. 68 с.
9. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. Ч. 1. СПб. : Имп. Акад. наук, 1795. 537 с.
10. Кежутин А.Н. Медицинские общественные организации и власть в Российской империи: опыт взаимодействия // Диалектика национального и социального в контексте возвращения Отечеству статуса великой державы : материалы Междунар. науч. конф. (Н. Новгород, 22 апреля 2015 г.). Н. Новгород : Гладкова О.В., 2015. С. 121–126.
11. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 52. Оп. 695. Д. 199.
12. Лиджилова А.С., Изуткин Д.А. Фармацевтическое дело в Нижегородской губернии в XVIII – начале XX в. // Пироговские чтения : материалы XXIV науч. конф. студ. и молодых исследователей, 26 ноября 2018. Н. Новгород : ПИМУ, 2018. С. 39–43.
13. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.) / М.В. Поддубный, И.В. Егорышева, Е.В. Шерстнева, Н.Н. Блохина, С.Г. Гончарова; под ред. Р.У. Хабриева. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2014. 248 с.
14. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. : Тип. 2 Отд. Собств. Е.И.В. канц., 1830. Собр. 1. Т. XX. № 14392. С. 229–287.
15. ЦАНО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 17.
16. Российский медицинский список, по высочайшему повелению издаваемый Медицинским департаментом Министерства внутренних дел. На 1835 год. СПб. : Тип. Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1835. 325 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 сентября 2019 г.

An Experience of a Reconstruction of the Collective Biography of Nizhny Novgorod Doctors of the turn of the 19th Century
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 87–91.
DOI: 10.17223/15617793/465/12

Andrey N. Kezhutin, Privolzhsky Research Medical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: kezhutin@rambler.ru

Keywords: health history; source; biography; Nizhny Novgorod Province; doctors; medical assistants; social diseases.

The object of the study is the collective biography of medical and paramedical staff of Nizhny Novgorod Province at the turn of the 19th century. The relevance of the research is connected with the insufficient development of the topic in historiography. Such elements of the collective biography of Nizhny Novgorod doctors as social origin, education, order of promotion, working conditions are considered. Nizhny Novgorod Province was a typical administrative unit of Central Russia, which reflected the characteristic features of the organization of medical care and the state of medical and paramedical personnel. On the other hand, in terms of sanitary and epidemic situation, the region was one of the most problematic parts of the Russian Empire, which was also experiencing all the attendant difficulties of wartime. The article notes that these factors directly influenced the staffing of the province with headquarters physicians, physicians, senior and junior medical assistants, and changes in the working conditions of Nizhny Novgorod doctors. The importance of the Nizhny Novgorod Order of Public Charity as a coordinating body in the field of health in the province is emphasized. The author reveals the main features of the collective biography of Nizhny Novgorod doctors both before entering the service in the institutions of the province and in the Nizhny Novgorod period of their activities, based on the method of prosopography. He analyzes medical personnel in Nizhny Novgorod and in the districts of Nizhny Novgorod Province: Arzamassky Uyezd, Balakhninsky Uyezd, Vasilursky Uyezd, Knyagininsky Uyezd, Lukoyanovsky Uyezd, Nizhegorodsky Uyezd. The source database is materials of the Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast. They allow clarifying information on the status and development of the Nizhny Novgorod Province health system at the turn of the 19th century at the regional level. The research is based on the principles of historicism, scientific objectivity, determinism. Methods of analysis, synthesis, as well as comparative-historical and chronological methods are applied. The novelty of the study is in gaining new knowledge about the living conditions and activities of the medical and paramedical personnel of a large trade center of the country at the turn of the 19th century. For the first time, data on the health status of the region are introduced into academic discourse. The author highlights the main features of the collective biography of the medical and paramedical personnel of the province, analyzes the career trajectories of physicians, the most important conditions for promotion, the impact of social origin and education on this process.

REFERENCES

1. Vasina, T.A. (2018) Doctor of Medicine I. I. Andrzheevsky's Activity at Izhevsk Arms and Steel Factories. *Manuskript – Manuscript*. 11 (97):1. pp. 14–18. (In Russian).
2. Engel, B.A. (2004) *Women in Russia, 1700–2000*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Grekhov, A.V. & Fatenkov, A.N. (eds) (2019) *Sotsial'no-gumanitarnoe poznanie: metodologicheskie i sodержatel'nye paralleli* [Socio-humanitarian knowledge: methodological and conceptual parallels]. Moscow: Akvilon. pp. 263–284.
4. Repina, L.P., Zvereva, V.V. & Paramonova, M.Yu. (2004) *Istoriya istoricheskogo znaniya* [The history of historical knowledge]. Moscow: Drofa.
5. Smirnova, E.M. (2018) *Stanovlenie sistemy zdravookhraneniya v rossiyskoy provintsii. 1775–1914 gg.: po materialam regiona Verkhney Volgi* [Formation of the healthcare system in the Russian province. 1775–1914: based on materials from the Upper Volga region]. Abstract of History Dr. Diss. Nizhny Novgorod.
6. Lomonosov, M.V. (1961) [O sokhraneni i razmnozhenii rossiyskogo naroda] [[On the preservation and reproduction of the Russian people]]. In: *Sochineniya* [Writings]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat. pp. 466–479.
7. Zybelin, S.G. (1780) *Slovo o sposobe, kak predupredit' možno nemalovazhnuyu mezhdu prochimi medlennogo umnozheniya naroda prichinu, sostoyashchuyu v neprilichnoy pishche, mladentsam, davaemoy v pervye mesyatsy ikh zhizni, na den' vosshestviya na vserossiyskiy prestol e.i.v. Ekateriny II, govorennoe S. Zybelinym* [A speech about the way how to prevent the reason, important among other things, for the slow reproduction of the population, which consists in indecent food given to babies in the first months of their life, delivered on the day of the accession of Her Imperial Majesty Catherine II to the All-Russian throne]. Moscow: Univ. tip. u Novikova.
8. Samoylovich, D.S. (1792) *Kratkoe opisaniye mikroskopicheskikh issledovaniy o sushchestve yada yazvennogo, kotorye proizvodil v Kremenchuge Danilo Samoylovich* [A brief description of microscopic studies on the essence of ulcerative poison, which was produced in Kremenchug by Danilo Samoylovich]. Saint Petersburg: Tip. P. Bogdanovicha.
9. Lepekhin, I.I. (1795) *Dnevnye zapiski puteshestviya doktora akademii nauk ad'yunkta Ivana Lepekhtina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva, 1768 i 1769 godu* [Day notes of the travels of doctor of the Academy of Sciences, associate Ivan Lepekhin in different provinces of the Russian state in 1768 and 1769]. Part 1. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
10. Kezhutin, A.N. (2015) [Medical public organizations and authorities in the Russian Empire: experience of interaction]. *Dialektika natsional'nogo i sotsial'nogo v kontekste vozvrashcheniya Otechestvu statusa velikoy derzhavy* [Dialectics of the national and the social in the context of returning the status of a great power to the homeland]. Proceedings of the International Conference. Nizhny Novgorod. 22 April 2015. Nizhny Novgorod: Gladkova O.V. pp. 121–126. (In Russian).
11. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 52. List 695. File 199.
12. Lidzhikova, A.S. & Izutkin, D.A. (2018) [Pharmaceutical business in Nizhny Novgorod Province in the 18th – early 20th centuries]. *Pirogovskie chteniya* [Pirogov readings]. Conference Proceedings. Nizhny Novgorod: PIMU. pp. 39–43. (In Russian).
13. Khabriev, R.U. (ed.) (2014) *Istoriya zdravookhraneniya dorevolutsionnoy Rossii (konets XVI – nachalo XX v.)* [The history of healthcare in pre-revolutionary Russia (late 16th – early 20th centuries)]. Moscow: GEOTAR-Media.
14. Russian Empire. (1930) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda* [Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649]. Collection 1. Vol. 20. No. 14392. Saint Petersburg: Tip. 2 Otd. Sobstv. E.I.V. kants. pp. 229–287.
15. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 96. List 1. File 17.
16. Ministry of Internal Affairs. (1835) *Rossiyskiy meditsinskiy spisok, po vysochayshemu poveleniyu izdavaemyy Meditsinskim departamentom Ministerstva vnutrennikh del. Na 1835 god* [Russian medical list, by the highest order issued by the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs for 1835]. Saint Petersburg: Tip. Meditsinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del.

Received: 09 September 2019

К.А. Конев

ОБРАЗЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 гг.)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–78–00094).

Выявляются особенности влияния образов Великобритании и Франции на процесс формирования ключевых идеологем антибольшевистского движения на востоке России. Автор приходит к выводу о том, что актуализация образов англичан и французов в качестве «значимого Другого», образца для подражания, стала отражением активных попыток формирования идентичности антибольшевистского движения, основными компонентами которой выступали идеи национального и гражданского единства и возрождения государственности России.

Ключевые слова: Великобритания; Франция; образ Другого; Временное Сибирское правительство; Временное Всероссийское правительство; Российское правительство А.В. Колчака; интервенция.

Гражданская война, ставшая переломным событием в истории России, явила собой пример крайне сложного противостояния, втянувшего в свою орбиту все группы и слои общества бывшей империи. Специфика данного конфликта, рассматриваемого некоторыми исследователями в качестве целого комплекса параллельных войн [1], обусловлена также тем, что развивался он как часть и во многом как следствие Первой мировой войны.

Именно контекст мировой войны способствовал вмешательству иностранцев во внутрироссийские события. Интервенция центральных держав и стран Антанты послужила катализатором военных действий во многих регионах страны, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке. Стремление антибольшевистских сил на востоке России заручиться поддержкой извне являлось причиной интереса к союзникам со стороны политиков, военных и средств массовой информации. Образ иностранных союзников был неотъемлемой частью пропагандистской риторики антибольшевистских правительств – Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства и Российского правительства А.В. Колчака, влияя при этом на содержание ряда других образов и идеологем.

К настоящему времени реконструкции и анализу образов «Других» (врагов и союзников) в пропаганде и массовых представлениях посвящено значительное количество исследований. Так, следует отметить целый ряд статей и монографий А.В. Голубева [2–5], О.С. Поршневой [2, 6, 7], А.С. Сенин [8], Е.Ю. Сергеева [9]. Проблеме взаимовосприятия русских иностранцев посвящены публикации Центра по изучению отечественной культуры, созданного на базе ИРИ РАН [10]. В контексте исследований Гражданской войны в России данной проблематики касались в своих работах Н.А. Глушенко [11], М.М. Стельмак [12], Д. Ирвин и Е.В. Волков [13, 14].

Обращаясь к изучению «Других», исследователи, работающие в рамках такого направления, как имагология, особое внимание уделяют стереотипам – «упрощенным, весьма жестким, устойчивым представлениям, возникающим у человека – как социаль-

ного существа – под влиянием культурного окружения» [15. С. 57]. Формируясь в той или иной социально-исторической среде, стереотипы носят эмоциональный и образный характер. В силу этого имагология в связи с процессом восприятия и оценки тех или иных образов, «...характеризует и сам воспринимающий субъект, то есть отражает национальное самосознание и собственную систему ценностей» [16. С. 31].

Политическая устойчивость и военные успехи антибольшевистских правительств в период Гражданской войны в немалой степени зависели от способности антибольшевистских лидеров и идеологов предложить обществу альтернативу лозунгам их противников. Идеологемы и ценностные установки, формировавшиеся участниками неоднородного по своему составу антибольшевистского движения и транслируемые с помощью периодической печати, призваны были выступать основой для конструирования коллективной идентичности, противопоставленной большевизму. По словам И. Нойманна, «отграничение “Я” от “Другого” является активной (курсив автора. – К.К.) и продолжающейся частью формирования идентичности» [17. С. 68]. Образ Другого, в данном случае иностранных союзников, как олицетворение определенных идей и ценностей, следует рассматривать в качестве важного фактора, влиявшего на процесс самоидентификации антибольшевистского движения. Как отмечает в связи с этим Л.П. Репина, «...изучение индивидуальных и коллективных представлений о других народах (оставляя в стороне вопрос об их соответствии реальности или ее искажении) открывает путь к проникновению в духовную жизнь того общества, в котором эти представления складываются и функционируют» [18. С. 13].

В связи с этим цель данной работы – выявление особенностей влияния национальных и политических стереотипов в образах Великобритании и Франции на процесс формирования некоторых ключевых идеологем антибольшевистского движения на востоке России. Выбор данных стран обусловлен несколькими причинами. Обе европейские державы являлись ключевыми силами в Антанте. История взаимоотношений Франции, Великобритании и России на тот момент

насчитывала не одну сотню лет и изобиловала множеством ярких эпизодов, неоднозначно воспринимавшихся русским обществом, обе страны играли важную роль в российской культуре. Наконец, как отмечает М.М. Стельмак, антибольшевистская правительственная печать упоминала британских и французских союзников чаще, чем США, Японию или чехословаков, о чем свидетельствуют подсчеты исследователя [12. С. 316–321].

Источниками для исследования выступили периодические издания, выпускавшиеся на востоке России с середины 1918 г. по конец 1919 г. – официальные газеты антибольшевистских режимов, кадетские, эсеровские и меньшевистские издания.

Необходимо отметить, что союзники в небольшевистской печати востока России представляли в двух образах – в качестве друзей и помощников, а также в роли «значимого Другого»¹ – своеобразного «зеркала», к которому представители антибольшевистских сил обращались порой в весьма неожиданных контекстах. Позиционирование союзников в качестве «спасителей» России отражало ожидания и надежды части антибольшевистских сил на иностранную помощь, а также выступало средством легитимации антибольшевистских политических режимов. Другая ипостась союзников – позитивный или отрицательный пример. Основой для формирования образа в данном случае выступали стереотипы о странах Запада, бытовавшие в среде отечественной интеллигенции на рубеже XIX–XX вв., нередко переплетавшиеся с целым рядом автостереотипов.

Представления об особенностях общественного и политического устройства Франции и Британии, этнические и внешнеполитические стереотипы в сочетании с пропагандистскими и журналистскими штампами актуализировались в ходе коммуникативных актов, участниками которых являлись правительственные, партийные и общественные институты. С одной стороны, к этому побуждала необходимость конструирования ряда идеологем, использовавшихся правительственными структурами в пропаганде. С другой – политическая борьба между различными группировками внутри антибольшевистского лагеря, частью которой являлись дискуссии на страницах партийной периодической печати. При этом одни и те же образы могли быть использованы ситуативно, в зависимости от специфики, задач и условий, в которых происходила коммуникация.

Рассмотрим ключевые, на наш взгляд, идеи, при формировании которых происходила актуализация образов Великобритании и Франции.

Идея «возрождения государственности» являлась лозунгом всех сменявшихся на востоке страны правительств. Временное Сибирское правительство заявляло об «укреплении Русской революции», защите «свободы и независимости» России [20. С. 45] и «восстановлении народовластия» [21], а Временное Всероссийское правительство в своей риторике подчеркивало необходимость установления твердой власти и единства государства [22]. А.В. Колчак, как известно, одну из своих задач видел в «установлении законности и порядка» [23]. Как отмечает

В.Г. Хандорин, стержнем Белой идеи, названной им «либеральным консерватизмом», являлось стремление сочетать достижения революции (ликвидация пережитков сословного строя, решение земельного и рабочего вопросов) с национальной спецификой, требовавшей учета авторитарной ментальности народа, религиозных корней и баланса интересов всех классов российского общества [24. С. 470]. Основопологающими ценностями при этом провозглашались государство и нация. В программной статье екатеринбургских «Отечественных ведомостей», в частности, подчеркивалось: «...мы ставим своей целью внедрить в общественное сознание “забытые слова”: Родина, Нация, Государство, и принять участие в переработке государственной программы на основе общенациональных и государственных интересов» [25].

Рассуждения о возрождении государства затрагивали проблему соблюдения правопорядка. Неизбежны при этом были ссылки на опыт «просвещенного Запада», в контексте которых Россия сравнивалась с европейскими державами. Приветствуя осенью 1918 г. введение Высшего суда, как верховного кассационного суда на территории Сибирского правительства, кадет Н. Лавров отмечал, что идея кассационных судов была перенята во Франции во время судебных реформ 1864 г., благодаря обращению «к опыту более культурных народов». Судебный устав Александра II сравнивался автором с британской Хартией вольностей, с той лишь разницей, что он появился как «экзотическое растение, вне всякой связи с остальными сторонами нашей жизни» [26].

Для социалистов тема законности и прав граждан также являлась важной в связи с критикой правительственных методов поддержания порядка. Европейское право в данном случае выступало в качестве незыблемого образца. Автор публикации в «Дальневосточном обозрении», указывая на противоречие между выдвигаемыми «государственно-мыслящими» кругами лозунгами и «правдой нашего бытия», заострял внимание читателя на проблеме равенства граждан перед законом. Напоминая о существовании английского «Habeas corpus act» и французского «droit de l'homme», автор подчеркивал – «гарантия прав и свободы личности являются основой всякого государственного, граждански-правового порядка» [27].

Некоторое время спустя газета вернулась к данной проблематике. Откликаясь на введение закона о предварительном внесудебном аресте, редакция издания характеризовала подобную практику как «государственную ненормальность». Вновь при этом был актуализирован образ Англии. «Такая культурная страна как Англия, знает Habeas corpus, но не знает его противоположности», – отмечал автор, полагая вместе с тем, что использование внесудебных арестов «служит указанием на то, что государственность еще не покоится на прочном мировом фундаменте» [28].

Примечательно, что сибирские кадеты, сами активно апеллировавшие к образу Великобритании, в ходе дискуссий со своими оппонентами могли призывать к критическому отношению к политическому опыту «Туманного Альбиона». Размышляя о вариантах будущего территориального устройства России,

иркутские кадеты критиковали сторонников децентрализации за увлечение английским примером. Соглашаясь с тем, что Англия в ряде случаев, несомненно, достойный для подражания образец, редакция газеты «Свободный край» также отмечала, что копировать ее в отношении организации местной власти не следует в силу специфики британских условий [29].

С проблемами законности и государственного строительства тесно переплеталась тема демократии. В марте 1919 г. посол в Париже В.А. Маклаков телеграфировал в Омск: «...возможность помощи нашим национальным армиям в борьбе с большевиками измеряется степенью демократичности наших правительств и политического с этой точки зрения доверия и симпатии, которые внушают они» [30. Л. 26]. Омские политики, получавшие сведения о росте демократических настроений на Западе от российских представителей за границей, не могли не учитывать влияния данного фактора на оказание внешней поддержки. В риторике антибольшевистских правительств и партийных идеологов упоминания о народовластии были общим местом. Однако детальных характеристик этому понятию авторы зачастую не давали, ограничиваясь общими рассуждениями [31. С. 95], что, впрочем, не мешало обращаться к образам зарубежных стран.

Победа союзников в мировой войне продемонстрировала, по мнению антибольшевистских политиков, превосходство демократических, свободолюбивых стран Антанты над милитаристскими и авторитарными государствами Германской коалиции. Г.К. Гинс в речи по случаю окончания войны, отдавая должное «культурной демократии» союзников, полагал, что «победа над Германией и русская революция окончательно сломили последние устои реакции» [32]. Откликаясь на известия из Европы, новониколаевские кадеты полагали, что победа союзников «сулит миру торжество демократической государственности, ставящей своей главной целью всестороннее развитие свободной человеческой личности внутри свободных наций». Принцип свободы при этом расценивался как «великий дар англосаксонской расы», долженствующий торжествовать в жизни государств [33].

Дрейф сибирских кадетов «вправо», следствием которого стала поддержка ими единоличной диктатуры, обусловил стремление найти аргументы в пользу идеи сильной государственной власти в образах стран Запада. Параллельно подвергались критике действия и слова эсеров и меньшевиков, на страницах своих изданий выступавших в поддержку народовластия [34]. Как своеобразный прецедент либералами были использованы речи англичан – полковника Дж. Уорда, возглавлявшего британский экспедиционный отряд, или профессора Перса, посетившего ряд городов Сибири.

Приводя в пример британцев, как искренних патриотов, бодрых, стойких людей, умеющих отбросить партийную рознь ради интересов государства, иркутские и красноярские кадеты сравнивали их с представителями «революционной демократии». Разумеется, не в пользу последних. «При всем своём убогом

невежестве наша “революционная демократия” воображает, что она политически более развита, чем англичане, те самые англичане, которые, можно сказать, и были главными виновниками появления на свет Божий конституционализма, парламентаризма и всех связанных с ними благ политической свободы», – полагал кадет Н. Лавров [35]. В связи с обсуждением политического строя Великобритании предметом обсуждения становился и вопрос о конституционной монархии. В ответной статье эсер И. Казанцев раскритиковал кадетов за травлю демократии и стремления к реставрации монархии, подчеркнув, что «русский народ, русская демократия имеют многовековой опыт, чтобы знать, что такое царизм» [36].

Алтайские социалисты указывали на то, что британская конституционная монархия слишком специфична и ее опыт неприменим в России. В передовой статье газеты «Новый алтайский луч» отмечалось, что «русские условия совершенно отличны от тех, которые взрастили веками английскую конституцию». При этом автор публикации намекал на реакционность кадетов, утверждая, что «демократия борется за полное народовластие и в этом ее основное отличие от тех политических группировок, которые за него не борются, а борются с ним во имя “права, закона и порядка”» [37].

Социалисты возлагали надежды на поддержку русской «демократии» представителями западного рабочего движения. «В союзных государствах под общественным мнением понимают мнения всех более или менее значительных и влиятельных групп населения, а не только одних привилегированных классов, почему-либо присваивающих монополию на звание “государственных”», – полагал редактор томской «Народной газеты» Д. Розенберг. Считая, что важную роль на Западе играли «настоящие социалисты», автор утверждал, что «только настоящая демократическая политика русской государственной власти встретит всеобщую поддержку со стороны народов Зап. Европы и Америки» [38], призывая, таким образом, к проведению соответствующей политики и ориентации на определенные круги в союзных странах.

Другой важной темой, затрагиваемой в контексте рассуждений о возрождении государственности, была революция. Оценки происходящих событий подталкивали к проведению параллелей с европейскими и в первую очередь французскими революциями. «Французская революция, на которой мы можем проследить законченный революционный процесс, дала примеры всех эксцессов, переживаемых нами ныне», – отмечалось в годовщину Февраля в владивостокской газете [39].

Сравнения России и Франции в этом случае могли осуществляться как ситуативно, так и в контексте широких обобщений. Упрекая кадетов в прогерманской ориентации, алтайские социалисты вспоминали события 1871 г., когда «французская буржуазия» не постеснялась заключить «похабный мир с Германией», пойдя на ряд уступок ради подавления коммунаров [40]. Иркутская газета «Мысль», ссылаясь на письмо социал-демократа П. Аксельрода, приводила сравнение якобинцев и большевиков, исходя из кото-

рого последние характеризовались как «имитация», «рискованная и трагическая пародия» на диктатуру «Montagne» [41]. По мнению Д. Розенберга, французы в конце XVIII в. боролись как за внутреннее объединение, так и против внешних противников, в силу чего французские революционеры «проявили беспримерный патриотизм и национализм». Россия, как полагал автор, «объединенная механически», «полицейским кулаком», страдала от противоречий «между внешним могуществом и внутренним бессилием». А посему «оппозиционная и прогрессивная мысль» приобрела характер социалистической, поскольку ее заботило не величие или безопасность государства, а забота о «трудовом народе» [42]. Так, путем сравнения текущих событий и явлений с европейской историей формировались их оценочные, ценностно-нагруженные образы.

Для либералов Французская революция являлась моментом патриотического подъема и консолидации нации, что способствовало актуализации данного примера в контексте призывов и обращений прессы к обществу. В новониколаевской «Русской речи», например, отмечалось, что отличительной чертой Французской революции было то, что французы во всех бедствиях не теряли своего «национального достоинства». «Отсутствие этих достоинств и есть отличительная черта русской революции», – подчеркивал автор, считая, что «мы не умеем гордиться своей родиной, и наша любовь не горит, но чуть-чуть тлеет» [43].

В качестве альтернативы революционным потрясениям представители антибольшевистских сил приводили доводы в пользу социальных реформ и эволюционного пути развития государственности, все также обращаясь к образам союзных держав. «Как показал опыт величайшей старинной демократии Англии, не социальная революция, а социальные реформы разрешат проклятые вопросы, выдвинутые современным капиталистическим хозяйством», – утверждал представитель казачества И.Н. Шендриков [44].

Политический строй союзных держав, по мнению антибольшевистских идеологов, исключал возможность появления большевизма на Западе. По словам публициста Л. Арнольдова, «выдержка и врожденная лояльность английского народа, с одной стороны, и искусство администрировать у тамошних властей, с другой – позволяют думать, что Англия гарантирована от заражения большевизмом». Цитируя одного из наблюдателей британской политической жизни, он отмечал, что «в Англии постоянно происходит бескровная революция», приводя примеры решения социальных и политических конфликтов путем компромисса между властями и рабочими [45. С. 18].

Таким образом, как для кадетов, так и для социалистов элементы образов Британии и Франции могли являться подтверждающими или опровергающими доводами в ходе конструирования тех или иных представлений о том, как должен происходить процесс «возрождения государственности». Поскольку симпатии к Англии были сильны в либеральных кругах, усилившиеся в период мировой войны [46. С. 55], а также среди лидеров партии народной свободы [47. С. 37–39],

сибирские кадеты продолжали уделять особое внимание «британской теме». В образе Франции важным компонентом являлась тема революции, актуализация которой была обусловлена переживаемыми событиями.

Идея гражданской нации и патриотизма. Необходимо отметить, что при актуализации национальной темы антибольшевистскими авторами в идеологическом контексте нация рассматривалась в первую очередь как сообщество граждан-патриотов, для которых интересы государства и общества в кризисных и переломных исторических моментах становились выше личных.

Осенью 1918 г. на фоне появления союзников на востоке России в ряде небольшевистских изданий была затронута тема национальной гордости россиян, вынужденных наблюдать присутствие вооруженных сил иностранных, хотя и дружественных, держав на своей территории. Подобный ход можно рассматривать как попытку воздействия на общество с целью пробуждения патриотизма сибиряков. «Мы проявили слишком незначительную сопротивляемость стихии. Мы сразу почему-то стали рассчитывать на стороннюю помощь как бы бессознательно понимая, что не в характере русского человека опираться на самих себя», – рассуждал по этому поводу на страницах правительственной газеты В. Кудрявцев, выражавший надежду на скорое окончание «безгосударья» [48].

Отмечая, что «мы часто стеснялись своего национального происхождения», автор передовой статьи новониколаевских «Военных ведомостей» приводил в пример иностранцев – «мы никогда не могли с уверенностью и гордо назвать себя русскими, как это может сделать англичанин, немец и др.». Причиной этого, как ни парадоксально, называлось «исторически развиваемое преклонение перед всем чужеземным», которое «чрезвычайно расслабило в нас чувство собственного достоинства» [49]. Несмотря на подобные высказывания, британцы и французы зачастую выступали в качестве образцовых граждан и патриотов, на которых следует равняться русским.

Противопоставляя интернационализму большевиков национальную идею, публицисты опирались на примеры достижений союзных стран, подкрепляя их характеристиками национального характера англичан или французов. Зримым воплощением патриотизма представителей союзных наций служили их действия в ходе мировой войны.

Так, народ Франции, вынесший тяжесть четырехлетних боев на своей территории, выступал олицетворением стойкости. Сообщения о храбрости французских солдат на фронте [50], серьезных людских потерях [51] и разорении ряда регионов «прекрасной Франции» [52] подчеркивали весомый вклад республики в победу Антанты и свидетельствовали о непоколебимой силе духа французов. При этом отмечался «всенародный» характер сопротивления германцам. В уральской правительственной газете подчеркивалось: «когда Франция обливалась кровью – она не рассуждала, что в стране есть “буржуи” и капиталисты. Она обливалась кровью только для своей Франции, для своей бессмертной Родины и она победила» [53]. «Редкий в истории человечества случай, когда доб-

лесть, высшее напряжение лучших сторон человеческого духа и стойкое благородство оказались демократизированы», – писал по этому же поводу В.А. Жардецкий, считавший, что «аристократические качества немногих, стали уделом всех» [54].

Отчаянное сопротивление французов, о котором писали сибирские журналисты, подкрепляло простую мысль – «французы умеют любить свою родину...» [55]. Это позволяло формировать образ не сломленной «прекрасной Франции» – пример, который, по мнению антибольшевистских идеологов, был, разумеется, достоин подражания.

В качестве одной из основных причин стойкости и сплоченности союзных наций называлось классовое единство, а социальные противоречия рассматривались в качестве источника прогресса. По мнению редакции «Вестника Временного Всероссийского правительства», классовая борьба велась на Западе «...много дольше и упорнее, чем у нас, – и все же страны запада не распадались, а преуспевали, и классовая борьба составляла естественный элемент этого развития, будя энергию и возбуждая инициативу». «Вековая спячка, или слепой бунт души, часто бесплодные, хотя и прекрасные порывы совести и духа – вот основные тона истории русской общественности», – отмечалось в газете. В силу чего русский народ, напротив, характеризовался лишь как конгломерат классов и культур, связанных внешней силой государства [56].

Неизменно при этом подчеркивалось превосходство представителей того или иного класса французского или британского общества перед русскими. Усматривая корни большевизма в примитивности существовавшего в России капитализма, юрист М.Р. Бейлин в томской «Сибирской жизни» отмечал, что «дисциплинированные, обеспеченные колоссальными забастовочными фондами английские рабочие отличаются завидной выдержкой». Поведение же российских рабочих характеризовалось им как «истерическое». Отмечалось вместе с тем, что и «...русская буржуазия не чета английской» [57].

Примечательно, что критика отечественной буржуазии, обвинения в спекуляции и отсутствии сознательности со ссылками на пример английских или французских коммерсантов и промышленников появлялась как на страницах кадетских, так и социалистических газет. Если для либералов это являлось попыткой «перевоспитания» буржуазии и наставления ее на путь патриотизма [58], то для социалистов – частью борьбы с политическим противником. Орган сибирских эсеров, выражая на своих страницах мысль о том, что «демократия» (т.е. социалисты и рабочее движение) должна играть ключевую роль в возрождении страны, писал: «нужно сознаться, что судили мы о представителях нашей буржуазии по их заграничным г. учителям и, как видно, напрасно. У нас они оказываются в массе троглодитами, неспособными подняться выше своих поскотиных интересов» [59]. Аналогично высказывались и другие издания, характеризуя российский торгово-промышленный класс: «...у них оказалось и мало классового сознания, еще меньше классовых традиций и почти ничего из той

гордости и любви хозяина к руководимому им предприятию, которая так заметна у западноевропейских торгово-промышленников» [60].

Практические вопросы, связанные с урегулированием взаимоотношений пролетариата и буржуазии, будучи актуальными для представителей революционной демократии, являлись контекстом, в рамках которого они обращались к зарубежным прецедентам. Так, высказываясь о реформе профсоюзов, эсеры подчеркивали необходимость обеспечения их независимости от государства, для чего ссылались на опыт британских тред-юнионов, которые вели борьбу даже с государственным финансированием страхования, стремясь «...ни в чем не зависеть от правительства» [61].

Сопоставлялись с британским или французским эталоном и другие социальные слои русского общества. Отечественная интеллигенция обвинялась в мягкотелости и нерешительности в отличие от европейцев. Л. Арнольдов упрекал соотечественников за склонность к апатии, неуверенность, праздность и карьеризм, указывая на англичан, которые «...при неудаче стискивают зубы и, без лишних слов, – удваивают свою энергию» [62].

Истоки многих позитивных качеств британцев и французов виделись не только в умении использовать социальную конкуренцию во благо, но и в культуре и истории этих народов. Омские кадеты, полагая, что от развития национального начала зависит будущее России, указывали на важность воспитания подрастающего поколения «в строго национальном духе». «Возьмите любую страну в Европе, хотя бы республиканскую Францию – там “темной старины заветные преданья” являются предметом особого любовного изучения и распространения, независимо от злободневных политических споров», – подчеркивал некто Н-н [63]. Национальная культура провозглашалась куда более мощной силой, нежели материальные ценности или сила оружия. Так, Эльзас и Лотарингия служили примером непоколебимости французского патриотизма и духа. Как отмечалось в омском журнале «Отечество», немцы стремились «облагодетельствовать» захваченные в 1871 г. территории, «немецкое государство пустило в ход все обаяние своей государственной культуры, но более интимная племенная культура оказалась сильнее ее», в итоге «французы остались французами» [64. С. 17].

По мнению сибирских публицистов, русским недоставало верности традициям, а влияние большевизма расшатало устои общества. Скрывшийся под инициалами Н.В.Н. журналист «Военных ведомостей», по мнению которого народ страдал «болезнью моральных чувств» отмечал, что «мы и так всегда были полной противоположностью английскому обществу: всегда отличались полным отсутствием всяких традиций, даже семейных; каждое пятилетие, если не чаще, у нас менялись моды: философские, политические, социологические, литературные, даже торговые, индустриальные и т.д. и т.п.; мы как маленькие дети бросались от одной игрушки к другой, сейчас же совершенно забывая первую» [65].

Стереотипные представления о британцах и французах, как законопослушных, деятельных, верных собственным традициям и культуре патриотов, отражали не только особенности восприятия и презентации иностранцев сибирскими и дальневосточными политиками и журналистами. Будучи проекциями политических предпочтений части отечественной интеллигенции, образы союзников косвенно отражали содержание рефлексии относительно причин революционных событий и дальнейших судеб российского общества.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Образ союзников как «Другого» являлся частью образа внешнего мира, который представлял собой «темную» или «серую» зону, непредсказуемую и потенциально опасную [2. С. 11]. Страны Антанты, будучи неотъемлемой частью внешнего окружения, также воспринимались двояко – с надеждой и опасениями. Стремление избежать данной двойственности подталкивало антибольшевистских идеологов к формированию бинарной оппозиции «свои-чужие», в которой антибольшевистские силы и дружественные им страны Антанты противопоставлялись Германской коалиции и большевикам. В рамках данной дихотомии конструирование позитивных образов союзников с опорой на политические и национальные стереотипы позволяло идеологам и журналистам Белой Сибири актуализировать ряд важных для антибольшевистского движения идей. Ключевыми являлись тесно переплетавшиеся друг с другом идеи нации и государства. Именно они выступали базовыми элементами идентичностей, которые стремились выстроить как правительственные и кадетские, так и социалистические идеологии. Однако интерпретации их существенно различались.

Транслируя населению идею единства нации, официальная и проправительственная пресса формировала образ идеального гражданина – патриота, сознательного и готового на жертвы ради сохранения и процветания государства. Для наполнения образа использовались актуализируемые в том или ином контексте позитивные характеристики британцев и французов, служивших своего рода эталонами. Российский гражданин-патриот позиционировался соответственно как европеец, не чуждый соответствующим ценностям, вынужденный с силу отсталости учиться у представителей «просвещенного Запада». Подобная риторика была присуща и социалистам, которые, будучи в оппозиции правительству А.В. Колчака, также активно спорили и с кадетами, а потому использовали

представления о союзниках в рамках политической борьбы.

Идея возрождения государственности, красной нитью проходившая через лозунги и тексты официальных и партийных антибольшевистских изданий, понималась и интерпретировалась различными антибольшевистскими группировками по-разному. В то время как «государственно-мыслящие» авторы и идеологи искали в образах союзников подтверждения тезису о необходимости укрепления диктатуры во имя законности, сплочения общества и государства ради победы, «революционная демократия» обращалась к теме важности сохранения народовластия и солидарности социалистического движения России и Запада.

Актуализация образов англичан и французов – основных союзников России по мировой войне – в качестве «значимого Другого», образца и эталона, стала отражением активных попыток формирования идентичности антибольшевистского движения, альтернативы тому, что предлагали населению красные. Несмотря на незавершенность и схематичность, а также ряд противоречий, вызванных неоднородностью самого антибольшевистского движения, ей была присуща базовая и разделяемая большинством его участников характеристика. А именно западнический взгляд на дальнейшие пути развития России, которая признавалась хотя и отстававшей, но неотъемлемой частью Европы и Западной цивилизации в целом. Так, идея ученичества России, возникшая еще в XVIII в. [17. С. 112], вновь оказалась востребована в контексте борьбы с другой моделью развития страны, предлагаемой большевиками, впрочем, также являвшейся западнической.

Представляется, что избранная антибольшевистскими силами стратегия аргументации оказалась малоуспешной в силу того, что призывы к возрождению государственности и рассуждения о национальном самосознании не были нацелены на четко очерченную целевую аудиторию. Большинство населения востока страны, занятое выживанием в катастрофических условиях Гражданской войны, было далеко от рефлексии, сложных рассуждений публицистов и лозунгов омских политиков. Обращение к идеализированным образам союзников на фоне двойственной и непоследовательной политики стран Антанты и злоупотреблений интервентов в самой России лишь негативно сказывалось на стабильности антибольшевистских политических режимов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин «Значимый Другой» (англ. significant other), введен американским психиатром Г.С. Салливаном, обозначает «личность, оказывающую влияние на других людей, что выражается в качественном изменении их смысловых образований и поведенческой активности» [19. С. 102]. В данном случае может быть применен для обозначения конструируемого коллективного образа, влияющего на формирование идей и ценностный установок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Smele J.D. The «Russian» Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. London, 2015. 480 p.
2. Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М. : Новый хронограф, 2011. 392 с.
3. Голубев А.В., Неужин В.А. Формирование образа советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. М. : Ин-т Рос. ист. РАН, 2016. 238 с.

4. Голубев А.В. «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг. М. : Ин-т Рос. ист. РАН, 2018. 282 с.
5. «Свои» и «Другие»: взаимодействие и восприятие культур Запада и России (К юбилею Виктора Леонидовича Малькова) / отв. ред. Т.Л. Лабутина. СПб. : Алетейя, 2020. 468 с.
6. Поршнева О.С. Этнические и внешнеполитические стереотипы в формировании мифологии союзничества в годы Первой мировой войны (1914–1916) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 3. С. 62–76.
7. Поршнева О.С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 43–52.
8. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М. : РОССПЭН, 2006. 288 с.
9. Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг. От интервенции к признанию. СПб. : Наука, 2019. 832 с.
10. Издания междисциплинарного научного семинара по истории взаимовосприятия культур «Россия и мир». URL: <http://rosmir.igiran.ru/publication.php> (дата обращения: 15.11.2020).
11. Глущенко Н.А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917 – апрель 1920 гг.): по материалам газеты «The New York Times» : автореф дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 24 с.
12. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.
13. Волков Е.В., Ирвин Д.А. В. Колчак как политик: образы и оценки Верховного правителя в британской прессе (1918–1920 годы) // Новый исторический вестник. 2016. № 47. С. 87–100.
14. Волков Е.В., Ирвин Д. «Русский Вашингтон» или сибирский диктатор? Образы и оценки А.В. Колчака как Верховного правителя в американской прессе (1918–1920) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 4. С. 104–123.
15. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования образа врага (на материалах российской истории XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2 (6). С. 54–72.
16. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31–40.
17. Нойманн И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М. : Новое издательство, 2004. 336 с.
18. Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9–19.
19. Психология общения: энциклопедический словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева. 2-е изд., испр. и доп. М. : Когито-Центр, 2015. 671 с.
20. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.) : сб. док. и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск : ИД «Сова», 2007. 818 с.
21. Беседа с Н.Р. Авксентьевым // Сибирский вестник. Омск. 1918. 17 авг.
22. Грамата Временного Всероссийского правительства ко всем Областным Правительствам и ко всем гражданам Государства Российского // Вестник Временного Всероссийского Правительства. Омск. 1918. 6 нояб.
23. К населению // Правительственный вестник. Омск. 1918. 20 нояб.
24. Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак. М. : Русский Фонд содействия образованию и науке, 2017. 624 с.
25. Наше исповедание веры // Отечественные ведомости. Екатеринбург. 1918. 8 окт. (25 сент.).
26. Лавров Н. Всероссийский Правительствующий Сенат и Сибирский Высший Суд // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 9 окт. (26 сент.).
27. Неверов Д. Устои правового порядка // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1919. 20 марта.
28. Тени прошлого // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1919. 13 апр.
29. Иркутск, 26 сентября // Свободный край. Иркутск. 1918. 26 сент.
30. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 115.
31. Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России. М. : РГГУ, 2006. 472 с.
32. Гинс Г.К. Россия во время и после войны // Правительственный вестник. Омск. 1918. 29 нояб.
33. Е.Р. К победе союзников // Русская речь. Новониколаевск. 1918. 22 нояб.
34. Иркутск, 8 ноября // Свободный край. Иркутск. 1918. 8 нояб.
35. Лавров Н. По поводу одной речи // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 24 (11) окт.
36. Казанцев И. Чего они хотят? // Знамя труда. Красноярск. 1918. 11 нояб.
37. Дарский. В чем разница // Новый алтайский луч. Барнаул. 1919. 8 марта.
38. Розенберг Д. Мирная конференция и русский вопрос // Народная газета. Томск. 1919. 28 янв.
39. Итоги и перспективы // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1919. 12 марта.
40. Тетерин Н. Побольше откровенности // Новый луч. Барнаул. 1918. 25 авг.
41. Иркутск, 15 марта // Мысль. Иркутск. 1919. 15 марта.
42. Розенберг Д. На ту же тему. Прежде и теперь // Народная газета. Томск. 1919. 9 февр.
43. Яснев Вл. Беспочвенность партийности // Русская речь. Новониколаевск. 1918. 19 окт.
44. Шендриков И. К моменту // Военные ведомости. Новониколаевск. 1918. 24 нояб.
45. Арнольдов Л. Иностранное обозрение. В Англии // Единая Россия. Омск. 1919. № 2. С. 18–19.
46. Оболенкова М.А. Репрезентация образа англичан в сознании российских интеллектуалов и Первая мировая война // Вестник Пермского университета. История. 2017. Вып. 3 (38). С. 48–55.
47. Кривоногова С.А. П.Н. Милоков об Англии, англичанах и их политике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 2. С. 37–39.
48. Кудрявцев В. Политические заметки // Сибирский вестник. Омск. 1918. 3 нояб.
49. Новониколаевск, 30 ноября // Военные ведомости. Новониколаевск. 1918. 30 нояб.
50. Германское наступление на французском фронте // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 15 июн.
51. Кровавые итоги войны // Вестник Томской губернии. Томск. 1919. 3 февр.
52. Сверженский С. Французские настроения // Правительственный вестник. Омск. 1919. 15 марта.
53. Тем, кто за родину // Уральский маяк. Верхнеуральск. 1919. 26 февр.
54. Жардецкий В.А. Аристократическая демократия // Сибирская речь. Омск. 1919. 21 (3) февр.
55. Война. На западноевропейском театре войны // Народное дело. Красноярск. 1918. № 14. 14 (1) апр.
56. Омск, 12 ноября // Вестник Временного Сибирского Правительства. Омск. 1918. 12 нояб.
57. Бейлин М.Р. Дневник // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 5 марта.
58. Иркутск, 28 марта // Свободный край. Иркутск. 1919. 28 марта.
59. Леутов Дм. Возрождение России – дело демократии // Голос народа. Томск. 1918. 6 авг.
60. Политика и карманы // Дальневосточное обозрение. Владивосток. 1919. 26 марта.
61. Добрейр. К реформе профессиональных союзов // Голос народа. Томск. 1918. 7 авг.
62. Арнольдов Л. Стыдно! // Амурская жизнь. Благовещенск. 1919. 19 (6) июл.

63. Н.н. Заметки о национальном начале // Сибирская речь. Омск. 1918. 4 сент.
64. Нагорский Н. К нашему национальному возрождению // Отечество. Омск. 1919. № 7–8. С. 16–19.
65. Н.В.Н. Вчера, сегодня, завтра (немного философии) // Военные ведомости. Новониколаевск. 1918. 29 ноября.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 января 2021 г.

Images of Britain and France in the Political Discourses of the Anti-Bolshevik Movement in Eastern Russia during the Civil War (1918–1920)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 92–100.

DOI: 10.17223/15617793/465/13

Kirill A. Konev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Keywords: Britain; France; image of the Other; Provisional Siberian Government; Provisional All-Russian Government; Russian Government of Alexander Kolchak; intervention.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20–78–00094.

The article reveals the peculiarities of the influence of stereotypes in the images of Britain and France on the process of forming the key ideologemes of the anti-Bolshevik movement in the East of Russia. The choice of images of these countries for research is due to their main role in the Entente, long-term relations with Russia, as well as the close attention of anti-Bolshevik forces and the Siberian and Far Eastern press to these states. The sources for the study were periodicals published in the East of Russia from mid-1918 to the end of 1919 – official newspapers of anti-Bolshevik regimes, Cadet (Constitutional Democratic), Socialist Revolutionary and Menshevik (Social Democratic) publications. The ideas about the peculiarities of the social and political structure of France and Britain, stereotypes in combination with propaganda and journalistic clichés were actualized in the course of communication, the participants of which were the authorities, political parties and the periodical press. On the one hand, this was prompted by the need to construct a number of ideologemes used by governmental structures in propaganda. On the other hand, there was a political struggle between various groups within the anti-Bolshevik camp, part of which was the discussion on the pages of the periodical press. The author comes to the conclusion that the actualization of the images of the British and French as the “significant Other”, a role model, was a reflection of the active attempts to form the identity of the anti-Bolshevik movement. Its main components were the ideas of national and civil unity and the revival of Russian statehood. Broadcasting the idea of unity of the nation to the population, the official and party press constructed the image of an ideal citizen – a patriot, conscious and ready to make sacrifices for the preservation and prosperity of the state. Positive images of the British and French were models in its formation. The idea of the revival of statehood was a common thread in the slogans and texts of the anti-Bolshevik newspapers and magazines; it was understood and interpreted differently by various groups. In the images of the allies, “state-minded” ideologues sought the confirmation of the thesis about the need to strengthen the dictatorship in the name of legality and rallying of society and the state for the sake of victory. Meanwhile “revolutionary democracy” addressed the topic of the importance of preserving the people’s power and solidarity of the socialist movement of Russia and the West. According to the author of the study, the appeal of the anti-Bolshevik ideologists to the idealized images of the allies against the background of the ambivalent and inconsistent policy of the Entente countries and the abuses of interventionists in Russia itself only negatively affected the stability of the anti-Soviet political regimes.

REFERENCES

1. Smele, J.D. (2015) *The “Russian” Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World*. London: Hurst & Co.
2. Golubev, A.V. & Porshneva, O.S. (2011) *Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn* [The image of an ally in the minds of Russian society in the context of world wars]. Moscow: Novyy khronograf.
3. Golubev, A.V. & Nevezhin, V.A. (2016) *Formirovaniye obraza sovetsoy Rossii v okruzhayushchem mire sredstvami kul’turnoy diplomatii, 1920-e – pervaya polovina 1940-kh gg.* [Formation of the image of Soviet Russia in the surrounding world by means of cultural diplomacy, 1920s – first half of the 1940s]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
4. Golubev, A.V. (2018) *“Podlinnyy lik zagranitsy”: obraz vneshnego mira v sovetsoy politicheskoy karikature, 1922–1941 gg.* [“The True Face of Abroad”: the Image of the Outside World in Soviet Political Caricature, 1922–1941]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
5. Labutina, T.L. (ed.) (2020) *“Svoi” i “Drugie”: vzaimodeystvie i vospriyatie kul’tur Zapada i Rossii (K yubileyu Viktora Leonidovicha Mal’kova)* [“Friend” and “Foe”: interaction and perception of the cultures of the West and Russia (To the anniversary of Viktor L. Malkov)]. Saint Petersburg: Aleteyya.
6. Porshneva, O.S. (2011) Etnicheskie i vneshnepoliticheskie stereotipy v formirovaniye mifologii soyuznichestva v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1916) [Ethnic and foreign policy stereotypes in the formation of the mythology of allyship during the First World War (1914–1916)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 3. pp. 62–76.
7. Porshneva, O.S. (2014) Evolution of the Popular Image of the Allies in the 1917 Revolutionary Russia. *Ural’skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1 (42). pp. 43–52. (In Russian).
8. Senyavskaya, E.S. (2006) *Protivniki Rossii v voynakh XX veka: Evolyutsiya “obraza vraga” v soznanii armii i obshchestva* [Opponents of Russia in the Wars of the 20th Century: Evolution of the “Image of the Enemy” in the Consciousness of the Army and Society]. Moscow: ROSSPEN.
9. Sergeev, E.Yu. (2019) *Bol’sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskaya otnosheniya, 1918–1924 gg. Ot interventsiy k priznaniyu* [The Bolsheviks and the British. Soviet-British relations, 1918–1924 From intervention to recognition]. Saint Petersburg: Nauka.
10. Institute of Russian History, RAS. (2020) *Izdaniya mezhdistsiplinarnogo nauchnogo seminar po istorii vzaimovospriyatiya kul’tur “Rossiya i mir”* [Publications of the interdisciplinary scientific seminar on the history of mutual perception of cultures “Russia and the World”]. [Online] Available from: <http://rosmir.iriran.ru/publication.php> (Accessed: 15.11.2020).
11. Glushchenko, N.A. (2014) *Grazhdanskaya voyna i interventsiya v Sibiri i na Dal’nem Vostoke v otsenakh amerikanskoy periodicheskoy pechati (konets 1917 – april’ 1920 gg.): po materialam gazety “The New York Times”* [Civil War and intervention in Siberia and the Far East in the estimates of American periodicals (late 1917 – April 1920): based on the materials of the newspaper “The New York Times”]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
12. Stel’mak, M.M. (2016) *Obraz inostrannykh soyuznikov antibol’shevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (may 1918 – dekabr’ 1919 gg.)* [The image of foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodicals of Western Siberia (May 1918 – December 1919)]. History Cand. Diss. Omsk.
13. Volkov, E.V. & Irvin, D.D. (2016) Kolchak as a Politician: Images and Appraisals of the Supreme Ruler in the British Press (1918–1920). *Novyy istoricheskiy vestnik – New Historical Bulletin*. 47. pp. 87–100. (In Russian).

14. Volkov, E.V. & Irvin, D. (2016) "Russian Washington" or Siberian Dictator? Images and Evaluation of A.V. Kolchak as Supreme Ruler in American Press (1918–1920) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 4. pp. 104–123. (In Russian).
15. Senyavskiy, A.S. & Senyavskaya, E.S. (2006) Istoricheskaya imagologiya i problema formirovaniya obraza vruga (na materialakh rossiyskoy istorii XX v.) [Historical imagology and the problem of forming the image of the enemy (based on the materials of Russian history of the 20th century)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 2 (6). pp. 54–72.
16. Papilova, E.V. (2011) Imagologiya kak gumanitarnaya distsiplina [Imagology as a humanitarian discipline]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*. 4. pp. 31–40.
17. Neumann, I.B. (2004) *Ispol'zovanie "Drugogo": Obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichnostey* [Uses of the Other: 'The East' in European Identity Formation]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
18. Repina, L.P. (2012) 'National character' and the 'image of the other'. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*. 39. pp. 9–19. (In Russian).
19. Bodalev, A.A. (ed.) (2015) *Psikhologiya obshcheniya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Psychology of communication: an encyclopedic dictionary]. 2nd ed. Moscow: Kogito-Tsentr.
20. Shishkin, V.I. (ed.) (2007) *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya – 3 noyabrya 1918 g.): sb. dok. i materialov* [Provisional Siberian Government (May 26 – November 3, 1918): Documents and materials]. Novosibirsk: ID "Sova".
21. *Sibirskiy vestnik* (Omsk). (1918) Beseda s N.R. Avksent'evym [Conversation with N.R. Avksentiev]. 17 August.
22. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo Pravitel'stva* (Omsk). (1918) Gramata Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva ko vsem Oblastnym Pravitel'stvam i ko vsem grazhdanam Gosudarstva Rossiyskogo [Charter of the Provisional All-Russian Government to all Regional Governments and to all citizens of the Russian State]. 6 November.
23. *Pravitel'stvennyy vestnik* (Omsk). (1918) K naseleniyu [To the population]. 20 November.
24. Khandorin, V.G. (2017) *Natsional'naya ideya i admiral Kolchak* [National idea and Admiral Kolchak]. Moscow: Russkiy Fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
25. *Otechestvennyye vedomosti* (Yekaterinburg). (1918) Nashe ispovedanie very [Our confession]. 8 October (25 September).
26. Lavrov, N. (1918) Vserossiyskiy Pravitel'stviyushchiy Senat i Sibirskiy Vysshiiy Sud [All-Russian Governing Senate and the Siberian High Court]. *Svobodnaya Sibir'*. Krasnoyarsk. 9 October (26 September).
27. Neverov, D. (1919) Ustoi pravovogo poriyadka [Foundations of the legal order]. *Dal'nevostochnoe obozrenie*. Vladivostok. 20 March.
28. *Dal'nevostochnoe obozrenie* (Vladivostok). (1919) Teni proshlogo [Shadows of the Past]. 13 April.
29. *Svobodnyy kray* (Irkutsk). (1918) Irkutsk, 26 sentyabrya [Irkutsk, September 26]. 26 September.
30. State Archive of the Russian Federation. Fund R200. List 1. File 115.
31. Zimina, V.D. (2006) *Beloe delo vzbuntovavsheysya Rossii* [The White cause of rebellious Russia]. Moscow: RSUH.
32. Gins, G.K. (1918) Rossiya vo vremya i posle voyny [Russia during and after the war]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. Omsk. 29 November.
33. E.R. (1918) K pobeде soyuznikov [To the victory of the allies]. *Russkaya rech'*. Novonikolaevsk. 22 November.
34. *Svobodnyy kray* (Irkutsk). (1918) Irkutsk, 8 noyabrya [Irkutsk, November 8]. 8 November.
35. Lavrov, N. (1918) Po povodu odnoy rechi [Irkutsk, November 8]. *Svobodnaya Sibir'*. Krasnoyarsk. 24 (11) October.
36. Kazantsev, I. (1918) Chego oni khotyat? [What do they want?]. *Znamya truda*. Krasnoyarsk. 11 November.
37. Roznitskiy. (1919) V chem raznitsa [What the difference is]. *Novyy altayskiy luch*. Barnaul. 8 March.
38. Darsenberg, D. (1919) Mirmaya konferentsiya i russkiy vopros [Peace conference and the Russian question]. *Narodnaya gazeta*. Tomsk. 28 January.
39. *Dal'nevostochnoe obozrenie* (Vladivostok). (1919) Itogi i perspektivy [Results and Prospects]. 12 March.
40. Teterin, N. (1918) Pobol'she otkrovennosti [More frankness]. *Novyy luch*. Barnaul. 25 August.
41. *Mysl'* (Irkutsk). (1919) Irkutsk, 15 marta [Irkutsk, March 15]. 15 March.
42. Rozenberg, D. (1919) Na tu zhe temu. Prezhde i teper' [On the same topic. Before and Now]. *Narodnaya gazeta*. Tomsk. 9 February.
43. Yasenev, V.I. (1918) Bespochvennost' partiynosti [Groundlessness of partisanship]. *Russkaya rech'*. Novonikolaevsk. 19 October.
44. Shendrikov, I. (1918) K momentu [By the moment]. *Voennye vedomosti*. Novonikolaevsk. 24 November.
45. Arnol'dov, L. (1919) Inostrannoe obozrenie. V Anglii [Foreign Review. In England]. *Edinaya Rossiya*. Omsk. 2. pp. 18–19.
46. Obolonkova, M.A. (2017) The Image of the British among Russian Intellectuals: Representations during the First World War. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald. History*. 3 (38). pp. 48–55. (In Russian). DOI: 10.17072/2219-3111-2017-3-48-55
47. Krivonogova, S.A. (2013) P.N. Milyukov about England, the British and policy. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki – Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 13 (2). pp. 37–39. (In Russian).
48. Kudryavtsev, V. (1918) Politicheskie zametki [Political notes]. *Sibirskiy vestnik*. Omsk. 3 November.
49. *Voennye vedomosti* (Novonikolaevsk). (1918) Novonikolaevsk, 30 noyabrya [Novonikolaevsk, November 30]. 30 November.
50. *Sibirskaya zhizn'* (Tomsk). (1918) Germanskoe nastuplenie na frantsuzskom fronte [German offensive on the French front]. 15 June.
51. *Vestnik Tomskoy gubernii* (Tomsk). (1919) Krovavye itogi voyny [Bloody results of the war]. 3 February.
52. Sverzhenskiy, S. (1919) Frantsuzskie nastroyeniya [French moods]. *Pravitel'stvennyy vestnik*. Omsk. 15 March.
53. *Ural'skiy mayak* (Verkhneural'sk). (1919) Tem, kto za rodinu [For those who are for their homeland]. 26 February.
54. Zhardetskiy, V.A. (1919) Aristokraticeskaya demokratiya [Aristocratic democracy]. *Sibirskaya rech'*. 21 (3) February.
55. *Narodnoe delo* (Krasnoyarsk). (1918) Voyna. Na zapadnoevropeyskom teatre voyny [War. On the Western European theater of war]. 14 (1) April.
56. *Vestnik Vremennogo Sibirskogo Pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Omsk, 12 noyabrya [Omsk, November 12]. 12 November.
57. Beylin, M.R. (1919) Dnevnik [Diary]. *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk. 5 March.
58. *Svobodnyy kray* (Irkutsk). (1919) Irkutsk, 28 marta [Irkutsk, March 28]. 28 March.
59. Leutov, Dm. (1918) Vozrozhdenie Rossii – delo demokrati [The revival of Russia is a matter of democracy]. *Golos naroda*. Tomsk. 6 August.
60. *Dal'nevostochnoe obozrenie* (Vladivostok). (1919) Politika i karmany [Politics and Pockets]. 26 March.
61. Dobreyr. (1918) K reforme professional'nykh soyuzov [On the reform of trade unions]. *Golos naroda*. Tomsk. 7 August.
62. Arnol'dov, L. (1919) Stydno! [Shame!]. *Amurskaya zhizn'*. Blagoveshchensk. 19 (6) July.
63. N-n. (1918) Zametki o natsional'nom nachale [Notes on the national element]. *Sibirskaya rech'*. Omsk. 4 September.
64. Nagorskiy, N. (1919) K nashemu natsional'nomu vozrozhdeniyu [Towards our national revival]. *Otechestvo*. Omsk. 7–8. pp. 16–19.
65. N.V.N. (1918) Vchera, segodnya, zavtra (nemnozhko filosofii) [Yesterday, today, tomorrow (a little philosophy)] *Voennye vedomosti*. Novonikolaevsk. 29 November.

Received: 15 January 2021

Н.Н. Лыдин

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ ТЕОРИИ «ВОЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Рассматриваются основные авторские теории по вопросу датировки процесса «военной революции», принятые в англоязычной и отечественной исторической науке. По мере углубления и развития теории ряд авторов предложили расширить как территориальные, так и хронологические рамки, рассматривая в качестве революционных события в ряде других стран.

Ключевые слова: Теория военной революции; историография; англоязычная; военная история; Майкл Робертс.

Концепция «военной революции» впервые вошла в историческую литературу с известной инаугурационной лекции британского историка Майкла Робертса под названием «Военная революция, 1560–1660» в Королевском университете в Белфасте в 1955 г. [1]. Робертс предложил теорию, согласно которой военное искусство в период раннего Нового времени в Европе радикально трансформировалось в течение буквально столетия. Это заключалось, во-первых, в тактической революции, основанной на использовании линейных построений мушкетеров, на появлении новой школы военной подготовки и муштры, включающей в себя умение быстро строиться, четко выполнять команды и беспрекословно подчиняться командованию. Во-вторых, новая система привела к значительному увеличению численности армий, что, в свою очередь, резко усилило влияние войны на общество. Новые армии, среди которых М. Робертс выделяет в голландскую армию Морица Нассау и шведскую – Густава Адольфа, стали более многочисленными и более дисциплинированными, чем это было возможно ранее. Это, в свою очередь, позволило ставить перед армиями более сложные стратегические планы и в конечном итоге поменяло сам характер войны, сделав его более глобальным. Таким образом, М. Робертс ограничил хронологию военной революции ста годами.

Идея военной революции быстро стала популярной и фактически общепринятой на последующие двадцать лет. Только в статье американского историка Джеффри Паркера под названием «Военная революция 1560–1660 гг. – миф?» [2] впервые была сделана попытка посмотреть на события, составляющие «военную революцию» под другим углом и, помимо всего прочего, оспорить хронологические рамки процесса. С самого начала Д. Паркер раскритиковал в своей статье излишнюю ориентированность М. Робертса на Швецию и шведскую военную историю. С точки зрения Д. Паркера, Робертс явно переоценил важность военной реформы Густава Адольфа, недооценил важность осадной войны и осадного дела. Будучи специалистом по военной истории Испании, Д. Паркер попытался применить теорию революции к испанским событиям и пришел к заключению, что Густав Адольф был скорее удачливым компилятором достижений французской, голландской, австрийской и испанской военных школ. Робертсовской хронологией

Д. Паркер также остался недоволен и предложил свою датировку, указав, что дату начала революции стоит передвинуть на полвека ранее. Тем не менее Д. Паркер в целом принял концепцию «военной революции», настаивая только на расширении ее территориальных и хронологических рамок.

Критики М. Робертса указывали в основном на недостаточное внимание, уделенное им некоторым сторонам военного дела: войне на море, новым способам ведения осад и изменениям в осадном искусстве. Кроме того, критике подвергалась позиция М. Робертса, рассматривающего Швецию как своеобразную «витрину» достижений военной революции, при этом совершенно упускались из виду достижения Нидерландов, Священной Римской империи австрийских Габсбургов, Франции. Но не стоит забывать о том, что концепция «военной революции» была изложена М. Робертсом в его инаугурационной речи в Белфастском университете. М. Робертс, соответственно, не имел возможности изложить всю концепцию за одно выступление. Тем не менее, больше темой «военной революции» он практически не занимался, сосредоточившись на изучении истории Швеции и предоставив развивать теорию революции другим историкам¹.

Следующим важным шагом в развитии историографии «военной революции» стала серия публикаций историка Джеффри Паркера. В первой своей работе Д. Паркер предложил расширить временные рамки «военной революции» с 1530 по 1710 г. [2]. В более позднем исследовании «Военная революция: военная инновация и усиление Запада, 1500–1800 гг.» [3] хронологические рамки «революции» изменились еще существеннее. Важно отметить, что, расширив хронологические рамки уже до трехсот лет и существенно сузив территориальные рамки «военной революции», Д. Паркер указал, что «военная революция началась в землях, управляемых Габсбургами и их архи-врагом, королем Франции. Далее она распространилась: сначала западнее – в XVI веке на Англию, затем восточнее – в XVII веке на оставшуюся часть Священной Римской империи, Польшу и Россию. Но многие области – Ирландия, Шотландия, центральная Франция, остались не охвачены революцией до начала 1700-х гг.» [3. Р. 4]. На содержащейся в книге специальной карте, показывающей первые регионы, затронутые революцией, Д. Паркер отметил Нидерланды, Италию, северную часть Франции и северо-запад Свя-

щенной Римской империи. На остальной части Европы отмечены только некоторые сражения, где применялись достижения «военной революции». Интересно отметить, что, несмотря на очень уважительное отношение Д. Паркера к М. Робертсу (в это время между ними велась оживленная переписка), он, тем не менее, не относит к числу передовых территорий Швецию.

В данной работе Д. Паркер поставил вопрос, который определил значение военной революции как исторического явления: «Как смог Запад, изначально такой маленький и испытывающий дефицит природных ресурсов, компенсировать эту недостачу посредством превосходящей военной и военно-морской мощи и, таким образом, создать глобальные империи, покрывающие более трети поверхности мира к 1800 году» [3. Р. xvi–xix]. Сам Д. Паркер предлагает искать причины в событиях еще Итальянских войн и возвышения военного дела Испании.

Многие ученые подхватили эту идею и стали разрабатывать тематику Итальянских войн и предшествовавших этому событий, в первую очередь вторжение Карла VIII в Италию в 1494 г. Данная военная кампания наглядно продемонстрировала силу французской полевой и осадной артиллерии, с помощью которой французская армия смогла триумфальным маршем пройти по итальянским землям и окончить год блестящей победой. В качестве одного из наиболее существенных достижений Итальянских войн историки называют систему бастионных фортов (*Tracce Italiane*), появление которых позволило останавливать даже большие и хорошо подготовленные армии и затягивать войны, нанося врагу серьезный материальный ущерб.

В целом в качестве основных положений, включаемых в понятие «военной революции», обычно рассматриваются: переход от сословных ополчений феодального типа к профессиональной регулярной армии; широкое распространение артиллерии; появление и развитие принципиально новых систем фортификации, малоуязвимых для артиллерийского огня; доминирование на поле боя плотных масс пехоты, вооруженной в основном огнестрельным оружием; увеличение военных расходов государства.

Дальнейшее развитие вопроса о датировке теории «военной революции» пошло по двум основным направлениям: расширение либо сужение хронологических рамок при неизменности территориальных, ограниченных обычно Европой, и распространение теории революции на новые государства и народы. Наиболее дискуссионным положением, позволяющим изменять хронологические рамки «революции» стало использование огнестрельного оружия, так как его внедрение в армии проходило особенно неравномерно.

Ярким примером первого подхода может считаться концепция историка Клиффорда Роджерса, изложенная им в статье «Военная революция Столетней войны» [4]. Как указывает автор, «...акцент на столетия после 1500 года затмевает важность периода, в котором произошли самые драматические, поистине революционные изменения в европейских военных делах: период, примерно соответствующий Столетней

войне (1337–1453)» [4. Р. 243]. К. Роджерс опирается в своей концепции на тот факт, что армии, которые обычно рассматриваются историками – сторонниками теории «военной революции», сложились как система именно в этот период. Армии, доминировавшие на полях сражений средневековой Европы с XI до начала XIV в., представляли собой ополчение воинов-аристократов, которые были обязаны военной службой за земли, полученные в качестве феода, и составляли тяжелую ударную кавалерию. Армии «военной революции» были на них абсолютно не похожи: они были набраны в основном из простоллюдинов (хотя часто во главе с аристократами). Солдаты получали за службу не земли, а деньги, вместо конницы доминирующим стал плотный строй пехоты [4. Р. 243]. Опираясь на концепцию Д. Паркера о четырех составляющих «военной революции», К. Роджерс находит две из них во времена Столетней войны. Первой стала «пехотная революция», когда рыцарскую конницу стала вытеснять пехота, и вторая, «артиллерийская революция», произошла, когда первое пороховое оружие позволило преодолеть превосходство обороны над атакой при ведении боевых действий. По мнению К. Роджерса, каждое из этих преобразований коренным образом изменило парадигму войны в Европе, что привело к далеко идущим последствиям для социальной и политической жизни [4. Р. 244].

Абсолютно с другой стороны рассматривает проблему датировки «военной революции» преподаватель Оксфордского университета Дэвид Паррот. Его работа «Бизнес на войне: наемничество и военная революция в европейской истории раннего Нового времени» [5] посвящена вопросам частной инициативы при создании и содержании армий. Пожалуй, впервые со времен Х. Дельбрюка автором была сделана попытка не только описать особенности создания и функционирования наемных армий, но и выявить тот момент, когда свершился переход от наемных – «частных» армий к армиям регулярным – «государственным». Д. Паррот выбрал в качестве хронологических рамок период от появления первых итальянских кондотьеров примерно в 1450 г. до завершения Тридцатилетней войны в 1648 г., так что никак не мог пройти мимо теории «военной революции». Опираясь на свои выводы, Д. Паррот оспаривает хронологические рамки «военной революции», указывая, что создание постоянных армий – один из основных критериев революции – произошло значительно позже дат, указанных Д. Паркером. Автор указывает, что еще в начале XVII в. не было единой модели для организации структуры вооруженных сил. С точки зрения Д. Паррота, даже в течение Тридцатилетней войны не было определенности в выборе конкретной модели развития армии. Путь создания армии, контролируемой государством, не являлся общепринятым, так как государства той эпохи сами по себе обычно не располагали финансовыми ресурсами и необходимым уровнем организации для создания больших армий [5. Р. 308]. В качестве отправной точки «военной революции» Д. Паррот предлагает брать последующие эпохи – от конца Тридцатилетней войны до войн Людовика XIV².

Другой исследователь Джереми Блэк предложил свою хронологию процесса «военной революции», предложив начинать ее примерно с 1660-х гг. и заканчивать началом XVIII в. В своей работе «Военная революция? Военные изменения и европейское общество, 1550–1800» Д. Блэк полемизирует с Д. Паркером, в том числе и по вопросу датировок. В качестве основного фактора революционных изменений Д. Блэк предлагает считать резкий рост численности европейских армий, который пришелся как раз на предложенный им период второй половины XVII в. [6].

В качестве примера второго подхода можно отметить работу крупного специалиста по истории Древнего Китая Питера Лорджа «Азиатская военная революция: от пороха до бомбы» [7]. Уже во введении к своей работе автор отмечает крайний европоцентризм большей части исследователей проблематики военной революции: «...современную историческую науку можно сравнить с расистским преследованием, которое не только поднимает белых западных людей выше всех остальных, но и активно очерняет азиатскую историю...» [7. Р. 7]. Не споря с происходящими в Европе военными изменениями в период с 1500 по 1800 гг., П. Лордж указывает на то, что изменения были и в другие исторические периоды. По его оценке, вполне можно говорить о восьмисотлетнем процессе «военной революции» с 1200 по 2000 гг. [7. Р. 19]. Основной тезис Д. Паркера, который подвергается П. Лорджем критике, – это сама «революционность» использования пороха в военном деле. Само по себе пороховое оружие и пушки были известны европейцам задолго до периода, который относится Д. Паркером к эпохе «военной революции» [7. Р. 19–22]. Как указывает в своей работе П. Лордж, порох как вещество был изобретен в Китае еще в эпоху Сун в 808 г., а военное его использование датируется XI в. (возможно, это было связано с борьбой против тангутов). Если принимать эти даты, то по критерию использования порохового оружия «военная революция» растягивается на просто гигантский срок в восемьсот лет, длительность которого убивает саму идею «революции».

В качестве еще одного примера «азиатской военной революции» историки обычно приводят Османскую империю, которая была одним из самых успешных и мощных восточных государств своего времени. Более того, турецкая армия была одной из самых передовых как раз благодаря широкому использованию пороха и артиллерии. Именно артиллерия помогла сокрушить стены Константинополя и еще ряда крепостей, а ряд подразделений (например, янычары) стали широко известны именно благодаря использованию порохового оружия. Наиболее известным исследованием в этом направлении является работа американского историка Габора Агостона из университета Джорджтауна «Огнестрельное оружие и военная адаптация: Османы и Европейская военная революция, 1450–1800» [8]. В ней Г. Агостон также делает основной упор на применение турецкой армией порохового оружия еще с 1380–1390-х гг. Уже в 1440-х гг. во время войны с Венгрией пушки массово использовались турецкой армией при осадах, обороне крепостей и для контроля рек [8. Р. 88–91].

Ряд востоковедов-исследователей даже вводят в своих работах по военной истории новый термин

«пороховая империя», или «исламская пороховая империя». Классические образцы пороховой империи на Востоке: Османская империя, где широкое использование пороховой артиллерии относится к началу XV в.; сефевидская Персия и Империя великих моголов, которые начали массово использовать порох уже в XVI в. (персидские туфенгчи, могольская армия Бабура). Впервые концепцию «пороховой империи» сформулировали в 1974 г. два американских исследователя из Университета Чикаго Маршалл Хогсон [9] и Уильям МакНейл [10]. Позднее эта концепция нашла развитие в трудах ряда востоковедов, которые адаптируют концепцию «военной революции» под различные восточные государства³.

Что касается применения концепции «военной революции» к реалиям Российского государства, то следует отметить тот факт, что отечественные историки не проявили почти никакого внимания к новой научной концепции, появившейся в Европе. Специальных работ и, соответственно, датировок по истории «военной революции» не было фактически до начала 2000-х гг.⁴ Изучением теории революции М. Роберта в России занимается фактически только Виталий Викторович Пенской, который является автором ряда статей и монографий по военной истории России⁵. В своей главной работе «Великая огнестрельная революция» [11] В.В. Пенской рассматривает революцию как в европейском регионе, так и в Османской империи, Речи Посполитой и России. Датировку «военной революции» автор приводит для каждого региона отдельно: для Европы это 2-я пол. XV – 1-я пол. XVIII вв, для Турции и Речи Посполитой XV–XVII вв, для России В.В. Пенской предлагает даты со 2-й пол. XV в. и до начала XVIII в. Российская «военная революция» распадается, таким образом, на 2 части: «ориентализацию военного дела» и реформы первых Романовых, сопровождающиеся «ползучей вестернизацией», продолжавшейся в военном деле до начала XVIII в., т.е. до петровских реформ.

Удивительно, но даже несколько больший интерес к проблематике процесса «военной революции» в России (Московии) проявили англоязычные историки. Например, исследователь Маршалл Пое в своей работе «Последствия военной революции в Московии: сравнительная перспектива» описывает трехступенчатую систему внедрения военных новшеств под давлением соседних государств, принявших «военную революцию». Начальной датой таких изменений М. Пое называет 1551 г., когда кавалеристы из числа детей боярских стали прообразом постоянной армии. В качестве дополнительных фактов, подтверждающих датировку начала «военной революции» в России с середины XVI в., М. Пое приводит создание разрядного приказа и появление первых постоянных войсковых формирований, вооруженных пороховым огнестрельным оружием, и содержавшегося за счет государственной казны стрелцкого войска. Следующими вехами развития военного дела в России автор называет участие страны в Смоленской и Тринадцатилетней войнах, которые привели к массовому привлечению в армию иностранцев и к углублению военной реформы. Заканчиваются военные преобразования и сам процесс революции в конце 1660-х гг., когда Российское государство окончательно перешло к армии, набираемой

на постоянной основе. Таким образом, М. Пое рассматривает в качестве вершины процесса «военной революции» не петровскую армию, а полки «нового строя» Алексея Михайловича [12. Р. 607–609].

Наличие целого ряда подходов к теории «военной революции» и появление большого числа разнообразных датировок не могли не сказаться на позициях её

сторонников. Сам факт существования исследований, в которых «революционные» процессы рассматриваются как длящиеся на протяжении двух и более веков, ставят состоятельность данной теории под сомнение. Вполне закономерным итогом стало появление в среде историков нового течения, говорящего уже не о «военной революции», а о «военной эволюции».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К числу наиболее известных работ М. Робертса (не считая ряда переводов) можно отнести: Gustavus Adolphus, A History of Sweden 1611–1632; Sweden as a great power 1611–1697; Gustavus Adolphus and the Rise of Sweden; The early Vasas : a history of Sweden 1523–1611; The Swedish imperial experience, 1560–1718; The Age of Liberty : Sweden 1719–1772; From Oxenstierna to Charles XII : four studies. Как можно заметить, сфера научных интересов М. Робертса в основном ограничивалась шведской историей с XVI по XVIII века.

² Интересно отметить, что, критикуя предложенную Д. Паркером датировку, Д. Паррот не предлагает при этом своей четкой хронологии и в целом ограничивается обоснованием неверности взятия за отправную точку 1450 г.

³ См. напр.: Gábor Agoston Guns for the Sultan: Military Power and the Weapons Industry in the Ottoman Empire. Cambridge, U.K. : Cambridge University Press, 2005; Khan Iqtidar Alam Gunpowder and Empire: Indian Case // Social Scientist. 2005. Vol. 33, № 3/4. P. 54–65; Lane Kris E. Colour of Paradise: The Emerald in the Age of Gunpowder Empires. New Haven, Connecticut : Yale University Press, 2010; McNeill William H. The Age of Gunpowder Empires, 1450–1800 // Adas Michael. Islamic & European Expansion: The Forging of a Global Order. Philadelphia: Temple University Press, 1993. P. 103–139; Streusand Douglas E. Islamic Gunpowder Empires: Ottomans, Safavids, and Mughals. Boulder, Colo : Westview Press, 2011.

⁴ Схожая тематика рассматривалась в работах: Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М. : Воениздат, 1958; Елифанов П.П. Войско. Оружие. Крепости // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1.

⁵ См. напр.: Пенской В.В. Военная революция в Европе XVI–XVII веков и ее последствия // Новая и новейшая история. СПб., 2005. № 2. С. 194–206; Пенской В.В. От лука к мушкету. Вооруженные силы Российского государства во 2-й половине XV–XVII вв.: проблемы развития. Белгород, 2008; Пенской В.В. Переворот в военном деле Западной Европы конца XV–XVII века в новейшей англоязычной историографии // Новая и новейшая история. М., 2012. № 3. С. 152–158.

ЛИТЕРАТУРА

1. Roberts M. The Military Revolution, 1560–1660. An Inaugural Lecture Delivered Before the Queen's University of Belfast. Belfast, 1956. 32 p.
2. Parker G. The «Military Revolution», 1560–1660 – a Myth? // The Journal of Modern History. 1976. Vol. 48, № 2. P. 195–214.
3. Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge University Press, 2013. 288 p.
4. Rogers C.J. The Military Revolutions of the Hundred Years' War // The Journal of Military History. 1993. Vol. 57, № 2. P. 241–278.
5. Parrott D. The Business of War: Military Enterprise and Military Revolution in Early Modern Europe. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. xvii + 429 p.
6. Black J. A Military Revolution? Military Change and European Society, 1550–1800. London, 1991. 124 p.
7. Lorge P.A. The Asian Military Revolution: From Gunpowder to the Bomb. Cambridge University Press, 2008. 188 p.
8. Agoston G. Firearms and Military Adaptation: The Ottomans and the European Military Revolution, 1450–1800 // Journal of World History. 2014. Vol. 25, № 1. P. 85–124.
9. Hodgson Marshall G.S. The Venture of Islam. Vol. 3. The Gunpowder Empires and Modern Times. Chicago : University of Chicago Press, 1974. 470 p.
10. McNeill W.H. The Age of Gunpowder Empires, 1450–1800. Washington, D.C. : American Historical Association, 1989. 49 p.
11. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М. : Эксмо, 2010. 448 с.
12. Poe M. The Consequences of the Military Revolution in Muscovy: A Comparative Perspective // Comparative Studies in Society and History. 1996. Vol. 38, № 4. P. 603–618.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 сентября 2020 г.

The Main Approaches to Chronological Problems of the Military Revolution Theory in Modern English-Language and Russian Studies

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 101–105.

DOI: 10.17223/15617793/465/14

Nikolay N. Lydin, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: Intel80486@yandex.ru

Keywords: military revolution theory; historiography; English-language; military history; Michael Roberts.

The article deals with the main approaches to the dating of “military revolution” adopted in the English-language and Russian historical science. This theory considers the most important transformations that took place in the military affairs of European states, such as: the transition from a feudal-type militia to a professional regular army, the widespread introduction of handguns and artillery, the emergence of a special system of soldier training and strict military discipline, the emergence of mass armies. Taking together, these changes led to a very rapid development of European military affairs and, ultimately, to the beginning of the dominance of European powers on the world stage about a century later. The article provides an overview of the main scientific areas connected with the study of the “military revolution” theory chronology, characteristic of modern English-language historical science. English-language historiography refers to the achievements of scholars not only from the UK and the USA, but also to works of any other historians published in English. For almost two decades, the main points of the theory and its chronology from the 1550s to the 1650s did not cause any special questions or doubts. Only in the late 1970s after the deepening and development of the military revolution theory, did the historian Jeffrey Parker begin to show other approaches to both its territorial and chronological questions. As a specialist in the history of Spain, Parker himself proposed to include the Italian Wars and a number of other wars and conflicts into the military revolution chronology, gradually expanding its chronology to a two centuries period. The followers of Michael Roberts’ ideas began to attribute a number of new factors to the revolutionary events: the emergence and development of fundamentally new fortification systems, which were low-vulnerable for artillery fire; the dominance of dense masses of infantry on the battlefield; an

increase in state military budgets. Other historians began to apply Roberts' theory to other countries and eras. The result was the emergence of a number of original studies that spread the military revolution theory to France, England, Germany, Eastern European countries (primarily Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth), Eastern countries (Ottoman Empire, India, Persia). The development of the theory that continues even these days has led to a great lengthening of the process of revolution, reaching two hundred or even more than three hundred years. The substantiation of such colossal time intervals caused a major split among military historians into supporters of the military revolution and their critics, who started writing not about "military revolution", but about "military evolution" (this direction is not considered in this article).

REFERENCES

1. Roberts, M. (1956) *The Military Revolution, 1560–1660. An Inaugural Lecture Delivered Before the Queen's University of Belfast*. Belfast: Boyd.
2. Parker, G. (1976) The "Military Revolution", 1560-1660 – a Myth? *The Journal of Modern History*. 48 (2). pp. 195–214.
3. Parker, G. (2013) *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800*. Cambridge University Press.
4. Rogers, C.J. (1993) The Military Revolutions of the Hundred Years' War. *The Journal of Military History*. 57 (2). pp. 241–278.
5. Parrott, D. (2012) *The Business of War: Military Enterprise and Military Revolution in Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Black, J. (1991) *A Military Revolution? Military Change and European Society, 1550–1800*. London: Palgrave.
7. Lorge, P.A. (2008) *The Asian Military Revolution: From Gunpowder to the Bomb*. Cambridge University Press.
8. Agoston, G. (2014) Firearms and Military Adaptation: The Ottomans and the European Military Revolution, 1450–1800. *Journal of World History*. 25 (1). pp. 85–124.
9. Hodgson Marshall, G.S. (1974) *The Venture of Islam*. Vol. 3. The Gunpowder Empires and Modern Times. Chicago: University of Chicago Press.
10. McNeill, W.H. (1989) *The Age of Gunpowder Empires, 1450–1800*. Washington, D.C.: American Historical Association.
11. Penskoy, V.V. (2010) *Velikaya ognestrel'naya revolyutsiya* [The great gunshot revolution]. Moscow: Eksmo.
12. Poe, M. (1996) The Consequences of the Military Revolution in Muscovy: A Comparative Perspectiv. *Comparative Studies in Society and History*. 38 (4). pp. 603–618.

Received: 07 September 2020

А.А. Машковцев, В.В. Машковцева

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В ОТНОШЕНИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ КНИЖНОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Рассмотрено восприятие старообрядцами сущности книги и ее роли в сохранении и передаче накопленного духовного опыта. Особое внимание уделено отношению староверов к книге как священному предмету и носителю божественной истины. На основе неопубликованных источников, извлеченных из фондов центральных (ГАРФ, РГИА) и региональных (ЦГАКО, ЦГАУР) архивов, проанализирована политика властей по отношению к старообрядческой книжности и рассмотрена ее реализация в Вятской губернии.

Ключевые слова: Русская православная церковь; духовенство; старообрядцы; книжная культура; богослужебная литература; книгопечатание; старообрядческие типографии; конфессиональная политика; Вятская губерния.

Отношение старообрядцев к культурному наследию определялось следующим принципом: «Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества» [1. С. 8]. Старообрядцы считали своим долгом сохранение накопленного духовного опыта и его передачу следующим поколениям. Именно «ревнителям древнего благочестия» мы обязаны сохранением памятников древнерусской книжности и иконописания. Книжная культура – неотъемлемый и богатейший пласт мировой культуры в целом. С особым благоговением и почитанием старообрядцы относились к древним книгам дониконовского письма, рассматривая их как источник непререкаемой истины. Правка книг по «греческим новопечатным» образцам и изменения в обрядовой стороне религии, осуществленные в ходе реформ патриарха Никона, стали важнейшей причиной раскола в Русской православной церкви. При этом особое внимание исследователи обращают на исправление богослужебных текстов, что для старообрядцев означало «искажение богооткровенной истины» [2. С. 83]. В частности, Н.Н. Покровский подчеркивал, что особую значимость старообрядчеству придавало его возникновение «в форме протеста против никоновского исправления старых книг» [3. С. 19].

Мировоззрение, психология русского человека не допускали возможность принять мысль о том, что русские обряды и книги являются неверными по сравнению с греческими. Православные верующие на Руси были убеждены: именно Москва как Третий Рим сохранила «праведную», подлинную православную веру. Следовательно, даже если и были выявлены какие-то неточности, ошибки, обусловившие разницу между русскими и греческими книгами и обрядами, то, в соответствии с рассуждениями русского христианина, виноваты в этом греки. Более того, торопливость, с которой осуществлялась правка книг, и насильственное введение новопечатных книг были восприняты старообрядцами как знак наступления царства антихриста. Антихрист трактовался старообрядцами по-разному. Одни видели его воплотившимся в патриархе Никоне – виновнике раскола, другие – в царе Алексее Михайловиче, поддержавшем его, и

наконец, третье объяснение образа антихриста предполагало его восприятие как совокупного зла, накопившегося в мире в связи с проведением реформ в Русской православной церкви. По мысли А.В. Карташева, «нетактично вводимая Никоном правка книг по темпу, по широте охвата, по чуждости своего источника и по обидности ее для... подлинного православного самосознания русских людей» привела к волне всеобщего протеста [4. С. 170]. В 1724 г. в Тюменском уезде добровольно лишили себя жизни через самоожжение местные старообрядцы. Перед смертью они изложили причины своего самоубийства митрополиту Антонию: «Сего ради оставляем дома, и все имение свое, и идем на вольную смерть: за старопечатные седми соборов книги, как святые нас учили» [3. С. 29].

Книга была настолько нужна и близка душе старовера, что «даже говоря о важнейшем», он помнил о ней [5. С. 102]. Одна из главных черт старообрядческой книжности (как и всей традиционной книжной культуры) – преемственность. Через книгу осуществляется процесс накопления и передачи духовного опыта человечества. Для старообрядцев это, прежде всего, христианская вера, религиозные обряды и обычаи. Книга рассматривалась ими как носитель святости и незыблемых традиций. Этим обусловлено особое обращение с книгой – уважительное, бережное, трепетное. Так, И.А. Мельников в своем исследовании приводит быличку, записанную в Новгороде Великом: «Одна из книжниц по ошибке поставила на полку книгу в перевернутом виде. После этого ей стало казаться, что книгу шатают «беси», которые радовались небрежному обращению со священным предметом. Тогда книжница с Иисусовой молитвой переставила книгу, как подобает, и видение исчезло». Значимым представляется и второй упомянутый автором сюжет: «Христианин, сидя дома и читая Писание, не проявлял должного уважения к книге: сидел, не подпоясавшись, и барабанил пальцами по столу. В наказание за это Богородица отвернула от него лик, а в углу стали плясать “шишки”, т.е. бесы» [6. С. 127–128].

В связи с тем, что на протяжении длительного периода старообрядцы подвергались гонениям со стороны властей и не имели права совершать обществен-

ное богослужение, особое значение в их среде приобрели домашние моления, а это, в свою очередь, обусловило необходимость наличия богослужебных книг в личном пользовании. Отсутствие таковых «ставило старообрядца в трудное положение, без них он лишился возможности необходимого общения с Богом, что было недопустимо для верующего человека» [7. С. 539]. Однако книги могли принадлежать не только отдельным людям. Во многих старообрядческих общинах имелось достаточно большие библиотеки (100 и более книг). Такие книги, принадлежавшие всей общине, назывались «соборными». Мотивация практики коллективного владения книжным собранием точно определена Е.Е. Дутчак: «...книга является символической основой внутригрупповой консолидации. Закрепление за старинной книгой задачи сбережения “знания о спасении избранных” не позволяло считать её собственностью одного человека: истиной должен обладать каждый из “остальцев”» [8. С. 158]. Учитывая подобное отношение к книге, становятся понятны записи на полях некоторых старообрядческих рукописей и изданий, приводимые И.В. Поздеевой: «Сия книга куплена за церковные деньги за 50 рублей. Не твоя и не моя», «Книга всеобщая» [9. С. 134]. Книга в такой ситуации играла роль цементирующего стержня: «ею могли пользоваться все без исключения члены общины, даже если они были расселены на большой территории» [2. С. 87]. При этом большое внимание старообрядцы уделяли использованию книги, ее функционированию в среде «ревнителей древнего благочестия». Книга «...должна постоянно читаться – ведь наставник и даже простой грамотей-старообрядец прекрасно сознают, что при помощи книги они воспитывают единомышленников» [10. С. 127].

Грамотные старообрядцы – знатоки религиозной литературы – пользовались особым уважением своих единоверцев. Чтение являлось обязательным для душевного здоровья, оно воспринималось как душеспасительный процесс, имеющий сакральное значение. Большую часть литературы, хранившейся в домах старообрядцев и их общественных молельнях, составляли книги богослужебные, литургические. Особое внимание, которое уделяли староверы такой литературе, объясняется тем, что «неизмеримо важной своей функцией в преддверии Второго пришествия старообрядчество считает... молитвенную службу Господу» [11. С. 18]. Старинные книги бережно хранились, переписывались и передавались по наследству.

Осознание высокой значимости и роли книги способствовало активному развитию грамотности в среде старообрядцев. Вопрос об уровне грамотности старообрядцев по-разному рассматривался представителями духовенства официальной церкви и светскими исследователями данной темы. В частности, православные служители культа оценивали старообрядцев как невежественных, абсолютно необразованных людей, чьи убеждения держатся лишь на силе упорства в отстаивании своих взглядов и на сплоченности и взаимовыручке в рамках общины. Так, священник села Кузнецово Уржумского уезда указал в своем донесении: «Грамота среди раскольников распространена

очень мало, они очень мало знают об учении церкви и о расколе...» [12. Л. 2]. Светские же историки, особенно современные, напротив, отмечают весьма высокий уровень грамотности «ревнителей древнего благочестия». «Старообрядчество, – пишет М.О. Шахов, – характеризовалось крайне высокой грамотностью и интересом к книжности» [13. С. 25].

Дети старообрядцев, как правило, получали домашнее образование, поскольку закон не разрешал им открытие собственных школ. Последние функционировали, но нелегально, до момента обнаружения властями и закрытия. Посещение учебных заведений, где обучались адепты официальной церкви, родители долгое время не считали возможным для своих детей в силу серьезной религиозной конфронтации. Характеризуя процесс обучения у старообрядцев, В.Г. Сенатов пишет: «В данном случае не было школьного образования в нашем смысле, а произошло чисто народное, стихийное распространение грамотности. Деды, имеющие внуков, отцы, озабоченные о родителях и собственных детях... все находили возможным отрываться от своих злободневных занятий, научились грамоте и трепетно читали священные строки старых книг» [14. С. 31–32].

Стремление к грамотности, книжности всегда отличало староверов. Согласно статистическим данным, средний уровень грамотности в Европейской России в 1908 г. составлял 23%, в то время как в старообрядческой среде он равнялся 36%, а в северных областях достигал даже 43% [15. С. 201–202]. Конечно, мнение православных пастырей является необъективным и предвзятым. В то же время нельзя идеализировать ситуацию. Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., уровень грамотных старообрядцев в Вятской губернии составлял 15,2%. Это сопоставимо с аналогичным показателем у православных – приверженцев официальной церкви – 15,7%, однако по уровню грамотности староверы значительно уступали лютеранам (85,2%), католикам (73,5%), иудеям (65,5%) и мусульманам (23,3%) [16. С. 90].

Именно старообрядцам «как носителям “обаятельного образа святой Руси” пришлось пережить жесточайшие преследования, ценой собственных страданий и жизни отстоять то, что составляет духовную сокровищницу православия» [17. С. 222]. Осознание своей ответственности за книгу побуждало старообрядцев бороться за сохранение книг, возвращение «тетрадок», «листов» и книг, изъятых представителями официальной власти. При этом они подавали прошение на имя вятского губернатора, епископа и даже самого императора. Однако в большинстве случаев книги не возвращались крестьянам-староверам, а по рассмотрении в Вятской духовной консистории отправлялись в ризницу кафедрального собора для секретного хранения или во второй департамент МВД (самые опасные из них с точки зрения церкви); богослужебные книги отсылались в местную единоверческую церковь; книги, которые могли быть использованы при работе в миссионерском отделении, передавались в семинарское правление, епархиальную библиотеку или библиотеку братской «противорасколь-

нической» школы. Так, 31 октября 1867 г. при обыске в доме крестьянина деревни Горки Большепорекской волости Малмыжского уезда Ивана Ивановича Уточкина была найдена старинная книга в кожаном переплете, содержание которой составляли сказания о различных аспектах христианской веры. Вятская духовная консистория обнаружила в ней некоторые несоответствия учению Русской православной церкви. Например, «в трактате... о пришествии антихриста говорится, что в то время посланы будут от Бога Енох и Илия, как писано в 11 главе Апокалипсиса, чего вовсе нет в обозначенной главе» [18. Л. 6–6 об.] и т.п. В соответствии с указом Святейшего Синода от 30 апреля 1858 г. книга Уточкина была отправлена в семинарское правление для использования при работе в миссионерском отделении.

При обыске в домах крестьян Глазовского уезда Архипа Вахрушева и его отца Авраама были обнаружены книги религиозного содержания, в числе которых молитвы («Да воскреснет Бог» и др.), статьи «об Адаме, о суете земной жизни, о пустынничестве, о страданиях Христовых, о приближении смертного часа, о страшном суде, о мучении грешников и блаженстве праведников... о Рождестве Христа Спасителя» и др. [19. Л. 3 об.]. Часть из них, по заключению Вятской духовной консистории от 14 декабря 1872 г., содержала негативные отзывы в адрес официальной церкви и ее духовенства, например: «Ах, увы, увы, благочестие, увы древнее! Кто лучи твои вскоре потемни? Кто блистания так измени?.. Седьмиглавый змий тако учини. Весь церковный чин зверски преврати. Все предания злобно истреби. Церкви Божия осквернишася, жалом новшества умертвишася... Все пастыри помрачилися, в еретичестве потопилися» [19. Л. 4]. Вследствие обозначенной причины консистория сочла необходимым препроводить данные книги в епархиальную библиотеку при кафедральном соборе.

В библиотеку братской «противораскольнической» школы, как «полезные для справок в потребных случаях», были отправлены Шестоднев, Минея праздничная, Златоуст, Меч духовный, Служба в неделю Пасхи, изъятые у старообрядцев Фомы Коротаева и Степана Чернышова. В данном случае представители духовенства обратили внимание на то, что большая часть названных книг издавалась в не разрешенных правительством типографиях [20. Л. 19 об.].

В Синодике за усопших, обнаруженном в доме крестьянина починка Прасковского Шишкинской волости Орловского уезда Павла Агалакова, протопоп Аввакум и «подобные ему противники церкви» были представлены как мученики за «святое дело». В силу этого книгу не вернули владельцу, а отправили на хранение в Вятскую епархиальную библиотеку. Аналогично поступили с Шестодневом, Требником и рукописной тетрадкой, поскольку они, по замечанию протоиерея С. Кашменского, содержали в себе «довольно нелепостей», в частности «мысли об антихристе, не согласные с учением православным» [21. Л. 3].

Книги, противоречащие учению Русской православной церкви, были изъятые глазовским уездным исправником у крестьян починка Чернышевского Мухинской волости Зота и Василия Чернышовых.

Например, при рассмотрении двух рукописей – Цветников, содержащих цитаты из Священного Писания, Кирилловой книги, Книги о вере, Катехизиса, были обнаружены «злонамеренные и вредные приписки», такие как: «Много свидетельства Св. Писания указывают нам, яко Никон еретик и богоотступник»; «Восприимут человецы печатью три тайны антихристовы... Три тайны суть три перста десныя руки окажутся: первый перст лев, второй скажется змий, третий скажется лживый пророк, посреде же сам сатана...»; «По истине может глупый понять, что не пастыри то – волки, хищники, разбойники, новые жиды... потому что все книги вопиют. Во время антихристово не будет ни жертвы, ни приношения, ни кадила... священство истребится... агнец будет антихристов; <...> Взяли агнец, да и кроетсяя и обманываете, человеки, мы истинные священники и агнец у нас Христов...» [22. Л. 8 об., 8, 9].

В текст одной из рукописей входило также стихотворение об антихристе: «Наступила зима, зело люта, уби виноград все зеленый. Дух антихристов возвыл на нас, смути веру всю православную. Оскверни души христианские... Каковых святых мы лишились, живем ныне гласа пастырей не слышим, наставляющих ко спасению. Не имеем мы покаяния, умираем мы без причастия... Скитаемся мы все без пастырей... Лица святителей не видим. Чин священнический серебром весь пленен...» [22. Л. 9].

В книге, содержащей учение Св. Геннадия Константинопольского о вере, в конце приводятся две повести о патриархе Никоне. В первой рассказывалось о том, что игумен Елизар во время чтения Евангелия будто бы видел на патриархе Никоне черного змия. Во второй повести перед читателями предстает патриарх Никон в окружении множества бесов, которые, посадив его на престол, кланяясь, обращались к нему со словами: «Поистине ты любезный друг наш, так как помог нам крест Мариина сына изгнать, низложить и преодолеть» [22. Л. 9]. Чернышovy неоднократно обращались с просьбой вернуть отобранные у них книги. Свои ходатайства они направляли в Вятскую духовную консисторию, Святейший Синод, епископу Вятскому и Слободскому. В них крестьяне обязались даже дать подписку в том, что не покажут и не будут читать свои книги никому из adeптов Русской православной церкви. Но ни одно из прошений Чернышовых не было удовлетворено в связи с наличием в их книгах мыслей, направленных против вероучения официальной церкви и самого патриарха Никона. Изъятые книги остались храниться в ризнице кафедрального собора.

Среди книг, обнаруженных становым приставом Малмыжского уезда при обыске в доме крестьянки Соломонины Авдотьевой, оказалось «Слово от старчества». В связи с тем, что рукопись была направлена против солдатских наборов, употребления чая, сахара, табака, нового покроя платья, ее отправили к ключарю кафедрального собора для хранения в ризнице [23. Л. 10 об.].

Вятская духовная консистория сочла «исполненными наглою клеветой и злобною бранью» на официальную церковь книги, отобранные становым при-

ставом Нолинского уезда у старообрядца, унтер-офицера Семена Перминова, проживавшего в починке над Талым Ключом Сюмсинской волости Глазовского уезда. Среди них «Чин исповедания и перекрещивания», «Слово о каноне церковном», «Канон, как подобает петь за творящих милостыню», Устав о поклонах, пище, молитвах, о поморских отцах и др. Например, в рукописной тетради «Толкование о крестном знамении» содержалось «злохуление» на епископа Нижегородского Питирима и на всех православных; в рукописной книге «Из Соловецкого цветника» утверждалось, что «православных следует непременно перекрещивать, якобы держащихся всех ересей и во всем согласующихся с лютейшим еретиком Папою Римским». Учитывая содержание книг, было решено отправить их в ризницу кафедрального собора для хранения [24. Л. 4 об.].

В ряде случаев старообрядцы обращались за помощью к епархиальному начальству. Так, в 1868 г. дважды посылал «просительные письма» епископу Вятскому и Слободскому Аполлосу крестьянин Николай Порсев. В 1862 г. сарапульский городничий с полицмейстером Ижевской заводской полиции Романовским арестовали Аристарха Рябова за совершение им церковных служб по обрядам староверов-поповцев. Во время обыска в его доме были найдены и изъяты богослужебные книги. Среди них оказались и книги Н. Порсева: Общая Миня, Часослов, Требник. После рассмотрения всех книг в Вятской духовной консистории только две из них вернулись к своим владельцам: Часовник и книга Иоанна Златоуста, принадлежавшие мастерскому Оглоблину. Н. Порсев же своих книг не получил. С просьбой распорядиться о высылке ему книг из консистории он обратился к епископу Вятскому и Слободскому Аполлосу. Однако в связи с тем, что в акте, составленном при обыске дома А. Рябова, не была зафиксирована принадлежность указанных книг именно Н. Порсеву, просьба старообрядца не была удовлетворена [25].

Отстаивая свои права, старообрядцы обращались и в центральные органы власти. Например, в ноябре 1867 г. в Министерство внутренних дел поступило ходатайство Натальи Телициной. Помощник глазовского уездного исправника Трапицын в ходе следствия по делу о распространении староверия крестьянином Иваном Седовым произвел обыск в ее доме и изъял несколько книг, в частности Часослов, Канонник, Часовник, Цветник, О страстях Христовых. По мнению Н. Телициной, данная экспроприация была осуществлена незаконно, поэтому она ходатайствовала о возвращении ей отобранных книг. Ранее она обращалась с такой просьбой к вятскому губернатору, но безуспешно. Подчеркивая важность для нее священных книг, Н. Телицина отметила, что она получила их от родителей по наследству. Однако все вышеперечисленные книги оказались «печатными в недозволенных типографиях», в связи с чем, по распоряжению епископа Вятского и Слободского Аполлоса, они были отосланы в семинарское правление для использования в миссионерском отделении [26. Л. 4 об.]. По выяснении обстоятельств дела прошение Н. Телици-

ной не было удовлетворено и Министерством внутренних дел.

Подобное негативное отношение властей к старообрядческой литературе объясняется тем, что должностные лица видели в ней мощный рупор пропаганды староверия. По мнению обер-прокурора Синода А.П. Ахматова, «обращение в простом народе печатных раскольнических книг, особенно при содействии лжеучителей, не может быть безопасно для православия» [27. Л. 2]. С руководством Святейшего Синода были согласны и представители местной администрации. В частности, вятский губернатор В. И. Чарыков в отчете о состоянии губернии за 1869 г. выделил в качестве одной из главных причин развития старообрядчества распространение книг, изданных самими староверами [28. Л. 3]. В связи с этим губернатор в числе мер по искоренению старообрядчества назвал запрет на продажу такой литературы (а также икон, лубочных картин) книготорговцами, часто приезжавшими из Владимирской губернии [29. Л. 80].

Тем не менее известны случаи, когда книги, изъятые местными властями у старообрядцев, возвращались их владельцам. Как правило, это были единоверческие и синодальные издания, не имевшие отношения к общественным богослужениям. В частности, Вятская духовная консистория сочла «для православной веры и христианской нравственности не опасными и безвредными» [30. Л. 5] три старопечатные книги «расколоучительницы» Евдокии Селивановой: Устав о христианском житии, включающий в себя правила о пище и поклонах в праздничные дни и в период поста, о епитимьях, налагаемых за грехи; Златоуст – собрание поучений Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Ефрема Сирина и др.; Пролог за три месяца (март, апрель, май). 13 декабря 1884 г. Вятская духовная консистория постановила вернуть книги «по принадлежности». Однако отметим, что участь самой Евдокии Селивановой, обвиненной в распространении староверия, была определена судом: решением Вятского окружного суда от 12 сентября 1885 г. ее выслали в Закавказский край на поселение.

Книги, «для православия безопасные», оказались и среди литературы, изъятой у крестьянки Соломонида Авдотьевой, в частности: Канон пресвятой Богородице Казанской, Чин на разлучение души от тела, Канон святому Николаю Чудотворцу и др. После рассмотрения книг в Вятской духовной консистории они были возвращены их владельцу [23. Л. 10 об. – 11]. Получил обратно свои книги и старообрядец Федор Банщиков. Уржумское уездное полицейское управление препроводило их в Вятскую духовную консисторию, которая не обнаружила в них ничего противоречащего вероучению официальной церкви [31].

Показательно, что, воспринимая книгу как священный предмет, старообрядцы стремились не допустить ее попадания в руки адептов официальной церкви. «Я лучше в землю их закопаю, если не найду кому передать. Боюсь, что они в никонианскую церковь попадут», – подобные высказывания, звучавшие из уст старообрядцев, особенно старшего поколения, объясняют «базовое отличие восприятия книги как

памятника культуры (культурного достояния) и книги как сакрального объекта» [8. С. 158].

Большую роль в распространении идеологии старообрядчества играли типографии. В период с 1701 по 1918 г. в стране существовало 40 старообрядческих типографий [32. С. 19]. Организаторами многих из них являлись крестьяне-староверы, например Л.А. Гребнев, И.И. Зыков, Д.Д. Крупин. Из среды «ревнителей древнего благочестия» вышли такие известные ценители и издатели книг, как К.Т. Солдатенков, О.В. Шевцов, П.А. Овчинников, Е.Е. Егоров, Ф.А. Калинин и др. Как справедливо отмечает И.В. Починская, «возникновение старообрядческого книгопечатания принадлежит к числу закономерных явлений нашей культуры, вызванных к жизни практическими интересами и идеологическими ориентациями определенной части русского общества» [33. С. 18]. Действительно, староверы, не приняв реформ патриарха Никона, отказались от использования «новоисправленных» книг. Вследствие этого они вынуждены были прибегнуть к переписыванию древних книг и перераспределению их в своей среде [34. С. 85]. Однако неизбежностью являлось изнашивание книг в ходе их постоянной эксплуатации, а переписывание было трудоемким и длительным процессом. Кроме того, напечатанная книга позволяла избежать многих ошибок, которые порой допускались переписчиками в ходе работы, и, следовательно, была более точной. Вышеуказанные факты побудили старообрядцев заняться издательской деятельностью и тем самым пополнить свой книжный фонд. Первая старообрядческая типография появилась в 80-е гг. XVIII в. в посаде Клинцы Сурожского уезда Черниговской губернии. Ее организаторами стали купцы Василий Яковлевич Железников, Дмитрий Степанович Рукавишников, Яков Климентьевич Железников [35. С. 56]. Функционирование типографии позволило старообрядцам в сжатые сроки издать необходимую литературу. Подчеркнем, что вплоть до 1905 г. старообрядческое книгопечатание находилось под запретом. Как светские, так и духовные власти занимали в этом вопросе непримиримую позицию. До выхода в свет указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. продолжал действовать постулат, выдвинутый еще в начале XVIII в. московским архимандритом Златоустовского монастыря Антонием, а именно: старообрядческие издания «не только противны святой церкви, но и гражданству» [36. С. 34].

Не случайно местные власти прилагали большие усилия с целью выявления и пресечения деятельности книгопечатников. Одна из типографий Вятской губернии, по сообщению пристава второго стана Сарапульского уезда, находилась в землянке, вырытой в огороде, возле жилой избы крестьянина деревни Сенихи, старообрядца Филата (по духовным росписям — Феофилакта) Порсева. По данным пристава, Ф. Порсев тайно печатал там книги. Несмотря на то, что вина крестьянина не была доказана, в его доме при обыске обнаружили 128 листов бумаги разного формата, две рукописные тетради, выписки из Священного Писания и типографские принадлежности [37. Л. 9]. Все это косвенно подтверждало деятельность Ф. Порсева

по изданию книг. Во время проведения следственных мероприятий его не оказалось дома. По словам брата, Тимона Порсева, Филат еще за две недели до этого ушел из дома, не известив никого о предполагаемом месте пребывания. Согласно показаниям односельчан Ф. Порсев до 19 февраля 1862 г. не проживал в деревне Сенихе в течение двух лет [38. Л. 1 об.]. Становой пристав установил, что в то время он находился в деревне Маракуши Осинского уезда Пермской губернии. В связи с этим местному приставу было предписано следить, не появится ли Ф. Порсев там вновь. Таким образом, за старовером, подозреваемым в печатании книг, устанавливался строгий полицейский надзор.

Факты закрытия старообрядческих типографий, преследования их владельцев можно выявить и на общероссийском материале. В частности, в мае 1877 г. полиция обнаружила типографию в Москве в доме Алексея Овчинникова, где на четырех станках работали десять человек. В ходе следствия было изъято несколько десятков книг, хранившихся в типографии. Однако это не остановило старообрядцев: они не прекратили свою книгоиздательскую деятельность. Спустя несколько лет, в 1885 г. в Сыромятниках была вновь обнаружена типография Алексея Овчинникова, а в 1893 г. полиция закрыла типографию в селе Банееве Борисоглебского уезда Ярославской губернии, владельцем которой являлся брат Алексея Овчинникова — Андрей. Отбывшие наказание Овчинниковы, не побоявшись в очередной раз быть уличенными в противозаконной деятельности, попытались продолжить свою работу. В июле 1894 г. полиция выявила и закрыла типографию в городе Богородске Московского уезда, принадлежавшую Андрею Овчинникову. После этого книгоиздательская деятельность братьев Овчинниковых не возобновлялась [39. С. 146–147]. В 1902 г. полицией был обнаружен книжный склад, где хранилась старообрядческая литература. Его владельцем оказался Г.А. Клинов. Вскоре после этого закрыли типографию Д.Д. Крупина в селе Черкизово [39. С. 148].

Только с изданием указа 17 апреля 1905 г. старообрядцы получили возможность легально заниматься книгопечатанием. Тогда появились типографии в Балахне, Нижнем Новгороде, Саратове, Уральске и других городах. Крупнейший в Вятской губернии старообрядческий книгоиздательский центр находился в селе Старая Тушка. В 1908 г., с разрешения Министерства внутренних дел, Лука Арефьевич Гребнев открыл там «типографию со словолитней для печатания на церковно-славянском языке старообрядческих богослужебных и других религиозно-нравственного содержания книг, а также изготовления необходимого для этой цели шрифта» [40. Л. 2].

Л.А. Гребнев родился в октябре 1868 г. в деревне Дергачи Уржумского уезда в семье старообрядцев федосеевского согласия. В родной деревне он освоил иконописное мастерство, а живя в Москве, работал в старообрядческой типографии Г.К. Горбунова. Вернувшись из Москвы опытным типографом, Л. Гребнев в 1900 г. организовал в деревне Дергачи тайную типографию, которую впоследствии, в 1906 г., приобрел

рела московская Преображенская община [41. С. 11]. Таким образом, в течение нескольких лет Л. Гребнев издавал книги, и в каждой из них на последней странице отмечал, что они печатались в Почаевской типографии [42. С. 13].

Разрешенную законом типографию, как мы уже отметили выше, Л. Гребнев открыл в селе Старая Тушка в 1908 г. Она размещалась на первом этаже двухэтажного деревянного дома. В ней печаталась богослужебная литература, а также поздравительные открытки к религиозным праздникам. Книжки, издаваемые в тушкинской типографии, отличались высоким качеством. Они печатались на хорошей бумаге и одевались в кожаные переплеты. Благодаря доступной цене, эти книжки пользовались спросом не только в Вятской губернии, но и за ее пределами. Типография в Старой Тушке приостановила свою работу в 1915 г., а 18 октября 1918 г. была окончательно закрыта [43. Л. 80 об.]. В указанном году прекратили свою деятельность многие типографии староверов. Это было связано с тем, что большевики рассматривали религиозно-издательские центры (в том числе старообрядческие) как «рассадники мракобесия» [44. С. 5].

Смена конфессионального курса в отношении старообрядцев-поповцев и умеренных беспоповских толков в рассматриваемый период практически никак не повлияла на положение старообрядцев-странников. Странники (или бегуны) относились к крайне радикальному направлению в беспоповщине. Создателем толка, возникшего в середине XVIII в., был уроженец Переяславля-Залесского Евфимий. Некоторое время он жил среди филипповцев, однако затем разочаровался в них и создал самостоятельную религиозную структуру. Как и в других старообрядческих согласиях, исходным пунктом вероучения странников было положение о воцарении антихриста. Но если умеренные старообрядческие течения понимали под антихристом нечто мысленное, как совокупность всех отступлений от «старой веры», то бегуны персонифицировали его с конкретными лицами, стоявшими у власти. По их мнению, воплощениями дьявола были все царствующие особы, начиная с Петра I. «Апокалипсический зверь», — писал Евфимий, — есть царская власть, икона его — власть гражданская, тело его — власть духовная» [45. Л. 99].

Поскольку простые смертные не могли победить дьявола, то единственный способ очищения от скверны и спасения — полный разрыв с «миром» и бегство от «власти антихристовой». Евфимий и его последователи призывали порвать все связи с обществом и уклоняться от всех гражданских повинностей — «видимых знаков власти антихристовой: записи в ревизии, платежа податей, военной службы, паспортов, присяги» [46. С. 642]. В обоснование своих взглядов странники приводили следующее библейское изречение: «...Дружба с миром есть вражда против Бога! Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу».

Хотя впоследствии догматика странников претерпела некоторые изменения (особенно в 60–70-х гг. XIX в.), но основные ее положения остались неизменными. Так, сектантские проповедники, действовавшие

в 90-х гг. XIX в. среди крестьян Яранского уезда, учили, что «настало ныне время антихриста... служба царю есть служба антихристу, а потому не должно отбывать воинскую повинность, а для спасения надобно убежать в леса и пустыни и там поститься 40 дней по примеру самого Христа» [47. Л. 3]. Сарапульские бегуны, заметно активизировавшиеся накануне Первой мировой войны, требовали от своих единоверцев прекращения всяких связей с гражданским обществом, запрещали им фиксироваться в ревизиях, платить государственные подати, брать паспорта и пр. Они проповедовали, что «антихрист уже пришел в мир и царствует, то есть считали антихристом императора, а потому отвергали исполнение всех гражданских обязанностей, дабы по их понятиям не подчиняться власти антихриста» [48. Л. 93 об.].

Все странники делились на две категории: странствующих (или крещеных) и «жиловых» (прочие названия — «странноприимцы», «пристанодержатели», «благодетели», «мирские» странники). Данная градация не была изначальной. При Евфимии членом секты считался лишь тот, кто порывал с обществом и уходил в бега. Однако в условиях постоянных преследований со стороны властей организация не могла бы выжить без поддержки людей, оставшихся в миру. Жесткие условия членства закрывали доступ в общину богатым людям, привыкшим к оседлости, способным поддержать ее материально. Поэтому после смерти Евфимия (умер в 1792 г.) предпринимались попытки изменения условий приема. В результате деятельной борьбы между сторонниками и противниками членства странноприимцев родилось компромиссное решение: пристанодержатели зачислялись в секту при условии принятия одного лишь обета странствия. Но фактически они разрывали связи с миром и перекрещивались только перед смертью. «Мирские» странники жили открыто, платили налоги и исполняли все государственные повинности, но одновременно тайно поддерживали своих единоверцев, предоставляя им убежище и пищу. Порой у отдельных «жиловых» скрывалось сразу несколько странствующих. В Вятской губернии наиболее известным пристанодержателем являлся М. Рыболовлев, основавший в своем доме в Сарапуле целый бегунский скит [49. Л. 35].

Как и многие другие сектантские движения, странничество не осталось единым, а разделилось на ряд согласий. В первой четверти XIX в. возникло согласие так называемых безденежников. Его основатель Иван Петров (из Костромской губернии) считал необходимым отказаться от употребления денег, поскольку на них имелся государственный герб — «антихристова печать». Но уже тогда Петрова не поддерживало большинство бегунов, главным образом жилых странников. После проведения реформ 60-х гг. XIX в. и активного распространения в деревне буржуазных отношений число «безденежников» еще более сократилось. В Вятской губернии в конце XIX — начале XX в. их практически не было. Сарапульские бегуны признавали возможным держать деньги, поскольку они, по их мнению, «переходят из рук в руки и не составляют отличительной принадлежности того или

инога лица» [48. Л. 93 об.]. Более того, многие местные странники не только принимали эту «печать антихриста», но и считали накопительство «богоугодным» делом, хотя и утверждали, что «сердце их к такому приобретению не слагается» [48. Л. 93 об.].

Негативное отношение странников к самодержавной власти и официальной церкви, а также бойкот ими гражданских повинностей приводили к тому, что секта подвергалась постоянным жестким гонениям. При этом полиция основное внимание уделяла обнаружению страннических скитов, а также задержанию религиозных проповедников, распространявших ее вероучение. Несмотря на очень серьезную конспирацию бегунов, правоохранные органы периодически обнаруживали тайные старообрядческие молельни, при этом изымалось значительное количество религиозной литературы.

Так, в 1895 г. были найдены два страннических скита в Сарапульском уезде (юго-восток Вятской губернии), один из которых располагался в самом Сарапуле в доме мещанки М. Гуменниковой [50. С. 11], а второй – в селе Июльском. В обоих случаях было найдено не только большое количество предметов, необходимых для совершения тайных молений, но и различная странническая литература. Кроме того, в ходе следствия полиции удалось установить связи сарапульских бегунов с единоверцами из других регионов страны, в частности из соседней Пермской губернии.

Спустя шесть лет в Сарапуле была раскрыта еще одна тайная странническая молельня, находившаяся на Старцевой горе в доме крестьянина М. Рыболовлева. В ходе обыска обнаружили семь книг религиозно-нравственного содержания, в частности, Псалтырь, Каноник, Часослов и пр. Хотя все книги были разрешены цензурой, полиция все же изъяла их, передав в Сарапульское духовное правление.

Впоследствии М. Рыболовлев неоднократно хлопотал о возвращении изъятых книг. «Ныне стало мне известно со слов станового пристава, что отобранные книги... подлежат возврату их прямому владельцу за отсутствием поводов к дальнейшему их задержанию, как не содержащие в себе ничего противоправного долгу христианской религии, общественному мнению и государственному строю. Потому прошу их вернуть», – писал Рыболовлев в ходатайстве в Сарапульское духовное правление [51. Л. 16–16 об.]. Длительное время его прошения оставались без ответа, и лишь 7 июля 1905 г. он все же получил назад свою литературу.

Даже после издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. политика в отношении бегунов не изменилась и они продолжали подвергаться гонениям. 25 января 1911 г. полиция произвела обыск в доме Тимофея Иутина, проживавшего в деревне Разметай Сарапульского уезда. В ходе него обнаружили тайную молельню с большим иконостасом, где находились иконы старообрядческого письма. Здесь же нашли восковые свечи домашнего изготовления и несколько десятков богослужебных книг. Рядом с молитвенной комнатой располагались три кельи, в которых проживали две пожилые и одна

15-летняя странница, являвшиеся жительницами Сарапульского уезда. Во второй половине дома, занимаемой семьей Иутина, нашли еще несколько десятков старопечатных духовных книг.

Данное дело примечательно не столько изъятием значительного числа старообрядческой литературы, сколько тем, что странников попытались подвести под уголовную статью, обвинив в умышленном убийстве двух и более лиц. Проводя следствие по делу тайной страннической молельни в деревне Разметай, следователи неожиданно выяснили, что именно здесь в последний раз видели крестьянку починка Кирилловский Марию Колабину с новорожденным младенцем, пропавшую за несколько месяцев до этого.

В ходе опроса свидетелей выяснилось, что тяжелобольная М. Колабина, также являвшаяся странницей, вместе с младенцем тайно приехала в молельню, где вскоре умерла. Вслед за ней умер и ребенок, оставшийся без материнского кормления. Их трупы были завернуты в рогожку, вывезены в поле и там зарыты.

На основании данной информации Т. Иутин и еще несколько крестьян были арестованы по обвинению в совершении ритуального убийства. Однако судмедэксперты, исследовавшие труп женщины, не обнаружили на ее теле никаких следов насильственной смерти. Выяснилось, что причиной гибели были осложнения, наступившие после крайне тяжелых родов. В результате, данное дело развалилось, а все арестованные были освобождены.

Преследованиям в период Думской монархии подвергались и представители самой северной общины странников в Вятской губернии, существовавшей в малонаселенной и лесистой части Орловского уезда. Орловская община долгое время была оторванной от основных страннических центров и довольно редко посещалась бегунскими проповедниками. Ситуация изменилась после строительства Пермь-Котласской железной дороги, проходившей через территорию уезда. Благодаря развитию транспортной инфраструктуры орловские бегуны не только получили возможность регулярно общаться со своими единоверцами с Урала, но стали получать от них значительное количество старообрядческой религиозной литературы. Активизация подобных контактов не ушла от внимания местных правоохранных органов и православного духовенства. В результате, в октябре 1913 г. полиция задержала на железнодорожной станции Мураши «большой транспорт с нелегальными изданиями и богослужебными принадлежностями сектантов» [48. Л. 110]. Он адресовывался крестьянину деревни Меледиха Орловского уезда Афанасию Евстафьевичу Шабалину, являвшемуся одним из вождей местных странников. В его доме, а также в домах других орловских бегунов, были проведены повальные обыски.

Преследования странников усилились в годы Первой мировой войны, поскольку некоторые из них пытались уклониться от мобилизации в действующую армию. Они поставили общины вятских странников в крайне тяжелое положение. Однако окончательно странничество в регионе было уничтожено уже в советский период.

Таким образом, во второй половине XIX в., несмотря на общее смягчение конфессиональной политики самодержавия в отношении умеренных старообрядческих толков, мы наблюдаем продолжение прежнего репрессивного курса применительно к старообрядческой книжности (равно как иконописи и культовым центрам). Властями арестовывались издатели и распространители старопечатной литературы. При обыске в домах «ревнителей древнего бла-

гочестия» и их молельнях изымались книги, которые рассматривались властями как источник пропаганды староверия. Старообрядческая литература имела нравственно-назидательный, учительный характер. Основная часть книг, хранимых старообрядцами, относилась к числу богослужебных и воспринималась ими как носитель святости, что обусловило их готовность к жертвенности во имя сохранения сакральных предметов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Искусство, 1994. 398 с.
2. Романова Н.И. Книжная культура старообрядчества // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 1. С. 82–91.
3. Покровский Н.Н. О роли древних рукописных и старообрядческих книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Сборник научных трудов. Вып. 14. Новосибирск, 1973. С. 19–40.
4. Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви : в 2 т. М. : Терра, 1992. Т. 2. 569 с.
5. Рябушинский В. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М. : Мосты, 1994. 240 с.
6. Мельников И.А. Человек и книга в системе культурных практик новгородского старообрядчества // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2013. № 73, Т. 1. С. 126–128.
7. Вознесенский А.В. Старообрядцы и их книгопечатная деятельность: проблемы изучения // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург), 2016. Т. 64. С. 538–546.
8. Дутчак Е.Е. Конфессиональная книжность как память культуры: опыт изучения старообрядческих скитских собраний конца XIX – начала XXI в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4. С. 156–163.
9. Поздеева И.В. Книжность старообрядческого Верхоямья : истоки, читатели, судьбы (по записям на экземплярах книг Верхоямского собрания НБ МГУ) // Традиционная культура Пермской земли : к 180-летию полевой археографии в Московском университете, 30-летию комплексных исследований Верхоямья. Ярославль : Ремдер, 2005. С. 120–140.
10. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Старообрядческие библиотеки в Сибири (проблемы реконструкции) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки : сб. науч. тр. Новосибирск : Наука, 1992. С. 125–130.
11. Поздеева И. В. Традиционная книжность современного старообрядчества // Мир старообрядчества. Вып. 1. Личность. Книга. Традиция. М.; СПб. : Хронограф, 1992. С. 11–27.
12. Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. 274. Оп. 1. Д. 4.
13. Шахов М.О. Старообрядчество, общество, государство. М. : Симс, 1998. 104 с.
14. Сенатов В.Г. Философия истории старообрядчества. М. : Церковь, 1995. 86 с.
15. Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев (по данным анкеты 1909 г.). М. : Совет Всерос. съездов старообрядцев, 1910. 290 с.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. X. Вятская губерния. СПб. : Типография кн. В.П. Мещерского, 1904. 267 с.
17. Баев В.Г., Давыденкова А.Г. Категория «духовность» в контексте старообрядческой культуры // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 1, Т. 2. С. 220–228.
18. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 15 к. Д. 195.
19. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 15 м. Д. 670.
20. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 193. Д. 112.
21. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 15 л. Д. 529.
22. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 193. Д. 654.
23. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 15 с. Д. 293.
24. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 15 л. Д. 378.
25. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 15. Д. 304.
26. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.1284. Оп. 219. Д. 44.
27. РГИА. Ф. 797. Оп. 32. Д. 196.
28. РГИА. Ф. 797. Оп. 40. Д. 143.
29. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 271.
30. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 с. Д. 212.
31. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 л. Д. 407.
32. Поздеева И.В. Личность и община в истории русского старообрядчества // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М. : Изд-во МГУ, 1999. С. 3–29.
33. Починская И.В. Старообрядческое книгопечатание XVIII – первой четверти XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1991. 342 с.
34. Поздеева И.В. Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества (первый период) // История СССР. 1988. № 1. С. 84–99.
35. Кочергина М.В. Русское старообрядчество и сохранение культурного наследия Древней Руси: история и современность // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 2 (40). С. 51–60.
36. Починская И.В. Старообрядческое книгопечатание XVIII – первой четверти XIX в. Екатеринбург : УрО РАН, 1994. 182 с.
37. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 84 а. Д. 82.
38. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 15 е. Д. 648.
39. Починская И.В. Книгопечатание старообрядцев-федосеевцев во второй половине XIX – начале XX в. (до 1906 г.) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1997. С. 146–153.
40. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 287.
41. Семибратов В. Типография Луки Гребнева // Уральский следопыт. 1991. № 2. С. 10–11.
42. Петряев В. Вятские книголюбы. Киров : Волго-Вятское книжное изд-во, 1986. 279 с.
43. ЦГАКО. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ–10165.
44. Вознесенский В.В., Мангилев П.И., Починская И.В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918). Материалы к словарю. Екатеринбург : УрГУ, 1996. 81 с.
45. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 424.

46. Христианство: энциклопедический словарь : в 3 т. Т. 2 / редкол.: С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М. : Большая Российская энциклопедия, 1995. 670 с.
47. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 40. Д. 113.
48. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1411.
49. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 112.
50. Ивонин Ю.М. Старообрядцы и старообрядчество в Удмуртии. Ижевск : Удмуртия, 1973. 24 с.
51. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 245. Оп. 1. Д. 2138.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 марта 2020 г.

The Confessional Policy of the Russian Authorities in Relation to the Old Believer Books in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (On the Materials of Vyatka Province)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 106–115.

DOI: 10.17223/15617793/465/15

Andrey A. Mashkovtsev, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: wikma116@rambler.ru

Victoria V. Mashkovtseva, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: wikma116@rambler.ru

Keywords: Russian Orthodox Church; clergy; Old Believers; book culture; religious literature; book printing; Old Believer printing houses; confessional policy; Vyatka Province.

The article considers the perception by the Old Believers of the essence of the book and its role in the preservation and transmission of accumulated spiritual experience. The study is based on documents from the funds of the central and regional archives. The used sources allowed us to reach the main aim of the study – to analyze the policy of the authorities in relation to the Old Believer books and to consider its implementation in Vyatka Province. The Old Believers accepted neither the correction of religious books based on “Greek newly printed” samples nor changes in rituals, and this became one of the most important reasons for the split in the Russian Orthodox Church. The book culture of the Old Believers is inextricably linked with religion. Books stored both in the homes of individual Old Believers and those in public use are religious, mainly liturgical, texts in content. They were also used in teaching literacy, which for objective reasons was of a domestic nature. They considered their moral duty to be respectful of the book heritage, which embodied spiritual values and facilitated their inheritance. Such an understanding of the essence and role of the book led to the active spread of literacy in the Old Believer environment. Despite the opinion expressed by representatives of the official church, who perceived the Old Believers as ignorant people differing only in their true commitment to “ancient piety”, it must be recognized that the literacy level of the Old Believers was either comparable to that among adherents of the Russian Orthodox Church, or significantly exceeded it. The Old Believers realized their responsibility for the preservation of the book, which led to the struggle for the return of books seized during searches of their homes and chapels by officials. The archival documents make it possible to trace both the actions taken by the Old Believers in order to preserve the book heritage and the fate of the literature seized from them. Thus, when considering books in the Vyatka Spiritual Consistory, the most dangerous of them, from the point of view of the church, were sent to the sacristy of the cathedral for secret storage or to the second department of the Ministry of Internal Affairs. Liturgical books were sent to the local single-faith church. Finally, books that could be used in the preparation of missionaries and in their further work were transferred to the diocesan library or the library of the fraternal “anti-Old Believers” school. As a result of the study, the authors conclude that, despite the general liberalization of confessional policies towards the Old Believers in the second half of the 19th century, the authorities conducted a very tough course in the sphere of the Old Believer culture, which affected houses of worship as centers of spiritual culture of adherents of “ancient piety”, monuments of book writing and iconography. Particular attention was paid to curbing the spread of the Old Believer literature and icons, which the authorities regarded as a way of propagating the Old Belief.

REFERENCES

1. Lotman, Yu.M. (1994) *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. Saint Petersburg: Iskusstvo.
2. Romanova, N.I. (2007) *Knizhnaya kul'tura staroobryadchestva* [Book culture of the Old Believers]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 1. pp. 82–91.
3. Pokrovskiy, N.N. (1973) O roli drevnikh rukopisnykh i staroobryadcheskikh knig v skladyvanii sistemy avtoritetov staroobryadchestva [On the role of ancient manuscript and Old Believer books in the formation of the system of the Old Believers' authorities]. In: *Nauchnye biblioteki Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Research Libraries of Siberia and the Far East]. Vol. 14. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 19–40.
4. Kartashov, A.V. (1992) *Ocherki po istorii russkoy tserkvi: v 2 t.* [Essays on the history of the Russian Church: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Terra.
5. Ryabushinskiy, V. (1994) *Staroobryadchestvo i russkoe religioznoe chuvstvo* [Old Belief and Russian religious feeling]. Moscow: Mosty.
6. Mel'nikov, I.A. (2013) *Chelovek i kniga v sisteme kul'turnykh praktik novgorodskogo staroobryadchestva* [The person and the book in the system of cultural practices of the Novgorod Old Believers]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo – Vestnik NovSU*. 73 (1). pp. 126–128.
7. Voznesenskiy, A.V. (2016) *Staroobryadtsy i ikh knigopechatnaya deyatel'nost': problemy izucheniya* [Old Believers and Their Book Printing Activities: Problems of Study]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 64. Saint Petersburg: Institute of Russian Literature (Pushkin House), RAS. pp. 538–546.
8. Dutchak, E.E. (2013) *Konfessional'naya knizhnost' kak pamyat' kul'tury: opyt izucheniya staroobryadcheskikh skitskikh sobraniy kontsa XIX – nachala XXI v.* [Confessional books as a memory of culture: the experience of studying Old Believer skete collections of the late 19th – early 21st centuries]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4. pp. 156–163.
9. Pozdeeva, I.V. (2005) *Knizhnost' staroobryadcheskogo Verkhokam'ya: istoki, chitateli, sud'by (po zapisyam na ekzemplyarakh knig Verkhokamskogo sobraniya NB MGU)* [The books of the Old Believers of the Upper Kama region: origins, readers, destinies (according to records on copies of the books of the Upper Kama collection of the Moscow University Library)]. In: *Traditsionnaya kul'tura Permskoy zemli: k 180-letiyu polevoy arkheografii v Moskovskom universitete, 30-letiyu kompleksnykh issledovaniy Verkhokam'ya* [Traditional culture of the Perm land: to the 180th anniversary of field archaeography at Moscow University, the 30th anniversary of the complex research of the Upper Kama region]. Yaroslavl: Remder. pp. 120–140.
10. Dergacheva-Skop, E.I. & Alekseev, V.N. (1992) *Staroobryadcheskie biblioteki v Sibiri (problemy rekonstruktsii)* [Old Believer libraries in Siberia (problems of reconstruction)]. In: *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh*

Evropy, Azii i Ameriki [Traditional spiritual and material culture of Russian Old Believer settlements in Europe, Asia and America]. Novosibirsk: Nauka. pp. 125–130.

11. Pozdeeva, I.V. (1992) Traditsionnaya knizhnost' sovremennogo staroobryadchestva [Traditional books of modern Old Believers]. In: *Mir staroobryadchestva* [The World of Old Belief]. Vol. 1. Moscow; Saint Petersburg: Khronograf. pp. 11–27.
12. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 274. List 1. File 4.
13. Shakhov, M.O. (1998) *Staroobryadchestvo, obshchestvo, gosudarstvo* [Old Belief, society, state]. Moscow: Sims.
14. Senatov, V.G. (1995) *Filosofiya istorii staroobryadchestva* [Philosophy of the history of Old Belief]. Moscow: Tserkov'.
15. Council of All-Russian Congresses of the Old Believers. (1910) *Sel'skokhozyaystvennyy i ekonomicheskiy byt staroobryadtsev (po dannym ankety 1909 g.)* [Agricultural and economic life of the Old Believers (according to the 1909 questionnaire)]. Moscow: Sovet Vseros. s"ezdov staroobryadtsev.
16. Russian Empire. (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The first general census of the Russian Empire's population in 1897]. Vol. 10. Saint Petersburg: Tipografiya kn. V.P. Meshcherskogo.
17. Baev, V.G. & Davydenkova, A.G. (2012) Kategoriya "dukhovnost'" v kontekste staroobryadcheskoy kul'tury [The category "spirituality" in the context of the Old Believer culture]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 1 (2). pp. 220–228.
18. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 237. List 15 k. File 195.
19. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 237. List 15 m. File 670.
20. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 237. List 193. File 112.
21. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 237. List 15 l. File 529.
22. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 237. List 193. File 654.
23. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 237. List 15 s. File 293.
24. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 237. List 15 l. File 378.
25. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 237. List 15. File 304.
26. Russian State Historical Archive (RGIA). F.1284. List 219. File 44.
27. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 797. List 32. File 196.
28. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 797. List 40. File 143.
29. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 574. List 1. File 271.
30. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 237. List 15 s. File 212.
31. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 237. List 15 l. File 407.
32. Pozdeeva, I.V. (1999) Lichnost' i obshchina v istorii russkogo staroobryadchestva [Person and community in the history of Russian Old Believers]. In: *Mir staroobryadchestva. Istoriya i sovremennost'* [World of the Old Believers. History and modernity]. Vol. 5. Moscow: Moscow State University. pp. 3–29.
33. Pochinskaya, I.V. (1991) *Staroobryadcheskoe knigopechatanie XVIII – pervoy chetverti XIX v.* [Old Believer book printing of the 18th – first quarter of the 19th centuries]. History Cand. Diss. Sverdlovsk.
34. Pozdeeva, I.V. (1988) Drevnerusskoe nasledie v istorii traditsionnoy knizhnoy kul'tury staroobryadchestva (pervyy period) [Old Russian heritage in the history of the traditional book culture of the Old Believers (first period)]. *Istoriya SSSR*. 1. pp. 84–99.
35. Kochergina, M.V. (2019) Russian Old Believers and Preservation of the Cultural Heritage of Ancient Russia: History and Modernity. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – Bryansk State University Herald*. 2 (40). pp. 51–60. (In Russian).
36. Pochinskaya, I.V. (1994) *Staroobryadcheskoe knigopechatanie XVIII – pervoy chetverti XIX v.* [Old Believer book printing of the 18th – first quarter of the 19th centuries]. Yekaterinburg: Ural Branch, RAS.
37. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 582. List 84 a. File 82.
38. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 237. List 15 e. File 648.
39. Pochinskaya, I.V. (1997) Knigopechatanie staroobryadtsev-fedoseevtsev vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (do 1906 g.) [Book printing of the Fedoseevite Old Believers in the second half of the 19th – early 20th centuries (until 1906)]. In: *Ural'skiy sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya* [Ural collection. History. Culture. Religion]. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 146–153.
40. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 582. List 139. File 287.
41. Semibratov, V. (1991) Tipografiya Luki Grebneva [Printing house of Luka Grebnev]. *Ural'skiy sledopyt*. 2. pp. 10–11.
42. Petryaev, V. (1986) *Vyatskie knigolyuby* [Vyatka book lovers]. Kirov: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izd-vo.
43. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 6799. List 8. File SU–10165.
44. Voznesenskiy, V.V., Mangilev, P.I. & Pochinskaya, I.V. (1996) *Knigoizdatel'skaya deyatel'nost' staroobryadtsev (1701–1918). Materialy k slovaryu* [Old Believers' book publishing activities (1701–1918). Materials for the dictionary]. Yekaterinburg: Ural State University.
45. State Archive of the Russian Federation. Fund 543. List 1. File 424.
46. Averintsev, S.S. et al. (eds) (1995) *Khristianstvo: entsiklopedicheskiy slovar': v 3 t.* [Christianity: encyclopedic dictionary: in 3 volumes]. Vol. 2. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
47. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 582. List 40. File 113.
48. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 714. List 1. File 1411.
49. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 821. List 133. File 112.
50. Ivonin, Yu.M. (1973) *Staroobryadtsy i staroobryadchestvo v Udmurtii* [Old Believers and Old Belief in Udmurtia]. Izhevsk: Udmurtiya.
51. Central State Archive of the Udmurt Republic. Fund 245. List 1. File 2138.

Received: 14 March 2020

С.Н. Мирошников

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН В 2000–2020 гг.

*Данное научное исследование (№ 8.1.33.2020) выполнено при поддержке
Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.*

На основе анализа социально-экономического развития Республики Таджикистан в конце XX – начале XXI в. рассматриваются проблемы формирования и функционирования системы среднего и высшего образования страны после разрушительной гражданской войны 90-х гг. XX в. Выявляются основные проблемы сложившейся в XXI в. образовательной модели и возможности ее реформирования в ответ на вызовы, которые стоят перед страной. Отдельно анализируется позиция русскоязычного образования в стране, помощь, которую оказывает стране Российская Федерация, и проблемы интернационализации таджикского образования.

Ключевые слова: Республика Таджикистан; система образования; русский язык; интернационализация.

Республика Таджикистан после провозглашения независимости в 1991 г. была ввергнута в гражданскую войну, которая не только принесла огромные разрушения, человеческие жертвы, но и имела серьезные долговременные последствия в виде массового оттока русскоязычного и таджикского населения, в основном высококвалифицированного, из республики. С 1993 по 2005 г. страну покинуло 824 тыс. человек. В среднем в год из страны уезжало в этот период 50 тыс. человек. Такое положение дел сказалось в первую очередь на тех отраслях народного хозяйства, в которых была востребована высококвалифицированная рабочая сила, и носило долговременный негативный эффект. В этот период валовый национальный доход (ВНД) Таджикистана сократился более чем в три раза: с 6,8 млрд долл. США в 1990 г. до 2,1 млрд долл. США в 1996 г. [1].

После окончания гражданской войны и относительно небольшого периода становления новой власти, совпавшего с последними годами XX – первыми годами XXI в., Республика Таджикистан начала довольно быстро восстанавливаться. Уверенный рост ВНД начиная с 2005 г. оставался на уровне 4–5% в год (за исключением 2009 г., когда рост составил всего 1,9%). В 2019 г. рост ВНД составил 4,9%. Довоенного уровня ВНД республика достигла лишь в 2013 г. [1].

В настоящее время Республика Таджикистан – страна с низким уровнем дохода, по методологии Всемирного банка, и единственная страна в этой категории на пространстве бывшего СССР. ВНД страны в 2019 г. составил 8 117 млрд долл., а ВНД, рассчитанный по паритету покупательной способности на душу населения, который более точно отражает уровень жизни населения в стране, составил в этом же году 3 520 долл. в год (154-е место в списке из 187 стран). Достаточно сказать, что по этому показателю уровень жизни Республики Таджикистан сопоставим с уровнем жизни в Республике Конго (3 435 долл. в год) и Сенегала (3 536 долл. в год). Сопоставимые с Таджикистаном постсоветские республики по показателю ВНД, рассчитанному по паритету покупательной способности на душу населения, имеют 5 070 долл. – Киргизстан и 7 400 долл. – Узбекистан [2].

Неудивительно, что страна является по преимуществу аграрной. Городское население, согласно данным Статистического агентства Таджикистана на 2018 г., составляет 26,3% от численности всего населения [3]. Причем городское население концентрируется в небольших городах, численностью от 10 до 40 тыс. человек. В настоящее время в Таджикистане 18 городов: в Душанбе проживает 846,4 тыс. человек, в еще трех городах количество жителей составляет от 100 до 250 тыс. Остальное население проживает в небольших поселках с населением от 10 до 40 тыс. человек или в сельских поселениях (джамоатах) [4]. Сельское хозяйство, хотя и составляет около 19% в структуре ВНД, играет важнейшую роль в социально-экономическом развитии страны, задавая многие его параметры [5]. Аграрный, традиционный тип мышления преобладает в республике, создавая серьезную преграду для модернизации страны.

Население в 2020 г. составляло 9 560 850 человек [6]. После окончания гражданской войны в 1997 г. за 20 лет население увеличилось на 3 млн человек или на 50% [4]. Такой быстрый рост поставил перед страной задачу во втором десятилетии XXI в. инкорпорировать значительное количество молодых людей в таджикское общество, обеспечив им достаточный уровень образования, работы и качество жизни. Эта задача имеет такое значение для руководства республики, что в стратегии развития страны до 2030 г. второе десятилетие XXI в. было признано критическим для страны [7].

Экономика страны концентрируется на производстве электроэнергии, которая становится приоритетным проектом для Республики Таджикистан, и добыче природных металлосодержащих (алюминий, золото, цинк, олово) ископаемых с низкой долей переработки, что делает данный сектор, а следовательно, и экономику страны сильно зависимыми от колебания цен на мировых рынках [8]. Развитие транспортной инфраструктуры также является важнейшей задачей для страны, так как Таджикистан в силу своего географического расположения оказался в стороне от основных транспортных артерий – сначала Советского Союза, а затем и Центральной Азии. Большая часть внутренних перевозок проходит через

территорию Узбекистана. Транспортный тупик создает для Республики Таджикистан серьезные трудности с экспортом своей сельскохозяйственной продукции и металлосодержащей руды [9].

Финансовые потоки в экономику страны приходятся в основном на государственное бюджетное финансирование, иностранные инвестиции и денежные переводы мигрантов. По данным Всемирного банка, денежные переводы мигрантов составляют около 40% ВНД республики, а за счет них живет около 70% таджикских семей, что делает страну одной из самых зависимых стран от денежных переводов в мире [9].

Такая ситуация в социально-экономическом развитии страны ставит перед руководством Республики Таджикистан несколько взаимосвязанных между собой задач, определяющих пути их решения. Во-первых, это поднятие уровня благосостояния народа и резкое сокращение уровня бедности. Республика уже добилась серьезных успехов на этом направлении, сократив уровень бедности до 27% в 2019 г. (после гражданской войны он составлял более 80%) [7]. Во-вторых, по диверсификации экономики, перевода ее на производство товаров с большей добавочной стоимостью, чтобы добиться большей занятости населения и уменьшить влияние колебания цен на производимое республикой сырье в мире. Для решения этих задач в 2016 г. была разработана Стратегия развития Республики Таджикистан до 2030 г. В ней ставится задача превратить Республику Таджикистан в аграрно-индустриальную страну и резко сократить уровень бедности за счет развития человеческого капитала, энергетического комплекса, экспортно ориентированного экологически чистого сельскохозяйственного производства, добычи и глубокой переработки черных и цветных металлов и создания производств с высокой добавочной стоимостью (правда, не определяется в каких сферах) [7].

Важнейшей задачей социально-экономического развития страны до 2030 г. является задача развития человеческого капитала. В этой части Стратегия уделяет значительное внимание проблемам науки и образования в республике, задачам, которые стоят перед ними в свете реализации стратегии развития, и методам достижения этих целей. Однако способы решения поставленных в Стратегии задач предполагают реализацию догоняющей модели развития страны и ориентированы на создание индустриальной базы в республике, опирающейся на опережающее развитие выработки и производства электроэнергии на гидроэлектростанциях, что, несомненно, позволит привлечь к строительству значительное количество квалифицированной рабочей силы, и добычу, частичную переработку металлосодержащих руд. Кроме того, ставится задача создания экспортно ориентированного сельского хозяйства, предполагающего резкое увеличение его производительности за счет внедрения новых технологий, механизации и автоматизации, что, как известно из мировой практики создания экспортно ориентированных фермерских хозяйств, приводит к сокращению использования дешевой рабочей силы [7].

Задачи, связанные с развитием наукоемких отраслей экономики, ориентированных на вхождение в

глобальные цепочки производства добавленной стоимости, в Стратегии не ставятся, что постулирует развитие системы науки и образования, ориентирующиеся на удовлетворения потребностей индустриализации, догоняющего развития, а не вхождение в глобальное пространство. При такой постановке вопроса задачи развития человеческого капитала будут упираться в подготовку специалистов, связанных как раз с удовлетворением потребности догоняющего индустриального развития, – педагоги среднего и профессионального образования (в 2018 г. количество занятых в образовании составляло 9,8% от всего занятого населения), инженеры и врачи (4,8%) [10]. Выбор такого пути развития, конечно, диктуется и необходимостью создания большего количества рабочих мест в связи с демографическим бумом после гражданской войны и необходимостью бороться с высоким уровнем бедности в республике. Но развитие новых наукоемких отраслей производства и создание вокруг них новой экосистемы обслуживания в данной Стратегии даже не обозначаются, что исключает возможность в ближайшее время совершить серьезный рывок в социально-экономическом развитии республики, обрекает ее на существование в качестве аграрно-индустриального придатка и поставщика ресурсов (в том числе и трудовых) для более экономически развитых стран региона.

Последняя, датированная 2010 г. концепция развития науки и образования Республики Таджикистан, доступная на сайте Академии наук Республики Таджикистан, делает упор на необходимости развития международного сотрудничества в области образования и научных исследований, концентрации усилий на определенных направлениях науки (конструкционные металлические материалы, полимерные композиционные материалы, энергосберегающие технологии, оптимизация работы гидроузлов с использованием методов математического моделирования, технологии производства низкометилизованного пектина, технологии в области мониторинга окружающей среды и предупреждения природных и техногенных катастроф, геномная инженерия и биотехнология, использование генетико-физиологических тестов в селекции новых сортов сельскохозяйственных культур, технологии производства новых лекарственных препаратов на основе использования местного растительного сырья, диагностика, профилактика и лечение заболеваний человека). Для решения этих задач разработана система мероприятий, призванная способствовать достижению поставленных целей в жизнь. Однако в данной стратегии особенно бросается в глаза, что нет понимания – за всеми декларациями – как и за счет чего достигнуть поставленной цели [11]. Для решения этой задачи необходима концентрация всех ресурсов страны и изменения парадигмы ее развития, что требует воли высшего руководства страны, чего, судя по речи переизбранного на следующий срок президентства Эмомали Рахмона, не предвидится [12].

Неслучайно в индексе инновационного развития, публикуемого Корнельским университетом под эгидой ООН, Таджикистан с 2013 по 2019 г. стабильно входил в тройку лидеров стран в группе с низким до-

ходом, занимая 100–101 места, а в 2020 г. опустился сразу на 8 позиций, заняв 109 место. Такая «стабильность» с отрицательной динамикой говорит лишь об одном: Таджикистан развивается по экстенсивному пути, не предпринимая никаких мер по созданию инновационной модели развития [13].

В тоже время система науки и образования в Таджикистане имела и имеет потенциал для выявления и реализации задач в приоритетных для развития республики отраслях и сферах, которые позволили бы заполнить определенные «ниши» глобальной экономики и резко ускорить темпы социально-экономического развития страны. Конечно, реализация потенциала науки и образования Республики Таджикистан невозможна без всесторонней поддержки государством наукоемкого бизнеса. Для этого требуется создание эффективной экосистемы взаимодействия науки, образования и экономики, основанной на снятии всех преград для их развития, всемерной поддержке и продвижении выхода наукоемких производств на международные рынки, концентрации всех возможных ресурсов, как финансовых, так и человеческих, на четко выверенных и просчитанных прорывных направлениях развития инновационного бизнеса в республике. В преимущественно традиционном обществе создание такой экосистемы столкнется с серьезными трудностями при реализации: узостью мышления, семейными и клановыми связями и коррупцией, что потребует от государства выверенной политики по решению этих сложных вопросов, по созданию условий для постепенного продвижения вперед.

Советское наследие в Республике Таджикистан претерпело серьезные изменения после провозглашения Республикой Таджикистан независимости. В период гражданской войны множество школ было разрушено, значительная часть учителей и преподавателей вузов, особенно русскоязычных, покинули страну, а оставшиеся вынуждены были уйти из школ и вузов и переключиться на другие сферы деятельности, чтобы заработать деньги на жизнь. Резко упал престиж профессии. По официальным данным, в 2005 г., через 8 лет после окончания гражданской войны, в стране не хватало 10 тыс. учителей, и это, видимо, не полная информация, так как в школах, особенно сельских, практиковалось совмещение учителем преподавания нескольких предметов [11].

Только после политической стабилизации и перехода к устойчивой мирной жизни, с 2000 г., началась реформа образования в Республике Таджикистан. Задачи этой реформы были направлены на законодательное оформление создания независимой системы образования в стране и выстраивание непрерывного образовательного процесса, начиная с детских садов и заканчивая докторантурой. Законодательная база была создана в 2000–2010 гг. Основной закон, принятый в 2004 г. в этой сфере, «Закон Республики Таджикистан об образовании», закреплял основные принципы системы образования в стране: равноправие граждан в получении качественного образования; обязательность общего основного образования; доступность общего среднего образования и продолжение обучения на последующих ступенях образования на кон-

курсной основе; научное, светское и гуманистическое обучение и воспитание в образовательных учреждениях; самостоятельность образовательных учреждений; непрерывный процесс образования и последовательность процесса образования, обеспечивающие связь ступеней образования; развитие сферы образования с учетом международных стандартов качества обучения и международных норм образования; интеграция образования, науки и производства [14]. И за относительно небольшой исторический промежуток времени правительству Республики Таджикистан удалось, несмотря на все сложности, выстроить устойчивую систему образования в стране. В настоящее время практически решена кадровая проблема, если верить официальным источникам, хотя в связи с ростом населения еще ощущается серьезный недостаток учителей. По данным Министерства образования, в стране в 2020 г. не хватало 2 959 учителей. Особенно острый недостаток – в преподавателях русского и английских языков, математики, физики и химии [15]. Достаточно успешно функционируют как государственные, так и частные учебные заведения всех уровней подготовки, восстановлены разрушенные войной, строятся новые школы, детские сады, происходит материальное оснащение большинства школ республики, в том числе и компьютерным оборудованием. Страна перешла к системе независимого тестирования уровня знаний учащихся средних школ, по результатам которого выпускники имеют право поступать в высшие учебные заведения, страна налаживает сотрудничество в области образования с различными международными структурами [11].

Таджикистан постепенно входит в международное образовательное пространство. Были проведены реформы по переходу на двухуровневое образование (бакалавриат и магистратура), внедрению системы кредитных единиц, оценки знаний и качества образования по международным показателям, взаимопризнанию дипломов и квалификационных степеней высшего образования Таджикистана и их сопоставлению с мировыми стандартами, расширению мобильности студентов и преподавателей [16].

В Таджикистане в области образования активно работает Фонд Ага Хана, который создал с 1998 г. целую систему частного образования. Образовательная деятельность Фонда Ага Хана охватывает подготовку детей начиная с дошкольных учреждений и заканчивая Университетом в Центральной Азии, созданном с большим кампусом в г. Хорог, и профессиональное непрерывное образование, доступное для всех возрастов. Фонд в основном работает в Горно-Бадахшанской автономной области и Хатлонской области Республики Таджикистан и обеспечивает получение образования по мировым стандартам, сотрудничая с ведущими мировыми университетами (Сиднейский технологический университет (Австралия), Университет Торонто (Канада), Университет Британской Колумбии (Канада), Стокгольмская школа экономики (Латвия, Рига), Научно-исследовательский университет при Высшей школе экономики (Россия, Москва), Кембриджский университет (Великобритания)) [17].

В Таджикистане существует Международная стипендия Президента Республики Таджикистан «Дурахшандагон», учрежденная Указом Президента Республики Таджикистан от 2 августа 2008 г. № 502, для подготовки кадров за рубежом. Кандидаты на данную стипендию имеют грант на получение образования в иностранном вузе и обязаны вернуться в страну после окончания образования. За это время в вузы и научно-исследовательские заведения зарубежья на обучение по различным образовательным программам подготовки (бакалавр, специалист, магистр, аспирант, докторант и стажер) направлены 407 граждан [18].

Абитуриентам из Таджикистана по межправительственным соглашениям выделяют квоты на обучение такие страны, как Россия, Казахстан, Китай. Наибольшее количество квот выделяет Российская Федерация – 630 в 2020 г., более 180 квот поступает от Китая, и около 50 квот от Казахстана. Также есть стипендии из США, Японии и ЕС. Есть и студенты, которые поступают в вузы мира на договорной основе. Их количество около 5 тыс. человек. По данным начальника отдела международных связей Минобрнауки Таджикистана Ильхома Камолзода, в настоящее время только в вузах РФ обучаются 24,604 тыс. студентов, причем 18 тыс. из них – за счет российского бюджета [19].

В тоже время необходимо отметить и существующие серьезные проблемы в системе образования. Первое, на что хочется обратить внимание, – это низкий уровень мотивации большинства молодых людей и их родителей для получения полного среднего и высшего образования. Особенно данная тенденция характерна для сельских районов и небольших городов, в которых проживает большая часть населения Таджикистана. Низкий заработок родителей, отсутствие перспектив высококвалифицированной и высокооплачиваемой работы и низкие востребованность и заработная плата специалистов с высшим образованием в данных районах вынуждают детей, чаще из многодетных семей, которых подавляющее большинство в современном Таджикистане, бросать школу после обязательных девяти классов и отправляться на поиски хоть какой-то работы [20].

Остро, несмотря на все старания правительства, стоит вопрос с обучением девочек, которых стараются побыстрее выдать замуж. Возраст законного вступления в брак в Таджикистане 18 лет, но часто местные муллы благословляют ранние браки, считая религиозное разрешение важнее светского. В сельской местности считается нормальным для женщины быть верной женой, рожать и растить детей и быть послушной мужу и его семье. Высшее образование до сих пор считается серьезным недостатком для таджикской женщины. Конечно в крупных городах ситуация несколько иная, но пока данная ситуация в отношении роли и места женщины в таджикском обществе является преобладающей [21].

Пока таджикская экономика и государство не могут предложить никакой альтернативы данной ситуации. Восстановление экономики после гражданской войны произошло на старой аграрно-индустриальной основе, а нынешняя модель государственно-частного

хозяйства, хотя и привела к значительному росту производства, не только не смогла полностью ликвидировать безработицу и бедность, но, видимо, и достигла своего предела. Кризисные явления в мировой экономике, связанные с пандемией коронавируса, оказали серьезное негативное воздействие на таджикскую экономику за счет снижения спроса на цветные металлы и особенно на потребности в дешевой неквалифицированной рабочей силе за рубежом.

Вторая важнейшая проблема таджикского образования как в средней школе, так и в высшем образовании – низкая квалификация преподавателей. Республика Таджикистан – единственная страна на постсоветском пространстве, где квалификация преподавателей и учителей старших возрастных категорий выше, чем у молодых педагогов и педагогов среднего возраста. Такая ситуация объясняется колоссальным оттоком высококвалифицированных кадров в период гражданской войны и падением качества преподавания, а также разрывом в передаче опыта и знаний от одного поколения к другому. Невозможность в короткие сроки после окончания гражданской войны изменить данную ситуацию привела к резкому снижению качества среднего и высшего образования в стране [20].

Еще одна серьезная проблема образования Республики Таджикистан – коррупция. По рейтингу коррупции, составленному влиятельной международной неправительственной организацией Трансперенси Интернешнл (Transparency International), Таджикистан занимает 153 место из 180 [22]. Официальных данных на этот счет нет, но практически все независимые журналисты и исследователи отмечают эту проблему. Основной причиной коррупции в сфере образования называют недостаток финансирования образования, приводящего к тому, что образование, задекларированное как бесплатное, становится платным, так как школы и университеты очень часто перекладывают часть своих обязательных расходов на плечи родителей. Уровень заработной платы как школьных учителей, так и вузовских преподавателей не позволяет вести приемлемый образ жизни, заставляя брать на себя дополнительную нагрузку или подрабатывать в других местах. По официальным данным, средняя заработная плата в образовании 939 сомони (83 долл.) при минимальной заработной плате в 400 сомони (35,3 долл.) (данные за 2018 г.) [10]. Причем необходимо учитывать, что большинство семей в Таджикистане является многодетными. Поэтому на данную заработную плату прожить практически невозможно. Такая ситуация приводит к тому, что средний уровень квалификации преподавателей резко упал. Еще одна причина коррупции – нехватка мест в школах и дошкольных учреждениях, особенно таких, которые дают относительно качественное образование, и родители вынуждены платить за получение места.

Проблемой таджикского образования является и крайне низкий уровень системы управления в республике, которая переплетается с системой личной преданности и лояльности и не позволяет систематически решать стоящие перед страной задачи, в том числе и в системе образования [9]. Хотя необходимо отдать должное ра-

ботникам и руководителям министерства, в тяжелейших условиях они смогли все-таки создать и законодательную базу, и функционирующую систему образования. Однако многие решения являются либо не продуманными, либо слишком поспешными. Практически повсеместно признается низкий уровень квалификации педагогов как высшей, так и средней школы, однако министерство в этом направлении практически не предпринимает какие-либо шаги. С большим опозданием министерство инициировало работу по подготовке новых учебников и методических материалов, которые до сих пор еще не готовы. Школы работают либо по переводным учебникам, либо по старым советским, которые уже не отвечают потребностям времени [23].

Проблема с управленческими решениями в области образования хорошо проявилось в вопросе о переходе на двенадцатилетний цикл образования. Решение было принято в 2010 г. парламентом Республики Таджикистан и предполагало переход на двенадцатилетнюю систему образования к 2017 г. На его реализацию, по данным независимых СМИ, были выделены в виде грантов деньги Всемирного банка (20 млн долл.) и Германии (13 млн евро), однако переход так и не начался, так как ни учителей, ни школьных помещений, ни финансов у государства под двенадцатилетнее образование в Таджикистане нет [23].

Несмотря на то что Таджикистан входит в международное образовательное пространство и здесь проводятся реформы, которые соответствуют требованиям «болонской системы», реального улучшения качества подготовки в высших учебных заведениях Таджикистана пока не наблюдается.

Необходимо отдельно отметить позицию русскоязычного образования в стране. Резкое сокращение русскоязычных школ (к 2011 г. из ста русскоязычных школ в Республике Таджикистан было закрыто более 80) и отток русскоязычного населения (по некоторым данным в настоящее время в Республике Таджикистан осталось 30–40 тыс. этнических русских, и то в большинстве своем это люди пожилого возраста) [24] привели к резкому сужению сфер использования русского языка. Собственно говоря, и в советский период Таджикистан относился к тем республикам, в которых русским языком владело преимущественно городское население, а распространенность в сельских районах была невелика по советским параметрам. По переписи 1989 г., абсолютно не владело русским языком 70% граждан Таджикской ССР, причем это были представители титульной нации, которые преимущественно проживали в горной сельской местности [24]. В Конституции независимого Таджикистана русский язык хотя и утратил статус государственного языка, но сохранил статус языка межнационального общения. Сложные процессы становления новой государственности затронули и языковой вопрос. Однако попытка государства лишить русский язык статуса языка межнационального общения, предпринятая правительством в 2009 г., привела к появлению серьезных проблем и заставила правительство вернуть специальным постановлением русскому языку статус языка межнационального общения [25]. Однако, несмотря на все пертурбации, после развала Советского Союза

количество владеющих русским языком в Таджикистане не только не уменьшилось, а, наоборот, немного увеличилось. По данным издания «Стандарт», в настоящее время только 67% граждан Таджикистана совсем не владеют русским языком [26].

По мнению местных журналистов, в настоящее время русскоязычное образование, как среднее, так и высшее, переживает период ренессанса. Для этого есть несколько факторов. Во-первых, в сохранившихся русскоязычных школах остались в основном учителя, которые там работали еще с советских времен и квалификация которых заметно превосходит уровень квалификации молодых педагогов, пришедших в школы в 2000-х гг. Во-вторых, с 2007 г. в школы с преподаванием на русском языке стали поступать по линии Россотрудничества новые учебники, методические пособия для учителей, которые позволили сделать образование более современным, в какой-то степени отвечающим требованиям времени. В 2020 г. в Таджикистан передано 12,291 тыс. учебников [26]. Кроме этого на деньги России начали строить пять новых русскоязычных школ в крупных городах: Душанбе, Худжанде, Бохтаре, Кулябе и Турсунзоде. Каждая из новых школ рассчитана на 1 200 учебных мест, а учебные программы будут созданы в России. В-третьих, такая ситуация резко контрастирует с положением в школах и высших учебных заведениях с преподаванием на таджикском языке, где методики преподавания и учебники и методические пособия либо переводные, либо еще советских времен. В-четвертых, с 2017 г. под эгидой Совета Федерации начала функционировать программа по направлению российских учителей в школы Таджикистана. В 2020 г., несмотря на пандемию коронавируса, 50 российских учителей начали преподавать в школах Душанбе и других городах и даже селах Таджикистана. В-пятых, в Таджикистане работает Российско-таджикский славянский университет, а также филиалы МГУ им. М.В. Ломоносова, Национального исследовательского технологического института (Московский институт стали и сплавов) и Московского энергетического института, которые ведут преподавание по российским образовательным стандартам и в тесном сотрудничестве с головными университетами. Эти университеты к тому же выдают диплом российского образца, и уровень подготовки студентов в этих вузах также отличается в лучшую сторону от таджикских университетов. Кроме этого российское правительство ежегодно выделяет квоту на обучение таджикских студентов в вузах России, о чем было сказано выше [19]. В-шестых, стабилизация ситуации в Таджикистане и меры правительства по выстраиванию образовательной стратегии после принятия в 2004 г. «Закона о образовании» позволили восстановить экономику, значительно уменьшить уровень бедности и выстроить систему непрерывного образования в стране, что, несомненно, в совокупности с другими факторами также сыграло свою роль в повышении интереса как к образованию, так и качественному образованию, предлагаемому русскоязычными школами и университетами. И, наконец, в-седьмых, существующая модель экономического и социального развития страны, которая в данный момент во многом опирается на миграцию значительной

части населения на заработки в Россию и приток денежных средств мигрантов, делает изучение русского языка и получение образования на русском языке практически единственным способом выбраться из нищеты и добиться приемлемого уровня жизни, уехав из страны на заработки в Россию.

Подводя итоги анализу состояния системы образования в Республике Таджикистан, следует отметить, что ситуация в этой сфере остается крайне неудовлетворительной. Несмотря на серьезные усилия, пред-

принятые страной в XXI в., в результате чего была законодательно выстроена новая система образования независимого Таджикистана, низкий стартовый уровень и катастрофические последствия гражданской войны отбросили систему образования Республики Таджикистан далеко назад. А сложившаяся модель социально-экономического развития страны не способствует изменению места и роли образования в обществе, оставляя ему роль обслуживающего сектора для индустриально-аграрного пути развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Bank, World Development Indicators, 2020. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&country=UZB>
2. World Bank, World Development Indicators, 2020. URL: <https://data.worldbank.org/?locations=TJ-UZ-KG>
3. Статистическое агентство Республики Таджикистан. Городское и сельское население. 2000–2018. URL: <https://www.stat.tj/ru/database-socio-demographic-sector>
4. Статистическое агентство Республики Таджикистан. Численность населения Республики Таджикистан на 1 января 2018 года. URL: https://stat.wv.tj/files/cislennost_naselenia_na_1.01.2018.pdf
5. Статистическое агентство Республики Таджикистан. Номинальный ВВП по отраслям происхождения, 1995–2018. URL: <https://www.stat.tj/ru/tables-real-sector>
6. Численность населения в Таджикистане, 2020 г. URL: <https://countrymeters.info/ru/Tajikistan>
7. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан до 2030 года. Душанбе, 2016. 104 с.
8. Статистическое агентство Республики Таджикистан. Таджикистан в цифрах. 2018. URL: <https://stat.wv.tj/publications/June2019/tajikistan-in-figures-2018.pdf>
9. Обеспечение успешной реализации Национальной стратегии развития до 2030 года: Создание основы для всеобщего процветания. Республика Таджикистан: комплексное диагностическое исследование страны, май 2018 года. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/pt/523621531893222730/pdf/126209-RUSSIAN-PUBLIC-TJK-SCD-RUS-WEB2.pdf>
10. Статистическое агентство Республики Таджикистан. Занятость в разбивке по секторам экономики, 1985–2018. URL: <https://www.stat.tj/ru/tables-real-sector>
11. Стратегия Республики Таджикистан в области науки и технологий на 2011–2015 годы. URL: <https://www.anrt.tj/ru/nauchnye-issledovaniya/strategiya-rtv-oblasti-nauki-i-tehnologij-na-2011-2015-gody>
12. Речь Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона по случаю инаугурации Президента Республики Таджикистан. 30.10.2020 12:04, город Душанбе. URL: <http://president.tj/ru/node/24386>
13. Глобальный инновационный индекс 2020 г. Кто будет финансировать инновации. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_gii_2020_keyfindings.pdf
14. Закон Республики Таджикистан об Образовании. URL: <http://maorif.tj/storage/Dokument/s/191d971d729424d421e913e20ad985da.pdf>
15. Школьное образование в Республике Таджикистан в 2019–2020 годы. URL: <https://tj.sputniknews.ru/infographics/20200728/1031647282/tajikistan-obrazovanie-shkoly-uchitelya-dannye-2020.html>
16. Закон РТ «О высшем и послевузовском профессиональном обучении». URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=28115
17. Университет Центральной Азии. URL: <https://ucentralasia.org/About/Index/RU>
18. Правила отбора кандидатов для присуждения Международной стипендии Президента Республики Таджикистан «Дурахшандагон». URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=84092
19. Лякин-Фролов: Россия выделила Таджикистану 630 квот на обучение в вузах. URL: <https://tj.sputniknews.ru/education/20200121/1030576576/Lyakin-Frolov-Russia-Tajikistan-kvoty-obuchenie-vuzy.html>
20. Умеренные ожидания: Препятствия для доступа и получения полного высшего образования в Таджикистане. Мнения основных заинтересованных сторон во время реформы по введению вступительного экзамена в университеты // The World bank, 2015. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/739271468188356206/pdf/AUS7057-RUSSIAN-WP-P148404-PUBLIC-Box393186B.pdf>
21. Гендерный обзор национального доклада о ходе реализации стратегических целей национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года и программы среднесрочного развития Республики Таджикистан на 2016–2020 годы в контексте целей устойчивого развития. Душанбе 2018. URL: http://www.tj.undp.org/content/dam/tajikistan/img/PovertyReduction/undp_tjk_gender_review_2030.pdf
22. Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/en/countries/tajikista>
23. Хумайро Бахтиер: «Образование в Таджикистане: большие проблемы и слабые перспективы». URL: <https://cabar.asia/ru/khumajro-bakhtier-obrazovanie-v-tadzhikistane-bolshie-problemy-i-slabye-perspektivy>
24. Бариишполец К.С. Русский язык в Центрально-Азиатском регионе // Вестник МГИМО-Университета. 2014. С. 67. URL: <http://vestnikold.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/borishpolec.pdf>
25. РИА Новости. Статус русского языка в странах постсоветского пространства. Справка. URL: <https://ria.ru/20090723/178413163.html>
26. Таджикистан не в состоянии прокормить русских учителей, которых настойчиво зовет к себе Эмомали Рахмон. URL: https://stanradar.com/news/full/4818-tadzhikistan-ne-v-sostojanii-prokormit-russkih-uchitelej-kotoryh-nastojchivo-zovet-k-sebe-emomali-rahmon.html?utm_source=politobzor.net

Статья представлена научной редакцией «История» 27 ноября 2020 г.

Issues in the Development and Reforming of the Educational System in the Republic of Tajikistan in 2000–2020

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 116–123.

DOI: 10.17223/15617793/465/16

Sergey N. Miroshnikov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Smiroshnikov64@mail.ru

Keywords: Republic of Tajikistan; educational system; Russian language; internationalization.

The study is supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme, Project No. 8.1.33.2020.

The aim of this research is to define the place and role of the educational system that was formed in the Republic of Tajikistan in the process of achieving the goal that republic has set for itself: poverty elimination by transforming the country into an agrarian-

industrial state by 2030. This article is based on the following sources: data from the World Bank researches carried out in 2010–2020 on the social and economical development of the Republic of Tajikistan, data from the Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan for 2000–2020, and data from independent international nongovernmental organizations and researchers. The author came to the following conclusion. As a result of the civil war in the 1990s, the Republic of Tajikistan lost about 1/3 of its gross national income. More than 800 thousand people left the country – mostly highly skilled professionals, which led to the interruption in the transfer of knowledge and skills, and to the sharp degradation of the various spheres of the economy. But the educational system of Tajikistan was the hardest hit. The end of the civil war and the establishment of a stable political system led to a rather quick resurrection of the country's economy. GNI's growth in the first quarter of the 21st century was almost 5% per year. The basis for the educational system of the independent Tajikistan was the education law adopted in 2004. It formulated the main principles for the functioning of this system and served as a basis for a whole set of laws that formed a complete educational system in the Republic of Tajikistan. However, the result of the catastrophic decline in the educational level during the civil war and the following period of reconstruction was that by 2020 the educational system, with the help of the government, was only able to heal the wounds. A major role was also played by Russia, which rendered significant financial and methodological assistance to the Republic of Tajikistan in this process. With Russia's help, Tajikistan was able to reconstruct and build new schools, receive thousands of new textbooks and teaching guides; leading Russian universities opened their branches in Tajikistan; every year Russia allocates more than 600 quotas for teaching Tajik students in the leading Russian universities; annually 50 Russian language teachers are sent to the country. The national development strategy of the Republic of Tajikistan for the period up to 2030 assigns a significant part in its implementation to the educational system. However, the flaws in it and its place in the structure of the Tajik government and in the priorities of the social, political, and economic development make it impossible to assume that the level of education in the republic will significantly change in the near future, and that science and knowledge-based industries will appear in the country.

REFERENCES

1. World Bank. (2020) *World Development Indicators*. [Online] Available from: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&country=UZB>.
2. World Bank. (2020) *World Development Indicators*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/?locations=TJ-UZ-KG>.
3. Statistical Agency of the Republic of Tajikistan. (2018) *Gorodskoe i sel'skoe naselenie. 2000–2018* [Urban and rural population. 2000–2018]. [Online] Available from: <https://www.stat.tj/ru/database-socio-demographic-sector>.
4. Statistical Agency of the Republic of Tajikistan. (2018) *Chislennost' naseleniya Respubliki Tadjikistan na 1 yanvarya 2018 goda* [Population of the Republic of Tajikistan as of January 1, 2018]. [Online] Available from: https://stat.wv.tj/files/cislennost_naseleniya_na_1.01.2018.pdf.
5. Statistical Agency of the Republic of Tajikistan. (2018) *Nominal'nyy VVP po otraslyam proiskhozhdeniya, 1995–2018* [Nominal GDP by source, 1995–2018]. [Online] Available from: <https://www.stat.tj/ru/tables-real-sector>.
6. Countrymeters. (2020) *Chislennost' naseleniya v Tadjikistane* [Population in Tajikistan]. [Online] Available from: <https://countrymeters.info/ru/Tajikistan>.
7. Republic of Tajikistan. (2020) *Natsional'naya strategiya razvitiya Respubliki Tadjikistan do 2030 goda* [National Development Strategy of the Republic of Tajikistan until 2030]. Dushanbe: [s.n.].
8. Statistical Agency of the Republic of Tajikistan. (2018) *Tadjikistan v tsifrakh* [Tajikistan in figures]. [Online] Available from: <https://stat.wv.tj/publications/June2019/tajikistan-in-figures-2018.pdf>.
9. World Bank. (2018) *Obespechenie uspeshnoy realizatsii Natsional'noy strategii razvitiya do 2030 goda: Sozdanie osnovy dlya vseobshchego protsvetaniya. Respublika Tadjikistan: kompleksnoe diagnosticheskoe issledovanie strany, may 2018 goda* [Ensuring the successful implementation of the National Development Strategy 2030: Building the basis for shared prosperity. Republic of Tajikistan: A Comprehensive Country Diagnostic Study, May 2018]. [Online] Available from: <http://documents1.worldbank.org/curated/pt/523621531893222730/pdf/126209-RUSSIAN-PUBLIC-TJK-SCD-RUS-WEB2.pdf>.
10. Statistical Agency of the Republic of Tajikistan. (2018) *Zanyatost' v razbivke po sektoram ekonomiki, 1985–2018* [Employment by economic sector, 1985–2018]. [Online] Available from: <https://www.stat.tj/ru/tables-real-sector>.
11. Republic of Tajikistan. (2010) *Strategiya Respubliki Tadjikistan v oblasti nauki i tekhnologiy na 2011–2015 gody* [Strategy of the Republic of Tajikistan in the field of science and technology for 2011–2015]. [Online] Available from: <https://www.anrt.tj/ru/nauchnye-issledovaniya/strategiya-rtv-oblasti-nauki-i-tehnologij-na-2011-2015-gody>.
12. Rahmon, E. (2020) *Rech' Lidera natsii, Prezidenta Respubliki Tadjikistan uvazhaemogo Emomali Rakhmona po sluchayu inauguratsii Prezidenta Respubliki Tadjikistan. 30.10.2020 12:04, gorod Dushanbe* [Speech of the Leader of the Nation, President of the Republic of Tajikistan, respected Emomali Rahmon on the occasion of the inauguration of the President of the Republic of Tajikistan. 30 October 2020. 12:04 p.m. Dushanbe]. [Online] Available from: <http://president.tj/ru/node/24386>.
13. WIPO. (2020) *Global'nyy innovatsionnyy indeks 2020 g. Kto budet finansirovat' innovatsii* [Global Innovation Index 2020. Who will finance innovation]. [Online] Available from: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_gii_2020_keyfindings.pdf.
14. Republic of Tajikistan. (2014) *Zakon Respubliki Tadjikistan ob Obrazovanii* [Law of the Republic of Tajikistan on Education]. [Online] Available from: <http://maorif.tj/storage/Dokument's/191d971d729424d421e913e20ad985da.pdf>.
15. Sputnik. (2020) *Shkol'noe obrazovanie v Respublike Tadjikistan v 2019–2020 gody* [School education in the Republic of Tajikistan in 2019–2020]. [Online] Available from: <https://tj.sputniknews.ru/infographics/20200728/1031647282/tajikistan-obrazovanie-shkoly-uchitelya-dannye-2020.html>.
16. Republic of Tajikistan. (2009) *Zakon RT "O vysshem i poslevuzovskom professional'nom obuchenii"* [Law of the Republic of Tajikistan "On higher and postgraduate vocational training"]. [Online] Available from: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=28115.
17. *Universitet Tsentral'noy Azii* [University of Central Asia]. [Online] Available from: <https://ucentralasia.org/About/Index/RU>.
18. Base.spininform.ru. (2009) *Pravila otbora kandidatov dlya prisoizhdeniya Mezhdunarodnoy stipendii Prezidenta Respubliki Tadjikistan "Durakhshandagon"* [Rules for the selection of candidates for awarding the International Scholarship of the President of the Republic of Tajikistan "Durakhshandagon"]. [Online] Available from: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=84092.
19. Sputnik. (2020) *Lyakin-Frolov: Rossiya vydelila Tadjikistanu 630 kvot na obuchenie v vuzakh* [Lyakin-Frolov: Russia allocated 630 education quotas in universities to Tajikistan]. [Online] Available from: <https://tj.sputniknews.ru/education/20200121/1030576576/Lyakin-Frolov-Russia-Tajikistan-kvoty-obucheniye-vuzy.html>.
20. World Bank. (2015) *Umerennye ozhidaniya: Prepyatstviya dlya dostupa i polucheniya polnogo vysshego obrazovaniya v Tadjikistane. Mneniya osnovnykh zainteresovannykh storon vo vremya reformy po vvedeniyu vstupil'nogo ekzamina v universitety* [Moderate Expectations: Barriers to Accessing and Receiving Higher Education in Tajikistan. Views of the main stakeholders during the reform on the introduction of the university entrance exam]. [Online] Available from: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/739271468188356206/pdf/AUS7057-RUSSIAN-WP-P148404-PUBLIC-Box393186B.pdf>.

21. Republic of Tajikistan (2018) *Gendernyy obzor natsional'nogo doklada o khode realizatsii strategicheskikh tseley natsional'noy strategii razvitiya Respubliki Tadjikistan na period do 2030 goda i programmy srednesrochnogo razvitiya Respubliki Tadjikistan na 2016–2020 gody v kontekste tseley ustoychivogo razvitiya* [Gender review of the national report on the implementation of the strategic goals of the national development strategy of the Republic of Tajikistan for the period up to 2030 and the medium-term development program of the Republic of Tajikistan for 2016–2020 in the context of the sustainable development goals]. [Online] Available from: http://www.tj.undp.org/content/dam/tajikistan/img/PovertyReduction/undp_tjk_gender_review_2030.pdf.
22. *Transparency International*. [Online] Available from: <https://www.transparency.org/en/countries/tajikista>.
23. CABAR.asia. (2015) *Khumayro Bakhtier: "Obrazovanie v Tadjikistane: bol'shie problemy i slabye perspektivy"* [Humayro Bakhtiyor: "Education in Tajikistan: Big Problems and Weak Prospects"]. [Online] Available from: <https://cabar.asia/ru/khumajro-bakhtier-obrazovanie-v-tadjikistane-bolshie-problemy-i-slabye-perspektivy>.
24. Borishpolets, K.S. (2014) Russian Language in the Central Asia Region. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 2 (35). pp. 63–70. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-63-70
25. RIA Novosti. (2009) *Status russkogo yazyka v stranakh postsovetского prostranstva. Spravka* [The status of the Russian language in the post-Soviet countries. Reference note]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20090723/178413163.html>.
26. Stanradar. (2013) *Tadjikistan ne v sostoyanii prokormit' russkikh uchiteley, kotorykh nastoychivo zovet k sebe Emomali Rakhmon* [Tajikistan is unable to afford Russian teachers whom Emomali Rakhmon persistently invites]. [Online] Available from: https://stanradar.com/news/full/4818-tadjikistan-ne-v-sostoyanii-prokormit-russkih-uchitelej-kotoryh-nastojchivo-zovet-k-sebe-emomali-rahmon.html?utm_source=politobzor.net.

Received: 27 November 2020

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЯКУТСКИХ СЫРОДУТНЫХ ГОРНОВ

Затрагиваются проблемы классификации и типологии якутских металлургических горнов. Предлагается выделить два основных типа плавильных печей по высоте рабочей камеры: низкие и высокие. Приводятся их конструктивные различия, рассматриваются особенности сооружения и эксплуатации агрегатов. По ряду признаков якутские плавильные сооружения находят аналоги среди материалов археологических памятников Приангарья, Енисея и Томского Приобья, датируемых эпохами и Нового Времени.

Ключевые слова: якуты; черная металлургия; горны; сыродутный процесс; типология; классификация.

Наличие у якутов самостоятельного металлургического производства является бесспорным фактом. Еще в 1647 г. воевода Василий Пушкин в своей челобитной в Сибирский приказ писал, что «у иноземцев якутов их якуцкое железо есть самое доброе, а плавят, государь, они то железо ис камня не по многу, не на большое дело» [1. С. 49]. Самобытность традиций плавки железа подкрепляется существованием в якутском языке специальной металлургической терминологии для обозначения железа – «тимир», крицы – «болго», фурмы – «сорго», измерительного инструмента – «холо» [2. С. 48]. По мнению видного исследователя железнотопильного производства якутов К.Д. Уткина, традиционные очаги черной металлургии начали формироваться еще до прихода русского населения в бассейн Средней Лены. Плавильни обустроивались вблизи выходов и обнажений железосодержащих руд в долинах крупных рек: Лена, Алдан, Вилюй [3. С. 16]. Наряду с доступностью источников качественной руды для мастеров-плавильщиков важное значение также имело наличие достаточных объемов древесины, необходимой для заготовки угля. В качестве древесного топлива практически все плавильщики предпочитали лиственницу, так как получаемый из нее древесный уголь отличался высоким содержанием углерода [3. С. 23].

Плавильное дело являлось обособленным ремеслом, занимались им лишь некоторые роды якутов. Так, в конце XIX в. добыча железа в пределах Вилюйского региона была сосредоточена в Асыкайском, Одейском, Кангаласском наслегах Мархинского улуса, а также Хоринском, Меитском и 1-м Удюгейском наслегах Верхневилуйского улуса, в Якутском округе плавкой занимались якуты Жемконского и Качикатского наслегов, отдельные поселения металлургов и индивидуальные мастера-плавильщики действовали в Западно-Кангаласском и Баягантайском улусах [4. С. 366]. Особо искусными в плавильном деле считались вилюйские кузнецы [5. С. 174]. Широкое распространение металлургии в Вилюйском округе было также подчеркнуто известным исследователем Р.К. Мааком, отметившим, что железнотопильное производство – главное и почти единственное занятие [6. С. 180].

Плавильную печь якуты называют «*тимир уһаарар оһох*», этот термин распространяется на все металлургические агрегаты, без деления на особенности устройства и строения. Вместе с тем этнографические свидетельства и археологический материал ука-

зывают на то, что якутские мастера-металлурги имели в своем арсенале плавильные агрегаты различной конструкции. Этот вопрос долгое время оставался вне поля зрения исследователей. Конструкция и устройство плавильных печей рассматривались в рамках общих работ, посвященных различным аспектам металлургического производства якутов преимущественно XIX–XX вв. [1–3, 7]. В свете изложенного нами предпринята попытка определить различные варианты сооружения сыродутных горнов.

Основными критериями при выделении типологических групп якутских сыродутных горнов выступают высота и объем рабочего пространства. При прямом способе восстановления железа высота шахты горна играет большую роль. В плавильных печах малых форм «фокус горения» концентрируется непосредственно перед фурмой и занимает небольшой объем, восстановление железа происходит при незначительном притоке воздуха, угля при этом расходуется тоже меньше. По мере увеличения размеров печи повышается и производительность, которая тесно связана с количеством выделяемого тепла, потребляемого угля и обеспечения необходимого объема воздуха [8. С. 242]. Соответственно, высота плавильного агрегата непосредственно влияет и на организацию труда металлургов. Плавильный процесс в горнах с большим объемом рабочей камеры требует коллективной работы большого количества людей, влечет за собой кооперацию и объединение на основе производственной специализации. К примеру, обслуживание больших плавилен XIX в. требовало в среднем 7–10 человек, если количество работников было меньше пяти, то мастер-металлург не приступал к очередной плавке [3. С. 52]. Таким образом, плавильные агрегаты были предварительно распределены на два основных отдела: низкие и высокие горны.

Тип 1. Низкие горны. В эту категорию были определены печи, которые в высоту не превышают 1–1,5 м. Внутри нее были определены группы на основе наличия дополнительного укрепления стенок рабочей камеры – неукрепленные, с земляной обваловкой и горны, размещенные внутри сруба-клет.

Подтип А. Неукрепленные горны представляют собой наземные глинобитные сооружения. Остатки сыродутного горна подобной конструкции были обнаружены во время обследования шлаковых скоплений в местности Куогастаах, на правом берегу р. Тонгуо, левого притока р. Вилюй (рис. 1).

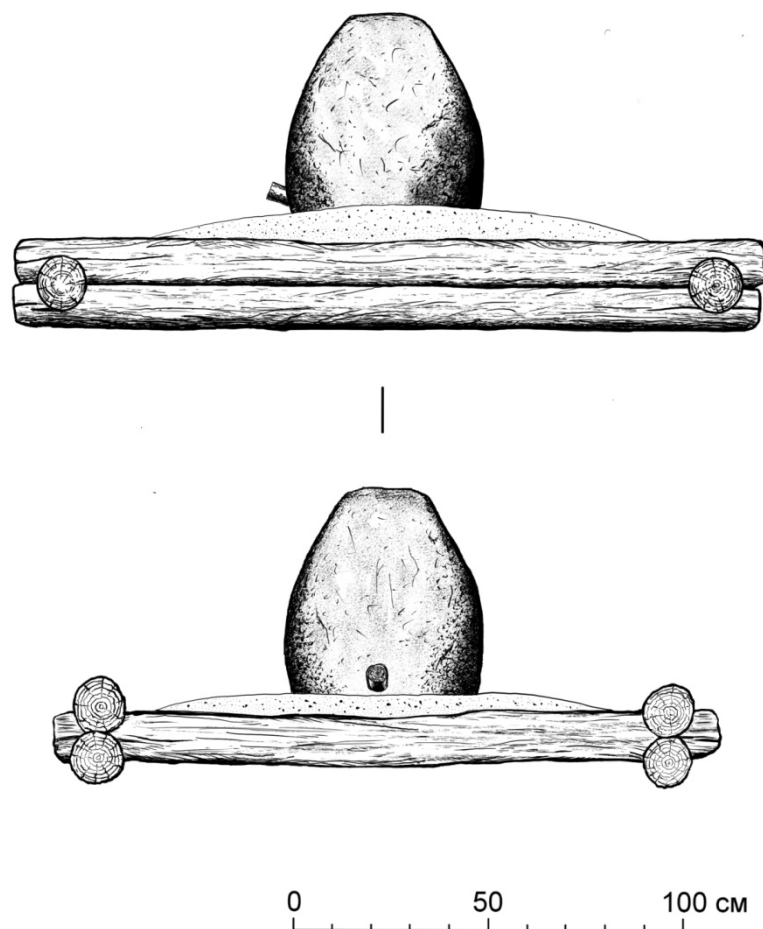

Рис. 1. Неукрепленный глинобитный горн

Свидетельства активного металлургического производства в виде отвалов и отдельных конгломератов шлака концентрировались на правом краю небольшой ложбины, глубоко врезанной в берег р. Тонгуо. На площадке в большем количестве зафиксированы следы хозяйственных ям, западин. Остатки разрушенной плавильной печи были вскрыты в раскопе, заложенном у северо-западных границ площадки. Рабочая камера сложена из глины, сохранилась лишь ее чашеобразное основание. Вероятно, печь имела кувшинообразную форму. Ширина внутрикамерного пространства составляет 31–32 см. Высота сохранившейся части – 28–32 см. Толщина стенок составляет в среднем 3,5–4 см, в некоторых местах – у основания – достигает 5,5–6 см. В западной части стенки имеется отверстие под углом примерно 45° и диаметром 9,5 см, служащее для подведения фурмы и обеспечения притока воздуха во время плавки. Основание плавильной плечи представляет собой клеть-подпечье, срубную двухвенечную конструкцию из бревен, размерами 162 × 180 см. Высота сруба составляет 23 см, толщина бревен – 12–15 см. Из-за плохой сохранности дерева не представлялось возможным точно определить тип углового крепления сруба. Но на основе того, что концы бревен выступают за границы угла, можно предположить, что рубка производилась «в

чашу». Внутреннее пространство сруба плотно забутовано песчано-глинистым материалом. На незначительном удалении от северной стенки сруба были выявлены остатки хозяйственной ямы округлой формы с отходами металлургического производства. Яма имела размеры 92 × 192 см, в глубину достигала 30 см. Внутреннее заполнение состояло из мелкого древесного угля, обломков глиняных воздухоудных трубок-сопел, металлургического шлака, также в большом количестве были зафиксированы кости зайца. Наиболее верным представляется такая картина: яма осталась от выемки грунта для формирования земляной подушки горна, далее была постепенно заполнена отходами сыродутного процесса.

По костям зайца, обнаруженным в заполнении хозяйственной ямы, был получен радиоуглеродный возраст 146 ± 70 (NSKA-02060), который при калибровке дал календарную дату 1660 cal AD (95,4%). Таким образом, производство железа на производственной площадке Куогастах имело место быть во второй половине XVII в.

Применение якутами глинобитных плавильных сооружений подкрепляется этнографическим материалом. Одними из первых свидетельств об устройстве якутских плавильных, вероятно, стоит считать сведения, собранные Г.Ф. Миллером во время своих путеше-

ствий в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.). Он писал, что якутские сыродутные горны не имеют никаких отличий перед татарскими, но преобладают над ними в размерах и в количестве выплавляемого железа [9. С. 285]. Что касается устройства татарского горна, то его подробное описание имеется в работе И. Гмелина, лично наблюдавшего за работой железоплавильщиков на р. Кондоме в 1739 г. По его наблюдениям, печь обустраивалась в жилище на месте очага для варки пищи, где специально подкапывали землю. Сам горн представлял собой глинобитное купольное сооружение, высотой 30 см и шириной 15 см, диаметр колошника не превышал 3,8 см. Впереди имелось отверстие, которое замуровывалось во время плавки, а сбоку вставлялись два меха [10. С. 102]. На конструктивное сходство якутского и татарского плавильного горна указывал также И.Г. Георги – единственное различие им отмечено лишь в устройстве воздуховодных мехов [5. С. 174]. Касаясь металлургии абинских татар, он приводит описание плавильной печи, которая располагается «...в зимней хижине и состоит в гемисферическом (полушаровом) на пядень (18 см) углублении глинистого пола в избе, у которого находится на одной стороне для действия двумя мехами небольшое отверстие. Яма покрывается круглой горбатой вьюшкой (крышкой) из глины, у которой в самом верху есть отверстие пространством дюйма в два (5 см). Когда плавят, то наполняют печь такими мелкими угольями, какие только сквозь отверстие пройти могут, и оные поджигают. А как они совсем разгорятся, то при беспрестанном раздувании мехами бросают попеременно сквозь отверстие в печь то уголье, то по небольшому количеству истолченной мелко руды. Часа в полтора выходит руды около трех фунтов. Вскрывши печь, очищают они переплавленную руду от огарков биением оной деревянными поленьями» [5. С. 268].

Наземные глинобитные горны активно применялись в железоплавильном производстве вплоть до конца XIX – начала XX вв. В.Л. Серошевский в своем основном труде «Якуты» оставил подробное описание сыродутной печи, увиденной им в Западно-Кангаласском улусе. Плавильня представляла собой кувшинообразную емкость из глины высотой 1,1 м и шириной 0,9 м в самом широком месте. Шахта горна была обустроена над ямой глубиной до 0,35 м. Устье горна не превышало 30 см. В грудине печи имелось отверстие для выемки крицы, которое при плавке заделывалось специальной глиняной дверцей. К нижней части горна подводилась фурма от воздуховодных мехов [4. С. 365]. Плавильную печь схожей конструкции наблюдал известный исследователь Р.К. Маак во время своей экспедиции к вилюйским якутам. Горн имел высоту 1,15 м, внизу имелось отверстие размером 35,6 × 28,8 см для вынимания крицы [6. С. 181].

Следует отметить, что, несмотря на достаточно подробные описания устройства горнов, некоторые аспекты плавильного процесса остаются не до конца проясненными. К примеру, трудно судить о характере выпуска металлургического шлака, ввиду отсутствия достоверных этнографических свидетельств. Сы-

родутный горн производственной площадки Куога-стах также не содержит следы шлаковывпуска. В связи с этим можно выдвинуть предположение, что удаление шлака происходило совместно с выемкой крицы через отверстие в грудине печи.

В целом горны этой группы демонстрируют единый принцип сооружения. Плавильная камера устраивалась в виде вертикальной глинобитной гильзы, высота которой не превышала 1,5 м, в среднем достигала 1–1,2 м. Тулово горна дополнительно ничем не укреплялось. Вместе с тем некоторые из обозначенных горнов имеют индивидуальные особенности, выражающиеся в наличии земляного насыпного фундамента, присутствии шлакосборной ямы-чаши. Ближайшие аналоги горнам имеются среди материалов археологических комплексов Томского Приобья, где в начале II тыс. н.э. получили широкое распространение глинобитные купольные сооружения, размещенные над небольшой округлой ямой [11. С. 81].

Подтип Б. Горны с земляной обваловкой были выделены по итогам исследования производственных площадок Сынгасалаах I–II, Тулур, на которых в общей сложности были вскрыты остатки четырех теплотехнических сооружений [12; 13. С. 17]. Исследованные нами горны имели усеченно-яйцевидную форму, и высота их, от основания до верхней кромки рабочей камеры, составляла 52–68 см. Толщина стенок в сечении достигала, в донной части, 7–10 см и 2,5–3 см – у устья. Размеры колошниковых отверстий точно определить не представлялось возможным, так как выступавшие над поверхностью элементы горнов оказались сильно разрушенными. В целом уцелевшие горловины горнов имели размеры 38 × 44 см, 30 × 45 см и 52 × 58 см. Несмотря на плохую сохранность, с достаточной степенью уверенности можно воссоздать их внешний облик и конструкцию (рис. 2).

Все изученные плавильные агрегаты были обустроены на искусственно возведенных насыпных площадках. Сама рабочая камера сооружалась из глины, размещалась в специальной яме, выкапываемой в середине земляной насыпи. Стенки и дно ямы обкладывались плитками известняка. В процессе изготовления к тулову печи через специальное отверстие пристраивалась фурма. По мере возведения, стенки укреплялись земляной подсыпкой. Обваловка вокруг горна служила для сбережения тепла, обеспечивала устойчивость корпуса, а также предохраняла саму печь от механических воздействий и разрушения.

Плавильный процесс в горнах с обваловкой происходил без шлаковывпуска, по крайней мере археологически фиксируемых следов выпускного шлака выявлено не было. Выемка готовой продукции производилась с фурменной стороны, для чего печь частично разбиралась.

С целью определения времени существования производственных площадок был произведен отбор проб. По древесному углю из заполнения рабочей камеры горна № 1 площадки Сынгасалаах I получена дата 405 ± 45 (COAH-9661). Ее калиброванный интервал для 2σ с вероятностью 95,4% расположен в пределах следующих значений: 1426–1529 cal AD (65,8%) и 1551–1634 cal AD (29,6%). Еще одна дата

350 ± 40 (COAH-9660) была получена по образцу угля из наполнения камеры горна производственной площадки Тулур, которая с вероятностью

95,4% (2σ) лежит в промежутке 1455–1637 cal AD (перевод радиоуглеродных дат в даты календарные производился при помощи программы OxCal 4.3).

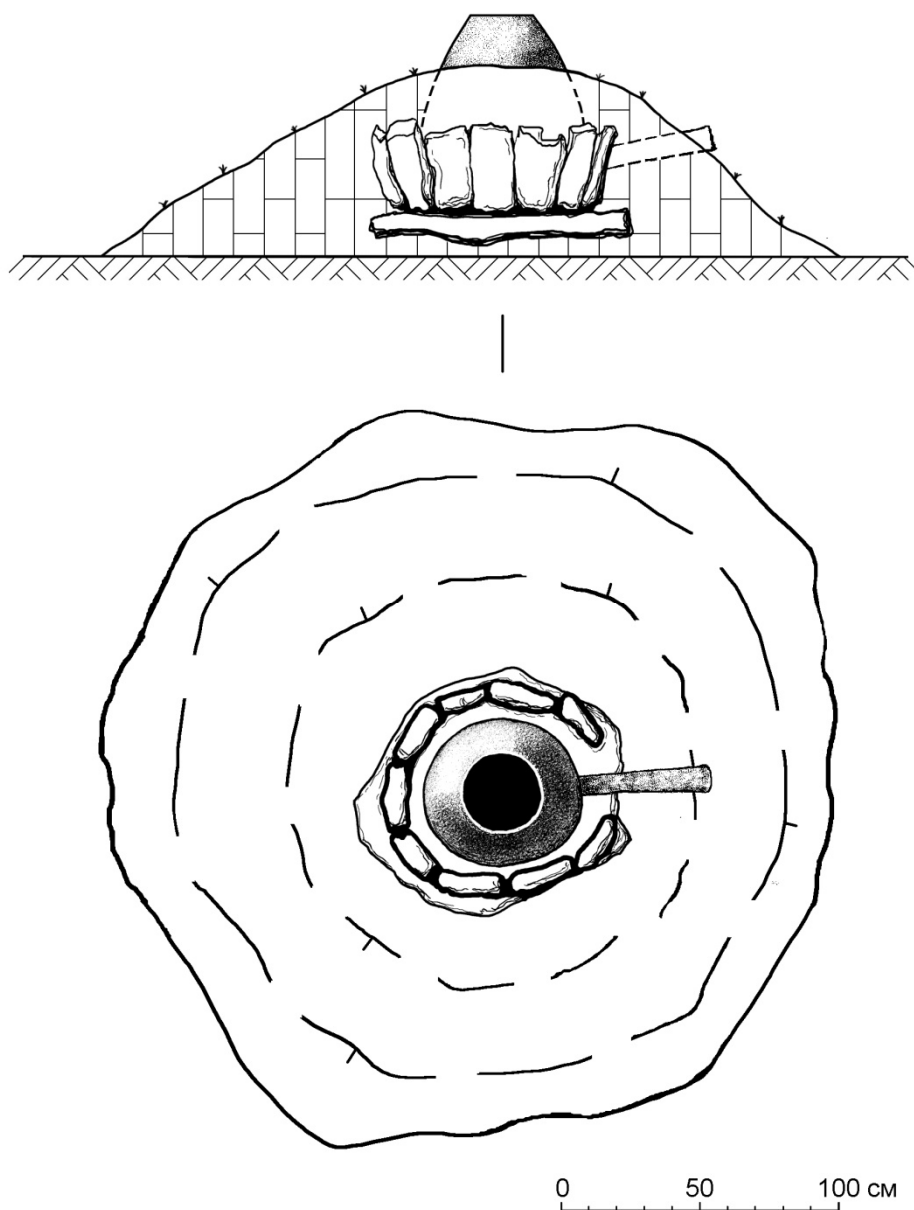

Рис. 2. Схематический разрез горна с земляной обваловкой

Имеются сведения, что производство железа в плавильнях с земляной обваловкой имело место быть вплоть до конца XIX – начала XX вв. В этом плане большой интерес представляет примечание редакции «Горного журнала» о том, что в Якутской области существуют архаичные способы выплавки железа в так называемых волчьих ямах [14. С. 338]. Классическая «волчья яма» представляет собой плавильный агрегат в виде углубления в земле, стенки которого обмазывались огнеупорной глиной. Плавильный процесс в таких ямах происходил с применением естественной подачи воздуха, для чего их обустроили в местах интенсивного движения воздушных

масс: на берегах рек, на холмах, лесных просеках. Позднее, с развитием технологий плавки стали применять и принудительную подачу воздуха посредством ручных мехов. Представляется наиболее вероятным, что под «волчьими ямами» редакция вышеупомянутого журнала могла подразумевать горны с земляной обваловкой, в которых, в силу их простоты обустройства и обслуживания, якуты продолжали выплавлять железо и в конце XIX в.

В пользу этого факта свидетельствуют материалы политссыльного В.В. Ливадина, назначенного на поселение в 3-й Баягантайский наслег Баягантайского улуса (Томпонский район РС (Я). В.В. Ливадин, будучи

участником сибиряковской экспедиции ВСОИРГО 1894–1896 гг. изучал кустарные ремесла якутов, в том числе и железоплавильное дело. В его записях имеются достаточно подробные сведения о процессе сооружения сыродутной печи. Для наиболее полного понимания картины считаем необходимым привести оригинальное описание, составленное В.В. Ливадиным: «...Выбирают место для постановки по возможности сухое, если на это мало надежды, то внизу на 2 вершка от поверхности земли укладывают плоский камень, сверх него утрамбовывают глиной. Затем над этим местом устанавливают 4 доски, так что получается рамка, размерами соответствующая основанию. Снаружи этих стенок вколачивают колышки, не позволяющие расколоться доскам при набивании глины. Насыпавши в раму сыровой глины утрамбовывают ее, за тем отнимают доски, и обыкновенным ножом этой части печи придают снаружи круглую форму, внутри же вырезают ямку сплошь до уровня поверхности земли с противоположной стороны, со стороны же фурмы не доходит на 1 вершок. Таким образом, под ее будет иметь наклонную поверхность. Ямка в плане имеет форму эллипса. По направлению фурмы шире на 1 вершок, чем в другом перпендикулярной направлении. Место для фурмы вырезают на 4 вершка выше ближайшего конца пода, с противоположной стороны делают отверстие, через него вынимают крицы. Затем в образовавшееся таким образом глиняное кольцо по окружности втыкают наклонно к центру 1/2 вершковые колышки, длиной сообразуясь с высотой печи, колышки втыкаются на 1/2 вершков расстояния друг от друга. Сверх полученной таким образом решетки наклепывают сырую глину на толщину 2-х вершков, это будет стена верхней части печи. Она несколько наклонена в противоположную сторону. После этого остается высушить печь, для чего разводят внутри печи огонь в слабой степени, и по мере высыхания увеличивают его. В сутки печь высыхает, при этом, если покажутся трещины замазывают глиной» [15. С. 71–72].

Как можем мы видеть, описанный В.В. Ливадиным горн и плавильни производственных площадок Сынгасалаах I–II и Тулур весьма близки. Отличительной их чертой является размещение рабочей камеры внутри искусственно возведенной земляной насыпи. Различия в конструкции имеются лишь в расположении воздухоудного отверстия, в наличии/отсутствии дополнительного армирования деревянными колышками, которые обусловлены индивидуальными особенностями. Представленные горны возведены в единой технологической традиции, существовавшей на протяжении достаточно продолжительного времени, вплоть до начала XX в. Впрочем, обвалованные землей горны характерны не только для якутских железоплавильщиков, прямые аналоги зафиксированы у населения Горной Шории. Схематичный рисунок кувшинообразной печи, размещенной внутри земляной насыпи, имеется в альбоме Конкордия Евреинова, составителя атласа по традиционной металлургии шорцев [11]. Конструктивно близки плавильные агрегаты и средневековых ангарских металлургов, применявших небольшие заглубленные горны с глинобитной камерой, обложенной каменными плитами. Остатки подобных сооружений были выявлены на ряде памятников таежной зоны Нижнего и Северного Приангарья, Среднего и Нижнего Енисея, датируемых XI–XV вв [16–19].

Подтип В. Горны с бревенчатой обвязкой. Отличительной чертой плавильни подобного типа является размещение рабочей камеры в специально возводимом срубе, набитом глиной. Плавильни такого рода зафиксированы исследователями в конце XIX – начале XX вв. В.Л. Серошевский отмечал, что якуты часто заключали в деревянные короба свои глинобитные горны [4. С. 367]. Ревизор-лесоустроитель А.А. Гайдук, командированный в 1910 г. на реки Лютенге и Буотам, оставил описание и схематический рисунок печи, помещенной в рубленую клеть (рис. 3).

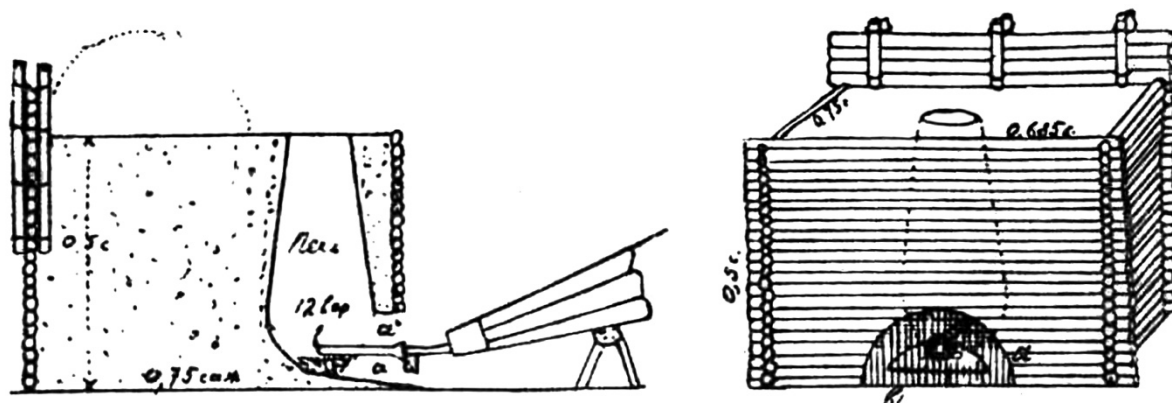

Рис. 3. Горн с бревенчатой обвязкой [7. С. 293]

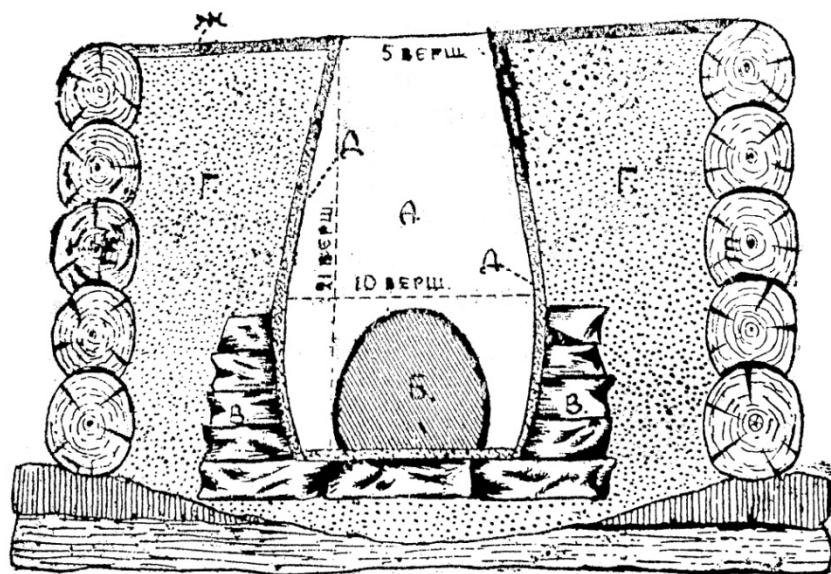
Клеть собиралась из жердин, имела прямоугольную форму, размеры ее были следующие: высота – 0,8 м, ширина – 1,2 м, длина – 1,5 м. Плавильная печь кувшинообразной формы располагалась ближе к передней стенке клетки, где находилась специально про-

деланное отверстие для фурмы и вынимания крицы. Внутренний диаметр рабочей камеры в самом широком месте составлял 36 см, диаметр колошниковое отверстия – 18 см. Задняя стенка сруба изготовлялась с таким расчетом, чтобы она немного возвышалась

над остальными сторонами. Делалось это для того, чтобы было удобнее наваливать на нее подготовленную для плавки смесь руды и угля, которую по мере сгорания подгребали к устью горна [7. С. 292].

Схематичная реконструкция плавильной печи, заключенной в сруб, имеется в работе Е.Д. Стрелова [2]. Согласно приведенному рисунку, деревянная

клеть имеет квадратное основание с отверстием в передней части (рис. 4). Клеть заполнена глиной, в которой на всю высоту сруба размещена плавильная камера, обложенная известняковыми блоками. Непосредственно сам глинобитный горн имеет высоту 93,2 см, ширину – 44 см, устье – 22 см, отверстие для выемки крицы – 35 см.

А - внутренний просвет печи

Б - отверстие в груди печи

В - кремнистый известняк

Г - простая глина

Д - внутренняя обмазка огнеупорной глиной

Е - сруб

Ж - глиняная обмазка поверхности печи

Рис. 4. Схема сыродутного горна с бревенчатой обвязкой и каменной обкладкой [2. С. 54]

Особенности устройства описанных выше горнов позволяют сделать вывод о том, что они представляют собой стационарные сооружения, воздвигавшиеся на довольно продолжительное время, рассчитанные на многократное использование. Археологически фиксируемые остатки горнов в срубных клетях пока не обнаружены, возможно, связано это с тем, что бревенчатая обвязка могла после окончательного прекращения плавки разбираться и применяться для других целей, а глиняная камера со временем полностью разрушиться и археологизироваться в виде аморфного скопления прокаленной глины.

Тип 2. Высокие горны. Эта категория представлена устройствами высотой более 1,5 м. Крупный исследователь черной металлургии якутов К.Д. Уткин отмечал, что наибольшими размерами отличались горны вилюйских металлургов, а особенно кентикских [3. С. 30]. Высота их печей достигала 2 м, а то и превышала; значительной была и толщина стенок, местами она равнялась 30 см. Колошниковое отверстие и объем плавильной камеры тоже отличались большими размерами, внутри такой печи свободно помещался взрослый человек. Имеются сведения, что при совместной плавке металлургии иногда строили агрегаты значительных размеров. К.Д. Уткин приводит случай, когда несколько мастеров-плавильщиков вместе с своими работниками построили печь высотой 3 м с пятью воздушными мехами, плавка в

такой печи продолжалась 5 дней и в итоге было получено 25 пудов (400 кг) кричного железа [3. С. 44].

Сооружение горна было сопряжено с определенными трудностями, в первую очередь это обеспечение устойчивости конструкции, чтобы она не рухнула и не завалилась из-за собственного веса, для чего вокруг нее складывали сруб. В середине клетки ставили вертикально дуплистую лиственницу, все остальное пространство до уровня стенок забутовывалось глиной. Выступающая над срубом часть лиственницы обмазывалась глиной, дополнительно укреплялась круговым поясом из тальниковых обручей. Затем дуплистое дерево поджигалось, и после окончательного прогорания во внутрь печи забирался человек и обмазывал стенки изнутри толстым слоем глины. В стенках сруба-клетки и в тулове горна на уровне земли проделывалось два отверстия: фурменное и напротив него – для выпуска жидкого шлака и выемки крицы [3. С. 29–30].

Плавильни иногда обустраивали парными на одном срубном основании. Разрушенные остатки таких спаренных печей находятся в местности Тулайях Тоголо недалеко от с. Кентик Верхневилуйского улуса РС (Я) (рис. 5). Печь была построена в советское время, во время Великой Отечественной войны в ней плавил железо для нужд фронта. Глинобитные рабочие камеры обеих печей в высоту достигали 2,5 м, толщина стенок составляла 33 см. Непосредственно сруб был рублен в четыре венца,

длина – 4,5 м, высота 1 (0,6) м, ширина – 3 м. В передней части прорублено отверстие размером 50 × 48 см для выемки крицы, с противоположной стороны имеется отверстие для фурмы 20 × 40 см. Над фурмовым отверстием прорублено еще одно,

которое называется «чуолган», служащее для наблюдения над плавильным процессом. Размеры его составляют 20 × 20 см. Внутренний диаметр плавильной камеры в самом широком месте достигал 60 см [20. С. 27].

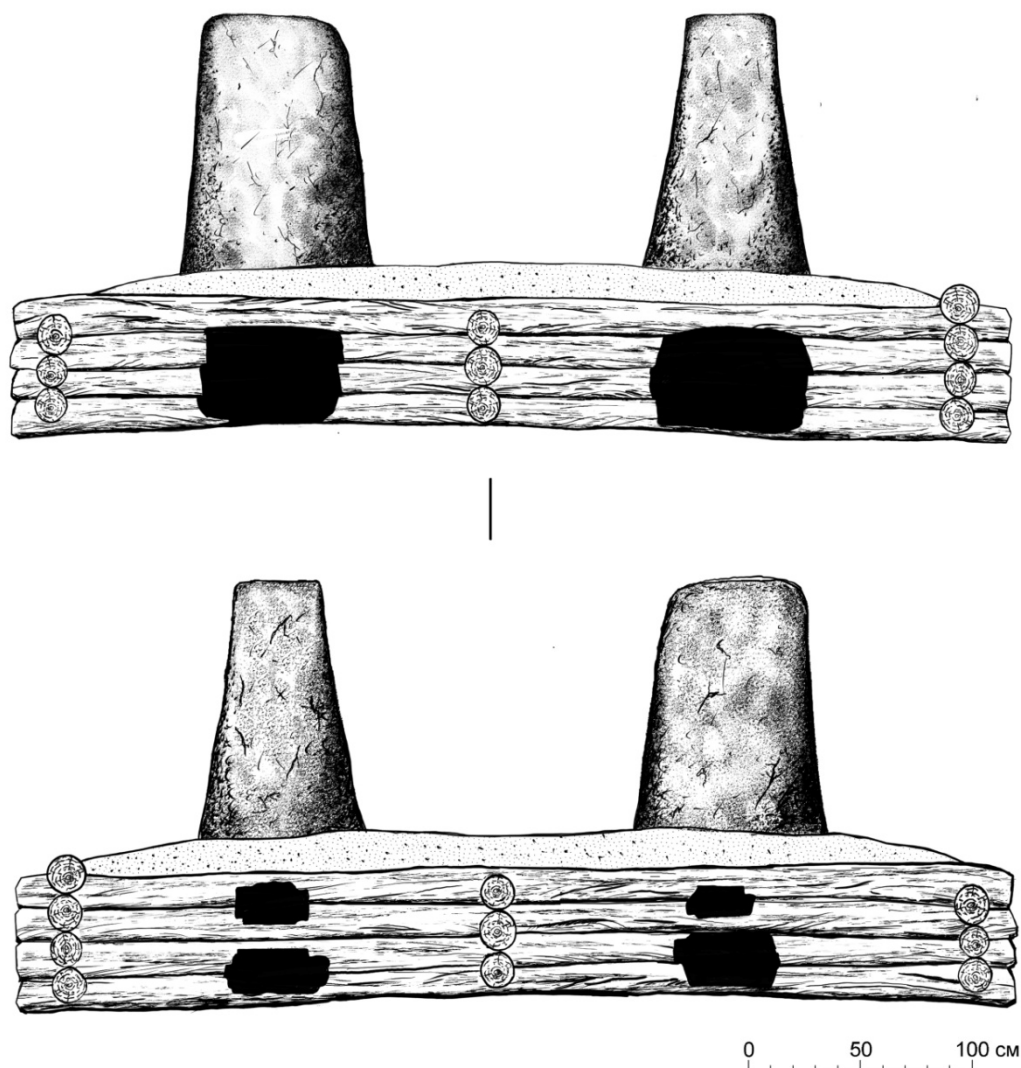

Рис. 5. Спаренная плавильная печь в местности Тулайях Тоголо. Схематическая реконструкция

Вероятно, высокие горны получили распространение во второй половине XIX в., как было уже упомянуто, у вилуйских металлургов, когда объемы производства железа достигли наивысшего развития. С развитием технологий плавки в больших горнах количество получаемого железа покрывало нужды не только вилуйского региона, но и соседних округов [21. С. 89].

Подводя итог, мы можем констатировать, что железоплавильные устройства якутов, несмотря на общий принцип работы, конструктивно отличаются друг от друга. На основе такого типобразующего признака, как высота плавильной камеры, были определены два основных отдела: низкие и высокие горны. Наибольшая вариабельность в устройстве отмечена среди горнов первого типа. Плавильные камеры низких горнов устраивались как с земляной обваловкой или бревенчатой обвязкой, так и без дополни-

тельного укрепления. Различия в конструктивных элементах могли быть обусловлены разными технологическими традициями. По ряду признаков приведенные плавильные сооружения находят аналогии среди археологических памятников Приангарья, Енисея и Томского Приобья, датируемых эпохами Средневековья и Нового Времени. Широкие параллели имеются также в традиционной шорской металлургии.

Вместе с тем хронологическая градация плавлен вызывает определенные трудности, ввиду того что некоторые типы горнов использовались вплоть до начала XX в. Тем не менее к наиболее ранним типам, вероятно, стоит отнести плавильни с неукрепленной рабочей камерой, а также горны с земляной обваловкой. Что касается остальных групп, то применение укрепленных срубом плавильных устройств, как низких, так и высоких, прослеживается по разным источникам со второй половины XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Струминский М.Я. Кустарный способ добычи руды и выплавки из нее железа якутами // Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948. С. 49–59.
2. Стрелов С.А. К вопросу об эксплуатации залежей железных руд по рр. Ботоме и Лютенге (по архивным данным) // Хозяйство Якутии. 1928. № 1. С. 48–63.
3. Уткин К.Д. Черная металлургия якутов второй половины XIX – начала XX вв. Якутск : Якутское книжное изд-во, 1992. 88 с.
4. Серошевский В.Л. Якуты : опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993. 713 с.
5. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов : их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. II: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб., 1799. 178 с.
6. Маак Р.К. Вилуйский округ Якутской области. СПб. : Типография и хромолитогрфия А. Траншея, 1883–1887. 1-е изд. 1887. Ч. 3. 228 с.
7. Гайдук А.А. Производство сыродутного железа в Якутском округе // Журнал Русского географического общества. СПб., 1911. С. 213–292.
8. Чернов Д.К. Избранные труды по металлургии. М. : Наука, 1983. 448 с.
9. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / изд. подгот. А.Х. Элерт, В. Хинтцше; пер. с нем. А.Х. Элерт. М. : Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
10. Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 г. (из книги «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1734») // Кузнецкая старина. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. С. 86–108.
11. Водясов Е.В. Средневековые сыродутные горны Шайтанского археологического микрорайона // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 79–82.
12. Алексеев А.Н. Отчет о разведочных работах на территории Второго Жемконского наслега Республики Саха (Якутия) в полевой сезон 2017 г. Якутск, 2018 // Научно-отраслевой архив ИА РАН.
13. Николаев Е.Н. Новые материалы по черной металлургии якутов // Genesis: исторические исследования. 2018. № 12. С. 16–23.
14. Горный журнал. 1854. СПб. : Тип. И. Глазунова, 1854. Кн. 3, ч. 3. 450 с.
15. Ливадин В.В. Якутские ремесла // Рукописный фонд ИГиИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 351.
16. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск, 1979. 192 с.
17. Гладиллин А.В. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 167–180.
18. Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. К вопросу о развитии металлургии железа у племен Северного Приангарья по материалам стоянки Пашина // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. Т. XI, ч. 1. С. 390–393.
19. Сенотрусова П.О., Самородский П.Н., Мандрыка П.В. Материалы по черной металлургии на комплексе Проспихинская Шивера IV в Нижнем Приангарье // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 5: Археология и этнография. С. 136–147.
20. Мачахов А.П. Чап уустара. Якутск, 1997. 90 с.
21. Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. 416 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 апреля 2019 г.

Some Reflections on the Classification of Yakut Iron-Smelting Furnaces

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 124–132.

DOI: 10.17223/15617793/465/17

Egor N. Nikolaev, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: nikolaev.ykt@gmail.com

Keywords: Yakut; metallurgy; furnace; bloomery; iron-smelting; classification; typology.

The article deals with the problems of classification and typology of Yakut metallurgical furnaces. The iron-making production of the Yakuts is a distinctive phenomenon not only in the global context, but also in a number of neighboring cultures and people. The high level of metallurgy and metalworking contributed to the active promotion and development of vast northern spaces by Yakut tribes. The study of the Yakut iron-making craft is a promising area in science and has wide informative possibilities in the field of social reconstruction of society, obtaining new information on the level of development of technology and production. In this connection, the creation of a classification scheme for Yakut iron-smelting devices is particularly relevant. Systematization and classification of horns allows identifying and tracing the cultural contacts of the population, the exchange of ideas and technology. Typological groups of smelting furnaces were defined according to such criteria as the height and volume of the internal working space. The elaboration of classification was based on archaeological and ethnographic evidences of iron-smelting of the Yakuts. The effectiveness of the bloomer process of producing iron depends directly on the size of the shaft in the hearth: the higher it is, the slower the charge (a mixture of ore and charcoal) goes down and, accordingly, iron is reduced more efficiently. In total, two main types were distinguished, which in turn are divided into subtypes. The first type is represented by metallurgical furnaces with a melting chamber height of no more than 1–1.5 m. Inside this category, subtypes were identified — a free-standing furnace, furnace with earthen embankment and log-frame furnace. The second typological group is represented by melting units with a height from the bottom to the throat more than 1.5 m. In a number of units, some differences in structural elements were revealed, which could be due to different technological traditions. It is established that the presented types of metallurgical furnaces were used in iron-making production until the beginning of the 20th century. Nevertheless, the earliest types are probably the free-standing smelter and the furnace with earthen embankment. Yakut smelting structures find analogies for a number of structural elements among the materials of the archaeological sites of the Angara, the Yenisei and the Tomsk Ob regions, dated from the medieval era and the New Time. Other similarities are also found in traditional Shor metallurgy.

REFERENCES

1. Struminskiy M.Ya. (1948) Kustarnyy sposob dobychi rudy i vyplavki iz nee zheleza yakutami [Handicraft method of ore mining and iron smelting from it by the Yakuts]. In: *Sbornik materialov po etnografii yakutov* [Collection of materials on the ethnography of the Yakuts]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo. pp. 49–59.
2. Strelov, S.A. (1928) K voprosu ob ekspluatatsii zalezhey zheleznykh rud po rr. Botome i Lyutenge (po arkhivnym dannym) [On the exploitation of iron ore deposits along the Botome and the Lyutenge (according to archival data)]. *Khozyaystvo Yakutii*. 1. pp. 48–63.

3. Utkin, K.D. (1992) *Chernaya metallurgiya yakutov vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Ferrous metallurgy of the Yakuts in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izd-vo.
4. Seroshevskiy, V.L. (1993) *Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Yakuts: an experience of an ethnographic research]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN.
5. Georgi, I.G. (1799) *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey* [Description of all the peoples living in the Russian state: their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, entertainment, religions and other features]. Pt. II. Saint Petersburg: [s.n.].
6. Maak, R.K. (1887) *Vilyuyskiy okrug Yakutskoy oblasti* [Vilyuysky District of Yakutsk Oblast]. Pt. 3. Saint Petersburg: Tipografiya i khromolitografiya A. Transhelya.
7. Gayduk, A.A. (1911) *Proizvodstvo syrodutnogo zheleza v Yakutskom okruge* [Production of bloomery iron in the Yakutsk region]. *Zhurnal Russkogo geograficheskogo obshchestva*. pp. 213–292.
8. Chernov, D.K. (1983) *Izbrannye trudy po metallurgii* [Selected works on metallurgy]. Moscow: Nauka.
9. Miller, G.F. (2009) *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of the Siberian peoples]. Translated from German by A.Kh. Elert. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
10. Gmelin, I.G. (2003) Poezdka po Rudnomu Altayu v avguste-sentyabre 1734 g. (iz knigi “Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1734”) [A trip to Rudny Altai in August–September 1734 (from the book “Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1734”)]. In: *Kuznetskaya starina* [Kuznetsk antiquities]. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'. pp. 86–108.
11. Vodyasov, E.V. (2012) Medieval Blast Furnaces of Shaytansky Archaeological Microdistrict. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 359. pp. 79–82. (In Russian).
12. Scientific and Industrial Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Alekseev, A.N. (2018) *Otchet o razvedochnykh rabotakh na territorii Vtorogo Zhemkonskogo naslega Respubliki Sakha (Yakutiya) v polevoy sezon 2017 g. Yakutsk, 2018* [Report on exploration work on the territory of Zhemkonsky 2nd nasleg of the Republic of Sakha (Yakutia) in the 2017 field season Yakutsk, 2018].
13. Nikolaev, E.N. (2018) *Novye materialy po chernoy metallurgii yakutov* [New materials on ferrous metallurgy of the Yakuts]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 12. pp. 16–23. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.12.28355
14. *Gornyy zhurnal*. (1854) 3 (3).
15. Manuscript Collection of the Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS. Fund 5. List 1. File 351. Livadin, V.V. *Yakutskie remesla* [Yakut crafts].
16. Sunchugashev, Ya.I. (1979) *Drevnyaya metallurgiya Khakasii. Epokha zheleza* [Ancient metallurgy of Khakassia. The Iron Age]. Novosibirsk: Nauka.
17. Gladilin, A.V. (1985) *Metallurgiya Sredneangar'ya* [Metallurgy of the Middle Angara region]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya v rayone novostroek Sibiri* [Archaeological research in the area of new construction in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 167–180.
18. Leont'ev, V.P. & Drozdov, N.I. (2005) *K voprosu o razviti metallurgii zheleza u plemen Severnogo Priangar'ya po materialam stoyanki Pashina* [On the development of iron metallurgy among the tribes inhabiting the Northern Angara region based on materials from the Pashin site]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy (materialy godovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2005 g.)* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories (materials of the 2005 annual session of the Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS)]. Vol. 9. Part 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography. pp. 390–393.
19. Senotrusova, P.O., Samorodskiy, P.N. & Mandryka, P.V. (2016) *Materials on ferrous metallurgy on the complex Prospikhinskaya Shivera IV in the Lower Angara region. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 15 (5). pp. 136–147. (In Russian).
20. Machakhov, A.P. (1997) *Chap uustara*. Yakutsk: Kuduk. (In Russian).
21. Tokarev, S.A. (2018) *Obshchestvennyy stroy yakutov XVII–XVIII vv.* [The social structure of the Yakuts in the 17th–18th centuries]. Moscow: Knizhniy dom “LIBROKOM”.

Received: 30 April 2019

ОБРАЗ ЗАЙЦА В МИРОВОЗЗРЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИИРТЫШЬЯ И ПРИОБЬЯ В I–II ТЫС. Н.Э.

Выявлены в опубликованной литературе изображения зайцев в художественной металлопластике. Проанализирован состав инвентаря погребений, из которых происходит большинство изображений, святыщ и предпринята попытка объяснить их назначения. Дано их описание, отмечены характерные черты в художественном оформлении предметов.

Ключевые слова: археология; художественная металлопластика; погребения; святыща; клады.

Мировоззрение/миропонимание населения Западной Сибири было тесно связано с окружающим миром. В его основе были вертикальная и горизонтальная модели мира. Особенно ярко оно было выражено в эпоху раннего железа как в лесостепной и степной зонах среди населения скифо-сибирского мира, так и в таежной и предтаежной зонах у населения кулайской общности, что нашло отражение в художественной металлопластике. То же самое наблюдается в эпоху Средневековья, но с применением нового художественного стиля.

Особым почитанием человека наделялись медведь, лось, бобр (литература очень обширна, вряд ли есть необходимость приводить ссылки на нее). Материальным воплощением отношения человека к животным были их фигурки, выполненные как в одном образе, так и в различных сочетаниях образов (см. например: [1–6]).

Наряду с названными животными встречаются и изображения зайцев, но в значительно меньшем количестве. Цель данной статьи – выявить по опубликованной литературе изображения зайцев второй половины I – начале II тыс. в художественной металлопластике на территории лесостепной и лесной зон Западной Сибири, проанализировать состав инвентаря из погребений и кладов и попытаться объяснить назначения изображений с зайцами.

Источниковой базой для данной статьи являются опубликованные предметы с изображением зайцев¹. Дадим их описание.

1. Бронзовая полая фигурка сидящего зайца происходит из погребения № 25 могильника у Архиерейской Заимки (окрестности г. Томска). 36 насыпей этого могильника были раскопаны библиотекарем научной библиотеки Императорского Томского университета в 1896 г. Часть коллекции, в том числе и фигурка зайца, неоднократно опубликованы [1. Рис. 79–15; 4. Табл. С–28; 7; 8. № 2029; 9; 10. Рис. 21–22].

Опишем фигурку зайца. Он совершенно узнаваем: голова овальной формы, глаза круглые, выпуклые, обведены мягким желобком; уши длинные, внутри ушей тоже желобок, рот полуоткрыт; туловище поджарое, овальной формы, заканчивается коротким хвостом. Передние лапы шире и короче задних, на них три коротких желобка; задние согнуты, на них четыре желобка. На шее зайца ожерелье из выпуклых квадратов, что характерно для художественного стиля раннего Средневековья. Размеры: высота фигурки

6,5 см, ширина от 4 см (у основания лап) до 4,7 см (по линии рот–уши). Поза выражает настороженность, он как будто присел после бега, о чем свидетельствуют полураскрытый рот и передние лапы, чуть опирающиеся на землю.

2. Подвеска из могилы 8 кургана 6 могильника Рёлка. Она одностороннего литья, округлой формы, выгнута во внешнюю сторону, обрамлена одним рядом перевитой веревочки. В центре подвески (часть отломлена) изображена голова зайца, уши сложены, немного заходят одно на другое. Глаза и ноздри показаны кружочками. На обороте имеются две петельки [4. Табл. XCVIII–22; 6. Рис. 35–20].

3. Две фигурки зайцев одностороннего литья сохранились в коллекции Парабельского культового места (Томская область). Одна из них утеряна. Исследователи неоднократно обращались к этой коллекции как в целом, так и к отдельным предметам [11. С. 327–331].

Судя по рисунку в описи коллекции, фигурки зайцев одинаковы. Опишем сохранившуюся фигурку. Бронзовое изображение скачущего зайца. Литье плоское одностороннее. Заяц передан в движении с вытянутой мордой и откинутыми назад ушами (частично не сохранившимися). Глаза переданы в виде выпуклостей, обведены желобком. Передние ноги выброшены вперед, видны три пальца, задние отбиты. Вдоль туловища нанесен орнамент в виде желобка, в котором нанесены косые поперечные выпуклости. На обороте, на уровне передних ног есть петелька. Размеры фигурки 7,3 × 4,3 см (рис. 1).

4. В кургане № 17 могильника Кип III (лесное Прииртышье) найден бронзовый ковш [12. С. 108]. Боковая поверхность ковша валиками горизонтально разделена на два фриза. На каждом из них дано по две сцены. Они разделены между собой знаком «дерево». На сцене, развернутой влево, верхнего фриза изображен мул с поклажей и погонщик. В правой части композиции представлена охота: за зайцем гонятся две собаки, за ними бегут два человека. На нижнем фризе тоже дана охота: в левой части пеший охотник сражается с диким «вепрем», в правой – на конного охотника нападает лев и охотник, развернувшись, стреляет в него. Вся композиция развернута справа налево. На дне ковша изображен бык с развернутой на зрителя головой. Передние ноги показаны в шаге, задние – приостановились. Еще одно изображение дано на ручке ковша: орел держит в когтях зайца [12. С. 106–117].

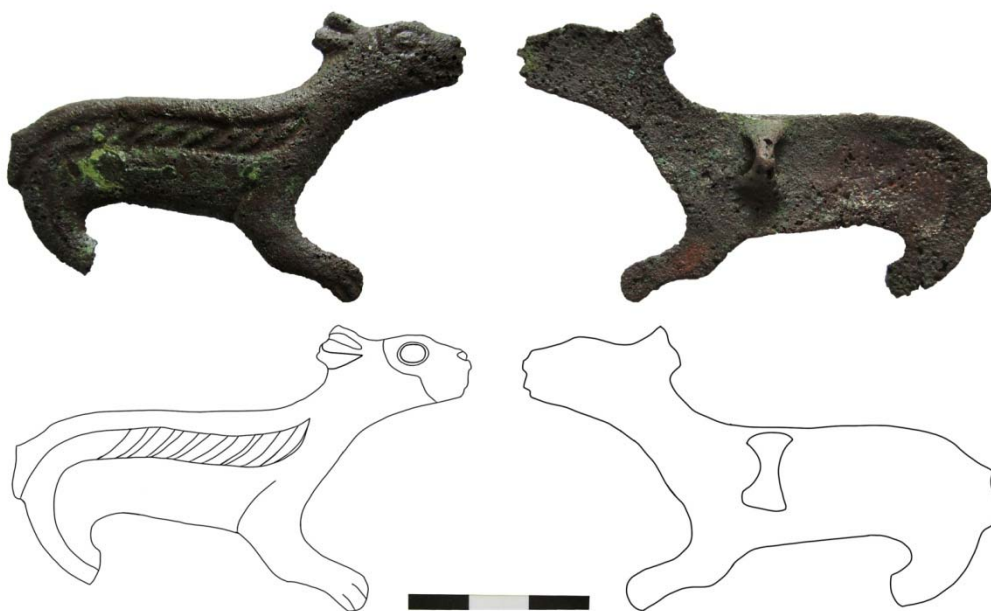

Рис. 1. Парабельское культовое место. Томский областной краеведческий музей, коллекция 298/57

5. Два предмета с зайцами известны из могильника Иванов Мыс 1. Фигурка скачущего зайца в кольце [3. Рис. 249–7]. Голова зайца немного опущена, рот открыт, глаз – кружок, уши приподняты. Из рта зайца отходит небольшой тяж, соединяющий фигурку с кольцом. Спина выгнута, показан маленький хвост, лапы присогнуты и опираются на кольцо. По спине проходит одна полоска, украшенная перлами, на шее – две полоски, обозначающие складки, на задней части бедра – кружок.

Другая фигурка происходит из этого же могильника из кургана 10, погребения 2. Фигурка присевшего зайца, под ногами – полоска, соединяющая с мордой зайца, рот приоткрыт, глаз – кружок, уши закинута на спину и соединены с ней небольшим тяжем. На ушах три вдавленные лунки. Поперек туловища у передних лап проходит полоска, орнаментированная выпуклинами [3. Рис. 249–15].

6. Среди находок, происходящих из сборов могильника у с. Ново-Никольское (Омская область), есть фигурка зайца, сохранившаяся не полностью [5. Табл. XXXVII–1]. Похожа на фигурку из могильника Иванов Мыс 1, кургана 10, погребения 2. Заяц присевший. Уши и туловище украшены так же, как у описанной выше фигурки.

7. Осмелюсь высказать предположение относительно двух фигурок из Барсова Городка из раскопок Ф. Мартина, опубликованных Т.Й. Арне. Одна из них происходит из погребения 21 [13. Fig. 58a]. В публикации [14. Рис. 24] это изображение определено как «полая подвеска из белой бронзы в форме грызуна, внутри которой сохранились остатки кожи [14. С. 89]. Однако уши у этой подвески явно заячьи. Морда опущена, глаз обведен желобком, в центре выпуклый. В области передних и задних лап по туловищу прохо-

дят желобки с «жемчужинами». Фигурка полого литья, заяц изображен лежащим.

Второе изображение происходит из погребения 20 [14. Рис. 19]. Эта фигурка определена как «горный козел» [14. С. 88] или «каменный козел» [14. С. 88, 91]. Это втулка с фигуркой зайца (?) полого литья. Заяц подвешенный: спина выгнута, лапы сведены в одну точку и входят в продолжение трубки. Морда фигурки с прорисовкой двух губ (как бы рот приоткрыт) – типично заячья черта в их изображении. Глаз обведен желобком, в центре выпуклый. Сомнение (заяц или козел) вызывают уши или рог. По спине и в области передних лап отлиты два желобка, заполненные выпуклинами.

Подобная фигурка с частью втулки найдена среди предметов, происходящих из могильника Утья 1 [15. С. 177, ил. 4–3].

Пряжка из погребения 31 Барсова Городка [13. Fig. 86]. Пряжка сохранилась не полностью: часть приемника отломлена. Щиток целый. Соединение шарнирное. Опишем щиток: голова медведя в жертвенной позе обращена к приемнику. За головой медведя изображены два зайца, обращенные мордами к голове медведя и спинами друг к другу. Зайцы присевшие, морды приподняты, глаза обведены желобком, в центре – выпуклины. По туловищу зайцев проходит жемчужный кант. Рамка щитка украшена лентой из квадратов и прямоугольников. На приемнике в центре изображение головы животного, по краям – голова зайца (вторая часть щитка обломлена). Эта пряжка похожа на пряжку, найденную у юрт Кинтусовских [5. Табл. XXXII–2].

8. Два предмета происходят из Ликинского могильника. Из погребения 12 этого могильника известна бронзовая пряжка, на щитке которой изоб-

ражена голова быка, за ней, справа и слева две фигурки зайцев, обращенные спинами друг к другу и опирающиеся лапами на рамку щитка, которая по продольным сторонам украшена одним рядом перевитой веревочки. Зайцы изображены в растянутой позе, с прижатыми к спине ушами, глаза – кружки, рты приоткрыты. По спинам выполнен кант из перевитой веревочки, ею же голова быка отделена от фигурок зайцев. Приемник не орнаментирован [16. Табл. XIII–10].

Второй предмет из этого могильника – фигурка зайца из погребения 13 [16. Табл. XI–10]. Она похожа на фигурку из могильника Иванов Мыс 1. У фигурки из Ликинского могильника украшение из перевитой веревочки проходит поперек фигурки перед бедром задних лап.

9. Две пряжки найдены в Сайгатинском I могильнике. Их описание приведено в «Каталоге» [2. Кат. № 86]. «Пряжка с изображением медведя. Бронза. Литье, 5,6 × 12 см. Сайгатинский I могильник. Западная Сибирь X–XI вв. Пряжка с подвижным приемником, соединенным со щитком железными шарнирами. Отлита в односторонней форме, наружная поверхность полирована. Приемник оформлен в виде головы совы. На щитке голова и лапы медведя в “жертвенной” позе и две фигурки ушастых зверьков (зйцев?). Вдоль одной из длинных сторон пряжки полукруглые петли (4 на щитке и 1 на приемнике)» [2. С. 136]. Эта пряжка найдена в погребении 72. В настоящее время дата погребений № 72 и № 73 Сайгатинского могильника пересмотрена. А.П. Зыков считает их самыми ранними в этом могильнике и датирует их концом IX – началом X в. [17. Рис. 48–4].

Вторая пряжка, обозначенная в «Каталоге» под № 88, также с изображением медведя. «Бронза, литье, 4,9 × 9,8 см. Сайгатинский I могильник. Пряжка с неподвижным приемником отлита в односторонней форме. Западная Сибирь X–XI вв. Наружная сторона отполирована. Щиток слегка согнут вдоль длинной оси. Приемник гладкий. На щитке, обведенном псевдовитым кантом, – голова медведя и два ушастых зверька» [2. С. 136]. Ушастые зверьки похожи на зайцев.

10. Пряжка с головой медведя и двумя зайцами на щитке и головами зайцев на рамке. Найдена у юрт Кинтусовых [5. Табл. XXXII–2]. Голова медведя в жертвенной позе – покоится между лап. От центра головы медведя к центру рамки щитка проходит стерженек из перевитой веревочки, разделяющий фигурки зайцев, обращенных к нему спиной. Голову медведя от морд зайцев отделяет небольшая перегородка, идущая от каждого уха медведя и опирающаяся на края щитка. Зайцы скачущие, морды приподняты, рот приоткрыт, глаза обведены кружком, уши длинные, приостренные. Зайцы украшены линиями выпуклых прямоугольников на шеях и перед бедром задних лап.

Выявленные фигурки зайцев делятся на объемные и плоские, преобладают последние (табл. 1). Они выполнены в разных позах: сидящий (Архиерейская Заимка), скачущий (Парабельский клад, мог. Кип III, к. 17, п. 1, Барсов Городок), присевший (мог. Иванов Мыс 1–2 экз, мог. у с. Ново-Никольское, Ликинский мог.), повисший (Барсов Городок п. 21, Кип III, к. 17, п. 1), растянутый (Сайгатинский мог., 2 экз.). Позы часто определялись формой предмета.

Таблица 1

Предметы с изображением зайцев из памятников Западной Сибири

№ п/п	Памятники	Предметы					Поза					Образ		Публикации
		Отдельная фигурка	Подвеска	Пряжка	Навершие кресало	Ковш	Подвешенный	Скачущий	Присевший	Растянутый	Головка	Сидящий	Одиночный	
1	Архиерейская Заимка, п. 25	1										1	1	ОАК, 1898; Кузнецов, 1899; Беликова, Плетнева, 1983, рис. 9–15; Могильников, 1987, табл. С. 28; Чиндина, 1991, рис. 21–22
2	Могильник Рёлка, к. 6 м 8	1	1							1			1	Чиндина, 1977, рис. 35–20; Могильников, 1987, табл. XCVIII–22
3	Парабельский клад	2	2					2					2	Гребнева, 2017, колл. № 198
4	Кип III, к. 17, п. 1					1	1	1						1 Коников, 1990, с. 109–110
5	Иванов Мыс 1, к. 10, п. 2	1	1						1				1	Коников, 2007, рис. 249–15
6	Иванов Мыс 1, к. 10, п. 2	Заяц в кольце							1				1	Коников, 2007, рис. 263
7	Могильник у с. Ново-Никольское				1				1				1	Чернецов, 1957, табл. XXXVII–1
8	Сайгатинский I мог. п. 72			1						1				1 Зыков, Кокшаров и др., 1994, № 88; Зыков, 2012, рис. 48–4
9	Сайгатинский I мог			1						1				1 Зыков, Кокшаров и др., 1994, № 86
10	Ликинский могильник п. 12			1					1					1 Викторова, 1973, табл. XIII–10; Могильников, 1987, табл. LXXI–37

11	Ликийский могильник п. 13	1						1				1		Викторова, 1973, табл. XI–10
12	Могильник Барсов Городок, п. 20		1				1					1		Арне, 2002, рис. 19
13	Могильник Барсов Городок, п. 21	1						1				1		Arne, 1935, Fig. 58a
14	Могильник Барсов Городок, п. 31							2					1	Arne, 1935, Fig. 86
15	Сборы у юрт Кинту- совских (могильник)													Чернецов, 1957, табл. XXXVII–2

Все перечисленные фигурки, кроме одной из могильника Рёлка, даны в профильном изображении, головой либо вправо, либо влево. Изображения зайцев отлиты как в виде отдельных фигурок, так и в сочетании с другими образами, чаще всего с медведем (табл. 1). Одно изображение зайца присутствует на верхнем фризе импортного ковша в сцене охоты. Кроме зайца, из животных изображены две собаки. На нижнем фризе показана тоже сцена охоты, но, как замечает Б.А. Конилов, в другой природной среде: пеший охотник сражается с вепрем, а конный, развернувшись, целится в догоняющего его льва [12. С. 110, 111]. Еще одна фигурка зайца, повисшего в когтях орла, дана на ручке ковша.

Из Сургутского и Нижнего Приобья происходит несколько пряжек хорошей работы, на которых наряду с изображением зайцев присутствуют изображения медведя, лося, совы, редко головы быка. Это характерные сюжеты для раннего и частично развитого Средневековья.

Часто зайцы изображены на подвесках в виде одной фигуры (табл. 1). Для плоских подвесок литье, как правило, одностороннее. На оборотной стороне имеется либо по одной петельке, либо по две. Несколько подвесок выполнено в виде объемных фигурок.

В оформлении предметов с зайцами или отдельных фигурок применяются такие художественные приемы, как витые и жемчужные канты, полировка поверхностей [10. С. 62], перлы. Эти приемы появляются в самом конце кулайского времени, четко прослеживаются в раннем Средневековье, определяя его стиль. К его концу постепенно исчезают, редко встречаются еще в начале II тыс. н.э.

Приведенные в таблице предметы с образом зайца в большинстве происходят из погребений, меньшая часть из кладов или случайных находок. Рассмотрим погребения, в которых найдены фигурки зайцев, по погребальному обряду и наличию инвентаря и состав Парбельского клад.

1. Фигурка зайца из погребения 25 могильника из Архиерейской Заимки близ г. Томска. В погребении найдены бронзовые подвески овальной формы с боковыми выступами (6 экз.), одна из них с коротким, другая с длинными ступенчатыми стержнями, еще одна в виде гладкого стержня с каплевидным окончанием и отверстием сверху. Отмечено, что большинство подвесок висело на тонком ремешке, в одной сохранились следы шелковой нити, в другой – шелковой ленты. Кроме указанных предметов – одна бронзовая бусина. Уникальной находкой является часть кожаного пояса (три фрагмента) с бронзовыми тройчатками [1. С. 41, рис. 79–6–16].

2. Бронзовая бляшка-подвеска из могилы 8, кургана 6 могильника Рёлка найдена вместе с целым сосудом и обломками еще от двух сосудов [6. С. 19].

3. Два изображения зайцев на ковше из погребения 1, кургана 17, могильника Кип III. Дно могилы было застелено кожей и шерстяной материей. Захоронен подросток (?). В изголовье поставлен из серебряной бронзы импортный ковш, украшенный по внешней стороне двумя фризами со сценами охоты и изображением шагающего быка на его дне. Все сцены очень ярко описаны Б.А. Кониловым [12. С. 110–113], мы не будем повторять. «Погребальную одежду украшало множество бронзовых подвесок и бубенчиков. Талию перехватывал кожаный пояс с бронзовыми сердцевидными бляшками и крупными наконечниками ремня. К одежде кожаными ремешками крепились фигурки животных и двух птиц» [12. С. 109]. Кроме того, найден железный нож и глиняный сосуд в ногах.

4. Фигурка зайца из погребения 2, кургана 10, могильника Иванов Мыс 1 найдена в захоронении подростка. С ним найдены железные наконечники стрел, кольчатые удила, цепочка из бронзовых колец и берестяной сосуд [3. С. 73–74].

5. Фигурка зайца на навершии кресала из могильника у с. Ново-Никольское. К сожалению, известны только сборы из этого могильника [18. № 194]. В.Н. Чернецов опубликовал некоторые находки из этого могильника. Среди предметов кроме фигурки зайца есть фигурка лошади, почти идентичная фигурке из погребения 20 Барсова Городка [5. С. 215].

6. Вместе с фигуркой зайца в погребении 21 Барсова Городка найдены железный нож, две пряжки с зооморфными изображениями, керамический сосуд [13. С. 27–28; Fig. 56–59].

7. Фигурка зайца в трубчатой подвеске происходит из могилы 20 Барсова Городка [13. Fig. 52]. В этой же могиле были серебряная чаша с бронзовым ушком и опоясывающей ее куфической надписью, фигурка лошади и подвеска в форме птицы с обломаным колечком на спине [13. С. 26–27; Fig. 49 а, в – 52].

8. С бронзовой пряжкой из могилы 31 Барсова Городка найден керамический сосуд [13. С. 34; Fig. 86–87].

9. Бронзовая пряжка из погребения 12 Ликийского могильника найдена вместе с еще одной пряжкой с головой медведя и другими зооморфными изображениями [16. Табл. XIII–10], железными наконечниками стрел, ножом, бронзовым бубенчиком, бусиной и пронизкой [16. С. 143]. Бронзовые пряжки выделяют это погребение, как более богатое воинское, среди остальных погребений этого могильника.

10. Полая бронзовая фигурка зайца происходит из погребения 13 Ликинского могильника [16. Табл. XI–10]. Кроме нее в погребение были положены еще одна зооморфная подвеска (из текста неясно – обе подвески с изображением зайца или одна?) [16. С. 143, 145], 5 бубенчиков, железный наконечник стрелы, бронзовый котелок, две шумящие подвески, бусина, обломок зеркала или бляхи. Южнее могилы найден еще один бубенчик, обломки браслета и какого-то украшения листовидной формы [16. С. 143, 145]. Как видим из описания предметного ряда из могилы, это погребение вряд ли было рядовым.

11. В погребении 72 Сайгатинского могильника найдены керамический сосуд, серьга, описанная пряжка [17. Рис. 48–1, 2, 4]. А.П. Зыков упоминает, что в погребении 72 был и другой инвентарь, но не называет его. Я не нашла полной публикации этого погребения. Но пряжка указывает, скорее всего, на погребение здесь какого-то знатного лица, как и расположенного рядом и частично перекрытого погребением 72, в богатом погребении 73 [17. С. 86].

12. Парабельский памятник благодаря предметам и их ситуационному расположению определяется исследователями по-разному: Парабельское культовое место, Парабельский могильник, Парабельское жертвенное место, святилище [19. С. 23; 20. С. 116; 21. С. 150].

Парабельская коллекция включает предметы вооружения (мечи, кинжалы, наконечники стрел и копий, панцирные пластинки), антропоморфное и зооморфное литье. Среди них находились две фигурки зайцев (одна из них утрачена). Несмотря на то, что памятник датируется самым концом кулайского времени – V в. н.э., – фигурки по стилю исполнения близки к началу раннего Средневековья. «Первоосновой святилища являлось погребение знатного лица, обладавшего особым социальным статусом (богатырь, вождь, шаман)» [21. С. 140]. Затем, в память о нем возникло святилище. Фигурки зайцев были среди находок из святилища, чем определялся их сакральный статус.

Приведенные описания погребений, среди инвентаря которых есть предметы с образом зайца, убеждают нас в том, что эти погребения имели далеко не рядовой характер (кроме погребения из Рёлки). Они, видимо, указывают на лиц, занимающих в реальной и ареальной жизни высокий статус в обществе. Для этих лиц, входивших в элиту среднего уровня, как и для всей элиты, очень важным было сохранить в мире иным свой статус, который имели при жизни, и помогать родственникам, оставшимся в реальной жизни.

Теперь обратимся к данным этнографии и приведем лишь несколько примеров об отношении к зайцам хантов, манси и селькупов.

Н.В. Лукина и О.М. Рындина, рассматривая семантику орнамента восточных хантов, проживающих в бассейне притоков Оби: Васюгана, Ваха, Югана, Агана, Салыма, Пима и Тромъёгана, выделили из сорока пяти названий орнамента 18, как наиболее часто встречающихся, 11 из них отнесли к устойчивым. Это заячьи уши, оленьи рога, березовая ветвь, кедровая стая, сошки тагана, собачья лапа, щучьи зубы, крест,

крест-голова, тучи на небе, зуб белки. Наиболее часто встречается орнамент «заячьи уши» [22. С. 131]. В опубликованных «Альбоме хантийских орнаментов» [23] и источниках по этнографии «Ханты от Васюгана до Заполярья» Н.В. Лукиной проводятся примеры использования орнамента «заячьи уши» как узора на бумаге [23. № 193; 24. № 205], на берестяных коробках [25. Рис. 84], как аппликация из наборных бисерных полос для женских халатов и шуб [23. № 142–146], как меховая мозаика на шубе [24. № 211]. Можно предположить, что украшения на женских халатах и шубах орнаментом «заячьи уши» в прошлом осознавались как связанные с плодородием и охранительными функциями.

Характерные черты традиционного мировоззрения хантов, манси и селькупов сохранились до недавнего времени, а некоторые – до сих пор. В.Н. Чернецов, определяя место в миропонимании угорских народов, писал: «...медведь, лось, заяц, известны нам, как выступающие в качестве тотемных образов фратриальных предков тех или иных народов или племенных общностей. Наиболее широко распространено, почти универсально, представление о медведе как тотемном предке фратрии Пор. Одним из тотемных обликов мифической прародительницы фратрии Мошь, именуемой Совыр-Най, является зайчиха. Этот образ локализуется главным образом среди хантов и северной части манси» [5. С. 209]. Вопрос о фратриальном устройстве очень сложный и окончательно не решен.

Мы знаем о культе медведя, лося, о проведении праздника медведя у хантов (см., напр.: [26, 27]) и лося у хантов и селькупов [28] и почитании зайца.

На жертвенном месте селькупов (бассейн р. Таз, Красноселькупский район ЯНАО) И.В. Беличем найдено кресало, навершие которого выполнено в виде фигурки зайца (по: [29; 30; 31. Фото 347]). Фигурка бронзовая, полая. Туловище овальное, живот подтянут, заканчивается коротким хвостом. Фигурка повернута вправо. Морда зайца широкая, глаза округлены желобком. На шее зайца ожерелье из круглых выпуклин. Уши закинута на спину. Они также украшены четырьмя выпуклинами. Ноздря показана глубокой ямкой. Ноги сведены посередине туловища, показаны пальцы. Художественное исполнение фигурки зайца свидетельствует о подражании ранне-средневековым изображениям. Но данная фигурка выполнена, видимо, позже.

Еще одна фигурка зайца обнаружена в семейном сундучке Пузиных в пос. Ясунт Березовского района ХМАО. Литье двустороннее, на спине короткая втулка для продевания ремешка. Туловище украшено глубокими желобками. Хозяин не сказал о назначении этой фигурки. А.В. Бауло предположил, что фигурка была преподнесена семейному духу [31. С. 201, ил. 6].

Главное женское божество у манси Колташ-эква, у хантов – Анки-пугос. Ее главные функции: даровать детей, помогать при родах, определять жизненный путь человека, продолжительность его жизни, оберегать и излечивать от болезней [32. С. 36]. Одной из ипостасей Колташ-эква был образ зайца/зайчихи. Вероятно, находки бронзовых фигурок зайца можно связать с

функциями главной женской богини. В монографии Н.В. Полосьмак, Е.В. Шумаковой на рис. 22–1 дана пряжка от пояса, на которой наряду с изображением медведя по обе стороны от его туловища-дерева даны фигурки двух зайцев. Не отрицая мнение авторов, ссылающихся на точку зрения В.Н. Чернецова, о том, что изображения медведя, лося, зайца являлись мифическими родовыми предками [32. С. 41], относительно изображения на указанной выше пряжке заметим следующее: как известно, пояс охранял человека от влия-

ния злых духов (от «плохого» в мире). На этой пряжке изображено два животных, связанных с представлениями о даровании жизни и ее защите.

Подводя итог, можно прийти к заключению о том, что заяц, как один из почитаемых животных, связан с культом плодородия, который выражен в художественной металлопластике в разных проявлениях. В миропонимании населения Западной Сибири он проходит через средневековую историю, историю Нового и Новейшего времени.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹Вполне возможно, что автором использованы далеко не все опубликованные изображения зайцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.
2. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург : Внешторгиздательство, 1994. 159 с.
3. Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск : Изд. ОмГПУ; Изд. дом «Наука», 2007. 466 с.
4. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1987. С. 163–235.
5. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1957. С. 136–245.
6. Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 191 с.
7. Отчет АК (?), 1898. Архирейская заимка. С. 94–98.
8. Альбом рисунков, помещенных в отчетах Императорской Археологической комиссии за 1882–1898 гг. СПб., 1906.
9. Кузнецов С.К. Архирейская Заимка // Записки Русского археологического общества. СПб., 1899. Т. XI, вып. 1–2, новая серия. С. 316–323.
10. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.
11. Гребнева Г.И. Каталог археологического собрания Томского областного краеведческого музея. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 554 с.
12. Коников Б.А. Тайны древних курганов. Омск : Омск. книжное изд-во, 1990. 143 с.
13. Arne T.I. Barsoff Gorodok. Stokholm, 1935.
14. Арне Т.И. Культура Западной Сибири 1 000 лет назад // Барсова Гора. 110 лет археологических исследований. Сургут : Барсова Гора, 2002. С. 86–96.
15. Каменский С.Ю., Жирных Е.А. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск-Ханты-Мансийск : Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 168–178.
16. Викторова В.Д. Ликинский могильник X–XIII вв. // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1973. Вып. 12. С. 133–168.
17. Зыков А.П. Барсова Гора : очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековое и Новое время. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2012. 232 с.
18. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1953. № 35. С. 242–339.
19. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 254 с.
20. Барсуков Е.В. К истории трактовки парабельского памятника из наследия Р.А. Ураева // Археолого-этнографические исследования в южно-таежной зоне Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 113–116.
21. Мец Ф.И. О возможной сакральной первооснове возникновения Парабельского святилища // След на песке. Материалы и исследования по археологии. Томск; Северск : Дельтаплан, 2010. С. 140–154.
22. Лукина Н.В., Рындина О.М. О семантике орнамента восточных хантов // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 129–142.
23. Лукина Н.В. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. 239 с.
24. Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Т. 5. Конда. Тромъёган. Лямин. Казым. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2010. 400 с.
25. Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Т. 6. Нижняя Обь. Сыня. Собь. Полярный Урал. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. 292 с.
26. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 225 с.
27. Tschernetzov V.N. Bärenfest bei den Ob-Ugriern // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 23 (3–4). Budapest. S. 285–319.
28. Ким А.А., Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А. Селькупский праздник в Пиль-Эд и культ лося // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 205–213.
29. Белич И.В. Предметы из культового комплекса тазовских селькупов Кассыль-по в коллекциях Тобольского музея-заповедника // Самодийцы : материалы IV Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск : Омск. гос. пед. ун-т, 2001. С. 184–189.
30. Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 260 с.
31. Бауло А.В. Средневековые артефакты из этнографических комплексов и случайных сборов // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 95–109.
32. Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск : Наука. Сиб. отд., 1991. 92 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2020 г.

The Image of the Hare in the Worldviews of the Peoples Inhabiting the Irtysh and the Ob Regions in the 1st and 2nd Millennium AD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 133–140.

DOI: 10.17223/15617793/465/18

Lyudmila M. Pletneva, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk Russian Federation). E-mail: pletnva@bk.ru

Keywords: archeology; repoussé; graves; shrines; treasures.

The worldviews of the peoples inhabiting Western Siberia developed in close connection with the outside world. Every human life depended on the natural environment. The world outlook reflected in material objects that people used in rituals, or as amulets and talismans. Such animals as the bear, the elk and the beaver were especially worshipped in the taiga zone. Images of the hare are much less frequent. The aim of this study is to review the published literature in order to identify images of hares in repoussé works of art coming from the area under study, to analyze the composition of goods from graves and treasures, in which images of hares have been found, and to explain their purpose. A total of 16 images have been analyzed. These are either individual figures of hares, or pendants and buckles on which hares are depicted together with other animals (bear, elk, owl, bull). Heads of these animals or a bear head with front legs in a sacrificial posture were depicted. The article describes these artifacts and highlights distinctive features of their decoration. Such techniques as pearl edging; twisted rope; pearls, squares, and rectangles located in grooves and various recesses were common in the Early Middle Ages. This style in a modified form still existed at the beginning of the second millennium, but artists rarely used it. Hares are found in different poses: sitting, running, crouching, stretched, hanging. They are depicted both on locally produced and imported (e.g., a silver bronze bowl) items. Most of the items with images of hares come from graves. The analysis of the grave goods showed that most of them contained military items (Arkhiereyskaya Zaimka, graves from the Likinsky, Kip III and Ivanov Mys I burial grounds). The hare was associated with the cult of fertility. In warriors' graves, hares were likely to serve as a guarantor of a warrior's life and, therefore, his procreation. Figures of hares in shrines and treasures are also associated with the preservation and prosperous life of the community to which these items belonged. The significance of the hare is evidenced by the ethnography of the Khanty and Mansi. They still keep medieval items with images of the hare. It is particularly noteworthy that the image of the hare represents a hypostasis of the female deity. "Hare ears", one of the most common ornaments in the Khanty culture, are likely to be associated with the symbol of fertility.

REFERENCES

1. Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e.* [Monuments of the Tomsk Ob Region in the 5th–8th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Zykov, A.P., Koksharov, S.F., Terekhova, L.M. & Fedorova, N.V. (1994) *Ugorskoye nasledie. Drevnosti Zapadnoy Sibiri iz sobraniy Uralskogo universiteta* [Ugric Heritage. Antiquities of Western Siberia from the Collections of the Ural University]. Yekaterinburg: Vneshtorgizdatelstvo.
3. Konikov, B.A. (2007) *Omskoe Priirtyshye v rannem i razvitoem srednevekov'e* [The Omsk Irtysh Region in the Early and High Middle Ages]. Omsk: Omsk State Pedagogical University; Nauka Publishing House.
4. Mogilnikov, V.A. (1987) *Ugry i samodiytsy Urala i Zapadnoy Sibiri* [Ugrians and Samoyeds of the Urals and Western Siberia]. In: *Finno ugry i balty v epokhu srednevekov'ya* [The Finno Ugrians and Balts in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 163–235.
5. Chernetsov, V.N. (1957) *Nizhnee Priob'ye v I tys. n.e.* [The Lower Ob Region in the 1st Millennium AD]. In: *Kul'tura drevnikh plemen Priural'ya i Zapadnoy Sibiri* [Culture of the Ancient Tribes of the Urals and Western Siberia]. Moscow: USSR AS. pp. 136–245.
6. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Ryolka na Sredney Obi* [The Relka Burial Mound in the Middle Ob Region]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Imperial Archaeological Commission. (1898) *Otchet AK(?), 1898, Arkhiereyskaya zaimka* [Report AK (?), 1898, Arkhiereyskaya Zaimka]. pp. 94–98.
8. Imperial Archaeological Commission. (1906) *Al'bom risunkov, pomeshchennykh v otchyotakh Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1882–1898 gg.* [Album of Drawings from Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1882–1898]. St. Petersburg: 1906.
9. Kuznetsov, S.K. (1899) [Arkhiereyskaya zaimka]. In: *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Russian Archaeological Society]. Vol. XI. Issue 1–2. St. Petersburg. pp. 316–323.
10. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (relkinskaya kul'tura)* [History of the Middle Ob Region in the Early Middle Ages (Relkin Culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Grebneva, G.I. (2017) *Katalog arkheologicheskogo sobraniya Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya* [Catalog of the Archaeological Collection of the Tomsk Regional Museum]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Konikov, B.A. (1990) *Tayny drevnikh kurganov* [Secrets of the Ancient Mounds]. Omsk: Omsk. knizhnoe izd-vo.
13. Arne, T.I. (1935) *Barsoff Gorodok*. Stokholm.
14. Arne, T.I. (2002) *Kul'tura Zapadnoy Sibiri 1000 let nazad* [Culture of Western Siberia One Thousand Years Ago]. In: *Barsova Gora. 110 let arkheologicheskikh issledovaniy* [Barsova Mountain. 110 Years of Archaeological Studies]. Surgut: Barsova Gora. pp. 86–96.
15. Kamenskiy, S.Yu. & Zhirnykh, E.A. (2006) *Raskopki gorodishcha Evra 25 i razvedka v Kondinskom rayone Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga* [Excavations of Evra 25 Hill Fort and Reconnaissance in the Kondinsky District of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug]. In: *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]. Vol. 3. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University. pp. 168–178.
16. Viktorova, V.D. (1973) *Likinskiy mogil'nik X–XIII vv.* [Likinsky Burial Ground of the 10–13th Centuries]. In: *Voprosy arkheologii Urala* [Issues of Archeology of the Urals]. Vol. 12. Yekaterinburg. pp. 133–168.
17. Zykov, A.P. (2012) *Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Srednevekovoye i novoye vremya* [Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Surgut Ob. Medieval and Modern Times]. Yekaterinburg: Uralskiy rabochiy.
18. Talitskaya, I.A. (1953) *Materialy k arkheologicheskoy karte Nizhnego i Srednego Priob'ya* [Materials for the Archaeological Map of the Lower and Middle Ob Region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 35. pp. 242–339.
19. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [The Ancient History of the Middle Ob Region in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Barsukov, E.V. (2003) *K istorii traktovki parabel'skogo pamyatnika iz naslediya R.A. Urayeva* [The History of the Interpretation of the Parabel Monument from the Heritage of R.A. Uraev]. In: *Arkheologo-etnograficheskiye issledovaniya v yuzhno-tayezhnoy zone Zapadnoy Sibiri* [Archaeological and Ethnographic Studies in the South Taiga Zone of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 113–116.
21. Mets, F.I. (2010) *O vozmozhnoy sakral'noy pervoosnove vozniknoveniya Parabel'skogo svyatilishcha* [A Possible Sacral Basis of the Parabel Sanctuary]. In: *Sled na peske. Materialy i issledovaniya po arkheologii* [Footprint in the Sand. Materials and Research on Archeology]. Tomsk; Seversk: Deltaplan. pp. 140–154.
22. Lukina, N.V. & Ryndina, O.M. (1983) *O semantike ornamenta vostochnykh khantov* [The Semantics of Ornaments of the Eastern Khanty]. In: *Etnokul'turnyye protsessy v Zapadnoy Sibiri* [Ethnocultural Processes in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 129–142.
23. Lukina, N.V. (1979) *Al'bom khantyysskikh ornamentov (vostochnaya grupa)* [Album of Khanty Ornaments (Eastern Group)]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Lukina, N.V. (2010) *Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya. Istochniki po etnografii* [The Khanty from the Vasyugan Land to the Arctic Circle. Sources of Ethnography] Vol. 6. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
25. Lukina, N.V. (2012) *Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya. Istochniki po etnografii* [The Khanty from the Vasyugan Land to the Arctic Circle. Sources of Ethnography] Vol. 5. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

26. Kulemzin, V.M., Lukina, N.V. (1977) *Vasyugansko-vakhovskiy khanty* [The Vasyugan and Vakhov Khanty] Tomsk: Tomsk State University.
27. Tschernetzov, V.N. (1974) Bärenfest bei den Ob-Ugriern. *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 23 (3–4). pp. 285–319.
28. Kim, A.A., Kudryashova, T.K. & Kudryashova, D.A. (1996) Sel'kupskiy prazdnik v Pil'-Ed i kul't losya [A Selkup Holiday in Pil-Ed and the Cult of the Elk]. In: *Materialy i issledovaniya kul'turno-istoricheskikh problem narodov Sibiri* [Materials and Studies of Cultural and Historical Problems of the Peoples of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 205–213.
29. Belich, I.V. (2001) Predmety iz kul'tovogo kompleksa tazovskikh sel'kupov Kassyl'-po v kollektsiyakh Tobol'skogo muzeya-zapovednika [Items from the Kassyl-po Cult Complex of the Taz Selkups in the Collections of the Tobolsk Museum-Reserve]. In: *Samodiytsy. Materialy IV Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoye nasledie narodov Zapadnoy Sibiri"* [Samodians. Materials of the Fourth Siberian Symposium "Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia"]. Tobolsk; Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 184–189.
30. Baulo, A.V. (2011) *Drevnyaya bronza iz etnograficheskikh kompleksov i sluchaynykh sborov* [Ancient Bronze from Ethnographic Complexes and Random Collections]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography.
31. Baulo, A.V. (2008) Srednevekovyye artefakty iz etnograficheskikh kompleksov i sluchaynykh sborov [Medieval Artifacts from Ethnographic Complexes and Random Collections]. In: *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the Mirror of the Past]. Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University. pp. 95–109.
32. Polosmak, N.V. & Shumakova, E.V. (1991) *Ocherki semantiki kulayskogo iskusstva* [Essays on the Semantics of the Kulay Art]. Novosibirsk: Nauka.

Received: 26 March 2020

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.047+373

Н.Н. Абакумова, В.А. Борисова

ОЦЕНКА ПРОЦЕССОВ РАННЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ)

Актуализирована проблема разработки диагностического инструментария для оценки процессов раннего профессионального самоопределения. Разработана и апробирована матрица сформированности индивидуального профильного самоопределения в рамках реализации курса «Электроника и мобильная робототехника» программы Junior Skills. Показан механизм проведения оценки сформированности индивидуального профильного самоопределения обучающихся. Доказана необходимость практико-ориентированного содержания программ раннего самоопределения и ранней профессиональной ориентации обучающихся в инженерно-техническом профиле.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение; Junior Skills; оценка сформированности индивидуального профильного самоопределения; ранняя профессиональная ориентация обучающихся.

Введение

Профессиональное самоопределение – это психолого-педагогический процесс, который постоянно находится в фокусе исследовательского интереса педагогической науки и практики. Этот процесс, как и само развитие человека, прочно связан с механизмами адаптации субъекта в социуме. Вместе с изменениями, которые происходят в обществе, происходит трансформация и диагностируемых параметров и результативности личностного и профессионального самоопределения обучающихся. Процесс профессионального самоопределения следует рассматривать с позиции его стадийного характера и распространения на все этапы человеческой жизни, начиная с самого раннего возраста. Главное внимание здесь сосредоточено на развитии личной мотивации и определении своего места в жизни. Именно эта внутренняя мотивация и осознание себя в мире – основа для будущего отношения к процессу построения практической деятельности с учетом будущих перспектив и взаимодействия с окружающей действительностью в целом [1, 2].

В разное время профессиональное самоопределение детерминировалось исследователями как поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности [3]. Авторы психолого-педагогических исследований предлагают рассматривать самоопределение как особый навык, которому необходимо специально обучать личность, начиная с детского возраста [4]. Процессы, связанные с формированием личности обучающегося как субъекта профессиональной деятельности, и этапы его формирования как профессионала рассматривались в работах Б.Г. Ананьева, Д.Н. Узнадзе, Е.Ф. Зеер, Л.И. Божовича, Д.И. Фельдштейна, Н.С. Пряжниковой и др. Личностное и профессиональное самоопределение, как отмечают исследователи [4], не просто включает в себя умение выбирать наиболее интересные или выгодные варианты, но и представляет собой целостную систему жизненно важных факторов, позволяющих найти оптимальное соотношение между реальными способностями, по-

тенциалом и желанием подростка заниматься тем или иным видом деятельности. В исследовании основополагающим является определение Е.А. Климова [5], который под самоопределением понимает процесс воспитания внутренней уверенности подростка в том, что он сам должен осознанно подходить к проектированию своего жизненного пути.

Долгое время в программах профессиональной ориентации, реализуемых в школе, основной акцент в вопросе профессионального становления человека делался на этап завершения школьного обучения, когда учеба в старших классах имеет преимущественно профильную направленность: с 9-го класса перед обучающимися встает необходимость выбора будущего профиля как прообраза сферы будущей профессиональной деятельности [6]. Это подтверждается материалами исследований, в которых выпускники школ отмечают отсутствие четкого представления о разнообразии профессионального выбора и тенденциях будущего [7]. Для того чтобы цели воспитания стали педагогическими, необходим не только учет возрастных особенностей обучающихся, но и строгий подбор средств, способных привести к желаемому педагогическому результату на каждом отдельно взятом этапе развития и взросления. Анализ психолого-педагогических исследований показывает, что субъект профессионального самоопределения формируется постепенно, поскольку профессиональное самоопределение – не разовый акт, а длительный процесс, в основе которого лежат формирование и развитие определенных компетенций, *hard skills* и *soft skills* субъекта под влиянием множества различных факторов [4, 8, 9].

Несмотря на то, что вопросы отношения обучающихся к труду и осознанию своей роли и мотивации были затронуты во многих научных исследованиях по педагогике и психологии [2, 4, 10], раннее профессиональное самоопределение как непрерывный процесс формирования осознанного выбора будущей карьеры и соответствующей образовательной траектории начали изучать только на рубеже XX–XXI вв. Возникло четкое осознание необходимости увеличения знаний во всех областях профессиональной деятель-

ности, происходит постоянное обновление атласа профессий, вызванное появлением новых сфер деятельности, связанных с цифровой экономикой [4, 8, 11–15], как следствие, актуализировался вопрос разработки новых программ и форм их реализации. Популярными и востребованными проектами последних лет являются программы по самоопределению обучающихся, такие как олимпиадное движение в сфере инженерно-технического творчества (Олимпиада НТИ, STEM, Хакатоны НТИ) [16, 17], соревновательная деятельность через практические пробы по разным профессиональным профилям (Junior Skills Russia, World Skills) [13, 18], цифровые платформы и ресурсы построения индивидуальных треков предпрофессионального образования (Атлас новых профессий, Билет в будущее, Территория интеллекта и др.) [19–21].

В логике исследования программы Junior Skills важными можно считать исследования по профессиональному самоопределению, направленные на рассмотрение процессов взаимодействия объектов образовательно-технологической среды [22], изучение перспектив образовательного взаимодействия «школа – вуз – предприятие» [23], внедрение профориентации и профессионального самоопределения в контекст непрерывного профессионального развития [24], профориентацию младших школьников на практической основе [25]. Общая исследовательская рамка для всех перечисленных направлений – обучающимся необходимы реальная практика, практические пробы, желательно в условиях, приближенных к бытовым, и тесно взаимосвязанные с технологической реальностью. Таким образом, программы по профессиональному самоопределению обучающихся должны представлять собой комбинацию академических знаний, практических навыков и собственных взглядов обучающихся на свое место в мире профессий.

Для эффективной реализации данных программ и организации учебной деятельности необходимо диагностировать у обучающихся навыки самооценки, самоанализа деятельности и используемые способы улучшения собственных результатов. Перечисленные навыки являются отражением основ самосознания личности, развития волевого поведения и личностной направленности развития своих интересов [2]. Проведенный метанализ показывает, что востребованным диагностическим инструментарием для современной образовательной практики являются кейсы. Однако использование метода кейс-стади не позволяет в полной мере проводить оценку развития навыков самоорганизации (планирование, самооценка, дефицит). Необходим новый инструментарий, который позволит оценивать постоянный прирост знаний и навыков обучающихся, а также обеспечит рост эффективности программ по профессиональному самоопределению. Для сбора информации об уровне сформированности того или иного навыка необходимо проводить мониторинг достижений обучающихся. Для этого используются различные стратегии оценивания и соответствующие инструменты.

Базовой идеей исследования является оценка процессов профессионального самоопределения в реали-

зуемых программах Junior Skills. Важно подчеркнуть, что опытно-экспериментальная деятельность включает этап раннего профессионального самоопределения (10–14 лет) и описывает систему диагностического инструментария для оценки эффективности образовательной программы по критерию сформированности профильного самоопределения у обучающихся (на базе программы «Электроника и мобильная робототехника»). Экспериментальной базой исследования выступили Детский центр образовательной робототехники Томского государственного педагогического университета и Курлекская средняя общеобразовательная школа Томского района. Исследование проводилось с 2019 по 2021 г.

Основными задачами при проектировании системы оценки эффективности профессионального самоопределения были определены:

- разработка критериев оценивания уровня сформированности самоопределения на основе поставленных учебных целей;

- вовлечение обучающихся в процесс осознанного анализа ситуации по профильному (профессиональному) самоопределению на контрольных этапах исследования;

- матричное представление типов и уровней сформированности индивидуального профильного самоопределения (ИПС) на разных этапах реализации программы;

- графическое представление динамики уровней сформированности самоопределения.

Дизайн исследования предполагает обязательное использование образовательно-технологической среды как необходимой составляющей активного включения обучающихся в практическую деятельность, результатом которой является создание продукта. Получение продукта по итогу реализации программы Junior Skills будет оцениваться как важная, но не единственная составляющая эффективного самоопределения обучающегося. Основываясь на материалах предыдущих исследований [25], к средствам, которые в наибольшей степени подходят для работы с обучающимися 10–14 лет, можно отнести проектирование, профориентационные экспедиции, игровые профессиональные тесты. Опытно-экспериментальная работа показала эффективность приема делегирования части полномочий по выбору интересующей профессиональной линии самими обучающимися через формат заполнения матриц профильного самоопределения.

Взаимосвязь типов и уровней сформированности индивидуального профильного самоопределения

В исследовании программ Junior Skills в части оценки эффективности процессов профессионального самоопределения за основу была взята теория основных факторов выбора профессии Е.А. Климова [5], которая обеспечивает определенную ориентировку в ситуации выбора, а также некоторые положения теории поэтапно-планомерного формирования умственных действий с заранее заданными свойствами П.Я. Гальперина [26]. Указанные положения позволили выделить взаимосвязь типов и уровней

сформированности индивидуального профильного самоопределения. Исследование учитывало набор наиболее важных для каждого обучающегося факторов определения предметных и предпрофессиональных профилей. Процедура самоопределения проводилась с каждым обучающимся в индивидуальной

форме для построения персонального трека профессионального развития.

Матрица сформированности индивидуального профильного самоопределения представляет собой прямоугольную таблицу из совокупности строк и столбцов (рис. 1).

Рис. 1. Матрица индивидуального профессионального самоопределения

По вертикали выделяются 4 способа построения, или фактора выбора, индивидуального профессионального самоопределения (обозначаются цифрами), влияющих на выбор профиля обучающегося: 1) отсутствие сознательно планируемого выбора, т.е. выбор осуществляет не сам обучающийся, а его родители (законные представители), учителя, психологи или друзья (могут быть другие референтные личности); 2) обоснование выбора профиля только собственными склонностями, способностями и интересами; 3) выбор конкретного профиля или направления с учетом многих факторов, в числе которых внутренняя уверенность и интерес к профессиям, где используются навыки, приобретаемые в курсе выбранного обучения; 4) способность обосновать и доказать свой профильный выбор в усложненных или меняющихся условиях среды образовательного учреждения (например, активное желание участвовать в соревнованиях по профилю, стремление лучше подготовиться к получению определенной профессии, наличие соб-

ственных проектов, нуждающихся в доработке или практической реализации и пр.).

По горизонтали отмечаются три уровня реализации способов построения ИПС (обозначаются буквами): А) формальное принятие ситуации (например, подчинение воле родителей, подражание другу, желание быть хорошим учеником и т.д.); В) теоретический уровень использования навыков и знаний (например, при построении диалога, в разговорах, спорах о правильности того или иного выбора, рассказ о собственных идеях или примерах); С) практическая реализация замыслов, идей, отработка навыков (например, посещение подготовительных курсов или кружков, поиск проектов и попытка их реализации).

Заполнение представленной матрицы индивидуального профессионального самоопределения позволит не только выявить степень сформированности индивидуального профильного самоопределения, но и получить график взаимосвязи типов и уровней ИПС (таблица).

Оценка уровня сформированности индивидуального профильного самоопределения

Уровень сформированности ИПС		А	В	С
Фактор выбора		Я просто выполняю те задания, которые мне дает учитель	Я получил много информации, могу рассказать или поделиться идеей для проекта	Я сам разрабатываю проекты, хочу участвовать в конкурсах, но мне надо еще кое-чему научиться
1	Мне подсказали родители (друзья, учитель и др.)			
2	У меня есть способности к такой работе, хочу попробовать на практике			
3	Я знаю – моя будущая профессия будет связана с этим профилем			
4	Мне необходимы дополнительные навыки этого профиля, чтобы в будущем подготовиться к поступлению на конкретную специальность			
Предметные профили		Робототехника, Электроника, Конструирование, Моделирование, Работа с техникой, Программирование		

На пересечении строк и столбцов таблицы располагаются выбранные профильные предметы с указанием степени личной вовлеченности возле каждого из них. Эта степень выражается в баллах, распределенных из общего числа (10 баллов) на каждый профиль, и отражает уровень заинтересованности обучающегося в профиле как потенциальной профессиональной деятельности в будущем. Используется шкала от 0 до 10 баллов, где 0 – полное отсутствие связи с миром профессий, 10 – понимание перспектив и желание профессионально развиваться в данном направлении.

Порядок использования матрицы индивидуального профессионального самоопределения. Перед началом заполнения таблицы возможно проведение пробного (тренировочного) упражнения по распределению предметов (например, школьных предметов).

1. Обучающемуся предлагается бланк (см. таблицу), в котором ему необходимо внимательно ознакомиться с критериями, расположенными по горизонтали и вертикали.

2. Следующим шагом является указание трех профилей из предложенных в качестве приоритетных и заинтересовавших обучающегося более всего. Затем необходимо произвести распределение предметных профилей, начиная с основного профиля, вызвавшего наибольший интерес, по ячейкам таблицы таким образом, чтобы расположение профиля удовлетворяло одновременному согласию с утверждениями по горизонтали и по вертикали.

3. После того как профиль вписан в соответствующую ячейку, обучающемуся предлагается указать степень (выраженную в баллах) своей вовлеченности в данное направление как перспективу для совершенствования навыков и получения будущей профессии. Здесь важно напомнить, что баллов всего 10 и их надо распределить между всеми профилями таблицы.

Комплексное рассмотрение выбора приоритетного профиля и данных бланка определения степени сфор-

мированности индивидуального профильного самоопределения (см. таблицу), зафиксированных во время начала и окончания изучения программы «Электроника и мобильная робототехника», позволят получить общую картину динамики процесса самоопределения обучающегося по конкретным позициям профильного направления.

Данные, полученные после распределения всех профилей по таблице и указания соответствующих баллов приоритета, позволяют построить графические модели, отражающие взаимосвязь типов и уровней сформированности индивидуального профильного самоопределения каждого обучающегося.

Результаты и их обсуждение

В рамках опытно-экспериментальной работы была реализована образовательная программа подготовки обучающихся к соревновательной деятельности через профессиональные пробы по стандартам Junior Skills «Электроника и мобильная робототехника». Обучающимся, зачисленным на данную программу, было предложено ознакомиться с профильными направлениями образовательной программы, выбрать три приоритетных для себя предмета и заполнить таблицу ИПС согласно предлагаемой инструкции. После изучения первого блока программы обучающимся было предложено повторить процедуру заполнения таблицы ИПС. По итогам обработки полученных таблиц (двух контрольных замеров) были построены индивидуальные матрицы ИПС для каждого обучающегося. Данные таблиц ИПС (рис. 2), отраженные на графике (рис. 3, 4), позволяют увидеть изменения уровня сформированности индивидуального профильного самоопределения обучающегося по каждому выбранному профилю на определенных этапах образовательной программы: в начале и после завершения первого этапа (или блока) изучаемой программы.

Рис. 2. График динамики профессионального самоопределения обучающихся по программе «Электроника и мобильная робототехника» 2020–2021 учебного года и таблица приоритетов по профилям

На рис. 2–4 представлены данные, полученные в результате заполнения таблиц и составления матриц для одного из обучающихся по программе «Электро-

ника и мобильная робототехника» 2020–2021 учебном году. В указанном случае обучающийся выбрал для себя приоритетными профилями робототехнику,

электронику, программирование. На представленных графиках можно увидеть, что у обучающегося произошла смена приоритетов в отношении выбранных профильных предметов в процессе первого этапа обучения по программе. Если в начале обучения можно наблюдать явный приоритет профиля «робототехника», то второй замер показывает сдвиг приоритета в сторону профиля «программирование». Этот эффект можно объяснить тем, что изучаемая образовательная

программа погружает обучающихся в практические аспекты программирования на разных платформах и позволяет им через практические пробы самостоятельно анализировать свои навыки в профильной подготовке.

Графики взаимосвязи типов и уровней сформированности ИПС отражают информацию о динамике уровней владения предметной информацией и факторов выбора приоритетных профилей (см. рис. 3 и 4).

Рис. 3. График взаимосвязи типов и уровней сформированности ИПС по приоритетным профилям на этапе начала изучения программы «Мобильная робототехника и электроника»: Р – робототехника; Э – электроника; П – программирование

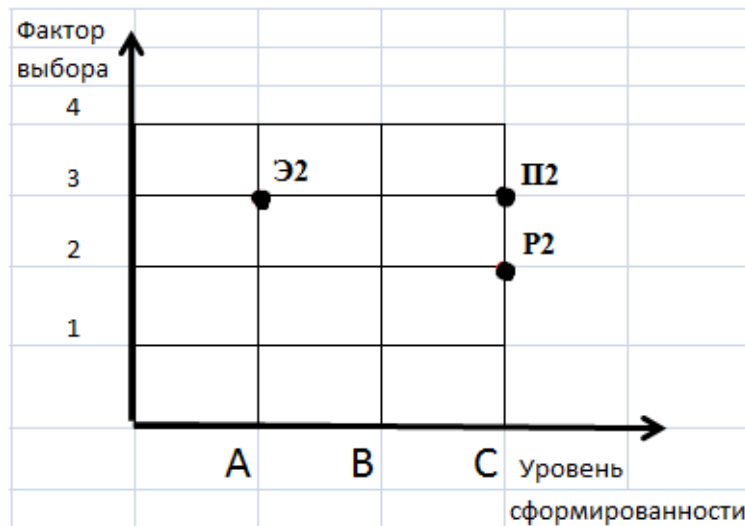

Рис. 4. График взаимосвязи типов и уровней сформированности ИПС по приоритетным профилям на этапе окончания изучения первого блока программы «Мобильная робототехника и электроника»

Обобщая результаты оценки динамики профессионального самоопределения обучающихся по программе «Мобильная робототехника и электроника», можно зафиксировать, что при первом замере ИПС преобладает фактор отсутствия сознательно планируемого выбора: пассивное принятие ситуации, вероятнее всего, навязанное окружающими (родители настояли, решил поддержать друга и т.д.) и теоретический уровень использования навыков и знаний. Обобщенные результаты второго замера ИПС отражают при-

рост уровня реализации начальных теоретических знаний в сторону практического действия, продиктованный сформированными умениями и навыками в области программирования, а также осознанным интересом к профилю образовательной программы и, как следствие, к профессиям конкретного профиля или направления.

Для комплексного анализа динамики степени сформированности индивидуального профильного самоопределения обучающегося используются одно-

временные данные таблицы и показатели графиков взаимосвязи типов и уровней сформированности ИПС на каждом контрольном этапе образовательной программы «Электроника и мобильная робототехника». Данные, отраженные на этих графиках, позволяют увидеть полную картину изменений, произошедших с самоопределением ученика на всех этапах освоения программы, и провести необходимую коррекцию траектории обучающегося.

Представленные результаты опытно-экспериментальной работы – попытка предложить новый диагностический инструментарий для оценки процессов раннего профессионального самоопределения обучающихся. Реализация программ Junior Skills может рассматриваться как современная образовательная практика раннего самоопределения и ранней профориентации обучающихся. Полученные результаты

апробации матрицы индивидуального профессионального самоопределения указывают на актуальность и необходимость развития практико-ориентированного содержания программ раннего самоопределения и ранней профориентации обучающихся. Доказано, что предложенный диагностический инструментарий оценки валиден для возрастной группы 10–14 лет, однако его применение в более старшей возрастной группе обучающихся нуждается в дополнительном исследовании и уточнении.

В целом результаты опытно-экспериментальной работы показывают, что механизм измерения уровня сформированности индивидуального профильного самоопределения обучающихся позволяет не только фиксировать факторы, определяющие выбор, но и оценивать динамику раннего профессионального самоопределения обучающегося.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеер Э.Ф. Психология профессий : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. 336 с.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / под ред. Д.И. Фельдштейна. М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001. 352 с.
3. Пряхин Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. М. : Академия, 2007. 500 с.
4. Касьянова Т.И., Мальцев А.В., Шкурин Д.В. Сопровождение профессионального самоопределения школьника: взгляд учителя и родителей // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2019. Т. 14, № 1 (185). С. 54–64.
5. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов н/Д : Феникс, 1996. 512 с.
6. Абакумова Н.Н. Организация среды профессионального самоопределения: предпрофильная подготовка и профильное обучение // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 194–199.
7. Борисова В.А. Применение формата мастер-классов как инструмента мотивации к профессиональному самоопределению // Преподавание информационных технологий в Российской Федерации : сб. науч. тр. М. : НИУ МФТИ, 2020. С. 368–369.
8. Блинов В.И., Сергеев И.С. Концепция организационно-педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в условиях непрерывности образования. М. : Пецо, 2014. 38 с.
9. OECD, Trends Shaping Education 2019. Paris : OECD Publishing, 2019. URL: https://doi.org/10.1787/trends_edu-2018-en
10. Fakhruddinova A., Gali G., Shakhmina I. Pedagogical Requirements for Work With Gifted Students: Teachers Training Approach // INTED – 2017 : 11th International Technology, Education and Development Conference. 2017. P. 4733–4740.
11. 21st Century competencies: foundation document for discussion // Queen's Printer for Ontario Public Service. 2016. 36 p. URL: http://www.edugains.ca/resources21CL/About21stCentury/21CL_21stCenturyCompetencies.pdf (accessed: 21.12.2020).
12. Серебрянников Л.Н. Предпрофильная практико-ориентированная подготовка школьников // Школа и производство. 2006. № 5. С. 65–70.
13. Абакумова Н.Н., Борисова В.А. Механизмы реализации и этапы развития Junior Skills как перспективной программы раннего профессионального самоопределения обучающихся // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 170–177. DOI: 10.17223/15617793/446/21.
14. Андриенко О.А. Особенности профессионального самоопределения обучающихся старших классов средних общеобразовательных школ // Перспективы науки и образования. 2018. № 2 (32). С. 124–128.
15. Witko K.D., Bernes K.B., Magnusson K.C., Bardick A.D. Senior high students' career plans for the future: Outcomes of the comprehensive career needs survey in Southern Alberta, Canada // International Journal of Education and Vocational Guidance. 2006. Vol. 6 (2). P. 77–94.
16. Чикова О.А., Антипова Е.П. Олимпиада по технологиям как средство инженерно-технологической подготовки молодежи // Педагогическое образование в России. 2018. № 3. С. 73–81.
17. Robinson A. Developing STEM talent in the early school years: STEM Starters and it's next generation scale-up // Teaching Gifted Learners in STEM Subjects: Developing Talents in Science, Technology, Engineering and Mathematics. 2017. P. 20–30.
18. Официальные документы движения World Skills // World Skills Russia. 2019. URL: <https://www.worldskills.org/about/organization/wsi/official-documents/> (дата обращения: 14.04.2019).
19. Атлас новых профессий 3.0 / под ред. Д. Варламовой, Д. Судачкова. М. : Интеллект. Лит., 2020. 456 с. URL: <https://new.atlas100.ru/> (дата обращения: 10.01.2021).
20. Билет в будущее : офиц. сайт проекта. URL: <https://bilet.worldskills.ru/> (дата обращения: 25.12.2020).
21. Территория интеллекта : офиц. сайт проекта. URL: <https://tintel.ru/> (дата обращения: 15.01.2021).
22. Николаев В.А. Профессиональное самоопределение обучающихся в процессе взаимодействия объектов образовательно-технологической среды : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2018. 24 с.
23. Чаплыгина А.В. Формирование профессионального самоопределения обучающихся в условиях образовательного кластера «школа – вуз – предприятие» : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2019. 24 с.
24. Диннер И.В. Профориентация и профессиональное самоопределение в контексте непрерывного профессионального развития : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Омск, 2018. 25 с.
25. Antonova M.V. Vocational guidance of Junior schoolchildren on practice-oriented basis // AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research open journal. 2019. Vol. 9, is. 1-VI. P. 73–76.
26. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М. : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : НПО «Модэк», 1998. 480 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 24 марта 2021 г.

Assessment of Schoolchildren's Early Professional Self-Determination Processes (Based on the Material of the Engineering Profile)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 141–148.

DOI: 10.17223/15617793/465/19

Natalia N. Abakumova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tomsk-ann@yandex.ru
Victoria A. Borisova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kitnessev@gmail.com
Keywords: junior skills; professional self-determination; competitions; general secondary education; additional education.

The study actualizes the problem of developing new diagnostic tools for assessing the processes of early professional self-determination. An attempt was made to test the matrix of individual professional self-determination of schoolchildren of the engineering and technical profile in experimental work. This matrix is a promising option for assessing the effectiveness of the processes of schoolchildren's early professional self-determination. The analysis of the literature shows that the proposed version of the diagnostic toolkit differs from the modern practice of assessing self-determination processes based on the use of approaches such as cases. The main side of this diagnostic toolkit is combining the matrix principle of including factors that will help to determine the choice and correlate them with the level of formation of ideas about the chosen profession. The research design involves the definition of theoretical foundations that will serve as the basis for the development of a matrix of individual professional self-determination. The theory of the main factors of choosing a profession by E.A. Klimov and the theory of the phased-planned formation of mental actions with predetermined properties of P.Ya. Galperin were taken as a basis. It made possible to identify the relationship between the types and levels of formation of individual profile self-determination of schoolchildren aged 10 to 14. The experimental basis of the study was the Children's Center for Educational Robotics of Tomsk State Pedagogical University and the Kurlek secondary school of Tomsk Oblast. The study was conducted between 2019 and 2021. A matrix of the formation of individual profile self-determination was developed and tested during the research. The main factors of profile selection were determined. The correlation of these factors with the subject profiles of the Electronics and Mobile Robotics course such as robotics, electronics, design, modeling, working with technology and programming was shown. The mechanism for assessing the level of formation of individual profile self-determination is consistently described. The procedure for using the matrix of individual professional self-determination is presented. It describes the terms of testing schoolchildren, the analysis of results, the assessment of the dynamics of the indicators obtained. Examples of the analysis of the results of assessing changes in the matrix of schoolchildren's individual professional self-determination at different stages of diagnosis are given. The results of the study prove the need to develop and promote the practice-oriented content of programs for schoolchildren's early self-determination and early vocational guidance. The developed diagnostic tools within the framework of the Junior Skills program allow fixing the factors that determine the choice of schoolchildren and also allow assessing the dynamics of professional self-determination.

REFERENCES

1. Zeer, E.F. (2003) *Psikhologiya professiy* [Psychology of Professions]. Moscow: Akademicheskii proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga.
2. Bozhovich, L.I. (2001) *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of Personality Formation]. Moscow: Moscow Psychology and Social Institute; Voronezh: NPO "MODEK".
3. Pryazhnikov, N.S. (2007) *Professional'noe samoopredelenie: teoriya i praktika* [Professional Self-Determination: Theory and practice]. Moscow: Akademiya.
4. Kas'yanova, T.I., Mal'tsev, A.V. & Shkurin, D.V. (2019) Professional Self-Determination of School Students: Opinions of Modern Teachers and Parents. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki*. 1–14 (185). pp. 54–64. (In Russian).
5. Klimov, E.A. (1996) *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of Professional Self-Determination]. Rostov-on-Don: Feniks.
6. Abakumova, N.N. (2007) Management of professional self-determination environment: profile and pre-profile education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 194–199. (In Russian).
7. Borisova, V.A. (2020) [Application of the workshop format as a motivation tool for professional self-determination]. *Prepodavanie informatsionnykh tekhnologiy v Rossiyskoy Federatsii* [Teaching Information Technologies in the Russian Federation]. Proceedings of the 18th All-Russian Conference. Moscow. 14–15 May 2020. Moscow: Moscow Institute of Physics and Technology. pp. 368–369. (In Russian).
8. Blinov, V.I. & Sergeev, I.S. (2014) *Kontseptsiya organizatsionno-pedagogicheskogo soprovozhdeniya professional'nogo samoopredeleniya obuchayushchikhsya v usloviyakh nepreryvnoi obrazovaniya* [The Concept of Organizational and Pedagogical Support of Professional Self-Determination of Students in the Context of Continuous Education]. Moscow: Pero.
9. OECD. (2019) *Trends Shaping Education 2019*. Paris: OECD Publishing. [Online] Available from: <https://www.oecd.org/education/trends-shaping-education-22187049.htm>.
10. Fakhruddinova, A., Gali, G. & Shakhmina, I. (2017) [Pedagogical Requirements for Work With Gifted Students: Teachers Training Approach]. *INTED – 2017*. Proceedings of the 11th International Technology, Education and Development Conference. Valencia. 6–8 March 2017. Valencia: IATED. pp. 4733–4740.
11. The Ontario Public Service. (2016) *21st Century competencies: foundation document for discussion*. Ontario: Queen's Printer for Ontario Public Service. [Online] Available from: http://www.edugains.ca/resources/21CL/About21stCentury/21CL_21stCenturyCompetencies.pdf (Accessed: 21.12.2020).
12. Serebrennikov, L.N. (2006) Predprofil'naya praktiko-orientirovannaya podgotovka shkol'nikov [Pre-profile practice-oriented training of schoolchildren]. *Shkola i proizvodstvo – School and Industry*. 5. pp. 65–70.
13. Abakumova, N.N. & Borisova, V.A. (2019) Implementation Mechanisms and Development Stages of Junior Skills as a Promising Program of Students' Early Professional Self-Determination. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 446. pp. 170–177. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/446/21
14. Andrienko, O.A. (2018) Features of professional self-determination of high school students of secondary schools. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*. 2 (32). pp. 124–128. (In Russian).
15. Witko, K.D. et al. (2006) Senior high students' career plans for the future: Outcomes of the comprehensive career needs survey in Southern Alberta, Canada. *International Journal of Education and Vocational Guidance*. 6 (2). pp. 77–94.
16. Chikova, O.A. & Antipova, E.P. (2018) Academic competition in technologies as a means of training in engineering and technology. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*. 3. pp. 73–81. (In Russian).
17. Robinson, A. (2017) Developing STEM talent in the early school years: STEM Starters and it's next generation scale-up. In: Taber, K.S., Sumida, M. & McClure, L. (eds) *Teaching Gifted Learners in STEM Subjects: Developing Talents in Science, Technology, Engineering and Mathematics*. pp. 20–30.
18. World Skills Russia. (2019) *Ofitsial'nye dokumenty dvizheniya World Skills* [Official documents of the World Skills movement]. [Online] Available from: <https://www.worldskills.org/about/organization/wsi/official-documents/> (Accessed: 14.04.2019).
19. Varlamova, D. & Sudakov, D. (eds) (2020) *Atlas novykh professiy 3.0* [Atlas of New Professions 3.0]. Moscow: Intellekтуal'naya literatura. [Online] Available from: <https://new.atlas100.ru/> (Accessed: 10.01.2021).
20. *Bilet v budushchee* [Ticket to the Future]. (n.d.) [Online] Available from: <https://bilet.worldskills.ru/> (Accessed: 25.12.2020).
21. *Territoriya intellekta* [Territory of Intelligence]. (n.d.) [Online] Available from: <https://tintel.ru/> (Accessed: 15.01.2021).

22. Nikolaev, V.A. (2018) *Professional'noe samoopredelenie obuchayushchikhsya v protsesse vzaimodeystviya ob"ektov obrazovatel'no-tekhnologicheskoy sredy* [Professional self-determination of students in the process of interaction of objects of the educational and technological environment]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Kemerovo.
23. Chaplygina, A.V. (2019) *Formirovanie professional'nogo samoopredeleniya obuchayushchikhsya v usloviyakh obrazovatel'nogo klastera "shkola – vuz – predpriyatie"* [Formation of professional self-determination of students in the educational cluster "school – university – enterprise"]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Kursk.
24. Dinner, I.V. (2018) *Proforientatsiya i professional'noe samoopredelenie v kontekste nepreryvnogo professional'nogo razvitiya* [Vocational guidance and professional self-determination in the context of continuous professional development]. Abstract of Economics Cand. Diss. Omsk.
25. Antonova, M.V. (2019) Vocational guidance of Junior schoolchildren on practice-oriented basis. *AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research*. 1–VI (9). pp. 73–76.
26. Gal'perin, P.Ya. (1998) *Psikhologiya kak ob"ektivnaya nauka* [Psychology as an Objective Science]. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: NPO "Modek".

Received: 24 March 2021

Р.А. Касимов

ВЛИЯНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ РОДИТЕЛЕЙ В ЗДОРОВЫХ ВИДАХ АКТИВНОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНОЙ ПОЗИЦИИ ИХ ДЕТЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К СОХРАНЕНИЮ И УКРЕПЛЕНИЮ СВОЕГО ЗДОРОВЬЯ

Выявлены здоровые виды активности, формирующие ответственность человека за укрепление своего здоровья, и дано им понятийное определение. Разработаны и апробированы образовательная программа для родителей «Школа семейной педагогики здоровья» и методика выявления уровня сформированности компетенций родителей в здоровых видах активности. Доказано влияние уровня компетенций родителей в здоровых видах активности на формирование субъектной позиции их детей по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья.

Ключевые слова: виды активности; компетенция родителей; семейная педагогика; здоровая личность; субъектная позиция.

Введение

Благополучие подрастающего поколения во многом зависит от состояния здоровья общества, в котором осуществляется социализация ребенка, от уровня компетенций в вопросах здоровья взрослых людей, с которыми он общается, прежде всего его родителей и других членов семьи [1, 2]. Особая роль в воспитании ребенка в семье принадлежит родителям. Уровень общей культуры родителей, их грамотность в вопросах воспитания здоровой личности могут существенно повлиять на физическое, психическое и социальное благополучие их детей в будущем.

Образовательная организация, развивая здоровьесформирующую деятельность, направленную на воспитание здоровой личности учащихся на основе формирования их субъектной позиции по отношению к сохранению своего здоровья, не всегда уделяет достаточно внимания вовлечению в этот процесс их родителей. Воспитание в детях ответственности за здоровье является необходимым условием сохранения и укрепления их здоровья и в период обучения в школе, и в последующем на протяжении всей жизни. Однако родители имеют мало знаний, необходимых для воспитания в детях такой ответственности, и это может быть одной из главных причин их низкой активности в воспитательном процессе школы. Повышение уровня компетенций родителей учащихся в здоровых видах активности может осуществляться на основе организации для них специально разработанной комплексной образовательной программы в процессе здоровьесформирующей деятельности школы [3].

Исходя из этого, нами определена цель исследования: изучение влияния уровня сформированности компетенций родителей в здоровых видах активности на формирование субъектной позиции их детей по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья. Компетенции в здоровых видах активности родителей учащихся – это теоретические знания об этих видах активности, практические умения и навыки реализации их в повседневной жизнедеятельности и в воспитании ответственности детей за сохранение и укрепление своего здоровья в семье.

На основе изучения работ, посвященных проблеме воспитания личности, нормативной базы воспитательной деятельности в системе образования нами выявлены виды активности, которые формируют субъектную позицию человека по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья: физическая, экологическая, медицинская, психологическая, нравственная и социальная. Эти виды активности могут также трактоваться как «здоровые виды активности», формирующие качества, присущие здоровой личности, ответственной за сохранение и укрепление своего здоровья [4].

А.И. Федоров подчеркивает, что «физическая активность должна рассматриваться как главная сфера, формирующая физическую культуру личности» [5]. *Физическая активность* формирует волю к достижению успеха, упорство, трудолюбие, здоровую целеустремленность, решительность, смелость, инициативность, самостоятельность, терпеливость, выдержку, мужество, оптимизм и др. [6];

В.П. Казначеев, исследуя экологию здоровья человека, обращает внимание на «необходимость создания таких условий и таких гигиенических систем, которые обеспечивали бы не только сохранение здоровья человека, но и его развитие» [7]. Создание системы экологического воспитания учащихся в системе образования предполагает их активную включенность в процесс познания экологической среды, ее влияния на здоровье человека. Этот процесс может характеризоваться как *экологическая активность*, формирующая у обучающихся определенные качества, присущие здоровой личности. Анализ работ ряда ученых показал, что экологическая активность формирует у обучающихся дальновидность, бережливость, добропорядочность, совестливость, открытость, бескорыстие, критичность, честность, ответственность за себя и все живое [8–12].

Ю.П. Лисицын исследует *медицинскую активность* и разделяет ее на несколько самостоятельных компонентов: «санитарную (медицинскую) грамотность, гигиенические и антигигиенические привычки, обращаемость в медицинские учреждения за советами, в том числе профилактическими, выполнение медицинских рекомендаций» [13. С. 46]. Сама структура медицинской активности, состоящая из нескольких

компонентов, предопределяет, что она формирует ответственность за свое здоровье и здоровье окружающих, доверие к медицинским работникам, доброжелательность, гуманизм, бережливость, ценностное отношение к жизни, чуткость и др.

М.Ф. Секач, рассуждая о важности здоровья, подразумевает возможности и умения человека активно преодолевать психологические барьеры, прежде всего стрессовые ситуации, с которыми он сталкивается многократно за свою жизнь, на основе формирования в себе стрессоустойчивости, умения адаптироваться к сложным противоречивым условиям, приводить в равновесие свои мысли, чувства и действия, справляться с разногласиями в себе [14]. Данная *активность* рассматривается ученым как *психологическая*, которая формирует в человеке толерантность, уравновешенность, гуманность, любовь, терпимость, чуткость, коммуникабельность, дружелюбие, уважительность, доверительность и др.

В.А. Сухомлинский пишет: «...занятия физкультурой и спортом играют определенную роль во всестороннем развитии учеников лишь тогда, когда вся учебно-воспитательная работа проникнута заботой о здоровье...» – особо выделяя при этом формирование нравственных качеств личности [15. С. 144]. Забота о физическом, психическом и социальном здоровье учащихся, в котором участвуют все субъекты образовательного процесса в школе, формирует у обучаемых гуманность, приверженность к общечеловеческим ценностям, отзывчивость, терпимость, человеческое достоинство, уважение к родителям, учителям, старшему поколению, сверстникам, другим людям, дух милосердия и сострадания, самоуважение, доброту, рассудительность, честность, совестливость, патриотизм и др. Включенность в данный педагогический процесс самих обучающихся можно рассматривать как их *нравственную активность*, формирующую в них нравственные качества здоровой личности.

В.М. Басова, раскрывая содержание социальной компетентности учащихся, «включает в нее информированность индивида о социальной действительности,

готовность и умение вести диалог с другими людьми, принимать ответственные решения в жизненных ситуациях» [16. С. 15]. Мы полагаем, что в этом сущность *социальной активности*, которая формирует у учащихся лидерство, патриотизм, креативность, целеустремленность, смелость, трудолюбие, продуктивность, бескорыстность, преданность выбранной цели, гражданскую идентичность и другие качества, присущие здоровой личности.

Комплекс осваиваемых учащимися здоровых видов активности в процессе воспитательной работы школы, в которую включены родители, формирует у него субъектную позицию по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья. Данный воспитательный процесс требует сопровождения обучаемых со стороны взрослого – учителя в школе, родителей в семье [17].

Организация и результаты исследования

В образовательных организациях Вожегодского и Харовского районов Вологодской области успешно реализуется здоровьесформирующая деятельность, направленная на воспитание здоровой личности обучающихся. В данный процесс были вовлечены и родители учащихся.

Для сравнительной оценки эффективности образовательных вмешательств, направленных на повышение компетенций в здоровых видах активности родителей учащихся, школы Вожегодского района были определены как экспериментальные, а школы Харовского района, где такие вмешательства не проводились, – как контрольные.

С целью повышения уровня компетенций родителей учащихся в здоровых видах активности и их участия в формировании субъектной позиции детей по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья в сотрудничестве со школой нами была разработана и реализована комплексная образовательная программа «Школа семейной педагогики здоровья» (табл. 1).

Таблица 1

Комплексная образовательная программа «Школа семейной педагогики здоровья»

Номер темы	Темы занятий	Количество часов	
		Лекции	Практические занятия
1	Здоровый образ жизни – задача обучения и воспитания школы, семьи, медицинских учреждений и других социальных служб, в основе которой – формирование ответственности учащихся за свое здоровье	2	
2	Семейное воспитание – источник формирования здорового образа жизни детей	2	
3	Нравственность и духовность как базовая основа формирования здорового образа жизни детей и подростков	3	
4	Предупреждение вредных привычек у детей школьного возраста		2
5	Привитие полезных привычек у детей школьного возраста: здоровые виды активности		2
6	Профилактика опасных для здоровья инфекционных заболеваний	1	
7	Круглый стол «Здоровый образ жизни» – настоящее и будущее наших детей: в основе сформированность субъектной позиции ребенка по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья		2
Итого		8	6
		14	

В рамках этой программы также были организованы занятия для родителей с детьми, имеющими хронические заболевания, ориентированные на формирование у них медицинской активности. Особое внимание уделялось профилактике сколиоза, нарушений органов зрения и желудочно-кишечного тракта. Ряд занятий был посвящен профилактике химических и нехимических зависимостей. Образовательная программа для родителей также включала лекцию о профилактике инфекционных заболеваний, в том числе о вакцинации против гриппа и опасных вирусов, а для старших классов – заболеваний, передающихся половым путем, в частности ВИЧ-инфекции. В организации и проведении этих занятий принимали участие медицинские работники, психологи и социальные педагоги. Особый акцент при обсуждении вопросов воспитания детей в семье ставился на учет индивидуальности каждого ребенка [18. С. 14].

Анализ организации и проведения образовательной программы для родителей в образовательных организациях показал:

– мотивированность родителей на повышение своих знаний в вопросах воспитания здоровой личности с

целью формирования ответственности детей за свое здоровье;

– высокую готовность родителей к сотрудничеству с образовательной организацией, где обучаются их дети, в вопросах воспитания здоровой личности;

– убежденность родителей в том, что создание здоровьесформирующих условий в семье способствует улучшению показателей здоровья детей и повышению уровня их субъектной позиции по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья.

С целью выявления уровня сформированности субъектной позиции обучающихся по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья и получения репрезентативных результатов тест-опроса было обосновано формирование случайной кустовой пропорциональной по месту жительства (районный центр – село) 25%-ной выборки учащихся 5–11-х классов образовательных организаций экспериментального Вожегодского и контрольного Харовского сельских муниципальных районов в начале каждого опроса: в 2011 и 2018 гг.

В исследование были автоматически включены родители только тех учащихся, которые вошли в выборку (табл. 2).

Таблица 2

Объем выборки учащихся и их родителей в образовательных организациях Вожегодского и Харовского районов, принявших участие в исследовании

№ п/п	Целевая группа	Год проведения исследования	
		2011–2012	2018–2019
1	Учащиеся школ Вожегодского района	1 241	846
2	Родители учащихся школ Вожегодского района	1 203	813
3	Учащиеся школ Харовского района	1 192	979
4	Родители учащихся школ Харовского района	1 027	818

В эксперименте использован теоретический и экспериментальный материал, полученный в результате исследований обозначенной проблемы. Выявление уровня сформированности компетенций родителей в здоровых видах активности осуществлялось путем анкетирования. Определение уровня сформированности субъектной позиции их детей по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья осуществлялось на основе теста-опросника, составленного по методике свободного выбора предъявленных ответов [19]. С целью сравнительной оценки влияния уровня компетенций родителей на объективные показатели состояния здоровья детей проводилось изучение их здоровья по группам здоровья на основе амбулаторных карт медицинской организации.

Для опроса родителей учащихся была разработана анкета на основе вопросника рекомендованной Всемирной организацией здравоохранения международной программы интегрированной профилактики не-

инфекционных заболеваний CINDI – с изменениями и дополнениями, внесенными нами исходя из целей и задач исследования [20].

Для оценки эффективности формирования компетенций в здоровых видах активности показатели, включенные в анкету, сгруппированы по видам активности: физическая, экологическая, медицинская, психологическая, нравственная и социальная [4. С. 43]. Исследования с использованием стандартных вопросников проводились в начале эксперимента, в октябре–ноябре 2011 г., и конце эксперимента – в октябре–ноябре 2018 г.

Сформированность компетенций родителей учащихся в здоровых видах активности определялась с помощью разработанных нами критериев и показателей уровня сформированности компетенций в здоровых видах активности и классификации уровня сформированности компетенций в здоровых видах активности по фиксированному показателю, оцененному в баллах (табл. 3).

Таблица 3

Классификация уровня сформированности компетенций в здоровых видах активности по фиксированному показателю

Показатели уровня сформированности компетенций в здоровых видах активности у субъектов образовательного процесса, баллов	Уровни сформированности компетенций в здоровых видах активности
19–24	Высокий

12–18	Средний
6–11	Низкий

Уровни сформированности компетенций родителей определялись на основе опроса, анализа получен-

ных данных и расчетов в начале и конце эксперимента (табл. 4).

Таблица 4

Динамика уровней сформированности компетенций в здоровых видах активности у родителей обучающихся школ Вожегодского и Харовского районов Вологодской области в 2011 и 2018 гг.

Муниципальное образование	Уровни сформированности компетенций в здоровых видах активности родителей обучающихся, %					
	Высокий		Средний		Низкий	
	2011	2018	2011	2018	2011	2018
Вожегодский район	48,3	63,1	32,4	24,9	19,3	12,0
Харовский район	37,7	45,8	36,4	29,6	25,9	24,6

Динамика сформированности компетенций родителей в здоровых видах активности определялась по высокому уровню сформированности. За период эксперимента этот показатель у родителей школ Вожегодского района улучшился на 14,8%, Харовского района – на 8,1%.

Заметный рост показателя сформированности компетенций в здоровых видах активности родителей учащихся школ Вожегодского района связан с тем, что с ними на системной основе была реализована образовательная программа по повышению их компетенций в здоровых видах активности.

С родителями учащихся школ Харовского района обучающие мероприятия, направленные на повышение их компетенций в здоровых видах активности, не проводились.

Определение уровня сформированности субъектной позиции учащихся по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья из организаций экспериментального и контрольного муниципальных образований, попавших в выборку, проводилось методом опроса с использованием разработанного теста-опросника в начале и в конце эксперимента. Результаты опроса представлены в табл. 5.

Таблица 5

Показатели эффективности формирования субъектной позиции учащихся по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья по уровням в образовательных организациях Вожегодского и Харовского районов Вологодской области в 2011 и 2018 гг.

№ п/п	Исследуемый показатель	Муниципальные районы	Возрастные группы	Уровни	Показатель, %	
					2011 г.	2018 г.
1	Уровень сформированности субъектной позиции учащихся по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья	Вожегодский район	5-е классы	Высокий	22,2	42,3
2				Средний	66,7	48,6
3				Низкий	11,1	9,1
4			11-е классы	Высокий	35,3	61,4
5				Средний	44,1	28,4
6				Низкий	20,6	10,2
7		Харовский район	5-е классы	Высокий	15,5	19,2
8				Средний	40,2	41,7
9				Низкий	44,3	39,1
10			11-е классы	Высокий	17,6	21,0
11				Средний	48,8	49,2
12				Низкий	33,6	29,8

Показатели уровня сформированности субъектной позиции учащихся по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья в образовательных организациях экспериментального Вожегодского района за период с 2011 по 2018 г. значительно превосходят аналогичные показатели у детей из образовательных организаций контрольного Харовского района: показатель высокого уровня сформированности субъектной позиции учащихся 5-х классов школ экспериментального Вожегодского района вырос в 1,9 раза, учащихся 11-х классов этого района – в 1,7 раза; в 5-х

классах школ контрольного Харовского района вырос в 1,2 раза, в 11-х классах этого района – в 1,2 раза

Для сопоставления уровня сформированности субъектной позиции обучающихся образовательных организаций экспериментального Вожегодского и контрольного Харовского районов с динамикой объективных показателей их здоровья за период эксперимента мы изучили, как изменилось состояние их здоровья по группам здоровья, по амбулаторным картам в детских поликлиниках этих районов (табл. 6).

Таблица 6

Динамика здоровья обучающихся образовательных организаций Вожегодского и Харовского районов по группам здоровья с 2011 по 2018 гг.

Район	Группа здоровья	2010–2011		2018–2019		Темп роста, %
		Кол-во	%	Кол-во	%	
Вожегодский район	1	77	32,1	46	38,4	+6,3
	2	149	61,8	61	52,8	–9,0

	3	15	6,1	10	8,8	+2,7
Харовский район	1	60	25,8	25	21,1	-4,7
	2	114	49,0	69	57,8	+8,8
	3	58	25,2	25	21,1	-4,1

Число детей с первой группой здоровья в образовательных организациях Вожегодского района за период эксперимента увеличилось на 6,3%. В контрольном Харовском районе за тот же период число детей с первой группой здоровья снизилось на 4,7%.

Заключение

Выявлено, что повышение уровня компетенций родителей в здоровых видах активности в процессе здоровьесформирующей деятельности школы способствует росту уровня сформированности субъектной позиции учащихся по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья, а также улучшению

объективных показателей их здоровья по группам здоровья.

В процессе формирования субъектной позиции учащихся по отношению к сохранению и укреплению своего здоровья в образовательных организациях особое внимание следует уделять повышению уровня компетенций родителей в здоровых видах активности как междисциплинарному педагогическому фактору, способствующему воспитанию здоровой личности. Это может быть реализовано путем повышения грамотности родителей в таких видах активности в процессе здоровьесформирующей деятельности школы на основе комплексной образовательной программы, с привлечением подготовленных специалистов – педагога, психолога и медицинского работника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Калачикова О.Н. Дети и молодежь в России: глобальные вызовы современности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 6 (42). С. 36–57. DOI: 10. 15838/esc/2015.6.42.2
2. Puska P., Kajia R., Wright K., Simonen M., Vince-Wittman Ch., Pigozzi M.J. Skills necessary for health. Education in the field of health, based on the instillation of life skills – an important component of a child-friendly, health-enhancing school. URL: https://www.who.int/school_youth_health/media/sch_skills4health_russian.pdf
3. Школа семейной педагогики здоровья : метод. пособие / под общ. ред. Т.В. Лодкиной, Р.А. Касимова. Вологда : Вологжанин, 2004. 88 с.
4. Касимов Р.А. Воспитание субъектной позиции ребенка к формированию своего здоровья // Социальная педагогика в России. 2019. № 1. С. 40–44.
5. Федоров А.И., Шарманов С.Б. Здоровье и поведение школьников: социально-педагогический мониторинг здоровья, физической активности и образа жизни школьников. М. : ЧГНОЦ УО РАО, 2004. 88 с.
6. Прохорова М.В., Сидоров А.А., Синюхин Б. Педагогика физической культуры : учебник. М. : Альянс, 2016. 292 с
7. Казначеев В.П., Склянова Н.А. Этиология здоровья // Педагогические и медицинские проблемы валеологии. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 1999. С. 164–166.
8. Азаров Ю.П. Семейная педагогика. Воспитание ребенка в любви, свободе и творчестве. М. : Эксмо, 2018. 384 с.
9. Дежникова Н.С., Иванова Л.Ю., Клемяшова Е.М., Снитко И.В., Цветкова И.В. Воспитание экологической культуры у детей и подростков : учеб. пособие. М. : Пед. о-во России, 2009. 64 с.
10. Слостенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика : учеб. пособие / под. ред. В.А. Слостенина. 4-е изд., стереотип. М. : Академия, 2005. 576 с.
11. Солганик Г.Я. Стилистический словарь публициста : ок. 6 000 слов и выражений. М. : Рус. словарь, 1959. 650 с.
12. Thompson E.L. Smoking education program. 1960–1976 // American Journal of Public Health. 1978. Vol. 68 (3). P. 250–275.
13. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. М. : ГЭОТАР-МЕД, 2002. 508 с.
14. Секач М.Ф. Психология здоровья : учеб. пособие. М. : Академический проект, 2005. 193 с.
15. Сухомлинский В.А. О воспитании. М. : Политиздат, 1973. 272 с.
16. Басова В.М. Формирование социальной компетентности сельских школьников : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ярославль, 2004. 38 с.
17. Рожков М.И. Сопровождение детей и молодежи как компонент социально-педагогической деятельности // Психологическое и социально-педагогическое сопровождение детей и молодежи : материалы междунар. науч. конф. Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2005. С. 3–6.
18. Педагогика индивидуальности : учеб. пособие для магистрантов направления «Психолого-педагогическое образование» / авт.-сост. Т.Б. Гребенюк, С.А. Любишина; под науч. ред. Т.Б. Гребенюк. М. : Изд-во РАЕ, 2014. 103 с.
19. Щукина М.А. Субъектный подход к саморазвитию личности: возможности теоретического понимания и эмпирического изучения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2. С. 7–22. URL: https://psy-journal.hse.ru/data/2014/10/31/1102315715/Shukina_11-02pp7-22.pdf (дата обращения: 11.04.2019).
20. Потемкина Р.А., Глазунов И.С., Камардина Т.В. и др. Руководство по проведению изучения поведенческих факторов риска неинфекционных заболеваний. М., 2002. 60 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 16 декабря 2020 г.

The Influence of Parents' Competencies in Healthy Activities on the Formation of Children's Subject Position in Relation to Preserving and Strengthening Their Health

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 149–154.

DOI: 10.17223/15617793/465/20

Riza A. Kasimov, Vologda Regional Center for Medical Prevention (Vologda, Russian Federation). E-mail: kasimov-ra50@yandex.ru

Keywords: types of activity; parents' competency; family pedagogy; healthy personality; subject position.

The research examines the influence of the level of parents' competencies in healthy activities on the formation of the subject position of children in relation to the preservation and strengthening of their health in the health-forming activities of an educational organization through the introduction of a comprehensive educational program for parents. Based on the study of works on personal

education and of the regulatory framework of educational activities in the education system, the author has identified the types of activities that are inherent in healthy people and form their subject position in relation to preserving and strengthening their health: physical, environmental, medical, psychological, moral and social. These activities can also be interpreted as “healthy activities”. For a comparative assessment of the effectiveness of educational interventions aimed at improving competencies in healthy activities of parents of students, schools of Vozhegodsky District (Vologda Oblast, Russia) were identified as experimental, and schools in Kharovsky District (Vologda Oblast, Russia), where such interventions were not carried out, were identified as control. In the experimental schools, parents’ competencies in healthy activities were improved on the basis of organizing a comprehensive educational program School of Family Health Pedagogy specially developed for them. Trained medical professionals, psychologists, and social educators took part in organizing and conducting these classes. The level of parents’ competencies in healthy activities was determined using the WHO CINDI methodology adapted to the present study. The dynamics of the formation of parents’ competencies in healthy activities was determined by the high level of their formation. During the experiment, this indicator for parents of schools in Vozhegodsky District improved by 14.8%, and in Kharovsky District by 8.1%. The level of formation of children’s subject position in relation to the preservation and strengthening of their health was determined according to the method developed by the author based on the method of free choice of the presented answers (M.A. Shchukina). For the period from 2011 to 2018, in the schools of the experimental Vozhegodsky District, the indicator of the high level of subject position formation in five-graders increased by 1.9 times and in eleven-graders by 1.7 times; in the schools of the control Kharovsky District, it increased by 1.2 times in both five- and eleven-graders. The data obtained in the study allow stating that the educational program School of Family Health Pedagogy developed by the author increases the level of parents’ competencies in healthy activities and influences the effectiveness of forming the subject position of children in relation to preserving and strengthening their health.

REFERENCES

1. Shabunova, A.A., Leonidova, G.V. & Kalachikova, O.N. (2015) Children and young people in Russia: global challenges of modernity. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz – Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 6 (42). pp. 36–57. (In Russian). DOI: 10.15838/esc/2015.6.42.2
2. Puska P. et al. (2003) Navyki, Neobkhodimye dlya Zdorov'ya. Obrazovanie v oblasti zdorov'ya, osnovannoe na priviti zhiznennykh navykov (OOZOPZhN), – vazhnyy komponent dobrozhelatel'noy k rebenku/ukrepyayushchey zdorov'e shkoly [Skills necessary for health. Education in the field of health, based on the instillation of life skills – an important component of a child-friendly, health-enhancing school]. Translated into Russian. *World Health Organisation*. [Online] Available from: https://www.who.int/school_youth_health/media/sch_skills4health_russian.pdf.
3. Lodkina, T.V. & Kasimov, R.A. (eds) (2004) *Shkola semeynoy pedagogiki zdorov'ya* [School of Family Health Pedagogy]. Vologda: Vologzhanin.
4. Kasimov, R.A. (2019) Education the child's subject position to formation of their health. *Sotsial'naya pedagogika v Rossii*. 1. pp. 40–44. (In Russian).
5. Fedorov, A.I. & Sharmanov, S.B. (2004) *Zdorov'e i povedenie shkol'nikov: sotsial'no-pedagogicheskiy monitoring zdorov'ya, fizicheskoy aktivnosti i obraza zhizni shkol'nikov* [Health and Behavior of Schoolchildren: Socio-pedagogical monitoring of health, physical activity and lifestyle of schoolchildren]. Moscow: ChGNOTs UO RAO.
6. Prokhorova, M.V., Sidorov, A.A. & Sinyukhin, B. (2016) *Pedagogika fizicheskoy kul'tury* [Pedagogy of Physical Culture]. Moscow: Al'yans.
7. Kaznacheev, V.P. & Sklyanova, N.A. (1999) Etiologiya zdorov'ya [Etiology of health]. In: Samoylov, V.A. et al. *Pedagogicheskie i meditsinskie problemy valeologii* [Pedagogical and Medical Problems of Valeology]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 164–166.
8. Azarov, Yu.P. (2018) *Semeynaya pedagogika. Vospitanie rebenka v lyubvi, svobode i tvorchestve* [Family Pedagogy. Raising a child in love, freedom and creativity]. Moscow: Eksmo.
9. Dezhnikova, N.S. et al. (2009) *Vospitanie ekologicheskoy kul'tury u detey i podrostkov* [Education of Ecological Culture in Children and Adolescents]. Moscow: Ped. o-vo Rossii.
10. Slastenin, V.A., Isaev, I.F. & Shiyarov, E.N. (2005) *Pedagogika* [Pedagogy]. 4th ed. Moscow: Akademiya.
11. Solganik, G.Ya. (1959) *Stilisticheskiy slovar' publitsista: ok. 6 000 slov i vyrazheniy* [Publicist's Stylistic Dictionary: c. 6,000 words and expressions]. Moscow: Rus. slovar'.
12. Thompson, E.L. (1978) Smoking education program. 1960–1976. *American Journal of Public Health*. 68 (3). pp. 250–275.
13. Lisitsyn, Yu.P. (2002) *Obshchestvennoe zdorov'e i zdravookhraneniye* [Public Health and Healthcare]. Moscow: GEOTAR-MED.
14. Sekach, M.F. (2005) *Psikhologiya zdorov'ya* [Psychology of Health]. Moscow: Akademicheskii proekt.
15. Sukhomlinskiy, V.A. (1973) *O vospitanii* [About Upbringing]. Moscow: Politizdat.
16. Basova, V.M. (2004) *Formirovaniye sotsial'noy kompetentnosti sel'skikh shkol'nikov* [Formation of social competence of rural schoolchildren]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Yaroslavl.
17. Rozhkov, M.I. (2005) [Support of children and youth as a component of socio-pedagogical activity]. *Psikhologicheskoe i sotsial'no-pedagogicheskoe soprovozhdeniye detey i molodezhi* [Psychological and Socio-Pedagogical Support of Children and Youth]. Proceedings of the International Conference. Yaroslavl. 6–8 December 2005. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. pp. 3–6. (In Russian).
18. Grebenyuk, T.B. (ed.) (2014) *Pedagogika individual'nosti* [Pedagogy of Individuality]. Moscow: Russian Academy of Natural History.
19. Shchukina, M.A. (2014) Subjectivity approach to self-development of the personality: theoretical understanding and empirical study. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2. pp. 7–22. [Online] Available from: https://psy-journal.hse.ru/data/2014/10/31/1102315715/Shchukina_11-02pp7-22.pdf (Accessed: 11.04.2019). (In Russian).
20. Potemkina, R.A. et al. (2002) *Rukovodstvo po provedeniyu izucheniya povedencheskikh faktorov riska neinfektsionnykh zabolevaniy* [Guidelines for the Study of Behavioral Risk Factors for Noncommunicable Diseases]. Moscow: [s.n.].

Received: 16 December 2020

Е.В. Попова, О.В. Устюжанцева

ЗДОРОВЬЕ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ: РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)

Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.40.2020, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Приводится обзор основной литературы по вопросу изучения управления здоровьем в университетах. Рассмотрены основные подходы к определению здоровья, включая представления о здоровье и здоровом образе жизни среди студентов и преподавателей, восприятие ими факторов риска для здоровья, мотивации для занятий физической активностью и спортом, пищевое поведение и др. Определены направления исследований, которые необходимы для выработки эффективной стратегии управления здоровьем в университетах.

Ключевые слова: управление здоровьем; конструирование понятия «здоровье»; восприятие здоровья; «здоровые» университеты.

Понятия «здоровье» и «болезнь» вот уже больше ста лет являются предметом дискуссий, которые давно вышли за пределы медицинских наук. Определения меняются в связи с новыми открытиями, с пониманием культурных и социальных факторов, которые влияют на здоровье, и изменениями в политических приоритетах. Как пишет группа авторов – исследователей здоровья¹ – в The BMJ (ранее – British Medical Journal), данное в Уставе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) классическое определение здоровья как полного благополучия больше не подходит для целей работы различных организаций здравоохранения, учитывая рост числа хронических заболеваний и развитие технологий [1]. Мы покажем изменения в понимании здоровья и возможности для ученых задавать новые исследовательские вопросы как следствие таких изменений в представлении о том, что такое здоровье.

Распространенное в настоящее время определение здоровья было сформулировано ВОЗ в 1948 г. и описывало здоровье как «состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней или недугов». На момент своего появления такое определение было новаторским и весьма конструктивным, поскольку преодолело представление о здоровье как об отсутствии болезни. Со здоровьем стало возможным работать не только медицинским работникам, но и представителям других специальностей; здоровье стало следствием состояния общества, культуры и поведения человека, а не просто результатом лечения и качества биологических показателей и медицинской помощи.

Однако по мере старения населения и изменения структуры заболеваний классическое определение все чаще критикуется и рассматривается как контрпродуктивное для целей работы различных, в том числе немедицинских, организаций по профилактике и обеспечению здоровья. Это привело к появлению новой концепции здоровья. Утверждалось, что здоровье – это не состояние, а «ресурс для жизни», что задает его динамические характеристики. В 1984 г. ВОЗ пересмотрела определение здоровья, детерминировав его как «степень, в которой человек или группа людей спо-

собны реализовывать свои стремления и удовлетворять потребности, а также изменять окружающую среду или справляться с ней. Здоровье – это ресурс повседневной жизни, а не ее цель; это позитивное понятие, подчеркивающее социальные и личностные ресурсы, а также физические возможности» [2]. Так был сделан первый шаг в переносе акцентов с благополучия человека на деятельностные характеристики: способности адаптироваться и управлять своим здоровьем² в ситуациях социальных, физических и эмоциональных проблем [1]. При таком подходе в центре внимания исследователей и лиц, принимающих решения, оказываются умения людей адаптироваться и реализовывать свой потенциал, управлять своей жизнью и способностью работать и участвовать в социальной деятельности вне зависимости от физического состояния. Это позволяет многим исследователям, в том числе медикам-профессионалам, не называть болезнью состояние инвалидности или затяжной болезни, к которому человек адаптировался и перестал воспринимать как болезнь, если он ведет обычный, социально активный образ жизни. Для акцентирования этого момента здесь описаны дебаты по поводу того, что значит быть здоровым. И это не равнозначно быть не больным. Отсюда и возникают вопросы, которым посвящена данная статья: как люди конструируют понятия «здоровье» и «болезнь» субъективно для себя, какое влияние на восприятие себя и образ жизни это оказывает?

В условиях увеличения числа хронических заболеваний в популяции, а также совмещения нескольких заболеваний очень важно принять субъективную возможность вести привычный образ жизни и перестать воспринимать наличие хронических заболеваний как болезнь и пациентами, и программами профилактики и лечения. Это требует работы с категориями «здоровье» и «болезнь» со стороны не только медицинских специалистов, но и социальных исследователей, экономистов и психологов.

Здоровье и болезнь давно изучаются различными академическими дисциплинами, но все большее признание получает движение в сторону общего междисциплинарного подхода к изучению здоровья, а также

исследования практик конструирования понятия «здоровье» и способов принятия людьми решений в выборе образа жизни. Междисциплинарность предполагает связь традиционных подходов к изучению здоровья, предлагаемых эпидемиологией и клинической медициной, с экспертизой из таких областей знания, как общественное здоровье, социология, антропология, педагогика и психология. Различные научные направления освещают определенные проблемы, связанные со здоровьем, и предлагают их потенциальные решения, при этом комплексное понимание здоровья и выработка стратегий управления здоровьем возможны только в случае объединения усилий различных научных дисциплин. Именно анализу междисциплинарных исследований будет посвящен данный обзор литературы.

Можно выделить следующие подходы различных дисциплин к пониманию здоровья [3]:

- биологический подход;
- биомедицинский подход;
- подход «первичная медико-санитарная помощь»;
- поведенческий подход;
- детерминантный подход;
- подход общественного здоровья (public health).

Первые три подхода относятся к традиционным наукам, работающим со здоровьем, – биологии и медицине. Биологический подход изучает роль микроорганизмов в болезнях, а также генетику и маркеры риска. Биомедицинский подход исследует здоровье и болезни с точки зрения медицинской патологии людей, а подход «первичная медико-санитарная помощь» относится к организационным вопросам обеспечения здоровья и направлен на обеспечение равенства, доступа, расширения прав и возможностей и межсекторального сотрудничества.

Следующая группа подходов предполагает междисциплинарное сотрудничество. И если первый из них – поведенческий подход – ориентирован на индивида и изменение факторов риска и образа жизни, то последние два подхода основаны на работе с социальными группами и населением в целом.

Подход социальных детерминант здоровья помещает медицинские и социальные проблемы в более широкие социальные, структурные и культурные условия общества. Он обозначает факторы риска и факторы, благоприятствующие здоровью, и информирует о подходах к укреплению здоровья. Отсюда появляются идеи о формах организации процессов, позволяющих людям усилить контроль над своим здоровьем и улучшить его. Подход общественного здоровья относится ко всем организационным мерам по охране здоровья населения, профилактике заболеваний, укреплению здоровья и продлению жизни населения в целом. Общественное здоровье использует методы эпидемиологии и биостатистики для информирования о мерах по охране здоровья и профилактике заболеваний.

Последние два подхода очень близки друг другу, хотя детерминантный подход предполагает работу как с количественными, так и с качественными данными, в то время как подход общественного здоровья в основном оперирует с данными статистики. В современной литературе наблюдается стремление пре-

одолеть узость традиционных статистических подходов к изучению и оценке мероприятий по управлению здоровьем. Например, предлагается включать в исследования такие данные, как административные записи, электронные медицинские карты, электронные датчики [4, 5] или большие данные [6].

Детерминантный подход и общественное здравоохранение сходятся также в нескольких направлениях исследований. Одно из них – изучение политического и практического опыта успехов и неудач в области общественного здравоохранения, нацеленного на достижение более высоких стандартов здоровья. Цель этих исследований – достижение более справедливого и социально ответственного распределения ресурсов. Другим общим направлением исследований являются экологические вопросы здоровья. Эти исследования подчеркивают взаимосвязь между здоровьем планеты и здоровьем населения. И, наконец, исследования неравенства в обеспечении здоровья и форм их преодоления, в рамках которых оцениваются локальные особенности обеспечения здоровья и даются рекомендации для специалистов по укреплению здоровья и первичной профилактике.

Исследования в рамках таких концепций здоровья полезны для управления и программ профилактики, потому что они фокусируются на расширении возможностей управления здоровьем каждого человека или даже организации (например, путем изменения образа жизни). Но столь широкое понимание здоровья усложняет процессы измерения показателей здоровья для группы, в отношении которой может строиться стратегия управления здоровьем. Если в определении мы закладываем скорее субъективный, нежели объективный статус здоровья, то применять традиционные унифицированные оценки измерения здоровья оказывается проблематичным, что усложняет процессы управления здоровьем внутри организации и любых программ профилактики.

Из существующих методов оценки функционального состояния и измерения качества жизни и чувства благополучия, позволяющих работать с субъективным состоянием индивидов, нужно назвать классификационные системы ВОЗ, измеряющие градации здоровья. Они оценивают такие аспекты, как инвалидность, функционирование и воспринимаемое качество жизни и благополучия. В области первичной медико-санитарной помощи Дартмутской кооперативной группой и Всемирной организацией семейных врачей была разработана оценка функционального статуса COOP / Wonca, валидированная для различных социальных и культурных условий, чтобы получить представление о предполагаемом здоровье отдельных лиц. Диаграммы функциональной оценки здоровья COOP / Wonca представляют шесть различных измерений здоровья [7, 8], каждое из которых определяет способность выполнять повседневную жизнедеятельность по шкале от 1 до 5.

Подобные инструменты предоставляют ценную информацию о самых разных аспектах – от функционирования до качества жизни, которое мы ощущаем. Тем не менее инструментов для измерения таких аспектов здоровья, как способность человека

адаптироваться к новым условиям, пока явно недостаточно. Так же как есть необходимость в оценке того, как по-разному люди воспринимают понятие здоровья и оценивают его. Разработка качественных и количественных методик для оценки выбора здоровья (health choice) – важное направление работы исследователей. Задавая более широкую рамку определения здоровья, исходя из субъективных показателей и закладывая деятельностный подход, общество изменяет представление о субъектах обеспечения здоровья. Успешно адаптируясь к болезни, люди могут вести обычную жизнь и чувствовать себя здоровыми, несмотря на физические ограничения [9, 10].

Такое понимание требует пересмотра программ адаптации и профилактики, а также перечня организаций – участников данных программ. Поэтому управление здоровьем начинает рассматриваться как дело не только органов здравоохранения и государства. Оттавская хартия по укреплению здоровья гласит: «Здоровье создается и поддерживается людьми в рамках их повседневной жизни; где они учатся, работают, играют и любят» [11]. С этой точки зрения в последнее десятилетие университеты, будучи крупными экосистемами, в которых живут и работают студенты и преподаватели, рассматриваются как платформы, в рамках которых возможно осуществление мер по управлению здоровьем и развитию здорового образа жизни. Прежде всего потому, что университеты, особенно классические, позволяют проводить масштабные исследования здоровья и способов его обеспечения. А также потому, что университеты рассматриваются как «живые лаборатории» для планирования и введения новых практик и качествен-

ной оценки проводимых мероприятий до распространения подобных мер за их пределами (см., напр.: [12]).

Важным направлением работы университетов в плане профилактики рассматривается образовательная деятельность в отношении студентов кампуса. Исследования подтверждают, что паттерны поведения, сформированные в университете, по крайней мере для физической активности, остаются стабильными в течение пяти лет после окончания учебы [13]. Также для успешной работы университетского кампуса необходимой представляется работа с сотрудниками университета, поскольку если люди способны выработать успешные стратегии управления собственным здоровьем, то нарушения функционирования не сильно изменяют воспринимаемое качество жизни – явление, известное как парадокс инвалидности [14]. Встраивая такие программы в управление кампусом, вуз и регион могут снижать расходы на медицинское обслуживание [1].

Нами были проанализированы публикации базы данных Scopus аналитическими инструментами SciVal. Согласно проведенному анализу, проблемы управления здоровьем в рамках университетских кампусов привлекают все большее внимание исследователей: начиная с 2010-х гг. наблюдается устойчивый рост публикаций по этой теме – с чуть меньше 400 статей в 2013 г. до почти 700 в 2019 г. (рис. 1). Аналитические инструменты SciVal ранжируют ключевые слова публикаций базы данных Scopus по различным дисциплинам по популярности среди исследователей. Для этого выделяется топ-10% ключевых слов по уровню цитирования, количеству статей и количеству открытия текстов статей с соответствующими ключевыми словами.

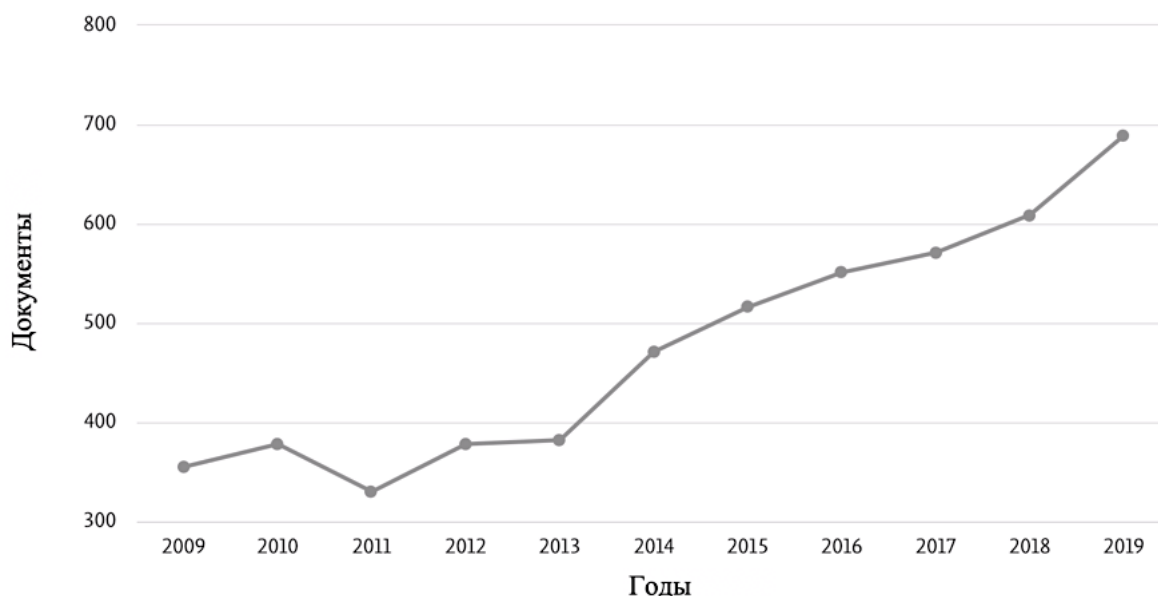

Рис. 1. Количество публикаций по теме «Управление здоровьем» в университетах (ключевые слова health management и university).
Источник: рассчитано авторами по базе данных Scopus

Основные направления в рамках данных исследований, согласно количеству цитирований и заходов на страницы статей, – это изучение физической активности студентов (самая популярная тема; рис. 2), здоровый образ жизни студентов университетов (рис. 3),

здоровое питание (рис. 4), пищевые привычки студентов (рис. 5).

Если данный тренд сохранится, то исследование здоровья в университетских кампусах войдет в топ-10% ключевых слов научных публикаций.

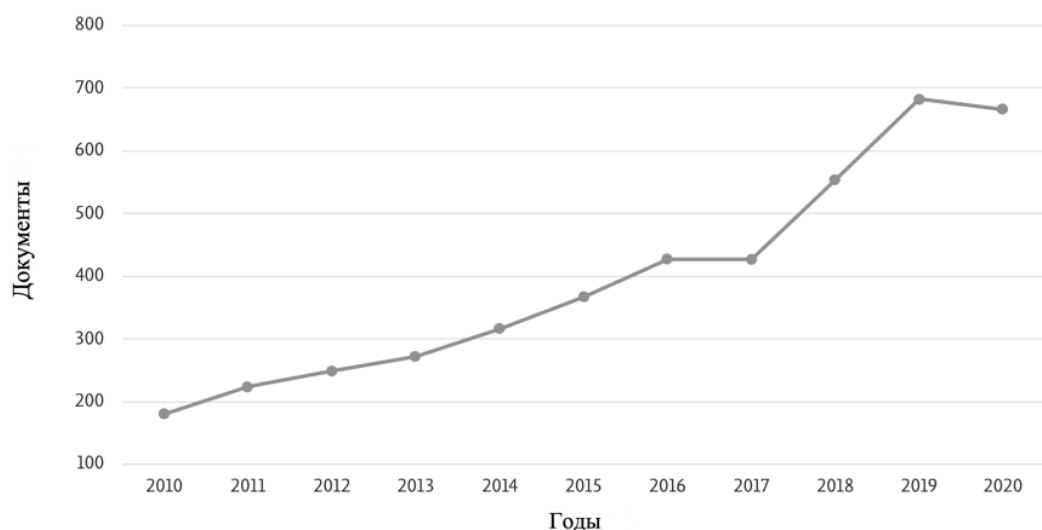

Рис. 2. Количество публикаций по теме «Физическая активность студентов университетов» (ключевые слова physical activity и university students). Источник: рассчитано авторами по базе данных Scopus

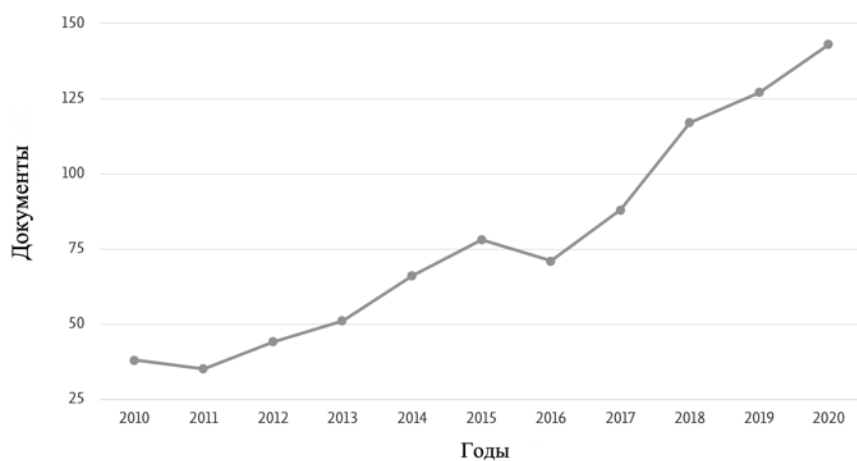

Рис. 3. Количество публикаций по теме ЗОЖ студентов университетов (ключевые слова healthy lifestyle и university students). Источник: рассчитано авторами по базе данных Scopus

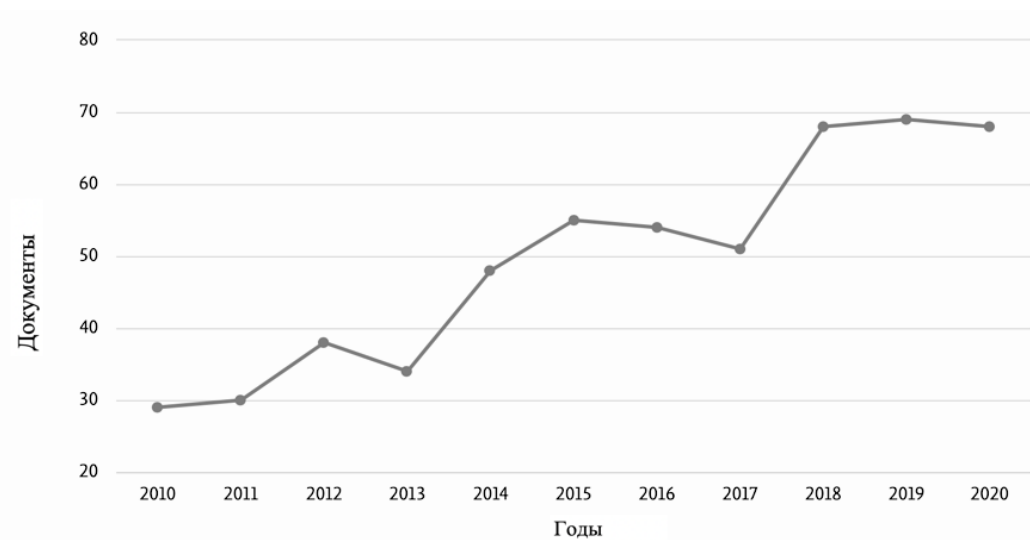

Рис. 4. Количество публикаций по теме «Здоровое питание студентов университетов» (ключевые слова healthy nutrition и university students). Источник: рассчитано авторами по базе данных Scopus

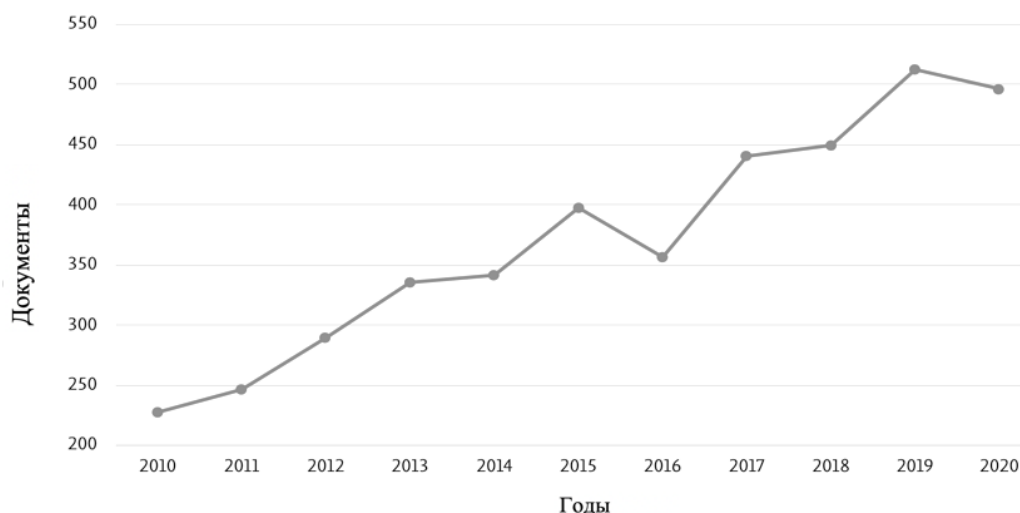

Рис. 5. Количество публикаций по теме «Пищевые привычки студентов университетов» (ключевые слова food habits и university students). Источник: рассчитано авторами по базе данных Scopus

Как показывают графики, расширение исследований по всем направлениям обозначилось с 2009–2010 гг. Это можно связать с тем, что в эти годы было проведено масштабное исследование «Университеты, развивающие здоровье», или «Здоровые университеты», и опубликованы его результаты [15]. Исследование проводилось в рамках национальной программы «Здоровые университеты» (Health provided university) в Великобритании, в нем приняли участие 64 британских вуза. Именно тогда начался процесс переосмысления роли университетов в управлении здоровьем, стала создаваться глобальная сеть здоровых университетов, которая на сегодняшний день включает ассоциации университетов разных стран: от Великобритании до Канады и стран Южной Америки. Дополнительным стимулом к росту исследований стало подписание в 2015 г. Оканоганской хартии о создании Сети университетов здоровья [16].

Тематика восприятия здоровья студентами (запрос Health perception AND university students), судя по данным базы Scopus, вызывает большой исследовательский интерес. Количество публикаций по этой теме за 10 лет (с 2010 по 2020 г.) увеличилось более чем в два раза.

Основными направлениями исследований самых цитируемых статей по данной теме были: во-первых, проблемы восприятия здоровья или отдельных факторов риска, например потребления алкогольной и табачной продукции и способов измерения субъективного благополучия, во-вторых, вопросы инклюзии как групп инвалидов, так и национальных или сексуальных меньшинств; в-третьих, процессы адаптации студентов и управления стрессами.

Самые цитируемые тексты изучают взаимосвязи между здоровыми привычками и воспринимаемым мотивационным климатом в спорте среди студентов университетов [17], представления учащихся о спорте и физической активности [18, 19], оценку восприятия здоровья группой студентов в соответствии с образом жизни [20], а также вопросы психологического благополучия студентов [21, 22].

Основными методами исследований стали анкетирование и интервьюирование. Например, группой

авторов была поставлена задача создания модели для изучения мотивационного климата для занятий спортом, которая бы учитывала другие возможные переменные, связанные со здоровьем [16]. Авторы разработали несколько анкет, которые будут адаптированы для проведения планируемого исследования факторов риска здоровью на выборке студентов томских вузов. В статье представлены: опросник из 33 пунктов «Воспринимаемый мотивационный климат в спорте» (PMCSQ-2); тест на выявление расстройств, связанных с употреблением алкоголя (AUDIT); опросник опыта, связанного с видеоиграми (QERV); опросник по физической активности для подростков (PAQ-A); тест по Индексу качества средиземноморской диеты.

Подобные исследования субъективных оценок здоровья и благополучия были проведены в разных странах разными инструментами. Из высокоцитируемых недавно опубликованных работ стоит упомянуть результаты исследований, проведенных в Испании [20], Корее [23] и Румынии [24]. Исследователи провели наблюдение, собрали антропометрические данные участников исследования, провели три вида анкетирования: приверженность средиземноморской диете, восприятие состояния здоровья и физическая активность. Разница данных была проанализирована с помощью статистических методов.

Другая группа исследователей также изучала представления о физической активности, но применяла метод исследования метафор. Были проанализированы метафорические выражения, разработанные студентами факультета спорта и факультета физической активности первого года обучения в качестве инструмента для ответа на два исследовательских вопроса: с одной стороны, каково их восприятие своих преподавателей физического воспитания и, с другой стороны, какое значение имеет физическая активность в личной жизни студентов. Были проведены интервью с 51 студентом Университета Аликанте.

Исследователи из Университета Колумбии [19] анализировали связь между переменными, заданными теориями самоопределения, теориями запланированного поведения, университетской средой и практикой

физической активности студентов университета. Результаты, полученные на выборке из 363 студентов, позволили проанализировать удовлетворение и разочарование основными психологическими потребностями, мотивационные процессы, восприятие намерений и уровней физической активности в свободное время.

Представления о вреде курения табака среди студентов университетов – предмет исследования большого числа статей последних лет [25, 26]. Методы сбора данных в основном включают анкетирование и интервьюирование, разработанные на основе имеющихся тестов, в том числе указанных выше. Для изучения восприятия табачных изделий, средств массовой информации, имеющих антитабачную повестку, и политики регулирования потребления табака среди молодежи были использованы полуструктурированные интервью с 60 студентами колледжа Джорджии в возрасте 18–25 лет, курящих сигареты, бездымный табак, электронные сигареты или кальян [25]. Вторая группа исследователей провела сравнительное исследование представлений курящих студентов в пяти странах Ближнего Востока [26]. Участники были набраны из числа студентов университетов каждой страны. Характеристики учащихся, их поведение в отношении курения, вкусовые предпочтения и знания о вреде табака и его заменителей были собраны с помощью интернет-опроса.

Вопросы психологического благополучия изучаются обычно применительно к разным типам студентов: испытывающим финансовые трудности [21], считающим себя «нетрадиционными» [22], либо в процессе анализа медицинской информации [27]. Как правило, такие исследования проводятся на основе анкетирования либо методом проведения эксперимента.

Еще одной значимой темой исследований является изучение барьеров и доступности университетов для лиц с ограниченными возможностями, при этом анализируются как проблемы, выявленные студентами с ограниченными возможностями, так и восприятие студентами интеграции. Для оценки студентами применяются: метод биографического повествования, который позволяет участникам свободно говорить о себе, не заглушая свою субъективность; глубинные интервью, часто дополняющиеся наблюдениями, фотографиями и интервью с ключевыми лицами в жизни каждого студента; структурный анализ, реализуемый с использованием индуктивной системы категорий и кодов, включенных в программу анализа данных MaxODA10³ [28]. Для оценки преподавательским составом интеграции студентов с ограниченными возможностями и описания мер, которые они используют для удовлетворения конкретных потребностей этих студентов, проводятся и полуструктурированные интервью [29].

В большинстве статистических исследований показано, что есть значительные различия восприятия здоровья в зависимости от возраста, пола, объективных показателей здоровья, воспринимаемого состояния здоровья и других факторов. Это подтверждает тезис о том, что не существует единого и однознач-

ного понимания и определения «здоровья». Оно не статично, а меняется в связи с изменениями контекстов, в которых существует – систем здравоохранения, появляющихся технологий, и развитием знаний о том, какие факторы влияют на здоровье и на его восприятие.

Люди считают, что здоровье необходимо для благополучия, но то, как люди определяют свое собственное здоровье, зависит от множества факторов. Выбор в пользу здоровья (health choice) – очень актуальная тема исследований в отношении здоровья (см. напр.: [30, 31]). Проблема в том, что все еще отсутствует целостное представление о факторах, определяющих этот выбор. Более того, нет понимания того, как люди конструируют собственную картину здоровья. Исследования выбора в пользу здоровья обычно по умолчанию предполагают, что эти представления консистентны⁴ и более или менее близки базовым рекомендациям и представлениям ВОЗ. Однако понятия «здоровье» и «здоровый образ жизни», «физическая активность» и «полезное питание» отличаются для разных групп людей и не являются целостными. Где и по каким признакам проходят границы этих групп и представлений, что влияет на их появление – значимый теоретический вопрос, ответ на который предстоит найти в рамках будущих исследований. Социальная актуальность таких исследований состоит в том, что контекстуальные характеристики формируют разные представления о здоровье и определяют подходы к управлению им в различных культурных, географических и политических контекстах.

Исследователи убеждены, что культурные системы ценностей влияют на результаты деятельности в области здравоохранения. Причем эти культурные ценности можно изучать как для макрокультурных групп (религиозные группы, географические группы, профессиональные группы), так и на микроуровне в рамках культур учреждений или различных локальных сообществ. Во всех культурных контекстах – местных, национальных, мировых и даже биомедицинских – необходимость понимания взаимосвязи между культурой и здоровьем, особенно культурных факторов, влияющих на оздоровительное поведение, в настоящее время имеет решающее значение [32]. Такой фокус на локальные представления о здоровье и здоровом образе жизни применительно к группам студентов позволит понять, какие представления о здоровье и здоровом образе жизни преобладают в группах студентов, какие факторы влияют на данные представления, каковы механизмы, заложенные в конструирование субъективного восприятия данных понятий.

Университетский кампус – удачная локация для проведения подобных исследований, поскольку ежегодно, в сентябре, сюда приезжает большое число незнакомых между собой людей, с разными культурными, социально-экономическими характеристиками, из разных регионов и стран. Здесь есть возможность контролировать довольно большое число переменных в процессе исследования, если проводить его среди первокурсников в сентябре-октябре, когда особенно-

сти жизни в кампусе не повлияли еще значительно на представления студентов о здоровье.

Проведенный анализ литературы показал тенденцию расширения исследований вопросов здоровья в рамках университетов, позволил выделить основные направления и методы таких исследований. Это открывает новые возможности для развития в Томском государственном университете междисциплинарных исследований проблем здоровья и разработки эф-

фективных подходов к улучшению здоровья и благосостояния населения через формулирование детерминант здоровья и факторов, угрожающих ему. Результаты такой научной работы могут лечь в основу программы управления здоровьем студентов и преподавателей кампуса Томского государственного университета. В случае успешности ее можно будет экстраполировать на другие образовательные организации России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди членов группы авторов – исследователи здоровья и руководители различных государственных и организаций, связанных с управлением здоровьем: председатель Научного совета по государственной политике Нидерландов, главный редактор научного издания Oxford Bibliographies Online – public health, директор Департамента эпидемиологии и биостатистики Школы медицины Калифорнийского университета в Сан-Франциско, США и др.

² Управление здоровьем вышло за рамки политического и организационного контекста, и на смену government пришло понятие health governance, которое утверждает возможность обеспечения здоровья за рамками системы здравоохранения. В качестве акторов управления здоровьем рассматриваются сам человек, сообщества вокруг него, в том числе некоммерческие и коммерческие организации, отмечается влияние экономики, экологии, глобальных процессов (последнее получило название global health).

³ MaxODA – программа, разработанная для проведения компьютеризированного анализа качественных, смешанных, текстовых и мультимедийных данных.

⁴ Консистентность здесь – единство картины мира субъекта, непротиворечивость, согласованность основных понятий, четкая иерархия понятий. Мы же предполагаем, что в обыденном сознании такой стройной логики нет и быть не может.

ЛИТЕРАТУРА

1. Huber M. How should we define health? // BMJ. 2011. July. P. 343. DOI: 10.1136/bmj.d4163
2. World Health Organization. Regional Office for Europe. Health promotion: a discussion document on the concept and principles : summary report of the Working Group on Concept and Principles of Health Promotion, Copenhagen, 9–13 July 1984 (ICP/HSR 602(m01)5 p). Copenhagen : WHO Regional Office for Europe.
3. Keleher H., MacDougall C. Understanding Health. Fourth Edition. Oxford University Press, 2015. 440 p.
4. Shortreed S.M. et al. Challenges and opportunities for using big health care data to advance medical science and public health // American Journal of Epidemiology. 2019. № 188 (5). P. 851–861.
5. Glymour M.M., Bibbins-Domingo K. The future of observational epidemiology: improving data and design to align with population health // American Journal of Epidemiology. 2019. № 188 (5). P. 836–839.
6. Manrai A.K., Ioannidis J.P.A., Patel C.J. Signals among signals: Prioritizing nongenetic associations in massive data sets // American Journal of Epidemiology. 2019. № 188 (5). P. 846–850.
7. Van Weel C. et al. Measuring functional health status with the COOP/Wonca charts / Northern Centre for Health Care Research, University of Groningen. 1995. URL: www.globalfamilydoctor.com/research/research.asp?refurl=r#R4 (accessed: 04.11.2020).
8. Nelson E. et al. Assessment of function in routine clinical practice: description of the COOP Chart method and preliminary findings // Journal of Chronic Diseases. 1987. № 40, suppl. 1. P. 55–63.
9. Lorig K.R., Ritter P.L., González V.M. Hispanic chronic disease self management: a randomized community-based outcome trial // Nursing Research. 2003. № 52. P. 361–369.
10. Lorig K.R. et al. Evidence suggesting that a chronic disease self management program can improve health status while reducing utilization and costs: a randomized trial // Medical Care. 1999. № 37. P. 5–14.
11. Ottawa Charter for Health Promotion // Health promotion international. 1986. № 1 (4). P. III–V // Canadian journal of public health. 1986. № 77 (6). P. 425–430.
12. Suárez-Reyes M., Van den Broucke S. Implementing the Health Promoting University approach in culturally different contexts: a systematic review // Global Health Promotion. 2016. № 23, suppl. 1. P. 46–56.
13. Sparling P.B., Snow T.K. Physical activity patterns in recent college alumni // Research Quarterly for Exercise and Sport. 2002. № 73. P. 200–205.
14. Von Faber M. et al. Successful aging in the oldest old: who can be characterized as successfully aged? // Archives of Internal Medicine. 2001. № 161. P. 2694–2700.
15. Dooris M., Doherty Sh. National research and development project on healthy universities: final report // University of Central Lancashire. 2009. URL: http://clock.uclan.ac.uk/5502/1/5502_Dooris.pdf (accessed: 11.11.2020).
16. Okanagan Charter: an International Charter for Health Promoting Universities and Colleges. 2015. URL: <http://international.healthycampus-es2015.sites.olt.ubc.ca/files/2016/01/Okanagan-Charter-January13v2.pdf> (accessed: 06.11.2020).
17. Cuberos R. et al. Relationship between Healthy Habits and Perceived Motivational Climate in Sport among University Students: a Structural Equation Model // Sustainability. 2018. Vol. 10. P. 938. DOI: 10.3390/su10040938
18. Ruiz M.A.M., Ramos M.A.A., Molina G.M. Inquiring Sport and Physical Activity students' perceptions using metaphors as research tools // Retos. 2017. № 32. P. 119–123.
19. Gómez-Mazorra M., Sánchez-Oliva D., Labisa-Palmeira A. Leisure-time physical activity in Colombian university students // Retos. 2020. № 4.
20. de-Mateo-Silleras E. et al. Health Perception According to the Lifestyle of University Students // Journal of Community Health. 2018. № 6.
21. Benson-Eggleston J. The financial circumstances associated with high and low wellbeing in undergraduate students: a case study of an English Russell Group institution // Journal of Further and Higher Education. 2019. № 3.
22. Chung E., Turnbull D., Chur-Hansen A. Differences in resilience between 'traditional' and 'non-traditional' university students // Active Learning in Higher Education. 2019. № 15.
23. Kim H.S., Oh E.G., Hyong H.K., Cho E.S. A Study on Factors Influencing Health Promotion Lifestyle in College Students // Journal of Korean Academy of Community Health Nursing. 2008. Vol. 19, № 3. P. 506–520.
24. Serban-Oprea G.M., Dedu S., Serban-Oprea A.T. An Integrative Approach to Assess Subjective Well-Being: a Case Study on Romanian University Students // Sustainability. 2019. № 11 (6).
25. Getachew B. Perceptions of alternative tobacco products, anti-tobacco media, and tobacco regulation among young adults: a qualitative study // American Journal of Health Behavior. 2018. № 8.

26. Abu-Rmeileh N.M. et al. Harm perceptions of waterpipe tobacco smoking among university students in five Eastern Mediterranean Region countries: a cross-sectional study // *Tobacco Induced Diseases*. 2018. № 6.
27. Shi W. Health information seeking versus avoiding: How do college students respond to stress-related information? // *American Journal of Health Behavior*. 2019. № 2.
28. Moríña A. 'We aren't heroes, we're survivors': higher education as an opportunity for students with disabilities to reinvent an identity // *Journal of Further and Higher Education*. 2017. № 17.
29. Colón A.M.O., Montoro M.A., Ruiz M.J.C. Toward inclusive higher education in a global context // *Sustainability*. 2018. № 4.
30. Quaife M., Terris-Prestholt F., Di Tanna G.L. et al. How well do discrete choice experiments predict health choices? A systematic review and meta-analysis of external validity // *The European Journal of Health Economics*. 2018. № 19. P. 1053–1066. DOI: 10.1007/s10198-018-0954-6
31. Delormier T., Fröhlich K.L., Potvin L. Food and eating as social practice – understanding eating patterns as social phenomena and implications for public health // *Sociology of Health and Illness*. 2009. № 31 (2). P. 215–228.
32. Napier D. Culture and health // *Lancet*. 2014. № 384. P. 1607–1639.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 30 декабря 2020 г.

Health as an Object of Governance: The Role of Universities

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 155–163.

DOI: 10.17223/15617793/465/21

Evgenia V. Popova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail iam.e.popova@yandex.ru

Olga V. Ustyuzhantseva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail olgavust@gmail.com

Keywords: health management; construction of concept of health; perception of health; healthy universities

This research was supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme, Project No. 8.1.40.2020.

Research on the health of students in higher educational institutions is gaining popularity. Universities are large ecosystems in which students and teachers live and work. In this regard, universities are beginning to act as living laboratories for researching health and ways to ensure it, as well as for planning and introducing new health management practices. The aim of the article is to determine the main areas of research that needs to be carried out to develop an effective health management strategy within the university. To reach the aim, the authors selected research articles in foreign peer-reviewed journals in the Scopus database for keywords related to the definition and perception of health by students and university professors and health management issues on university campuses. The authors analysed the obtained samples in order to assess the dynamics of publications, to identify the main directions of research in the field of health in universities, to determine the main methodological approaches and techniques for the implementation of these studies. As a result, the authors identified several main directions, interest in which is growing every year in the international academic community. Among them, there are the identification of the determinants of health and a healthy lifestyle, the study of ideas about health and a healthy lifestyle among students and teachers of universities, their perception of health risk factors, motivations for physical activity and sports, eating behaviour, and some others. These studies use both quantitative and qualitative methods, assessment tools developed by the World Health Organization and other international organisations working in the field of health, and innovative approaches such as photo analysis. As the main areas of research, the authors of the article propose to create a solid basis for understanding approaches to improve the health and well-being of the population formulating the determinants of health and the factors that threaten it, identifying cultural values for both macrocultural groups (religious groups, geographic groups, professional groups), and at the micro-level within the cultures of the institution or various local communities. They propose to identify cultural value systems that affect the behaviour and perceptions of students and teachers in connection with a healthy lifestyle and understanding of health in general, as well as to identify the mechanisms underlying the construction of subjective perception of these concepts. The results of such studies can form the basis of a program for managing the health of students and teachers on the campus of Tomsk State University. If successful, it can be extrapolated to other educational organisations in Russia.

REFERENCES

1. Huber, M. (2011) How should we define health? *BMJ*. July. p. 343. DOI: 10.1136/bmj.d4163
2. World Health Organization. Regional Office for Europe. (1984) *Health promotion: a discussion document on the concept and principles*. Summary report of the Working Group on Concept and Principles of Health Promotion. Copenhagen. 9–13 July 1984 (ICP/HSR 602(m01)5 p). Copenhagen: WHO Regional Office for Europe.
3. Keleher, H. & MacDougall, C. (2015) *Understanding Health*. Fourth Edition. Oxford University Press.
4. Shortreed, S.M. et al. (2019) Challenges and opportunities for using big health care data to advance medical science and public health. *American Journal of Epidemiology*. 188 (5). pp. 851–861.
5. Glymour, M.M. & Bibbins-Domingo, K. (2019) The future of observational epidemiology: improving data and design to align with population health. *American Journal of Epidemiology*. 188 (5). pp. 836–839.
6. Manrai, A.K., Ioannidis, J.P.A. & Patel, C.J. (2019) Signals among signals: Prioritizing nongenetic associations in massive data sets. *American Journal of Epidemiology*. 188 (5). pp. 846–850.
7. Van Weel, C. et al. (1995) *Measuring functional health status with the COOP/Wonca charts*. Northern Centre for Health Care Research, University of Groningen. [Online] Available from: www.globalfamilydoctor.com/research/research.asp?refurl=r#R4 (Accessed: 04.11.2020).
8. Nelson, E. et al. (1987) Assessment of function in routine clinical practice: description of the COOP Chart method and preliminary findings. *Journal of Chronic Diseases*. 40. Suppl. 1. pp. 55–63.
9. Lorig, K.R., Ritter, P.L. & González, V.M. (2003) Hispanic chronic disease self management: a randomized community-based outcome trial. *Nursing Research*. 52. pp. 361–369.
10. Lorig, K.R. et al. (1999) Evidence suggesting that a chronic disease self management program can improve health status while reducing utilization and costs: a randomized trial. *Medical Care*. 37. pp. 5–14.
11. *Canadian Journal of Public Health*. (1986) Ottawa Charter for Health Promotion. 77 (6). pp. 425–430.
12. Suárez-Reyes, M. & Van den Broucke, S. (2016) Implementing the Health Promoting University approach in culturally different contexts: a systematic review. *Global Health Promotion*. 23. Suppl. 1. pp. 46–56.
13. Sparling, P.B. & Snow, T.K. (2002) Physical activity patterns in recent college alumni. *Research Quarterly for Exercise and Sport*. 73. pp. 200–205.

14. Von Faber, M. et al. (2001) Successful aging in the oldest old: who can be characterized as successfully aged? *Archives of Internal Medicine*. 161. pp. 2694–2700.
15. Dooris, M. & Doherty, Sh. (2009) *National research and development project on healthy universities: final report*. University of Central Lancashire. [Online] Available from: http://clock.uclan.ac.uk/5502/1/5502_Dooris.pdf (Accessed: 11.11.2020).
16. Health Promoting Universities and Colleges (2015) *Okanagan Charter: an International Charter for Health Promoting Universities and Colleges*. [Online] Available from: <http://international.healthycampuses2015.sites.olt.ubc.ca/files/2016/01/Okanagan-Charter-January13v2.pdf> (Accessed: 06.11.2020).
17. Cuberos, R. et al. (2018) Relationship between Healthy Habits and Perceived Motivational Climate in Sport among University Students: a Structural Equation Model. *Sustainability*. 10. p. 938. DOI: 10.3390/su10040938
18. Ruiz, M.A.M., Ramos, M.A.A. & Molina, G.M. (2017) Inquiring Sport and Physical Activity students' perceptions using metaphors as research tools. *Retos*. 32. pp. 119–123.
19. Gómez-Mazorra, M., Sánchez-Oliva, D. & Labisa-Palmeira, A. (2020) Leisure-time physical activity in Colombian university students. *Retos*. 4.
20. de-Mateo-Silleras, E. et al. (2018) Health Perception According to the Lifestyle of University Students. *Journal of Community Health*. 6.
21. Benson-Eggleston, J. (2019) The financial circumstances associated with high and low wellbeing in undergraduate students: a case study of an English Russell Group institution. *Journal of Further and Higher Education*. 3.
22. Chung, E., Turnbull, D. & Chur-Hansen, A. (2019) Differences in resilience between 'traditional' and 'non-traditional' university students. *Active Learning in Higher Education*. 15.
23. Kim, H.S., Oh, E.G., Hyong, H.K. & Cho, E.S. (2008) A Study on Factors Influencing Health Promotion Lifestyle in College Students. *Journal of Korean Academy of Community Health Nursing*. 19 (3). pp. 506–520.
24. Serban-Oprea, G.M., Dedu, S. & Serban-Oprea, A.T. (2019) An Integrative Approach to Assess Subjective Well-Being: a Case Study on Romanian University Students. *Sustainability*. 11 (6).
25. Getachew, B. (2018) Perceptions of alternative tobacco products, anti-tobacco media, and tobacco regulation among young adults: a qualitative study. *American Journal of Health Behavior*. 8.
26. Abu-Rmeileh, N.M. et al. (2018) Harm perceptions of waterpipe tobacco smoking among university students in five Eastern Mediterranean Region countries: a cross-sectional study. *Tobacco Induced Diseases*. 6.
27. Shi, W. (2019) Health information seeking versus avoiding: How do college students respond to stress-related information? *American Journal of Health Behavior*. 2.
28. Moríña, A. (2017) 'We aren't heroes, we're survivors': higher education as an opportunity for students with disabilities to reinvent an identity. *Journal of Further and Higher Education*. 17.
29. Colón, A.M.O., Montoro, M.A. & Ruiz, M.J.C. (2018) Toward inclusive higher education in a global context. *Sustainability*. 4.
30. Quaife, M. et al. (2018) How well do discrete choice experiments predict health choices? A systematic review and meta-analysis of external validity. *The European Journal of Health Economics*. 19. pp. 1053–1066. DOI: 10.1007/s10198-018-0954-6
31. Delormier, T., Frohlich, K.L. & Potvin, L. (2009) Food and eating as social practice – understanding eating patterns as social phenomena and implications for public health. *Sociology of Health and Illness*. 31 (2). pp. 215–228.
32. Napier, D. (2014) Culture and health. *Lancet*. 384. pp. 1607–1639.

Received: 30 December 2020

А.В. Рагозина, О.А. Обдалова

ПЛЮРИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ ВТОРОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Освещаются вопросы, связанные с плюрилингвальным обучением студентов из Юго-Восточной Азии. Обосновывается целесообразность его применения при обучении второму иностранному языку в условиях межкультурной коммуникации. Выявляются особенности плюрилингвального обучения, проводится сопоставление и выделяются его принципы, применяемые в НИ ТГУ. Даются рекомендации о внедрении плюрилингвального обучения русскому языку как иностранному на основе анализа опыта Томского государственного университета.

Ключевые слова: плюрилингвизм; плюрилингвальное обучение; теория и методика обучения иностранному языку; русский как иностранный; обучение студентов из Юго-Восточной Азии.

Введение

Формирование образовательной среды, выбор языковой политики, установление всей образовательной парадигмы вызваны социокультурными, политическими и экономическими процессами, происходящими не только в лидирующих, но и в развивающихся странах. Приверженность России западным концептуальным взглядам и традициям в науке, в том числе в области теории и методики обучения, обусловлена исторически и влияет на появление и развитие новых тенденций. Однако в связи с активным процессом интернационализации образовательного пространства, в частности увеличивающимся количеством обучающихся в России студентов из Южной и Юго-Восточной Азии (ЮВА) на факультетах довузовской подготовки [1. С. 96], необходимо принимать во внимание восточно-азиатскую картину мира, как и тенденции в образовании. Сейчас и европейская, и азиатская системы образования как никогда выступают за языковое разнообразие [2. С. 73], установление мирового межкультурного диалога. В связи с этим нам кажется актуальным осветить такую концепцию, как плюрилингвизм, с прикладной точки зрения по отношению к обучающимся из ЮВА и Южной Азии. Может ли отказ от центричности вокруг изучаемого языка в обучении помочь в достижении главных целей обучения – приобретении новых знаний и осуществлении успешной коммуникации? Почему среди разнообразных современных подходов и явлений в методике обучения ИЯ нам стоит обратить внимание на плюрилингвальное обучение? В данной статье мы рассмотрим понятия плюрилингвизма и плюрилингвального обучения в Азии, выявим принципы, наиболее подходящие для обучения второму иностранному языку студентов из Индонезии (наиболее многочисленного этноса на факультете после китайского), а также опишем результаты экспериментального обучения на основе данных принципов в образовательном пространстве Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ).

Концепция плюрилингвального обучения в России через Европу и Азию

В настоящее время все большему числу государств, особенно на университетском уровне, присущи явления мультикультурализма, под которым понимается «признание и сохранение культурных раз-

личий, обусловленных этническими, религиозными и другими социальными факторами» [3. С. 157], и плюрилингвизма, о котором особенно целесообразно говорить в связи с обучением на языковых факультетах и подготовительных языковых курсах.

В отечественной литературе о разграничении терминов мульти- и плюрилингвизм писали Л.П. Халяпина, Е.В. Шостак, А.О. Ильнер, Н.Х. Савельева, З.Г. Прошина, М.Г. Сергеева и др. В целом отметим, что в лингводидактике понятие «мультилингвизм» описывает явление многоязычия как сосуществование нескольких языков внутри социальной группы в обществе, состоящем из носителей разных языков [3. С. 158]. Понятие «плюрилингвизм» предполагает общество, в котором каждый индивид – пользователь нескольких языков [4. С. 123]. Принятую в рамках Совета Европы в 2001 г. концепцию плюрилингвизма (Plurilinguism) принято понимать как возможность участия в межкультурном диалоге, т.е. в диалоге с представителями других культур, благодаря владению на разном уровне минимум двумя иностранными языками. Плюрилингвизм подразумевает такую ситуацию, когда говорящие используют свои языковые и культурные познания в качестве коммуникативных ресурсов в соответствии со своими потребностями [5].

Отечественная литература и методика, ассимилируя европейские концепции, развивает теоретические и практические исследования в области плюрилингвального обучения. Е.В. Шостак называет концепцию плюрилингвального обучения «новым этапом в постнеклассической лингводидактической науке» [6. С. 83]. Исследователи Л.П. Халяпина, Е.В. Шостак выделяют следующие принципы плюрилингвального обучения: 1) принцип интегративности (соизучение языков, профессиональной тематики и языкового наполнения); 2) принцип базовых и учебных стратегий; 3) принцип поддержки сосуществования и взаимодействия нескольких языков; 4) принцип эффекта простоты учебного процесса; 5) принцип малоинтерференционной динамической стереотипизации (набор общих методических принципов обучения ИЯ) [4. С. 124].

Частично выделенные принципы были использованы в качестве дополнительных принципов при обучении студентов в НИ ТГУ и показали свою уместность и эффективность. Так, принцип интегративности, подразумевающий изучение контекста и языка, был применен при изучении так называемых специальных предметов (физики, истории России и др.).

Одновременно с изучением предметного контента иностранные студенты овладевали новыми языковыми конструкциями и специальной лексикой (такой курс известен как научный стиль речи). Одновременно с этим обучающиеся овладевают базовыми навыками учебных стратегий (учимся учиться), которые на данном этапе формируются самостоятельно и при помощи преподавателя [7, 8]. Применение такого принципа особенно важно для иностранных обучающихся, которые продолжают дальнейшее профессиональное обучение в университете. Так как в большинстве случаев «плюрилингвальность» группы не заканчивается на этапе довузовской подготовки, а переходит на следующий уровень образования (с преобладанием в нем русскоязычной аудитории), а также благодаря все большей доступности англоязычного научного пространства, нацеленности на глобализацию в отношении политики высшего образования [9], мы считаем, что принцип языкового взаимодействия помогает обучающимся не только во время изучения третьего языка, но и в дальнейшем обучении.

Согласно этим принципам концепция плюрилингвизма поощряет овладение индивидом иностранными языками на разных уровнях, при этом не требует от него владения третьим (и более) языком на уровне носителя. Целью такого образования является включение обучающегося в языковое и культурное разнообразие, формирование способности индивида маневрировать своей языковой базой для осуществления коммуникации на разных языках.

Говоря об обучении второму неродному языку иностранных студентов из Южной Азии и ЮВА, осветим концепцию плюрилингвизма в данных регионах, проведем сравнительный анализ и выделим дополнительные принципы плюрилингвального подхода с учетом образовательной среды университета.

Так как большая часть Азии скорее плюрилингвальна, нежели монолингвальна [5], распространение концепции плюрилингвизма в азиатском образовании нашло свое распространение несколько раньше, чем в России. Явление многоязычия и плюриязычия в странах Южной и Юго-Восточной Азии существовало еще задолго до колониального периода и выхода английского языка на международную арену. Тем не менее эпоха глобализации по очевидным причинам признала главенствующую роль английского языка и определила его знание как единственно важную компетенцию в межкультурном общении. Однако в связи с тем, что сейчас человечество находится на такой стадии распространения глобализации, что в ряде случаев возникает некое противоречие между глобализмом и сохранением и выражением своей культурной и языковой идентичности [3, 4, 6, 10], осознание своей культурной идентичности, ценности родного языка, а также интерес к самым разным культурам и языкам мира если не угрожают популярности английского языка, то по меньшей мере не дают переоценить его значение главным образом как языка-посредника. Так, например, конституция Вьетнама и закон о начальном образовании от 1991 г. гласят, что этнические меньшинства имеют право получать образование на своем родном языке [10], что говорит о практической поддержке язы-

ковых меньшинств на государственном уровне и является одной из важных особенностей плюрилингвизма на этой территории. Подобная политика свойственна многим странам Южной Азии и ЮВА.

Исследования плюрилингвизма в Южной и Юго-Восточной Азии показывают, что мультилингвизм и плюрилингвизм широко распространены и используются внутри одной общины или даже семьи [11–14]. Помимо одного родного языка, жители данных регионов обычно говорят на языке государства и на своем местном языке, которые могут не совпадать, кроме того, владеют английским языком в той или иной степени, но обычно достаточной для межкультурной коммуникации. Например, Лаос – страна с высокой долей носителей языков коренных этнических меньшинств в Юго-Восточной Азии и наибольшей долей представителей этнических меньшинств, тем не менее, правительство Лаоса недостаточно поддерживает языки меньшинства в качестве языка обучения. Однако, эти языки являются языками домашнего общения (43 из 73 языков – менее 10 тыс. говорящих и 8 языков – более 100 тыс.) [15]. Также в результате миграции или обучения высших учебных заведений отдельные представители данных регионов владеют вторым или третьим иностранным языком. На фоне развивающихся деловых, культурных и научных связей в странах Южной и Юго-Восточной Азии одним из требований, предъявляемых к выпускникам средних школ, является практическое владение одним или несколькими языками международного общения. Владение в той или иной степени минимум тремя языками является скорее правилом, чем исключением. Такая плюрилингвальная среда присуща Индонезии, Индии, Пакистану, Филиппинам, Малайзии, Сингапуру.

Стефан Дж. Холл (Stephen J. Hall) в своей работе, посвященной многолетнему преподаванию английского языка в плюрилингвальной Малайзии, подчеркивает плюрилингвизм как обучающихся, так и преподавателей, называя такую педагогику «праздником языкового разнообразия», и исключает сосредоточенность только на английском языке в процессе коммуникации между обучающимися из разных стран [16]. Терпимое и даже поддерживающее отношение к использованию на занятиях языков, отличных от изучаемого языка, связано с развитием толерантного отношения во многих сферах интернационального взаимодействия. Такое отношение, исключающее монолингвальную обстановку и средства обучения, можно отнести к еще одной специфике плюрилингвального образования в ЮВА.

Исследуя явление плюрилингвизма в Юго-Восточной Азии, индонезийские исследователи Дели Нирмала (Deli Nirmala) и Катур Кепирианто (Catur Kepingirianto) отмечают, что в Индонезии сообщества, использующие минимум два языка, существуют повсеместно. Так, адресат использует яванский язык в разговоре, а перципиент отвечает, используя язык бахаса Индонезия (индонезийский). Говорящие переключаются или смешивают свои языки в школах, в многоязычных семьях. Например, жители региона Каримуньява живут гармонично в окружении не только одного или двух родных языков, но и с представителями других регионов – яванцев, бугинцев, мадуранцев, и могут со-

вершать на них коммуникацию [11]. В эпоху глобализации использование других языков, не претендующих на звание *lingua franca*, провозглашается приоритетным, направленным на установление, с одной стороны, контакта среди местных регионов и сохранение своей идентичности, а с другой – на установление межкультурной коммуникации за пределами своей страны.

При этом языковое разнообразие лежит в основе сообществ не столько в Южно-Восточной, сколько в Южной Азии. В пользу плюрилингвальной образовательной политики в Южной Азии выступают такие исследователи, как Лахман М. Хубчандани, Нина Ашра, Канагаражд Суреш и др. Так, проблемы в Индии и Пакистане, связанные со столкновением глобализации и национализма, решаются посредством трехсторонней языковой формулы, в которой доминирующий национальный язык – урду в Пакистане и хинди в Индии – должен изучаться наряду с региональным языком (для каждого штата свой родной язык помимо хинди) и английским в начальных и средних школах [13]. Такая политика направлена на удовлетворение различных императивов, таких как обеспечение доступа к школьному образованию для всех, независимо от их родного языка, развитие национальной идентичности посредством компетенции на общем языке и использование транснациональных экономических ресурсов через английский.

Таким образом, установив, что явление плюрилингвизма в обучении в ряде стран Южной и Юго-Восточной Азии широко распространено и является нормой, мы выявили его дополнительные особенности. Проведенный анализ позволяет утверждать, что обучение иностранному языку студентов из данных регионов целесообразно строить на основе плюрилингвальной концепции. Это связано с тем, что именно владение несколькими языками, опыт их изучения (отсюда более развитые языковые аналитические способности), способность переключаться с одного языка на другой, имеющаяся языковая база обучающихся (родного языка / языков, английского как первого иностранного языка / других иностранных языков) оказывают большое влияние на освоение нового иностранного языка, зачастую упрощая процесс понимания новых языковых явлений.

Рассмотрим особенности реализации плюрилингвального обучения в условиях образовательного пространства Томского государственного университета.

Методология исследования и результаты экспериментального обучения

Теоретико-методологическую основу исследования составляют положения о взаимодействии культур в поликультурном обществе, о необходимости приобщения через иностранный язык не только к языковой системе, но и к концептуальной картине мира носителей изучаемого языка и носителей других языков, его использующих, положения, разработанные в отечественных и зарубежных трудах в области исследований этнических особенностей коммуникативного поведения носителей русского языка и носителей индонезийского языка (И.А. Пугачев [17], Е.В. Невмержицкая [18] и др.), исследований теории языков Юго-Восточной Азии (А.С. Теселкин [19], В.Д. Аракин [20], Н.Ф. Алиева [21] и др.), работах по исследованию проблем национально-ориентированного обучения русскому языку как иностранному (В.Н. Вагнер [22], Т.М. Балыхина [23]), трудах по теории и практике преподавания иностранных языков в условиях межкультурного взаимодействия (О.А. Обдалова [7], М. Вугам [24] и др.).

В исследовании использовался всесторонний анализ лингвистической, психолого-педагогической и учебно-методической литературы на русском и английском языках для определения теоретических основ исследования, а также компаративный метод для выявления общих черт и различий в грамматическом строе русского и индонезийского языков при работе над языковым материалом. Здесь, во-первых, мы берем во внимание родной язык обучающихся, поскольку он естественным образом «всплывает» в сознании обучающихся в процессе обучения новому иностранному языку. Одновременно с родным языком большую роль играет и первый (а также второй / третий и т.д.) иностранный язык обучающихся – английский язык и др. [1, 3]. Проанализировав основные типы языковых категорий в каждом из этих языков, мы выделяем сходства и различия на разных уровнях – фонетическом, грамматическом, синтаксическом, особенно обращая внимание на ложные сходства, которые порождают распространенные ошибки в речи обучающихся. Далее мы оформляем данные, полученные в результате компаративного языкового анализа, в сопоставительную таблицу языков, которую применяем для создания сопроводительных комментариев на занятиях (табл. 1).

Таблица 1

Фрагмент таблицы сравнительного анализа трех языков «Сравнительная характеристика глагольных категорий»

	Категория глагола	русский	английский	индонезийский
1.	Вид	Категория вида является отдельной ГК. Несовершенный/несовершенный вид. Видовые пары являются разными глаголами. Категория вида в русском языке не входит в систему изменения глагола по временам: <i>слышать-</i>	Как самостоятельная категория отсутствует. Однако, формы глаголов могут выступать 4 условных видовых формах: the common Aspect - общий, неопределенный вид, the Perfect Aspect - совершенный вид, the Continuous Aspect -длительный	Категория вида имеет специальное формальное выражение. различаются: неопределенный или общий вид, интенсивный вид (образуется удвоением корня), совершенный вид образуется при помощи префикса <i>t r-</i>). при этом, форма неопределенного вида может употребляться для передачи

Результаты сравнительного анализа русского, английского и индонезийского языков представлены в

виде таблицы, описывающей основные явления фонетического, грамматического и синтаксического уров-

ней языка, которая может применяться преподавателем для ознакомления с тем или иным явлением языковой базы обучающегося во время подготовки к занятию (табл. 2). Эти данные далее мы используем для

разработки сопроводительных комментариев к соответствующим темам в целях избегания отрицательной интерференции и экономии времени на этапе представления нового материала.

Таблица 2

Сопоставительный комментарий «Негативные модели русского языка типа «Никто (-) ничего (-) не знает (-)» / Negative models of the Russian language / Model negatif dari bahasa Rusia»

English negatives forms	Русские негативные формы	Indonesian bentuk negatif
(-) + (+) + (+) = (-)	(-) + (-) + (-) = (-)	(-) + (+) + (+) = (-)
No one knows anything.	Никто ничего не знает.	Tidak siapapun mengetahui apapun.
1). (+) + (-) = (-) -What do you know? -I know nothing!	1). (-) + (-) = (-) -Что ты знаешь? -Я ничего не знаю!	1). (-) + (+) = (-) -Apa yang kamu ketahui? -Aku tidak mengetahui apapun!
2). (-) + (+) = (-) Can't do = don't have to do.	2). (+) + (-) = (-) Могу не делать = не должен делать.	2). (+) + (-) = (+) Dapat tidak melakukan = tidak harus melakukan.
3). (-) + (-) = (+) Can't not do = must do.	3). (-) + (-) = (+) Не могу не делать = должен делать.	3). (-) + (-) = (+) Tidak dapat tidak melakukan = harus melakukan.

Кроме того, на этапе представления нового материала на занятии применяются языковое задействие (при понимании новых или схожих явлений) и языковое взаимодействие (при объяснении и корректровке). Такое задействие и взаимодействие языков являются естественным процессом, так как при погружении обучающихся в новую языковую среду родной язык и первый иностранный язык начинают оказывать воздействие (как положительное, так и отрицательное) на обучающихся в результате мысленного их сопоставления. Применяя в обучении второму иностранному языку принцип учета языковой базы в плюрилингвальной группе, преподаватель сможет контролировать явление языковой интерференции и сделать языковой перенос сознательным и корректным [25], а также упростить понимание некоторых явлений в изучаемом языке при их наиболее полном или частичном совпадении.

Мы попытались провести экспериментальное обучение русскому языку как иностранному, применяя принципы плюрилингвального обучения. В ходе эксперимента применялись эмпирические методы исследования: наблюдение за учебным процессом при использовании этноориентированной методики обучения, анкетирование, метод моделирования учебно-методического материала, речевых ситуаций; эксперимент, объективный анализ результатов эксперимента. Приведем данные эксперимента, предпринятого при обучении русскому языку как второму иностранному студентов, приезжающих в Россию из Юго-Восточной Азии, но сначала обратимся к характеристике такого обучения в НИ ТГУ.

Плюрилингвальные группы иностранных студентов из Юго-Восточной Азии, проходящие обучение русскому языку как второму иностранному языку, все чаще встречаются на факультетах довузовской подго-

товки. По данным статистики, в 2018 г. на подготовительном факультете ТГУ обучались 138 студентов из 27 стран мира, а численность обучающихся на разных программах ТГУ в 2020/2021 учебном году составляет 2 308 человек (согласно сведениям образовательной организации) [1. С. 95–96]. Плюрилингвальный подход становится особенно востребованным в образовательном пространстве российских университетов, принимающих участие в программе 5-100, которая стимулирует интенсивную интернационализацию образовательной среды [26. П. 1.7.1]. Обучающиеся в таких группах имеют в качестве своей языковой базы более двух языков, т.е. часто владеют, помимо первого родного языка (индонезийского, лаосского, хинди, вьетнамского), языком местных говоров (лао/тай, малайский, панджаби) и на разном уровне – английским и русским. Такие плюриязычные студенты чаще оказываются готовы к межкультурной коммуникации и диалогу на нескольких языках, чем представители Восточной Азии (Китая, Монголии). Об этом также пишут и другие отечественные исследователи, работающие с разными азиатскими группами (И.А. Пугачёв, Stephen J. Hall и др.).

Целью плюрилингвального обучения, как упоминалось, прежде всего является установление диалога культур. Однако когда целью обучения на подготовительном факультете является развитие языковой и коммуникативной компетенций в определенном языке (в нашем случае – в русском), плюрилингвальность обучающихся часто не получает должного внимания при выборе методики и принципов обучения. Кроме того, в условиях интенсификации подготовительного образования иностранных студентов перед преподавателем стоит задача как можно больше сократить время при объяснении нового грамматического материала, а также избежать отрицательной интерферен-

ции со стороны языковой базы студента, тем самым обеспечив эффективное обучение иностранных студентов в короткие сроки.

Этноориентированная модель, разработанная нами на основе плюрилингвальных принципов обучения второму иностранному языку, была апробирована в двух группах индонезийских студентов, изучающих русский язык как второй иностранный (12 человек – экспериментальная группа, 8 человек – контрольная группа) в период с ноября по февраль 2018/2019 учебного года. Основной целью проведенного экспериментального исследования являлась проверка эффективности обучения, построенного на основе следующих плюрилингвальных принципов: 1) принцип «совместного понимания» (Cooperative understanding), 2) самостоятельное (домашнее) изучение порядка 40% лексико-грамматических тем, 3) применение сопроводительных комментариев на трех языках, 4) применение коммуникативных заданий по темам, интересным данной этнической группе (например, «Экология и промышленность в Азии», «Чему учит нас Рамадан?», «Пасха и Ид аль-Фитр» и др.). Также целью данного эксперимента являлась фиксация трудностей, связанных с отсутствием отдельных явлений в родном языке или в языке-посреднике, а также ошибок, вызванных отрицательной языковой интерференцией.

Эксперимент был проведен в естественных условиях в рамках подготовительного курса «Практический курс русского языка». Продолжительность непосредственно проведенных занятий с применением этноориентированной методики составила 80 академических часов. Рабочая гипотеза обучающего эксперимента была представлена следующим образом: обучение русскому языку студентов из Юго-Восточной Азии будет более эффективным, если применена этноориентированная модель обучения, учитывающая в учебном процессе этнопсихологические характеристики, коммуникативное поведение

обучающихся, а сам процесс обучения проводится на основе сопоставления языковых феноменов русского языка и родного языка обучающегося с опорой на английский язык как язык международного общения.

Структура проведенного эксперимента была следующей: 1) двойное входное тестирование, цель которого, с одной стороны, определить в процентном соотношении уровень владения русским с помощью комплексного тестирования, а с другой – установить факт владения английским иностранным языком минимум на среднем уровне (что является необходимым условием для применения данной методики обучения), 2) обучающий эксперимент, в ходе которого проверялась эффективность этноориентированных принципов, 3) итоговое тестирование, цель которого – установить степень владения русским языком на уровне А2.

Как показали данные входного и итогового тестирования в контрольной группе, результаты комплексного тестирования остались стабильными (60–70%), однако отдельные показатели по субтестам, таким как «Лексика и грамматика» и «Говорение», немного снизились ко второму тестированию (66%) (рис. 1). Такая ситуация является обычной и отмечается многими преподавателями в связи с тем, что тестирование уровня А1 в целом включает меньше заданий и лексико-грамматических тем [27]. Однако итоговое тестирование в экспериментальной группе показало результат, на 12% более высокий, чем в контрольной группе [1. С. 76]. Кроме того, в результате проведенного нами анкетирования (с участием 20 человек) в ЭГ выяснилось, что, исходя из 10-балльной шкалы, студенты оценили доступность представления нового материала на 9 баллов, актуальность предложенных лексических тем – на 7 баллов, формы работы на занятиях – на 7,5 баллов. Можно констатировать, что в целом этноориентированность модели (учет интересов и языковой базы этнической группы) студенты оценивают на 8 баллов.

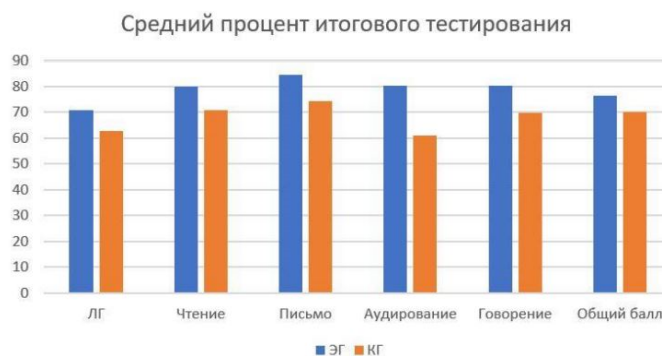

Рис. 1. Средний процент итогового тестирования ЭГ и КГ

Таким образом, анализ результатов обучающего эксперимента, проведенного с учетом принципов плюрилингвальной концепции в образовательной среде Томского университета с участием индонезийских студентов, показал эффективность выбранной методики обучения второму иностранному языку. В ходе апробации было выявлено процентное соотношение общих результатов обучения в группах, которое составило 66 (КГ) и 78% (ЭГ) соответственно.

Полученные эмпирические данные позволяют утверждать, что наш эксперимент подтвердил гипотезу о увеличении эффективности обучения при применении на занятиях с индонезийскими студентами принципов плюрилингвального обучения. Наиболее эффективными принципами плюрилингвального обучения, применяемыми в образовательной среде НИ ТГУ, являются учет всей языковой базы студента, подразумевающий взаимодействие триады языков и знаний,

полученных в результате компаративного анализа языковых явлений, и принцип Cooperative understanding. В контексте диалога культур как каждодневного явления на языковых программах в плюрилингвальных группах данное обучение является целесообразным и успешным, при этом не унижает идентичности обучающихся, что в настоящее время является непреложным условием в любом обучении.

Проанализировав плюрилингвальную образовательную ситуацию в странах Юго-Восточной Азии (Индонезия, Вьетнам, Малайзия) и Южной Азии (Индия, Пакистан), а также результаты экспериментального обучения в условиях Томского государственного университета, построенного на концепции плюрилингвального обучения, мы можем констатировать, что плюрилингвальный подход, активно исследуемый и применяющийся в западном и азиатском обучении, начинает эффективно использоваться и в российском образовательном пространстве. Его принципы могут гармонично применяться при обучении русскому языку студентов из Южной и Юго-Восточной Азии.

Закключение

Отвечая на вопрос о том, почему, обучая студентов из Юго-Восточной Азии русскому языку как второму иностранному, преподавателю стоит обратиться к плюрилингвальному обучению, мы, во-первых, рассмотрели особенности такого обучения в странах данного региона и пришли к выводу, что в силу таких факторов, как мультилингвальный фон, опыт изучения первого иностранного языка и его знание на соответствующем уровне, обучающиеся из стран Индонезии, Вьетнама, Индии, Малайзии готовы к плюрилингвальному обучению. То есть к такому обучению, которое не исключает использование родного языка и первого иностранного языка и поддерживает сосуществование трех и более языков в образовательном пространстве. Во-вторых, мы выявили и добавили к существующим в современной литературе принципам плюрилингвального обучения принципы, которые, на наш взгляд, наиболее точно характеризуют плюрилингвальное обучение и явились эффективными в ходе экспериментальной проверки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рагозина А.В. Этноориентированная методика обучения иностранному языку обучающихся из стран Юго-Восточной Азии на начальном этапе : дис. магистра педагогики. Томск, 2019. 96 с.
2. Обдалова О.А., Одегова О.В. Межкультурная и межкузыковая коммуникация как новая реальность в контексте глобализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 70–81.
3. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14, № 2. С. 155–170. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/translingvizm-i-ego-prikladnoe-znachenie> (дата обращения: 13.01.2020).
4. Халыпина Л.П., Шостак Е.В. Плюрилингвальный и транслингвальный подходы как новые тенденции в теории интегрированного обучения иностранным языкам и профессиональным дисциплинам студентов технических вузов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 2. С. 120–127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/plyurilingvalnyy-i-translingvalnyy-podhody-kak-novye-tendentsii-v-teorii-integrirovannogo-obucheniya-inostrannym-yazykam-i> (дата обращения: 15.01.2020).
5. Смокотин В.М. Болонский процесс и укрепление позиций многоязычия и поликультурности как ведущих принципов европейской языковой политики // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 336. С. 66–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess-i-ukreplenie-pozitsiy-mnogoyazychiya-i-polikulturnosti-kak-veduschih-printsipov-evropeyskoy-yazykovoy-politiki> (дата обращения: 12.01.2020).
6. Шостак Е.В. Концепция плюрилингвизма в лингводидактике и обоснование термина «плюрилингвальное обучение» // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 2. С. 71–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-plyurilingvizma-v-lingvodidaktike-i-obosnovanie-termina-plyurilingvalnoe-obuchenie/viewer> (дата обращения: 01.02.2020).
7. Обдалова О.А. Иноязычное образование в XXI веке в контексте социокультурных и педагогических инноваций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 180 с.
8. Obdalova O.A. Modelling Conditions for Students' Communication Skills Development by Means of Modern Educational Environment // Bridging the Gap between Education and Employment: English Language Instruction in EFL Contexts. 2015. Vol. 198. P. 73–89.
9. Kecskes I., Obdalova O., Minakova L., Soboleva A. A study of the perception of situation-bound utterances as culture-specific pragmatic units by Russian learners of English. 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/325801347_A_Study_of_the_Perception_of_Situation-Bound_Utterances_as_Culture-Specific_Pragmatic_Units_by_Russian_Learners_of_English (accessed: 12.03.2020).
10. Emmons K. Bilingual teaching heads to the front of the class in Vietnam. URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/CEDAW/WomensRightEducation/MinorityRightsGroupInternational_AnnexII.pdf (accessed: 14.03.2020).
11. Nirmala D., Kepirianto C. Plurilingual Societies with Migrant Languages in Karimunjawa. URL: <http://www.iaeme.com/IJCIET/issues.asp?JType=IJCIET&VType=10&IType=02> (accessed: 16.01.2020).
12. Khubchandani L.M. Language plurality of South Asia: a search for alternate models in knowledge construction. URL: <https://www.degruyter.com/view/j/applirev.2012.3.issue-2/applirev-2012-0015/applirev-2012-0015.xml> (accessed: 08.02.2020).
13. Canagarajah S., Ashraf H. Multilingualism and Education in South Asia: Resolving Policy / Practice Dilemmas. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/annual-review-of-applied-linguistics/article/multilingualism-and-education-in-south-asia-resolving-policypractice-dilemmas/5AB870671FBBCF2CD133828160C09569> (accessed: 11.12.2019).
14. Claire T. A positively plurilingual world: promoting mother tongue education. State of the World's Minorities and Indigenous Peoples. 2009. URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/CEDAW/WomensRightEducation/MinorityRightsGroupInternational_AnnexII.pdf (accessed: 21.01.2020).
15. Bradley D. Minority language learning in mainland Southeast Asia // Kirkpatrick A., Liddicoat A.J. (Eds.) The Routledge International Handbook of Language Education Policy in Asia. Routledge, 2019. URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315666235-2> (accessed: 14.03.2020).
16. Hall S.J. Plurilingual Positioning and Its Effectiveness in Classroom Interaction and Teacher Education. URL: <https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/aila.22.02can> (accessed: 20.04.2020).
17. Пугачёв И.А. Этноориентированная методика в поликультурном преподавании русского языка как иностранного. М. : РУДН, 2011. 284 с.

18. Невмержицкая Е.В. Этноориентированная методика обучения иностранному языку в системе среднего профессионального образования : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2011. 435 с.
19. Теселкин А.С. Индонезийский язык : учеб. пособие. М. : Вост. ун-т, 2003. 149 с.
20. Аракин В.Д. Индонезийские языки. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит. (Языки народов Азии и Африки), 1965. 151 с.
21. Алиева Н.Ф. Структурно-типологическое исследование языков Юго-Восточной Азии. М. : ИВ РАН, 2015. 168 с.
22. Вагнер В.Н. Национально-ориентированная методика в действии // Русский язык за рубежом. 1988. № 1. С. 70–75. URL: https://www.pushkin.institutscience/russkiy_yazyk_za_rubezhom (дата обращения: 24.09.2019).
23. Балыхина Т.М., Чжао Юйцзын. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. 2-е изд. М. : РУДН, 2010. 344 с.
24. Byram M. Teaching and assessing intercultural communicative competence. Clevedon, UK : Multilingual Matters. 1997. URL: [https://www.scirp.org/\(S\(351jmbntvnst1aadkposzje\)\)/reference/ReferencesPapers.aspx?ReferenceID=1524544](https://www.scirp.org/(S(351jmbntvnst1aadkposzje))/reference/ReferencesPapers.aspx?ReferenceID=1524544) (accessed: 06.11.2019).
25. Барахта А.В. Явление интерференции в условиях изучения второго иностранного языка, включая русский как иностранный // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 10 (163). С. 83–86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlenie-interferentsii-v-usloviyah-izucheniya-vtorogo-inostrannogo-yazyka-vklyuchaya-russkiy-kak-inostrannyi> (дата обращения: 04.12.2018).
26. Соглашение № 02.Б49.21.0001 между Министерством образования и науки Российской Федерации и федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», отобранным по результатам конкурса на предоставление государственной поддержки ведущим университетам Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров от 27 августа 2013 г. URL: <http://viu.tsu.ru/upload/iblock/fff/fffd1270a1a9e98c24e0d55871aeb20.pdf> (дата обращения: 22.09.2020).
27. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная технология в обучении иноязычной межкультурной коммуникации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-diskursivnaya-tehnologiya-v-obuchenii-inoazychnoy-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 21.12.2019).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 12 января 2021 г.

Plurilingual Teaching of a Second Foreign Language for Students from Southeast Asia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 164–171.

DOI: 10.17223/15617793/465/22

Alena V. Ragozina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: RagozinaAlena@yandex.ru

Olga A. Obdalova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.obdalova@mail.ru

Keywords: plurilingualism; plurilingual education; theory and methods of teaching foreign language; Russian as foreign language; intercultural communication.

In connection with the active internationalization of the educational space, it is necessary to take into account the East Asian picture of the world, as well as trends in education. Today, both the European and Asian education systems more than ever stand for ensuring linguistic diversity and establishing global intercultural support. In this regard, it seems relevant to illuminate the conception of a plurilingual teaching of students of Southeast and South Asia in a second foreign language. The aim of the research is to study the conception and justify the appropriateness of its application for teaching foreign students from Southeast Asia using the example of teaching Russian to students from Indonesia. The research objectives are to consider plurilingual teaching in South and Southeast Asia; to identify its general principles and describe its most effective methods in the Indonesian audience; to present the results of experimental teaching based on the plurilingual conception in the educational space of Tomsk State University. The article is based on theoretical and methodological foundations and the data of an experiment described in the co-author's master's research, as well as provisions on plurilingual education in Southeast Asia. The work used theoretical methods (comparative analysis of languages, a comprehensive analysis of domestic and foreign literature) and empirical research methods (questionnaires, educational material modeling, experiment, objective analysis of experimental results). The first section reveals linguistic diversity in Indonesia, India, Pakistan, Malaysia. Having established that plurilingual education is widespread in a number of countries in South and Southeast Asia, the authors conclude that it is advisable to build teaching of a second foreign language to students from these regions on the basis of the plurilingual conception. This is primarily due to the fact that it is the knowledge of several languages, the experience of their study, the ability to switch from one language to another that have a great influence on mastering a new foreign language. In the second section, the authors describe the principles of plurilingual education applied in teaching Russian to Indonesian students, such as the principle of language integration, the principle of using the language arsenal of the student, etc. These principles were successfully applied in the experimental group of Indonesian students, the results in which were 20% higher than in the control group. The plurilingual approach, actively studied and applied in Western education, is no less successfully exploited now in Asian education and is beginning to be effectively used in the Russian educational space. Its principles can be successfully and quite harmoniously applied in teaching a second foreign language to students from South and Southeast Asia.

REFERENCES

1. Ragozina, A.V. (2019) *Etnoorientirovannaya metodika obucheniya inostrannomu yazyku obuchayushchikhsya iz stran Yugo-Vostochnoy Azii na nachal'nom etape* [Ethno-oriented methodology of teaching a foreign language to students from South-East Asia at the initial stage]. Master's Thesis. Tomsk.
2. Obdalova, O.A. & Odegova, O.V. (2018) Intercultural and interlingual communication as a new reality in the context of globalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 70–81. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/7
3. Proshina, Z.G. (2017) Translingualism and its application. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' – RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 2 (14). pp. 155–170. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/translingvizm-i-ego-prikladnoe-znachenie> (Accessed: 13.01.2020). (In Russian). DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170
4. Khalyapina, L.P. & Shostak, E.V. (2019) Plurilingual and translingual approaches as new trends in the theory of content and language integrated learning for technical university students. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki – PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 2. pp. 120–127. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/plurilingvalnyy-i-translingvalnyy-podhody-kak-novye-tendentsii-v-teorii-integrirovannogo-obucheniya-inostrannym-yazykam-i> (Accessed: 15.01.2020). (In Russian). DOI: 10.15593/2224-9389/2019.2.11

5. Smokotin, V.M. (2010) Bologna Process and strengthening of the positions of multilingualism and multiculturalism as the leading principles of European language policies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 336. pp. 66–71. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolonskiy-protsess-i-ukreplenie-pozitsiy-mnogoyazychiya-i-polikulturnosti-kak-vedushchih-printsiyev-europeyskoy-yazykovoy-politiki> (Accessed: 12.01.2020). (In Russian).
6. Shostak, E.V. (2018) Plurilingual education as a new term of modern linguistics within the scope of a plurilingual paradigm. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki – St. Petersburg State Polytechnical University Journal: Humanities and Social Sciences*. 2 (9). pp. 71–83. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-plyurilingvizma-v-lingvodidaktike-i-obosnovanie-termina-plyurilingvalnoe-obucheniya/viewer> (Accessed: 01.02.2020). (In Russian). DOI: 10.18721/JHSS.9207
7. Obdalova, O.A. (2014) *Inoyazychnoe obrazovanie v XXI veke v kontekste sotsiokul'turnykh i pedagogicheskikh innovatsiy* [Foreign Language Education in the 21st Century in the Context of Socio-Cultural and Pedagogical Innovations]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Obdalova, O.A. (2015) Modelling Conditions for Students' Communication Skills Development by Means of Modern Educational Environment. *Bridging the Gap between Education and Employment: English Language Instruction in EFL Contexts*. 198. pp. 73–89.
9. Kecskes, I. et al. (2018) A study of the perception of situation-bound utterances as culture-specific pragmatic units by Russian learners of English. *System*. 76. pp. 219–232. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/325801347_A_Study_of_the_Perception_of_Situation-Bound_Utterances_as_Culture-Specific_Pragmatic_Units_by_Russian_Learners_of_English (Accessed: 12.03.2020). DOI: 10.1016/j.system.2018.06.002
10. Emmons, K. (2009) Bilingual teaching heads to the front of the class in Vietnam. In: *State of the World's Minorities and Indigenous Peoples 2009*. Minority Rights Group International. [Online] Available from: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/CEDAW/WomensRightEducation/MinorityRightsGroupInternational_AnnexII.pdf (Accessed: 14.03.2020).
11. Nirmala, D. & Kepirianto, C. (2019) Plurilingual Societies with Migrant Languages in Karimunjawa, Indonesia. *International Journal of Civil Engineering and Technology (IJCIET)*. 2 (10). pp. 545–557. [Online] Available from: <http://www.iaeme.com/IJCIET/issues.asp?JType=IJCIET&VType=10&IType=02> (Accessed: 16.01.2020).
12. Khubchandani, L.M. (2012) Language plurality of South Asia: a search for alternate models in knowledge construction. *Applied Linguistics Review*. 2 (3). [Online] Available from: <https://www.degruyter.com/view/j/applirev.2012.3.issue-2/applirev-2012-0015/applirev-2012-0015.xml> (Accessed: 08.02.2020). DOI: 10.1515/applirev-2012-0015
13. Canagarajah, S. & Ashraf, H. (2013) Multilingualism and Education in South Asia: Resolving Policy / Practice Dilemmas. *Annual Review of Applied Linguistics*. 33. pp. 258–285. [Online] Available from: <https://www.cambridge.org/core/journals/annual-review-of-applied-linguistics/article/multilingualism-and-education-in-south-asia-resolving-policypractice-dilemmas/5AB870671FBBCF2CD133828160C09569> (Accessed: 11.12.2019). DOI: 10.1017/S0267190513000068
14. Claire, T. (2009) A positively plurilingual world: promoting mother tongue education. *State of the World's Minorities and Indigenous Peoples. UN Human Rights. Office of the High Commissioner*. [Online] Available from: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/CEDAW/WomensRightEducation/MinorityRightsGroupInternational_AnnexII.pdf (Accessed: 21.01.2020).
15. Bradley, D. (2019) Minority language learning in mainland Southeast Asia. In: Kirkpatrick, A. & Liddicoat, A.J. (Eds.) *The Routledge International Handbook of Language Education Policy in Asia*. Routledge. [Online] Available from: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315666235-2> (Accessed: 14.03.2020).
16. Hall, S.J. (2018) Plurilingual Positioning and Its Effectiveness in Classroom Interaction and Teacher Education. In: Heard, P. (ed.) *Great Thinkers: Great Minds*. Bandar Sunway: Sunway University Press. pp. 43–67. [Online] Available from: <https://www.jbe-platform.com/content/journals/10.1075/aila.22.02can> (Accessed: 20.04.2020).
17. Pugachev, I.A. (2011) *Etnoorientirovannaya metodika v polikul'turnom prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Ethno-Oriented Methodology in Multicultural Teaching of Russian as a Foreign Language]. Moscow: RUDN.
18. Nevmerzhitskaya, E.V. (2011) *Etnoorientirovannaya metodika obucheniya inostrannomu yazyku v sisteme srednego professional'nogo obrazovaniya* [Ethno-oriented methodology of teaching a foreign language in the system of secondary vocational education]. Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
19. Teselkin, A.S. (2003) *Indoneziyskiy yazyk* [Indonesian Language]. Moscow: Oriental University.
20. Arakin, V.D. (1965) *Indoneziyskie yazyki* [Indonesian Languages]. Moscow: Nauka.
21. Alieva, N.F. (2015) *Strukturno-tipologicheskoe issledovanie yazykov Yugo-Vostochnoy Azii* [Structural and Typological Study of the Languages of Southeast Asia]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS.
22. Vagner, V.N. (1988) *Natsional'no-orientirovannaya metodika v deystvii* [Nationally-oriented methodology in action]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 1. pp. 70–75. [Online] Available from: https://www.pushkin.institutescience/russkiy_yazyk_za_rubezhom (Accessed: 24.09.2019).
23. Balykhina, T.M. & Zhao, Yu. (2010) *Ot metodiki k etnometodike. Obucheniye kitaytsev russkomu yazyku: problemy i puti ikh preodoleniya* [From Methodology to Ethnology. Teaching the Russian Language to the Chinese: Problems and ways to overcome them]. 2nd ed. Moscow: RUDN.
24. Byram, M. (1997) *Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence*. Clevedon, UK: Multilingual Matters. [Online] Available from: [https://www.scirp.org/\(S\(351jmbntvnsjt1aadkposzje\)\)/reference/ReferencesPapers.aspx?ReferenceID=1524544](https://www.scirp.org/(S(351jmbntvnsjt1aadkposzje))/reference/ReferencesPapers.aspx?ReferenceID=1524544) (Accessed: 06.11.2019).
25. Barakhtha, A.V. (2015) Interference phenomenon during the second foreign language acquisition including Russian as a foreign language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 10 (163). pp. 83–86. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlenie-interferentsii-v-usloviyah-izucheniya-vtorogo-inostrannogo-yazyka-vklyuchaya-russkiy-kak-inostrannyi> (Accessed: 04.12.2018). (In Russian).
26. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2013) *Agreement № 02.V49.21.0001 between the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education National Research Tomsk State University, selected in a competition for the provision of state support to the leading universities of the Russian Federation in order to increase their competitiveness among the world's leading scientific and educational centers of 27 August 2013*. [Online] Available from: <http://viu.tsu.ru/upload/iblock/fff/fff1270a1a9e98c24e0d55871aeb20.pdf> (Accessed: 22.09.2020). (In Russian).
27. Obdalova, O.A. (2018) Cognitive-discursive technology in teaching foreign language intercultural communication. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4. pp. 279–305. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-diskursivnaya-tehnologiya-v-obucheniinoyazychnoy-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (Accessed: 21.12.2019). (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/44/18

Received: 12 January 2021

С.В. Радаева, Л.М. Беженцева, В.С. Сосуновский

ПРИМЕНЕНИЕ ХОРЕОГРАФИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КОНДИЦИОННЫХ И КООРДИНАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОК, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗЕ

Рассматривается экспериментальная методика занятий аэробикой с применением хореографических упражнений, направленная на развитие кондиционных и координационных способностей студенток. Педагогический эксперимент был организован на кафедре физической культуры и спорта НИ ТГУ. В ходе исследования установлено, что экспериментальная методика способствует развитию статического и динамического равновесия, быстроты реакции, координации в циклических локомоциях, согласованности двигательных действий и точности баллистического движения студенток, обучающихся в вузе.

Ключевые слова: аэробика; координационные способности; кондиционные способности; хореографические упражнения; учебный процесс; студентки; физическое воспитание.

Введение

В работах Р.М. Сайтова и Т.С. Лисицкой аэробика определяется как система гимнастических, танцевальных и физических упражнений, выполняемых под музыкальное сопровождение непрерывным, переменным, повторным и интервальным методами [1]. По данным многих специалистов, в практике физической культуры и спорта насчитывается около 200 различных оздоровительных программ по аэробике, к ним относятся такие танцевальные направления, как Bellydance, Hip-hop аэробика, Zumba, Латина и т.д. В настоящее время среди студенческой молодежи набирают популярность элементы аэробики с использованием специальных технических средств: Hot Iron, слайд-аэробика, степ-аэробика, coreboard аэробика, аквааэробика, фитбол-аэробика и др., которые позволяют укрепить мышечные группы, развивать функциональные системы организма человека и создать у занимающихся устойчивую положительную мотивацию к тренировочному процессу [2].

По мнению И.В. Лущик [3], Т.А. Кохан [4], Л.И. Костюниной [5], возрастающий интерес к занятиям аэробикой требует комплексного подхода к построению и проведению учебно-тренировочных занятий; в работах Т.В. Чибисовой [6], Е.Г. Сайкиной и И.В. Бочаровой [7] отмечается разнообразие применения элементов аэробики как фактор привлечения различных слоев населения к физкультурно-оздоровительной деятельности и здоровому образу жизни.

Анализ научной, учебно-методической литературы и передового практического опыта позволяет заключить, что оздоровительная аэробика является предметом многочисленных исследований по разным ее направлениям. Оздоровительная аэробика как самостоятельный вид двигательной активности всегда находится в стадии развития и совершенствования своих форм и методов проведения учебных занятий по физической культуре [8]. Предметом исследований многих авторов остается низкий уровень развития основных физических качеств, общей и специальной физической, технической и психологической подготовленности занимающихся, их работы направлены на поиск эффективных методов оценки физических

качеств, в том числе координационных способностей [9, 10].

По мнению многих авторов (З. Витковский, В.И. Лях и др.), основным средством для развития координационных способностей являются физические упражнения повышенной координационной сложности и упражнения, содержащие элементы новизны [11].

Координационные способности – это совокупность двигательных способностей, определяющих быстроту освоения новых движений, а также умение адекватно перестраивать свою двигательную деятельность при неожиданных ситуациях [12]. Способности к ориентированию в пространстве, равновесию, реагированию, дифференцированию параметров движений, способности к ритму, перестроению двигательных действий, вестибулярная устойчивость, произвольное расслабление мышц – все это является компонентами координационных способностей. Данные параметры являются важными составляющими учебных занятий по оздоровительной аэробике [13].

В работах многих авторов (И.В. Лущик, Т.А. Кохан, Л.И. Костюнина и др.) показано, что развитие координационных способностей сказывается как на внешнем виде девушек, так и на точности и легкости их движений, ритмичности и согласованности, что, в свою очередь, позволяет определить достаточный уровень координационной подготовленности учащихся.

Как показывают результаты обзора современных публикаций, такие виды спорта, как спортивная и художественная гимнастика, спортивная акробатика, синхронное плавание, уделяют достаточно большое внимание развитию координационных способностей средствами хореографической подготовки [14].

Однако следует отметить отсутствие упоминаний о том, что уже существующие на сегодняшний день методические рекомендации по формированию координационных способностей, которые так необходимы студенткам на учебных занятиях по оздоровительной аэробике, не предполагают индивидуальную направленность в развитии профессиональных компетенций в вузах [15].

По мнению Ю.Д. Железняк и А.В. Лейфа, кондиционные способности – это функциональные свойства организма человека, проявляющиеся в степени сформированности таких физических качеств, как сила, гибкость, выносливость и быстрота, определяющих его работоспособность [16].

Следует отметить, что в настоящее время хореографическая подготовка рассматривается специалистами только лишь в части создания театрального образа и правильного технического исполнения элементов, однако ей уделяется мало внимания как средству развития кондиционных двигательных способностей (физических качеств).

В связи с вышесказанным *новизной исследования* станет теоретическое обоснование применения хореографических упражнений в качестве средства повышения уровня не только координационных, но и кондиционных способностей студентов.

Цель исследования – разработать и оценить эффективность применения методики занятий аэробикой с применением хореографических упражнений, направленной на развитие кондиционных и координационных способностей студенток, обучающихся в вузе.

Методы и организация исследования

Применялись следующие методы исследования: педагогические наблюдения (использовались для анализа организации учебно-тренировочных занятий по аэробике в вузе); праксиметрические методы (использовались для разработки методики занятий по аэробике с применением хореографических упражнений); педагогическое тестирование (использовалось для оценки двигательной подготовленности студенток отделения «Аэробика»); педагогический эксперимент с применением хореографических упражнений, направленных на развитие кондиционных и координационных способностей; методы математической

обработки данных (использовались для оценки эффективности разработанной методики и выявления статистических различий между показателями КГ и ЭГ). Исследование проводилось на базе кафедры физической культуры и спорта НИ ТГУ.

Анализ результатов педагогического тестирования проводился при помощи программы Statistica 10.0 фирмы Statsoft. В процессе исследования было выявлено нормальное распределение признака в группах среднего размера, поэтому сравнительный анализ показателей двигательной подготовленности студенток отделения «Аэробика» осуществлялся при помощи t-критерия Стьюдента.

Была разработана и введена в учебный процесс по физическому воспитанию экспериментальная методика для улучшения кондиционных и координационных способностей студенток, основанная на использовании хореографических упражнений.

В исследование были вовлечены студентки 1-го, 2-го и 3-го курсов в возрасте от 17 до 20 лет. В экспериментальную группу (ЭГ) были включены 18 студенток, которые занимались по представленной нами методике развития кондиционных и координационных способностей с использованием хореографических упражнений. Контрольную группу (КГ) составили 18 студенток, которые занимались по традиционной программе отделения «Аэробика».

Учебные занятия по данному предмету происходят в течение учебного года 2 раза в неделю по 2 академических часа (136 часов). Согласно учебной программе по дисциплине «Физическая культура», девушки отделения аэробики выполняют следующие нормативные упражнения 2 раза в год – осенью и весной: бег на 100 м; бег на 1 800 м; прыжок в длину с места; наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье; сгибание-разгибание рук в упоре лежа. В табл. 1 представлены контрольные упражнения и показатели физической подготовленности студенток.

Таблица 1

Контрольные упражнения и показатели кондиционных способностей студенток

Физические качества	Тест	Уровни физической подготовленности				
		Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий
Быстрота	Бег 100 м, с	16,0	16,5	17,0	17,5	18,0
Выносливость	Бег 1800 м, мин	10,00	10,30	11,00	11,30	12,00
Скоростно-силовые качества	Прыжок в длину с места, см	185	175	165	155	140
Гибкость	Наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье, см	20	15	10	5	0
Силовые качества	Сгибание-разгибание рук в упоре лежа, кол-во раз	20	15	10	5	2

Для определения кондиционных способностей девушек мы использовали тесты, определяющие: быстроту (бег 100 м); общую выносливость (бег 1 800 м); скоростно-силовые качества (прыжок в длину с места); гибкость (наклон вперед из исходного положения стоя на гимнастической скамье; измеряется расстояние от края скамейки до кончиков пальцев рук); силовые качества (сгибание-разгибание рук в упоре лежа).

Для определения координационных способностей (КС) занимающихся мы использовали следующие тесты: повороты на гимнастической скамье (динамическое равновесие); упор присев – упор лежа (способность к согласованию движений); бросок мяча в цель (точность баллистических движений); упражнение «Восьмерка» (испытуемому необходимо провести теннисный мяч между ногами так, чтобы траектория

движения мяча вырисовывала цифру «8», фиксируется время, за которое испытуемый выполнит 10 полных восьмерок) (способность к согласованию движений); «Tinetti-тест» с закрытыми глазами (вестибулярная (статокинетическая) устойчивость); «Пассе» с закрытыми глазами (статическое равновесие).

Результаты и их обсуждение

На основе результатов предварительных исследований нами были разработаны и внедрены в процесс обучения по физическому воспитанию содержание и методика уроков по аэробике с использованием хореографических упражнений.

В общей структуре занятия выделено три основных части – подготовительная, основная и заключительная. В основную часть занятия включались как силовые, так и хореографические блоки. Заключительную часть составляли в основном упражнения, направленные на развитие гибкости, расслабление мышц и восстановление дыхания. На занятиях использовался фронтальный метод организации непрерывного и серийно-непрерывного методов проведения упражнений, которые представлены в виде урока оздоровительной аэробики. Главное отличие таких занятий состоит в том, что в разработанной нами методике нет абсолютной границы между частями занятия. Из-за этого происходит плавный переход от одной части занятия к другой, а хореографическая подготовка, в свою очередь, является продолжением подготовительной части, когда упражнения из хореографии постепенно готовят мышцы тела, способствуют переходу от комбинаций разминки к партерному экзерсису. Основной блок хореографической подготовки реализует задачи как основной части занятий, так и подготовительной. Это позволяет включать в подготовительную и заключительную части занятия дополнительные задачи, которые будут отражать цель основной части.

1. На подготовительную часть занятия выделялось от 5 до 10 минут.

Во время подготовительной части необходимо подготовить организм к основной физической нагрузке под руководством преподавателя, обучить занимающихся технике базовых шагов и элементам танцевальной аэробики. Использовалось музыкальное сопровождение, чтобы создать условия психологического комфорта, настроить занимающихся на предстоящую деятельность. Зона интенсивности пульсового режима – от 90 до 120 ударов в минуту.

Основу подготовительной части занятия составляли:

- общеразвивающие упражнения (ОРУ);
- различные виды ходьбы.

Малую амплитуду, регламентацию как пространственных, так и временных особенностей движений включали в использование общеразвивающих движений локального характера. Данный метод осуществляется с целью постепенной и безопасной подготовки организма к дальнейшим физическим нагрузкам.

Комбинации из различных видов ходьбы состоят в основном из элементов народных танцев, которые знакомят студентов с фольклором, культу-

рой и искусством разных народов в процессе изучения их особенностей и традиций. Обучение определенным комбинациям движений проводилось по частям линейным методом. Разучивание начиналось с одного вида шагов, при этом сначала использовались движения лишь ногами. После разучивания шагов согласовывались движения рук и ног, и только затем переходили к новым комбинациям движений.

На момент демонстрации преподавателем новых движений студентки совершали на месте такие шаги, как march и приставные шаги step touch, что, в свою очередь, увеличивало моторную плотность занятия, а в целевой зоне поддерживалась ЧСС от 90 до 120 ударов в минуту.

2. На основную часть выделялось 50–60 минут.

В структуре занятия по аэробике на выполнение хореографических упражнений отводилось 20–30 минут в начале основной части занятия. Были выделены следующие блоки упражнений: хореографическая подготовка, силовой блок. Применение музыкального сопровождения в основной части занятия способствовало разрешению следующих задач:

- повысить эмоциональный фон у студенток;
- мотивировать занимающихся на более высокие показатели [17].

Блок хореографической подготовки

Целевая зона пульса соответствовала ЧСС 90–160 уд./мин. Система хореографических упражнений включала достаточно простые упражнения, которые используются в классическом танце.

Общие задачи их применения:

- развитие координацию движений;
- знакомство студенток с новой методикой и элементами упражнений из хореографии;
- создание базы для правильного выполнения хореографических упражнений;
- освоение хореографических упражнений, улучшение чувства равновесия тела;
- укрепление связок и мышц всего опорно-двигательного аппарата;
- улучшение осанки и походки;
- создание обязательной базы знаний по хореографии, музыке и эстетическому восприятию движений.

Хореографическая подготовка по аэробике была поделена на три взаимосвязанных составных части.

1) Хореографические упражнения в партере. Использование партерной хореографии помогает исключить неправильное выполнение упражнений с элементами у опоры, что дает возможность приобрести такой навык, как «чувство мышц». Данный навык способствует наблюдению правильных движений ног как сидя, так и лежа, более быстрому изучению и освоению основных элементов из разных исходных положений, что, в свою очередь, улучшает двигательные навыки студентов.

При выполнении упражнений каждая студентка использует отдельный гимнастический коврик, все упражнения выполняются в положении как лежа (или на боку), так и сидя, исключая нагрузку на позвоноч-

ник и суставы. «Партерный экзерсис» представлял собой поточный метод, выполнялись разнообразные упражнения классического танца.

В начале первого семестра при выполнении комплексов упражнений использовались такие исходные положения, как руки вдоль корпуса ладонями в пол, ноги в свободных позициях. Во втором семестре использовалась база упражнений для освоения классического экзерсиса, они выполнялись в положении лежа на полу, где обязательно учитывалась предельная выворотность положения ног.

Партерная хореография является набором стилизованных движений из классической хореографии, где исходное положение является важным. Используются такие положения тела, как лежа на животе, спине, в упорах, седах. Большинство элементов партерной хореографии исполняется в комплексе с упражнениями общеразвивающей направленности на гибкость, силу и ловкость, а также с элементами йоги, системы пилатеса.

Основные плюсы данной хореографии обусловлены снижением нагрузки на опорные звенья, в основном на стопы и спину. Это крайне важно при выполнении задач с большой нагрузкой, которая ведет к большому давлению на мышцы стопы, особенно к болям и разрастанию косточки в области большого пальца, к перегрузкам позвоночного столба. При переходе в партер снижается риск получения травмы и болей в области спины. Для этого были использованы упражнения в основном из партерной хореографии:

- разновидности стилизованных движений классической хореографии: деми и гран плие в положении лежа на спине, ноги вверх, пассе сидя, лежа, гран батман жэтэ и др.;

- специальные упражнения, направленные на развитие силы спины, мышц брюшного пресса;

- упражнения, которые способствуют растяжке как динамического, так и статического характера.

Разнообразные упражнения использовались на развитие силы, при их выполнении необходимо придерживаться определенных рекомендаций и правил выполнения:

- соблюдать ритм, следить за координацией движений; время мышечного напряжения должно быть на выдохе, исключая упражнения, выполняемые на животе;

- упражнения силового характера рекомендуется выполнять по 8–12 повторений, от 1 до 4 подходов;

- при выполнении упражнения необходимо соблюдать симметрию движений;

- постепенная нагрузка должна быть в начале занятия, т.е. от простого к сложному;

- увеличение нагрузки происходит при повышении количества повторений или подходов.

2) Хореографические упражнения у опоры. Экзерсис у опоры улучшает осанку, координацию, эстетику движений, увеличивает ловкость, гибкость и силу. Можно сказать, что он способствует развитию двигательной деятельности учащихся отделения аэробики. Повторялись такие же упражнения, что и в «партер-

ном экзерсисе», но со сменой положения, повернувшись лицом к станку.

Упражнения у опоры:

- необходимость постановки правильной осанки как лицом к опоре, так и боком к опоре и на середине зала;

- деми плие, гран плие по первой и второй свободным позициям;

- батман тандю сэмпль вперед, назад, в сторону, крестом;

- батман тандю деми плие;

- батман тандю жэтэ вперед, назад, в сторону, крестом;

- гран батман жэтэ;

- прыжковые упражнения по основным позициям классического танца (первой и второй свободным), со сменой позиции ног лицом к опоре;

- выпады лицом к опоре;

- наклоны вперед, назад, в стороны (пор-де-бра).

Все перечисленные упражнения, которые выполняются у станка, одновременно могут способствовать работе в центре зала. Опора, которую выполняет в этой работе станок, служит для поддержания правильной осанки и сохранения равновесия, помогает сфокусироваться на технике выполнения упражнений частично или полностью.

На полной стопе выполняются практически все упражнения у станка, исключения могут быть только при реливэ. Также используются разнообразные способы выполнения данных упражнений, например не имея контакта со станком как частично, так и в целом.

Во время выполнения упражнений батман фондю стопа ведущей ноги находится на одной прямой с голенью, это исключает слишком большую выворотность у занимающихся на учебных занятиях.

Можно отметить, что основная задача *adagio* заключается в развитии способностей дифференцирования пространственных особенностей движений, их плавности и выразительности, способностей динамического и статического равновесия.

3) Хореографические упражнения в центре. Непосредственно прыжковый мезоблок входил в основу *allegro*. В начале обучения применялись простые прыжки на месте, прыжки с использованием поворотов на 180 градусов, полуоборотом, наскоки с замахом согнутой ногой. Также использовались различные повороты на полупальцах, которые можно отнести к поворотам на всей стопе.

Силовой блок

Для развития силовых способностей студенток применяли силовой блок упражнений. Задания к каждому занятию планировались так, чтобы у студенток не появлялось привыкания к однообразным упражнениям. В среднем длительность данной части составляет 15–20 мин. Целевая зона пульса была в пределах 90–130 уд./мин.

Задачи силового блока:

- способствовать развитию силовой выносливости;

- увеличить силовые кондиции;

- корректировать фигуру с акцентом на проблемные зоны.

Использовались силовые упражнения с инвентарем (гантели 1–3 кг, бодибары 5–12 кг, утяжелители, экспандеры, набивные мячи и т.д.) и без него (с использованием собственного веса тела и его частей). Количество повторений не зависело от курса обучения.

3. В заключительной части использовались дыхательные упражнения, упражнения на растяжку и поклон. Время заключительной части составляло от 3 до 5 минут. Упражнения выполнялись в спокойном ритме с фиксацией поз в разных положениях длительно – не меньше 10 секунд, без рывков и пружинистых движений. Все упражнения заключительной части выполнялись под сопровождение расслабляющей музыки. Частота сердечных сокращений находилась в пределах, близкой к покою (ЧСС до 75–90 уд./мин), что способствовало более эффективному восстановлению всего организма, а особенно позвоночного столба. Большое значение в заключительной части занятия имеют некоторые упражнения из йоги, пилатеса, а также дыхательной гимнастики и аутогенной тренировки.

На констатирующем этапе педагогического эксперимента было определено, что студентки КГ статистически не отличаются от ЭГ по всем результатам ($p > 0,05$), что дает оценку физического состояния и координации движений. После выполнения контрольных упражнений оценивался уровень развития физической подготовленности по каждому контрольному упражнению у студенток в соответствии с табл. 1. Из представленных результатов видно, что до проведения педагогического эксперимента в беге на 100 м студентки ЭГ показали результаты 18,7 с, а КГ – 18,5 с, эти показатели соответствуют низкому уровню развития скоростных способностей. Уровень ниже среднего как в ЭГ, так и в КГ отмечен в беге на 1 800 м и в контрольном нормативе «сгибание и разгибание рук в упоре лежа». Только в одном контрольном упражнении – наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье – наблюдается средний уровень: полученные результаты составили в КГ 10 см, а в ЭГ – 9 см. Результаты тестирования кондиционных способностей студенток представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты тестирования кондиционных способностей студенток

Тесты	Показатели до проведения педагогического эксперимента		Показатели после проведения педагогического эксперимента	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
	$X \pm \sigma$	$X \pm \sigma$	$X \pm \sigma$	$X \pm \sigma$
Бег 100 м, с	18,5 ± 0,44	18,7 ± 0,35	18,4 ± 0,3	17,5 ± 0,23
Бег 1800 м, м	11,20 ± 1,31	11,27 ± 1,37	11,15 ± 1,21	10,48 ± 1,22*
Прыжок в длину с места, см	150 ± 3,36	149 ± 18,4	154 ± 2,4	164 ± 4,5*
Наклон вперед из положения стоя на гимнастической скамье, см	10 ± 1,17	9 ± 1,37	11 ± 1,2	14 ± 1,4*
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа, кол-во раз	6 ± 0,77	4 ± 0,96	7 ± 0,5	11 ± 0,8*
* – значение статистически значимого различия между показателями по сравнению с контрольной группой, $p < 0,05$.				

Сравнительный анализ кондиционных способностей студенток отделения «Аэробика» позволил выявить достоверный прирост результатов ($p < 0,05$) у студенток ЭГ по всем измеряемым показателям за период педагогического эксперимента (см. табл. 2).

Так, в беге на 100 м уровень физической подготовленности студенток ЭГ положительно изменился с низкого уровня до уровня ниже среднего. В беге на 1 800 м после педагогического эксперимента был зафиксирован средний результат 10,48 мин, что соответствует среднему уровню развития такого физического качества, как выносливость (см. табл. 2).

Рассматривая результаты тестирования общей физической подготовленности студенток контрольной группы за период педагогического эксперимента, можно заключить, что по всем исследуемым показателям студентки КГ в значительной степени уступают студенткам ЭГ. Отмечены лишь незначительные улучшения в показателях общей выносливости, скоростно-силовых и силовых способностях, однако при-

рост результатов оказался статистически незначимым ($p > 0,05$) (см. табл. 2).

Существенный прирост показателей за период педагогического эксперимента как в КГ, так и в ЭГ наблюдается в физическом качестве – гибкости. Так, в КГ результат увеличился на 1 см, а в ЭГ – на 5 см, где прирост полученных результатов оказался достоверным ($p < 0,05$) (см. табл. 2).

По результатам тестирования координационных способностей студенток экспериментальной и контрольной групп за период педагогического эксперимента можно отметить достоверные различия в показателях, которые оценивают быстроту реакции, устойчивость динамического и статического равновесия, координации в циклических локомоциях, согласованности двигательных действий и точности баллистического движения ($p < 0,05$). У студенток контрольной группы в соответствующих показателях также произошли положительные изменения за период педагогического эксперимента, но они оказались статистически незначимыми ($p > 0,05$) (табл. 3).

Результаты тестирования координационных способностей студенток

Тесты	Показатели до проведения педагогического эксперимента		Показатели после проведения педагогического эксперимента	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
	$X \pm \sigma$	$X \pm \sigma$	$X \pm \sigma$	$X \pm \sigma$
Повороты на гимнастической скамейке (по 4 поворота вправо и влево), с	11,34 ± 2,42	12,89 ± 2,21	7,24 ± 1,29	6,50 ± 1,48
Упор присев – упор лежа (за 10 с), количество раз	4,48 ± 0,47	4,53 ± 0,42	5,25 ± 0,51	6,40 ± 0,42
Бросок мяча в цель, баллы	3,90 ± 1,15	4,10 ± 0,85	4,13 ± 0,69	6,65 ± 0,37*
Упражнение «Восьмерка», с	20,1 ± 1,4	20,3 ± 1,6	17,2 ± 1	14,5 ± 0,9*
Tinetti-тест с закрытыми глазами, количество ошибок	7,1 ± 2,3	7 ± 2,5	5,9 ± 1,6	2,5 ± 1,8*
«Пассе» с закрытыми глазами, с	15,32 ± 3,3	15,01 ± 4,9	33,36 ± 7,2	42,14 ± 8,1*

* – значение статистически значимого различия между показателями по сравнению с контрольной группой, $p < 0,05$.

В результате исследования были выявлены статистически достоверные различия между КГ и ЭГ после внедрения в ЭГ комплекса хореографических упражнений в таких тестах, как «Бросок мяча в цель», упражнение «Восьмерка», «Tinetti-тест с закрытыми глазами», «Пассе с закрытыми глазами» ($p < 0,05$) (см. табл. 3).

Проведенное исследование позволило получить следующие результаты:

1. Разработана методика занятий оздоровительной аэробикой с использованием хореографических упражнений для развития кондиционных и координационных способностей студенток, обучающихся в вузе.

2. В ходе педагогического эксперимента доказана эффективность разработанной методики применения хореографических упражнений для развития кондиционных и координационных способностей студенток.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саитов Р.М., Лисицкая Т.С. Что такое «функциональный тренинг» // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2013. № 6. С. 73–75.
2. Беженцева Л.М. Хореографическая подготовка акробатов на этапе спортивного совершенствования // Теория и практика физической культуры. 2020. № 10. С. 24–25.
3. Луцкий И.В. Методика повышения эффективности занятий аэробикой на основе использования эластомерных покрытий : дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2000. 172 с.
4. Кохан Т.А. Применение гидроаэробики в физическом воспитании студенток технического вуза : дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2001. 184 с.
5. Костюнина Л.И. Моделирование процесса развития ритмичности движений у студенток, занимающихся оздоровительной аэробикой : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. 24 с.
6. Чибисова Т.В. Построение занятий с применением различных видов оздоровительной аэробики с девушками 15–17 лет : дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 174 с.
7. Сайкина Е.Г., Бочарова В.И. Интеграция средств пилатеса и степ-аэробики для обеспечения работоспособности студенток // Фитнес в системе непрерывного физкультурного образования и его роль в оздоровлении населения России : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 25 сентября 2013 г. Санкт-Петербург, 2013. С. 112–119.
8. Радаева С.В. Физическое воспитание студенток нефизкультурного вуза на основе спортивно-ориентированных технологий : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2008. 181 с.
9. Федосеева Л.О., Радаева С.В. Сравнительный анализ функциональных возможностей и физической подготовленности студенток отделения аэробики в вузе // Совершенствование системы физического воспитания, спортивной тренировки, туризма и оздоровления различных категорий населения : материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Сургут, 17–18 ноября 2017 г. Сургут, 2017. С. 416–421.
10. Федосеева Л.О. Методика развития координационных способностей студенток отделения аэробики с применением хореографических упражнений : магистерская дис. Томск, 2017. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:4952>
11. Витковский З., Лях В.И. Координационные способности в футболе: диагностика, прогнозирование развития, тренировка // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2006. № 4. С. 28–31.
12. Сосуновский В.С. Структура и содержание психомоторной подготовленности детей 11–12 лет // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 236–240.
13. Шелгачева А.М., Зыкова С.А., Беженцева Л.М., Радаева С.В. Методические особенности хореографической подготовки акробатов на этапе спортивного совершенствования // Физическая культура, здравоохранение и образование : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти В.С. Пирусского. Томск, 14 ноября 2019 г. Томск, 2019. С. 146–151.
14. Шельгорн М.О., Иноземцева Е.С. Критерии оценивания специальной физической подготовленности у спортсменов, занимающихся спортивной аэробикой на этапе начальной подготовки // Физическая культура, здравоохранение и образование : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти В.С. Пирусского. Томск, 14 ноября 2019 г. Томск, 2019. С. 64–68.
15. Шилько В.Г. Личностно-ориентированный подход в физическом воспитании студенток // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283. С. 205–210.
16. Железняк Ю.Д., Лейфа А.В. Системный характер физической активности в повышении качества жизни студенческой молодежи // Интеграция теории и практики в общем, дополнительном и профессиональном физкультурном образовании : материалы Нац. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М., 2020. С. 87–94.
17. Сосуновский В.С. Влияние олимпийского образования на самооценку детей в условиях детского образовательного оздоровительного лагеря // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 199–201.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 17 февраля 2021 г.

The Use of Choreographic Exercises for the Development of the Conditioning and Coordination Abilities of Female University Students

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 172–178.

DOI: 10.17223/15617793/465/23

Svetlana V. Radaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: svetlanaradaeva70@mail.ru

Lyubov M. Bezhentseva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: delja3@yandex.ru

Vadim S. Sosunovskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vadim14sergeevich@gmail.com

Keywords: aerobics; coordination abilities; conditioning abilities; choreographic exercises; educational process; students; physical education.

The construction of an integrated approach to recreational aerobics with female university students is due to the growing interest in this type of motor activity, the stable positive motivation of those involved in it, and the emergence of a large number of types of aerobics. The use of choreographic exercises in the physical education of female students, as observed by many experts, helps develop motor memory and coordination: the consistency of movements, jumps, flexibility, mobility of joints, elasticity and strength of muscles, expressiveness and artistry. The aim of the study is to develop and evaluate the effectiveness of applying the technique of aerobics with choreographic exercises developing the conditioned and coordination abilities of female university students. An experimental technique for improving coordination among female students has been developed and introduced into the physical education process. The study involved female students in the first, second and third years of study aged 17 to 20, 18 students in experimental and control groups, a total of 36 participants. In order to determine the effectiveness of the developed technique, a pedagogical test of the motor skills and coordination abilities of the control and experimental groups was carried out at the beginning and end of the pedagogical experiment. The study resulted in the following. (1) The technique of health-improving aerobics classes with the use of choreographic exercises for the development of conditioning and coordination abilities of female university students has been developed. (2) The pedagogical experiment proved the effectiveness of the developed technique for the development of conditioning and coordination exercises.

REFERENCES

1. Saitov, R.M. & Lisitskaya, T.S. (2013) The meaning of “functional training”. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka – Physical Education: Education, Training*. 6. pp. 73–75. (In Russian).
2. Bezhentseva, L.M. (2020) Choreographic training of female acrobats at sport excellence stage. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 10. pp. 24–25. (In Russian).
3. Lushchik, I.V. (2000) *Metodika povysheniya effektivnosti zanyatiy aerobikoy na osnove ispol'zovaniya elastomernykh pokrytiy* [Methods of increasing the efficiency of aerobics classes based on the use of elastomeric coverings]. Pedagogy Cand. Diss. Volgograd.
4. Kokhan, T.A. (2001) *Primenenie gidroaerobiki v fizicheskom vospitanii studentok tekhnicheskogo vuza* [Application of hydroaerobics in physical education of female students of a technical university]. Pedagogy Cand. Diss. Omsk.
5. Kostyunina, L.I. (2006) *Modelirovanie protsessa razvitiya ritmichnosti dvizheniy u studentok, zanimayushchikhsya ozdorovitel'noy aerobikoy* [Modeling of the process of development of rhythmicity of movements among female students involved in health related aerobics]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
6. Chibisova, T.V. (2003) *Postroenie zanyatiy s primeneniem razlichnykh vidov ozdorovitel'noy aerobiki s devushkami 15–17 let* [Construction of classes with the use of various types of health-improving aerobics with girls 15–17 years old]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
7. Saykina, E.G. & Bocharova, V.I. (2013) [Integration of Pilates and step aerobics to ensure students' performance]. *Fitness v sisteme nepreryvnogo fizkul'turnogo obrazovaniya i ego rol' v ozdorovlenii naseleniya Rossii* [Fitness in the System of Continuous Physical Education and Its Role in Improving the Health of the Population of Russia]. Proceedings of the 6th All-Russian Conference. Saint Petersburg. 25 September 2013. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. pp. 112–119. (In Russian).
8. Radaeva, S.V. (2008) *Fizicheskoe vospitanie studentov nefizkul'turnogo vuza na osnove sportivno-orientirovannykh tekhnologiy* [Physical education of students of a non-physical university on the basis of sports-oriented technologies]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Krasnoyarsk.
9. Fedoseeva, L.O. & Radaeva, S.V. (2017) [Comparative analysis of functional abilities and physical fitness of the aerobics division students at university]. *Sovershenstvovanie sistemy fizicheskogo vospitaniya, sportivnoy trenirovki, turizma i ozdorovleniya razlichnykh kategoriy naseleniya* [Improving the System of Physical Education, Sports Training, Tourism and Health Improvement of Various Categories of the Population]. Proceedings of the 16th All-Russian Conference. Surgut. 17–18 November 2017. Surgut: Surgut State University. pp. 416–421. (In Russian).
10. Fedoseeva, L.O. (2017) *Metodika razvitiya koordinatsionnykh sposobnostey studentok otdeleniya aerobiki s primeneniem khoreograficheskikh uprazhneniy* [Methodology for the development of coordination abilities of students of the aerobics department with the use of choreographic exercises]. Master's Thesis. Tomsk. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:4952>.
11. Vitkovskiy, Z. & Lyakh, V.I. (2006) Coordination features in soccer: diagnosis, forecast of development, training. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka – Physical Education: Education, Training*. 4. pp. 28–31. (In Russian).
12. Sosunovskiy, V.S. (2015) The structure and content of psychomotor preparedness of children aged 11–12. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 236–240. (In Russian).
13. Shelgacheva, A.M. et al. (2019) [Methodological features of the choreographic training of acrobats at the stage of sports improvement]. *Fizicheskaya kul'tura, zdravookhranenie i obrazovanie* [Physical Culture, Health Care and Education]. Proceedings of the 13th International Conference in Memory of V.S. Pirusskiy. Tomsk. 14 November 2019. Tomsk: STT. pp. 146–151. (In Russian).
14. Shel'gorn, M.O. & Inozemtseva, E.S. (2019) [Criteria for assessing special physical fitness among athletes involved in sports aerobics at the stage of initial training]. *Fizicheskaya kul'tura, zdravookhranenie i obrazovanie* [Physical Culture, Health Care and Education]. Proceedings of the 13th International Conference in Memory of V.S. Pirusskiy. Tomsk. 14 November 2019. Tomsk: STT. pp. 64–68. (In Russian).
15. Shil'ko, V.G. (2004) Personally-oriented approach in physical education of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 283. pp. 205–210. (In Russian).
16. Zheleznyak, Yu.D. & Leyfa, A.V. (2020) [The systemic nature of physical activity in improving the quality of life of student youth]. *Integratsiya teorii i praktiki v obshchem, dopolnitel'nom i professional'nom fizkul'turnom obrazovanii* [Integration of Theory and Practice in General, Additional and Professional Physical Education]. Proceedings of the National Conference. Mytishchi. 19 December 2019. Moscow: Moscow Region State University. pp. 87–94. (In Russian).
17. Sosunovskiy, V.S. (2015) Effects of the Olympic education on the self-esteem of children in children's educational and health camps. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 392. pp. 199–201. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/392/33

Received: 17 February 2021

Д.А. Федерякин, И.Л. Углова, М.А. Скрыбин

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ В КОМПЬЮТЕРНОМ ТЕСТИРОВАНИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-14110.

Проводится разграничение психометрической целевой и коллатеральной информации, получаемой во время компьютерного тестирования. Вводится классификация источников коллатеральной информации на основе того, какую информацию они описывают – респондентов, задания или их взаимодействие. Приводится обзор современных, преимущественно зарубежных, источников, где иллюстрируется использование коллатеральной информации.

Ключевые слова: коллатеральная информация; компьютерное тестирование; современная теория тестирования; модели с латентными переменными; психометрика; педагогические практики.

Введение

Повсеместная компьютеризация трудовой деятельности стремительно меняет жизнь современного человека. Сегодня компьютерные и вычислительные технологии внедряются в различные отрасли производственной деятельности – от автоматизированных станков до программ биржевых торгов.

Компьютеризация влияет в том числе и на индустрию образовательных измерений, и одним из главных проявлений этого является возрастающий интерес к характеристикам, которые сложно или практически невозможно измерить с помощью классических технологий оценки [1]. Так, симуляционные тренажеры применяются для подготовки и аттестации в некоторых сферах деятельности с высокими ставками еще с 1980-х гг. (например, пилотирование самолетов) [2]. Однако повсеместное использование подобных технологий в образовании наблюдается лишь в последние годы. В частности, межстрановое сравнительное исследование уровня компетентности 15-летних школьников PISA использует компьютерные симуляции для оценки навыков совместного решения проблем с 2015 г. [3]. Более того, сама цифровая грамотность становится объектом исследований, и для нее также создаются компьютеризированные инструменты измерения [4].

Компьютеризация тестирования не только расширяет область применения тестов, но и обладает рядом других преимуществ. В частности, нельзя проигнорировать такие преимущества компьютерного тестирования, как удобство доставки тестовых материалов респондентам, автоматизация начисления баллов за задания, предоставление автоматической обратной связи, автоматическая генерация сопоставимых заданий и пр. Отдельным направлением развития психометрики является компьютерное адаптивное тестирование, основанное на подборе следующего задания на основе предыдущих ответов респондента.

В силу перечисленных особенностей компьютерное тестирование обладает огромным потенциалом для изменения педагогических практик. Например, оно позволяет облегчить реализацию дифференцированного подхода в классно-урочной образовательной системе. Поскольку компьютерное тестирование позволяет радикально сократить цикл внедрения инстру-

мента от сбора данных до использования результатов, учителя имеют возможность быстро выделить относительно гомогенные группы внутри класса, оптимизируя свою работу с ними [5]. Более того, компьютерное тестирование позволяет проводить лонгитюдные измерения изменений способностей учеников по единой шкале (в случае применения соответствующего математического аппарата обработки результатов), что дает возможность учителям получать доказательную информацию о скорости развития учеников, выделять так называемый «отрицательный прогресс», позволяя индивидуально осуществлять педагогическое воздействие и взаимодействие, а также предсказывать развитие респондентов в будущем и превентивно диагностировать потенциальные образовательные дефициты на индивидуальном уровне [6].

Кроме того, компьютерное тестирование открыло доступ к новым источникам данных, которые не были доступны ранее. Так, одним из бурно развивающихся направлений психометрики является учет времени ответа на задания [7]. Обратим внимание, что не только время решения тестовых заданий, но и время освоения материала в фокусе внимания наук об образовании: методология интеллектуального анализа данных (data mining) позволила выявить специфику временных затрат студентов при освоении разных учебных дисциплин [8]. Однако предметом нашего исследования является использование дополнительной информации в первую очередь для образовательного тестирования. Например, в последние годы большое развитие получило направление анализа процесса ответов [9], а также применение data mining к таким данным [10].

Однако правомерное использование дополнительной информации, собираемой в компьютерном тестировании, становится вызовом для исследователей образовательного тестирования. На сегодняшний день как никогда активны дискуссии о валидности использования этих данных и их пригодности для проектирования педагогических воздействий и взаимодействий [11]. Поэтому в целом интерес исследователей к данной теме только растет [12].

Психометрические исследования в рассматриваемой области направлены на увеличение точности оценки за счет всевозможных дополнительных источников информации таким образом, чтобы не изменить интерпретацию оценки. Тем не менее на данный мо-

мент нет работ, которые содержат обзор методологических разработок из области психометрики, направленных на использование дополнительных источников информации.

Настоящая работа направлена на классификацию исследований по теме использования коллатеральной информации и особенностей ее анализа.

1. Целевая и коллатеральная информация в образовательном тестировании

Цель любого тестирования – получить валидные данные о таких характеристиках респондентов, которые явно не наблюдаются, но могут быть оценены через релевантное наблюдаемое поведение. Таким образом, при разработке тестов уделяется особое внимание тому, чтобы наблюдаемые действия респондентов отражали именно целевую характеристику (целевой конструкт), а не другие их черты. Например, если цель тестирования – проверить знания по математике, и формат заданий предполагает выбор одного ответа из нескольких, разработчик должен убедиться, что наблюдаемое поведение – выбор варианта ответа – отражает именно знание предмета. Другие характеристики респондентов (например, знания других предметных областей, уровень владения языком, скорость когнитивных процессов, понимание инструкции, гендер, культурная принадлежность и др.) не должны влиять на вероятность дать правильный ответ напрямую. Наблюдаемое поведение, которое отражает целевой конструкт, называется индикатором этого конструкта.

Такие требования сохраняются для любого инструмента измерения вне зависимости от его формата и содержания. Но специфика компьютерного тестирования позволяет использовать больший спектр наблюдаемого поведения [13]. В компьютерном тестировании индикатором может выступать не только выбор варианта ответа из предложенных, но и сложные действия

респондента в насыщенной медиасреде [14]. В некоторых ситуациях сам процесс решения задачи может рассматриваться как индикатор. Так, для сценарных заданий, направленных на измерение совместного решения проблем, важным источником информации является последовательность и виды действий, совершаемых респондентами [15]. При этом компьютерное тестирование не только расширяет набор индикаторов, но и позволяет фиксировать такое наблюдаемое поведение, которое не считается отражением целевого конструкта. Например, можно фиксировать обращение к инструкции, пропуск и возврат к заданию, точнее фиксировать время решения и т.п.

Дополнительная информация, которая не отражает целевую характеристику респондентов, не должна влиять на итоговую оценку и интерпретацию результатов. И именно этот аспект задает определение коллатеральной информации. В общем смысле коллатеральной информацией считается любая дополнительная информация, включение которой в статистическую модель обработки данных тестирования не меняет интерпретацию целевых тестовых баллов [16], но повышает точность измерения (т.е. понижает ошибку измерения и повышает надежность). При этом часто, выбирая, какую коллатеральную информацию анализировать, исследователи принимают во внимание легкость ее сбора из разных источников, что также делает этот аспект коллатеральной информации важным для её описания.

2. Классификация коллатеральной информации

В целом данные, полученные при измерениях в социальных науках, можно представить в виде схемы (рис. 1). На первом уровне данные можно разделить на две группы: данные, представляющие целевую информацию, и данные, представляющие коллатеральную информацию.

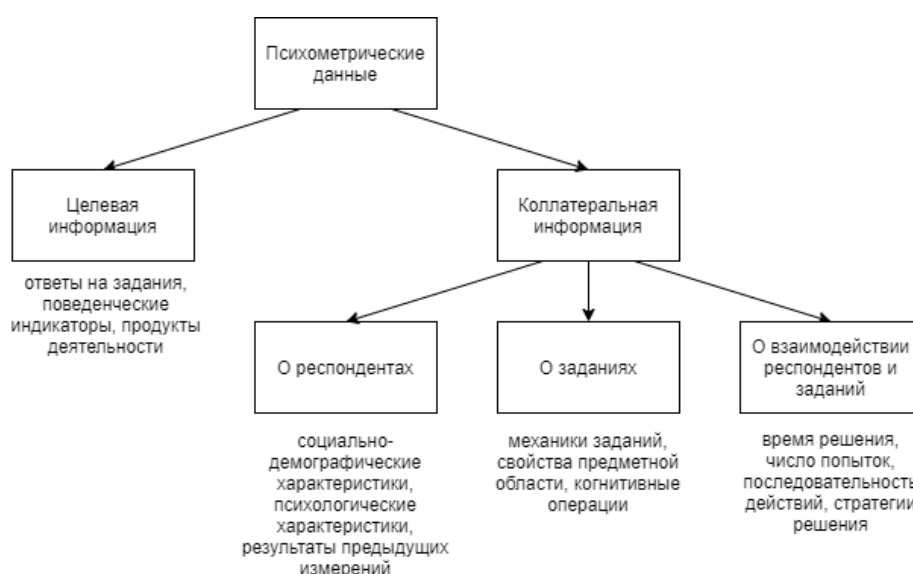

Рис. 1. Классификация психометрических данных

Хотя на данный момент не существует устоявшейся классификации источников коллатеральной информации, представляется возможным описать их систематически на основе того, какой тип данных они описывают. В качестве одного из подходов к классификации источников коллатеральной информации может использоваться способ классификации моделей современной теории тестирования [17]. Согласно этой систематизации выделяется три типа источников данных:

- 1) коллатеральная информация о респондентах;
- 2) коллатеральная информация о заданиях;
- 3) коллатеральная информация о взаимодействии респондентов и заданий.

В основном методы анализа данных тестирования связаны с интересом только к целевой информации. Интерес к построению моделей, использующих коллатеральную информацию, возник недавно и связан преимущественно с распространением компьютерного тестирования.

Для корректного учета коллатеральной информации требуются инновационные методы построения измерительных моделей, к которым относятся модели современной теории тестирования (Item Response Theory; IRT) [18]. Современная теория тестирования является фреймворком, который доминирует в области измерений в образовании и психологии, однако он также применяется и в других социальных науках – социологии, маркетинге, политологии и пр.

Далее мы более подробно представим особенности анализа данных для каждого из трех типов коллатеральной информации.

2.1. Коллатеральная информация о респондентах

Для учета этого типа коллатеральной информации используются одни из самых известных моделей IRT, например модели латентной регрессии [19]. Они позволяют выяснить, как наблюдаемые характеристики респондентов (например, социально-демографическая информация) связаны с целевым конструктом, и за счет этого уменьшают неопределенность итоговых оценок. Аналогичные модели известны в парадигме методов факторного анализа как MIMIC-модели [20]. Использование подобных техник анализа результатов измерений распространено в междисциплинарных исследованиях образования для повышения надежности результатов [21].

Еще одним примером дополнительной информации о респонденте являются другие латентные характеристики респондента, которые также измерялись в процессе тестирования [22, 23]. Так, большинство крупномасштабных мониторинговых исследований измеряют одновременно несколько конструктов. Например, PISA кроме базовых областей языковой, математической и естественно-научной грамотности измеряет целую серию социологических и психологических характеристик учащихся [24]. В таком случае для анализа результатов применяются многомерные модели IRT, которые позволяют учесть информацию о распределении респондентов по нескольким латентным конструктам [25]. Таким образом, эти модели

позволяют конструктам «черпать» информацию друг из друга, повышая надежность за счет увеличения длины профиля ответов, который анализируется.

Отдельным аспектом использования многомерных моделей является измерение прогресса респондентов. Для измерения образовательного прогресса во времени требуется применение техник моделирования, которые позволяют расположить респондентов на одной шкале способности в разные точки времени, даже если содержание тестовых материалов было существенно изменено от одной волны измерения к другой [26]. Это возможно при использовании лонгитюдных моделей IRT, которые рассматривают каждую волну как отдельную размерность [27, 28]. Соответственно, эти модели также могут быть рассмотрены как специальные многомерные модели [29]. Кроме того, их применение ведет к повышению надежности измерений по каждой отдельной размерности благодаря использованию остальных размерностей как коллатеральной информации.

2.2. Коллатеральная информация о заданиях

Использование коллатеральной информации о заданиях описывается в первую очередь в контексте семейства моделей Latent Linear Test model (LLTM) [30–32]. Основной идеей этого семейства является положение о том, что некоторые задания могут иметь общие параметры, в отличие от исходного положения фреймворка IRT о том, что каждое задание имеет свой уникальный параметр. Как результат, это позволило исследователям изучать эффекты посторонних переменных на вероятность ответа. Первоначально LLTM использовалась для изучения того, как содержание заданий и когнитивные операции, необходимые для их решения, влияют на трудность заданий [30]. Такой способ применения этих моделей требует использования очень проработанной теоретической рамки: она должна содержать в себе информацию о детальной и корректной разметке теоретически ожидаемых когнитивных операций, используемых в процессе решения задания [33]. Эти модели применялись для изучения компонентов заданий, которые важны для их автоматической генерации [34], эффекта позиции задания в тесте [35, 36], влияния способа презентации информации на вероятность решения [37] и т.д. Подобное применение LLTM является ярким примером использования коллатеральной информации для увеличения точности оценки.

Важной вариацией LLTM для работы с коллатеральной информацией выступают многофасетные модели IRT (multifaceted IRT models) – модели для анализа деятельности рецензентов, оценивающих задания открытого типа [38]. В данном подходе характеристики рецензентов рассматриваются как специфическая характеристика процедуры измерения. В таких ситуациях фокус смещается с увеличения точности измерений на коррекцию индивидуальных искажений экспертных оценок и обеспечение справедливости измерений [39, 40]. В качестве коллатеральной информации выступают различные характеристики ситуации проверки открытых заданий (например, время

дня) или принадлежность респондентов и рейте-ров к каким-либо социально-демографическим группам. Показано, что эти характеристики могут влиять на уровень строгости экспертов во время проверки заданий или вызывать систематическую дискриминацию какой-либо группы [41, 42]. Даже несмотря на то, что такие источники информации, строго говоря, описывают не задания (по нашей классификации они относятся к типу информации о заданиях из-за параметризации моделей, которые описывают деятельность рейте-ров), они принадлежат к классу LLTM [19].

2.3. Коллатеральная информация о взаимодействии респондентов и заданий

Коллатеральная информация о взаимодействии респондентов и заданий обычно описывает процесс тестирования. Основные типы такой информации – это время тестирования [7], стратегии, которые используют респонденты при ответе на вопросы теста [43], последовательности взаимодействий респондентов с интерфейсом [44] и т.д.

Сбор подобной информации стал возможен на больших выборках именно с использованием компьютерного тестирования. Помимо этого, преимущество компьютерного тестирования заключается в возможности применять технологию айтрекинга – отслеживания направления взгляда респондента. Такая информация дает много возможностей исследователям для изучения поведения респондента при компьютерном тестировании [45]. Однако это инновационная область исследований, которая только начинает развиваться.

Время решения тестовых заданий как источник коллатеральной информации. Характеристики скорости выполнения заданий давно интересуют исследователей в социальных науках. Э. Торндайк и соавт. [46] еще в начале XX в. в исследованиях интеллекта обращали внимание на аспекты, связанные со скоростью выполнения заданий. Тем не менее только в последнее время это направление исследований приобретает массовую популярность, что связано с разработкой дружелюбного к пользователям программного обеспечения и статистических парадигм, позволяющих обобщить большое количество известных измерительных моделей [47].

В последние годы предлагается все больше теоретических фреймворков, направленных на осмысление различных способов использования информации о времени решения заданий [46–48]. При этом возможны случаи, когда включение времени ответа в психометрическую модель меняет интерпретацию результатов [49]. Так, Д. Molenaar и соавт. [50] обсуждают, что в зависимости от выбора измерительной модели для времени способность может интерпретироваться точно так же, как и в традиционных измерительных моделях без времени ответа, а может – как дисперсия способности, которая не описывается быстротой. Во втором случае основной фокус с измерения способности респондентов смещается на измерение их быстроты. Именно поэтому выбор корректной психометри-

ческой модели является критически важным для обработки коллатеральной информации.

Отдельного внимания заслуживают исследования по разработке компьютерных адаптивных тестов с учетом времени ответов на основе моделей процессов Маркова, развиваемые российскими специалистами [51, 52]. Однако интерпретация таких моделей остается относительно неизученной, и ее сравнение с устоявшейся традицией интерпретации моделей современной теории тестирования является перспективным направлением исследований.

Стратегии решения тестовых заданий как источник коллатеральной информации. Компьютеризация тестирования позволяет разрабатывать все более сложные системы оценки, которые построены на анализе действий, выполняемых респондентами. Исходя из этой информации выделяются различные стратегии выполнения заданий. При этом важно отметить, что иногда стратегии решения заданий могут анализироваться без использования данных о процессе тестирования. В частности, зачастую эксперты способны восстановить стратегию решения открытого задания, когда они видят ответ. Это позволяет выяснить, какая из стратегий делает вопрос более легким [53, 54]. Более подробная информация об используемой стратегии может быть получена из анализа времени, потраченного на тестовое задание или отдельные его блоки, совершенных действий при выполнении заданий [55, 56], нажатий клавиш, используемых для ввода ответа на вопрос [57], паттернов пропуска ответов [58] и пр.

Методология анализа процесса решения заданий. При анализе процесса решения заданий фокус смещается с классификации респондентов по стратегиям на выявление того, какие действия респондентов провоцируются какими-то другими. Для этого в основном используются методы машинного обучения, напрямую примененные к информации, полученной из журнала действий [59]. Наиболее распространенные методы – глубокий анализ процессов (process mining) и обнаружение последовательных шаблонов (sequence pattern mining). Эти методы позволяют строить модель процесса (или последовательности действий), что способствует лучшему пониманию типичных стратегий решения задач респондентами [60].

Полученная информация обычно направлена на выявление дополнительных свидетельств валидности для разработчиков инструментов и относительно редко используется в качестве коллатеральной информации при оценке результатов респондентов [58]. Однако внедрение этой информации в процесс шкалирования результатов измерений является крайне интересным и потенциально многообещающим направлением развития психометрики и наук о данных. Пока что основным направлением использования таких данных является анализ сопоставимости стратегий решения заданий людьми из разных социально-демографических или национальных групп [55].

Заключение

Одним из главных трендов развития индустрии тестирования является компьютеризация процесса те-

стирования, что сказывается и на других общественных институтах, в которых используется тестирование. Так, внедрение в образовательную практику компьютерных тестов позволяет существенно сократить цикл использования результатов, что способно существенно изменить педагогическую практику за счет быстрого доступа к высококачественной и достоверной информации в понятной форме.

Современные инструменты объективных измерений все чаще разрабатываются с самого начала как компьютерные: все больше психологических и образовательных конструктов измеряется на основе того, как их поведенческие индикаторы проявляются именно в компьютерной среде. Однако коррекции в определении конструктов – не единственный тренд в использовании компьютерных технологий в тестировании. Одно из самых популярных направлений психометрических исследований – использование дополнительных источников информации для увеличения точности измерений. Учет таких источников информации приводит к усложнению измерительных моделей, поскольку корректная измерительная модель должна не менять интерпретацию оценки способности при включении в нее дополнительных поведенческих индикаторов, но использовать информацию из них. При использовании таких измерительных моделей информацию из дополнительных источников называют коллатеральной информацией (например, время ответа на задание) в противовес традиционной целевой информации (правильность ответа на задание).

В данной статье предпринята попытка классификации источников коллатеральной информации на основании того типа данных, которые она описывает. Так, мы говорим о трех типах коллатеральной информации: о заданиях (различные характеристики заданий); о респондентах (такие характеристики респондентов, как социально-демографический статус или другие ненаблюдаемые характеристики, связанные с целевой); об их взаимодействии (информация о процессе решения задания – время ответа, стратегия решения, последовательность действий и т.п.). Достоинства и особенности использования коллатеральной информации зависят от конкретной ситуации измерения, в том числе от измеряемого конструкта, целевой аудитории инструмента, важности решения, принимаемого по результатам тестирования, и т.п. Однако основной аспект, определяющий коллатеральную информацию, связан именно с тем, как она используется в психометрической модели. При этом важно отметить, что сама по себе дополнительная информация может использоваться не только для увеличения точности измерений, но и в исследовательских целях – для обеспечения дополнительных свидетельств ва-

лидности выводов, которые делаются из результатов измерений.

Тем не менее потенциал применения компьютерных технологий в тестировании не ограничивается использованием только новых источников информации. Компьютерное тестирование позволяет оптимизировать процесс тестирования с помощью технологий компьютерного адаптивного тестирования (КАТ). В случае КАТ респонденту предъявляется не весь доступный банк заданий, а его часть, причем каждое следующее задание выбирается на основе предыдущих ответов. Это приводит к индивидуализации набора заданий и оптимизации их трудности для конкретного респондента при сохранении сопоставимости оценок.

Компьютерное тестирование может иметь вид сценарных инструментов измерения. Такие инструменты переворачивают само представление о тестировании за счет того, что больше напоминают компьютерные игры как в своем предъявлении респонденту, так и в процессе разработки. Эти инструменты измерения помещают респондента в контекст проблемной ситуации, для разрешения которой ему требуется проявить целевой измеряемый конструкт [61]. Подобные инструменты измерения хорошо подходят для измерения сложных конструктов, таких как критическое мышление и решение проблем [62] или навыки коммуникации и сотрудничества [63].

На фоне перечисленных возможностей компьютеризации тестирования такие его достоинства, как облегчение сбора и обработки информации, оптимизация работы с большими выборками, предоставление мгновенной обратной связи, выглядят тривиально.

Однако важно не забывать, что основным требованием для реализации компьютерного тестирования является использование компьютера. На сегодняшний день еще не все группы населения имеют дома доступ к компьютеру, что приводит к возможному неравенству при прохождении компьютерных тестов. Ожидается, что респонденты с доступом к компьютеру дома будут справляться с компьютерными инструментами измерения лучше, потому что они больше знакомы с контекстом ситуации тестирования. Таким образом, компьютерное тестирование открывает как новые горизонты в психометрике, так и новые трудности в их достижении.

Развитие компьютерного тестирования и применение коллатеральной информации повышают качество и достоверность результатов измерений психологических и образовательных конструктов респондентов. Это, в свою очередь, приводит к развитию доказательных педагогических практик и совершенствованию применяемых педагогических технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kyllonen P. New constructs, methods and directions for computer-based assessment // The transition to computer-based assessment / F. Scheuermann, J. Björnsson (eds.). Luxembourg : Office for Official Publications of the European Communities, 2009. P. 151–156. DOI: 10.2788/60083
2. Lee A.T. Flight simulation: virtual environments in aviation. London : Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9781315255217
3. He Q., von Davier M., Greiff S., Steinhauer E.W., Borysewicz P.B. Collaborative Problem-Solving Measures in the Programme for International Student Assessment (PISA) // Innovative assessment of collaboration / A.A. von Davier, M. Zhu, P.C. Kyllonen (eds.). Cham : Springer, 2017. P. 95–111. DOI: 10.1007/978-3-319-33261-1_7

4. Авдеева С.М., Руднев М.Г., Васин Г.М., Тарасова К.В., Панова Д.М. Оценка информационно-коммуникационной компетентности учащихся: подходы, инструмент, валидность и надежность результатов // Вопросы образования. 2017. № 4. С. 104–132. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-4-104-132
5. Унт И.Э. Индивидуализация и дифференциация обучения. М. : Педагогика, 1990. 190 с.
6. Vlug K.F.M. Because every pupil counts: the success of the pupil monitoring system in The Netherlands // Education and Information Technologies. 1997. Vol. 2, № 4. P. 287–306.
7. De Boeck P., Jeon M. An overview of models for response times and processes in cognitive tests // Frontiers in psychology. 2019. № 10. P. 1–11. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00102
8. Bylieva D., Lobatyuk V., Safonova A., Rubtsova A. Correlation between the Practical Aspect of the Course and the E-Learning Progress // Education Sciences. 2019. № 9 (3):167. P. 1–14. DOI: 10.3390/educsci9030167
9. Ulinskas M., Damaševičius R., Maskeliūnas R., Woźniak M. Recognition of human daytime fatigue using keystroke data // Procedia computer science. 2018. № 130. P. 947–952.
10. Qiao X., Jiao H. Data mining techniques in analyzing process data: a didactic // Frontiers in psychology. 2018. № 9. P. 1–11. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02231
11. DiCerbo K., Shute V., Kim Y.J. The future of assessment in technology rich environments: Psychometric considerations // Learning, design, and technology: An international compendium of theory, research, practice, and policy / M. Spector, B.B. Lockee, M.D. Childress (eds.). Switzerland AG : Springer Nature, 2017. P. 1–21. DOI: 10.1007/978-3-319-17727-4_66-1
12. Goldhammer F., Zehner F. What to make of and how to interpret process data // Measurement: Interdisciplinary Research and Perspectives. 2017. № 15 (3-4). P. 128–132. DOI: 10.1080/15366367.2017.1411651
13. Csapó B., Ainley J., Bennett R.E., Latour T., Law N. Technological issues for computer-based assessment // Assessment and teaching of 21st century skills / P. Griffin, B. McGaw, E. Care (eds.). Dordrecht : Springer, 2012. P. 143–230. DOI: 10.1007/978-3-319-65368-6
14. Bennett R.E., Goodman M., Hessinger J., Kahn H., Liggett J., Marshall G., Zack J. Using multimedia in large-scale computer-based testing programs // Computers in Human Behavior. 1999. № 15 (3-4). P. 283–294. DOI: 10.1016/S0747-5632(99)00024-2
15. Polyak S.T., von Davier A.A., Peterschmidt K. Computational psychometrics for the measurement of collaborative problem solving skills // Frontiers in psychology. 2017. № 8. P. 1–16. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.02029
16. Wang W., Chen P., Cheng Y. Improving measurement precision of test batteries using multidimensional item response models // Psychological Methods. 2004. № 9 (1). P. 116–136. DOI: 10.1037/1082-989X.9.1.116
17. De Boeck P., Bakker M., Zwitser R., Nivard M., Hofman A., Tuerlinckx F., Partchev I. The estimation of item response models with the lmer function from the lme4 package in R // Journal of Statistical Software. 2011. № 39 (12). C. 1–28. DOI: 10.18637/jss.v039.i12
18. Handbook of item response theory / W.J. van der Linden (ed.). CRC Press. 2016. Vol. 1: Models. DOI: 10.1201/9781315374512
19. Explanatory item response models: a generalized linear and nonlinear approach / P. De Boeck, M. Wilson (eds.). New York : Springer Science & Business Media, 2004. DOI: 10.1007/978-1-4757-3990-9
20. Markus K.A., Borsboom D. Frontiers of test validity theory: measurement, causation, and meaning. New York : Routledge, 2013. DOI: 10.4324/9780203501207
21. Foy P., Yin L. Scaling the TIMSS 2015 Achievement Data // Methods and procedures in TIMSS 2015 / M.O. Martin, I.V. Mullis, M. Hooper (eds.); TIMSS & PIRLS International Study Center, Lynch School of Education, Boston College and International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA). Boston, 2016. P. 13.1–13.62.
22. Wilson M., Gochyyev P. Having your cake and eating it too: Multiple dimensions and a composite // Measurement. 2020. № 151. P. 107–247. DOI: 10.1016/j.measurement.2019.107247
23. Wu M., Tam H.P., Jen T.H. Multidimensional IRT Models // Educational measurement for applied researchers. Theory into practice. Singapore : Springer, 2016. P. 283–296. DOI: 10.1007/978-981-10-3302-5
24. OECD. PISA 2018 Results (Vol. I): What Students Know and Can Do. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) Publishing, 2020. DOI: 10.1787/19963777
25. Bock R.D., Mislevy R.J. Adaptive EAP estimation of ability in a microcomputer environment // Applied psychological measurement. 1982. № 6(4). P. 431–444. DOI: 10.1177/014662168200600405
26. González J., Wiberg M. Applying test equating methods using R. New York : Springer, 2017. 196 p. DOI: 10.1007/978-3-319-51824-4
27. Andersen E.B. Estimating latent correlations between repeated testings // Psychometrika. 1985. № 50. P. 3–16. DOI: 10.1007/BF02294143
28. Embretson S.E. A multidimensional latent trait model for measuring learning and change // Psychometrika. 1991. № 56. P. 495–515. DOI: 10.1007/BF02294487
29. Wilson M., Zheng X., McGuire L. Formulating latent growth using an explanatory item response model approach // Journal of applied measurement. 2012. № 13 (1). P. 1–22.
30. Fischer G.H. Logistic latent trait models with linear constraints // Psychometrika. 1983. № 48 (1). P. 3–26. DOI: 10.1007/BF02314674
31. Fischer G.H., Formann A.K. Some applications of logistic latent trait models with linear constraints on the parameters // Applied Psychological Measurement. 1982. № 6 (4). P. 397–416. DOI: 10.1177/014662168200600403
32. De Boeck P. Random item IRT models // Psychometrika. 2008. № 73 (4). P. 533–559. DOI: 10.1007/s11336-008-9092-x
33. Baker F.B. EQUATE 2.0: a computer program for the characteristic curve method of IRT equating // Applied Psychological Measurement. 1993. № 17 (1). DOI: 10.1177/014662169301700105
34. Sonnleitner P. Using the LLTM to evaluate an item-generating system for reading comprehension // Psychology Science Quarterly. 2008. № 50 (3). P. 345–362.
35. Baghaei P., Kubinger K.D. Linear Logistic Test Modeling with R // Practical Assessment, Research & Evaluation. 2015. № 20. Article 1. DOI: 10.7275/8f33-hz58
36. Hahne J. Analyzing position effects within reasoning items using the LLTM for structurally incomplete data // Psychology Science Quarterly. 2008. № 50. P. 379–390.
37. Rolfes T., Roth J., Schnotz W. Effects of tables, bar charts, and graphs on solving function tasks // Journal Für Mathematik-Didaktik. 2018. № 39 (1). P. 97–125. DOI: 10.1007/s13138-017-0124-x
38. Eckes T. Introduction to Many-Facet Rasch Measurement. Analyzing and Evaluating Rater-Mediated Assessments. Berlin : Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2015. 241 p. DOI: 10.3726/978-3-653-04844-5
39. Myford C.M., Wolfe E.W. Detecting and measuring rater effects using many-facet Rasch measurement: Part I // Journal of Applied Measurement. 2003. № 4 (4). P. 386–422.
40. Myford C.M., Wolfe E.W. Detecting and measuring rater effects using many-facet Rasch measurement: Part II // Journal of Applied Measurement. 2004. № 5 (2). P. 189–227.
41. Dobria L. Longitudinal Rater Modeling with Splines : Doctoral dissertation. Chicago, IL : University of Illinois, 2011.
42. Schaefer E. Rater bias patterns in an EFL writing assessment // Language Testing. 2008. № 25 (4). P. 465–493. DOI: 10.1177/0265532208094273
43. Goldhammer F., Naumann J., Kessel Y. Assessing Individual Differences in Basic Computer Skills: Psychometric characteristics of an interactive performance measure // European Journal of Psychological Assessment. 2013. № 29. P. 263–275. DOI: 10.1027/1015-5759/a000153
44. He Q., von Davier M., Han Z. Exploring Process Data in Computer-based International Large-scale Assessments // Data analytics and psychometrics: informing assessment practices / H. Jiao, R. Lissitz, A. van Wie (eds.). Charlotte, NC : Information Age Publishing, 2018. P. 53–76.

45. Klein P., Küchemann S., Brückner S., Zlatkin-Troitschanskaia O., Kuhn J. Student understanding of graph slope and area under a curve: a replication study comparing first-year physics and economics students // *Physical Review Physics Education Research*. 2019. № 15. P. 1–17. DOI: 10.1103/PhysRevPhysEducRes.15.020116
46. Thorndike E.L., Bregman E.O., Cobb M.V., Woodyard E. The measurement of intelligence. New York : Teachers College Bureau of Publications, 1926. 616 p. DOI: 10.1007/978-3-319-93846-2_64
47. Molenaar D., Tuerlinckx F., van der Maas H.L. A generalized linear factor model approach to the hierarchical framework for responses and response times // *British Journal of Mathematical and Statistical Psychology*. 2015. № 68. P. 197–219. DOI: 10.1111/bmsp.12042
48. van der Linden W.J. A hierarchical framework for modeling speed and accuracy on test items // *Psychometrika*. 2007. № 72 (3). P. 287–308. DOI: 10.1016/j.psych.2018.04.094
49. Goldhammer F. Measuring ability, speed, or both? Challenges, psychometric solutions, and what can be gained from experimental control // *Measurement: interdisciplinary research and perspectives*. 2015. № 13 (3–4). P. 133–164. DOI: 10.1080/15366367.2015.1100020
50. Molenaar D., Tuerlinckx F., van der Maas H.L. A bivariate generalized linear item response theory modeling framework to the analysis of responses and response times // *Multivariate Behavioral Research*. 2015. № 50 (1). P. 56–74. DOI: 10.1080/00273171.2014.962684
51. Куравский Л.С., Артеменков С.Л., Юрьев Г.А., Григоренко Е.И. Новый подход к компьютеризированному адаптивному тестированию // *Экспериментальная психология*. 2017. № 10 (3). С. 33–45. DOI: 10.17759/exppsy.2017100303
52. Куравский Л.С., Юрьев Г.А., Ушаков Д.В., Юрьева Н.Е., Валуева Е.А., Лаптева, Е.М. Диагностика по тестовым траекториям: метод паттернов // *Экспериментальная психология*. 2018. № 11 (2). С. 77–94. DOI: 10.17759/exppsy.2018110206
53. Wilson M. The ordered partition model: an extension of the partial credit model // *Applied Psychological Measurement*. 1992. № 16 (4). P. 309–325. DOI: 10.1177/014662169201600401
54. Lee Y. How to Make an Assessment More Informative and Interpretable Using the Ordered Partition Model // *Journal of Curriculum and Evaluation*. 2011. № 14. P. 333–361. DOI: 10.29221/jce.2011.14.3.333
55. Liao D., He Q., Jiao H. Mapping Background Variables with Sequential Patterns in Problem-Solving Environments: an Investigation of United States Adults' Employment Status in PIAAC // *Frontiers in Psychology*. 2019. № 10. P. 1–32. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00646
56. Chen Y., Li X., Liu J., Ying Z. Statistical Analysis of Complex Problem-Solving Process Data: an Event History Analysis Approach // *Frontiers in Psychology*. 2019. № 10. P. 1–10. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00486
57. Guo H., Deane P.D., van Rijn P.W., Zhang M., Bennett R.E. Modeling Basic Writing Processes from Keystroke Logs // *Journal of Educational Measurement Summer*. 2018. № 55/2. P. 194–216. DOI: 10.1111/jedm.12172
58. He Q., von Davier M. Analyzing Process Data from Problem-Solving Items with N-Grams. Insights from a computer-based large-scale assessment // *Handbook of Research on Technology Tools for Real-World Skill Development, Information Science Reference / Y. Rosen, S. Ferrara, M. Mosharraf (eds.). Hershey, PA : IGI Global, 2016. P. 750–777. DOI: 10.4018/978-1-4666-9441-5.ch029*
59. Begicheva A.A., Lomazov I.A. Discovering high-level process models from event logs // *Моделирование и анализ информационных систем*. 2017. № 24 (2). С. 125–140. DOI: 10.18255/1818-1015-2017-2-125-140
60. Tóth K., Rölke H., Goldhammer F., Barkow I. Educational process mining: New possibilities for understanding students' problem-solving skills // *The Nature of Problem Solving: Using Research to Inspire 21st Century Learning / B. Csapó, J. Funke (eds.). Paris : OECD Publishing, 2017. P. 193–209. DOI: 10.1787/9789264273955-14-en*
61. Shute V.J. Stealth assessment in computer-based games to support learning // *Computer games and instruction*. 2011. № 55 (2). P. 503–524.
62. Shute V.J., Wang L., Greiff S., Zhao W., Moore G. Measuring problem solving skills via stealth assessment in an engaging video game // *Computers in Human Behavior*. 2016. № 63. P. 106–117. DOI: 10.1016/j.chb.2016.05.047
63. Stoeffler K., Rosen Y., Bolsinova M., von Davier A.A. Gamified performance assessment of collaborative problem solving skills // *Computers in Human Behavior*. 2020. № 104. P. 106–136.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 10 декабря 2020 г.

New Sources of Information in Computerized Testing

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 179–187.

DOI: 10.17223/15617793/465/24

Denis A. Federiakin, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: dafederiakin@hse.ru

Irina L. Uglanova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: iuglanova@hse.ru

Maksim A. Skryabin, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: maxim.skryabin@gmail.com

Keywords: collateral information; computerized testing; item response theory; models with latent variables; psychometrics.

Traditionally, psychometrics is concerned with theory-based information about human behavior – indicators of the targeted construct, like item responses, performance assessment products, etc. However, over the past forty years, advances in psychometric modeling and the development of information technologies allowed for the analysis of the so-called collateral information. This information is not theory-based and easy to collect in computerized testing. However, most importantly, collateral information is intended solely to increase the reliability of measurements preserving the construct's original interpretation. This article distinguishes between target and collateral information gathered during computerized testing. A carefully crafted measurement model is required to properly process collateral information along with target information. Social scientists usually choose Item Response Theory (IRT) models as such measurement models due to their clear interpretation, facilitating the discussion of the results of measurements in terms of social sciences. Since the choice of the correct IRT-model is crucial for preserving the original interpretation of the parameter estimates, it is possible to use the classification of such models to describe sources of collateral information systematically. This article introduces a classification of sources of collateral information based on the type of data they describe: (i) collateral information about respondents, (ii) collateral information about items, (ii) collateral information about interactions between respondents and items. The latter type of collateral information is particularly intriguing. Typically, it includes such types of data as item response times, response strategies, actions log data, gaze data, and other types of process data. Additionally to IRT modeling, examples of process mining and sequence pattern mining are also provided as examples of collateral information. The article illustrates the use of collateral information in educational psychometrics with a recent literature review. We describe cases where the measurement model's choice changes the interpretation of the IRT parameter estimates, which causes the breaking of the conditions defining collateral information. There is large- and small-scale educational and psychological research among cases. We also highlight the most illustrative cases of using collateral information in modern psychometric practice with regard to its source and the IRT-model used to process it. Moreover, we demonstrate that using the new sources of information in computerized testing contributes to developing evidence-based pedagogical practices and makes their application more manageable. The directions for future research in the area of collateral information in psychometrics are provided.

REFERENCES

- Kyllonen, P. (2009) New constructs, methods and directions for computer-based assessment. In: Scheuermann, F. & Björnsson, J. (eds) *The transition to computer-based assessment*. Luxemburg: Office for Official Publications of the European Communities. pp. 151–156. DOI: 10.2788/60083
- Lee, A.T. (2017). *Flight simulation: virtual environments in aviation*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315255217
- He, Q. et al. (2017) Collaborative Problem-Solving Measures in the Programme for International Student Assessment (PISA). In: von Davier, A.A. Zhu, M. & Kyllonen, P.C. (eds) *Innovative assessment of collaboration*. Cham: Springer. pp. 95–111. DOI: 10.1007/978-3-319-33261-1_7
- Avdeeva, S.M. et al. (2017), Assessing Information and Communication Technology Competence of Students: Approaches, Tools, Validity and Reliability of Results. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 4. pp. 104–132. (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2017-4-104-132
- Unt, I.E. (1990) *Individualizatsiya i differentsiatsiya obucheniya* [Individualization and differentiation of teaching]. Moscow: Pedagogika.
- Vlug, K.F.M. (1997) Because every pupil counts: the success of the pupil monitoring system in the Netherlands. *Education and Information Technologies*. 2 (4). pp. 287–306.
- De Boeck, P. & Jeon, M. (2019) An overview of models for response times and processes in cognitive tests. *Frontiers in Psychology*. 10. pp. 1–11. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00102
- Bylieva, D. et al. (2019) Correlation between the Practical Aspect of the Course and the E-Learning Progress. *Education Sciences*. 9 (3):167. pp. 1–14. DOI: 10.3390/educsci9030167
- Ulinckas, M. et al. (2018) Recognition of human daytime fatigue using keystroke data. *Procedia Computer Science*. 130. pp. 947–952.
- Qiao, X. & Jiao, H. (2018) Data mining techniques in analyzing process data: a didactic. *Frontiers in Psychology*. 9. pp. 1–11. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02231
- DiCerbo, K., Shute, V. & Kim, Y.J. (2017) The future of assessment in technology rich environments: Psychometric considerations. In: Spector, M. Lockee, B.B. & Childress, M.D. (eds) *Learning, design, and technology: An international compendium of theory, research, practice, and policy*. Switzerland AG: Springer Nature. pp. 1–21. DOI: 10.1007/978-3-319-17727-4_66-1
- Goldhammer, F. & Zehner, F. (2017) What to make of and how to interpret process data. *Measurement: Interdisciplinary Research and Perspectives*. 15 (3-4). pp. 128–132. DOI: 10.1080/15366367.2017.1411651
- Csapó, B. et al. (2012) Technological issues for computer-based assessment. In: Griffin, P., McGaw, B. & Care, E. (eds) *Assessment and teaching of 21st century skills*. Dordrecht: Springer. pp. 143–230. DOI: 10.1007/978-3-319-65368-6
- Bennett, R.E. et al. (1999) Using multimedia in large-scale computer-based testing programs. *Computers in Human Behavior*. 15 (3-4). pp. 283–294. DOI: 10.1016/S0747-5632(99)00024-2
- Polyak, S.T., von Davier, A.A. & Peterschmidt, K. (2017) Computational psychometrics for the measurement of collaborative problem solving skills. *Frontiers in Psychology*. 8. pp. 1–16. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.02029
- Wang, W., Chen, P. & Cheng, Y. (2004) Improving measurement precision of test batteries using multidimensional item response models. *Psychological Methods*. 9 (1). pp. 116–136. DOI: 10.1037/1082-989X.9.1.116
- De Boeck, P. et al. (2011) The estimation of item response models with the lmer function from the lme4 package in R. *Journal of Statistical Software*. 39 (12). pp. 1–28. DOI: 10.18637/jss.v039.i12
- van der Linden (ed.) (2016) *Handbook of item response theory*. Vol. 1: Models. CRC Press. DOI: 10.1201/9781315374512
- Boeck, P. & Wilson, M. (eds) (2014) *Explanatory item response models: a generalized linear and nonlinear approach*. New York: Springer Science & Business Media. DOI: 10.1007/978-1-4757-3990-9
- Markus, K.A. & Borsboom, D. (2013) *Frontiers of test validity theory: measurement, causation, and meaning*. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203501207
- Foy, P. & Yin, L. (2016) Scaling the TIMSS 2015 Achievement Data. In: Martin, M.O., Mullis, I.V. & Hooper, M. (eds) *Methods and procedures in TIMSS 2015*. TIMSS & PIRLS International Study Center, Lynch School of Education, Boston College and International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA). Boston. pp. 13.1–13.62.
- Wilson, M. & Gochyyev, P. (2020) Having your cake and eating it too: Multiple dimensions and a composite. *Measurement*. 151. pp. 107–247. DOI: 10.1016/j.measurement.2019.107247
- Wu, M., Tam, H.P. & Jen, T.H. (2016) Multidimensional IRT Models. In: *Educational Measurement for Applied Researchers. Theory into Practice*. Singapore: Springer. pp. 283–296. DOI: 10.1007/978-981-10-3302-5
- OECD. (2020) *OECD. PISA 2018 Results (Vol. I): What Students Know and Can Do*. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) Publishing. DOI: 10.1787/19963777
- Bock, R.D. & Mislevy, R.J. (1982) Adaptive EAP estimation of ability in a microcomputer environment. *Applied Psychological Measurement*. 6(4). pp. 431–444. DOI: 10.1177/014662168200600405
- González, J. & Wiberg, M. (2017) *Applying test equating methods using R*. New York: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-51824-4
- Andersen, E.B. (1985) Estimating latent correlations between repeated testings. *Psychometrika*. 50. pp. 3–16. DOI: 10.1007/BF02294143
- Embretson, S.E. (1991) A multidimensional latent trait model for measuring learning and change. *Psychometrika*. 56. pp. 495–515. DOI: 10.1007/BF02294487
- Wilson, M., Zheng, X. & McGuire, L. (2012) Formulating latent growth using an explanatory item response model approach. *Journal of Applied Measurement*. 13 (1). pp. 1–22.
- Fischer, G.H. (1983) Logistic latent trait models with linear constraints. *Psychometrika*. 48 (1). pp. 3–26. DOI: 10.1007/BF02314674
- Fischer, G.H. & Formann, A.K. (1982) Some applications of logistic latent trait models with linear constraints on the parameters. *Applied Psychological Measurement*. 6 (4). pp. 397–416. DOI: 10.1177/014662168200600403
- De Boeck, P. (2008) Random item IRT models. *Psychometrika*. 73 (4). pp. 533–559. DOI: 10.1007/s11336-008-9092-x
- Baker, F.B. (1993) EQUATE 2.0: a computer program for the characteristic curve method of IRT equating. *Applied Psychological Measurement*. 17 (1). DOI: 10.1177/014662169301700105
- Sonnleitner, P. (2008) Using the LLTM to evaluate an item-generating system for reading comprehension. *Psychology Science Quarterly*. 50 (3). pp. 345–362.
- Baghaei, P. & Kubinger, K.D. (2015) Linear Logistic Test Modeling with R. *Practical Assessment, Research & Evaluation*. 20. Article 1. DOI: 10.7275/8f33-hz58
- Hahne, J. (2008) Analyzing position effects within reasoning items using the LLTM for structurally incomplete data. *Psychology Science Quarterly*. 50. pp. 379–390.
- Rolfes, T., Roth, J. & Schnotz, W. (2018) Effects of tables, bar charts, and graphs on solving function tasks. *Journal Für Mathematik-Didaktik*. 39 (1). pp. 97–125. DOI: 10.1007/s13138-017-0124-x
- Eckes, T. (2015) *Introduction to Many-Facet Rasch Measurement. Analyzing and Evaluating Rater-Mediated Assessments*. Berlin: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften. DOI: 10.3726/978-3-653-04844-5
- Myford, C.M. & Wolfe, E.W. (2003) Detecting and measuring rater effects using many-facet Rasch measurement: Part I. *Journal of Applied Measurement*. 4 (4). P. 386–422.

40. Myford, C.M. & Wolfe, E.W. (2004) Detecting and measuring rater effects using many-facet Rasch measurement: Part II. *Journal of Applied Measurement*. 5 (2). pp. 189–227.
41. Dobria, L. (2011) *Longitudinal Rater Modeling with Splines*: Doctoral dissertation. Chicago, IL: University of Illinois.
42. Schaefer, E. (2008) Rater bias patterns in an EFL writing assessment. *Language Testing*. 25 (4). pp. 465–493. DOI: 10.1177/0265532208094273
43. Goldhammer, F., Naumann, J. & Kessel, Y. (2013) Assessing Individual differences in Basic Computer Skills: Psychometric characteristics of an interactive performance measure. *European Journal of Psychological Assessment*. 29. pp. 263–275. DOI: 10.1027/1015-5759/a000153
44. He, Q., von Davier, M. & Han, Z. (2018) Exploring Process Data in Computer-based International Large-scale Assessments. In: Jiao, H. Lissitz, R. & van Wie, A. (eds) *Data analytics and psychometrics: informing assessment practices*. Charlotte, NC: Information Age Publishing. pp. 53–76.
45. Klein, P. et al. (2019) Student understanding of graph slope and area under a curve: a replication study comparing first-year physics and economics students. *Physical Review Physics Education Research*. 15. pp. 1–17. DOI: 10.1103/PhysRevPhysEducRes.15.020116
46. Thorndike, E.L. et al. (1926) *The measurement of intelligence*. New York: Teachers College Bureau of Publications. DOI: 10.1007/978-3-319-93846-2_64
47. Molenaar, D., Tuerlinckx, F. & van der Maas, H.L. (2015) A generalized linear factor model approach to the hierarchical framework for responses and response times. *British Journal of Mathematical and Statistical Psychology*. 68. pp. 197–219. DOI: 10.1111/bmsp.12042
48. van der Linden, W.J. (2007) A hierarchical framework for modeling speed and accuracy on test items. *Psychometrika*. 72 (3). pp. 287–308. DOI: 10.1016/j.procs.2018.04.094
49. Goldhammer, F. (2015) Measuring ability, speed, or both? Challenges, psychometric solutions, and what can be gained from experimental control. *Measurement: Interdisciplinary Research and Perspectives*. 13 (3–4). pp. 133–164. DOI: 10.1080/15366367.2015.1100020
50. Molenaar, D., Tuerlinckx, F. & van der Maas, H.L. (2015) A bivariate generalized linear item response theory modeling framework to the analysis of responses and response times. *Multivariate Behavioral Research*. 50 (1). pp. 56–74. DOI: 10.1080/00273171.2014.962684
51. Kuravskiy, L.S. et al. (2017) A new approach to computerized adaptive testing. *Ekspertim'naya psikhologiya – Experimental Psychology* 10 (3). pp. 33–45. (In Russian). DOI: 10.17759/expsy.2017100303
52. Kuravskiy, L.S. et al. (2018) Diagnostics basing on testing paths: the method of patterns. *Ekspertim'naya psikhologiya – Experimental Psychology*. 11 (2). pp. 77–94. (In Russian). DOI: 10.17759/expsy.2018110206
53. Wilson, M. (1992) The ordered partition model: an extension of the partial credit model. *Applied Psychological Measurement*. 16 (4). pp. 309–325. DOI: 10.1177/014662169201600401
54. Lee, Y. (2011) How to Make an Assessment More Informative and Interpretable Using the Ordered Partition Model. *Journal of Curriculum and Evaluation*. 14. pp. 333–361. DOI: 10.29221/jce.2011.14.3.333
55. Liao, D., He, Q. & Jiao, H. (2019) Mapping Background Variables with Sequential Patterns in Problem-Solving Environments: an Investigation of United States Adults' Employment Status in PIAAC. *Frontiers in Psychology*. 10. pp. 1–32. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00646
56. Chen, Y. et al. (2019) Statistical Analysis of Complex Problem-Solving Process Data: an Event History Analysis Approach. *Frontiers in Psychology*. 10. pp. 1–10. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00486
57. Guo, H. et al. (2018) Modeling Basic Writing Processes from Keystroke Logs. *Journal of Educational Measurement*. Summer. 2018. 55/2. pp. 194–216. DOI: 10.1111/jedm.12172
58. He, Q. & von Davier, M. (2016) Analyzing Process Data from Problem-Solving Items with N-Grams. Insights from a computer-based large-scale assessment. In: Rosen, Y., Ferrara, S. & Mosharraf, M. (eds) *Handbook of Research on Technology Tools for Real-World Skill Development, Information Science Reference*. Hershey, PA: IGI Global. pp. 750–777. DOI: 10.4018/978-1-4666-9441-5.ch029
59. Begicheva, A.A. & Lomazov, I.A. (2017) Discovering high-level process models from event logs. *Modelirovanie i analiz informatsionnykh sistem*. 24 (2). pp. 125–140. DOI: 10.18255/1818-1015-2017-2-125-140
60. Tóth, K. et al. (2017) Educational process mining: New possibilities for understanding students' problem-solving skills. In: Csapó, B. & Funke, J. (eds) *The Nature of Problem Solving: Using Research to Inspire 21st Century Learning*. Paris: OECD Publishing. pp. 193–209. DOI: 10.1787/9789264273955-14-en
61. Shute, V.J. (2011) Stealth assessment in computer-based games to support learning. *Computer Games and Instruction*. 55 (2). pp. 503–524.
62. Shute, V.J. et al. (2016) Measuring problem solving skills via stealth assessment in an engaging video game. *Computers in Human Behavior*. 63. pp. 106–117. DOI: 10.1016/j.chb.2016.05.047
63. Stoeffler, K. et al. (2020) Gamified performance assessment of collaborative problem solving skills. *Computers in Human Behavior*. 104. pp. 106–136.

Received: 10 December 2020

Цинь Хэ

ИГРА В ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ЧТЕНИЮ ПРЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТНОЙ ХРОНИКИ)

Рассматривается игра как средство обучения русскому языку китайских студентов. Анализируются особенности китайской аудитории в связи с национальными методическими традициями в Китае. Описываются результаты анкетирования, выявляющего степень заинтересованности китайских студентов в использовании игр на занятиях по русскому языку. Предлагаются примеры игровых приемов, которые могут быть применены в процессе обучения чтению на материале газетной хроники.

Ключевые слова: игра; китайские студенты; русский язык как иностранный; газетная хроника; чтение; предкоммуникативные игры; коммуникативные игры; коммуникативная компетенция; сертификационный уровень.

Введение

Научная проблема и ее обоснование. В научной литературе достаточно широко освещены проблемы теории учебной игровой деятельности. Тем не менее до сих пор игра редко находит применение на занятиях по русскому языку как иностранному на уровне высшего образования. Между тем это средство обучения может быть использовано не только для формирования коммуникативной компетенции иностранцев, но и для повышения мотивации к обучению русскому языку.

Как известно, конечной целью обучения любому иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции. К сожалению, в китайской методической традиции коммуникативный подход к обучению русскому языку как иностранному применяется редко. Методика преподавания русского языка в Китае ориентирована на заучивание лексики, стандартных грамматических форм, клише, используются преимущественно тренировочные упражнения, а диалогические формы работы применяются скудно.

Опыт автора данной статьи в изучении русского языка в Китае показывает, что многие китайские студенты, находящиеся на начальном этапе овладения русским языком, заучивают большой объем лексики, но не могут верно составлять фразы или свободно говорить по-русски. Несмотря на активную работу с грамматикой, они часто не могут грамотно построить предложение, а также применить имеющиеся знания в коммуникации. На наш взгляд, это связано с китайской методической традицией, для которой свойственны однообразие и монотонность на занятиях по иностранному языку.

Ю.О. Охорзина, И.В. Салосина и В.С. Гликин, анализируя особенности преподавания русского языка в Китае, отмечают, что методы обучения не меняются с 1-го по 4-й курс. 90% времени занятия – монолог-лекция преподавателя. Это обусловлено прежде всего большим количеством студентов в учебных группах (обычно 40–50 человек). Говорение занимает незначительную долю времени в учебном плане – не более 10% всего обучения. Для занятий речевой практикой формируются группы по 20–30 человек. В такой ситуации обучающийся имеет возможность за неделю произнести не более 2–3 фраз на русском языке [1. С. 208],

что приводит к возникновению у китайских студентов языкового барьера в естественной коммуникации. Соответственно, актуальным является внедрение в процесс обучения приемов и методов, предполагающих совместную деятельность учащихся, их общение друг с другом. Одним из таких методов может стать игра.

Игровая деятельность – необычная форма проведения занятий; ее нешаблонный, нестандартный характер способствует повышению мотивации к изучаемому, поддержанию интереса и активности учащихся. Игровая деятельность предполагает создание ситуативных диалогов, направленных на усвоение языкового и речевого материала и воссоздание общественного речевого опыта, что не только активизирует стремление учащихся к общению, но и максимально приближает их к естественной коммуникации.

Цель исследования – на основе анализа теоретической литературы и анкетирования китайских студентов разработать игры, которые могут использоваться на занятиях по обучению чтению прессы для китайских студентов. Объектом исследования является процесс обучения китайских студентов чтению при помощи игр.

Актуальность исследования обусловлена тем, что проблема реализации игрового метода в обучении китайских студентов мало разработана в методической литературе. Новизна исследования заключается в том, что выявлена и описана роль игр в обучении китайских студентов чтению прессы, предложена классификация игр, которые могут применяться на подобных занятиях.

Обзор литературы. А.Р. Арутюнов, П.Г. Чеботарев и Н.Б. Музруков отмечают, что в игре с психологической точки зрения происходит сглаживание внутренних противоречий личности, внутреннее уравновешивание, поэтому у учащихся в условиях игрового обучения обычно улучшается актуальное психологическое состояние [2. С. 9]. Соответственно, игровая деятельность может помочь преодолению языкового и психологического барьера студентов.

Н.К. Ахметов и Ж.С. Хайдаров отмечают, что игра не противостоит традиционному типу обучения, не противоречит современным педагогическим теориям и в будущем может стать одной из форм интегрированного обучения, вобрав в себя все лучшее, что было, есть и будет в теории и технологии обучения [3. С. 38].

Игра не заменяет полностью традиционные методы обучения, а дополняет их, позволяет достигнуть более высоких результатов там, где традиционные методы не справляются.

По мнению А.В. Конишевой, игровая деятельность в процессе обучения выполняет обучающую, воспитательную, развлекательную, коммуникативную, релаксационную, психологическую и развивающую функции, она делает учебный процесс интересным и увлекательным [4. С. 15–16].

А.Н. Щукин характеризует обучающую игру с точки зрения методики преподавания иностранных языков: «Обучающая игра – это особым образом организованное на занятиях по языку ситуативное упражнение, при выполнении которого создаются возможности для многократного повторения речевого образца в условиях, максимально приближенных к условиям реального речевого общения» [5. С. 166]. А.А. Акишина и О.Е. Каган дифференцируют игры по их обучающей функции: игры, выходящие в речь; игры, помогающие запоминанию; игры, развивающие языковые способности [6. С. 219–221].

Игра занимает особое место в системе активного обучения: она синтетична, так как является одновременно и методом, и формой организации обучения, синтезируя в себе практически все методы активного обучения. Использование игровых приемов делает учебный процесс более содержательным и качественным. В данном случае игра и обучение нераздельны. Игра, используемая в обучении иностранному языку, представляет собой квинтэссенцию сформированных продуктивных и репродуктивных видов речевой деятельности: письма, говорения, аудирования, чтения.

Основная часть

Методология: на первом этапе были проведены анализ научной литературы, связанной с применением игры в обучении иностранному языку, и анкетирование китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный, для определения роли игры в обучении чтению; на втором этапе для создания типологии упражнений и их разработки был использован аналитический метод.

Основные результаты исследования. Анализ существующих пособий, сборников игр, применяющихся в обучении иностранному языку, позволил прийти к следующим выводам [7–9]:

- необходимо учитывать индивидуальные психологические особенности студентов, их интересы и предпочтения – это поможет правильно выбрать игру (так, некоторые студенты будут считать игры слишком сложной задачей, другие будут высмеивать игры);

- важно принимать во внимание уровень владения русским языком как иностранным, языковые способности учащихся;

- игры должны быть связаны с профилем и этапом обучения;

- соответствие этапу обучения предполагает учет изучаемого лексического и грамматического материала, знание которого может быть закреплено с помо-

щью игры; кроме того, данный метод способствует тренировке речевых умений и навыков, основанных на сформированной языковой компетенции;

- важно использовать разнообразные игры, как языковые, так и речевые и коммуникативные;

- игры должны быть тематически организованы в соответствии с программой обучения, поскольку обычно в российских вузах овладение коммуникацией на русском языке осуществляется на основе стандартных тем и ситуаций общения.

Таким образом, в использовании игровой деятельности на занятиях по РКИ в китайской аудитории должны учитываться интересы и предпочтения студентов, уровень владения русским языком на конкретном этапе, тематическая организация материала. Самым важным представляется использование разных видов игр для формирования и развития коммуникативной компетенции.

Для изучения потребностей и интересов китайских студентов в области применения игровых приемов на занятиях мы разработали анкету, включающую следующие вопросы:

- Сколько лет вы изучаете русский язык?
- Трудно ли изучать русский язык?
- Нравится ли вам, когда преподаватель использует игры на занятиях по русскому языку?

- Какие игры вам нравятся больше: индивидуальные, в паре, в группе или для всех?

- Какие игры вам нравятся больше: устные или письменные?

- Какие игры вам нравятся больше: фонетические, лексические, грамматические, орфографические или какие-нибудь другие?

- Какие игры вам нравятся больше: предметные, сюжетные или ситуационные, ролевые, игры-соревнования, имитационные или какие-нибудь другие?

В анкетировании приняли участие 185 китайских студентов, находящихся на разных этапах изучения русского языка. Анализ ответов показал следующее:

- 146 испытуемых изучают русский язык 1–2 года, 39 испытуемых – более 3 лет, т.е. 79% испытуемых находятся на начальном уровне владения русским языком, однако не исключается вероятность того, что остальные студенты также владеют русским языком на начальном уровне;

- 88% испытуемых отмечают, что им трудно изучать русский язык, в том числе: «очень трудно» – 8 ответов, «трудно» – 83 ответа, «немного трудно» – 72 ответа. 12% студентов считают, что изучать русский язык нетрудно;

- 95% испытуемых заинтересованы в использовании игры на занятиях по РКИ, при этом выделяются следующие преимущества игр: привлечение внимания, активизация познавательного интереса (44 ответа); лучшее запоминание (17 ответов); создание веселой и активной атмосферы изучения (17 ответов); легкость усвоения материала в игре, в отличие от монолога преподавателя, и более эффективное закрепление (7 ответов); игры помогают студентам принимать участие в общении, а также способствуют коммуникации между преподавателями и студентами (7 ответов); повышение эффективности изучения рус-

ского языка (5 ответов); повышение активности (4 ответа); избавление от утомления и усталости (2 ответа); непосредственно через форму игры можно узнать новое и расширить имеющиеся знания (1 ответ); 5% испытуемых либо просто не любят игры, либо считают, что игры занимают слишком много учебного времени;

– по способу и форме проведения игр предпочтения испытуемых распределились следующим образом: в группе (107 ответов), для всех (84 ответа), в паре (32 ответа), индивидуальные (18 ответов), устные (134 ответа), письменные (51 ответ);

– к интересным видам игр испытуемые отнесли фонетические (28 ответов), лексические (28 ответов, в некоторых случаях были даны комментарии, что это такие игры, как «Ассоциация», «Цепочка слов», «Угадай слова», кроссворд), грамматические (14 ответов), орфографические (4 ответа), ролевые (47 ответов), сюжетные или ситуационные (34 ответа), предметные (21 ответ, при этом было отмечено, что привлекает в первую очередь игра «Я показываю, ты угадываешь»), имитационные (18 ответов); восьми испытуемым интересны различные виды игр, а двое просто не любят игры.

Итак, проведенное нами анкетирование показало, что китайские студенты заинтересованы в использовании игр на занятиях по русскому языку. Соответственно, игры могут быть не только эффективным, но и интересным методом преподавания русского языка в китайской аудитории.

На наш взгляд, особенно востребованными игры могут быть на начальном этапе обучения. По мнению О. В. Будаковой, применение игр и игровых ситуаций на начальном этапе обучения дает возможность не только прививать учащимся интерес к языку, но и более целенаправленно осуществлять индивидуальный подход в обучении, а также создает положительное отношение к изучению русского языка, стимулирует самостоятельную речемыслительную деятельность учащихся [10. С. 152].

Мы рассмотрим возможности применения игр при обучении китайских студентов чтению газетной хроники. Хроника является одним из наиболее простых и распространенных газетных жанров. Основные черты хроники – актуальность, малый объем, лаконизм, сжатость выражения, четкая структура и тематическое разнообразие, которые делают ее ценным аутентичным материалом для преподавания русского языка как иностранного, особенно на начальном этапе [11]. Содержание хроники чрезвычайно многообразно и, по существу, не имеет границ. Например, основными темами хроники городской газеты «Санкт-Петербургские ведомости» являются культура, транспорт, судебная хроника, спорт, образование, благоустройство, экономика и т.д. На начальном уровне владения русским языком студенты в процессе обучения редко сталкиваются с аутентичными текстами, а использование хроники будет способствовать созданию коммуникативности на уроке.

В Китае обучение русскому языку как иностранному основывается на «Учебной программе для вузов по специальности «Русский язык»». В этой программе

указывается, что на начальном этапе основными являются такие темы, как «Семья», «Учеба», «Питание и кухня», «Покупки», «Жилище», «Дорога и транспорт», «Телефон», «Интернет и сайты», «У врача», «Климат и погода», «В гостях», «Человек», «Праздники», «Культура» (сюда входят художественная самодельность, кино и театр, музыка и концерты, радио и телевидение, газеты и журналы, книги и библиотеки, музеи и выставки), «Путешествия», «Спорт и физкультура», «Образование», «Наука и техника», «Знаменитые люди» (выдающиеся писатели, композиторы, художники, артисты, ученые), «Страна и город» [12. С. 19–22]. Соответственно, темы газетной хроники соотносятся с некоторыми темами, предусмотренными китайской учебной программой по русскому языку.

Чтение предполагает сформированность умений понять общее содержание и основные факты, о которых сообщается в тексте (ознакомительное чтение), найти в тексте необходимую информацию (поисковое и просмотровое чтение), точно понять сообщаемую в тексте информацию (изучающее чтение). В процессе обучения чтению игровая деятельность может быть способом закрепления полученной в другой форме информации, переключения внимания на другой тип задания или на другой вид чтения. Игра является одним из эффективных способов повышения качества и продуктивности обучения чтению на материале газетной хроники.

А.В. Коньшева и М.Ф. Стронин выделяют два вида игр, применяемых в преподавании иностранного языка, в зависимости от их цели и места в процессе обучения: подготовительные (языковые), включающие в себя грамматические, лексические, фонетические и орфографические игры, которые способствуют формированию речевых навыков, и речевые, или творческие, способствующие дальнейшему развитию речевых навыков и умений [13. С. 5]. По мнению авторов «Настольной книги преподавателя иностранного языка», языковые игры предназначены для формирования произносительных, лексических и грамматических навыков и тренировки употребления языковых явлений на подготовительном, предкоммуникативном этапе овладения иностранным языком [14. С. 191].

Е.В. Душина делит игры на некоммуникативные, предкоммуникативные и коммуникативные. Целью некоммуникативных игр являются усвоение и отработка языковых форм, моделей, лексики, синтаксических конструкций. Предкоммуникативные игры помогают формировать и развивать речевые навыки и умения, служат для подготовки к общению на неродном языке, формируют и закрепляют лингвистическую базу, необходимую для коммуникации [15. С. 54].

В соответствии с выявленными в процессе анкетирования предпочтениями китайских студентов на начальном этапе мы считаем целесообразным преимущественно использовать устные игры для всех или в группе. При этом будут уместны как подготовительные (предкоммуникативные) игры – фонетические, лексические, грамматические, так и коммуникативные – предметные, сюжетные или ситуационные,

ролевые. Все применяемые игры должны быть тематически организованы в соответствии с видами газетной хроники.

Игра считается неосознанным видом обучения, который дает учащимся возможность практиковать свои знания, отрабатывать изучаемую лексическую или грамматическую тему, принимать участие в коллективной деятельности, а также проявлять себя как личность. Игра помогает обеспечить общение всех участников и мотивирует речевую деятельность. Очевидно, что формирование речевых навыков и умений должно проходить в условиях, максимально приближенных к тем, какие могут встретиться при естественной коммуникации, а сам процесс обучения должен строиться на решении системы коммуникативных задач посредством языкового материала.

Подготовка к игре прежде всего связана с введением языкового и коммуникативного материала, необходимого для выполнения игрового задания. На начальном этапе обучения особенно важно тщательно подготовиться к игре. Учащиеся должны знать или иметь под рукой: (а) списки слов и выражений, (б) иллюстрации и реквизит – реальные или условные предметы, над которыми совершаются игровые действия, (в) информационный материал, ориентирующий в игровой проблеме. Целесообразно объяснить участникам игры их тактики и проконтролировать понимание задачи. Несмотря на четкие условия игровой ситуации и ограниченность использования языкового материала, в ней обязательно есть элемент неожиданности, поэтому для игры в определенных пределах характерна спонтанность речи, что может быть сложно для студентов начального этапа обучения. Это обуславливает необходимость детальной подготовки к проведению игр.

В данной работе предлагается комплекс игр, ориентированных на китайских студентов, изучающих русский язык на начальном этапе (□ сертификационный уровень). Приведенные игры могут быть использованы на этапе закрепления и контроля полученных знаний на занятии и в качестве внеаудиторных домашних заданий, которые дополняют процесс обучения чтению. Мы используем материалы хроники из газеты «Санкт-Петербургские ведомости». При этом нами были отобраны такие типичные и частотные темы, как «Транспорт», «Культура» и «Судебная хроника».

Предкоммуникативные (подготовительные) игры

Предкоммуникативные игры являются основой последующего перехода к коммуникации. Они включают фонетические и лексические игры, которые целесообразно проводить перед чтением хроники, и грамматические игры, которые будут эффективны после чтения. Предваряющие чтение игры, кроме собственно языковых целей, будут вызывать интерес к материалу и активизировать внимание учащихся, а игры, следующие после чтения, позволят закрепить и проконтролировать усвоение языкового материала. Предкоммуникативные игры образуют инструментальную основу, обеспечивающую правильность и точность последующей коммуникации.

Фонетическая игра «Барабан и цветок»

Игра относится к коллективным играм. Продолжительность – 5 минут. Цель – развитие внимания, фонетического слуха, навыков чтения вслух, пробуждение интереса к чтению через игровую мотивацию.

Преподаватель стучит в барабан, студенты передают цветок. Когда преподаватель прерывается, студент, у которого в этот момент оказался цветок, читает одно предложение из текста хроники. Преподаватель исправляет фонетические ошибки.

Лексическая игра «Сортировка слов»

Игра относится к групповым играм. Продолжительность – 10 минут. Цель – расширение словарного запаса, подготовка к чтению текста хроники на определенной теме.

Преподаватель заранее составляет список, в который включены слова по 2–3 темам. Учащиеся делятся на микрогруппы (не более 6 человек), каждой группе предлагается список слов. Их следует рассортировать по тематическим группам. Возможен другой вариант игры: учащиеся самостоятельно составляют список слов по определенной теме. Выигрывает группа, у которой список оказывается самым длинным. Важно ограничивать время выполнения задания. На начальном этапе изучения РКИ допускается использование словарей.

Возможные списки в соответствии с отобранными темами хроники:

Транспорт: *автомобиль, автобус, аэропорт, метро (метрополитен), трамвай, троллейбус, такси, мойка, станция, остановка, автовокзал, проспект, шоссе, перрон, стоянка, пассажир, кондуктор, светофор, трасса, улица, переулок, следовать, курсировать, двигаться.*

Культура: *церемония, концерт, вечер, столетие, праздник, юбилей, памятник, мемориал, монумент, фестиваль, кино, пьеса, фильм, музей, экспозиция, выставка, марафон, оркестр, опера, спектакль, актриса, сценарист, режиссер, картина, скульптура, фотографии, репертуар, публика, хор, солист, певец.*

Суд: *иск, юрист, суд, судья, заседание, приговор, преступник, наркотик, контрабанда, обвинять.*

Грамматическая игра «Составь предложение»

Игра относится к групповым играм. Продолжительность – 10 минут. Цель – тренировка в употреблении грамматических структур, закрепление и контроль изучаемого материала.

Каждая группа получает карточки со словами и словосочетаниями из прочитанной хроники. Необходимо составить предложения. Выигрывает группа, справившаяся первой. Успешное участие в этой игре предполагает необходимость узнать слова, быстро их проанализировать, найти смысловые сочетания и выбрать нужную форму. Благодаря этому отрабатывается не только грамматика, но и быстрота мышления, а также активизируется словарный запас.

Подобная работа часто включается в занятия по русскому языку как иностранному в форме упражнения для самостоятельной работы, однако выполнение задания в группе и элемент соревновательности, свойственный игре, делают традиционный методический прием более эффективным.

Примеры карточек:

Транспорт: *проезд, автобус, Лиговский проспект, Невский проспект, нельзя будет проехать, закрыть, ограничивать, с ... до ..., от ..., до ...;*

Культура: *выставка, музей, церемония, состояться, открыться, в честь чего;*

Судебная хроника: *суд, уголовное дело, нарушение, возбудить, вынести решение.*

Коммуникативные игры

Коммуникативные игры целесообразно применять на завершающем этапе работы с хроникой. Они позволяют активизировать изучаемый материал в речевых ситуациях за счет организации общения китайских студентов в ходе решения поставленной коммуникативной задачи. В таких случаях удачным бывает объединение слабых и сильных студентов: слабым это даст возможность почувствовать себя более уверенно.

Часто коммуникативные игры начинаются с этапа, подготавливающего выход в речь.

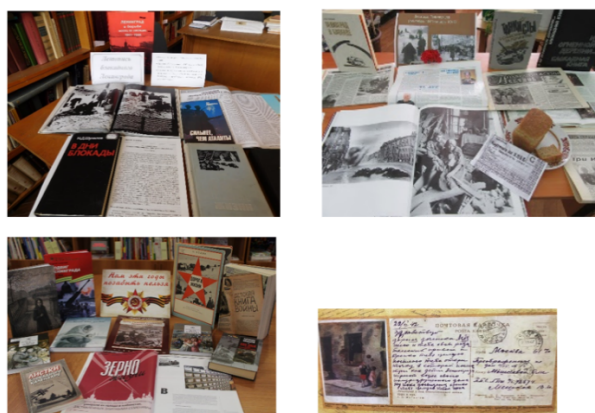
Предметная игра «Самый внимательный»

Игра относится к групповым играм. Продолжительность – 15 минут. Цель – развитие навыков монологической речи студентов.

Учащимся предъявляются иллюстрации, связанные с темой хроники (рис. 1). На первом этапе необходимо назвать как можно больше изображенных предметов и объектов, на втором этапе – выбрать доклады и подготовить краткое выступление – рассказ о событии, проиллюстрированном этим изображением.

В качестве иллюстраций могут выступать не только рисунки и фотографии, но и карты (в случае чтения хроники на тему «Транспорт») и схемы (если на занятии проходит работа с судебной хроникой).

Выставка «Блокадная летопись»

Ограничение движения по набережной канала Грибоедова

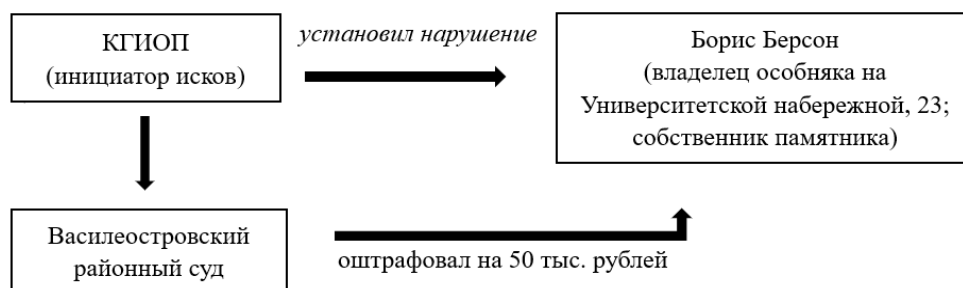
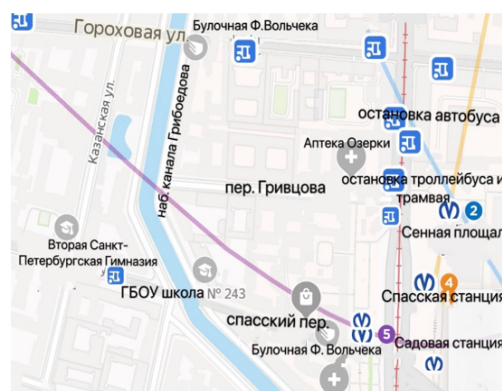

Рис. 1. Примеры иллюстраций к игре «Самый внимательный»

Ситуационные и ролевые игры. Игра «Диалоги по теме»

Игра относится к групповым играм. Продолжительность – 20 минут. Цель – применение полученных знаний, общение студентов в приближенных к естественным условиям.

Это традиционная для методики преподавания русского языка как иностранного игра, в процессе которой организованные в группы или пары учащиеся составляют диалог в соответствии с заданными условиями. Покажем, как она может быть применена на занятиях, посвященных чтению хроники.

При чтении хроники *по теме «Транспорт»* целесообразно предложить студентам начального этапа

обучения диалоги, в которых они смогут тренировать следующие умения и навыки:

- ориентироваться в основных видах городского транспорта;

- соблюдать нормы русского коммуникативного поведения в общении с незнакомым человеком на улице или в городском транспорте.

Возможны следующие условия игры.

Этап 1

Участник 1. Вы хотели попасть в театр, но вышли не на той остановке и потеряли дорогу. Спросите, как теперь доехать до нужного места.

Участник 2. Вы стоите на остановке и ждете автобус. Объясните участнику 1, который обратился к вам с вопросом, как добраться до нужного ему места.

Этап 2

Участник 1. Нужный автобус прибыл. Спросите у кондуктора или пассажиров из автобуса, где вам выйти, чтобы попасть в театр.

Участник 3. Объясните участнику 1, который обратился к вам с вопросом, где ему выйти, чтобы попасть в театр. Предложите оптимальный маршрут от остановки до театра. Объясните, почему вы считаете оптимальным этот маршрут.

При чтении хроники *по теме «Культура»* в диалогах учащиеся будут тренировать следующие умения и навыки:

- соблюдать нормы русского коммуникативного поведения в ситуации поздравления, общения со знакомым человеком;

- осуществлять эффективное общение на тему культуры.

Если *изучаемый текст посвящен русским праздникам*, возможны такие условия игры:

Участник 1. Вы пришли в университет в канун праздника. Поздравьте своих друзей.

Участник 2. Ответьте на поздравление участника 1.

Участник 1. Расспросите участника 2, как он планирует отмечать праздник.

Участник 2. Ответьте на вопросы участника 1.

Участник 3. Вы подошли к участникам 1 и 2. Поздравьте их с праздником. Расскажите о том, что планируется в городе (по материалам хроники).

Участники 1 и 2. Дополните информацию, которую вы узнали от участника 3.

Если *изучаемый текст посвящен выставке*, целесообразно предложить такие условия:

Участник 1. Вы интересуетесь экспонатами на выставке. Задайте вопросы участнику 2.

Участник 2. Вы работаете в музее. Расскажите о выставке (по материалам хроники).

Участник 1. Поблагодарите участника 2 за его рассказ.

Если *в тексте газеты рассказывается о концерте*, возможны следующие условия:

Участник 1. Вы собираетесь пойти на концерт. Пригласите друзей.

Участник 2. К сожалению, в этот день вы будете заняты. Откажитесь и объясните причину отказа.

Участник 3. Поблагодарите участника 1 за приглашение и откажитесь, так как вам не нравится этот музыкант.

Участник 4. Вы хотите пойти на концерт с участником 1. Задайте ему вопросы о концерте (по материалам хроники).

Участник 1. Ответьте на вопросы участника 4 и договоритесь о встрече.

Следует отметить, что оценивание речи учащихся в процессе коммуникативных игр должно осуществ-

ляться исключительно на основе достигнутого коммуникативного эффекта. Ошибки и степень развернутости высказывания не должны препятствовать высокой оценке, если цель общения была достигнута. Положительная оценка деятельности участников игры будет способствовать повышению активности.

В качестве домашнего задания может быть предложена игра «Корреспондент», целью которой является развитие навыков монологической речи. Студентам предлагается выступить в роли корреспондентов и написать хронику о чем-то, что они узнали, увидели или услышали.

Заключение

Таким образом, игры могут стать важным элементом обучения китайских студентов русскому языку, в том числе на материалах газетных текстов. Анкетирование китайских студентов, направленное на выявление степени заинтересованности в использовании игр на занятиях, показало, что учащиеся не только с удовольствием участвуют в играх, но и осознают их положительное влияние на процесс обучения, выделяя многочисленные преимущества игрового метода.

Мы описали возможности применения игр на материале газетной хроники. Подобным образом игры могут быть использованы при работе с другими текстами на русском языке. Целесообразно включать в занятия предкоммуникативные и коммуникативные игры, которые будут способствовать преодолению языкового и психологического барьера и развитию коммуникативной компетенции учащихся. Предкоммуникативные игры готовят иностранных студентов к последующей коммуникации, формируя для нее инструментальную основу. В предлагаемом комплексе игр представлены фонетические, лексические и грамматические предкоммуникативные игры. Коммуникативные игры основываются на решении определенной коммуникативной задачи и предполагают использование изученного языкового материала. Мы привели примеры предметных, ситуационных и ролевых коммуникативных игр на материале газетной хроники.

Игры выступают в роли как метода активного обучения, так и формы организации обучения, стимулирующей мотивацию к изучению русского языка. Это особенно важно для китайских студентов, которым в связи со сложившейся в Китае методической традицией сложно дается выход в общение на русском языке. Кроме того, игры обладают широкими возможностями в предоставлении условий для развития студентов с учетом направленности личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Охорзина Ю.О., Салосина И.В., Глинкин В.С. Особенности преподавания русского языка в условиях вузов КНР: теоретические и методические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 206–212.
2. Арутюнов А.Р., Чеботарев П.Г., Музруков Н.Б. Игровые задания на уроках русского языка : кн. для преподавателя. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1998. 217 с.
3. Ахметов Н.К., Хайдаров Ж.С. Игра как процесс обучения. Алма-Ата : О-во «Знание» КазССР, 1985. 39 с.
4. Конишева А.В. Игровой метод в обучении иностранному языку. Санкт-Петербург : КАРО ; Минск : Четыре четверти, 2008. 192 с.

5. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
6. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить : для преподавателя русского языка как иностранного. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз. : Курсы, 2002. 256 с.
7. Рындина Л.А. Учебная игра как средство формирования интеллектуальных умений старшеклассников (на занятиях по иностранному языку) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саранск, 2005. 18 с.
8. Риконен О.В., Железнякова Е.А. Игры на уроках русского языка как иностранного как способ повышения эффективности обучения // Русский язык в поликультурном образовательном пространстве военного вуза : материалы межвуз. науч.-практ. конф. / под ред. Н.В. Давыдовой, Н.Ю. Васильевой. СПб., 2017. С. 184–191.
9. Сальникова С.А. Игра как метод обучения иностранному языку // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). С. 62–64.
10. Будакова О.В. Игровые технологии как эффективное средство активизации учебного процесса на уроке иностранного языка // Педагогическое мастерство : материалы I Междуна. науч. конф. М. : Буки-Веди, 2012. С. 152–154. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/22/2161/> (дата обращения: 16.04.2020).
11. Железнякова Е.А., Цинь Хэ. Хроника в современной газете: методический потенциал // Воспитание языкового вкуса студентов в процессе преподавания русской словесности : материалы докл. и сообщ. XXIV междуна. науч.-метод. конф. СПб. : СПбГУПТД, 2019. С. 338–341.
12. Учебная программа для вузов по специальности «Русский язык». 2-е изд. Пекин : Изд-во преподавания иностр. языков и исследования, 2012. 388 с.
13. Стронин М.Ф. Обучающие игры на уроке английского языка (из опыта работы). М. : Просвещение, 2001. 370 с.
14. Маслыко Е.А., Бабинская, П.К., Будько А.Ф., Петрова С.И. Настольная книга преподавателя иностранного языка : справ. пособие. 5-е изд., стереотип. Минск : Вышэйшая школа, 1999. 522 с.
15. Душина Е.В. Лингвистические игры на уроках русского и иностранного языка в аспекте формирования коммуникативной компетентности учащихся // Филологический класс. 2014. № 4 (38). С. 54–58.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 3 ноября 2020 г.

Games in Teaching Chinese Students How to Read the Press (On the Example of a Newspaper Chronicle)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 188–195.

DOI: 10.17223/15617793/465/25

Qin He, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: qinhe2018@yandex.ru

Keywords: game, Chinese students, Russian as a foreign language, newspaper chronicle, reading, pre-communicative games, communicative games, communicative competence, the first certification level.

The aim of the study is to characterize games as a means of teaching Russian to Chinese students and to offer examples of gaming techniques that can be applied in the process of learning to read on the basis of newspaper chronicle material. When writing the article, the author used the works of Russian and Chinese researchers on issues directly related to the topic of the work. The methodological basis of the study was works by Yu.O. Okhorzina, I.V. Salosina and V.S. Glinkin, A.V. Konysheva, A.N. Schukin, O.V. Rikonen, E.A. Zheleznyakova, E.V. Dushina, M.F. Stronin, Shi Teiqiang, Wang Xinyi, Miao Youyan, and others. Based on the analysis of national methodological traditions in China and a survey of Chinese students, the relevance of introducing game into the teaching of Russian as a foreign language is proved. Game techniques involve students' joint activities, their communication with each other, which is necessary when learning a language. Games can be especially in demand at the initial stage of training. The article discusses the possibilities of using games in teaching Chinese students how to read newspaper chronicles. Using an authentic media text in class with students of certification level I makes learning more communicatively oriented. In addition, topics of newspaper chronicles correlate with some of the topics provided by the Chinese curriculum in Russian. When learning to read, gaming activity can be a way of consolidating information obtained in another form, shifting attention to a different type of task or to another type of reading. Game is one of the effective ways to improve the quality and productivity of learning to read on the material of newspaper chronicles. In this article, the author proposes a set of games for Chinese students studying Russian at the initial stage (certification level I). These games can be used at the stage of consolidation and control of acquired knowledge at the lesson and as extracurricular homework that complements the process of learning to read. The author considers it advisable to primarily use oral games in a group. In this case, preparatory (pre-communicative) games will be appropriate: phonetic, lexical, grammatical, as well as communicative: subject, situational and role-playing. All games used should be thematically organized in accordance with the newspaper chronicle types. The article provides examples of games based on chronicles from the newspaper *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*. Typical and frequent topics such as "Transport", "Culture" and "Judicial Chronicle" were selected for inclusion in the training. Games can become an important element in teaching Chinese students the Russian language on the basis of newspaper texts. It is advisable to include pre-communicative and communicative games in classes that will contribute to the development of students' communicative competence. This is especially important for Chinese students, who, in connection with the established methodological tradition in China, find it difficult to communicate in Russian.

REFERENCES

1. Okhorzina, Yu.O., Salosina, I.V. & Glinkin, V.S. (2019) Russian Language Teaching in a Chinese University: Theories and Methods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 441. pp. 206–212. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/441/27
2. Arutyunov, A.R., Chebotarev, P.G. & Muzrukov, N.B. (1998) *Igrovye zadaniya na urokakh russkogo yazyka* [Game Tasks in the Lessons of the Russian Language]. 3d ed. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Akhmetov, N.K. & Khaydarov, Zh.S. (1985) *Igra kak protsess obucheniya* [Play as a Learning Process]. Alma-Ata: O-vo "Znanie" KazSSR.
4. Konysheva, A.V. (2008) *Igrovoy metod v obuchenii inostrannomu yazyku* [The Game Method in Teaching a Foreign Language]. Saint Petersburg: KARO; Minsk: Chetyre chetverti.
5. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and practice of teaching languages)]. Moscow: IKAR.
6. Akishina, A.A. & Kagan, O.E. (2002) *Uchimsya učit' : dlya prepodavatelya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Learning to Teach: For a teacher of Russian as a foreign language]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk: Kursy.

7. Ryndina, L.A. (2005) *Uchebnaya igra kak sredstvo formirovaniya intellektual'nykh umeniy starsheklassnikov (na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku)* [Educational game as a means of forming the intellectual skills of high school students (in the classroom in a foreign language)]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Saransk.
8. Rikonen, O.V. & Zheleznyakova, E.A. (2017) [Games in the lessons of Russian as a foreign language as a way to increase the effectiveness of teaching]. *Russkiy yazyk v polietnicheskom obrazovatel'nom prostranstve voennogo vuza* [Russian Language in the Multiethnic Educational Space of a Military University]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 14 December 2017. Saint Petersburg: S. M. Budyonny Military Academy of the Signal Corps. pp. 184–191. (In Russian).
9. Sal'nikova, S.A. (2015) Game as teaching method foreign language. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*. 7 (38). pp. 62–64. (In Russian).
10. Budakova, O.V. (2012) [Game technologies as an effective means of enhancing the educational process in a foreign language lesson]. *Pedagogicheskoe masterstvo* [Pedagogical Skill]. Proceedings of the 1st International Conference. Moscow. 20–23 April 2012. Moscow: Buki-Vedi. pp. 152–154. [Online] Available from: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/22/2161/> (Accessed: 16.04.2020). (In Russian).
11. Zheleznyakova, E.A. & Qin, He (2019) [A chronicle in the contemporary newspaper: the methodological potential]. *Vospitanie yazykovogo vkusa studentov v protsesse prepodavaniya russkoy slovesnosti* [Education of the Language Taste of Students in the Process of Teaching Russian Literature]. Proceedings of the 24th International Conference. Saint Petersburg. 8 February 2019. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. pp. 338–341. (In Russian).
12. Anon. (2012) *Uchebnaya programma dlya vuzov po spetsial'nosti "Russkiy yazyk"* [Curriculum for Universities in the “Russian Language” Specialty]. 2nd ed. Beijing: Izd-vo prepodavaniya inostr. yazykov i issledovaniya.
13. Stronin, M.F. (2001) *Obuchayushchie igry na uroke angliyskogo yazyka (iz opyta raboty)* [Educational Games in the English Lesson (From work experience)]. Moscow: Prosveshchenie.
14. Maslyko E.A. et al. (1999) *Nastol'naya kniga prepodavatelya inostrannogo yazyka* [Handbook of a Foreign Language Teacher]. 5th ed. Minsk: Vysheyschaya shkola.
15. Dushina, E.V. (2014) Linguistic games at lessons of Russian and foreign language in terms of formation of communicative competence of students. *Filologicheskiy klass – Philological Class*. 4 (38). pp. 54–58. (In Russian).

Received: 03 November 2020

ПРАВО

УДК 3.34.340.66

В.Ф. Енгальцев, Д.В. Лыфенко

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА В ОТНОШЕНИИ ОСОБО ЦЕННЫХ ЗАДЕРЖАННЫХ В США

Описывается опыт проведения допроса особо ценных задержанных в США с применением ненасильственных коммуникативных техник – работу проводит особая группа в составе нескольких следователей и экспертов, аналитика и переводчика. Члены группы не взаимодействуют с допрашиваемым, а наблюдают за допросом посредством зеркала Гезелла, предоставляя обратную связь следователю. Повышению результативности допроса способствуют также прайминг и специально организованный контекст проведения допроса.

Ключевые слова: особо ценные задержанные; допрос; коммуникативные техники общения; прайминг; специальные психологические знания.

В последние годы в юридической психологии и судебной экспертизе усилился интерес к различным коммуникативным техникам общения с интересующими следствие лицами [1, 2]. К таким техникам относятся допрос, опрос, интервью, собеседование и некоторые другие. Это обусловлено как поиском новых функциональных возможностей анализа и оценки содержания их показаний, так и возросшей актуальностью некоторых видов расследуемых уголовных дел. Наиболее перспективные возможности открываются на стыке таких наук, как криминалистика, юридическая психология, когнитивистика, психолингвистика, Affective Computing и ряда других, поскольку метауровень рассмотрения проблем позволяет обнаружить феномены и закономерности, общие сразу для нескольких научных отраслей [3].

Собеседования и допросы с задержанными проводятся по всему миру и практически во всех странах, но одним из наиболее интересных является опыт работы с ними в США, где была выделена категория «особо ценные задержанные» (High-Value Detainee). Detainee может также переводиться и как «заключенный», но первое толкование нам представляется более уместным, так как допросы этих лиц проводятся еще до судебного процесса над ними, а иногда и не заканчиваются предъявлением официального обвинения. В первую очередь к ним относятся лица, в отношении которых оперативным и аналитическим путями собраны определенные доказательства (часто – только косвенные), указывающие на их связи с террористическими организациями и международными криминалистическими группами. Проводимое в их отношении Министерством обороны США дознание в самом общем виде определяется как «систематический процесс применения утвержденных подходов проведения допроса взятого в плен или задержанного лица с целью получения необходимой разведке надежной информации в соответствии с законодательством и проводимой политикой» (AFM, 2006, 1-20 – Армейский полевой устав, 2006, 1–20. [4])

В январе 2010 г. в США была сформирована особая группа, занимающаяся собеседованиями и допросами особо ценных задержанных – HVDIG (High-Value Detainee Interrogation Group). В свой состав она включает представителей трех ведомств: ФБР, ЦРУ и

Министерства обороны США [5]. В HVDIG могут также входить зарубежные специалисты-исследователи, прошедшие специальный отбор и получившие профильную научно-практическую и методическую подготовку [6]. Возглавляет группу представитель ФБР, у которого есть два заместителя – один из Министерства обороны, а другой из ЦРУ. Интересно, что хотя HVDIG юридически находится в сфере ответственности ФБР, основной функцией этой межведомственной группы является сбор разведывательной информации. Это отдельная интересная тема, но в данной статье внимание авторов сосредоточено на правоохранительной тематике деятельности HVDIG. Работа группы полностью контролируется Советом национальной безопасности, Министерством юстиции и Конгрессом США.

HVDIG развертывает экспертные мобильные группы с целью сбора разведанных для защиты национальной безопасности США. Представительства HVDIG расположены как в США, так и за рубежом. Члены группы имеют обширный опыт проведения собеседований и допросов, а их обучение основано на последних научных исследованиях. Как указано в документах, сотрудники применяют в своей практической деятельности только законные, санкционированные, ненасильственные методы допроса, разработанные для получения добровольных признаний. В настоящей статье не обсуждаются имеющиеся в открытой печати факты использования запрещенных методов дознания в США и других странах, свидетельства участников этих событий как с одной, так и с другой стороны, судебные кейсы. В анализируемых источниках такие данные отсутствуют.

Благодаря полученным серьезным результатам при проведении программы исследований в целях изучения эффективности подходов и методов допроса HVDIG распространяет передовой опыт среди сотрудников правоохранительных и разведывательных служб США. Исследователи группы раскрывают и тестируют существующие методы и разрабатывают новые, более эффективные. Группа выявляет пробелы в исследованиях и заказывает отдельные исследования для заполнения этих пустот. При проведении исследований HVDIG заключает контракты с университетами и научно-исследовательскими центрами, с ла-

бораториями фирм и персонально с ведущими учеными, имеющими либо большой опыт проведения допросов, либо являющимися экспертами в смежных областях знаний, представляющих особый интерес для группы [7]. Таким образом межведомственная следственная группа профинансировала более 100 исследовательских проектов по таким тематикам, как тактика социального влияния, влияние переводчиков в ходе допроса на получение сведений, когнитивное интервью, достоверность показаний и научно обоснованные методы обнаружения обмана. Все исследования группы проводятся в соответствии с американскими и международными законами, касающимися защиты объектов исследования на людях [8].

В США доминирует командный подход к проведению допросов особо ценных задержанных, поскольку признано, что это дает значительно больший эффект. В силу этого в допросе обычно принимают участие один или два следователя (в контексте работы HVDIG – обязательно прошедших подготовку по применению передовых методов ведения допросов), аналитик, переводчик, эксперт в конкретной предметной области (психология, социология, военное дело, баллистика, трасология и т.п.). Кстати, упоминание переводчика косвенно указывает на целевую группу допрашиваемых, поскольку в исследованных текстах не упоминается допрос на иных языках, помимо английского. Члены команды, которые непосредственно не взаимодействуют с допрашиваемым, наблюдают за процессом допроса посредством зеркала Гезелла и через микронаушники предоставляют следователю обратную связь о динамике межличностных отношений между допрашивающим и его визави [9, 10].

В частности, команда HVDIG выдвигает гипотезу о том, к какому типу личности относится допрашиваемый, каким, скорее всего, будет его вербальное поведение, и в соответствии с этим разрабатывает соответствующую именно для этого субъекта модель поведения следователя в начале беседы. Задачей является формирование у допрашиваемого определенного представления как о следователе, так и о цели допроса, его объективных и субъективно значимых результатах.

Команда оперативно обсуждает психологическое содержание коммуникации с дознаваемым, выявляет его поведенческие стратегии, в частности сотрудничество, сопротивление, конкуренцию или уклонение, а также определяет психологические мотивы, определяющие направленность его показаний: собственные потребности и индивидуальные предпочтения, межличностные отношения с дознавателем, намерение решать проблему конструктивно или нет и др. [11].

Результаты исследований и полевой работы указывают также на то, что командный подход более эффективен и при анализе данных, если это одна и та же группа на этапе подготовки и планирования допроса, на этапе его осуществления и на этапе последующего анализа, особенно если такой анализ проводится в составе многопрофильной группы [12]. В целом даже небольшие группы предоставляют большие возможности для разделения труда и могут быть более эффективными, чем в ситуациях работы одного дознава-

теля, поскольку группа может использовать более разнообразный набор знаний и навыков [13]. Таким образом происходит усиление психотехнологического потенциала всей группы, превышающего сумму их отдельных компетенций. При этом представление о том, что военные специалисты и эксперты, по сравнению с гражданскими, вносят заведомо больший вклад в эффективность общей групповой работы, не соответствует действительности.

Для систематической оценки существующих и предлагаемых методов допроса в реальных или смоделированных контекстах допроса исследователями разработаны новые экспериментальные ситуационные модели (например, имитирующие акты терроризма, захват заложников, мошеннические операции, форс-мажорные переговоры и др.).

Эти модели могут как обсуждаться в процессе групповой дискуссии, так и реализовываться в форме тренировочных допросов и собеседований, позволяющих заметно повысить уровень дознавательной работы, причем особый акцент в них делается на совершенствовании психологических технологий понимания психики допрашиваемого, побуждения его к сотрудничеству со следственной группой и выявления информации, представляющей для нее повышенный интерес.

Предварительная работа команды до ознакомительного собеседования, называемая «прайминг» (priming) (в социальной психологии – это использование механизма имплицитной памяти для фиксации установки, при котором однократное воздействие стимула может приводить к неосознаваемой аналогичной реакции и на последующий стимул [14]), имеет новое содержательное наполнение в современной криминалистике и юридической психологии. Так, было проведено исследование, где испытуемые приняли участие в имитационном заговоре по экотеррористическому нападению, после чего их раздельно допросили о подробностях планирования террористического акта (состав участников, система коммуникации, местонахождение, цель, средства маскировки и т.д.) [15]. Участников предупредили, что они должны раскрыть как можно больше информации о заговоре, но, в то же время, если они раскроют слишком много, следователь может начать что-то подозревать и оставить их для дальнейшего расследования, что будет расценено как их провал в процессе исследования. Во время подготовительной стадии была проведена первичная психологическая обработка половины участников, в ходе которой их помимо прочего мотивировали в течение нескольких минут актуализировать в своей памяти и воображении содержание отношений с людьми, к которым они испытывают симпатию, доверяют и чувствуют себя в безопасности. Эта часть исследования показала, что до следственного формирования эмпатийных привязанностей делает будущих допрашиваемых более спокойными, общительными, доброжелательными и готовыми к сотрудничеству [16]. При правильно организованной психологической работе многие из них были склонны переносить чувства эмоциональной привязанности и психологического доверия на новых лиц в

своем окружении. При этом у них нет времени и возможности отразиться на этой ситуации, а тем более сравнить ее с предыдущей. Их внимание постоянно сконцентрировано на ином. Последующий анализ подробностей, предоставленных «подозреваемыми», показал, что участники, с которыми предварительно провели такую подготовительную работу, предоставили значительно больше важных подробностей, чем те, с кем такая работа не проводилась. Кроме того, независимые наблюдатели оценили предварительно психологически подготовленных участников как более открытых (по 7-балльной непрерывной шкале от 1 – «крайне сдержанный», до 7 – «раскрывающий все, что мог вспомнить»); средний балл для подготовленных участников составил 4,32, тогда как участники без предварительной подготовки получили 3,63 балла [10].

Прайминг влияет на повышение признаваемости в компрометирующих мыслях и поведении, причем даже у тех лиц, которые ранее были настроены на стратегию отказа от любого сотрудничества. Участники исследования с большей готовностью признавались во враждебных мыслях и поведении по отношению к членам чуждой им группы, в прошлом незначительном преступном поведении, а также в социально нежелательных чертах и поведении в случаях, когда их стимулировали самоутверждением. В одном исследовании [17] для этого участников сначала попросили прочитать список личных ценностей и качеств, которые они считали важными, а затем написать десять строк о том, почему для них важна их самая высокая оценка, а также описать личный опыт, в котором эта ценность ключевым образом повлияла на их решения, предпочтения и поведение. Затем участников попросили письменно ответить на десять вопросов, оценивая, совершали ли они когда-либо какие-нибудь морально неприемлемые действия, было ли дискриминационное агрессивное поведение по отношению к членам чуждой группы, а также имело ли место какое-либо нежелательное поведение, по отношению к этой группе меньшинства. Как и ожидалось, эффект самоутверждения привел к тому, что люди стали сообщать о большем количестве неправильных с моральной точки зрения взглядов и фактов неадекватного поведения [18]. Исследователи HVDIG указывают, что такое самоутверждение помогает снизить сопротивление раскрытию информации. Аспект «развитие темы» многих собеседований, проводившихся правоохранительными органами [19], может снизить сопротивление раскрытию информации, отделив раскрытие информации от ценностей, действительно важных для субъекта (избегая таким образом самоотречения).

Затем исследователи задались вопросом, приведет ли предварительное самоотречение к противоположному, а именно будут ли участники исследования с меньшей вероятностью распознавать какое-либо морально неприемлемое отношение или поведение, которое может угрожать их самооценке как хорошего человека. Самоотречение было стимулировано тем, что участников просили написать десять строк о том, что они будут чувствовать, если им не удастся реали-

зовать нечто, имеющее для них безусловную моральную и/или психологическую ценность. Как и предполагалось, предварительные самоотречения привели к тому, что эти люди стали сообщать о меньшем количестве случаев неправильного с моральной точки зрения отношения и поведения к членам чуждой группы меньшинства [17].

Место проведения допроса, обстановка комнаты, присутствующий запах и даже такие факторы, как то, во что одет допрашивающий, язык, который он использует, психологически подобраны таким образом, чтобы побудить допрашиваемого поделиться важной информацией.

Для проверки теории воплощенного познания в контексте раскрытия информации во время допроса было проведено исследование инсценировки преступления [10]. Исследователи сравнили два типа комнат для допросов: одну – стандартную, а другую – подготовленную специальным образом – *открытую*. Стандартная комната для допросов полиции представляла собой маленькую пустую комнату с беловатого цвета стенами, зеркалом Гезелла, люминесцентными светильниками над головой, двумя жесткими стульями и маленьким столиком. Участники и допрашивающий сидели на одной стороне стола на расстоянии трех футов друг от друга, причем допрашивающий находился между участником исследования и дверью [20]. В экспериментальной открытой комнате было много свободного пространства и открытых объектов: «...комната была примерно в два раза больше по размеру, с окнами и такого же цвета стенами. Она изначально отличалась элементами открытости: на каждой стене висела картина – на одной – изображение воды под открытым небом, а на двух других стенах – картины открытых окон с тюлем, выходящими на воду, и открытое небо; два светильника с открытым верхом; небольшой столик с прозрачным кувшином для воды без крышки, чашкой без крышки, маленьким открытым ящиком с незапертым замком и открытой книгой. Участники исследования и дознаватель сидели в удобных креслах за большим столом по одну сторону друг от друга, на расстоянии трех футов друг от друга, причем следователь находился ближе к двери, чем к допрашиваемому» [21]. После демонстрации сценария имитационного сюжета участникам исследования по стандартному сценарию в одной из двух комнат. Те, кого опрашивали в *открытой* (экспериментальной) комнате, предоставили значительно больше общих деталей, а также более важные детали. Эти участники были также оценены как более открытые, чем те, кого опрашивали в стандартной камере содержания под стражей, по 7-балльной шкале раскрытия информации в диапазоне от 1 («крайне скрытно») до 7 («чрезвычайно открыто»). Последующее моделирование процесса допроса показало, что визуальное восприятие большего пространства увеличило психологическое раскрытие допрашиваемых.

Одна из первых задач следователя в начале допроса – оценить индекс настроенности допрашиваемого на сотрудничество или на сопротивление. Создание определенного смысла коммуникации в

контексте допроса обеспечивает основу для понимания того, что побуждает субъекта либо к сотрудничеству, либо к сопротивлению. Осмысление предполагает привлечение специальных психологических знаний и компетенций, особенно для понимания новых следственных ситуаций, отсутствующих в предыдущем опыте работы [22]. Осмысление – это атрибут «доброжелательного постороннего человека», по-английски это звучит как *sense-making* – военный термин США, используемый для обозначения военнотружущих, которые подготовлены к налаживанию конструктивного сотрудничества с гражданскими лицами. Неожиданный эффект общения с подчеркнуто «вежливыми людьми» в военной форме, от которых ожидалась агрессия и грубость, в силу контраста может резко изменить отношение к ним и проводимым ими акциям. Такое сотрудничество уже на ранних стадиях способствует нейтрализации потенциального недоверия к военнотружущим и препятствует проявлениям реального сопротивления [23].

На следующем этапе командной работы HVDIG проводится обсуждение записанных видеоматериалов допроса, что важно для критического осмысления возможных допущенных ошибок и при подготовке к новым ситуациям. При этом поведение допрашиваемого анализируется как посредством традиционных психологических инструментов анализа, так и с помощью объективных методов изучения поведения, позволяющих отслеживать динамику психофизиологического состояния допрашиваемого, а также выявлять психологические признаки лжи в показаниях (зрчки, мимика, жесты, голос, положение тела, почерк и пр.) [24–26].

Таким образом, опыт работы межведомственной следственной группы HVDIG показывает, что наиболее действенными и эффективными методами получения точной и релевантной информации в процессе допроса особо ценных задержанных являются ненасильственные, основанные на формировании доверительных конструктивных отношений посредством использования широкого спектра психологически валидных коммуникативных техник и приемов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багмет А.М., Гусев А.Н., Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Седин В.И., Холопова Е.Н. Методика исследования коммуникативного поведения с целью выявления психологических признаков искажения сообщаемой информации (по видеозаписям процессуальных и иных действий) : науч.-практ. пособие. М. : Московская академия СК России; ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна; ФМБА России, 2018. 192 с.
2. Narchet F.M., Russano M.B., Kleinman S.M., Meissner C.A. A (nearly) 360 perspective of the interrogation process: Communicating with high-value targets // G. Oxburgh, T. Myklebust, T. Grant, R. Milne (Eds.): Communication in investigative and legal contexts: Integrated approaches from forensic psychology, linguistics and law enforcement. Chichester UK : John Wiley & Sons, 2016. P. 159–178.
3. Гусев А.Н., Енгальчев В.Ф., Захарова Н.А. Современные тренды в использовании программно-аппаратных средств при оценке психоэмоционального состояния человека // Аппаратные средства в психологической подготовке : материалы межрегион. науч.-практ. конф. психологов силовых структур «Научно-методические аспекты использования программно-аппаратных средств и тренажеров в психологической подготовке военнотружущих» (Москва, 25 октября 2017 г.) / под ред. А.Г. Караяни, С.И. Данилова. М. : Военный университет; Школа современных психотехнологий, 2018. С. 110–117.
4. Amelsvoort van A., Rispens I., Grolman H. Handleiding verhoor [Interrogation AFM]. Amsterdam : Stapel & De Koning, 2010.
5. Hartwig M., Meissner C.A., Semel M.D. Human intelligence interviewing and interrogation: Assessing the challenges of developing an ethical, evidence-based approach // R. Bull's (Ed.). Investigative interviewing. New York: Springer, 2014. P. 209–228.
6. Taylor P. J. Interpersonal sensemaking in crisis negotiations. Final Report to the High-Value Detainee Interrogation Group. Washington D.C., 2015.
7. Goodman-Delahunty J., Martschuk N., Dhami M.K. Interviewing high-value detainees: Securing cooperation and disclosures // Applied Cognitive Psychology. 2014. № 28. P. 883–897.
8. Epley N., Schroeder J., Waytz A. Motivated mind perception: Treating pets as people and people as animals // Objectification and (de)humanization: 60th Nebraska symposium on motivation. 2013. № 60. P. 127–152.
9. Бегалиев Е.Н. К вопросу о тактических особенностях проведения допроса с использованием зеркала-шпиона Гезелла // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 4 (30). С. 79–83.
10. Dawson E., Hartwig M., Brimbal L. Interviewing to elicit information: Using priming to promote disclosure // Law and Human Behavior. 2015. № 39. P. 443–450.
11. Taylor P. The role of language in conflict and conflict resolution // T. Holtgraves (Ed.). The Oxford handbook of language and social psychology. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 459–470.
12. Hackman J.R. Collaborative intelligence: Using teams to solve hard problems. San Francisco : Berrett-Koehler, 2011.
13. LePine J.A., Piccolo R.F., Jackson C.L., Mathieu J.E., Saul J.R. A meta-analysis of teamwork processes: Tests of a multidimensional model and relationships with them // Personnel Psychology. 2008. № 61. P. 273–307.
14. Bargh J.A., Chartrand T.L. Studying the Mind in the Middle: A Practical Guide to Priming and Automaticity Research // Handbook of Research Methods in Social Psychology / H. Reis, C. Judd. New York : Cambridge University Press, 2000. P. 1–39.
15. Bargh J.A. What have we been priming all these years? On the development, mechanisms, and ecology of nonconscious social behavior // European Journal of Social Psychology. 2006. № 36. P. 147–168.
16. Mikulincer M., Shaver P.R. Attachment theory and emotions in close relationships: Exploring the attachment-related dynamics of emotional reactions to relational events // Personal Relationships. 2005. № 12. P. 149–168.
17. Davis D., Soref A., Villalbos J.G., Mikulincer M. Priming states of mind can affect disclosure of threatening self-information: Effects of self-affirmation, mortality salience, and attachment orientations // Law and Human Behavior. 2016.
18. Meissner C.A., Swanner J. Facilitating cooperation: The influence of priming manipulations in intelligence interviewing. Final Report to the High-Value Detainee Interrogation Group. 2014.
19. Inbau F.E., Reid J.E., Buckley J.P., Jayne B.C. Criminal interrogation and confessions (5th Ed.). Burlington, MA : Jones & Bartlett Learning, 2013.
20. Cesario J. Priming, replication, and the hardest science // Perspectives on Psychological Science. 2014. № 9. P. 40–48.
21. Ormerod T.C., Barrett E.C., Taylor P.J. Investigative sense-making in criminal contexts // Schraagen J.M., Militello L.G., Ormerod T., Lipshitz R. (Eds.). Naturalistic decision making and macrocognition. Aldershot, UK : Ashgate, 2005. P. 81–102.
22. Park H., Antonioni D., Buckley J.P., Jayne B.C. Criminal interrogation and confessions (5th Ed.). Burlington, MA : Jones & Bartlett Learning, 2013.
23. Knowles E.S., Linn J.A. Resistance and persuasion. Mahwah NJ : Lawrence Erlbaum Associates Inc., 2004.
24. Luke T.J., Hartwig M., Brimbal L., Chan G., Jordan S., Joseph E., Osborne J., Granhag P.A. Interviewing to elicit cues to deception: Improving strategic use of evidence with general-to-specific framing of evidence // Journal of Police Criminological Psychology. 2013. № 28. P. 54–62.
25. Rafael A. Calvo, Sidney D'Mello. The Oxford Handbook of Affective Computing. Oxford University Press, 2014. 624 p.

Статья представлена научной редакцией «Право» 16 апреля 2021 г.

Psychological Features of Interrogating High-Value Detainees in the United States

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 196–201.

DOI: 10.17223/15617793/465/26

Vali F. Engalychev, Kaluga State University (Kaluga, Russian Federation). E-mail: valiyen@gmail.com

Dmitry V. Lyfenko, Kaluga State University (Kaluga, Russian Federation). E-mail: lyfenkoDV@tksu.ru

Keywords: high-value detainees; interrogation; communication techniques; priming; psychology's special knowledge.

The article reveals the nature of the phenomenon that fundamentally determines the effectiveness of the most common investigative action – interrogation of a suspect. The range of problems affects methodological, historical, forensic, and psychological aspects. The result of the study was a model of a tactical and forensic impact, which has not only theoretical, but also practical and applied value. The subject of the research is the complex of backbone elements of the phenomenon of influence as a unique form of forensic interaction during interrogation. In the study, the general scientific methods were used: analysis, synthesis, systemic and structural. The following special scientific methods were used: statistical analysis, comparative historical analysis, expert assessment. The article contains a number of the following conclusions. In modern forensic sciences the experience of conducting an interrogation in the USA is notable, as the High-Value Detainee Interrogation Group (HVDIG) was created in 2010. The HVDIG category includes people suspected of having relations with terrorist organizations and international criminal groups. The article describes some psychological features of interrogating those people. The HVDIG has funded over 100 projects on social impact tactics, the influence of interpreters on obtaining information, cognitive interviews, scientifically proven tried-and-true methods for detecting deceptive statements, etc. Interrogation is based on a team approach. Some investigators, an analyst, an interpreter and a few experts are involved in the activity. The team members observe an interrogation through Gesell's mirror, providing the investigators with immediate feedback. The team put forward a hypothesis about the psychotype of the subject under an interrogation, their communicative behavior features, and make a model for further effective communication. It is important to encourage the subject to create an appropriate perception of the investigator, the purpose of the interrogation, its objective and apparently relative outcomes. The HVDIG actively implement priming as a tool of investigation. In this context the term “priming” receives new content, influencing the increase of recognition in embarrassing thoughts and behaviour. The location and the entire context of interrogation are structured in such a way that the subject is inspired to report valid data they previously did not intend to share. The HVDIG experience shows that the most effective interrogation methods to obtain relevant information are non-violent, based on trusting relationships and psychologically valid communication techniques.

REFERENCES

1. Bagmet, A.M. et al. (2018) *Metodika issledovaniya kommunikativnogo povedeniya s tsel'yu vyyavleniya psikhologicheskikh priznakov iskazheniya soobshchaemoy informatsii (po videozapisyam protsessual'nykh i innykh deystviy)* [Methods for the study of communicative behavior in order to identify psychological signs of distortion of the reported information (based on video recordings of procedural and other actions)]. Moscow: Moskovskaya akademiya SK Rossii; FGBU GNTs FMBT's im. A.I. Burnazyana; FMBA Rossii.
2. Narchet, F.M., Russano, M.B., Kleinman, S.M. & Meissner, C.A. (2016) A (nearly) 360 perspective of the interrogation process: Communicating with high-value targets. In: Oxburgh, G., Myklebust, T., Grant, T. & Milne, R. (eds) *Communication in investigative and legal contexts: Integrated approaches from forensic psychology, linguistics and law enforcement*. Chichester UK: John Wiley & Sons. pp. 159–178.
3. Gusev, A.N., Engalychev, V.F. & Zakharova, N.A. (2018) [Modern trends in the use of software and hardware in assessing the psycho-emotional state of a person]. *Apparativnye sredstva v psikhologicheskoy podgotovke* [Hardware in psychological training]. Nauchno-metodicheskie aspekty ispol'zovaniya programno-apparatnykh sredstv i trenazherov v psikhologicheskoy podgotovke voennosluzhashchikh [Scientific and methodological aspects of the use of software, hardware and simulators in the psychological training of military personnel]. Conference Proceedings. Moscow. 25 October 2017. Moscow: Voennyi universitet; Shkola sovremennykh psikhotehnologiy. pp. 110–117. (In Russian).
4. van Amelsvoort, A., Rispens, I. & Grolman, H. (2010) *Handleiding verhoor* [Interrogation AFM]. Amsterdam: Stapel & De Koning.
5. Hartwig, M., Meissner, C.A. & Semel, M.D. (2014) Human intelligence interviewing and interrogation: Assessing the challenges of developing an ethical, evidence-based approach. In: Bull, R. (ed.) *Investigative interviewing*. New York: Springer. pp. 209–228.
6. Taylor, P.J. (2015) *Interpersonal sensemaking in crisis negotiations. Final Report to the High-Value Detainee Interrogation Group*. Washington D.C.
7. Goodman-Delahunty, J., Martschuk, N. & Dhami, M.K. (2014) Interviewing high-value detainees: Securing cooperation and disclosures. *Applied Cognitive Psychology*. 28. pp. 883–897.
8. Epley, N., Schroeder, J. & Waytz, A. (2013) Motivated mind perception: Treating pets as people and people as animals. In: Gervais, S.J. (ed.) *Objectification and (de)humanization: 60th Nebraska symposium on motivation*. New York: Springer. pp. 127–152.
9. Begaliev, E.N. (2020) K voprosu o takticheskikh osobennostyakh provedeniya doprosa s ispol'zovaniem zerkala-shpiona Gezella [On the tactical features of interrogation using the Gesell mirror]. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*. 4 (30). pp. 79–83.
10. Dawson, E., Hartwig, M. & Brimbal, L. (2015) Interviewing to elicit information: Using priming to promote disclosure. *Law and Human Behavior*. 39. pp. 443–450.
11. Taylor, P. (2014) The role of language in conflict and conflict resolution. In: Holtgraves, T. (ed.) *The Oxford handbook of language and social psychology*. Oxford: Oxford University Press. pp. 459–470.
12. Hackman, J.R. (2011) *Collaborative intelligence: Using teams to solve hard problems*. San Francisco: Berrett-Koehler.
13. LePine, J.A. et al. (2008) A meta-analysis of teamwork processes: Tests of a multidimensional model and relationships with them. *Personnel Psychology*. 61. pp. 273–307.
14. Bargh, J.A. & Chartrand, T.L. (2000) Studying the Mind in the Middle: A Practical Guide to Priming and Automaticity Research. In: Reis, H. & Judd, C. (eds) *Handbook of Research Methods in Social Psychology*. New York: Cambridge University Press. pp. 1–39.
15. Bargh, J.A. (2006) What have we been priming all these years? On the development, mechanisms, and ecology of nonconscious social behavior. *European Journal of Social Psychology*. 36. pp. 147–168.
16. Mikulincer, M. & Shaver, P.R. (2005) Attachment theory and emotions in close relationships: Exploring the attachment-related dynamics of emotional reactions to relational events. *Personal Relationships*. 12. pp. 149–168.

17. Davis, D., Soref, A., Villalbos, J.G. & Mikulincer, M. (2016) Priming states of mind can affect disclosure of threatening self-information: Effects of self-affirmation, mortality salience, and attachment orientations. *Law and Human Behavior*. 40 (4).
18. Meissner, C.A. & Swanner, J. (2014) *Facilitating cooperation: The influence of priming manipulations in intelligence interviewing*. Final Report to the High-Value Detainee Interrogation Group. Washington, D.C.
19. Inbau, F.E. et al. (2013) *Criminal interrogation and confessions*. 5th ed. Burlington, MA: Jones & Bartlett Learning.
20. Cesario, J. (2014) Priming, replication, and the hardest science. *Perspectives on Psychological Science*. 9. pp. 40–48.
21. Ormerod, T.C., Barrett, E.C. & Taylor, P.J. (2005) Investigative sense-making in criminal contexts. In: Schraagen, J.M., Militello, L.G., Ormerod, T. & Lipshitz, R. (eds) *Naturalistic decision making and macrocognition*. Aldershot, UK: Ashgate. pp. 81–102.
22. Park, H. & Antonioni, D. (2007) Personality, reciprocity, and strength of conflict resolution strategy. *Journal of Research in Personality*. 41. pp. 1–125.
23. Knowles, E.S. & Linn, J.A. (2004) *Resistance and persuasion*. Mahwah NJ: Lawrence Erlbaum Associates Inc.
24. Luke T.J. et al. (2013) Interviewing to elicit cues to deception: Improving strategic use of evidence with general-to-specific framing of evidence. *Journal of Police Criminological Psychology*. 28. pp. 54–62.
25. Calvo, R.A. & D'Mello, S. (2014) *The Oxford Handbook of Affective Computing*. Oxford University Press.
26. Chernov, Y. & Engalychev, V. (2019) Distant profiling-aggression evaluation with formalized handwriting analysis. *Trends and Prospects of Development of Criminalistics and Forensic Expertise*. Proceedings of the International Conference. Yerevan, Armenia. pp. 87–96.

Received: 16 April 2021

М.П. Клеймёнов, Н.И. Верченко

ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Подчеркивается важность ухода в настоящее время от функциональности социально-правового мышления, необходимость обеспечить его независимость от изменяющихся групповых взглядов, сориентировать на защиту интересов всего населения России. Отмечается, что проблема социально-правового мышления имеет прогностическое измерение, которое определяется угрозами из будущего. Цель исследования – выявить такие угрозы, охарактеризовать негативные сдвиги в социально-правовом мышлении при реагировании на них.

Ключевые слова: право; социально-правовое мышление; прогнозирование; трансгуманизм; экономическая преступность; коррупция; бюрократия.

Проблема социально-правового мышления наиболее глубоко исследовалась в юридической науке в классической парадигме формально-логического подхода [1. С. 10], который, по замечанию А.Ю. Мордовцева, абстрагирован от ментально-антропологической, культурной заданности и определенности правового мышления, сопряженности с широким спектром правовых явлений [2. С. 39]. Такой подход закономерно порождает излишне оптимистичные утверждения: «Необходимо представлять суть сегодняшнего развития отечественного права и законодательства. Это время зрелости юридической доктрины и формирования социального правового мышления... Право как социальный институт постепенно ассимилирует современное ему государство. Неизбежно будет совершенствоваться политическая система в направлении полноценного народного суверенитета» [3. С. 27].

С нашей точки зрения, при оценке тенденций развития юридического мышления важно учитывать реальное состояние и динамику социально-правовой обстановки. В этой связи в современных условиях высокую актуальность приобретает вопрос о том, какое значение в интеллектуальной юридической деятельности имеет прогнозирование. Его актуальность обусловлена рядом обстоятельств.

1. Социально-психологическое состояние общества в последнее время во многом определяет страх перед будущим. Такой «футурошок» (по выражению известного исследователя в области социального предвидения Элвина Тоффлера) [4] вызван обострением общественных противоречий и конфликтов, противоборством различных сил, образований, формирований, доходящих порой до прямой конфронтации и применения насилия. Нельзя сбрасывать со счетов деидеологизацию многих социальных групп, потерю веры в позитивное развитие событий. Не случайно, как показывают многочисленные социологические исследования, значительная часть населения склонна оценивать современное положение в обществе как «тревожное» или даже «опасное». Так, по материалам исследований ФОМ 2015–2016 гг., высоки тревоги населения за будущее своих детей и внуков (40%), здоровье своих близких (44%), страхи перед угрозами террористических актов и диверсий (20%), что у значительной части респондентов (15%) порождает уныние, депрессию, неуверенность в будущем, чувство безысходности [5]. По данным Левада-

Центра, полученным в 2019 г., наибольшие опасения россияне высказывают по поводу болезни близких (4,2 по пятибалльной шкале), войны (3,4), произвола властей (3,4), возврата к репрессиям и ужесточения политического режима (2,9), нападения преступников (2,8) [6].

2. В оценках будущего произошел сдвиг в сторону иррационального. Общественное сознание активно мистифицируется путем публикации ненаучных прогнозов; оно стало более внушаемым и эмоциональным. Окультистские практики не только активно применяются в поле воздействия средств массовой информации (например, в рекламе) [7. С. 16–17], но проникают также в среду лиц, имеющих политическое влияние, включая воздействие на принятие решений правового характера. Этот аспект исследовался в работах Теодора Адорно [8. Р. 128–134] и Джорджа Оруэлла [9. Р. 114–119], которые установили положительную корреляцию между оккультизмом и фашизмом. Она выражалась не только в восхищении авторитетных оккультистов фигурами Муссолини и Гитлера, но и в увлеченности самих этих персонажей эзотерическими знаниями. Дж. Оруэлл указывал на тесную связь оккультизма и элитаризма, утверждая, что «сама концепция оккультизма включает идею о том, что знание должно быть тайной, доступной узкому кругу посвященных. Но такая же идея присуща и фашизму. Противники идеи всеобщего избирательного права, общенародного образования, свободы мысли, эмансипации женщин начинают с того, что обращаются к тайным культам» [9. Р. 118].

Вопреки мнению о нейтральности или даже полезности эзотерических знаний [10. С. 276–295], оккультное мышление не только антигуманистично, оно порождает общественно опасные фантомы. В современных условиях это постановка вопроса о пяти лишних миллиардах людей [11], проекты трансгуманизма и создания киборгов [12. С. 122–126], в которых явно просматривается влияние идей Ф. Ницше – любимого философа А. Гитлера [13. С. 245–250; 14. С. 149–152; 15].

3. Происходит профанация научных знаний, проникновение в науку мистификаторов и откровенных мошенников. Псевдонаучные спекуляции осуществляются на основе интеллектуальной ограниченности и правового невежества лиц, принимающих решения. Как отмечено в материалах Комиссии по борьбе с

лженаукой и фальсификацией научных исследований, экстрасенсы и астрологи разных мастей находили поддержку в администрации первого Президента России, в Министерстве обороны. Осужденный в 2006 г. за мошенничество экстрасенс Г. Грабовой (академик многих наших доморощенных «академий», многократный «доктор наук» и «профессор») читал цикл лекций в Министерстве по чрезвычайным ситуациям, консультировал Совет Безопасности РФ [16. С. 3]. Очевидно, это не случайно, потому что поиски «нового мышления» в различных сферах были начаты в эпоху перестройки и продолжают до сих пор.

В настоящее время наиболее активными сторонниками «нового мышления» в социально-правовой сфере являются криминологи (Л.В. Кондратюк [17], В.Н. Фадеев [18. С. 5–19], В.А. Номоконов [19. С. 20–29]), выступающие с позиций гностицизма. Однако если Л.В. Кондратюк видел изменение научной парадигмы в переносе внимания с социологии преступления на антропологию преступника, появляются авторы претендующие на создание «новой криминологии». Четко выразить эту новизну они не могут, поскольку придерживаются эклектических взглядов, где смешаны манихейство, экзистенциализм, эзотерика, технократизм и другие давно известные изгибы человеческой мысли, развивавшиеся в учениях гностиков, которые Л.Н. Гумилев характеризовал в качестве антисистем [20. С. 207–253; 21. С. 251–303]. Правда, авторы облачают эти «новые» идеи во внешне гуманистические упаковки, тем не менее, соглашаясь с перспективой появления человека с синтезированными (усовершенствованными) физиолого-когнитивными способностями и утверждая реализацию НБИКС-технологий, ориентированных как раз на проект трансгуманизма [22. С. 8–11]. Таким образом, «новое» социально-правовое мышление предлагает выйти за пределы базовых основ аскиологии, созданных всем позитивным опытом человеческой цивилизации, и реализовать проект создания гуманоида с заранее заданными свойствами. Легко понять, кем будут заданы эти свойства в условиях современного капитализма: о характеристиках матрицы «служебного человека» рассказывал членам Совета Федераций Федерального собрания Российской Федерации М.И. Ковальчук. По его словам, общая характеристика популяции «служебных людей» очень простая: ограниченное самосознание, управление размножением и дешёвая еда – генномодифицированные продукты [23].

Следует согласиться с философом В.А. Кутаревым, который взгляды трансгуманизма прямо называет объявлением войны человечеству как доведения до логического абсурдного завершения того геноцида, ибо в основе та же идея «усовершенствования» человека. В.А. Кутырев выдвигает в качестве принципа феноменологический антропоцентризм, обозначающий сохранение именно человеческих возможностей чувствования, данных нам от природы: «Для людей “лучшим из миров” является тот, где они способны жить, поддерживая свою идентичность» [24. С. 90]. «Русский национальный правовой менталитет, – пишет А.Ю. Овчинников, – лежит в основе евразийского

правопонимания и правового мышления, основными признаками которых являются: ценностно-рациональный характер легитимации правопорядка и отрицание юридического формализма; доминирование общественных идеалов и ценностей над личными; обостренное восприятие социальной справедливости; потребность в государственно-правовом патернализме; неприятие ценностного релятивизма в государственно-правовой идеологии; харизматическая легитимация верховной власти. Самобытность российского правового мышления несовместима с неолиберальной доктриной универсального правопорядка и унификацией права по принципу однополярной глобализации».

Ответ на вызов трансгуманизма со стороны российской правовой науки должен быть однозначным – криминализация экспериментов по созданию человека с заранее заданными свойствами как общественно опасных и угрожающих существованию человечества.

В современной России можно проследить и другую псевдогуманистическую тенденцию в социально-правовом мышлении, которая выражается в принципиальном ограничении мер уголовно-правового воздействия по отношению к преступникам в «белых воротничках». Она успешно лоббируется представителями коррумпированного бизнес-сообщества начиная с 2003 г. Именно в этом году принят Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [25]. Этот закон упразднил конфискацию имущества как вид наказания. «Уголовный закон лишился очень мощного правового инструмента устранения нечистых на руку людей, – констатировал Ю.В. Голик. – Эта мера наказания полностью соответствует принципу справедливости, закреплённому в Уголовном кодексе: хочешь несправедливо материально хорошо жить за счёт других людей или государства – будешь лишен по суду преступно нажитого имущества. С отменой конфискации утрачивается и предупреждающая функция уголовного закона, который недвусмысленно говорил: будешь красть – государство отнимет у тебя твоё имущество. Современные экономические преступники больше всего боятся не привлечения к уголовной ответственности, не осуждения как такового, а конфискации имущества, оставляющей их лишь с “потребительской корзиной”, как у большинства рядовых законопослушных граждан» [26]. П.А. Скобликовым была высказана мысль, что все иные изменения, внесенные в УК РФ Федеральным законом явились лишь дымовой завесой для упразднения конфискации как вида наказания [27. С. 64–66].

Как замечает Н.Ф. Кузнецова, происходит идеолого-правовое размежевание по проблеме уголовно-правовой политики в сфере противодействия экономической преступности в рядах ученых. Предлагается решать ее посредством гражданского законодательства, а именно по нормам о ничтожных сделках. Высказывается мнение о том, что российские олигархии «хорошие» и надо к ним относиться, как в американской пословице: «Что хорошо для Рокфеллера, то хорошо и для Америки». Так что известный вопрос «С

кем вы, господа ученые?» стал весьма актуальным [28. С. 333–334]. Таким образом, в современной России сложились два типа социально-правового мышления: сервиллистский (субъективный, обслуживающий интересы правящего класса) и независимый (объективный, опирающийся на постулаты социального правового государства).

В этой связи следует обратить внимание на тесную связь экономической и коррупционной преступности, что обусловлено, по меньшей мере, тремя обстоятельствами: а) включением экономических преступлений в перечень преступлений коррупционной направленности (перечень № 23) [29]; б) слиянием власти и бизнеса как генерального направления развития капитализма в России; в) невозможностью организованной криминальной деятельности в сфере экономики без коррупционной составляющей.

Сторонники неолиберализма в научной юридической среде последовательно обосновывают политику ослабления уголовной репрессии по отношению к экономической, а значит, и коррупционной преступности. Именно такая стратегия находится в основе Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере 2010 г., разработанной в соответствии с поручением Президента России авторским коллективом юристов и экономистов, придерживающихся неолиберальной идеологии [30]. Авторы упирают на неэффективную защиту прав собственности, но совершенно игнорируют вопрос о легитимности этой собственности. Концепция выполняет социальный заказ: теоретически обосновать необходимость декриминализации экономических преступлений и способствовать легализации «беловоротничковой» преступности. Налицо неприкрытый избирательный подход к уголовно-правовой политике, который выражает классовый интерес. Выясняется, что либералы от науки защищают интересы класса собственников (крупных), демонстрируя появление нового исторического феномена – «классового либерала». Этот феномен никак не совместим с демократическими ценностями и главным постулатом права «перед законом и судом все равны» [31. С. 210–213].

Политика эта продолжается, она выражает методологию социально-правового мышления наиболее влиятельной группы лиц, лоббирующих развитие российского законодательства в заданном направлении. Как отмечает П.А. Вырва, с помощью коррупционного лоббизма можно продвигать противоправные интересы отдельных лиц, создавать необоснованные привилегии и преимущества и даже легализовать коррупционные и преступные виды деятельности, запрещать полезные их виды. Подобные деяния угрожают национальной безопасности и стратегическим приоритетам Российской Федерации [32. С. 4].

В таких условиях важно обеспечить критичность, реализм, взвешенность оценок будущего при разработке правовых мер регулирования общественных отношений, исключить поспешность, непоследовательность, излишнюю эмоциональность и неразумность процесса социально-правового мышления. Гарантией этого является прогностический подход.

Способность к предвосхищению программируется генетически и у простейших организмов [33. С. 33], но только у человека она приобретает социализированные формы, определяющие тип мышления, его стиль и образ.

Образ социально-правового мышления с точки зрения прогнозирования представляет собой концептуальное отношение к будущему, основанное на нравственных императивах, традиционных для российского менталитета. В конечном счете, это выбор будущего с четко определенных идеологических позиций построения социального правового государства. В настоящее время чрезвычайно важно избежать функциональности социально-правового мышления, обеспечить его независимость от изменяющихся групповых взглядов, сориентировать на защиту интересов всего населения России. Строго говоря, социально-правовое мышление должно подчинять себе современную политическую идеологию, а не зависеть от нее. Правда, для этого необходимо качественное повышение его уровня. Только тогда становится возможным не допустить применения (или неприменения) уголовно-правовых средств в групповых интересах. Здесь уместно процитировать М.Д. Шаргородского, который в 1963 г. на Всероссийской научной конференции сказал: «Наука начинается там, где она говорит “Нет” законодателю» [34. С. 23].

Стиль социально-правового мышления с позиции прогностического подхода раскрывается через направленность приемов отбора, регистрации и истолкования информации о будущих событиях. Наиболее известный пример, характеризующий стиль мышления, – это установки на правоприменительную деятельность: какие действия имеют состав преступления, какие нет, каким образом следует реагировать на возможные социальные отклонения и т.п. Наряду с установками стиль мышления определяют традиции и стереотипы. Существенная черта, социально-правового мышления, сформированная предыдущими десятилетиями развития правовой системы, заключается в стремлении спрогнозировать характер реакции (одобрительная или критическая) на тот или иной возможный результат со стороны лиц, принимающих наиболее ответственные решения, и скорректировать выводы в соответствии с ожиданиями этих лиц.

Само собой разумеется, стиль мышления не является изначально отрицательной чертой интеллектуальной деятельности; он занимает определенное место в системе социальных значений в связи со своей содержательной характеристикой. Более того, социально-правовое мышление объективно невозможно без сознательной его ориентации. Таковы, например, предназначение и смысл толкования уголовно-правовых норм, в особенности аутентичного и легального. Речь идет о необходимости сохранения беспристрастности (точнее, пристрастности в рамках закона) по отношению к правовой действительности, в том числе будущей. И, конечно, недопустимо формировать стиль правового мышления средствами, противоречащими духу и букве закона, в частности используя дезинформацию, дискредитацию честных ученых, пассионариев от науки.

Tun социально-правового мышления в перспективном аспекте определяется путем специфической реакции на новое. Надо сказать, что попытки дать исчерпывающую характеристику типу такой реакции с помощью какого-либо термина (консервативная, реформаторская, радикальная) нельзя признать удачными. Указанные дефиниции малопродуктивны по причине своей эмоциональной насыщенности и поэтому не могут служить ключевыми. Здесь уместнее обратиться к антитезе «рациональный – нерациональный», имея в виду тот вред, который может быть причинен в результате того или иного типичного реагирования на нетрадиционные данные, нестандартные ситуации. Многие события новейшей истории показывают, насколько опасно не замечать новую социально-правовую информацию, сознательно игнорировать или превратно интерпретировать соответствующие данные.

Образ, стиль, тип характеризуют как профессиональное, так и обыденное социально-правовое мышление, причем по отношению к будущему, если судить по публикациям в специальной литературе и средствах массовой коммуникации, между профессионалами и населением существенных различий не наблюдается. Это объясняется, во-первых, недостатками в формировании социально-правового мышления при обучении. Например, преподавание по большинству юридических дисциплин, включая уголовное право и уголовный процесс, осуществляется без привития прогностических навыков, вне социально-динамического контекста. Отсюда эмпиризм в выработке соответствующих качеств, являющихся результатом собственного практического опыта. Во-вторых, ряды профессионалов постоянно обновляются и пополняются лицами, не имеющими специального юридического образования. Пример тому – состав депутатского корпуса разного уровня, где профессиональные юристы представлены в явно недостаточной степени. А ведь это – лица, ответственные за принятие важных решений, определяющие основные направления политики, включая уголовно-правовую. Они, безусловно, должны предвидеть последствия вырабатываемой под их контролем и с их непосредственным участием стратегии и обеспечивать рациональность вырабатываемых правовых мер. Думается, что прогностичность социально-правового мышления – одно из основных критериев его компетентности и профессионализма. Равным образом, несомненным признаком безответственности и дилетантизма интеллектуальной деятельности является недальновидность.

Сходство по указанному признаку социально-правового мышления профессионалов и общественности нежелательно по многим соображениям. Во-первых, недальновидность мышления обрекает на случайный поиск приемлемых стратегий уголовно-правовой политики, означая, по существу, экспериментирование на человеческих судьбах. Во-вторых, в этом случае возрастает вероятность возвращения к апробированным средствам уголовно-правового регулирования, рассчитанным не на перспективу, а на решение конкретных задач (например, удержание власти). В-третьих, создается объективная основа для

выводов о компетентности «общественного мнения» и аргументирования ссылками на него обоснованности определенного законоположения, выражающего, по сути, групповые интересы. Таков один из приемов реализации возможности замены или подмены результатов профессионального мышления субъективными усмотрениями и взглядами.

Таким образом, недальновидность социально-правового мышления иногда свидетельствует не только о легкомысленной безответственности, невежественности, самонадеянности субъекта (субъектов), но также о предвзятости. Иными словами, отсутствие прогностичности в интеллектуальной деятельности при определенных обстоятельствах указывает на то, что возможные неблагоприятные последствия принимаемых решений игнорируются сознательно. Легко установить различие между этими двумя векторами социально-правового мышления: в первом случае непредусмотрительность вредна для всех, включая самого деятеля (человека, коллектива, общества), во втором – отвечает чьим-либо интересам, выгодам. Сущность второй интеллектуальной стратегии может быть идентифицирована как феномен мнимой неопределенности.

Социально-правовое мышление часто осуществляется в ситуации неопределенности, ссылки на которую впоследствии – если наступили негативные результаты – дают возможность представить их как неожиданные и непредсказуемые. Учитывая прогностическую некомпетентность населения, в общественном мнении можно найти поддержку любого подобного заявления, в особенности когда речь идет о решениях, принятых на относительно высоком уровне. Создание интеллектуальных оснований для безответственности есть опасный негативизм социально-правового мышления, который, к сожалению, является еще довольно распространенным.

Не менее опасно также искажение информации о будущем. Представляя собой способ воздействия на социально-правовое мышление, дезинформация преследует цель формирования определенного мнения, настроения и в итоге – желательного решения или поведения. Подробно возможности управления процессом принятия решения путем формирования картины будущего рассмотрены в теории исследования операций. При этом управляемой «стороне» предлагается псевдоинформация, на первый взгляд, снимающая неопределенность ситуации. Такой подход может быть эффективным, если оперирующая «сторона» успешно имитирует внутренний мир и основания принятия решений лицами, выступающими объектами управления [35. С. 101]. Учитывая актуальность затронутой проблемы, целесообразно ввести в систему критериев социально-правового мышления шкалу «управляемость – независимость». Это особенно продуктивно в связи с бюрократизацией интеллектуальной деятельности в сфере борьбы с преступностью, реальными усилиями бюрократической структуры контролировать процесс принятия уголовно-правовых решений, затрагивающих ее интересы. Характерно, что в соответствии с законами бюрократической системы

[36], стремящейся скрыть действительные намерения в специфической терминологии, управляемость на бюрократическом языке идентична понятию «предсказуемость». И наоборот, непредсказуемость в этой системе смысловых значений синонимична независимости.

Иное (истинное) значение указанное (ключевое в контексте данного исследования) понятие обретает, когда структура социально-правового мышления анализируется не сверху управленческой пирамиды – до ее основания, а в противоположном направлении. В этом смысле предсказуемость означает уверенность в поведении управляющей подсистемы, перспектива которой выражена в соответствующих заявлениях, обещаниях, планах, программах. Предсказуемость становится синонимом надежности и стабильности. И напротив, когда обещания не выполняются, планы и программы оказываются несостоятельными, а заверения – ложными, это действует чрезвычайно угнетающе на социально-правовое мышление из-за невозможности предвидеть реальную перспективу и выстраивать разумную стратегию конструктивных преобразований.

Общество, в котором социально-правовое мышление лиц, принимающих решения на высоком уровне, характеризуется непредсказуемостью, развивается, как показывает практика, в одном направлении – к тоталитаризму. Многие мыслители (Д. Оруэлл, А. Солженицын, Г. Белль) отмечают случайность произвола, то, что его жертвой может стать любой; это и превращает страх в психологическую доминанту поведения.

Интересно отметить, что случайность (точнее, расчет на нее) присутствует и в тех системах, где непредсказуемость не достигает степени произвола. Здесь управляющее воздействие оказывается на социально-правовое мышление людей на примере обращения с совершившими случайно правонарушения «отступниками», «непослушными», к которым предъявляют объективность, по существу переходящую в предвзятость, и наоборот, те же правонарушения, совершенные другим лицом, могут вообще не повлечь никаких правовых последствий. Таков один из механизмов формирования конформистского социально-правового мышления. Вообще, конечной целью бюрократии является стремление контролировать мысли людей, а значит, управлять ими в собственных интересах.

Сказанное приводит к выводу о существенном влиянии, которое оказывает бюрократия на состояние и развитие социально-правового мышления. Для будущего, имея в виду правовое реформирование в любом направлении и его возможное воздействие на реальную социальную ситуацию, это имеет принципиальное значение. Поэтому важно видеть и анализировать логику мыслей и поступков бюрократической системы, динамику целей и форм реализации разрабатываемых в ней социальных предписаний. Не претендуя на полное исследование проблемы (это представляет самостоятельный научный интерес), отметим, что наиболее актуальные направления ее изучения, которые следует учитывать в процессе прогнозирования

социально-правового мышления, включают проверку следующих гипотез:

- увеличивается непредсказуемость действий бюрократии, что чревато многократным усилением центробежных сил и осложнением социально-правовой обстановки; бюрократическая система подрывает основную гарантию своего существования – доверие со стороны населения и многочисленных социальных групп;

- предписания бюрократической системы несовременны, прямолинейны, недальновидны, лишены гибкости, логического обоснования, поэтому они наталкиваются на внутреннее неприятие и часто приводят к противоположному результату; в социально-правовом плане это выражается выработкой эмоционально-негативных образцов мышления и неподчинением правовым нормам;

- бюрократия в обозримой перспективе своей деятельности ориентирована на приоритеты разрушительного, а не созидательного характера (борьба за власть, а не за восстановление природной культурной экологии и т.п.). Отсюда наблюдается ухудшение социально-психологической атмосферы в обществе, что мотивирует выработку скоропалительных, непродуманных социально-правовых решений на различных уровнях;

- деструктивные процессы характеризуют развитие бюрократической системы как по вертикали, так и по горизонтали; наиболее опасной в этой связи является усиление коррупции среди представителей бюрократического аппарата (произвола по корыстным мотивам), что свидетельствует о деформации социально-правового мышления;

- в основе реальной (а не декларируемой) идеологии бюрократии находятся примитивные, узкоэгоистические, корпоративные интересы, которые, если они реализованы в правовых предписаниях, лишают общество исторической перспективы, а человека – права выбора, а следовательно, свободы и ответственности; социально-правовое мышление, формируемое у представителей бюрократии и ими воспроизводимое и распространяемое (навязываемое) среди населения, по своему содержанию поверхностно, нетерпимо к инакомыслию, тяготеет к ригоризму и отчуждению от человеческой личности;

- наиболее агрессивные формы выражения социально-правового мышления появляются в тех кругах и группах бюрократической системы, которые опасаются утраты власти из-за возможности привлечения их к ответственности (в том числе уголовной) в будущем;

- представители вновь образуемых, создающихся бюрократических структур не становятся, по общему правилу, носителями прогрессивного, отвечающего требованиям времени, социально-правового мышления; велика вероятность повторения ими типичных ошибок той бюрократии, на смену которой они пришли или ряды которой пополнили.

Существенной характеристикой динамики социально-правового мышления является сдвиг интересов к проблемам настоящего без учета их перспективы, своего рода девальвация будущего. Причины того

многообразны и специфичны по отношению к различным специальным группам. Например, что касается бюрократии, то демократизация общества и иные позитивные общественные преобразования создали основу для гипертрофирования в ее сознании угрозы потере власти. В отношении представителей органов, профессионально занимающихся реализацией правовых норм, можно заметить, что здесь акцентирование внимания на настоящем в ущерб будущему объясняется увеличившейся напряженностью в текущей работе. Им рассуждения о будущем могут пока-

заться лишними, ненужными. Однако вопреки установкам подобной активной и пассивной футурофобии ценность прогностически обоснованного социально-правового мышления постоянно возрастает. Важно предвидеть последствия принятия юридических решений на любом уровне, потому что они касаются судеб людей. И, конечно, следует учитывать уроки истории, которая показывает гибельность любой политики, противоречащей законам развития человеческого общества. Такие законы неподвластны манипулятивным технологиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчинников А.И. Правовое мышление : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2004.
2. Мордовцев А.Ю. Юридическое мышление в контексте сравнительного правоведения: культурно-антропологические проблемы. Правоведение. 2003. № 2.
3. Силинов В.Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex russica. 2018. № 10.
4. Тоффлер О. Шок будущего. М. : АСТ, 2002. 557 с.
5. Страхи и тревоги: Фонд Общественное Мнение. URL: <https://www.fom.ru> (дата обращения: 21.02.2020).
6. Социологи Левада-Центра назвали главные страхи россиян. URL: <https://www.levada.ru> (дата обращения: 15.02.2020).
7. Клейменов М.П., Федоров А.Ю. Криминальное манипулирование в сфере экономической деятельности: криминологическая характеристика и предупреждение. Омск : Омская академия МВД РФ, 2008.
8. Adorno T.W. The Stars down to Earth and other Essays on the Irrational in Culture. L.; N. Y. : Routledge, 1994.
9. Orwell G. Critical Essays. L. : Secker and Warburg, 1946.
10. Пазы М. Оккультизм и современность: некоторые ключевые моменты // Государство. Религия. Церковь. 2013. № 4.
11. Carrington D. Paul Ehrlich: Collapse of civilization is near certainty within decades // The Guardian. 2018. 22 mar.
12. Сазеева И.Б., Грошева Т.Н. Антигуманистический характер философии трансгуманизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3, ч. 1.
13. Луков А. Трансгуманизм // Энциклопедия гуманитарных наук. 2017. № 1.
14. Чижикова Л.А. Наследие Ницше в дискурсе трансгуманизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 13.
15. Андрес У. Дарвинизм, Ницше, Гитлер и Холокост // Заметки по еврейской истории. 2016. № 5–6. URL: https://www.berkovich-zametki.com/2016/Zametki/Nomer5_6/Andres1.php (дата обращения: 26.02.2020).
16. Предисловие // Бюллетень «В защиту науки». 2006. № 1.
17. Кондрачук Л.В. Антропология преступления (микрокриминология). М. : Норма, 2001. 344 с.
18. Фадеев В.Н. Теоретико-методологические основы криминологии будущего // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1.
19. Номоконов В.А., Судакова Т.А. Позитивная криминология // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1.
20. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М. : Айрис-пресс, 2004.
21. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М. : АСТ, 2018.
22. Бахтиярова Е.З. О судьбоносном значении НБИКС-технологий в развитии человечества // Вестник Томского университета. 2012. № 4, вып. 1.
23. Клеточная война, колонии и «служебные» люди США. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=3de3096d-88a3-415e-8d04-cc57fa96dd5b> (дата обращения: 15.01.2020).
24. Кутырев В.А. Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества). Смоленск, 2006.
25. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 162-ФЗ от 08.12.2003 // Российская газета. 2001. 16 дек.
26. Голик Ю.В. Самый гуманный УК в мире // Известия. 2004. 6 марта.
27. Скобликов П.А. Конфискация имущества как наказание: аргументы за и против // Уголовное право Саратовского центра. 2004. № 2.
28. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М. : Городец, 2007.
29. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 // СПС КонсультантПлюс.
30. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. 196 с.
31. Клейменов М.П. Либеральная идеология и уголовное законодательство // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 1.
32. Вырва П.А. Криминологические аспекты коррупционного лоббизма в правотворческой деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2020.
33. Душков Б.А. География и психология. М., 1987.
34. Боруленков Ю.П. Правовое мышление как интеллектуальная составляющая юридического познания // Правоведение. 2017. № 2.
35. Смолян Г.Д. Методологические вопросы исследования операций : дис. ... канд. филос. наук. М., 1986.
36. Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. М. : Прогресс, 1989. 448 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 апреля 2020 г.

The Prognostic Aspect of Social and Legal Thinking

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 202–209.

DOI: 10.17223/15617793/465/27

Mikhail P. Kleymenov, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation); Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: klim798@mail.ru

Nadezhda I. Verchenko, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: n.verchenko@yandex.ru

Keywords: law; social and legal thinking; forecasting; transhumanism; economic crime; corruption; bureaucracy.

The problem of social and legal thinking has a prognostic dimension, which is determined by threats from the future, the number and intensity of which is noticeably increasing. The threats may be overlooked and ignored, or established but incorrectly understood and identified. The aim of the research is to identify such threats, to characterize negative shifts in social and legal thinking when responding to them, to determine and establish the constructive content of the image, style and type of this thinking. The methodological basis of the research is a dialectical method, systems analysis, generalization of sociological polls and the use of a hermeneutic approach in their interpretation. The socio-psychological state of society in recent years is largely determined by the fear of the future. Sociological survey materials clearly show this “future shock”, and fear of the future is often motivated by threats of a criminal nature. There has been a shift towards the irrational in assessments of the future. Contrary to the opinion that esoteric knowledge is neutral or even useful, occult thinking is not only anti-humanistic, it also generates socially dangerous phantoms. In modern conditions, these are raising the question of “extra” billions of people, projects of transhumanism and the creation of cyborgs. Another negative trend in social and legal thinking is clearly traced; it is expressed in the fundamental limitation of measures of criminal law in relation to “white-collar” criminals. Prominent lawyers consistently substantiate the policy of weakening criminal repression in relation to economic and, therefore, corruption crimes. Not all scholars agree with this; this is why there are two types of social and legal thinking in modern Russia: servile (subjective, serving the interests of the ruling class) and independent (objective, based on the postulates of a social legal state). The phenomena of active and passive futurophobia should be identified in social and legal thinking. An example of the former is the overestimation of the threat of losing power in the legal consciousness of the bureaucracy (decision-makers), and an example of the latter is the devaluation of the future in the legal consciousness of law enforcement officers, which is explained by the increased tension of the current work. It is important to anticipate the consequences of legal decisions at any level because they affect people’s fate. The authors come to the following conclusions. (1) The predictability of social and legal thinking is one of the main criteria for its competence and professionalism. (2) A society in which the social and legal thinking of decision-makers is characterized by unpredictability develops in the direction of totalitarianism. (3) The answer to the challenge of transhumanism on the part of Russian legal science should be unambiguous – experiments to create a person with predetermined properties should be criminalized as socially dangerous and threatening the existence of humankind.

REFERENCES

1. Ovchinnikov, A.I. (2004) *Pravovoe myshlenie* [Legal thinking]. Abstract of Law Dr. Diss. Krasnodar.
2. Mordovtsev, A.Yu. (2003) *Yuridicheskoe myshlenie v kontekste sravnitel'nogo pravovedeniya: kul'turanthropologicheskie problemy* [Legal thinking in the context of comparative jurisprudence: cultural anthropological problems]. *Pravovedenie*. 2.
3. Sinyukov, V.N. (2018) Legislation in Russia: challenges of social integration. *Lex Russica*. 10. (In Russian).
4. Toffler, A. (2002) *Shok budushchego* [Future Shock]. Translated from English. Moscow: AST.
5. Fond Obshchestvennoe Mnenie [Public Opinion Foundation]. (2020) *Strakhi i trevogi* [Fears and anxieties]. [Online] Available from: <https://www.fom.ru> (Accessed: 21.02.2020).
6. Levada Center. (2020) *Sotsiologi Levada-Tsentra nazvali glavnye strakhi rossiyan* [Sociologists of the Levada Center named the main fears of Russians]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru> (Accessed: 15.02.2020).
7. Kleymenov, M.P. & Fedorov, A.Yu. (2008) *Kriminal'noe manipulirovanie v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie* [Criminal manipulation in the sphere of economic activity: criminological characteristics and prevention]. Omsk: Omsk Academy of the RF MIA.
8. Adorno, T.W. (1994) *The Stars down to Earth and other Essays on the Irrational in Culture*. London; N.Y.: Routledge.
9. Orwell, G. (1946) *Critical Essays*. London: Secker and Warburg.
10. Pasi, M. (2013) The Modernity of Occultism: Reflections on Some Crucial Aspects. *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov' – State. Religion. Church*. 4. (In Russian).
11. Carrington, D. (2018) Paul Ehrlich: Collapse of civilization is near certainty within decades. *The Guardian*. 22 March.
12. Sazeeva, I.B. & Grosheva, T.N. (2017) Antihumanistic nature of transhumanism philosophy. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 3 (1). (In Russian).
13. Lukov, A. (2017) Transhumanism. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 1. (In Russian).
14. Chizhikova, L.A. (2013) Nasledie Nitshe v diskurse transumanizma [Nietzsche's legacy in the discourse of transhumanism]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 13.
15. Andres, U. (2016) Darvinizm, Nitshe, Gitler i Kholokost [Darwinism, Nietzsche, Hitler and the Holocaust]. *Zametki po evreyskoy istorii*. 5–6. [Online] Available from: https://www.berkovich-zametki.com/2016/Zametki/Nomer5_6/Andres1.php (Accessed: 26.02.2020).
16. *V zashchitu nauki*. (2006) Predislovie [Foreword]. 1.
17. Kondratyuk, L.V. (2001) *Antropologiya prestupleniya (mikrokriminologiya)* [Anthropology of crime (microcriminology)]. Moscow: Norma.
18. Fadeev, V.N. (2020) The theoretical and methodological basis of criminology of the future. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 14 (1). (In Russian).
19. Nomokonov, V.A. & Sudakova, T.A. (2020) Positive criminology in a fight for the human being. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 14 (1). (In Russian).
20. Tikhomirov, L.A. (2004) *Religiozno-filosofskie osnovy istorii* [Religious and philosophical foundations of history]. Moscow: Ayris-press.
21. Gumilev, L.N. (2018) *Konets i vnov' nachala* [An end and a new beginning]. Moscow: AST.
22. Bakhtiyarova, E.Z. (2012) On the fateful meaning of NBICS technology in the development of humanity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4 (1). (In Russian).
23. RAS. (2015) *Kletochnaya voyna, kolonii i “sluzhebnye” lyudi SSHA* [Cell war, colonies and “service” people of the United States]. [Online] Available from: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=3de3096d-88a3-415e-8d04-cc57fa96dd5b> (Accessed: 15.01.2020).
24. Kuttyrev, V.A. (2006) *Filosofskiy obraz nashego vremeni (bezzhiznennye miry postchelovechestva)* [The philosophical image of our time (the lifeless worlds of posthumanity)]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical Institute.
25. *Rossiyskaya gazeta*. (2001) O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Uголовnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon № 162-FZ ot 08.12.2003 [On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 162-FZ of 08 December 2003]. 16 December.
26. Golik, Yu.V. (2004) Samyy gumannyy UK v mire [The most humane Criminal Code in the world]. *Izvestiya*. 6 March.
27. Skoblikov, P.A. (2004) Konfiskatsiya imushchestva kak nakazanie: argumenty za i protiv [Confiscation of property as a punishment: arguments for and against]. *Uголовnoe pravo Saratovskogo tsentra*. 2.
28. Kuznetsova, N.F. (2007) *Problemy kvalifikatsii prestupleniy: Lektsii po spetskursu “Osnovy kvalifikatsii prestupleniy”* [Problems of qualification of crimes: Lectures for the special course “Fundamentals of qualification of crimes”]. Moscow: Gorodets.

29. Russian Federation. (2020) *On the introduction of the lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting: Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia No. 35/11, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 of 24.01.2020*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345696/. (In Russian).
30. Zhalinskiy, A.E. et al. (2010) *Kontseptsiya modernizatsii ugolovnogo zakonodatel'stva v ekonomicheskoy sfere* [The conception of modernization of criminal legislation in the economic sphere]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya".
31. Kleymenov, M.P. (2011) *Liberal'naya ideologiya i ugolovnoe zakonodatel'stvo* [Liberal ideology and criminal legislation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of Omsk University. Series: Law*. 1.
32. Vyrva, P.A. (2020) *Kriminologicheskie aspekty korruptsiionnogo lobbizma v pravotvorcheskoy deyatel'nosti* [Criminological aspects of corruption lobbying in lawmaking]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnoyarsk.
33. Dushkov, B.A. (1987) *Geografiya i psikhologiya* [Geography and Psychology]. Moscow: Mysl'.
34. Borulenkova, Yu.P. (2017) *Pravovoe myshlenie kak intellektual'naya sostavlyayushchaya yuridicheskogo poznaniya* [Legal thinking as an intellectual component of legal knowledge]. *Pravovedenie*. 2.
35. Smolyan, G.D. (1986) *Metodologicheskie voprosy issledovaniya operatsiy* [Methodological issues of operations research]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
36. Parkinson, S.N. (1989) *Zakony Parkinsona* [Parkinson's law]. Translated from English. Moscow: Progress.

Received: 22 April 2020

Н.Ю. Лебедев, Ю.В. Лебедева, И.Э. Толстова, Т.Ю. Калошина

ТРИ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ, СВЯЗАННЫХ С РАЗГЛАШЕНИЕМ ИНФОРМАЦИИ КОНФИДЕНЦИАЛЬНО-ВОЕННОГО ХАРАКТЕРА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ)

Рассматриваются проблемные аспекты, связанные с понятием и содержанием «государственная тайна», соотношением его с понятием «военная тайна». Поднимаются вопросы необходимости совершенствования тактики производства следственных действий на территории воинских частей, акцентируется внимание на проблеме, связанной с тем, как должен действовать следователь если приходит к выводу, что получаемая и фиксируемая в протоколе следственного действия информация может быть отнесена к военной тайне.

Ключевые слова: государственная тайна; военная тайна; преступления, совершенные военнослужащими; тактики производства следственных действий; воинская часть.

Введение

Совершенствование регулирования правовых отношений, связанных с обеспечением охраны конфиденциальной информации во всех сферах жизнедеятельности общества, является одним из основополагающих направлений, обеспечивающих национальную безопасность любого государства.

Безусловно, вопросы сохранения государственной тайны всегда находились в центре внимания как сотрудников силовых ведомств, так и ученых, публикующих научные работы, посвященные данной проблематике.

В представленной статье мы попробуем поднять проблему, касающуюся возможного разглашения военной тайны при расследовании преступлений, совершенных военнослужащими, так как при оформлении любого процессуального документа следователю необходимо очень ответственно подходить к фиксации необходимой информации, а именно с оглядкой на возможную ее конфиденциальность, дабы не совершить правонарушение (преступление), связанное с возможным разглашением сведений в «военной области».

Актуальность представленной статьи обусловлена следующими факторами, свидетельствующими об актуальности описываемой проблемы:

1. На современном этапе развития гражданского общества криминальное сообщество совершенствует механизмы совершения преступлений, разрабатывает новые способы подготовки, непосредственного совершения и сокрытия преступлений, совершенствует преступную квалификацию, осваивает гиперпространство, разрабатывает электронные (цифровые) устройства и оборудование, используемые в качестве орудий преступления, совершенствует компьютерные программы, позволяющие преодолевать системы безопасности и подключаться к серверам, в том числе военных и иных силовых ведомств, на которых размещается конфиденциальная информация, относящаяся к государственной или иной охраняемой законом тайне.

2. До сих пор ученые-криминалисты, оставляют без особого внимания вопросы, касающиеся необходимости криминалистического сопровождения рас-

следования преступлений, совершаемых военнослужащими. Представленные в научном пространстве частные криминалистические методики расследования преступлений, совершенные военнослужащими, в определенной степени устарели и требуют внесения корректировок и дополнений.

Чаще всего исследования носят фрагментальный характер и не охватывают всех проблем, касающихся данной тематики, либо требуют переосмысления и переработки с оглядкой на современные тенденции, в том числе с учетом условий, в которых проводится предварительное расследование, а именно обстановки, при которой практически любые сведения, описываемые в материалах уголовного дела, по сути, являются секретными и относятся к военной тайне (например, наименование воинской части, описание территории, особенности объектов и др.).

3. В научном пространстве нет единого подхода к понятию сведений, составляющих государственную тайну, и определению их содержания. Имеющиеся нормативные правовые акты не отвечают реалиям современного правового пространства и требуют совершенствования с учетом запросов правоприменительной практики.

4. Работ, посвященных определению понятия «военная тайна» и соотношению его с понятием «государственная тайна», практически нет, а имеющиеся публикации носят достаточно поверхностный либо дискуссионный характер. Отсутствуют рекомендации по оценке информации, соприкасающейся с деятельностью в военной области и определению степени ее конфиденциальности и секретности.

5. Тактика производства следственных действий с участием военнослужащих имеет свои особенности, связанные со спецификой прохождения службы, ее содержанием, условиями и обстановкой их проведения с учетом направления деятельности воинской части, что требует от следователя не только повышенной ответственности, но и профессионального опыта.

Безусловно, мы перечислили только часть факторов, которые свидетельствуют об актуальности описываемых в представленной статье проблем.

Материалы и методы

В ходе подготовки статьи проанализированы статистические данные, раскрывающие количественные и качественные показатели, касающиеся преступлений, совершенных военнослужащими за период с 2017 по 2019 г.

По специально разработанной анкете было изучено 84 уголовных дела, производство которых осуществлялось в отношении военнослужащих по различным категориям преступлений, а следственные и иные процессуальные действия осуществлялись на территориях воинских частей в условиях, когда в протоколах фиксировалась информация, по своему содержанию носившая служебно-конфиденциальный характер.

Выводы, представленные в заключительной части, также являются отражением результатов опроса дознавателей воинских частей и военнослужащих, проходящих службу на различных командирских должностях.

Правовую базу представленного текста статьи составили Конституция Российской Федерации, различные Федеральные Законы, а также иные нормативные правовые акты, затрагивающие правовое регулирование порядка обращения с военно-служебной информацией, требующей специального отношения к ней.

Теоретическая основа опирается на работы ученых, которые в своих публикациях затрагивали такие проблемные аспекты, как понятие военной тайны; оценка сведений, носящих конфиденциальный характер; отграничение информации служебного характера от секретной; выбор тактических приемов при производстве следственных действий на территории воинской части и др.

Нельзя было оставить без внимания зарубежный опыт обеспечения государственной безопасности в сфере неразглашения сведений, составляющих государственную тайну [1]. Как отмечают зарубежные коллеги, огромное значение в совершенствовании данной сферы имеет реформирование нормативной правовой базы соответствующего государства [2. Р. 533–574].

Однако так же, как и в Российской Федерации, в европейских странах нет единого подхода ни к понятию «государственной тайны», ни к правовому регулированию обеспечения ее сохранности [3. Р. 8–9].

Методологическую основу статьи составили различные аспекты, разработанные философией, теорией объективно существующей действительности во взаимосвязи с теорией познания, законами и категориями диалектики, логики и социологии. Применялись апробированные юридическими науками общенаучные и частнонаучные методы познания объективной действительности.

Результаты

Проблемам производства следственных и иных процессуальных действий посвящено достаточно много работ, однако до сих пор вне поля зрения ученых в области криминалистики и уголовного процес-

са остаются следственные действия, при производстве которых «всплывает» информация, которая по своему содержанию может быть отнесена к сведениям, являющимся государственной тайной, и непосредственно «в военной области» – военной тайной.

Деятельность субъекта расследования невозможна без взаимодействия с огромным количеством людей, что накладывает на него повышенную ответственность при производстве по уголовным делам в материалах, где может фигурировать конфиденциальная информация, работа с которой требует так называемой особой профессиональной компетенции [4].

В настоящее время, в уголовно-процессуальном кодексе закреплены только три правовых тезиса, которые определяют порядок работы с информацией, содержащей сведения, относящиеся к государственной тайне. Первый тезис гласит: «выемка предметов и документов, содержащих государственную тайну, осуществляется только на основании судебного решения» (п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ; ч. 3 ст. 183 УПК РФ), второй тезис гласит: «Копии документов и выписки из уголовного дела, в котором содержатся сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, хранятся при уголовном деле и предоставляются обвиняемому и его защитнику во время судебного разбирательства» (ч. 2 ст. 217 УПК РФ); третий тезис гласит, что судебное разбирательство может проводиться в закрытом порядке, если «разбирательство уголовного дела в суде может привести к разглашению государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны» (п. 1 ч. 2 ст. 241 УПК РФ).

Учитывая, что речь идет об одном из важнейших направлений по организации обеспечения государственной безопасности Российской Федерации, этого, безусловно, недостаточно и требуется более серьезное обращение на себя внимания законодателя.

Необходимо на законодательном уровне более четко сформулировать ответы на вопросы, которые могут возникнуть у следователя при производстве по уголовным делам. Это, например, такие проблемные вопросы:

1) какие сведения могут содержать информацию, являющуюся государственной или иной охраняемой законом тайной;

2) по каким признакам следователь (дознаватель) должен осуществлять оценку данных сведений с точки зрения наличия в них государственной или иной охраняемой законом тайны;

3) как должен действовать следователь (дознаватель), если приходит к выводу, что получаемая и фиксируемая в протоколе следственного действия информация может быть отнесена к государственной или иной охраняемой законом тайне.

Наиболее остро указанные проблемы возникают при расследовании преступлений, совершаемых военнослужащими, так как само место службы, ее содержание и многие другие аспекты могут включать сведения, не подлежащие широкой огласке, а их разглашение – признаки уголовно наказуемого деяния.

Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими внутри воинских частей и учреждений,

можно отнести к особой категории с точки зрения необходимости сохранения в тайне различных сведений, не подлежащих разглашению, так называемой военной тайны.

Дискуссия

Проблема усугубляется еще и тем, что, помимо отсутствия в российском законодательстве нормативного закрепления понятия «военная тайна», немногие ученые брали на себя смелость доктринально подойти к рассматриваемой проблеме и предложить авторский взгляд на данное понятие, а также сформулировать предложения, которые могли бы заполнить имеющийся пробел в законодательстве. Представим некоторые из них.

Так, Н.Л. Волковский, предлагает достаточно простой подход к понятию «военная тайна» и говорит, что это разновидность государственной тайны, которая содержит сведения военного характера, специально охраняемые государством [5. С. 48–57].

Похожее понятие предлагает И.А. Слободанюк, под военной тайной он понимает «сведения военного характера, доступ к которым ограничен органами государственной власти и военного управления в соответствии с федеральным законом» [6. С. 48].

Достаточно дискуссионный взгляд на содержание военной тайны в 1999 г. предложил Х.М. Ахметшин, выдвинув точку зрения, согласно которой военную тайну могут составлять сведения, не только являющиеся государственной тайной, но и иные сведения, которые по своему содержанию не подлежат разглашению [7. С. 169].

В последующем данная позиция была полностью поддержана и повторена в определении «военная тайна», которое дали Т.С. Олейник и А.Б. Шавкеро: «военная тайна – это сведения военного характера, как составляющие государственную тайну, так и не составляющие государственную тайну, но не подлежащие оглашению» [8. С. 357–359].

Весьма категоричную позицию описывает в своей статье Е.Н. Ярмонова, которая считает, что «военная тайна» – это самостоятельная по своему содержанию конфиденциальная информация служебного характера, полученная при выполнении военных обязанностей, но не входящая в «государственную тайну» [9. С. 97–100].

С нашей точки зрения, ни с одним из представленных понятий по своему содержанию нельзя согласиться в полном объеме, в каждом из них представлены, в некотором смысле, словесные абстракции, например, «военная тайна» «содержит сведения военного характера», соответственно, требует пояснения, какие сведения отражают «военный характер», а какие нет, или «военная тайна» – сведения «...являющиеся государственной тайной, но и **иные сведения**, которые по своему содержанию не подлежат разглашению» (выделено нами. – *Авт.*). Использование в любом «определении» слова «иные» делает его содержание неопределенным, не ограниченным какими-либо рамками и расширенным к пониманию.

Учитывая, что в случае разглашения сведений военно-конфиденциального характера речь может идти

об угрозе национальной безопасности нашей страны, на сегодняшний день требуется более корректное формулирование на нормативном уровне таких определений как: государственная тайна; военная тайна; служебная тайна; сведения для служебного пользования, и других определений, касающихся информации, в которой могут содержаться сведения конфиденциального характера.

В современной России, одним из первых правовых шагов в систематизации сведений, которые относятся к военной тайне как одной из разновидностей государственной тайны, можно считать принятие Федерального Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 29.07.2018) «О государственной тайне», а вторым шагом – опубликование Указа Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 (ред. от 08.08.2019) «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне».

Рассматривая проблему обеспечения сохранения конфиденциальной информации, и непосредственно понимания, что является информацией, содержащей сведения, относящиеся к военной тайне, мы будем опираться на представленные выше два нормативных правовых акта.

В статье 2 Федерального Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» дается определение государственной тайны, которое на первый план выдвигает защищаемые государством **сведения в области его военной деятельности**, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации, а в п. 1 ст. 5 данного нормативного правового акта законодатель уже по иному дает формулировку и закрепляет **сведения в военной области**, которые составляют военную тайну.

Как можно видеть, законодатель использует два словосочетания: в одном случае он пишет «сведения в области его военной деятельности», а в другом – «сведения в военной области»; возникает вопрос, как соотносятся данные словосочетания по своему смысловому содержанию.

На наш взгляд, «сведения в военной области» имеют более широкое содержание, так как могут включать в себя как «сведения в области военной деятельности», так и иные сведения, например, о месте расположения военного объекта, его структуре, штатной численности военнослужащих, сведения о содержании документов, боевых возможностях и др. В последующем в Указе Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне», список «сведений в военной области» был расширен и конкретизирован с учетом деятельности конкретных правоохранительных органов.

Однако в любом случае мы сталкиваемся с законодательной неопределенностью, позволяющей выдвинуть предположение, что фактически при расследовании преступлений в отношении военнослужащих любой протокол следственного действия содержит информацию, которая будет относиться к «сведениям в военной области», являться военной (государственной) тайной и, соответственно, требовать особого

правового регулирования ее фиксации и в целом последующего использования лицом, в производстве которого находится уголовное дело.

Рассмотрим три, казалось бы, «обычных» следственных действия, в ходе производства которых при расследовании преступлений, совершенных военнослужащими, возможно фигурирование сведений, составляющих военную тайну.

Два первых следственных действия – осмотр места происшествия и проверка показаний на месте.

Смоделируем несколько вариантов:

1. Если осмотром места происшествия либо местом проверки показаний на месте является участок местности воинской части или учреждения, то в поле зрения следователя (дознателя) попадает и в последующем может быть зафиксировано в протоколе:

- общая площадь, занимаемая воинской частью или учреждением;
- место размещения командования и подразделений управления воинской частью или учреждением;
- расположение казарменных помещений, их размеры и количество;
- расположение автомобильного парка и боевой техники с их наименованием и количеством;
- расположение места приготовления и приема пищи военнослужащими;
- расположение контрольно-пропускных пунктов;
- расположение места хранения оружия;
- расположение мест спортивной и боевой подготовки военнослужащих;
- информация об инженерной инфраструктуре и др.

2. Если осмотром места происшествия является помещение воинской части или учреждения, то в поле зрения следователя (дознателя) попадает и в последующем может быть зафиксировано в протоколе:

- в казарменном помещении – его размеры, количество койкомест и их расположение;
- в служебных помещениях – их наименование, расположение и предназначение, количество рабочих мест и расположение сейфов;
- в столовой – расположение и количество мест для приема пищи;
- в автопарке – зонирование и внутреннее техническое оснащение, наименование и количество техники.

Третье следственное действие – допрос, в ходе которого фиксируются сведения как о допрашиваемом военнослужащем (потерпевшем, свидетеле, обвиняемом), его должности и, возможно, должностных обязанностях, его воинском звании, о сроке общего стажа службы и сроке службы в должности, так и сведения о других военнослужащих, проходящих службу в воинской части или учреждении, где совершено преступление, а также сведения о самом преступлении, которые могут содержать определенную информацию о воинской части или учреждении.

Кроме того, В.А. Талалаева отмечает, что в ходе допроса при необходимости может быть получена информация о «составе суточных нарядов (караула), графике несения службы дневальными, проверках службы, проводимых должностными лицами подраз-

деления (части), расходе личного состава на конкретное время» и др. [10. С. 77–79].

По делам о хищении оружия и боеприпасов в ходе допроса фиксируется информация, в какое время и когда поступило оружие и боеприпасы; какие должностные лица отвечают за порядок хранения, а также выдачу оружия и боеприпасов; о наименовании похищенного оружия и боеприпасов и их количестве; о формате несения службы и др. [11. С. 63–67].

То есть фактически «заинтересованные лица», получив возможность ознакомиться с материалами уголовного дела, например, уже рассмотренного судом и находящегося в архиве, либо получившие копии материалов от недобросовестного защитника, могут без особого труда составить достаточно подробное представление о воинской части и получить сведения, которые в соответствии с Указом Президента РФ [12] относятся к государственной тайне, например, «сведения о мобилизационной готовности войск, о возможностях их комплектования личным составом, обеспечения вооружением, военной техникой, другими материальными, финансовыми средствами или воинскими перевозками (п. 6). Сведения о планах строительства (совершенствования), развитии, численности, боевом составе, боевых возможностях или количестве войск, состоянии боевой готовности войск, состоянии боевого обеспечения, составе дежурных сил (средств) и состоянии их готовности (п. 9). Сведения о тактико-технических характеристиках, возможностях боевого применения вооружения, военной техники (п. 17). Сведения, раскрывающие порядок применения или эксплуатации вооружения, военной техники (п. 18)» и др.

Заключение

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости принятия мер, направленных на обеспечение нераспространения информации в военной области в целях обеспечения безопасности и обороны страны.

Такие меры можно разделить на три группы:

Первая – разработка и нормативное закрепление особого правового режима при производстве по уголовным делам в отношении военнослужащих, которые предусматривают повышенное обеспечение конфиденциальности и сохранение в тайне любых сведений, связанных с местом их службы.

По аналогии с Главой 50, предусматривающей особенности производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, целесообразно в УПК РФ закрепить отдельной главой, содержащей совокупность норм, регламентирующих особенности возбуждения уголовного дела, производства следственных и иных процессуальных действий, соединения или выделения уголовных дел, участия защитника, ознакомления с материалами уголовного дела и др.

Если говорить более конкретно о возможном содержании предлагаемого уголовно-процессуального института, то можно предложить следующую структуру.

1. Необходимо подробно представить классификацию военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, воинских частей, соединений, военных учреждений и гарнизонов, а также иных лиц из числа гражданского персонала, обеспечивающих их деятельность, на которых будут распространяться нормы предлагаемого института.

2. Необходимо прописать дополнительные специфические обстоятельства, которые будут подлежать установлению.

3. Необходимо отразить особенности задержания военнослужащего и избрания в отношении него меры пресечения, которые бы учитывали специфику и содержание военной службы, звание и должностное положение, характер самих преступных действий.

4. Необходимо проработать особенности вызова и привлечения к участию в следственных действиях военнослужащих потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, свидетелей и понятых.

5. Детально регламентировать особенности производства некоторых следственных действий, учитывая опять же специфику военной службы, характеристику подразделения, наличие вооружения и боеприпасов, удаленность и секретность воинской части и др.

6. По аналогии с несовершеннолетними предложить по возможности выделять уголовное дело в отношении военнослужащего в отдельное производство при совершении преступления в группе с гражданскими лицами.

7. Описать порядок обеспечения права подозреваемого (обвиняемого) на защиту. Прописать правовой механизм приглашения, назначения и замены защитника.

8. Предусмотреть случаи обязательного участия представителя потерпевшего-военнослужащего, например, при причинении вреда здоровью, которое не позволяет ему самостоятельно осуществлять свои права в полном объеме.

Представленный перечень структурных элементов предлагаемого уголовно-процессуального института не является исчерпывающим. Безусловно, нельзя оставить без внимания и другие особенности досудебного производства по уголовным делам данной категории, а также без рассмотрения и разрешения уголовного дела в военных судах, специфики предварительного слушания и судебного следствия.

Вторая группа мер – совершенствование частных криминалистических методик расследования преступлений, совершенных военнослужащими, тактики производства следственных действий, а также рассмотрения и разрешения уголовных дел в суде первой инстанции.

Третья группа мер – серьезная потребность в научно-теоретическом обеспечении совершенствования деятельности, связанной с оборотом конфиденциальных сведений, разработки понятия «военная тайна» и его соотношения с государственной и иной охраняемой законом деятельностью, ограничения сведений для служебного пользования от секретных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Police spies stole identities of dead children // The Guardian. 2013. 3 February.
2. Grindle M.S. Good Enough Governance Revisited // Development Policy Review. 2007. Vol. 25, № 5. P. 533–574.
3. Nye J. The paradox of American power: why the world's only super power can't go it alone. New York, 2002. P. 8–9.
4. Velde C. Crossing borders: an alternative conception of competence // 27 Annual SCUTREA Conference. 1997. 27–.
5. Волковский Н.Л. Свобода слова и военная тайна: исторический аспект // Век информации. 2015. № 2. С. 48–57.
6. Слободанюк И.А. Развитие уголовного законодательства об ответственности военнослужащих за посягательства на режим сохранности государственной и военной тайны. М., 2005.
7. Ахметшин Х.М. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации. М., 1999.
8. Олейник Т.С., Шавкоро А.Б. Военная тайна в системе информации ограниченного доступа // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 357–359.
9. Ярмонова Е.Н. Проблемы разграничения военными судами сведений, составляющих военную и государственную тайну // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 1. С. 97–100.
10. Талалаев В.А. Организационно-тактические особенности допроса при расследовании нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими // Традиции и перспективы развития криминалистической тактики : материалы круглого стола с междунар. участием / ред.: В.Б. Шабанов, А.А. Абдурахманов, Е.П. Орехова. Минск, 2017. С. 77–79.
11. Козловцев Д.М. Допрос свидетелей на начальном этапе расследования уголовных дел о хищениях оружия и боеприпасов, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 63–67.
12. Указа Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 (ред. от 08.08.2019) «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне».

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 января 2021 г.

Three Ways to Overcome the Problem of Confidential Military Disclosure in the Investigation (Forensic and Criminal Procedure)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 210–215.

DOI: 10.17223/15617793/465/28

Nikolai Yu. Lebedev, Novosibirsk Military Institute of the Internal Troops named after General of the Army I.K. Yakovlev of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: lebedevnu@rambler.ru

Yulia V. Lebedeva, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: lebedeva28031973@rambler.ru

Irina E. Tolstova, Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: irina_edvin@mail.ru

Tatiana Yu. Kaloshina, Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kaloshinatu@mail.ru

Keywords: state secrets; military secrets; crimes committed by the military; tactics of investigation; military unit.

In the article, the authors examine the problematic aspects connecting with the concept “state secret” and its relationship with the concepts “military secret” and “confidential information” based on the deep analysis of the empirical material, data systematization, analysis of the criminal cases initiated and investigated against the military personnel and also from the survey of practitioners (military personnel). The questions are raised about the need to improve the investigative tactics on the territory of military units or institutions. The article focuses on the problem related to the need to clarify the answers to the questions an investigator may have in criminal cases at the legislative level, e.g., What data may contain information that is a state secret or another secret protected by law? On which grounds should the investigator (inquirer) evaluate information as containing a state secret or another secret protected by law? How should the investigator (inquirer) act if they conclude the received or recorded information can be classified as a state secret or another secret protected by law? The problem is complicated by the fact that, in addition to the absence of the concept “military secret” in Russian legislation, not many scholars have taken the liberty to approach the problem doctrinally, to offer an authorial view on the concept and to formulate proposals that could fill the gaps in legislation. The authors conclude that it is necessary to develop measures to prevent dissemination of information in the military field in order to ensure the security and defense of the country. Three ways of developing these measures are proposed. Firstly, the development and normative consolidation of a special legal regime in criminal proceedings against military personnel is important. Secondly, it is necessary to improve the special methods of crime investigation committed by military personnel, investigative tactics, as well as criminal case consideration and resolution in the court of first instance. Thirdly, there is a serious need for a scientific and theoretical support of enhancing activities connected with confidential information, developing the concept “military secret” and its relationship with a state secret or another secret protected by law, delimiting information for official use and secret information.

REFERENCES

1. *The Guardian*. (2013) Police spies stole identities of dead children. 3 February.
2. Grindle, M.S. (2007) Good Enough Governance Revisited. *Development Policy Review*. 25 (5). pp. 533–574.
3. Nye, J. (2002) *The paradox of American power: why the world's only super power can't go it alone*. New York: OUP. pp. 8–9.
4. Velde, C. (1997) Crossing borders: an alternative conception of competence. *27 Annual SCUTREA Conference*. 27–5.
5. Volkovskiy, N.L. (2015) Svoboda slova i voennaya tayna: istoricheskiy aspekt [Freedom of speech and military secrecy: the historical aspect]. *Vek informatsii*. 2. pp. 48–57.
6. Slobodanyuk, I.A. (2005) *Razvitie ugolovnoho zakonodatel'stva ob otvetstvennosti voennosluzhashchikh za posyagatel'stva na rezhim sokhrannosti gosudarstvennoy i voennoy tayny* [Development of criminal legislation on the responsibility of servicemen for encroachments on the security of state and military secrets]. Moscow: Voenny universitet.
7. Akhmetshin, Kh.M. (1999) *Voенно-ugolovnoe zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii* [Military criminal legislation of the Russian Federation]. Moscow: [s.n.].
8. Oleynik, T.S. & Shavkero, A.B. (2010) Voennaya tayna v sisteme informatsii ogranichennogo dostupa [Military secrets in the system of restricted information]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 2. pp. 357–359.
9. Yarmonova, E.N. (2010) Problemy razgranicheniya voennymi sudami svedeniy, sostavlyayushchikh voennuyu i gosudarstvennuyu taynu [Problems of delimitation by military courts of information constituting military and state secrets]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 1. pp. 97–100.
10. Talalaev, V.A. (2017) Organizatsionno-takticheskie osobennosti doprosa pri rassledovanii narusheniy ustavnykh pravil vzaimootnosheniy mezhdru voennosluzhashchimi [Organizational and tactical features of interrogation in the investigation of violations of the statutory rules of relations between military personnel]. In: Shabanov, V.B., Abdurakhmanov, A.A. & Orekhova, E.P. (eds) *Traditsii i perspektivy razvitiya kriminalisticheskoy taktiki* [Traditions and prospects for the development of forensic tactics]. Minsk: Belarusian State University. pp. 77–79.
11. Kozlovtshev, D.M. (2016) Dopros svideteley na nachal'nom etape rassledovaniya ugolovnykh del o khishcheniyakh oruzhiya i boepripasov, sovershaemykh voennosluzhashchimi v rayonakh vooruzhennogo konflikta [Interrogation of witnesses at the initial stage of the investigation of criminal cases on the theft of weapons and ammunition committed by military personnel in areas of armed conflict]. *Vestnik voennogo prava*. 3. pp. 63–67.
12. Russian Federation. (2019) *Decree of the President of the Russian Federation of 30.11.1995 No. 1203 (revised on 08.08.2019): On approval of the List of Information Classified as State Secret*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8522/. (In Russian).

Received: 28 January 2021

Т.Г. Лепина

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Автором классифицированы положения законодательства иностранных государств, предусматривающие ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних. Первый из видов классификации основывается на наличии (либо отсутствии) соответствующих положений в уголовном законодательстве. В основе второго лежит подход, в соответствии с которым предусмотрено (или нет) привлечение к ответственности за жестокое обращение с несовершеннолетними.

Ключевые слова: неисполнение; обязанности по воспитанию; зарубежные страны; уголовная ответственность; несовершеннолетние; жестокое обращение.

В российском уголовном законе для привлечения к уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего требуется соблюдение обязательного условия в виде жестокого обращения с ребенком. Согласно пп. г п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 г. Москва «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав», жестокое обращение включает в себя физическое или психическое насилие или покушение на половую неприкосновенность [1]. Среди исследователей ведутся дискуссии относительно содержания данного понятия. Так, Д.В. Галкин относит к жестокому обращению, помимо перечисленного, также «особый вид насилия – отсутствие заботы» [2. С. 92]. Е.Е. Губина включает в этот перечень пренебрежение нуждами ребенка – нежелание и неспособность родителей (иных субъектов воспитания) удовлетворять жизненные потребности ребенка [3]. Некоторые авторы предлагают включать в понятие «жестокое обращение» также эксплуатацию несовершеннолетних [4. С. 53]. Помимо разницы в определении содержания рассматриваемого понятия обнаруживаются также и иные трудности, влияющие на правильность квалификации деяния. Сложности правоприменительной деятельности обусловлены тем, что существует конкуренция норм (например, статьи 156 УК с составами, предусмотренными ст. 117, 119, 124 и др.). Так, в определенных случаях деяние сложно правильно квалифицировать. Однако, по мнению законодателя, перечисленные составы имеют разные объекты. Согласимся с мнением, что основным непосредственным объектом ст. 156 УК РФ являются общественные отношения, обеспечивающие адекватные, необходимые условия для формирования полноценной и всесторонне развитой личности ребенка, а также обеспечивающие право ребенка на заботу [5. С. 136]. Полагаем, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию ребенка не всегда сопряжено с жестоким обращением.

Правоохранительные органы России становились свидетелями случаев, когда дети управляли автомобилем на высокой скорости, сидя на коленях у родителей. При этом и родители, и дети расценивали данную опасную ситуацию как развлечение [6]. Например, дело Агины Алтынбаевой, которую так и не смогли привлечь к уголовной ответственности [7]. Если бы в российском законодательстве в основном составе неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию ребенка отсутствовало обязательное условие в виде жестокого обращения, возможно, ситуация изменилась бы. Однако мы видим, что виновные остаются безнаказанными. Это отрицательно влияет на решение превентивных задач. Исключение указанного выше признака позволило бы защитить интересы детей в случаях, когда лица, отвечающие за безопасность несовершеннолетних, сами становятся источниками угрозы, не демонстрируя при этом жестокость. Этот термин в философском словаре трактуется как стремление причинять другим страдание, получая при этом удовольствие. *Жестокый* (по словарю Д.Н. Ушакова) означает суровый, грубый, беспощадный, бессердечный, безжалостный [8].

Некоторые исследователи считают целесообразным введение в российский уголовный закон состава, предусматривающего ответственность за оставление несовершеннолетнего без присмотра [9]. Полагаем, что в этом случае жестокое обращение не должно быть обязательным признаком основного состава. Думается, что не всегда уклонение от родительских обязанностей или их ненадлежащее исполнение обусловлено безразличным или негативным отношением к ребенку. Тем более, не всякое соответствующее деяние, заслуживающее привлечения к уголовной ответственности, совершается с применением насилия и характеризуется жестокостью. По нашему мнению, условие в виде жестокого обращения могло бы стать квалифицирующим признаком.

В зарубежных странах вопрос о сущности и общественной опасности неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязанностей по воспитанию ребенка решается по-разному. Формулировка соответствующих составов обусловлена представлением об объекте преступления. Если законодатель полагает, что уклонение от родительских обязанностей без каких-либо

дополнительных условий является общественно опасным деянием, нарушающим права несовершеннолетних и способным привести к причинению вреда нормальному развитию последних, уголовно правовые нормы сформулированы соответственно. Возможна и обратная ситуация. Законодатель считает целесообразным привлечение к уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних только в случае жестокого обращения с ними. Кроме того, в некоторых странах отсутствуют нормы, содержащие запрет на уклонение от родительских обязанностей или обязанностей по воспитанию под угрозой наказания.

В зарубежных уголовных законах, в отличие от российского, неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка не предполагает обязательного жестокого обращения с ним. О.М. Шаганова приводит классификацию, основанную на том, как рассматриваемый вопрос решается в иностранных государствах. По ее мнению, в первую группу входят страны, в которых предусмотрена уголовная ответственность только за жестокое обращение с несовершеннолетними (Дания, Польша, Беларусь). Ко второй, по мнению автора, относятся государства, в которых для привлечения к уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию не требуется выявления факта жестокого обращения (Болгария, Испания, Украина). К третьей можно отнести уголовное законодательство Норвегии. В нем наблюдается широкая трактовка понятия «неисполнение обязанностей по воспитанию», которое включает в себя в том числе жестокое обращение с ребенком. В четвертую группу, по мнению О.М. Шагановой, входят страны, в уголовных законах которых ответственность предусмотрена либо за неисполнение обязанностей по воспитанию, либо за жестокое обращение с несовершеннолетними. Пятая разновидность включает государства, в которых, как и в России, уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка обусловлена жестоким обращением [10. С. 14]. Данная авторская классификация представляет интерес. Однако, по нашему мнению, применение иных подходов к определению оснований дифференциации позволит акцентировать внимание на общих чертах и отличительных особенностях положений законодательства зарубежных стран. Кроме того, не можем в полной мере согласиться с тем распределением государств по группам, которое предложено О.М. Шагановой.

Предлагаем разделить нормативные акты зарубежных стран на следующие виды:

I. По признаку наличия или отсутствия в них состава, предусматривающего привлечение к ответственности за уклонение от родительских обязанностей.

А. Уголовные законы зарубежных стран, в которых неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и жестокое обращение с ним включены в один состав. Такой подход является крайне редким для иностранных государств. Однако соответствующие примеры можно найти в законодательстве стран СНГ (Казахстан, Таджикистан). Например, согласно ст. 174 УК Таджикистана уголовная ответ-

ственность наступает за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанности по обучению и воспитанию несовершеннолетнего родителями или иным лицом, на которое по закону возложена эта обязанность, а равно педагогом или другим работником учебного или воспитательного учреждения, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним [11]. Данная норма очень близка по содержанию ст. 156 УК РФ. Их различие заключается в перечне субъектов рассматриваемого преступления.

Б. Уголовные законы, в положениях которых привлечение к уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего не предполагает обязательного условия в виде жестокого обращения с ним. По мнению законодателя, совершение этого деяния уже является общественно опасным независимо от того, наступили ли общественно опасные последствия. Эти нормативные акты можно разделить по нескольким основаниям. Например, в зависимости от наличия (или отсутствия) указания на наступление общественно опасных последствий как важного признака состава преступления.

1. В уголовных законах некоторых стран соответствующие составы сформулированы как формальные.

Согласно законодательству Франции, уклонение естественного, законного или приемного отца или матери от своих родительских обязанностей, представляющее опасность для здоровья, безопасности, нравственности или воспитания их несовершеннолетнего ребенка, является уголовно наказуемым. Санкция включает следующие меры: два года тюремного заключения и штраф в размере 200 тыс. франков (ст. 227-17) [12].

В § 171 УК ФРГ также предусмотрено привлечение к уголовной ответственности лиц, не выполняющих своих обязанностей по воспитанию детей, не достигших возраста 16 лет. В законе подчеркивается, что такое уклонение от обязанностей может препятствовать нормальному физическому и психическому развитию несовершеннолетнего, привести к криминальному образу жизни или занятию проституцией. Данное преступление наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом [13].

2. Соответствующие составы могут быть материальными (УК Армении, Беларуси, КНР, Молдовы, Украины).

Согласно ч. 1 ст. 170 УК Армении уголовная ответственность предусмотрена за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по воспитанию ребенка родителем или лицом, на которое возложена обязанность по воспитанию и опеке над ребенком, либо педагогом или другими работниками учебного, медицинского или воспитательного учреждения, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов ребенка. Частью второй той же статьи предусмотрен квалифицированный состав: совершение деяния, указанного в ч. 1 этой же статьи, сопряженное с особой жестокостью [14].

Согласно ст. 165 УК Беларуси к уголовной ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей привлекаются лица, на которых такие обязан-

ности возложены по службе, либо по специальному поручению или добровольно принявшие на себя такие обязанности. При этом, деяние должно повлечь причинение малолетнему по неосторожности телесного повреждения менее, чем тяжкого (ч. 1 ст. 165). Соответствующие преступления наказываются штрафом или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на срок до трех лет. В части 2 ст. 165 содержится квалифицированный состав: «...то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть малолетнего либо причинение тяжкого телесного повреждения...». Оно предусматривает назначение наказания в виде ограничения свободы на срок до четырех лет или лишения свободы на тот же срок со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения. В качестве субъектов таких преступлений, как правило, не выступают родители ребенка [15]. Это могут быть специальные субъекты по признаку профессиональной деятельности (например, воспитатели детских садов). К лицам, обязанным обеспечивать безопасность детей по специальному поручению, например, относятся члены родительского комитета школы. Также субъектами преступлений, предусмотренных ст. 165 УК Беларуси, являются няни на дому, которые добровольно приняли на себя соответствующие обязанности [16].

В УК КНР предусмотрено привлечение к уголовной ответственности за отказ от выполнения своих обязанностей лиц, обязанных осуществлять уход за стариками, младенцами, больными, не способными самостоятельно обслуживать себя, приотягчающих обстоятельствах (ст. 261) [17].

Согласно ст. 201-2 УК Молдовы злостное уклонение родителей от выполнения родительских обязанностей, повлекшее размещение ребенка в учреждение интернатного типа или в социальные службы размещения, наказывается штрафом в размере от 300 до 500 условных единиц или неоплачиваемым трудом в пользу общества на срок от 100 до 120 часов [18].

Следовательно, в некоторых рассматриваемых положениях зарубежного уголовного законодательства последствия не конкретизированы (УК Армении, КНР). В правовых нормах других государств в качестве таковых выступает вред здоровью (УК Беларуси (ст. 165), Украины (ст. 137)). В УК Молдовы к таким последствиям относится изменение семейного и социального статуса несовершеннолетнего.

3. В законодательстве ряда государств основной состав является формальным, а квалифицированный – материальным.

Согласно § 1 ст. 210 УК Польши оставление лица, не достигшего 15 лет, тем, кто был обязан о нем заботиться, влечет назначение наказания лишением свободы на срок до 3 лет. В § 2 данной статьи предусмотрен квалифицированный состав: «если последствием деяния является смерть лица, указанного в § 1, виновный подлежит наказанию лишением свободы на срок от 6 месяцев до 8 лет» [19].

Согласно ст. 160 УК Сан-Марино оставление без попечения лиц, неспособных заботиться о себе, в том числе в силу возраста, влечет назначение наказания в виде тюремного заключения второй степени и лишения избирательных прав. В случае, если наступили отягчающие последствия, предусмотренные в ст. 156, например, заболевание, которое излечивается в срок более шестидесяти дней, либо неизлечимое заболевание, постоянные шрамы на лице, потеря либо значительная утрата функций организма, утрата органа либо его функционального значения, то деяние наказывается тюремным заключением и лишением свободы третьей степени. Если же наступила смерть потерпевшего, деяние наказывается тюремным заключением четвертой степени. Привилегированным составом является оставление новорожденного без заботы по мотиву чести. Согласно ст. 161, лицо, которое оставляет новорожденного без заботы непосредственно после рождения по мотивам чести, наказывается тюремным заключением первой степени. Если последствием деяния является телесное повреждение, то применяется тюремное заключение второй степени; если в результате деяния причиняется смерть, то применяется тюремное заключение третьей степени [20].

Уголовное законодательство Испании располагает широким перечнем правовых норм, направленных на охрану прав несовершеннолетних. Среди них имеются составы, отсутствующие в отечественном уголовном кодексе. Не всегда можно провести четкую грань между преступлениями, связанными с оставлением в опасности, уклонением от обязанностей по воспитанию и иными деяниями, характерными для российского законодательства. Так, уклонение от родительских обязанностей или от обязанностей осуществлять воспитание опекунами, попечителями, а также неказание помощи детям предусматривают назначение наказания в виде ареста от восьми до двадцати выходных дней (ст. 227 УК Испании). Помимо этого, суд может лишить виновных родительских прав, прав на опеку, попечительство или семейную поддержку на срок от четырех до десяти лет. В соответствии со ст. 230, оставление недееспособного или ребенка, не достигшего 16 лет, лицом, обязанным его охранять, наказывается лишением свободы на срок от года до двух лет. Данная санкция предусмотрена для специальных субъектов по признаку профессиональной принадлежности. Если деяние было совершено родителями, опекунами или попечителями, назначается наказание до трех лет лишения свободы с вычетом от восемнадцати месячных заработных плат. Квалифицирующим признаком, влекущим назначение наказания в виде лишения свободы на срок от двух до четырех лет, является оставление, если оно подвергало конкретной опасности жизнь, здоровье или сексуальную свободу недееспособного или не достигшего шестнадцати лет. Существует специальная норма по отношению к ст. 230. Согласно ст. 232 УК Испании если лицо, обязанное воспитывать или обучать малолетнего или недееспособного, отдало его третьему лицу или в общественное учреждение без разрешения лиц, обладающих определенными правами в отношении малолетнего или недееспособного, и последнему

был причинен вред, оно наказывается штрафом в размере от шести до двенадцати месячных заработанных плат. В случае существования опасности для жизни, здоровья или сексуальной свободы виновный наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до двух лет [21].

В законодательстве Республики Корея предусмотрено привлечение к уголовной ответственности за отказ от родственника. Под ним понимался отказ в помощи лицам, не способным о себе позаботиться, в том числе в силу возраста. Данное деяние подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок не более трех лет или штрафа в размере не более пяти миллионов вон (§ 1 ст. 271). Лицо, которое вследствие совершения им преступления, указанного в параграфе 1, ставит под угрозу жизнь другого лица, подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок не более семи лет (§ 3 ст. 271). Согласно § 2 ст. 271, если преступление, указанное в § (1), совершается в отношении родственника по прямой линии виновного или его супруга, виновный подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок не более десяти лет или штрафа в размере не более пятнадцати миллионов вон. Если возникает опасность для жизни потерпевшего, назначается наказание в виде каторжных работ на срок не менее двух лет (§ 4 ст. 271) [22].

В УК Республики Корея также предусмотрена уголовная ответственность за отказ от ребенка. Думается, данное преступление можно расценивать как полное уклонение от родительских обязанностей. Так, к уголовной ответственности привлекается родственник по прямой линии, который отказывается от ребенка, чтобы избежать позора или из страха невозможности воспитывать ребенка, или «по другим смягчающим причинам» (ст. 272). Данное деяние наказывается каторжными работами на срок не более двух лет или штрафом в размере не более трех миллионов вон [22].

В статье 275 содержатся квалифицированные составы рассмотренных выше преступлений. Ужесточение наказания предусмотрено в случаях, если потерпевшему причиняется физический вред или смерть [22].

Также в законодательстве зарубежных стран наблюдаются различные подходы к конкретизации и (или) определению последствий, которые могут наступить в результате уклонения от воспитания несовершеннолетних родителями или иными лицами. Например, в соответствующих основных составах УК Испании, Польши, Республики Корея, Сан-Марино они вообще не конкретизируются. В уголовном законодательстве Франции, ФРГ, Швейцарии регламентируется привлечение к уголовной ответственности, если деяния создают опасность наступления причинения вреда как нравственному, так и физическому развитию. В положениях УК Беларуси упоминается только вред здоровью.

Кроме того, в законодательстве Армении, Беларуси, Украины и Швейцарии к уголовной ответственности за рассматриваемые деяния могут привлекаться только специальные субъекты по признаку, связанному с профессиональной деятельностью (либо лица,

наделенные обязанностями попечителей). В статье 219 УК Швейцарии закрепляется возможность привлечения к уголовной ответственности попечителя или воспитателя, если в результате их небрежного отношения создается угроза физическому или духовному развитию несовершеннолетнего.

Согласно ст. 171 УК Армении уголовная ответственность предусмотрена в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности по обеспечению безопасности жизни или охраны здоровья ребенка лицом, на которое эти обязанности возложены по службе, или лицом, которое исполняет эту обязанность по специальному поручению или приняло ее на себя добровольно, если вследствие этого здоровью ребенка по неосторожности причинен вред средней тяжести. Статьей 172 вводится запрет на использование приемного воспитания, опекуна или попечительства из корыстных или иных личных побуждений или умышленное оставление приемного ребенка (подопечного) без надзора либо необходимой поддержки или помощи, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов приемного ребенка (подопечного) [14].

Полагаем, что следует согласиться с мнением, согласно которому в российском уголовном законодательстве должна существовать отдельная норма, предусматривающая ответственность за уклонение от обязанностей по воспитанию ребенка. При этом нет необходимости в существовании обязательного условия в виде жестокого обращения или применения насилия. Данный подход подчеркнет «социальную значимость запрета применения несоответствующих методов воспитания» [5. С. 63].

В. Уголовная ответственность за уклонение от обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего отсутствует в законодательстве некоторых государств (Аргентина, Грузия, Турция, Швеция, Япония).

II. Уголовные законы зарубежных стран можно классифицировать по признаку наличия или отсутствия в них состава, предусматривающего привлечение к ответственности за жестокое обращение с несовершеннолетними.

Понятие «жестокое обращение», безусловно, охватывает применение телесных наказаний. В Англии и Уэльсе с 1860 г. действовал «Билль о детях», допускавший «разумное наказание». В 2004 г. был принят закон, запрещающий любые виды наказаний, вызывающие синяки, ссадины, царапины, волдыри или порезы. Совершение соответствующих действий является уголовно наказуемым. «Разумное наказание» (например, легкие шлепки) по-прежнему допускается и является оценочным понятием. Первой страной, установившей полный запрет на применение таких мер в отношении детей, стала Швеция (1978 год). В дальнейшем запрет на применение телесных наказаний был введен в законодательство ряда других стран (Австрии, Хорватии, Дании, Финляндии, Германии, Исландии, Латвии, Норвегии, Румынии и Кипра). При этом в других государствах хотя прямой запрет и отсутствует, он подразумевается. Априори считается невозможным применение телесных наказаний по отношению к детям. Однако во всех штатах США

применение этих мер разрешено законом при условии, что они не подпадают под юридическое описание «жестокое обращение». Каждое государство при формировании законодательной базы руководствуется собственной трактовкой надлежащих условий, в которых должен развиваться несовершеннолетний [23. С. 205].

Нормативно-правовые акты можно классифицировать в зависимости от того, в каких главах (разделах) содержатся соответствующие положения.

1. Первая группа представляет собой уголовные законы тех стран, в которых неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних и жестокое обращение с ними расположены в одной главе (или разделе). Это свидетельствует о том, что, по мнению законодателя, у данных деяний общий родовой объект. Например, УК Армении, Беларуси, Республики Корея, КНР, Польши, Франции.

Так, согласно ст. 227-15 УК Франции лишение пищи лица, не достигшего 15 лет, совершенное законным, естественным или приемным родственником по восходящей линии или иным лицом, имеющим родительские права в отношении ребенка, является уголовно наказуемым. В качестве санкции предусмотрены тюремное заключение сроком на 7 лет и штраф в размере 700 тыс. франков. Квалифицированный состав, предполагающий наступление последствий в виде смерти потерпевшего, предусмотрен ст. 227-16. Эти преступления содержатся в том же разделе, главе и отделе, что и уклонение от воспитания несовершеннолетнего. Соответствующие Положения Первой части Второй книги раздела II главы VII отдела V направлены на охрану прав и законных интересов несовершеннолетних [12].

Согласно ч. 1 ст. 260 УК Китая жестокое обращение с членами семьи приотягчающих обстоятельствах наказывается лишением свободы на срок до 2 лет, краткосрочным арестом или надзором. В части 2 ст. 260, предусмотрено совершение упомянутого в части первой статьи преступления, повлекшего за собой тяжелые увечья или смерть потерпевшего. Данное деяние наказывается лишением свободы на срок от 2 до 7 лет. Эти преступления, как и отказ от ухода за несовершеннолетними, расположены в главе 4 «Преступления против прав личности, демократических прав граждан» [17].

В Корее запрет и на отказ от ребенка, и на жестокое обращение с несовершеннолетними предусмотрен в рамках главы XXVIII «Преступления, связанные с отказом и плохим обращением». Так, согласно § 1 ст. 273 лицо, которое жестоко обращается с другим лицом, находящимся под его защитой или присмотром, привлекается к уголовной ответственности. Ему может быть назначено наказание в виде каторжных работ на срок не более двух лет или штрафа в размере не более пяти миллионов вон. Если преступление, указанное в предыдущем параграфе, совершается в отношении родственника виновного по прямой линии или его супруга, виновный подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок не более пяти лет или штрафа в размере не более семи миллионов вон [22].

В УК Беларуси нет отдельной нормы, предусматривающей привлечение к уголовной ответственности за жестокое обращение с несовершеннолетними. Однако в ч. 2 ст. 154 введен уголовно-правовой запрет на истязание, совершенное в отношении заведомо для виновного беременной женщины, либо престарелого, либо несовершеннолетнего, лица, находящегося в беспомощном состоянии или в зависимом положении, лицом, ранее судимым за истязание. Данный состав, как и ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей (ст. 165), по мнению законодателя, относится к преступлениям против жизни и здоровья [15].

2. Вторая группа представляет собой уголовные законы тех стран (Испания, ФРГ, Украина, Швеция), в которых неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних и жестокое обращение с ними не рассматриваются как деяния с общими родовыми и видовыми объектами.

Так, уголовным законом ФРГ нарушение обязанностей попечения и воспитания отнесено к преступлениям против гражданского состояния, брака и семьи (раздел 12 Особенной части). Соответствующий состав предполагает привлечение к уголовной ответственности за отсутствие должного контроля за времяпрепровождением ребенка и недостаточное внимание к нему. Наказывается такое поведение и (или) образ жизни родителей и попечителей, которые создают опасность для нормального развития несовершеннолетнего, способствуют вовлечению последнего в криминальную среду, ведут к появлению беспризорников [13].

При этом состав, предусматривающий привлечение к уголовной ответственности за истязание опекаемых лиц, по мнению законодателя, имеет другой родовой объект. В ч. 1 § 225 уголовного закона ФРГ установлен запрет на пренебрежение своими обязанностями, мучение и истязание, причинение вреда здоровью тех, кто находится на попечении или под покровительством или является членом семьи виновного. Помимо этого, потерпевшими могут быть лица, предоставленные «в распоряжение» и находящиеся на иждивении, а также подчиненные в силу служебных и рабочих отношений. Предполагается, что рассматриваемые деяния посягают на права и интересы тех, кто в силу различных причин находится в зависимости от виновного. На первый взгляд, в рамках одной нормы устанавливается уголовная ответственность и за уклонение от обязанностей по воспитанию (заботе), и за истязание, и за причинение вреда здоровью. Однако под таким уклонением в данном случае, в первую очередь, понимается обращение, которое граничит с истязанием и мучением. К нему следует относить пренебрежение витальными потребностями ребенка. Соответствующие преступления наказываются лишением свободы на срок от шести месяцев до десяти лет. В других параграфах данной статьи предусмотрены квалифицированные составы. В них имеются квалифицирующие признаки: наступление смерти или нанесение тяжкого вреда здоровью; нанесение значительного вреда физическому или духовному развитию. Данный параграф размещен в раз-

деле 17 «Преступные деяния против телесной неприкосновенности» [13].

В уголовном законе Испании наблюдается аналогичный подход. Согласно ст. 153 применение систематического насилия к собственным детям или детям супруга либо сожителя, опекаемым, с которыми лицо совместно проживает, наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет. Если причинен вред здоровью, требуется дополнительная квалификация по соответствующим статьям. Статья 153 находится в разделе, содержащем преступления против здоровья. Полагаем, что систематическое применение насилия включает в себя также жестокое обращение и истязание. Однако испанский законодатель ограничивает данное деяние от уклонения от обязанностей по воспитанию детей. Кроме того, подчеркивается, что у рассматриваемых преступлений разные объекты (как родовые, так и непосредственные). Так, уклонение от обязанностей по воспитанию детей содержится в разделе, нормы которого направлены на охрану прав несовершеннолетних [21].

В абзаце 1 § 4а гл. 4 УК Швеции установлена уголовная ответственность за нанесение «обиды» близкому человеку, если это вызвало «нарушение его самочувствия», связанное с нарушением неприкосновенности. За данное деяние предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком от 6 месяцев до 6 лет [24].

Следовательно, можно сделать вывод, что в рассмотренных положениях зарубежных уголовных законов применение жестокости к несовершеннолетним, а также их истязание отнесено к деяниям, посягающим на здоровье. При этом в каждом уголовном законе существуют свои отличительные особенности, связанные с формулированием правовых норм. В соответствующем параграфе УК ФРГ упоминается запрет на пренебрежение своими обязанностями, под которым следует понимать неудовлетворение жизненно важных потребностей ребенка. В УК Испании для привлечения к ответственности нужно, чтобы применение насилия было систематическим. Во всех проанализированных уголовных законах жестокое обращение рассматривается как признак деяний, объектом которых является здоровье (причинение различной степени вреда здоровью, истязание и др.).

В УК Украины ненадлежащее исполнение обязанностей по охране жизни и здоровья детей относится к преступлениям против здоровья. Об этом свидетельствует то, что соответствующая норма (ст. 137) содержится в разделе II «Уголовные преступления против жизни и здоровья личности». При этом в разделе III «Уголовные преступления против свободы, чести и достоинства личности» предусмотрена уголовная ответственность за эксплуатацию детей (ст. 150). Под ней подразумевается использование детского труда на любых работах с целью получения прибыли. Как уже отмечалось выше, в российской уголовно-правовой науке нередко указывается, что эксплуатация несовершеннолетнего охватывается понятием «жестокое обращение». Украинский законодатель не разделяет этой точки зрения, разграничивая данные понятия и

выделяя в деяниях, предусмотренных ст. 137 и 150, разные объекты [25].

Таким образом, в уголовных законах зарубежных стран, в которых преступления против несовершеннолетних представлены многообразием норм (например, Франция, Испания), санкции за соответствующие деяния являются более строгими, чем в России [26. С. 507].

3. Третья группа представлена странами, в которых уголовная ответственность предусмотрена только за жестокое обращение (уклонение от обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего не криминализовано).

В главе 6 раздела 9 книги второй УК Турции установлена уголовная ответственность за «злоупотребление правом применения мер взыскания и плохое обращение с членами семьи». Соответствующие положения охраняют несовершеннолетних от жестокого обращения. Специальными субъектами таких преступлений являются лица, которым был доверен ребенок «для воспитания, учебы, содержания, охраны или обучения ремеслу или специальности». Условием наступления уголовной ответственности является причинение вреда здоровью либо создание опасности для здоровья потерпевшего. За совершение этого деяния предусмотрено наказание в виде заключения на срок до восемнадцати месяцев (ст. 477) [27].

Согласно ст. 478 УК Турции лицо, плохо обращающееся с ребенком до 12 лет, проживающим в семье или с одним из членов семьи, кроме случаев, предусмотренных в предыдущей статье, наказывается заключением на срок до тридцати месяцев. В статье подчеркивается, что плохое обращение с кровным родственником или родственником по браку по восходящей или нисходящей линии влечет назначение наказания в виде заключения на срок от трех месяцев до трех лет [27].

В случае совершения преступления, предусмотренного ст. 477, 478 УК Турции, суд может вынести решение о лишении виновного прав, связанных с потерпевшим и его имуществом, а также опекуна и связанных с ним обязанностей (ст. 479 УК Турции) [27].

В УК Украины предусмотрено уголовное наказание за домашнее насилие (ст. 126-1), т.е. умышленное систематическое совершение физического, психологического или экономического насилия в отношении лиц, с которым виновный находится (находился) в семейных или близких отношениях. Условием привлечения к уголовной ответственности являются причинение физических или психологических страданий, наступление расстройства здоровья, утрата трудоспособности, наличие эмоциональной зависимости или ухудшение качества жизни потерпевшего. Это деяние наказывается общественными работами на срок от ста пятидесяти до двухсот сорока часов, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до пяти лет, или лишением свободы на срок до двух лет. Оно отнесено к преступлениям против жизни и здоровья [25].

4. Уголовные законы, в которых отсутствует состав, предусматривающий жестокое обращение с

несовершеннолетними, при этом преступления против несовершеннолетних не выделены в отдельную главу (УК Аргентины, Сан-Марино, Японии).

Проанализировав положения уголовных законов зарубежных стран, можем сделать вывод, что в них жестокое обращение с несовершеннолетним не является обязательным условием привлечения к уголовной ответственности лиц, ненадлежащим образом исполняющих свои обязанности по воспитанию детей. Напротив, такой подход применяется в небольшом количестве стран, в частности в некоторых странах СНГ, законодательство которых имеет сходные черты, что является наследием прежнего политического статуса данных государств. Соответствующие составы можно обнаружить в уголовных кодексах Казахстана и Таджикистана.

I. Полагаем, что нормативные акты зарубежных стран по признаку наличия или отсутствия в них состава, предусматривающего привлечение к ответственности за уклонение от родительских обязанностей, можно разделить на следующие виды:

А. Уголовные законы зарубежных стран, в которых неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и жестокое обращение с ним включены в один состав (Казахстан, Таджикистан).

Б. Уголовные законы, в положениях которых привлечение к уголовной ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего не предполагает обязательного условия в виде жестокого обращения с ним. Эти нормативные акты можно разделить по нескольким основаниям. Например, в зависимости от наличия (или отсутствия) указания на наступление общественно опасных последствий как важного признака состава преступления.

1. В уголовных законах некоторых стран соответствующие составы сформулированы как формальные (Франция, ФРГ, Швейцария).

В уголовном законодательстве Франции, ФРГ, Швейцарии регламентируется привлечение к уголовной ответственности, если деяния создают опасность наступления причинения вреда как нравственному, так и физическому развитию.

2. Соответствующие составы могут быть материальными (УК Армении, Беларуси, КНР, Молдовы, Украины).

Можно отметить, что в некоторых рассматриваемых положениях зарубежного уголовного законодательства последствия не конкретизированы (УК Армении, КНР). В правовых нормах других государств, в качестве таковых выступает вред здоровью (УК Беларуси (ст. 165), Украины (ст. 137)). В УК Молдовы к таким последствиям относится изменение семейного и социального статуса несовершеннолетнего.

3. В законодательстве ряда государств основной состав является формальным, а квалифицированный — материальным (УК Испании, Польши, Республики Корея, Сан-Марино).

В законодательстве указанных зарубежных стран наблюдаются различные подходы к конкретизации и (или) определению последствий, которые могут наступить в результате уклонения от воспитания несовершеннолетних родителями или иными лицами.

Например, в соответствующих основных составах УК Испании, Польши, Республики Корея, Сан-Марино они вообще не конкретизируются.

Кроме того, в законодательстве Армении, Беларуси, Украины и Швейцарии к уголовной ответственности за рассматриваемые деяния могут привлекаться только специальные субъекты по признаку, связанному с профессиональной деятельностью (либо лица, наделенные обязанностями попечителей).

В. Уголовное законодательство некоторых государств, в которых уголовная ответственность за уклонение от обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего отсутствует (Аргентина, Грузия, Турция, Швеция, Япония).

Представляется справедливым предложение, согласно которому в российский уголовный закон должна быть включена отдельная норма, предусматривающая ответственность за уклонение от обязанностей по воспитанию ребенка. При этом нет необходимости устанавливать обязательное условие для привлечения к уголовной ответственности в виде жестокого обращения или применения насилия. Такая модернизация законодательства подчеркнет «социальную значимость запрета применения несоответствующих методов воспитания» [5. С. 63].

II. В основе следующей предложенной нами классификации уголовных законов зарубежных стран, в которых предусматривается ответственность родителей и иных лиц, занимающихся воспитанием, за жестокое обращение с несовершеннолетними, лежит местоположение соответствующих положений.

1. Первая группа включает в себя уголовные законы тех стран, в которых неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних и жестокое обращение с ними расположены в одной главе (или разделе). Это свидетельствует о том, что, по мнению законодателя, у данных деяний общий родовый объект. Например, УК Армении, Беларуси, Республики Корея, КНР, Польши, Франции.

2. Вторая группа представляет собой уголовные законы тех стран (Испания, ФРГ, Украина, Швеция), в которых неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних и жестокое обращение с ними не рассматриваются как деяния с общими родовыми и видовыми объектами.

Можно отметить, что в рассмотренных положениях зарубежных уголовных законов из этой группы применение жестокости к несовершеннолетним, а также их истязание отнесены к деяниям, посягающим на здоровье. При этом в каждом уголовном законе существуют свои отличительные особенности, связанные с формулированием правовых норм. В соответствующем параграфе УК ФРГ упоминается запрет на пренебрежение своими обязанностями, под которым следует понимать неудовлетворение жизненно важных потребностей ребенка. В УК Испании для привлечения к ответственности нужно, чтобы применение насилия было систематическим. Во всех приведенных нормативных актах жестокое обращение рассматривается как признак деяний, объектом которых является здоровье (причинение различной степени вреда здоровью, истязание и др.).

В уголовных законах зарубежных стран, в которых преступления против несовершеннолетних представлены многообразием норм (например, Франция, Испания), санкции за соответствующие деяния являются более строгими, чем в России [26. С. 507].

3. Третья группа представлена уголовными законами государств, в которых уголовная ответственность предусмотрена только за жестокое обращение (уклонение от обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего не криминализировано).

4. В четвертую группу предлагаем включить уголовные законы, в которых отсутствует состав, предусматривающий ответственность за жестокое обращение с несовершеннолетними, при этом преступления против несовершеннолетних не выделены в отдельную главу (раздел) (УК Аргентины, Сан-Марино, Японии).

Таким образом, в большинстве иностранных государств, законодательство которых было проанализировано, ненадлежащее исполнение или уклонение от обязанностей по воспитанию не только не соединены в рамках одного состава, но и рассматриваются как деяния с разными объектами. Думается, установление жестокого обращения с несовершеннолетним в качестве обязательного условия привлечения к уголовной ответственности за указанное преступление является ошибочным. Не в каждом случае уклонения от родительских обязанностей проявляется жестокость и садизм. Однако даже при их отсутствии в определенных случаях лицо необходимо привлекать к уголовной ответственности. Если учитывать то, что российский законодатель, устанавливая в ст. 156 запрет на неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, в первую очередь стремится обеспечить детям нормальные условия для развития, это должно быть отражено в соответствующей правовой норме. Как, например, в уголовном законе Франции, криминализируется такое уклонение от обязанностей по воспитанию, которое представляет опасность «для здоровья, безопасности, нравственности или воспитания» ребенка (ст. 227-17) [12]. Полагаем, что даже создание угрозы перечисленным благам является общественно опасным, поскольку может повлиять на развитие подрастающего поколения (пусть и отдельным представителем), с которым неразрывно связано будущее страны. Безусловно, процесс модернизации положений российского закона должен осуществляться с учетом как особенностей отечественной правовой системы, так и потребностей общества. Процесс редактирования положений уголовно-правовых норм требует тщательного и скрупулезного подхода. Думается, что крайне полезным будет обращение к французскому опыту, который проявляется в том числе в создании сложной иерархичной системы положений законодательства, направленных на охрану прав несовершеннолетних, связанной с обеспечением их нормального физического и нравственного развития.

Кроме того, интересным представляется подход, применяемый в УК Армении. Особого внимания заслуживают положения ст. 170. В части 1 предусмотрена уголовная ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по воспита-

нию ребенка. Однако совершение этого деяния с особой жестокостью рассматривается как квалифицированный состав (ч. 2) [14]. Уголовное законодательство Армении близко по своему содержанию российской правовой системе. Конструирование статьи 156 УК РФ по образцу ст. 170 УК Армении не потребует кардинального изменения подхода к охране соответствующих прав несовершеннолетних. Если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по воспитанию (как соединенное с жестоким обращением, так и без него) будет содержаться в той же главе и том же разделе российского уголовного закона, объект данного преступления останется неизменным (нормальное физическое, психическое, социальное развитие несовершеннолетнего). При этом следует разграничить деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 156 УК (в предложенном нами варианте) и ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ. Думается, что в уголовно-правовой норме должно быть указание на то, что наказуемым является деяние, «представляющее опасность для здоровья, безопасности, нравственности несовершеннолетнего» (как это сделано в соответствующей норме УК Франции). В настоящее время трактовка квалифицирующего признака «жестокое обращение» представляется необоснованно широкой. При отсутствии этого признака лицо может быть привлечено лишь к административной ответственности. Совершение правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от ста до пятисот рублей. Данные меры представляются чрезмерно мягкими для лиц, не исполняющих обязанности по воспитанию (если это не было соединено с жестоким обращением, но представляло опасность для жизни и нормального физического и нравственного развития ребенка).

В этом случае те санкции, которые предусмотрены в ст. 156 УК, должны относиться к деянию, которое будет закреплено в части второй данной статьи. По нашему мнению, к лицам, ненадлежащим образом исполняющим обязанности по воспитанию, при условии, что опасные последствия не наступили, следует применять менее строгое наказание. После внесения предложенных изменений разграничение преступлений, которые будут предусмотрены ч. 2 ст. 156 и п. «г» ч. 2 ст. 117, будет базироваться на наличии или отсутствии признака «систематичность». Истязание должно носить систематический характер, а для привлечения к ответственности по ст. 156 достаточно однократного ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию (в том числе соединенного с жестоким обращением).

В положениях уголовных законов иностранных государств некоторые основные и квалифицированные составы уклонения от обязанностей по воспитанию (или их ненадлежащего исполнения) предусматривают наступление последствий, связанных с причинением вреда здоровью детей или даже смерти. Например, в правовых нормах УК Беларуси (ст. 165), Украины (ст. 137) основной состав включает в себя последствия в виде причинения вреда здоровью. В законодательстве ряда государств квалифицированные составы (УК Испании, Польши, Республики Ко-

рея, Сан-Марино) содержат такой признак, как общественно опасные последствия в виде причинения вреда здоровью или смерти. Так, в УК Польши квалифицирующим признаком является смерть лица. В этом случае максимальное наказание, которое может понести виновный, – лишение свободы сроком на 8 лет. В УК Сан-Марино квалифицированный состав предусматривает причинение вреда здоровью, а особо квалифицированный – смерти несовершеннолетнего. В случае причинения вреда здоровью в УК Сан-Марино предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 6 лет, а в случае причинения смерти – на срок до 10 лет (ст. 81 УК Сан-Марино).

Составы, предусматривающие привлечение к ответственности за совершение уклонения от обязанностей по воспитанию (или их ненадлежащего исполнения), соединенного с особой жестокостью, в иностранных государствах имеют различные санкции. Так, например, в УК КНР на наш взгляд они необоснованно мягкие. Максимальное наказание, которое может повлечь жестокое обращение с членами семьи приотягчающих обстоятельствах, – это два года лишения свободы, если при этом наступила смерть потерпевшего – 7 лет. В УК ФРГ, напротив, даже формальный состав, предусматривающий жестокое обращение с детьми, предусматривает максимальное наказание в виде 10 лет лишения свободы. В УК Франции совершение соответствующего деяния влечет назначение наказания в виде лишения свободы сроком на 7 лет и штрафа в размере 700 000 франков. На фоне этих данных санкция, предусмотренная в России в настоящее время за совершение преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, выглядит соразмерной той общественной опасности, которую имеет рассматриваемое деяние. При этом причинение средней тяжести и тяжкого вреда здоровью не охватывается данным составом. В данном случае потребуются дополнительная квалификация.

О.М. Шаганова отмечает, что в России чаще всего за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ) назначалось

наказание в виде штрафа (42,9% случаев). Доля лиц, осужденных к обязательным работам, составила 27,3%, к исправительным – 22,7%. Лишение свободы назначалось крайне редко. В материалах судебной практики, рассмотренных О.М. Шагановой, максимальный срок этого наказания составил 18 месяцев [28]. Исследователи высказывают мнение о целесообразности ужесточения санкций за жестокое обращение с ребенком в нашей стране. Они ссылаются на опыт Франции, где в случае наступления последствий в виде смерти ребенка предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком на 30 лет (ст. 227-16) [29. С. 39–40]. Высказывая данное предложение, исследователи не акцентируют внимание на том, что в законодательстве Франции этот состав является квалифицированным. Основным является лишение несовершеннолетнего пищи или такое попечение, которое представляет опасность для несовершеннолетнего (ст. 227-15). В отечественном уголовном законе конструкция правовых норм отлична. В случае смерти потерпевшего квалификация деяния может измениться (например, со ст. 156 на ст. 106 УК РФ). Следовательно, будет назначено наказание по совокупности преступлений. Поэтому не приходится говорить о том, что российское уголовное законодательство чрезмерно либерально.

В связи с этим, по нашему мнению, нецелесообразно ужесточать наказание, предусмотренное за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязанностей по воспитанию, соединенное с жестоким обращением. Его следует оставить прежним, но соответствующий состав должен быть предусмотрен ч. 2 ст. 156 УК РФ. Это будет квалифицированный состав. Квалифицирующим признаком выступит жестокое обращение. При этом в часть первую указанной статьи должен быть введен основной состав: неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Данное деяние следует отнести к преступлениям небольшой тяжести, предусмотрев за его совершение соответствующие санкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 г. Москва «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282678/ (дата обращения: 04.11.2020).
2. Галкин Д.В. Жестокое обращение: проблемы толкования и доказывания // *Lex russica* (Русский закон). 2016. № 4 (113). С. 88–94.
3. Губина Е.Е. Понятие жестокого обращения с несовершеннолетними // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений»: в 2 ч. 2017. С. 80–81.
4. Западнова Ю.А., Ворopaев С.А. Актуальные проблемы толкования способа совершения преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ // *Алтайский юридический вестник*. 2020. № 1 (29). С. 50–54.
5. Колмакова О.С. Преступления, посягающие на права ребенка, в сфере семейных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 197 с.
6. Посадиwшая за руль шестилетнего сына россиянка попыталась оправдаться // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20191123/1561517177.html> (дата обращения: 04.11.2020).
7. Агина Алтынбаева получила автокресла от Елены Малышевой // *Реальное время*. URL: <https://realnoevremya.ru/news/180043-agina-altynbaeva-poluchila-avtokresla-ot-elenu-malyshevoyu> (дата обращения: 04.11.2020).
8. Жестокость // *Философский словарь* Спонвиля. URL: https://philosophy_sponville.academic.ru/641/Жестокость (дата обращения: 04.11.2020).
9. Гагина Е.А. Сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства зарубежных стран в сфере охраны семьи и несовершеннолетних // *Актуальные вопросы борьбы с преступлениями*. 2015. № 1. С. 64–66.
10. Шаганова О.М. Уголовная ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 26 с.
11. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 04.11.2020).
12. Уголовный кодекс Франции. URL: <https://constitutions.ru/?p=5859> (дата обращения: 05.11.2020).
13. Уголовный кодекс ФРГ. URL: <https://constitutions.ru/?p=5854> (дата обращения: 05.11.2020).

14. Уголовный кодекс Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> (дата обращения: 05.11.2020).
15. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <https://xn----ctbgfviccibf9bq8k.xn--90ais/> (дата обращения: 05.11.2020).
16. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка, Н.А. Бабий, А.В. Барков [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова. Минск : Тесей, 2003. 1200 с.
17. Уголовный кодекс КНР. URL: <https://constitutions.ru/?p=403> (дата обращения: 05.11.2020).
18. Уголовный кодекс Республики Молдова. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 05.11.2020).
19. Уголовный кодекс Республики Польша. URL: <https://polski.pro/ugolovnyj-kodeks-respubliki-polsha/> (дата обращения: 05.11.2020).
20. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 253 с.
21. Уголовный кодекс Испании. URL: http://artlibrary2007.narod.ru/kodeks/ispanii_uk.doc (дата обращения: 05.11.2020).
22. Уголовный кодекс Республики Корея. URL: <https://books.google.ru/books?id=qIjKcGAAQBAJ&pg=PT81&lpg=PT81&dq> (дата обращения: 05.11.2020).
23. Строков А.А. Характеристика зарубежного законодательства в вопросах совершения преступлений против несовершеннолетних по аналогии с главой 20 Уголовного кодекса Российской Федерации // Пробелы в российском уголовном законодательстве. Юридический журнал. 2008. № 2. С. 204–205.
24. Уголовный кодекс Швеции. URL: http://www.sweden4rus.ru/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii (дата обращения: 05.11.2020).
25. Уголовный кодекс Украины. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 05.11.2020).
26. Пономаренко Е.В., Сарыглар Ш.О. Уголовно-правовая защита прав и интересов несовершеннолетних в зарубежных странах // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики». Чебоксары, 2018. С. 504–509.
27. Уголовный кодекс Турции. URL: <https://www.turkishadvocate.ru/ugolovnikodeksturtsii/> (дата обращения: 05.11.2020).
28. Шаганова О.М. Анализ практики назначения наказания за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-2. С. 86–87.
29. Сулейманова И.Е. Защита интересов несовершеннолетних в законодательстве некоторых стран с романо-германской системой права // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 1 (79). С. 35–40.

Статья представлена научной редакцией «Право» 2 декабря 2020 г.

Criminal Liability for Non-Performance or Improper Performance of Duties of Raising a Minor in Foreign Countries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 216–226.

DOI: 10.17223/15617793/465/29

Tatyana G. Lepina, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: lepina2813@mail.ru

Keywords: non-performance; parental responsibilities; foreign countries; criminal liability; minors; cruel treatment.

The aim of the work is to consider the constructive features of legal norms that provide for criminal prosecution for non-performance or improper performance of responsibilities when raising a minor. As a result of the application of the comparative legal method and the analysis of the provisions of the criminal laws of foreign countries, the author's position on the grounds for their classification is formed. Countries are divided into several groups depending on the presence (or absence) of provisions in the criminal legislation governing criminal liability for failure to perform the duties of raising a minor. In the criminal laws of the first group, failure to perform the duties of raising a minor and cruel treatment with them are included in one element of a crime. In the normative acts of the second group, the corresponding criminal prosecution for failure to fulfil the obligations of raising a minor does not imply an obligatory condition of cruel treatment of a child. In the criminal laws of the third group, there is no criminal liability for evading the responsibility of raising a minor. The second type of classification of criminal laws of foreign countries is due to the presence or absence of an element of a crime in them, which provides for the prosecution for cruel treatment of minors. The author believes that Art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation must be edited, a model could be the provisions of the Criminal Code of Armenia. Part 1 should provide for the prosecution for non-performance or improper performance of the obligation of raising a child. However, the commission of this act with particular cruelty should be considered as a qualified element of a crime (Part 2). At the same time, it is necessary to distinguish between the act under Part 1 of Art. 156 of the Criminal Code (in the version proposed by the author) and Part 1 of Art. 5.35 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. It seems that the criminal law norm should contain an indication that the punishable act is an act “posing a danger to the health, safety, morality of a minor” (as is done in the corresponding norm of the French Criminal Code). In this case, the sanctions provided for in Art. 156 of the Criminal Code must relate to the act that will be enshrined in Part 2 of this Article. In the author's opinion, a less severe punishment should be applied to persons who improperly perform their parental duties, provided that no dangerous consequences have occurred. The relevant acts should be classified as crimes of little gravity, with appropriate sanctions provided for their commission.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2017) *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 14, 2017, No. 44, Moscow: On the practice of the courts' application of legislation in resolving disputes related to the protection of the rights and legitimate interests of a child in the event of an immediate threat to their life or health, as well as in the case of restriction or deprivation of parental rights*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282678/ (Accessed: 04.11.2020). (In Russian).
2. Galkin, D.V. (2016) Child abuse: problems of interpretation and proving. *Lex Russica*. 4 (113). pp. 88–94. (In Russian).
3. Gubina, E.E. (2017) [The concept of minors' abuse]. *Prestupnosti' v SNG: problemy preduprezhdeniya i raskrytiya prestupleniy*: v 2 ch. [Crime in the CIS: problems of preventing and solving crimes]. Proceedings of the International Conference. S.I. pp. 80–81. (In Russian).
4. Zapadnova, Yu.A. & Voropaev, S.A. (2020) Aktual'nye problemy tolkovaniya sposoba soversheniya prestupleniya, predusmotrennogo st. 156 UK RF [Topical issues of interpreting the method of committing a crime under Art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Altayskiy yuridicheskij vestnik – Altai Law Journal*. 1 (29). pp. 50–54.
5. Kolmakova, O.S. (2014) *Prestupleniya, posyagayushchie na prava rebenka, v sfere semeynykh otnosheniy* [Crimes infringing on the rights of the child in the sphere of family relations]. Law Cand. Diss. Moscow.
6. RIA Novosti. (2019) *Posadivshaya za rul' shestiletнего сына rossiyanka popytalas' opravdat'sya* [The Russian woman who put her six-year-old son behind the wheel tried to justify herself]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20191123/1561517177.html> (Accessed: 04.11.2020).
7. Real'noe vremya. (2020) *Agina Altynbayeva poluchila avtokresla ot Eleny Malyshevoy* [Agina Altynbayeva received car seats from Elena Malysheva]. [Online] Available from: <https://realnoevremya.ru/news/180043-agina-altynbayeva-poluchila-avtokresla-ot-eleny-malyshevoy> (Accessed: 04.11.2020).

8. Academic.ru. (2020) *Zhestokost'* [Cruelty]. [Online] Available from: https://philosophy_sponville.academic.ru/641/Zhestokost' (Accessed: 04.11.2020).
9. Gagina, E.A. (2015) *Sravnitel'no-pravovoy analiz norm ugolovnogo zakonodatel'stva zarubezhnykh stran v sfere okhrany sem'i i nesovershennoletnikh* [Comparative legal analysis of the norms of criminal legislation of foreign countries in the field of protection of families and minors]. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami*. 1. pp. 64–66.
10. Shaganova, O.M. (2014) *Ugolovnyaya otvetstvennost' za neispolnenie obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego* [Criminal liability for failure to fulfill obligations for the upbringing of a minor]. Abstract of Law Cand. Diss. Omsk.
11. Continent-online.com. (2020) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Tadzhikistan* [Criminal Code of the Republic of Tajikistan]. [Online] Available from: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (Accessed: 04.11.2020).
12. Constitutions.ru. (2020) *Ugolovnyy kodeks Frantsii* [Criminal Code of France]. [Online] Available from: <https://constitutions.ru/?p=5859> (Accessed: 05.11.2020).
13. Constitutions.ru. (2020) *Ugolovnyy kodeks FRG* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany]. [Online] Available from: <https://constitutions.ru/?p=5854> (Accessed: 05.11.2020).
14. Parliament.am. (2020) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Armeniya* [Criminal Code of the Republic of Armenia]. [Online] Available from: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus> (Accessed: 05.11.2020).
15. Codes of the Republic of Belarus. (2020) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus'* [Criminal Code of the Republic of Belarus]. [Online] Available from: <https://xn----ctbcgviccvibf9bq8k.xn--90ais/> (Accessed: 05.11.2020).
16. Barkov, A.V. (ed.) (2003) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Respubliki Belarus'* [Commentary on the Criminal Code of the Republic of Belarus]. Minsk: Tesey.
17. Constitutions.ru. (2020) *Ugolovnyy kodeks KNR* [Criminal Code of the PRC]. [Online] Available from: <https://constitutions.ru/?p=403> (Accessed: 05.11.2020).
18. Continent-online.com. (2020) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Moldova* [Criminal Code of the Republic of Moldova]. [Online] Available from: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (Accessed: 05.11.2020).
19. Polski.pro. (2020) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Pol'sha* [Criminal Code of the Republic of Poland]. [Online] Available from: <https://polski.pro/ugolovnyj-kodeks-respubliki-polsha/> (Accessed: 05.11.2020).
20. Republic of San Marino. (2002) *Criminal Code of the Republic of San Marino*. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press. (In Russian).
21. Artlibrary2007.narod.ru. (2020) *Ugolovnyy kodeks Ispanii* [Criminal Code of Spain]. [Online] Available from: http://artlibrary2007.narod.ru/kodeks/ispanii_uk.doc (Accessed: 05.11.2020).
22. Google Books. (2020) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Koreya* [Criminal Code of the Republic of Korea]. [Online] Available from: <https://books.google.ru/books?id=qIJCgAAQBAJ&pg=PT81&lpg=PT81&dq> (Accessed: 05.11.2020).
23. Stokov, A.A. (2008) *Kharakteristika zarubezhnogo zakonodatel'stva v voprosakh soversheniya prestupleniy protiv nesovershennoletnikh po analogii s glavoy 20 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Characteristics of foreign legislation in matters of committing crimes against minors by analogy with Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Probely v rossiyskom ugolovnom zakonodatel'stve*. 2. pp. 204–205.
24. Continent-online.com. (2020) *Ugolovnyy kodeks Shvetsii* [Criminal Code of Sweden]. [Online] Available from: http://www.sweden4rus.ru/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii (Accessed: 05.11.2020).
25. Continent-online.com. (2020) *Ugolovnyy kodeks Ukrainy* [Criminal Code of Ukraine]. [Online] Available from: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30418109 (Accessed: 05.11.2020).
26. Ponomarenko, E.V. & Saryglar, Sh.O. (2018) [Criminal legal protection of the rights and interests of minors in foreign countries]. *Sotsial'no-pravovaya zashchita detstva kak prioritetnoe napravlenie sovremennoy gosudarstvennoy politiki* [Social and legal protection of childhood as a priority direction of modern state policy]. Proceedings of the International Conference. Cheboksary. pp. 504–509. (In Russian).
27. Turkishadvocate.ru. (2020) *Ugolovnyy kodeks Turtsii* [Criminal Code of Turkey]. [Online] Available from: <https://www.turkishadvocate.ru/ugolovnikodeksturtsii/> (Accessed: 05.11.2020).
28. Shaganova, O.M. (2016) *Analiz praktiki naznacheniya nakazaniya za neispolnenie obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnego* [Analysis of the practice of imposing punishment for failure to fulfill the duties of raising a minor]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. 16-2. pp. 86–87.
29. Suleymanova, I.E. (2018) *Zashchita interesov nesovershennoletnikh v zakonodatel'stve nekotorykh stran s romano-germanskoj sistemoy prava* [Protection of the interests of minors in the legislation of some countries with the Romance-Germanic system of law]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 1 (79). pp. 35–40.

Received: 02 December 2020

Т.Д. Оганесян

ПРОЦЕДУРА ПИЛОТНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПОИСК НЕОБХОДИМОГО БАЛАНСА

Исследуются вопросы, связанные с современным пониманием и применением процедуры пилотного постановления ЕСПЧ. Особое внимание уделено поиску необходимого баланса между ЕСПЧ и КМСЕ. Подчеркивается, что процедура пилотного постановления расширила полномочия ЕСПЧ, предоставив ему некоторые надзорные функции. Проведен анализ различных факторов, влияющих на развитие процедуры пилотного постановления. Обоснован вывод о том, что эффективность процедуры пилотного постановления зависит в большей степени от диалога между ЕСПЧ, КМСЕ и национальными властями.

Ключевые слова: процедура пилотного постановления; Совет Европы; Европейский Суд по правам человека; меры общего характера; необходимый баланс.

Введение

Комитет министров Совета Европы (далее – КМСЕ) по случаю 70-летия Совета Европы подчеркнул, что создание общего правового пространства является беспрецедентным в европейской истории достижением, а Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) является наиболее важным юридически обязательным документом для коллективного обеспечения прав человека и основных свобод в Европе [1]. В Докладе Руководящего комитета по правам человека «О месте Европейской Конвенции по правам человека в европейском и международном правопорядке» также отмечается, что европейская архитектура защиты прав человека является «переполненным домом» [2]. В свое время, когда в 2004 г. КМСЕ в своей резолюции рекомендовал Европейскому Суду по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский Суд) применять процедуру пилотного постановления, одной из причин для этого служила загруженность ЕСПЧ клоновыми жалобами [3].

Европейский Суд считается современным явлением международного правосудия, наиболее эффективным инструментом европейской системы защиты прав человека и передовым международным судебным органом [4. Р. 4]. Однако нельзя не согласиться с тем, что Европейский Суд в начале 2000-х гг. находился на пороге перемен [5. Р. 5], преодолевая проблему загруженности повторяющимися жалобами. Именно в это время в 2004 г. ЕСПЧ впервые применил процедуру пилотного постановления в деле «Броуниовски против Польши». С тех пор, как отмечают польские исследователи Я. Чепек и М. Любишевский, данное постановление «навсегда вписалось в ландшафт юриспруденции ЕСПЧ» [6. Р. 41]. Посредством пилотных постановлений Европейский Суд воздействует на структуру правового порядка в государстве-ответчике, а также, в более общем плане, на европейский правовой порядок.

Важным замечанием в рамках процедуры пилотного постановления является тезис о том, что ЕСПЧ, как и все другие правозащитные системы, должен стремиться сформировать свою собственную практику, в то же время, принимая во внимание особенности

национальных правовых систем. Следует отметить, что за последние несколько лет развитию диалога между конвенционными органами Совета Европы и национальными властями для укрепления «европейской архитектуры защиты прав человека» во многом способствовала процедура пилотного постановления Европейского Суда.

Становление процедуры пилотного постановления

Процедура пилотного постановления была введена после принятия Комитетом министров резолюции Res(2004)3 «О постановлениях, в которых выявляются и указываются проблемы системного характера». В соответствии с этой резолюцией Европейскому Суду было предложено по мере возможности указывать в своих постановлениях на системную проблему, а также источник этой проблемы, в частности, если выявленная проблема будет служить причиной многочисленных жалоб, а также для того, чтобы помочь государствам-ответчикам найти способы разрешения проблемы в сотрудничестве с Комитетом министров.

Другими словами, Комитет министров прямо призвал Европейский Суд активно участвовать в процессе исполнения постановлений, чтобы более эффективно решить проблему повторяющихся дел. Как отмечает А. Сицильянос указанные выше инструменты, предоставленные Комитетом министров, можно рассматривать как «разрешение» Европейскому Суду применять процедуру пилотного постановления и, следовательно, как «автономную юридическую основу» для участия ЕСПЧ в процессе исполнения постановлений по делам, касающимся существующих системных проблем [7. Р. 239].

Как подчеркивалось Европейским Судом, основными целями процедуры пилотного постановления являются «содействие эффективному исполнению его постановлений и обеспечение максимально быстрого получения компенсации на национальном уровне в отношении большого количества людей, пострадавших от структурной (системной) проблемы, выявленной в пилотном постановлении» [8. §133–134]. Некоторые элементы пилотного постановления усматриваются и в так называемых квазипилотных или полу-

пилотных постановлений, в которых ЕСПЧ, ссылаясь на ст. 46 Конвенции, указывает на наличие структурной (системной) проблемы, однако в резолютивной части постановления не обязывает власти принять соответствующие меры общего характера. Можно отметить, что квазипилотные постановления являются «предупреждающими» и предшествуют в будущем принятию пилотных постановлений по выявленным проблемам. Одним из примеров такого постановления является постановление по делу «Аслаханова против России», которое касалось отсутствия надлежащего расследования по заявлениям о насильственных исчезновениях в Чечне и Ингушетии [9. §158 и др.].

Нынешнее понимание и применение процедуры пилотного постановления сформировалась в течение нескольких лет в рамках разработки нормативной базы ее применения и в ходе переговоров на министерских конференциях. Закрепленное в правиле 61 Регламента Европейского Суда положение о данной процедуре является реакцией на структурные или системные дисфункции внутренних правовых систем государств-ответчиков.

В 2010 г. в рамках Интерлакенской конференции начался официальный процесс реформирования конвенционной системы, ключевым направлением которой стала процедура пилотного постановления. Было обоснованно подчеркнuto, что ЕСПЧ не в состоянии разработать четкие и предсказуемые стандарты для процедуры пилотного постановления, а также справляться с повторяющимися жалобами. В этом контексте Комитету министров, в свою очередь, было вновь настоятельно рекомендовано сотрудничать с государствами-ответчиками в целях принятия средств правовой защиты для устранения структурных проблем на национальном уровне. На состоявшейся конференции в Брайтоне в 2012 г. процедура пилотного постановления также была самой обсуждаемой темой. Все разделы Брайтонской декларации так или иначе сводились к проблеме клоновых жалоб и к процедуре пилотного постановления как основному решению проблемы увеличения нагрузки Европейского Суда или к взаимодействию между последним и национальными властями для эффективного исполнения пилотных постановлений.

В 2020 г. экс-председатель ЕСПЧ А. Сицильянос констатировал, что интерлакенский процесс завершился и, следовательно, вполне обоснованно утверждать, что развитие процедуры пилотного постановления и его применение окончательно дали возможность составить полную картину этого института и определить его правовую природу [10. С. 5].

Понятие, цели и отличительные особенности процедуры пилотного постановления

С самого начала применения процедуры пилотного постановления Европейский Суд в период с июня 2004 г. по сентябрь 2020 г. вынес 31 пилотное постановление. Рекордным является 2012 г., когда вынесено 6 пилотных постановлений [11], в то время как в 2007, 2008, 2018 гг. ЕСПЧ не обращался к дан-

ной процедуре. Процедура пилотного постановления в период с 2004 по 2020 г. была инициирована в отношении 17 государств – участников Конвенции, рекордсменами среди которых являются Россия (4 пилотных постановления), Польша (3), Греция (3), Словения (3) и Болгария (3).

На сайте ЕСПЧ процедура пилотного постановления определяется «как метод выявления структурных проблем, лежащих в основе повторяющихся дел против государств-участников Конвенции» [11]. Американский исследователь Д. Хайдер определяет данную процедуру как «судебный подход Европейского Суда, направленный на быстрое решение структурных проблем государств для избежания огромного количества повторяющихся жалоб, поданных в Европейский Суд» [12. Р. 49]. Польские ученые Я. Чепек и М. Любишевский определяют процедуру пилотного постановления как механизм решения Европейским Судом группы дел, общим источником которых является проблема, лежащая в законодательстве или практике, не соответствующей Конвенции, путем указания этой проблемы и обязательства государства решать ее общими средствами [6. Р. 24].

Одной из целей процедуры пилотного постановления, которая была подчеркнута секретарем ЕСПЧ Эриком Фрибергом, является стремление Европейского Суда дать возможность государству устранить системные нарушения прав человека [13. Р. 522]. И. Ильченко отмечает, что процедура пилотного постановления служит Европейскому Суду «спасательной шлюпкой» (life boat) от повторяющихся жалоб, которая нацелена не только на рассмотрение вновь поданных клоновых жалоб, но и на рассмотрение накопившихся в Суде нерассмотренных дел, которые «пылятся» [4. Р. 13]. Следует признать, что де-факто заявители, чьи жалобы были отложены («заморожены») Европейским Судом вследствие применения процедуры пилотного постановления, как показывает практика, получают меньшую компенсацию от национальных властей в рамках дружественного урегулирования или с помощью созданных внутригосударственных средств правовой защиты.

Практика отложения рассмотрения Европейским Судом клоновых дел является непоследовательной из-за ее зависимости от характера нарушения, его сложности, срочности представления компенсации и иных факторов. Так, например, в таких делах, связанных со структурной проблемой в виде чрезмерной продолжительности судебных разбирательств, как «Rumpf v. Germany», «Dimitrov and Hamanov v. Bulgaria», «Finger v. Bulgaria», «Athanasidou and Others v. Romania», Европейский Суд постановил продолжить рассмотрение аналогичных дел, чтобы избежать продления и без того чрезмерной продолжительности разбирательства в течение времени, затраченного государством-ответчиком на реализацию общих мер. В этом смысле правило 61 Регламента Европейского Суда не предписывает четкие критерии, при которых ЕСПЧ вправе или не вправе отложить рассмотрение аналогичных жалоб по делам, связанным со структурной проблемой, по которой вынесено пилотное постановление.

Что касается правовых последствий вынесения пилотного постановления, то К. Дегтярев и В. Цевелекос справедливо отмечают, что единственное пилотное постановление не способно полностью решить конкретную структурную проблему в правовой системе государства-ответчика. Для этого должен быть выполнен ряд условий. Прежде всего, постановление должно касаться вопроса, способного повториться в других подобных случаях и давать четкое разрешение данного вопроса. Во-вторых, государство-ответчик должно быть готово решить данную проблему. Постановление ЕСПЧ может не побудить к принятию каких-либо надлежащих реформ, и, как это уже неоднократно случалось, ЕСПЧ будет продолжать накапливать жалобы, касающиеся точно такой же структурной (системной) проблемы. В-третьих, пилотное постановление должно быть «реалистичным и исполняемым». В-четвертых, другие государства, сталкивающиеся с аналогичными жалобами, должны принять надлежащие меры для приведения своей политики и практики в соответствие со стандартами, установленными ЕСПЧ. Как отмечают упомянутые выше авторы, зачастую эти условия не выполняются и поэтому Европейский Суд сталкивается с лавиной повторяющихся жалоб [5. Р. 6].

Справедливы также суждения ряда авторов, указывающих на то, что если бы процедура пилотного постановления была впервые апробирована в отношении «политически сильного члена Совета Европы, например, Великобритании», то есть вероятность того, что данная процедура не увенчалась бы успехом ввиду нежелания последнего исполнять общие меры в рамках «новой процедуры» [6. С. 55]. А.С. Исполинов верно замечает: «Это снижает саму ценность и вес возможных возражений со стороны этих стран и не так опасно для репутации Суда» [14. С. 26]. Данную мысль поддержал и В. Садурски, указав, что первые полные пилотные постановления умышленно выносились по делам, касающимся решительно политически слабых государств Центральной и Восточной Европы [15. Р. 412]. Действительно, первое пилотное постановление в 2004 г. было вынесено против Польши, правовая система которой находилась в состоянии перестройки. Однако не следует умалять также тот факт, что против стран, признавших юрисдикцию ЕСПЧ в 90-е гг. (Болгария, Венгрия, Польша, Россия, Украина), в случаях инициирования процедуры пилотного постановления поступало значительное количество жалоб со ссылками на нарушения системного характера. Противоположным примером является пилотное постановление по делу «*Greens and M.T. v. the United Kingdom*» от 23 ноября 2010 г., которое было «воспринято в штыки» британским правительством и вопрос исполнения которого до сих пор остается открытым.

В свою очередь, значение первого пилотного постановления по делу «*Broniowski v. Poland*» состоит в том, что ЕСПЧ по данному делу впервые формируются конститутивные основы правовой природы пилотного постановления, определяется цель вынесения

такого судебного акта, формулируется понятие проблемы системного характера или системного нарушения (легальная дефиниция системного нарушения в Конвенции отсутствует).

Тенденции развития процедуры пилотного постановления

В большинстве случаев указываемые в пилотных постановлениях Европейским Судом общие меры оставляют государствам широкие пределы свободы усмотрения в принятии конкретных мер общего характера. Другими словами, хотя за прошедшие годы ЕСПЧ стал реальным участником процесса исполнения его постановлений, его роль останется «комплементарной». Бывший председатель ЕСПЧ А. Сицильянос задается вопросом, почему Европейский Суд не может указывать в резолютивной части своих постановлений некоторые юридические последствия нарушения Конвенции. По логике бывшего председателя, если ЕСПЧ может сделать больше, т.е. *предписать* меру в резолютивной части, то он также может сделать меньше, например *рекомендовать* конкретные меры общего характера в основном тексте постановления [7. Р. 254].

Здесь возникает один из «вечных» вопросов – вопрос пределов компетенции ЕСПЧ. Суд может не только рекомендовать, но и предписывать меры как общего, так и индивидуального характера. Однако, как уже подчеркивалось, компетенция Европейского Суда делать это является комплементарной по отношению к полномочиям Комитета министров в области исполнения постановлений. Поэтому необходимо поддерживать предусмотренный в Конвенции баланс между данными учреждениями.

Помимо конкретной упомянутой выше проблемы представляется, что указание ЕСПЧ мер по исполнению постановлений облегчает задачу Комитета министров, направляя переговоры с государством-ответчиком в нужное русло. Тем не менее для Европейского Суда всегда важно избегать чрезмерных предписаний и оставлять Комитету министров и соответствующим государствам-ответчикам определенную свободу усмотрения.

По утверждению Л.-А. Сицильяноса, традиционный подход, согласно которому постановления Европейского Суда носят исключительно декларативный характер, а Комитет министров обладает исключительной компетенцией контролировать их исполнение, не отвечает современной практике. Европейский Суд неоднократно рекомендовал и даже предписывал со ссылкой на статью 46 Конвенции принять меры общего характера в рамках не только пилотных или квазипилотных, но и «обычных» постановлений.

Неоспоримо, что Комитет министров несет основную ответственность в области исполнения постановлений. Однако Европейский Суд также обладает дополнительной компетенцией в этом вопросе. Соответствующая прецедентная практика основывается на статьях 46, 19 и 32 Конвенции, а также на документах, принятых Комитетом министров, особенно Резолюции Res(2004)3. Эти документы в сочетании с общей

позицией договаривающихся сторон должны приниматься во внимание как элемент толкования Конвенции. Следует подчеркнуть, что компетенция Европейского Суда не является безграничной. При указании мер по исполнению постановлений необходимо, чтобы Европейский Суд поддерживал и соблюдал предусмотренный в Конвенции баланс между учреждениями и предоставлял государствам более или менее широкие пределы свободы усмотрения. Несомненно, процедура пилотного постановления изменила распределение полномочий между ЕСПЧ и КМСЕ в рамках конвенционного механизма. Процедура пилотного постановления наделяет Европейский Суд полномочиями не только выявлять системную (структурную) проблему, но и давать рекомендации в отношении создания национальных средств правовой защиты в течение определенного периода времени.

Еще одним важным вопросом является вопрос о том, участвует ли Европейский Суд в надзоре за исполнением своих постановлений. Лиз Р. Глас отмечает, что ЕСПЧ участвует в надзоре за исполнением, когда в своих решениях и постановлениях дает оценку принятым общим мерам государством-ответчиком во исполнение пилотного постановления [16. Р. 235]. Х. Келлер и Ц. Марти указывают, что ЕСПЧ все больше стремится «оказывать влияние на исполнение своих постановлений» при указании конкретных мер по исполнению пилотных постановлений [17. Р. 830]. В большинстве случаев оценка ЕСПЧ созданных внутригосударственных средств правовой защиты является довольно детальной [18. § 97–120], и Европейский Суд ориентируется на то, как средство правовой защиты действует на практике [19. § 35]. Однако чаще всего ЕСПЧ принимает решение на основе соответствующего нового закона как такового и признает средство правовой защиты эффективным, хотя национальные суды еще не установили «какой-либо стабильной практики» [20. § 30]. ЕСПЧ также обычно добавляет, что его позиция может подлежать пересмотру и зависит от способности национальных судов устанавливать последовательную прецедентную практику в соответствии с Конвенцией. В исключительных случаях Европейский Суд пересматривает свою позицию и приходит к выводу, что сложившаяся национальная практика применения созданных средств правовой защиты не соответствует Конвенции [21. § 36–38].

Ярким примером признания созданного средства правовой защиты эффективным, в отношении которого нет устоявшейся практики применения, является решение ЕСПЧ по делу «Шмелев и другие против Российской Федерации» от 17 марта 2020 г., в котором было признано, что в России существует эффективное средство правовой защиты в случаях, когда заявители жалуются на нарушение ст. 3 Конвенции в отношении ненадлежащих условий содержания под стражей [22]. В частности, Европейский Суд счёл, что вступивший в силу новый Закон о компенсации предусматривает право любого задержанного лица на обращение с административным иском в национальный суд вследствие ненадлежащих условий содержания под

стражей. Как верно отмечают М. Филатова и А. Бутко, оценку эффективности нового механизма ещё предстоит дать ЕСПЧ, однако на сегодня для заявителей остается лишь возможность проверять ее эмпирическим путем в российских судах [23. С. 35].

Другим вопросом является установление для государства-ответчика срока для принятия общих мер в пилотных постановлениях. В течение установленного срока аналогичные дела, ожидающие рассмотрения, обычно «замораживаются» до тех пор, пока структурная проблема не будет устранена. Более того, юридические последствия несоблюдения установленного срока также четко не регламентированы ни в правиле 61 Регламента Суда, ни в документах КМСЕ, ни в практике ЕСПЧ.

Пилотные постановления и Россия

А. Бланкенагел отмечает, что Россия всегда была трудным членом Совета Европы: еще в 1990-е гг. были сильные сомнения в том, следует ли принимать Россию, поскольку стандарты ее правовой системы не соответствовали стандартам Совета Европы. Надежда, стоящая за принятием России в члены Совета Европы, состояла в том, что интеграция России в Совет Европы и вынесенные постановления ЕСПЧ будут способствовать развитию основных прав и верховенства права в России [24. Р. 963].

Принятие пилотных постановлений «Бурдов против России (№ 2)», «Герасимов и другие против России» позволило установить четкие критерии оценки длительности судебного разбирательства, что сыграло важную роль в развитии института компенсации за нарушение разумного срока судопроизводства в национальном процессуальном законодательстве. Имплементация предписаний пилотного постановления «Ананьев и другие против России» способствовала не только улучшению условий содержания заключенных в пенитенциарных учреждениях, но и созданию механизма правовой защиты в случае нарушения надлежащих условий содержания под стражей.

Особое внимание следует уделить постановлению по делу Ананьева, связанному со структурной проблемой в виде ненадлежащих условий содержания под стражей и который из всего списка является примером, наиболее близким к тому, чтобы назвать его успешным в плане выполненных общих мер и создания эффективных средств правовой защиты. В пилотном постановлении «Ананьев и другие против России» от 10 января 2012 г. Европейский суд указал на наличие структурной (системной) проблемы в правовой системе России, а также на ненадлежащее функционирование российской пенитенциарной системы, ставшее причиной постоянной структурной проблемы — неадекватных условий содержания под стражей (острый недостаток пространства в камерах, нехватка спальных мест, ограниченное поступление дневного света и свежего воздуха, невозможность уединиться при пользовании туалетом).

Во исполнение общих мер российскими властями была создана новая схема компенсации за неадекват-

ные условия содержания. В упомянутом решении по делу «Шмелев и другие против России» Европейский Суд постановил, что новое компенсаторное средство правовой защиты является эффективным, когда не требуется иных средств правовой защиты, в частности в отношении случаев содержания в СИЗО в прошлом и некоторых ситуаций в исправительных учреждениях, связанных с нарушением внутригосударственных положений. Новым компенсаторным средством правовой защиты является Федеральный закон № 494-ФЗ (Закон о компенсации), принятый 27 декабря 2019 г. и вступивший в силу 27 января 2020 г. Данный закон предусматривает, что любой заключенный, утверждающий, что условия его заключения нарушают или нарушали российские или международные стандарты, имеет право обратиться в суд за присуждением ему компенсации за такое нарушение [25]. Применение данного закона во многом позволит снизить нагрузку ЕСПЧ, учитывая то обстоятельство, что по состоянию на март 2020 г. около 1 450 аналогичных жалоб против Российской Федерации, касающихся содержания в СИЗО, и около 3 600 жалоб, касающихся содержания в исправительных учреждениях после вынесения приговора, ожидают рассмотрения в Европейском Суде [26].

Европейский Суд пришел к выводу, что закон о компенсации в принципе является адекватным и эффективным средством компенсационного возмещения в случаях, затрагивающих вопросы ненадлежащих условий содержания под стражей. Данное средство правовой защиты имеет необходимые процессуаль-

ные гарантии, связанные с судебным состязательным разбирательством, непосредственно доступно заинтересованным лицам и дает им разумные перспективы на успех. Кроме того, нет никаких оснований полагать, что такие претензии не будут рассмотрены в разумные сроки, что присужденная компенсация будет несовместима со стандартами Конвенции или что она не будет выплачена своевременно.

Что касается общей статистики, связанной с поступающими в ЕСПЧ жалобами на условия содержания под стражей, то ситуация следующая: если на 1 января 2010 г. около 1% рассматриваемых жалоб в ЕСПЧ касалось условий содержания под стражей, то на 1 января 2019 г. данная категория жалоб составляла уже около 22% от всех рассматриваемых ЕСПЧ жалоб. Приведенная диаграмма (рис. 1) свидетельствует о том, какое влияние может оказать внутреннее средство правовой защиты на число жалоб, находящихся на рассмотрении суда. Например, в отношении Италии и Венгрии в течение нескольких лет поступало значительное количество жалоб, связанных с условиями содержания под стражей, но после введения эффективных внутренних средств правовой защиты доля данных жалоб существенно сократилась. На 1 января 2019 г. двумя государствами, в отношении которых в ЕСПЧ находилось наибольшее количество жалоб относительно условий содержания под стражей, являлись Румыния и Российская Федерация (такие жалобы составляют 20% от 51 600, ожидающих рассмотрения) [27].

i. Applications concerning conditions of detention

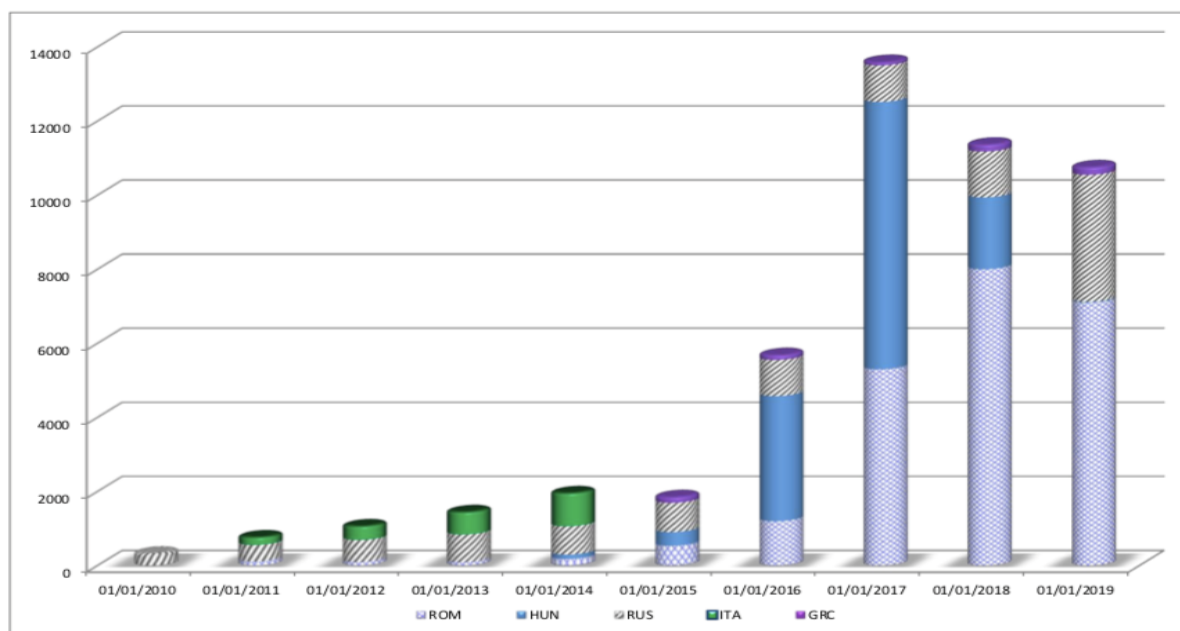

Рис. 1. Жалобы, находящиеся на рассмотрении ЕСПЧ, касающиеся условий содержания под стражей (диаграмма представлена на основе официальной статистики ЕСПЧ за 2019 г.) [27]

Несмотря на принятие российскими властями некоторых мер по улучшению условий содержания

под стражей заключенных, тем не менее в ЕСПЧ ежегодно поступает существенное количество жа-

лоб из России на данную структурную проблему. Весьма содержательным представляется Доклад Совета Европы о переполненности пенитенциарных учреждений, подготовленный предметно по каждому государству-члену. Например, на основе показателя численности заключенных на 100 тыс. жителей отмечается, что в России по состоянию на 2019 г. сохранялась высокая численность заключенных (оценка более чем на 25% выше европейского среднего значения: население страны на 1 января 2019 г. – 145 872 256 человек; общее число заключенных, включая лиц, содержащихся под стражей в период предварительного следствия, – 563 166 человек). Таким образом, на 100 тыс. человек в России приходится 386,1 заключенных, что является максимальным показателем среди всех государств – членов Совета Европы. Тем не менее в докладе положительно оцениваются изменения в российском уголовном законодательстве, связанные с принятием Федерального закона от 03.07.2018 № 186-ФЗ, а также тенденция к уменьшению количества заключенных. О последнем свидетельствует динамика численности заключенных в России в период с 2009 по 2019 г.: в 2009 г. – 605 тыс., 2010 г. – 574 тыс., 2011 г. – 527 тыс., 2012 г. – 489 тыс., 2013 г. – 470 тыс., 2014 г. – 466 тыс., 2015 г. – 450 тыс., 2018 г. – 418 тыс., 2019 г. – 386 тыс. заключенных. Таким образом, в процентном соотношении данные показатели свидетельствуют о сокращении численности российских заключенных с 2009 по 2019 г. на 36,2%, а с 2018 по 2019 г. – на 7,7% [28. Р. 32].

Заключение

Таким образом, следует отметить, что процедура пилотного постановления добавила «новое измерение» к задачам Европейского Суда, поскольку последний стал участвовать в надзоре за исполнением пилотных постановлений и созданием компенсационных средств правовой защиты. Принимая решения по ходатайствам государств-ответчиков о продлении срока принятия общих мер, Европейский Суд также так или иначе участвует в вопросах исполнения пилотных постановлений.

Отвечая на критические замечания в адрес процедуры пилотного постановления, хотелось бы поддержать И. Ильченко, которая отмечает, что данная процедура не панацея или тупик для Европы, это «пенициллин» для чумы XXI в. – системных нарушений и структурных дисфункций национальных систем [4. Р. 13]. Процедура пилотного постановления имеет потенциал справиться с этой задачей, поскольку она на протяжении всего периода своего функционирования доказывает гибкость и адаптацию.

Успех как процедуры пилотного постановления в целом, так и отдельных пилотных постановлений зависит от множества факторов, но в большей степени от диалога между ЕСПЧ, КМСЕ и национальными властями. К остальным факторам можно причислить степень сложности структурной (системной) проблемы, состояние законодательства и национальных процедур или воли государства-ответчика принять общие меры, финансовой возможности государства обеспечить выплаты компенсаций на национальном уровне.

Спасая Европейский Суд от его собственного «успеха» и загруженности, процедура пилотного постановления стала де-факто «тайм-менеджером» суда с такими новыми гаджетами, позволив замораживать клоновые дела [6. Р. 83]. Тем не менее процедура пилотного постановления выходит далеко за рамки индивидуальной жалобы (неспроста ее часто в литературе сравнивают с институтом коллективных исков), ставя под угрозу тем самым интересы индивидуальных заявителей. Однако данная процедура в нужный момент помогла не только Европейскому Суду справиться с перегруженностью, но и позволила государствам-ответчикам разрешить свои национальные дисфункции правовых систем.

Очевидно, что процедура пилотного постановления на сегодня представляет собой механизм, который увенчался в целом успехом и который будет применяться Европейским Судом в будущем. Европейский Суд в рамках процедуры пилотного постановления будет продолжать вынуждать национальные власти устранять системные или структурные проблемы и восстанавливать соответствие национального законодательства стандартам Конвенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заявление Комитета министров по случаю 70-летия Совета Европы (Принято Комитетом министров 17 мая 2019 года на 129-й сессии заместителей министров). URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/cm-session-17-may-2019> (дата обращения: 17.10.2020).
2. CDDH Report on the place of the European Convention on Human Rights in the European and international legal order. 92nd meeting, Strasbourg, 26–29 November 2019. URL: <https://rm.coe.int/steering-committee-for-human-rights-cddh-cddh-report-on-the-place-of-t/1680994279> (дата обращения: 17.10.2020).
3. Резолюция Res 3 Комитета министров о постановлениях, выявляющих системную проблему (принята на 114-й сессии 12.05.2004). 2004 // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 3 (15). С. 76–78.
4. Ilchenko I. The implementation of the 1950 European Convention on Human Rights and the case-law of the European Court of Human Rights: Ukraine's and Poland's Governments practice. 2010. URL: https://www.academia.edu/6825634/The_implementation_of_the_1950_European_Convention_on_Human_Rights_and_the_case-law_of_the_European_Court_of_Human_Rights_Ukraine_s_and_Poland_s_Governments_practice (дата обращения: 17.10.2020).
5. Dzehtsiarou K., Tzevelekos V. The Conscience of Europe that Landed in Strasbourg: A Circle of Life of the European Court of Human Rights // The European Convention on Human Rights Law Review. 2020. Vol. 1, Is. 1. P. 1–6.
6. Czepek J., Lubiszewski M. Procedura wyroku pilotażowego w praktyce Europejskiego Trybunału Praw Człowieka (Pilot judgment procedure in the case-law of the European Court of Human Rights). Monografia. Wolters Kluwer, 2015. 200 p.
7. Sicilianos L.-A. The Involvement of the European Court of Human Rights in the Implementation of its Judgments: Recent Developments under Article 46 ECHR // Netherlands Quarterly of Human Rights. 2014. Vol. 32, Is. 3. P. 235–262.
8. Постановление Европейского Суда по делу «Курич и другие против Словении» от 26 июня 2012 года, жалоба № 26828/06.
9. Постановление Европейского Суда по делу «Аслаханова и другие против России» от 18 декабря 2012 года, жалоба № 2944/06.

10. Выступление Председателя Европейского Суда по правам человека Л.-А. Сицилианоса на семинаре, посвященном открытию нового судебного года // Бюллетень ЕСПЧ. 2020. № 2. С. 5–7.
11. Factsheet – Pilot judgments. 2020. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/FS_Pilot_judgments_ENG.pdf (дата обращения: 17.10.2020).
12. Haider D. The pilot-judgment procedure of the European Court of Human Rights, Martinus Nijhoff. 2013. 347 p.
13. Fribergh E. Pilot judgment from the Court's perspective. Strasbourg. Council of Europe publishing, 2009. P. 521–526.
14. Исполинов А.С. Конституционный Суд РФ, ЮКОС и практика Европейского Суда по правам человека в отношении справедливой компенсации // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4 (58). С. 23–28.
15. Sadurski W. Partnering with Strasbourg, constitutionalism of the European Court of Human Rights, the accession of Central and East European states to the Council of Europe, and the idea of pilot judgments // Human Rights Law Review. 2009. Vol. 9. P. 397–453.
16. Lize R. Glas. The European Court of Human Rights supervising the execution of its judgments // Netherlands Quarterly of Human Rights. 2019. Vol. 37(3). P. 228–244.
17. Keller H., Marti C. Reconceptualizing Implementation: The Judicialization of the Execution of the European Court of Human Rights' Judgments // European Journal of International Law. 2016. Vol. 25. P. 829–839.
18. Постановление Европейского Суда по делам «Valcheva and Abrashev v. Bulgaria» от 18 июня 2013 года, жалобы № 6194/11 и 34887/11.
19. Постановление Европейского Суда по делу «Wolkenberg and Others v Poland» от 4 декабря 2007 года, жалоба № 11208/02.
20. Постановление Европейского Суда по делу «Nagovitsyn and Nalgiyev v. Russia» от 23 сентября 2010 года, жалобы № 27451/09 и 60650/09.
21. Постановление Европейского Суда по делу «Ilyushkin and Others v. Russia» от 17 апреля 2012 года, жалобы № 5734/08 и другие.
22. Решение Европейского Суда по делу «Шмелев и другие против Российской Федерации» от 17 марта 2020 года, жалоба № 41743/17 и 16 других жалоб.
23. Филатова М., Бутко А. Условия содержания под стражей: новый российский механизм защиты и практика европейских стран. Решение Европейского Суда по правам человека по делу «Шмелев и другие против России» // Международное правосудие. 2020. № 2 (34). С. 27–46.
24. Blankenagel A. The Relationship between the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation: A Reply to Jeffrey Kahn // The European Journal of International Law. 2019. Vol. 30, № 3. P. 961–969.
25. Федеральный закон от 27 декабря 2019 года № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 31.12.2019. 31 дек. № 296
26. Официальная статистика ЕСПЧ. URL: <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=reports&c=> (дата обращения: 17.10.2020).
27. The development of the Court's case-load over ten years. Statistical data for the CDDH. 2019. URL: <https://rm.coe.int/steering-committee-for-human-rights-cddh-the-development-of-the-court-/1680945c35> (дата обращения: 17.10.2020).
28. Aebi M.F., Tiago M.M. SPACE I - 2019 – Council of Europe Annual Penal Statistics: Prison populations. Strasbourg: Council of Europe. URL: http://wp.unil.ch/space/files/2020/04/200405_FinalReport_SPACE_I_2019.pdf (дата обращения: 17.10.2020).

Статья представлена научной редакцией «Право» 27 ноября 2020 г.

The Pilot Judgment Procedure of the European Court of Human Rights: The Search for the Necessary Balance

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 227–234.

DOI: 10.17223/15617793/465/30

Tigran D. Oganessian, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: t.oganesian@mail.ru

Keywords: pilot judgment procedure; Council of Europe; European Court of Human Rights; general measures; necessary balance.

The article deals with issues related to the modern understanding and application of the pilot judgment procedure of the European Court of Human Rights (ECtHR). It is noted that the pilot judgment procedure changed the distribution of powers between the ECtHR and the Committee of Ministers of the Council of Europe (CMCE) within the framework of the Convention mechanism. In this regard, special attention is paid to finding the necessary balance between the ECtHR, the CMCE and the national authorities in this procedure. The author emphasizes that over the past few years, the pilot judgment procedure has greatly contributed to the development of a dialogue between the Convention bodies of the Council of Europe and national authorities to strengthen the “European architecture for the protection of human rights”. The pilot judgment procedure expanded the powers of the ECtHR. In this regard, the author analyzes one of the key issues – the question of the limits of competence of the ECtHR, based on which the latter in pilot judgments can not only recommend, but also prescribe measures of both a general and individual nature, which leads to a change in the balance between the CMCE and the ECtHR established by the Convention. The various factors influencing the development of the pilot judgment procedure are also analyzed. As another important issue in this regard, the author considers whether the European Court participates in the supervision of the execution of its judgments. It is noted that the ECtHR has supervisory functions, deciding on the effectiveness of the created remedy in compliance with the requirements of the pilot judgment. Using the comparative legal method, the author considers the specifics of the pilot judgments of the European Court of human rights, as well as the impact of these decisions on Russian legislation. Statistical data are provided that reveal the impact of the general measures taken on the number of complaints received by the ECtHR about the conditions of detention. The conclusion notes that the pilot order procedure has added a “new dimension” to the tasks of the European Court, as the latter has become involved in overseeing the implementation of pilot judgments and the creation of compensatory remedies. When deciding on requests from the respondent states to extend the time limit for general measures, the European Court also participates in one way or another in the implementation of pilot judgments. The author emphasizes that the effectiveness of both the pilot judgment procedure as a whole and individual pilot judgments depends on many factors, but to a greater extent on the dialogue and search for a balance between the ECtHR, the CMCE and national authorities.

REFERENCES

1. Council of Europe. (2019) *Statement of the Committee of Ministers on the occasion of the 70th anniversary of the Council of Europe (Adopted by the Committee of Ministers on 17 May 2019 at the 129th session of Deputy Ministers)*. [Online] Available from: <https://www.coe.int/ru/web/portal/cm-session-17-may-2019> (Accessed: 17.10.2020). (In Russian).
2. CDDH. (2019) *CDDH Report on the place of the European Convention on Human Rights in the European and international legal order. 92nd meeting*, Strasbourg, 26–29 November 2019. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/steering-committee-for-human-rights-cddh-cddh-report-on-the-place-of-t/1680994279> (Accessed: 17.10.2020).

3. *Pretsedenty Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka*. (2018) Rezolyutsiya Res 3 Komiteta ministrov o postanovleniyakh, vyyavlyayushchikh sistemnyuyu problemu (prinyata na 114-y sessii 12.05.2004). [Resolution Res(2004)3 of the Committee of Ministers on resolutions identifying a systemic problem (adopted at the 114th session on 12.05.2004)]. Special Issue. 3 (15). pp. 76–78.
4. Ilchenko, I. (2010) *The implementation of the 1950 European Convention on Human Rights and the case-law of the European Court of Human Rights: Ukraine's and Poland's Governments practice*. [Online] Available from: https://www.academia.edu/6825634/The_implementation_of_the_1950_European_Convention_on_Human_Rights_and_the_case-law_of_the_European_Court_of_Human_Rights_Ukraine_s_and_Poland_s_Governments_practice (Accessed: 17.10.2020).
5. Dzehtsiarou, K. & Tzevelekos, V. (2020) The Conscience of Europe that Landed in Strasbourg: A Circle of Life of the European Court of Human Rights. *The European Convention on Human Rights Law Review*. 1 (1). pp. 1–6.
6. Czepek, J. & Lubiszewski, M. (2015) *Procedura wyroku pilotażowego w praktyce Europejskiego Trybunału Praw Człowieka* [Pilot judgment procedure in the case-law of the European Court of Human Rights]. Wolters Kluwer.
7. Sicilianos, L.-A. (2014) The Involvement of the European Court of Human Rights in the Implementation of its Judgments: Recent Developments under Article 46 ECHR. *Netherlands Quarterly of Human Rights*. 32 (3). pp. 235–262.
8. ECtHR. (2012) *Kuric and Others v. Slovenia*. 26828/06. 26 June 2012.
9. ECtHR. (2012) *Aslakhanova v. Russia*. 2944/06. 18 December 2012.
10. Byulleten' ESPCh. (2020) Vystuplenie Predsedatelya Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka L.-A. Sitsilianosa na seminare, posvyashchennom otkrytiyu novogo sudebnogo goda [Speech of the President of the European Court of Human Rights L.-A. Sicilianos at the seminar dedicated to the opening of the new judicial year.]. 2. pp. 5–7.
11. ECtHR. (2020) *Factsheet – Pilot judgments*. 2020. [Online] Available from: https://www.echr.coe.int/Documents/FS_Pilot_judgments_ENG.pdf (Accessed: 17.10.2020).
12. Haider, D. (2013) *The pilot-judgment procedure of the European Court of Human Rights*. Martinus Nijhoff.
13. Fribergh, E. (2009) *Pilot judgment from the Court's perspective*. Strasbourg: Council of Europe publishing. pp. 521–526.
14. Ispolinov, A.S. (2017) Konstitutsionnyy Sud RF, YuKOS i praktika Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka v otnoshenii spravedlivoy kompensatsii [The constitutional Court of the Russian Federation, YUKOS and the practice of the European Court of Human Rights on fair compensation]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 4 (58). pp. 23–28.
15. Sadurski, W. (2009) Partnering with Strasbourg, constitutionalism of the European Court of Human Rights, the accession of Central and East European states to the Council of Europe, and the idea of pilot judgments. *Human Rights Law Review*. 9. pp. 397–453.
16. Lize, R. (2019) Glas. The European Court of Human Rights supervising the execution of its judgments. *Netherlands Quarterly of Human Rights*. 37 (3). pp. 228–244.
17. Keller, H. & Marti, C. (2016) Reconceptualizing Implementation: The Judicialization of the Execution of the European Court of Human Rights' Judgments. *European Journal of International Law*. 25. pp. 829–839.
18. ECtHR. (2013) *Valcheva and Abrashev v. Bulgaria*. 6194/11. 18 June 2013.
19. ECtHR. (2012) *Wolkenberg and Others v. Poland*. 11208/02. 4 December 2007.
20. ECtHR. (2012) *Nagovitsyn and Nalgiyev v. Russia*. 27451/09 and 60650/09. 23 September 2010.
21. ECtHR. (2012) *Ilyushkin and Others v. Russia*. 5734/08. 17 April 2012.
22. ECtHR. (2012) *Shmelev and others v. Russia*. 41743/17. 17 March 2020.
23. Filatova, M. & Butko, A. (2020) Usloviya soderzhaniya pod strazhey: novyy rossiyskiy mekhanizm zashchity i praktika evropeyskikh stran. Reshenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka po delu "Shmelev i drugie protiv Rossii" [Conditions of detention: Russia's new security mechanism and practice of the European countries]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2 (34). pp. 27–46.
24. Blankenagel, A. (2019) The Relationship between the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation: A Reply to Jeffrey Kahn. *The European Journal of International Law*. 30 (3). pp. 961–969.
25. *Rossiyskaya gazeta*. (2019) Federal'nyy zakon ot 27 dekabrya 2019 goda № 494-FZ "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 494-FZ of December 27, 2019, "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation"], 31 December. 296.
26. ECtHR. (2012) *Ofitsial'naya statistika ESPCh* [EctHR official statistics]. [Online] Available from: <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=reports&c=> (Accessed: 17.10.2020).
27. Council of Europe. (2019) *The development of the Court's case-load over ten years. Statistical data for the CDDH*. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/steering-committee-for-human-rights-cddh-the-development-of-the-court-/1680945c35> (Accessed: 17.10.2020).
28. Aebi, M.F. & Tiago, M.M. (2019) *Council of Europe Annual Penal Statistics: Prison populations*. Strasbourg: Council of Europe. [Online] Available from: http://wp.unil.ch/space/files/2020/04/200405_FinalReport_SPACE_I_2019.pdf (Accessed: 17.10.2020).

Received: 27 November 2020

Т.И. Ряховская

«КОНСТИТУЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ»: К ВОПРОСУ О КОНКРЕТИЗАЦИИ ТЕРМИНА

Выдвигается предположение, что, вопреки схожести современных конституции мира, которую можно проследить по структуре и некоторым элементам содержания, у них есть отличительные черты, характерные для определенных государств, складывающиеся под влиянием особых традиций, находящихся отражение в конституционной психологии. В статье исследуется данный термин.

Ключевые слова: конституционная идентичность; конституционная самобытность; правовая культура; конституционная культура; конституционная правовая культура; конституция; конституционная психология; конституционное правосознание.

В преамбуле Основного закона Российской Федерации 1993 г. закреплено: «Мы – многонациональный народ Российской Федерации, соединенный общей судьбой на одной земле <...> принимаем Конституцию РФ». Из указанного следует: не только власть, но и нормативно закрепленные основы конституционного строя исходят от народа, напрямую зависят от его мировоззрения и социально-психологического состояния общества. Указанное представляется возможным обозначить как внеправовой фактор, которым определяется конституционный колорит государства, его конституционная самобытность.

Иначе говоря, вопреки тому, что новые и новейшие конституции мира оказываются родственными: по структуре, по некоторым элементам содержания, что связано не только с процессом рецепции, но и имплементации норм международного права, которые должны соблюдать участники мирового взаимодействия, есть отличительные черты, характерные для определенных государств, складывающиеся под влиянием особых традиций, находящихся отражение в конституционной психологии.

Последнее, не самое распространенное направление научных изысканий, по идее, и является тем фактором, который и определяет ключевые различия между государствами, оказываясь нетекстовым отражением процессов, происходящих в них, очерчивающим внеправовой элемент конституционной самобытности. Вопрос о ней становится еще более актуальным в связи с поправками, внесенными в Конституцию РФ, которая, по мнению Конституционного Суда РФ, выраженному в Заключении от 16 марта 2020 г., является высшей универсальной формой легитимации Российской Федерации, закрепляет ее конституционную самобытность во внутригосударственном и международном пространстве [1].

Целью предложенного исследования является попытка уточнения терминологического оборота «конституционная психология». В качестве задач выделяются: рассмотрение и анализ сопряженных с обозначенным терминологическим оборотом понятий «государственная традиция», «правовая культура», «конституционная правовая культура», «конституционное правовое сознание», что связано с их сильной взаимозависимостью и взаимным влиянием.

Так, К.В. Арановский очень точно отмечает, что государственному праву нужно, чтобы его понимали в антропологическом и психологическом измерении. Принимая человека за личность, создающую право или оставляющую право в стороне, есть возможность обнаружения причин успехов или провалов правовых трансформаций, законодательных решений. Переход государственного права в традицию обусловлен его включенностью в общую правовую культуру [2. С. 140], а значит, и конституционно-правовую культуру.

М.В. Сальников видит целесообразность использования категории «традиция» применительно к самобытности, преемственности в развитии национальных политико-правовых систем. Обращаясь к термину «политико-правовая традиция», определяя его как некое общее начало, ученый предлагает понимать под ним особенную, обусловленную процессами появления, становления и развития культуры любого народа систему связей настоящего с прошлым, при помощи которой совершаются определенный отбор, восприятие юридического опыта и его передача, которые затем опять воспроизводятся в рамках соответствующей правовой культуры [3. С. 154–156]. Этот процесс, по нашему мнению, возможно обнаружить не только в преемственности, но и в конституционно-правовой культуре, которой обусловлена неправовая специфика каждого государства в целом и индивида в отдельности.

В.И. Червонюк описывает правовую традицию как соединение сознательного и бессознательного, сочетание когнитивных, рациональных и поведенческих элементов в образе и в поведении социального субъекта, в том числе участвующего в конституционно-правовых отношениях. Ученый полагает, что эти элементы обладают значительным регулятивным резервом, выступают как синонимы абсолютного, вечного, существующего в разные времена, тождественны универсалиям [4. С. 517]. Следовательно, можно сказать, что правовые традиции имеют не только психологический аспект, но и поведенческий. Однако вызывает некоторые вопросы идея о тождественности традиций универсалиям. В виду того что последнее не может быть уникальным для одного государства, скорее, это нечто объединяющее, выработанное мировой практикой.

К этому лишь добавим, что традиции формируются через опыт и могут формализоваться, выражаясь в виде норм. То есть традиции определяют национальную и конституционную специфику. Можно выработать своего рода формулу: общество – традиция – государство – традиция – общество, где все элементы взаимосвязаны и влияют друг на друга. Условно: в обществе возникают отношения, которые затем регулируются государственными нормами, становятся постоянными и влияют на него, образуя тем самым нечто постоянное, не изменяющееся во времени.

Иллюстрациями современной государственно-правовой традиции России, по мнению А.А. Дорской, являются: 1) особое отношение к главе государства; 2) единоначалие в органах федеральной власти, двоевластие в регионах, выраженное в сочетании назначаемых и избираемых органов, должностей; 3) несхожесть юридической и фактической конституций; 4) верховенство государства над частными институтами; 5) двойственность государственно-правовых институтов (до 1917 г. наблюдается тесная связь государства и церкви, в советский период – государства и партийных органов) [5. С. 61]; 6) сейчас можно также обратить внимание на возрождение (реставрацию) некоторых государственно-правовых институтов (представляющее особый интерес для дореволюционной государственно-правовой доктрины гражданского общества; указы избирателей, закреплённые в ст. 102 советской Конституции СССР 1977 г., воспринятые современной практикой).

В.Д. Вохмяхин обнаруживает специфику (т.е. самобытность) в тенденции универсализации, которая, по его идее, может иметь определенную национальную специфику (прослеживающуюся, например, в особенностях федеративного устройства, в формулировке «носитель суверенитета и единственный источник власти»), обусловленную особенностями исторического развития страны, а также ее многонациональностью. Он считает, что эта тенденция, признающая определенные права и свободы человека, не исключает национально-культурное и историческое своеобразие конкретного государства [6. С. 66], так как для реализации они попадают в отечественную правовую среду, отличающуюся определенным своеобразием, что, в общем-то, созвучно контексту и нашего исследования. Более того, в ранее обозначенном Заклучении Конституционного Суда РФ уточняется, что конституционные поправки, особенно в ч. 2¹ ст. 67, ст. 67¹, ч. 1 и 4 ст. 68, ч. 2 и 3 ст. 69, ст. 79¹, «касаются вопросов общероссийской государственной идентичности и гарантий ее сохранения и защиты» [1].

Е.Г. Лукьянова пишет о тенденции углубления взаимодействия международного и внутригосударственного права, которое можно проследить через присоединение Российской Федерации к ряду международных конвенций (например, в 2012 г. – к Гаагской конвенции о защите детей 1996 г., регламентирующей ответственность родителей и защищающей права и интересы детей; в 2011 г. – к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г.), и продолжающейся гармонизации правил и стандартов деятельности органов ис-

полнительной власти с международными образцами, например в области взаимодействия их с гражданами и организациями [7. С. 11–12]. Отдельно отметим, что несмотря на вышеописанные поправки в Конституцию РФ (ст. 79), никто не отменяет действие ч. 4 ст. 15: «...общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» [8].

Однако в целом указанное авторами не может не вызывать беспокойство, так как все это может привести к однообразию норм основных законов государств и потере их конституционный самобытности. К этому же можно добавить проблему, ставшую уже традицией: разнообразие доктринальных подходов к базовым понятиям современного конституционного права, которое, к сожалению, не дает четкого представления о некоторых важных категориях, например, таких, как прямое действие Конституции РФ, непосредственное действие прав и свобод человека и гражданина и др.

В то же время люди воспринимают и отражают окружающий мир, обосновывая существование различных форм общественного сознания. Однако, как известно, не все нормы, а лишь правовые являются регуляторами правового поведения. Следовательно, в сфере общественного сознания для правовой доктрины наибольший интерес представляет правовое сознание (правосознание) как нечто, возникающее в рамках деятельности, очерченной правовыми нормами.

В этом контексте сложно не согласиться с В.В. Грамматиковым, отмечающим невозможность формирования современного правового государства без кардинальных преобразований всей духовной сферы общества, в которой важнейшую роль играет правосознание [9. С. 19], а с ним и осознание конституционных особенностей собственного государства.

Кстати, наиболее распространенный подход к правосознанию определяет его как «совокупность идей, теорий, чувств, эмоций, взглядов и других компонентов, выражающих оценочное психологическое отношение людей к правовым явлениям и в целом к праву действовавшему, действующему и желаемому» [10. С. 441–442]. Ключевая фраза здесь – «оценочное психологическое отношение людей», следовательно, в данном случае право и психология оказываются напрямую связанными.

Общепринято, что в структурном отношении правосознание состоит из двух основных компонентов: 1) правовая идеология – это научное выражение взглядов о праве, представленное в системе, и его значении в регулировании общественных отношений (например, естественно-правовая, либерально-правовая идеология и др.); 2) правовая психология – это консолидированное выражение чувств, эмоциональных переживаний, привычек, стереотипов, аксиологических отношений, возникающих в связи с восприятием и реализацией норм права, позволяющих оценить психологическое отношение людей к правовым явлениям [10. С. 441–442]. Полагаем, наибольшая концентрация конституционно значимых тради-

ций, их восприятие остаются в правовой психологии, в то время как правовая идеология больше связана с юридической деятельностью и с системой установленных правовых взглядов. Причем последнюю формирует государство, а первая складывается самостоятельно.

Ввиду того что именно Основной закон Российской Федерации стал комплексным юридическим выражением важнейших политических ценностей, определяющих лицо нового и исторически преемственного государства, таких как обеспечение прав и свобод человека, демократическое федеративное правовое государство, разделение властей, парламентаризм и т.д. [11. С. 8], как отмечает В.Д. Зорькин, представляется уместным говорить о влиянии уровня конституционно-правовой культуры на формирование конституционной самобытности.

В целом, как пишет Н.В. Витрук, конституционная культура гражданина определяется следующими параметрами: конституционное мировоззрение как философско-правовое осмысление конституции, конституционно-государственная идеология; конституционно-правовая политика; конституционная доктрина; взаимодействие с иными источниками конституционного права; конституционность и конституционный порядок; средства обеспечения реализации, охраны и защиты конституции; конституционно-правовое сознание, конституционно-правовое просвещение, обучение и воспитание [12. С. 225]. Указанное определяет конституционную культуру гражданина весьма широко и емко.

К тому же сложно не согласиться с тем, что эффективность Основного закона напрямую зависит от того, насколько распространены и поддержаны ее положения, принципы и идеи самим обществом. Насколько нормы действующей Конституции РФ оказались близки эмоциональным настроениям и ценностным ориентирам граждан, показало прошедшее 1 июля 2020 г. общероссийское голосование, в результате которого, согласно Постановлению Избирательной комиссии Российской Федерации от 3 июля 2020 г. № 256/1888-7, итоговая явка составила 67,97%, причем поправки поддержали 77,92% избирателей [13].

Полагаем, что если существует конституционно-правовая культура, то может быть выделено и конституционное правосознание, соединяющее в себе такие компоненты, как конституционная идеология и конституционная психология, представляющая особый интерес в силу ее наиболее близкой связи с конституционной самобытностью.

Наиболее удачным, на наш взгляд, представляется определение понятия конституционного правосознания, предложенное Э.Э. Бариновым, который рассматривает его как особую высшую форму правового сознания, демонстрирующую отношение индивида, общества в целом как к установлениям Основного закона и других действующих конституционно-правовых актов, так и к практике их претворения в жизнь, а также к желаемым преобразованиям конституционно-правовых норм и институтов, равно как и к самим по себе современным конституционным ценностям [14. С. 6].

В.В. Никитяевой предложены некоторые аспекты этого явления, которое может быть воспринято как: 1) особый отраслевой вид правосознания; 2) взаимосвязь идеологических и психологических структурных элементов, посредством которых предпринимается оценка конституционно-правовых отношений, отдельных конституционно-правовых норм и всего массива законодательства, иницилирующая правовую деятельность органов государственной власти, местного самоуправления по осуществлению прав человека [15. С. 14]. То есть, конституционное правосознание содержит в себе элементы и правосознания (воспринимаемого общетеоретическим подходом), и идеологии, и психологии. Однако наиболее близкой категорией к исследуемой проблеме конституционной самобытности видится второй аспект конституционного правосознания, где ключевой является оценка субъекта, на которого направлены конституционно-правовые предписания.

Е.В. Титовой обосновывается необходимость выделения такой категории, как конституционное правосознание через его отличительные характеристики от правосознания в целом: так как оно формируется на стыке правового и политического сознания, следовательно, имеет двойственный характер; духовно-нравственные ценности, которые являются смыслообразующими для конституционного правосознания [16. С. 118–125]. Сюда же представляется возможным добавить: субъективное восприятие формального конституционного права участниками конституционно-правовых отношений [17. С. 191] и влияние традиций на убеждения людей.

А.Б. Огородниковой отмечается, что специфика конституционного правосознания как высшей формы правового сознания позволяет говорить о его взаимосвязи не только с понятием справедливости, но и патриотизма и национальной идентичности, проблема сохранения которой является актуальной в эпоху глобализации и в нашей стране [18. С. 161–164]. Полагая, речь идет не столько о национальной идентичности, сколько о самобытности, которая также может быть отражена через призму конституционной психологии, так как последняя является ее составляющей в силу того, что государственно-правовые нормы – часть культуры общества в целом.

Э.Э. Баринов справедливо утверждает, что конституционно-правовая идеология – динамичная часть конституционного правосознания. А конституционно-правовая психология – консервативный компонент [14. С. 6]. То есть в этом самом статичном компоненте отражены традиции, что совпадает с общетеоретическими представлениями о правовом сознании вообще.

Таким образом, в государственно-правовой доктрине обращается внимание на специфику категории «конституционное правосознание», не оспаривается идея о наличии в ней двух элементов: конституционной идеологии и конституционной психологии.

И если первый является более привычным, воспринимаемым как формализованная система взглядов, вытекающая из норм Основного закона, то второй – наиболее противоречивое понятие ввиду отсутствия конкретизации этого термина и его новизны.

Однако именно он необходим для наиболее полного описания категории «конституционная самобытность».

Некоторые ученые, например, Г.Н. Андреева, полагают, что «на самом деле речь идет о некоем ответвлении социальной психологии, которое нацелено на исследование психологии участников конституционно-правовых отношений. Специалисты по конституционному праву должны ставить вопросы, ответы на которые должны давать социальные психологи» [19]. По нашему мнению, едва ли социальные психологи, не имея специального знания в сфере государственного права, смогут дать ответы на поставленные юристами вопросы.

Е.В. Титова обнаруживает два аспекта, в которых может рассматриваться вопрос о конституционной психологии: 1) как социально-правовой феномен, характеризующий конституционно-психологическое состояние общества на определенном этапе конституционно-правового генезиса государства; 2) как конструкт конституционных политико-правовых явлений, где прозрачны формулы взаимодействия элементов и составляющих структур политических событий по типу идеализации «как это должно быть» [20]. Полагаем, в нашем исследовании наиболее важным представляется первый аспект, так как целостная, отделяемая от других сущность реального мира, недоступная непосредственному наблюдению, вероятно, имеет большее отношение к философии. Однако сложно предположить, что конституционная психология может исследоваться лишь на конкретном этапе, так как на нее оказывают воздействие государственно-правовые традиции, которые формируются не дискретно, т.е. точно, а долговременно.

Т.А. Жумабекова уточняет компоненты конституционной психологии так: 1) крупное объединение стихийно складывающихся, лишенных системности конституционных взглядов, представлений, суждений и идей, которые отличаются в своей совокупности от конституционной идеологии; 2) многообразный пласт эмоций, чувств, переживаний, умонастроений, формирующихся у индивидов в связи с возникновением, работой и развитием правовых институтов, структур и отношений [21. С. 240–242], что опять же имеет больше связи с конституционной идеологией.

Наиболее удачным представляется подход Е.С. Аничкина и Д.В. Каширского, которые пишут, что конституционная психология – часть правовой психологии, которая изучает отражение в сознании людей конституции как социокультурного феномена. Ученые выделяют две сопряженные формы конститу-

ционной психологии: 1) отрасль научного психологического знания; 2) феномен культуры, проявляющийся на уровне индивидуальной психики личности [22. С. 133]. То есть в этом контексте процессы ментального освоения конституционной действительности у субъектов, формирующиеся правовые установки, привычки, иные формы стереотипного поведения, позволяющие им реагировать на соответствующую правовую ситуацию [23. С. 169], сопряженные с реакцией на конституционно-правовые нормы, и являются конституционной психологией.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что конституционная психология тесно переплетена с конституционно-правовой традицией, под воздействием которой и происходит формирование отношения к конституционной действительности. В свою очередь, традиция может быть рассмотрена не только с формально-юридической точки зрения, как преемственность норм, но и как сложившиеся негласные правила поведения, психологический микроклимат отдельно взятого государства.

Именно особенностями конституционно-правовых традиций, отраженных в Основном законе, в системе возникающих и сформировавшихся правоотношений определяется ключевое различие – конституционная самобытность каждого отдельного государства.

Так, например, в большинстве конституций мира закреплено право человека на судебную защиту. Однако активно реализовывают его далеко не везде. Например, в России отсутствует привычка защищать свой законный интерес, впрочем, как и реализовывать право избирать, не говоря уже о возможности быть избранным. Многонациональный народ, к сожалению, не отстаивает свои конституционные права и свободы, не знаком с системой органов государственной власти, так как это все представляется зачастую безличным, без обращения к конкретному субъекту, что порождает процветание правового нигилизма и отсутствие активного правового поведения, которые государство пытается преодолеть, например, путем вовлечения граждан Российской Федерации в принятие решений, касающихся важнейших поправок в Основной закон.

В этом контексте конституционная психология является внеправовым отражением конституционной действительности, которая включает отношение, восприятие, рефлексию народа по поводу тех или иных событий, явлений, происходящих в государстве. Конституционная психология есть тот самый «правовой менталитет», которым неформально и определяется нетождественность государств, т.е. их конституционная самобытность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037> (дата обращения: 14.01.2021).
2. Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 658 с.
3. Сальников М.В. Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С.153–156.
4. Червонюк В.И. Традиции как выражение преемственности в правовом развитии, их регулятивные особенности, взаимосвязь с инновациями в сфере действия конституционного права // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 511–526.

5. Дорская А.А. Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния. СПб. : Астерион, 2016. 246 с.
6. Вохмянин Д.В. Универсализация в конституционном праве // Защита прав человека в современных условиях : теория и практика: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. 20.04.2017. Пермь, 2017. С. 61–68.
7. Лукьянова Е.Г. Правовая система России : современные тенденции развития // Труды института государства и права РАН. 2016. № 6. С. 6–23.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002?index=5&rangeSize=1> (дата обращения: 02.07.2020).
9. Грамматиков В.В. Природа деформации профессионального правосознания (на примере адвокатской деятельности) // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5 (15). С. 19–27.
10. Рассказов Л.П. Теория государства и права : учебник для вузов. М. : РИОР, 2008. 463 с.
11. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М. : Норма, 2007. 400 с.
12. Витрук Н.В. Верность Конституции. М. : Изд-во РАН, 2008. 272 с.
13. Постановление Избирательной комиссии Российской Федерации «О результатах общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» от 3 июля 2020 г. №256/1888-7. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/46746/> (дата обращения: 14.01.2021).
14. Баринов Э.Э. Конституционное правосознание в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов на/Д, 2001. 201 с.
15. Никитяева В.В. Конституционное правосознание (Вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. 207 с.
16. Титова Е.В. К вопросу о структуре конституционного правосознания и его особенностях // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. Т. 17, № 4. С. 118–125.
17. Аничкин Е.С., Матаева М.Х. Конституционная психология в российской среде // Актуальные вопросы общей и юридической психологии : образование, право и социальные практики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Е.С. Аничкина, А.А. Васильева, Д.В. Каширского, Н.В. Сабельниковой. Барнаул, 2018. С. 187–191.
18. Огородникова А.Б. Конституционное правосознание общества как показатель развития идей конституционализма // Актуальные вопросы конституционно-правового регулирования модернизации российского общества (к 20-летию Конституции РФ) : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Рязань, 2013. С. 161–164.
19. Andreeva G. New direction of researches: constitutional psychology or constitutional and legal psychology? (Новое направление исследований: конституционная психология или конституционно-правовая психология?) // International Conference on Advanced Research in Business, Economics, Law and Social Sciences Conference Proceedings. Spain, Madrid : Scientific public organization «Professional science», 2017. С. 266–272.
20. Титова Е.В. Конституционная психология и социально-психологический механизм действия конституции как предмет конституционного диалога // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (1221). С. 39–44.
21. Жумабекова Т.А. Место правовой психологии в правовой системе и ее роль в правовой мотивации личности // Наука и новые технологии. 2012. № 3. С. 240–242.
22. Аничкин Е.С., Каширский Д.В. Конституционная психология как отрасль научного знания и феномен культуры // Электронный журнал «Психология и право». 2019. Т. 9, № 2. С. 130–140.
23. Червонюк В.И. Конституция и конституционное правосознание // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 166–169.

Статья представлена научной редакцией «Право» 27 ноября 2020 г.

“Constitutional Psychology”: On Specifying the Term

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 235–240.

DOI: 10.17223/15617793/465/31

Tatyana I. Ryakhovskaya, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dnight@mail.ru

Keywords: constitutional identity; constitutional originality; legal culture; constitutional culture; constitutional legal culture; constitution; constitutional psychology; constitutional legal consciousness.

Despite the fact that the new and newest constitutions of the world turn out to be related in structure and in some elements of content, which is associated with the reception and implementation of the norms of international law that participants in world interaction must observe, basic laws have distinctive features characteristic for certain states and formed under the influence of special traditions, which are reflected in constitutional psychology. The aim of the proposed research is an attempt to clarify the term “constitutional psychology”. The objectives of the research are: consideration and analysis of the concepts “state tradition”, “legal culture”, “constitutional legal culture”, “constitutional legal consciousness” associated with the term, since they have strong interdependence and mutual influence. Particular attention is focused on constitutional psychology as its extra-legal element. The theoretical basis of the research is works by E.S. Anichkin, K.V. Aranovsky, P.P. Baranov, N.V. Vitruk, T.A. Zhumabekova, V.V. Nikityaeva, M.V. Salnikov, E.V. Titova, V.I. Chervonyuk, and other prominent authors. The normative basis was the 1993 Constitution of the Russian Federation. The main research methods are: (1) formal logical, which made it possible to clarify and generalize scholars’ opinions on the issue of state tradition, constitutional and legal culture and constitutional psychology; (2) formal legal, which contributed to the substantiation of the position on the presence of an intensification of the tendency of universalization of constitutional legal norms, the analysis of the reform of constitutional legal norms. In the course of the study, the author comes to the conclusion that constitutional psychology is closely intertwined with the constitutional-legal tradition, under the influence of which the attitude to constitutional reality is being formed. As a result, she specifies that tradition can be considered not only from a formal legal point of view, as a continuity of norms, but also as the established unwritten rules of behavior, the psychological microclimate of a single state. It is the features of constitutional-legal traditions reflected in the basic law that determine the key difference in the system of emerging and formed legal relations – the constitutional identity of each individual state. This identity is an extra-legal reflection of constitutional reality, which includes people’s attitude to, perception of, and reflection on certain events and phenomena occurring in the state. In other words, constitutional psychology is the very “legal mentality” that informally determines the non-identity of states, that is, their constitutional identity.

REFERENCES

1. Constitutional Court of the Russian Federation. (2020) *Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 16, 2020, No. 1-3: On compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the non-operational provisions of*

the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation “On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public authority”, as well as on compliance with the Constitution of the Russian Federation of the procedure for the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037> (Accessed: 14.01.2021). (In Russian).

2. Aranovskiy, K.V. (2003) *Konstitutsionnaya traditsiya v rossiyskoy srede* [Constitutional tradition in the Russian environment]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press.
3. Sal'nikov, M.V. (2012) Politiko-pravovaya traditsiya, pravovaya kul'tura i pravovaya sistema: k voprosu o sootnoshenii kategoriy [Political and legal tradition, legal culture and legal system: on the relationship of categories]. *Mir politiki i sotsiologii*. 9. pp. 153–156.
4. Chervonyuk, V.I. (2011) Traditsii kak vyrazhenie preemstvennosti v pravovom razvitii, ikh regulativnye osobennosti, vzaimosvyaz' s innovatsiyami v sfere deystviya konstitutsionnogo prava [Traditions as an expression of continuity in legal development, their regulatory features, relationship with innovations in the field of constitutional law]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 5. pp. 511–526.
5. Dorskaya, A.A. (2016) *Pravovye traditsii Rossii i razvitie prava mezhdunarodnykh organizatsiy: problemy vzaimovliyaniya* [Legal traditions of Russia and the development of the law of international organizations: problems of mutual influence]. Saint Petersburg: Asterion.
6. Vokhmyakhin, D.V. (2017) [Universalization in constitutional law]. Zashchita prav cheloveka v sovremennykh usloviyakh: teoriya i praktika [Protection of human rights in modern conditions: theory and practice]. Proceedings of the International Conference. Perm: [s.n.]. pp. 61–68.
7. Luk'yanova, E.G. (2016) Pravovaya sistema Rossii: sovremennye tendentsii razvitiya [Legal system of Russia: modern development trends]. *Trudy instituta gosudarstva i prava RAN*. 6. pp. 6–23.
8. Russian Federation. (1993) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993* [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002?index=5&rangeSize=1> (Accessed: 02.07.2020).
9. Grammatikov, V.V. (2020) The Nature of Professional Legal Consciousness Deformation (A Case Study of Advocates' Work). *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 5 (15). pp. 19–27. (In Russian).
10. Rasskazov, L.P. (2008) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov* [Theory of state and law: a textbook for universities]. Moscow: RIOR.
11. Zor'kin, V.D. (2007) *Rossiya i Konstitutsiya v XXI veke. Vzgl'yad s Il'inki* [Russia and the Constitution in the 21st century. A view from Ilyinka.]. Moscow: Norma.
12. Vitruk, N.V. (2008) *Vernost' Konstitutsii* [Loyalty to the Constitution]. Moscow: RAS.
13. Election Commission of the Russian Federation. (2020) *Resolution of the Election Commission of the Russian Federation “On the results of the all-Russian vote on the approval of amendments to the Constitution of the Russian Federation” of July 3, 2020 No. 256/1888-7*. [Online] Available from: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/46746/> (Accessed: 14.01.2021).
14. Barinov, E.E. (2001) *Konstitutsionnoe pravosoznanie v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional sense of justice in the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
15. Nikityaeva, V.V. (2002) *Konstitutsionnoe pravosoznanie (Voprosy teorii i praktiki)* [Constitutional legal awareness (Questions of theory and practice)]. Law Cand. Diss. Voronezh.
16. Titova, E.V. (2017) On the issue of the structure of constitutional consciousness and its features. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo – Bulletin of SUSU. Series: Law*. 17 (4). pp. 118–125. (In Russian).
17. Anichkin, E.S. & Mataeva, M.Kh. (2018) [Constitutional psychology in the Russian environment]. *Aktual'nye voprosy obshchey i yuridicheskoy psikhologii: obrazovanie, pravo i sotsial'nye praktiki* [Topical issues of general and legal psychology: education, law and social practices]. Proceedings of the International Conference. Barnaul: Altai State University. pp. 187–191. (In Russian).
18. Ogorodnikova, A.B. (2013) [Society's constitutional legal awareness as an indicator of the development of constitutionalism ideas]. *Aktual'nye voprosy konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya modernizatsii rossiyskogo obshchestva (k 20-letiyu Konstitutsii RF)* [Topical issues of constitutional and legal regulation of the modernization of Russian society (to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation)]. Conference Proceedings. Ryazan: [s.n.]. pp. 161–164. (In Russian).
19. Andreeva, G. (2017) New direction of researches: constitutional psychology or constitutional and legal psychology? *International Conference on Advanced Research in Business, Economics, Law and Social Sciences Conference Proceedings*. Spain, Madrid: Scientific public organization “Professional science”. pp. 266–272.
20. Titova, E.V. (2018) Constitutional Psychology and Social-Psychological Mechanism of the cOnstitution Functioning as a Subject of the Constitutional Dialogue *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2 (1221). pp. 39–44. (In Russian).
21. Zhumabekova, T.A. (2012) Mesto pravovoy psikhologii v pravovoy sisteme i ee rol' v pravovoy motivatsii lichnosti [The place of legal psychology in the legal system and its role in the legal motivation of the individual]. *Nauka i novye tekhnologii*. 3. pp. 240–242.
22. Anichkin, E.S. & Kashirskiy, D.V. (2019) Konstitutsionnaya psikhologiya kak otrasl' nauchnogo znaniya i fenomen kul'tury [Constitutional psychology as a branch of scientific knowledge and a cultural phenomenon]. *Psikhologiya i pravo – Psychology and Law*. 9 (2). pp. 130–140.
23. Chervonyuk, V.I. (2008) Konstitutsiya i konstitutsionnoe pravosoznanie [Constitution and constitutional awareness]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 10. pp. 166–169.

Received: 27 November 2020

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБАКУМОВА Наталия Николаевна – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета. E-mail: tomsk-ann@yandex.ru

АФНАСЬЕВ Александр Лукьянович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: afal_2007@mail.ru

АХМЕДОВ Тейоб Ахмед оглы – канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и социально-гуманитарных дисциплин Технического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (г. Нерюнгри). E-mail: RSevoi@yandex.ru

БАЗЫЛЕВА Сабрина Павловна – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: sabrinca@inbox.ru

БАРЕБИНА Наталья Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Байкальского государственного университета (г. Иркутск). E-mail: svirel23@rambler.ru

БЕЖЕНЦЕВА Любовь Михайловна – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Томского государственного университета. E-mail: delja3@yandex.ru

БОРИСОВА Виктория Анатольевна – аспирант кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета. E-mail: kitnessev@gmail.com

БУРНАКОВ Венарий Алексеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: venariy@ngs.ru

ВЕРЧЕНКО Надежда Игоревна – канд. юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: n.verchenko@yandex.ru

ДАНИЛОВ Игорь Борисович – канд. юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск). E-mail: 0615222@mail.ru

ЕНГАЛЫЧЕВ Вали Фатехович – д-р психол. наук, профессор кафедры общей и юридической психологии Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. E-mail: valiye@gmail.com

ЗЫРЯНОВА Ирина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Байкальского государственного университета (г. Иркутск). E-mail: irina_zyr@mail.ru

КАЛОШИНА Татьяна Юрьевна – канд. социол. наук, доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом Новосибирского государственного аграрного университета. E-mail: kaloshinatu@mail.ru

КАСИМОВ Риза Ахмедзакиевич – канд. пед. наук, и.о. директора Вологодского областного центра медицинской профилактики. E-mail: kasimovra50@yandex.ru

КЕЖУТИН Андрей Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета (г. Нижний Новгород). E-mail: kezhutin@rambler.ru

КЛЕЙМЕНОВ Михаил Петрович – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; профессор кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: klim798@mail.ru

КОНЕВ Кирилл Александрович – канд. ист. наук, ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета, зав. отделом рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: konev-k-92@rambler.ru

ЛЕБЕДЕВ Николай Юрьевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. E-mail: lebedevnu@rambler.ru

ЛЕБЕДЕВА Юлия Вениаминовна – канд. психол. наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск). E-mail: lebedeva28031973@rambler.ru

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Валерьевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой языков массовых коммуникаций, ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: leotany@mail.ru

- ЛЕПИНА Татьяна Геннадьевна** – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (г. Курск). E-mail: lepina2813@mail.ru
- ЛЕСНЯК Марина Валерьевна** – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). E-mail: mvlesnyak@sfsedu.ru
- ЛЫДИН Николай Николаевич** – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: Intel80486@yandex.ru
- ЛЫФЕНКО Дмитрий Валерьевич** – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. E-mail: lyfenkoDV@tksu.ru
- МАШКОВЦЕВ Андрей Анатольевич** – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории и политических наук Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: wikma116@rambler.ru
- МАШКОВЦЕВА Виктория Вячеславовна** – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: wikma116@rambler.ru
- МИРОШНИКОВ Сергей Николаевич** – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: Smiroshnikov64@mail.ru
- МОКИЕНКО Валерий Михайлович** – д-р филол. наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета; ведущий научный сотрудник кафедры языков массовых коммуникаций Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: mokienko40@mail.ru
- НЕСТЕРОВА Наталья Георгиевна** – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: nesterovatomska@mail.ru
- НИКОЛАЕВ Егор Николаевич** – младший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск). E-mail: nikolaev.ykt@gmail.com
- ОБДАЛОВА Ольга Андреевна** – д-р пед. наук, профессор кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов Томского государственного университета. E-mail: o.obdalova@mail.ru
- ОГАНЕСЯН Тигран Давидович** – доцент кафедры международного права Дипломатической академии МИД России (г. Москва). E-mail: t.oganesian@mail.ru
- ПЕТРОВ Виктор Петрович** – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: tunguska81@gmail.com
- ПЛЕТНЕВА Людмила Михайловна** – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета. E-mail: pletnva@bk.ru
- ПОПОВА Евгения Владимировна** – канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: iam.e.popova@yandex.ru
- РАГОЗИНА Алена Владимировна** – аспирант кафедры английской филологии Томского государственного университета. E-mail: RagozinaAlena@yandex.ru
- РАДАЕВА Светлана Викторовна** – канд. пед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта Томского государственного университета. E-mail: Svetlanaradaeva70@mail.ru
- РЯХОВСКАЯ Татьяна Ивановна** – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск). E-mail: dnight@mail.ru
- САБАЕВА Юлия Сергеевна** – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: juliyasab2014@mail.ru
- СКРЯБИН Максим Александрович** – канд. физ.-мат. наук, аналитик Центра психометрики и измерений в образовании Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: maxim.skryabin@gmail.com
- СОСУНОВСКИЙ Вадим Сергеевич** – ст. преподаватель кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Томского государственного университета. E-mail: vadim14sergeevich@gmail.com
- ТОВКАЛЕНКО Анна Анатольевна** – магистрант кафедры иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) E-mail: tovkalenko.anna@gmail.com

ТОЛСТОВА Ирина Эдвиновна – канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой кадровой политики и управления персоналом Новосибирского государственного аграрного университета. E-mail: irina_edvin@mail.ru

УГЛАНОВА Ирина Львовна – младший научный сотрудник Центра психометрики и измерений в образовании Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: iuglanova@hse.ru

УСТЮЖАНЦЕВА Ольга Валерьевна – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: olgavust@gmail.com

ФАНТРОВ Павел Петрович – канд. полит. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Волгоградского государственного университета. E-mail: pavelfantrov@volsu.ru

ФЕДЕРЯКИН Денис Александрович – младший научный сотрудник Центра психометрики и измерений в образовании Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: dafederiakin@hse.ru

ЦИНЬ Хэ – аспирант кафедры межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: qinhe2018@yandex.ru

ЧАГИНА Анастасия Петровна – ст. преподаватель кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного университета. E-mail: liolio@list.ru

ШЕРЕМЕТЬЕВА Зинаида Викторовна – канд. филол. наук, ассистент Академического департамента английского языка Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: sheremeteva_zv@dvfu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2021. № 465. Апрель

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.04.2021 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34. Усл. печ. л. 31,6. Тираж 50 экз.
Заказ № 4750. Цена свободная.

Дата выхода в свет 19.08.2021 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru